

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НОВЫЕ ТЕКСТЫ
ПЕРЕПИСКИ ВОЛЬТЕРА

ПИСЬМА
К
ВОЛЬТЕРУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1 9 7 0

ПИСЬМА К ВОЛЬТЕРУ

ACADEMIE des SCIENCES de l'URSS
INSTITUT d'HISTOIRE de l'URSS · SECTION de LENINGRAD

TEXTES NOUVEAUX
de la CORRESPONDANCE de VOLTAIRE

•
LETTRES à VOLTAIRE

PUBLIÉES PAR

V. S. LUB L I N S K Y

EDITIONS « NAUKA »
SECTION de LENINGRAD
L E N I N G R A D

1 9 7 0

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР · ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

НОВЫЕ ТЕКСТЫ
ПЕРЕПИСКИ ВОЛЬТЕРА

•

ПИСЬМА к ВОЛЬТЕРУ

ПУБЛИКАЦИЯ, ВВОДНЫЕ СТАТЬИ
И ПРИМЕЧАНИЯ

В. С. ЛЮБЛИЦКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО « НАУКА »
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД

1 9 7 0

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. И. ДОВАТУР

НОВАЯ СЕРИЯ ТЕСТОВ ВОЛЬТЕРОВСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

Как предусматривалось при издании «Писем Вольтера»,¹ за ними должны были непосредственно последовать дальнейшие выпуски, посвященные новым письмам к Вольтеру, текстологическим поправкам к письмам уже изданным, возможно более широкому исчерпанию рукописей архива Вольтера в составе его библиотеки и пр.

Настоящее издание является реализацией этого плана, но реализацией далеко не полной. Выход его в свет в ближайшие два-три года осуществить не удалось, а объединение всего материала в одном выпуске вместо намечавшихся нами двух-трех неизбежно потребовало отказа от исчерпания всех казавшихся нам необходимыми направлений розысков и публикаций.

«Письма к Вольтеру» выходят на много лет позже, чем нами было намечено, и это существенно изменяет само их назначение. Тогда они могли впервые ввести в научный оборот крупную массу текстов, к тому времени неизвестных. В те годы только разворачивавшееся издание «Переписки Вольтера» Теодора Бестермана еще не перевалило за рубеж середины XVIII в., т. е. за грань начала русского вольтерианства и все более оживленной корреспонденции Петербурга с Фернейским замком. И подобно тому как «Письма Вольтера» 1956 г. обогатили дальнейшие тома женеvского издания десятками достоверных текстов писем и сотнями надежных разночтений, точно так же (но только неизмеримо шире) советские материалы могли бы найти свое достойное отражение в томах, охватывающих годы работы Вольтера над «Историей России при Петре Великом», все полтора десятилетия оживленной переписки Вольтера с русской царицей, визитов русских путешественников в Ферне и т. д.

Ныне наша книга выходит после завершения монументального 107-томного женеvского издания. Оно явилось итогом продуманнейшей целеустремленности собирательства и розысков, необычайной библиографической осведомленности и блестящих органи-

заторских способностей страстного почитателя Вольтера — Теодора Бестермана — и четкого труда небольшого коллектива работников основанного им в Делис Института-Музея Вольтера. Не только «вольтерология» в узком значении, но общее литературоведение и специально история французской литературы XVIII в., а главное история (политики и культуры, дипломатии и войн, даже экономики и права, но, конечно, прежде всего история философии) получили в свое распоряжение несравненный по своим возможностям инструмент документации. 20 тысяч писем на протяжении трех четвертей века, с 1704 по 1778 г., из всех центров и глухих уголков Европы — и не только Европы! Мы радуемся возможности провозгласить это со всей возможной четкостью. Особенно потому, что на следующих страницах нам не раз придется не столько привлекать внимание читателя к достоинствам, сколько задерживаться на пристальном рассмотрении недостатков этого издания, погрешностей, неизбежных в столь обширном предприятии, осуществленном в рекордно сжатый срок, но, впрочем, и таких, которых можно было избежать.

Женевскому изданию естественно присущи особенно ощутительные пробелы и недостатки специально в русских элементах вольтеровской корреспонденции, а также и в отношении нескольких категорий писем, не связанных с русской тематикой. Одни из них были приобретены русскими коллекционерами, другие только недавно были обнаружены в советских архивохранилищах (среди них весь комплекс подлинников переписки с Екатериной II!), третьи сохранились в оригиналах или надежных копиях, а то и в авторских черновиках в собрании рукописей, привезенных вместе с Библиотекой Вольтера. Среди соответствующих писем в новом женевском издании небольшая часть воспроизведена на основании полученных из Ленинграда снимков, но многие оказались переизданными по старым, несовершенным изданиям или же по разному времени копиям, с величайшим усердием учтенным издателем во всех книгоохранилищах Европы и Америки. Это обстоятельство, правда, существенно сократило объем настоящей публикации, так как многое не могло более считаться «новым текстом» и безжалостно нами исключалось, если только подготовленные прежде тексты писем не безусловно требовали своего раскрытия непосредственно перед советским читателем или не расходились существенно с опубликованными на основе плохой или неполной традиции. (Однако оно отнюдь не сократило объема добавочной работы, так как, даже изымая многие десятки писем, мы каждое из них по возможности сличали с напечатанным в женевском издании и выявляли наиболее существенные отличия, а в отношении свыше 150 писем, прежде сверенных с изданием Л. Молана, как в «Письмах Вольтера», потребовалась новая сверка выявленных разночтений теперь уже с изданием Бестермана, входящим сплошь да рядом к совсем иным оригиналам). Но этим

относительным выигрышем вряд ли окупается та потеря для любого будущего исследователя, что теперь, когда «Письмам к Вольтеру» фактически выпала роль быть прежде всего «Дополнениями и поправками к *Voltaire's Correspondence*, edited by Th. Besterman»,² в отношении около 200 текстов (и притом почти в всех текстах, относящихся к России) исследователям придется чуть ли не в каждом соответствующем случае при пользовании женевским изданием сверяться с ленинградским; но и при чтении ленинградского издания обращаться к изданию женевскому придется гораздо чаще, чем то было бы удобно.

«Письма Вольтера» были сочувственно приняты как советскими, так и зарубежными специалистами и критикой. Именно поэтому нам необходимо было здесь начать с указания на то, в чем настоящий выпуск невыгодно отличается от прежнего.

Однако наряду с этими отрицательными моментами (а невозможность исчерпания отдельных фондов, о чем ниже, кажется нам недостатком злейшим, нежели невольная утрата публикаторского приоритета) нельзя упускать из вида и другие особенности «Писем к Вольтеру», которые позволяют считать их не менее существенным советским вкладом в мировое вольтероведение, а в ряде отношений и приписывать им особый интерес для наших историков.

В «Письмах Вольтера» разыскания сведений об отдельных документах, их публикация и восстановление правильного текста около трех сотен прежде изданных текстов сочетались с обследованием и описанием целых крупных комплексов корреспонденции (письма к Даржанталям, Бастильское «досье»); подобно этому и в настоящем издании наряду с публикацией около сотни изолированных документов и с поправками к изданным текстам еще вдвое большего числа писем монографически описывается целостный массив — и такой первостепенной значимости, как переписка Вольтера с Екатериной II.

Можно смело утверждать, что по обилию новых фактов, корреспондентов, персонажей, по литературной значимости восстанавливаемых особенностей стиля и сюжетов, по неожиданности многих уточнений содержание данного издания ни в чем не уступает «Письмам Вольтера».

Русская тема не раз звучала в «Письмах Вольтера», но все же лишь эпизодически проступая в многоголосье хора тех, с кем беседовал автор «Олимпии», историк Петра I, покровитель искателя карьеры — женева Пикте. В настоящем издании она звучит гораздо более властно и последовательно. Дело не только в количественном возрастании числа русских корреспондентов Вольтера и в большей устойчивости и регулярности их — подчас деловой и официальной — переписки с ним. Случилось так — и это было вполне закономерно в силу роста нового фактора буржуазного

самосознания — общественного мнения — в предреволюционной Франции, в силу новых идейных запросов передовых людей России, но также и в силу тактических задач русского абсолютизма на данном этапе его укрепления, — что российской самодержице весьма понадобилась репутация друга философов, крайне выгодно было использовать наиболее прославленного из них для пропаганды своей политики (а особенно ее якобы просветительского обличия), и она умело играла на этих струнах, а Вольтеру (и даже Дидро, и многим их соратникам) в условиях обострившихся гонений и преследований со стороны государственного аппарата и идеологических приспешников абсолютизма французского оказалось не менее выгодно афишировать и «поддержку» со стороны «Северной Семирамиды», и прогрессивность, либерализм, веротерпимость и просвещенность, если и не осуществлявшиеся, то усердно провозглашавшиеся с высоты русского престола.

Отсюда неослабный интерес к обмену посланиями между фернейским старцем и автором «Наказа» со стороны современников, ближайших и далеких потомков и со стороны исследователей наших дней, знающих о многом, о чем современники и не догадывались. В этом отношении факт обнаружения в 1955 г. подлинников этой знаменитой переписки (издававшейся сплошь по неисправным спискам!) говорит сам за себя, и при всех изъянах настоящей публикации отныне именно к ней будут восходить любые исследования ее текста, по крайней мере впредь до ее монографического обследования и академического полного издания.

Но отсюда же и неизбежная острая борьба вокруг вольтеровского влияния в России, борьба, о перипетиях и средствах которой до недавнего времени мы не знали почти ничего, если не считать явных вмешательств властей, церковников и цензуры во Франции XVIII в., или тех же сил, но, кроме того, и патристической историографии в России того времени. Было бы наивно полагать, что более или менее случайными нашими находками можно заполнить соответствующие лакуны, и мы далеки от подобного предположения; но вряд ли можно отрицать, сколь драгоценна каждая крупница новых свидетельств просветительных симпатий и антипросветительской неприязни, связанных с именем, образом и деятельностью Вольтера, а несколько таких крупниц нам посчастливилось подобрать и предложить вниманию читателей.

Не только облик петербургских друзей и недругов Вольтера дорисуют публикуемые нами материалы, есть здесь и детали хода турецкой войны, и немало неучтенных прежде персонажей.

По своему содержанию настоящий выпуск «Новых текстов переписки Вольтера» аналогично «Письмам Вольтера» распадается на несколько разделов, органически группирующих материал.

В разделе I публикуются новые тексты писем к Вольтеру, а в дополнении к ним — новые письма самого Вольтера, обнаруженные после 1956 г.

Ценность писем, с которыми знакомит читателя этот раздел, неоднородна. Здесь встречаются, конечно, и краткие записочки частного или чисто делового содержания, и изъявление вежливости, льстивого искательства или подлинного почитания, перемежаемые блесками — подчас чрезмерно щедрыми — тщеславия или светского рифмоплетства. Поскольку не решена еще — даже после Бестермана — задача полного воссоздания корпуса вольтеровской переписки, пренебречь и этими, пусть относительно легковесными документами совершенно невозможно, тем более что и они почти в любом случае открывают нам либо совсем новых участников вольтеровского общения (и не вовсе им пренебрегаемых, поскольку их письма сохранялись в фернейском архиве), либо житейские факты, конкретность дат и адресов, т. е. то, чего еще столь недостает для конструирования летописи дел и дней писателя. Но даже чисто количественно такие письма не составляют большинства. Зато каким полновесным вкладом ложатся обильные свидетельства идейной близости и взаимного уважения, связывавшие образованнейших русских деятелей с Вольтером, как обогащает историка картина активного собиранья Вольтером подлинных документов, на которых он строит, например, обличение абвильской трагедии — судебного убийства Ла Барра, защиту Эталлонда, проверяет убежденность в невинности генерала Лалли, тщательно режиссирует реабилитацию доброго имени Сирвсна. При этом архив Вольтера доносит до нас не только отдельные отклики, показания или признания, но и обстоятельную разработку тактики судебной защиты — огромное письмо адвоката Эли де Бомона (№ 24), обстоятельнейший мемуар о военных действиях в Индии и руководстве ими со стороны Лалли (Приложение), бесхитростную, но тем более конкретно-обстоятельную повесть о бедствиях (№ 21) взбалмошной и недалекой провинциальной аристократки — тетки кавалера де Ла Барра. Эта повесть г-жи Фейдо де Бру, настоятельницы монастыря, равно поучительно обрисовывает как безжалостно методичную расправу архиепископской администрации с виновниками упадка благочестия, связываемыми с «тлетворным веянием вольнодумства» среди молодежи, так и то полнейшее омирщение всего мышления и быта, ту кастовую дворянскую ограниченность, которые лучше любого антиклерикального памфлета характеризуют глубокий упадок религиозности. Здесь нет надобности анализировать или даже иллюстрировать проблему диапазона активного влияния Вольтера, эксплуатируемого его художественного или идейного авторитета, сеньориального покровительства, великосветских или административных знакомств и связей, наконец, личного обаяния; о значении каждого нового письма как документа для

объективного воссоздания масштабов и степени интенсивности этого вольтеровского воздействия на современное ему общество мы имели случай высказаться именно по поводу вновь всплывающих на поверхность писем к Вольтеру еще два десятка лет тому назад, в сборнике «Вольтер», изданном в 1948 г. к 250-летию со дня рождения Вольтера. Русский вельможа и молодой отпрыск захудалого бретонского твердолобого дворянства, вольнодумный аббатик и итальянский эрудит, офицер провинциального гарнизона и ученый нотариус, для которого критика библии стала средоточием жизненных интересов, — все они выступают на наших страницах, пополняя подчас далеко не бледными штрихами отвлеченную схему распространения «Просвещения», истолковываемого как проявление то специфически буржуазной, то дворянски-капиталистической или, напротив, радикально-плебейской идеологии.

Ради удобства в отдельный ряд — Дополнений к «Письмам Вольтера» — внутри раздела I выделено несколько писем, найденных или выявленных после 1956 г. (помимо писем к Екатерине II, относимых в соответствующий — третий — раздел книги). Писем этих немного, но свое значение они имеют. Никаких даже подозрений о каких-то деловых связях с польским магнатом князем Яблоновским доньше не возникало; мы публикуем всего две малые записочки, но они раскрывают нам часть целого механизма сношений Вольтера с Дрезденом (и Лейпцигом), столь важных для истории — доньше не написанной — издания его трудов Георгом Вальтером.* Отлично было известно и о брюссельских тяжбах маркизы Дю Шатле, и о поклонах президенту Дюре де Меньер, и о дружественной переписке Вольтера с г-жой де Меньер в шестидесятых и семидесятых годах; пять писем Вольтера к президенту за 1740—1752 гг. раскрывают перед нами гораздо большую близость между ними, вводят новых персонажей брюссельских интриг, насыщены и философскими, и литературными выпадами.

Раздел II посвящен переписке с одним единственным корреспондентом и, в отличие от всех прочих разделов обоих выпусков, пытается не только ввести в оборот совсем неизвестные тексты переписки с ним (их к 1966 г. втрое меньше, чем было в 1956-м) или восстановить правильную редакцию текстов публиковавшихся, но и реконструировать как весь ход переписки, так и всю археографическую картину сохранившейся документации. Это потому, что корреспондентом Вольтера в данном случае была та, которую он величал «Полярной Звездой», «своей» Императрицей, Екатериной, затмившей святых Екатерин — Сьенскую и Александрийскую, и т. д. (а за глаза, иногда, впрочем, вымары-

* M. Fontius. Voltaire in Berlin. 1966.

вая это даже в доверительных письмах к Даламберу, — «Cateau», что имело оттенок куда более поносный, чем просто «Катька», ибо воспринималось как трактирная служанка далеко не безупречного поведения). Вряд ли могут возникнуть сомнения в оправданности подобного выделения этой части эпистолярного архива и наследия Вольтера, а специфический интерес этой документации для историков нашего отечества очевиден. Поэтому читатель здесь найдет вводный очерк о составе и характере переписки и о ее издательской и переводной традиции, а также об обстоятельствах обнаружения ее подлинников. Разумеется, историография вопроса и стилистический анализ выходили бы за рамки этого очерка, и мы не пытались также монографически осветить все значение этой переписки как факта публицистического, творческого, дипломатического и просто биографического в жизни и среди других областей деятельности как Вольтера, так и Екатерины II. Мы думаем, что найдутся желающие проделать такое исследование на нынешнем уровне знаний и во всеоружии подлинно научной методологии, и надеемся, что вносимое здесь улучшение текстологии будет им полезно. По соображениям структурным справки об отдельных письмах и поправки к их текстам в издании Бестермана вынесены за пределы данного раздела II (они попадают в Хронологический обзор, раздел V). Зато разделу II приданы справка Т. Бестермана о всех зарубежных комплексах подлинников и особенно копий данной переписки и подробная сводка сведений о составе, расположении и следах обработки основного — московского — фонда оригиналов писем Екатерины II к Вольтеру, копий его ответов и т. д.

С разделом III мы не покидаем русской, точнее, петербургской, почвы. Центральным документом этого раздела является доньше не только не опубликованный, но даже и вовсе никогда не упоминавшийся антивольтеровский памфлет, уже охарактеризованный нами (стр. 8) как орудие борьбы с вольтеровским влиянием в столице России в тот самый момент, когда протезируемый Вольтером «великан» — женевец Пикте — уже начал реализовывать свои мечты: он уже обратил внимание царицы на себя как автора одной из первых реляций о перевороте 1762 г., он уже неофициально признан каналом для информации Вольтера о видах императрицы, активно афиширует свою близость с философом и довольно нагло требует присылки новинок из Ферне, которые бы укрепили высокое мнение о нем русского двора. Кресало и огниво уже приведены в действие, выбиты первые искры, нужен трут, и его вскоре начнут усердно раздувать — так к середине 1763 г. завяжется словно шутя и полуанонимно (вместо царицы выступит сперва ее «библиотекарь», вместо Вольтера — «племянник аббата Базена») знаменитая переписка. И вот тут-то делается попытка конфисковать или во всяком случае основательно подмочить этот трут: дискредитировать и женевского бо-

гохульника, непочтительного к властям предрержащим, и заодно и его агента — Пикте. Хотя по каким-то нам пока неясным причинам механизм не сработал, памфлет либо вовсе не был пущен в обращение, либо имел обращение самое краткое и узкое (сохранился он, по-видимому, единственно в портфелях Миллера), «Письмо г-на *** к г-ну ***» — документ незаурядный и освещающий такие стороны общественной борьбы 1763 г., которые донныне были недостаточно известны. Пройдет 10 лет, и вот в январе 1773 г. (мы можем теперь это услышать) один из академиков читает перед другими хлесткую отповедь Вольтеру, осмелившемуся в несерьезной манере предложить вниманию царицы некоего инженера, изучающего процессы таяния ледников. Маленькая сценка, трехминутный скетч, но как она показательно выдает антивольтеровские настроения! Если не может быть сомнения в том, что не они являлись господствующими или ведущими в формировании русской общественной мысли, если одни даже вновь печатаемые письма Шувалова, Воронцова, Салтыкова и других, дополняя множество прежде изданных, рельефно определяют именно просветительские симпатии, то несколько кратких цитат из переписки 1753 г., приводимых нами в этом разделе, обрисовывают, как нам кажется, «друзей Вольтера» в Петербурге задолго до официального курса на просвещенную монархию.

В этой же связи подчеркнем снова чисто источниковедческий момент. В издании Молана было 52 письма Вольтера к И. И. Шувалову за 1757—1762 гг.; в издании Бестермана таких писем уже 57; нынешняя публикация в свою очередь ощутимо повышает нашу документацию об этой линии фернейско-петербургских связей. Аналогичные данные можно было бы привести и в отношении А. Р. Воронцова, да и нескольких других русских корреспондентов.*

Наконец, в разделе IV, где в свою очередь русские пружины играют ощутимую роль (ведь речь идет о Ваньере, т. е. устроителе вольтеровской библиотеки в Эрмитаже, пенсионере русской императрицы, протеже русских дипломатов, да к тому же в связи с выполнением им своеобразного заказа Екатерины — критики Кельского издания, к которому Бомарше и Кондорсе не только не привлекли бывшего вольтеровского секретаря, но даже вообще издавляя его не подпускали), наше основное внимание привлекают все же не эти русские связи. На первый план выступает, с одной стороны, сама фигура секретаря великого человека, сильно блекнущая с ходом времени и особенно жалкая, когда мы видим его в годы Революции напуганным и беспомощным мэром поневоле коммуны «Ферне—Вольтер», с другой же стороны — несомнен-

* По недосмотру составителя указателя в 102-м томе женевского издания два русских корреспондента Вольтера — Д. М. и Д. А. Голицыны — оказались синтезированными в одно лицо.

ная высокая ценность его добавлений и поправок к томам Кельского издания по мере выхода их в свет. Отсюда и заглавие раздела — «Ваньер и текстологическое значение его замечаний на Кельское издание сочинений Вольтера».

Раздел V — Хронологический обзор. Если соответствующий раздел в «Письмах Вольтера» был прост по своему построению, ибо охватывал только одного адресанта, то здесь мы после колебаний тоже предпочли единый ряд, несмотря на то что он объединяет как письма к Вольтеру, так и переписку третьих лиц, связанную с Вольтером, но также и письма самого Вольтера (если новых текстов таковых мы публикуем в других разделах немного, то в обзор входит большое число черновиков и копий, учтенных в составе рукописей Библиотеки Вольтера). В подавляющем большинстве случаев справки о местонахождении документа или о его прежних русских публикациях удалось сопроводить данными о разночтениях или о дефектах текста по изданию Бестермана. Число документов, охваченных этим хронологическим обзором (321), достаточно велико, чтобы он стал одним из инструментов, незаменимых при любых будущих исследованиях, базирующихся на текстах вольтеровской корреспонденции.

В особый раздел «Приложений» выделено несколько текстов, несомненно заслуживающих внимания как вольтероведов, так и читателей других специальностей, но нелегко поддававшихся включению в основные разделы. Часть из них, являясь несомненно письменным обращением к Вольтеру, воплощена в форму стихотворений и, несмотря на свою автографичность, не раскрыла до сих пор ни времени написания, ни личности автора. (Сама по себе поэтическая форма датированных и подписанных писем к Вольтеру не препятствовала включению их в раздел I). Другие по своему объему слишком выпадали из обычного разряда писем или представляли преимущественно интерес не с эпистолярно-биографической, но с юридической, военно-исторической или литературной точки зрения; в этих случаях, в отличие от основной системы, перевод естественно заменялся кратким резюме.

Наконец, в интересах читателей предложен ряд исправлений и уточнений по «Письмам Вольтера», замеченных составителем или подказанных ему критикой.

В какой мере можно считать нашу задачу решенной? Не нам судить о качестве ее выполнения, о рациональности подхода или об удобстве построения того пособия для изучающих Вольтера, каким должно явиться предлагаемое здесь издание. Но о тех ограничениях, которые мы себе ставили сами или перед которыми нас заставил отступить недостаток времени и сил, сказать нашему читателю необходимо.

Разумеется, он предпочел бы, чтобы ему было в той или иной мере гарантировано, что данная работа на некий определенный

момент фиксирует а) всю мыслимую полноту дополнений и поправок к изданию Бестермана, которая достижима на основании советских материалов; б) исчерпывающий обзор всех оригиналов и копий, черновики и чистовых подлинников вольтеровской переписки, находящихся на территории СССР и уж во всяком случае в составе рукописей Библиотеки Вольтера.

Составитель «Новых текстов переписки Вольтера» тоже предпочел бы такое, кардинальное и итоговое, решение своей задачи. Оно оказалось ему не по плечу. Систематическое обследование архивов — и притом де-визу — в столицах союзных республик и периферийных университетах и музеях потребовало бы еще годы работы, суля находки, хотя и весьма заманчивые, но количественно скудные, и тем самым задержало бы надолго публикацию, в основном завершённую десятилетие тому назад и без того слишком затянувшуюся. Проработка же всего вольтеровского архива в Отделе редкой книги Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина означала отнюдь не просто сверку «Инвентаря» Ф. Косси с новым женевским изданием: в десятках, если не сотнях, случаев нужно было разгадку подлинных авторов писем, времени их написания и т. п. продвинуть значительно дальше и глубже, чем это удалось провести в немалочисленных, впрочем, и далеко не самых легких случаях, отраженных в настоящей книге. Вероятно, даже по документации Вольтера в связи с защитой им жертв судебных убийств или преследований, по которым мы выбрали немало существенного, будущие исследователи обнаружат кое-что нами упущенное или краткости ради опущенное.

Вообще говоря, рассечение подобранных Ваньером архивных материалов на эпистолярные и внеэпистолярные — занятие не только очень сложное, но, пожалуй, даже малополезное и надуманное. Фонд действительно требует основательного изучения, текстологической сплошной сверки, выявления множества анонимных стихов, выписок и т. п. и научного описания. Это было бы одним из органических продолжений начинания Отдела редкой книги — Каталога библиотеки Вольтера, высокая полезность которого заслужила всеобщее единодушное признание. Нужны, разумеется, и другие его продолжения, в первую очередь «Корпус маргиналий», т. е. полный свод читательских помет Вольтера на книгах его библиотеки.* Надеясь, что этот почетный долг советских библиотечарей тоже будет выполнен (а тем самым покроется и наша задолженность в отношении неохваченных писем). Следует, впрочем, оговорить, что два больших комплекса — вся корреспонденция с Фридрихом II (как в свое время основательно изданная

* Издание Корпуса маргиналий Вольтера готовится Государственной публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина совместно с издательством Академии Наук ГДР. (Прим. редактора).

Козером и Дройзенем) и весь обширный подбор переписки с г-жой Дени (близость с которой недавно обрисовала изданная Т. Бестерманом коллекция писем «*Lettres d'amour de Voltaire à sa pièce*», Genève, 1957) — были нами заранее исключены из обследования и из состава выпуска «Новых текстов» в его нынешнем, сокращенном виде (фотокопии всех этих материалов были своевременно предоставлены Т. Бестерману).

Конечно, можно поручиться, что новых неизвестных автографов Вольтера мы не обнаружили при просмотре другого замечательного советского фонда, исключительно богатого документами французской литературной истории, особенно XVIII в., — собрания Г. В. Орлова в Государственном Историческом музее в Москве. Эта коллекция, не раз уже обогащавшая советские публикации, все еще ждет своего детального описания или хотя бы компетентного обзора. Беглый просмотр свыше двух десятков картонов, занявший у нас несколько дней, убедив в малой вероятности обнаружения документов, писанных рукой Вольтера или признанных его автографами при крайне поверхностной классификации (т. е. подборе по алфавиту отправителей) фонда в 1930-х годах, сопровождавшийся самыми общими аннотациями, отнюдь не привел нас к уверенности, что в фонде Орлова нет писем (неидентифицированных), адресованных Вольтеру. А что касается писем, учесть и даже опубликовать которые было бы безусловно необходимо в силу того, что в них упоминается (прижизненно) Вольтер, его деятельность и литературное творчество, то мы именно убеждены, что таких писем здесь множество, и лишь сожалеем, что не смогли их выявить и включить в данное издание. Да и может ли быть иначе? Ведь Орлов собирал автографы страстно, использовал как консультацию, так и собственные сборы таких знатоков дела, как Амори Дюваль, и в картонах то и дело мелькают документы людей, тесно с вольтеровским окружением связанных. Ввиду совершенно недостаточного знакомства даже прямых специалистов с этим золотым дном проиллюстрируем сказанное несколькими (совершенно выборочными!) примерами. Обращаясь к некоему Мон Ринсе, Гримм 8 октября 1791 г. пишет из Турне о предстоящем назавтра отъезде в Париж, а 31 октября ожидает уже в Париже пакета от Екатерины II, который привез Румянцев. Галиани пишет Сюару 24 ноября 1770 г. о русско-турецких отношениях, а 14 июля неизвестного года и невыясненному адресату об отношении к нему энциклопедистов. Минуем на букву «Н» Аппонкура (Narponcourt, отца г-жи Графиньи), Галлера (Haller, письма 1760 и 1765 гг.), г-жу Удето (Houdetot, письмо Борду) и даже Генриха Прусского, который, впрочем, 1 августа 1785 г. пишет о трактате Морелле и о его приеме в Академию; но на письме Гельвеция от 23 апреля 1762 г., в котором речь идет о книге Буланже, невольно задержимся. Библиотекарю Св. Женевьевы (= Мерсье) Жамэ высылает «процесс

Вольтера» (с Травенолем); Лалли-Толандаль представлен, правда, письмами 1820-х годов, но связаны эти письма с реабилитацией его отца (о чем см. выше и особенно на стр. 394 сл.); артист Лекэн шлет кому-то 21 октября 1769 г. трагедию Вольтера; множество бумаг г-жи Графиньи, а также писем к ней, в том числе 12 марта 1751 г. с предложением срочно обратиться к аббату Прево для продолжения «Клариссы Гарлоу» (перевод), три письма Мальзерб, 124 страницы писем г-жи де Меньер (см. ниже, стр. 163), в том числе к г-же Графиньи и к Де Во; Рипер-Монклар, аббат Морелле, Пален (о приезде маркиза Ламбера в Россию в 1794 г.), легкомысленные записочки дочери регента сердцееду Ришелье, столь часто сопутствующему вольтеровской биографии, но рядом Записки о рукописях, рекомендованных историком президентом Эно, и письмо к отцу Мерсье о предстоящем обсуждении списка редких книг; Райналь и мадам Риккони, Руссо (опубликованные письма); декоратор Вольтера Слодц; покровитель Вольтера — Станислав Лещинский — пишет одному из его приятелей — Де Во; письмо «барона де Секонда» 19 II 1751 г. (т. е. Монтескье); любовное письмо Софи Мунье заключенному в Венсенском замке Мирабо; Сен-Ламбер из Нанси пишет г-же д'Удето, Сабатье де Кастр в 1766 г. сообщает Ботевилю о «*Dictionnaire des négatifs*»; поэт Тома благодарит за присылку похвального слова Гельвецию; Вуазенон, Виллазон (о Молдавии); герцог Ла Вальер и опять г-жа Графиньи с неизбежными сплетнями о Сире . . . Мыслимо ли, чтобы среди такого рода переписки таких корреспондентов внимательный публикатор не нашел заслуживающей внимания информации по поводу Вольтера?

Нам кажется, что порой даже после «Короля Вольтера» де Уссэ мы не вполне воспринимаем, как внимание современников постоянно вновь и вновь привлекалось к автору Заиры. Подтвердим это двумя новыми примерами.

В Публичной библиотеке в Ленинграде мы обнаружили никого со времен Сухтелена не заинтересовавший конволют, составленный в Париже в сентябре 1767 г. из 35 брошюр, на каждой из которых имеются пометки двух разных лиц и точные — до месяца и даже числа — справки о моменте их выхода в свет.³ Так как брошюры эти сплошь связаны с вольнодумством и цензурными запрещениями («*Critique des ouvrages contre la religion et autres*»), эти данные представляют значительную ценность. Даже вне общего круга вопросов антицерковного движения и борьбы с ним сейчас нельзя не отметить, что сборник начинается с вольтеровского «*Précis de l'Ecclésiaste. . . A Geneve chez les Freres Crammer MDCCLIX*», печатный текст коего заканчивается на 24-й странице словом «FIN», а затем следуют 4 рукописных страницы продолжений. Уже эта первая книжечка, снабженная пометкой «*Du mois de Aoust 1759*», в двух отношениях опровергает данные библиографии Bengesco (№ 625, «*certainement au commencement*

de septembre»). Посмотрим в той же библиотеке другое (франкфуртское того же года) издание этого же вольтеровского «Précis»: и оно должно бы соответствовать Vengesco 622, а ему не соответствует! Словом, немало еще не учтенного интереса современников к Вольтеру, благодаря которому сохранились неучтенные варианты его изданий (а стало быть, показатели бóльшей, чем представлялось, интенсивности их распространения!). Заглянем в совсем иную сферу, хорошо знакомую, пожалуй, лишь историкам театра. В 1956 г. Линдберг издал в Упсале «Путешествие по Европе в 1758—1762 годах» Бенгта Феррнера (по стокгольмской рукописи — Cod. Holm. M. 239).⁴ Эти поучительнейшие для истории науки и искусства записки, как кажется, всего менее интересовали вольтероведов; автор их вовсе не присяжный «просветитель» и не поэт. Но, едва попав в Париж, он 15 октября 1760 г. смотрит «Магомета», 18-го — «Семирамиду», 29-го — «Меропу», а 2 ноября — «Шотландку». В конце декабря он рассуждает о вольтеровской манере писать на французский лад русские имена: прочтена «История Петра Великого». В январе 1761 г. он посетил спектакли «Заиры» — 3-го, «Альиры» — 17-го, «Герцога Фуа» — 19-го, а 26-го — «Танкреда»: театр был набит до предела, «пьеса считается лучшей из пьес Вольтера». Афишу «Альиры» он обнаружил на прогулке в Булонском лесу. А 8 июля 1761 г., посмотрев «улучшенную Вольтером пьесу Гранж-Шанселя» — трагедию «Орест», он признает, что ни один спектакль не потряс его так сильно, как этот.

Нам представляется, что и пестрая мозаика писем и отдельных текстовых деталей ценна не столько по автономной значимости каждого изолированного элемента вольтеровской переписки, сколько в качестве инструмента приближения к полному и живому воссозданию действительности, т. е. личности и общественной жизни Вольтера и его окружения. Это отнюдь не означает, будто в издании данного типа уместно с этой точки зрения комментировать каждый намек, каждое действующее лицо или каждую ситуацию и давать хотя бы важнейшие сопоставления с другими, прежде опубликованными высказываниями Вольтера. Мы убеждены, что именно так следует издавать вольтеровские маргиналии. Но здесь мы решительно воздерживаемся от чего-либо подобного и справки по содержанию и значению письма или его реалий сводим к случаям предельной необходимости.

По отношению к письмам Вольтера система расположения элементов описания, основные сокращения и прочие особенности аппарата — те же, что и в публикации 1956 г. Переводы в подавляющем числе (если это специально не оговорено) выполнены нами заново. Для писем русских адресантов из России дата приводится по старому стилю с добавлением (в скобках) нового стиля. В отношении писем из России иностранцев отнесение даты к тому или другому летосчислению может быть спорным. В отно-

шении корреспонденции между русскими, датируемой из-за границы, даты условно отнесены к новому стилю. Для остальных материалов применены обычные археографические правила.

Пополнению выпуска новыми текстами любезно содействовали Г. Д. Иоффе, К. А. Майкова, М. Ф. Мурьянов. Сверкой множества документов Библиотеки Вольтера с изданием Молана, а также выявлением ряда воронцовских материалов составитель обязан большей работе И. С. Шарковой, проведенной при подготовке книги к изданию. Разумеется, у руководителей и хранителей рукописных собраний, особенно в ЦГАДА, в Отделе редкой книги ГПБ, в ЛОИИ, Архиве АН СССР, Библиотеке СССР им. В. И. Ленина, ГПБ и БАН, мы всегда находили полнейшее понимание и неоценимую помощь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новые тексты переписки Вольтера. Письма Вольтера. Публикация, вводные статьи и примечания В. С. Люблинского. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1956, стр. 9, 11, 369 сл., 380, 391 сл., 416.

² *Voltaire's Correspondence* edited by Theodore Besterman. Institut et Musée Voltaire. Les Délices, Genève; первый том вышел в 1953 г., издание переписки заканчивается на дате смерти Вольтера 98-м томом, выпущенным в 1965 г. (Тома 39 и 40 были отведены под указатели ко всему дофернейскому периоду; указатели в томах 99—102 мы смогли использовать лишь частично, основной общий указатель в томах 103 и следующих вообще не был в нашем распоряжении).

³ Конволют этот объединен титульным листом, выполненным по графурету: *Critique des ouvrages contre la religion et autres. A Paris. Relié au mois de septembre MDCCLXVII*, хранится под шифром 17.22.4.12¹⁻³⁵.

⁴ Bengt Ferrner. *Resa i Europa 1758—1762*. Utgiven av Sten G. Lindberg. Uppsala och Stockholm, 1956.

Декабрь 1967 г.

Раздел I

Письма к Вольтеру Письма Вольтера (Дополнения)

В 1935 г. П. А. Картавов передал мне листок, содержание которого воспроизводится ниже. Листок размером 20.5 × 16.5 см явно вырезан ножницами из тетради, однако, как показывает подсчет сумм,* в отрезанной последней графе счетов за 14—31 марта (на обороте листка, см. стр. 20) никаких цифр не стояло. Записи расходов по обеим половинам марта 1759 г. введены рукой секретаря, которую мы признали за руку Ваньера; заверка счета 14 марта сделана г-жой Дени.

1759	Ports et affranchissements de Lettres	Fl<orins>	S<ous>	d<eniers>
Mars				
le 1 ^{er}	P<ou>r port	3	3	—
le 2	p<our> port	4	6	—
le 3 ^e	p<our> port	3	2	—
le 5 ^e	pour port	8	6	—
le 6 ^e	pour port	3	6	—
le 7 ^e	p<our> port	3	3	—
le 8 ^e	pour port	2	6	—
le 9 ^e	pour port	1	—	—
le 10 ^e	pour port	8	1	—
le dit	p<our> aff<ranchissage> d'une Lettre p<our> Bareith . .	1	10	6
le 12	p<our> port	11	6	—
le 13	p<our> port	3	10	
		54	11	6
		35		
		19	11	6

païé et areté ce compte qui Se
monte a 20 florins donné davance
50 florins ce 14 mars 1759

* При подсчете следует учесть, что флорин=12 су, а су=12 денье.

1759	Ports et affranchissages de Lettres	Fl<orins>	S<ous>	[Обре- зано]
Mars				
le 14	pour affranchir une lettre p<ou>r vienne et Peters- bourg	5	3	
le dit	pour port	5	11	
le 15	p<ou>r port	2	2	
	le 16 p<our> port	3	9	
	le 17 p<our> port	4	11	
	le 19 ^e pour port	5	4	
	le 20 ^e p<ou>r port	3	6	
	le 21 ^e p<ou>r port et af- franchiss<ages> p<ou>r Ba- reith et Rome	6	7	
	le 22 ^e pour port	3	2	
	le 23 ^e pour port	4	6	
	le 24 ^e p<ou>r port	7	6	
	le dit p<ou>r affranchissage d'une lettre p<ou>r Lond- res	2	4	
	le 26 ^e pour port	4	9	
	le 27 ^e p<ou>r port	12	2	
		<hr/>	71	10
donné pour Madame		5	3	
		<hr/>	77	1
	le 28 ^e p<ou>r port	1	6	
	le 29 ^e p<ou>r port	4	10	
	le 30 ^e p<ou>r port	1		
		<hr/>	84	5
	le 31 ^e p<ou>r port	5	7	
		<hr/>	90	—
	sur ce reçu de m ^{ll} e maton 35 ^{ff} 7 Š. outre les 50 ff par m ^e en tout	85	7	
		<hr/>	4	5
redu ff.		4	5	

Как нам уже приходилось указывать,* ценность этого листка в том, что он позволяет, хоть и косвенно, судить об истинных размерах вольтеровской переписки за вполне конкретный срок и одновременно о том, сколь незначительная ее часть дошла до нас. Двадцать лет тому назад эти записи можно было слышать лишь с изданием Л. Молана, и картина получалась весьма выразительной.

Листок фиксирует почтовые расходы Вольтера (проживавшего в марте 1759 г. то в Делис, то в Турне) за каждый день, кроме воскресений. Минимальный расход, равный 1 флорину, приходится на 9 марта, наибольший — 12 флоринов 2 су — на 27 марта.

В среднем на выкуп корреспонденции, приходившей на имя Вольтера, уходило в день около 5.2 флоринов. Поскольку отсутствуют названия городов, откуда письма прибывали (а тарифы зависели от расстояний), мы оказываемся лишенными возможности даже приблизительно подсчитать хотя бы количество получаемых писем, не говоря уже о том, что трудно отождествлять письма, поступившие в данный день, с определенными известными письмами к Вольтеру. Если даже включить те из них, которые отправители датировали последней неделей февраля, то на основании издания Л. Молана можно насчитать всего 6 писем, полученных Вольтером в марте, причем лишь одно из них, на основании ответа Вольтера Шовелену 14 марта (Mol. 3804, Best. 7470), мы решились связать с датой отправки 9 марта.

И все же можно было наметить контуры в среднем 2—3 писем, приходящих в Делис ежедневно. Завесу отчасти приподнимают расходы на франкировку (*affranchissements*) писем, адресатов коих предпочитали не затруднять их выкупом. Так, 10 марта почте платят за одно письмо в Байрейт 1 флорин 10 су 6 денье, 14 марта — «за одно письмо в Вену и Петербург» 5 флоринов 3 су; 24 марта — за одно письмо в Лондон 2 флорина 4 су; кроме того, 21-го числа общие затраты на выкуп пришедшей почты и на франкировку писем в Байрейт и Рим составили 6 флоринов 7 су. Заметим, что почта была не единственным путем доставки корреспонденции: женевские и даже лионские друзья, дипломаты, банкиры и издатели имели немало других средств пересылать записочки и векселя, а сколько писем и посланий привозили с собой путешественники, прибывавшие издалека! Как бы то ни было, менее 45—55 «входящих» единиц корреспонденции никак быть не могло, а Молан знает из них всего 5! При этом ни одно из пяти «исходящих» писем, конкретно нам здесь указанных по месту назначения, не сохранилось до наших дней, по крайней мере в кол-

* Сб. «Вольтер», 1948 г., стр. 375 сл. (где, между прочим, допущена совершенно необъяснимая ошибка с отнесением письма в Петербург к Страсбургу).

лекциях, известных Л. Молану, хотя он всего приводит целых 22 таких письма.

Теперь, когда Т. Бестерманом корреспонденция Вольтера охвачена с несравнимо большей полнотой, полезно заново сопоставить наш листок с донныне учтенным фондом переписки.

Мартовская датировка начинается для 1759 г. в издании Бестермана с № 7433 и заканчивается № 7521. Однако немало писем за этими номерами совсем и не проникало в жизненную сферу обитателя Делис и Турне: это письма третьих лиц, для нас весьма ценные по внутренней их связи с репутацией Вольтера, с его финансовыми операциями, с теми или иными поступками или литературными трудами, но безусловно не подлежащие оплате секретарем писателя. Таковы, например, №№ 7448—7451, 7454, 7455, 7466, 7483, 7492, 7493, 7506—7508, всего 13 номеров, к которым надо еще добавить исключенный издателем № 7447. Остается всего 75 писем, в том числе 14 писем к Вольтеру и 61 его письмо. Но если очевидно, что несколько писем, отправленных ему в последние дни месяца не из ближайших мест, не могло дойти до адресата к 31 марта, то точно так же неизбежно, что в первые числа месяца он получал письма, отправленные ему в феврале. Точного соответствия здесь ожидать нельзя, но все же большого неравенства предполагать тоже нет оснований. Мы сознательно начали просмотр февральских дат отправок с большим запасом — с № 7384 от 10 февраля, и все же первое письмо, которое могло бы быть выкупленным в соответствии с нашим мартовским листком расходов, — это письмо пфальцграфа Карла-Теодора из Манхейма от 23 февраля (№ 7422); к этому же числу относится письмо Тьеро из Парижа, № 7423, к следующему — письмо Даламбера, № 7425, наконец, 27 февраля помечены письма герцога Шуазеля из Версаля, № 7430, и Жирара де Проппак, № 7431 (из Парижа).

Как же соотносится намеченный нами «жесткий минимум» 50—60 писем с реальностью сохранившихся писем?

Писем самого Вольтера (явно более бережно сохранявшихся потомками) новое издание приводит, как уже указывалось, 61. Допустим, что значительное большинство их посылалось без оплаты, ибо все 5 случаев *affranchissements* указаны и их общая сумма составляет 16 флоринов и 6 денье (включая и какую-то сумму, уплаченную 21-го за выкуп писем), т. е. одну девятую часть всех почтовых расходов за месяц. Все же количество «входящих» естественно было отнюдь не меньшим. А мы знаем всего 0 9 из них! При этом некоторые деизидераты легко устанавливаются по напечатанным текстам, и можно лишь пожалеть, что женевский публикатор, проведший блистательно огромную работу по подготовке писем к изданию, не проявил достаточной последовательности в выявлении деизидерат. Например, в № 7470 Вольтер пишет из Делис 14 марта Шовелену, что полу-

чил его письмо от 9 марта. Это значит не только, что письмо Шовелена дошло до адресата на пятый день, но и то, что оно не сохранилось. Обращаясь к Тибувиллю из Турне 15-го числа, Вольтер упоминает Кандида, «о котором Вы мне говорили»: в каком же это письме? Издание такового не знает. В письме к Шувалову, № 7443 (о его дате речь еще пойдет далее), Вольтер пишет, что одновременно с его письмом он получил письмо из Индии с той же самой датой (т. е. 20 января), и ничего мало-мальски подходящего мы тоже не знаем.

В ряде случаев задача отождествления упрощается тем, что, за редчайшими исключениями, в этот период Вольтер вряд ли надолго откладывал свои ответы. При всех частых переездах, а судя по новому изданию, кроме Делис и Турне, Вольтер в марте 1759 г. по крайней мере один раз (5-го числа) имел резиденцией Ферне (см. № 7444 к Марку-Рене Даржансону), при множестве визитеров и непрерывных строительных, денежных и «сеньориальных» хлопот, не говоря уже о каскадах театральных и — наконец! — литературных дел, можно все же считать, что Вольтер не только после «наведения порядка» в конце 60-х годов, но уже и в первые годы «жневского» периода был все же полным хозяином своему времени и мог им распоряжаться методичнее, нежели в Сан-Суси, Версале или Коммерси. Вряд ли он в интересующие нас недели мог бы повторить то, в чем с трогательной и необычной откровенностью, почти без примеси обычного кокетства признавался летом 1746 г.: «Надо, чтобы вы были осведомлены о всех моих слабостях. Одна из них, наиболее для меня обычная, и в коей я перед вами каюсь, состоит в складывании в портфель получаемых писем и в постоянной уверенности, что я на них отвечу завтра. Научные дела различного рода, поездки, болезни приводят к тому, что это завтра не наступает; и порой на исходе месяца я кончаю тем, что более не ведаю, ответил ли я или нет, стыжусь самого себя и принимаю прекрасное и тщетное решение исправиться».*

То обстоятельство, что отправляемые письма не оплачивались (кроме 5 случаев), а из получаемых писем дошла до нашего времени лишь ничтожная часть, крайне затрудняет какие-либо конкретные сближения. Но вот в № 7458 Вольтер пишет Троншону «la poste part» («почта отправляется»): здесь мы явно имеем дело с одним из писем, ушедших именно в данный день — 10 марта. Через два дня Вольтер специально просит своего адресата

* Best. 3118 (к Николая-Луи Буржуа): «... il faut que vous soyez instruit de toutes mes faiblesses. Une qui m'est le plus ordinaire, et dont je vous fais ma confession, est de mettre dans un portefeuille les lettres que je reçois, et de croire toujours que je répondrai demain. Des études de différent genre, des voyages, des maladies font que ce demain ne vient point, et quelquefois au bout d'un mois je finis par ignorer si j'ai répondu ou non, par être honteux de moi-même, et par un beau et inutile dessein de me corriger».

(в № 7467) принять на себя франкировку «этого» (т. е. прилагаемого) письма к своему адвокату. Отсутствие подобных поручений в сотнях других случаев вовсе не говорит о том, будто нормой была франкировка писем самим Вольтером, но скорее о том, что, как правило, письма вовсе не франкировались (в данном же случае почему-либо было важно гарантировать вручение, а произвести оплату в Делис было неудобно или невыгодно).

Рассмотрим известные нам случаи франкировки. Это прежде всего 10 марта письмо в Байрейт. За всю первую декаду марта в издании Т. Бестермана нет письма, которое могло бы считаться туда адресованным (даже включая условно датированное 1 марта письмо к Фридриху II). Следующий расход на франкировку записан под 14-м числом — «письмо в Вену и Петербург». Не может быть сомнения, что в Вену шло сопроводительное письмо графу Кайзерлингу (до нас не дошедшее), а в Петербург — то самое письмо И. И. Шувалову, которое под № 7443 в издании Бестермана датировано 4 марта. Более того, сам издатель в текстологической справке оговаривает, что на копии XIX в. в Национальной библиотеке в Париже (Franc., Nouv. acquis. 4821, f. 179) стоит дата «14 марта», а копия эта с буквальной точностью воспроизводит оригинал, находящийся в коллекции Строганова. Но — странная непоследовательность! — тут же подчеркивая, что копия (XVIII в.) в рукописи Национальной библиотеки Fr. 14941, pp. 417—419, использованная прежними издателями, начиная с 1808 г., неполна и неточна, он все же предпочитает довериться ее дате, т. е. 4 марта, на том основании, что 4-го числа Вольтер был в Турне, а 14-го он там якобы «безусловно не был». Откуда такая уверенность? И какую она может иметь доказательность? Разве «Дела и дни» Вольтера установлены со столь исчерпывающей точностью? Разве не мог он сам на один день ошибиться в датировке? Например, на следующий же день, 15 марта, он одно письмо (№ 7472) пишет из Турне, а другое (№ 7471) — из Делис. При легкости и быстроте частых переездов из одного своего дома в другой почему не мог он датировать письмо Турнейским замком, даже фактически набрасывая или отправляя его из Делис? Разве, наконец, само назначение письма не играло при этом роли? Нам, например, кажется, что в некоторых случаях Вольтер отлично учитывал большую импозантность «Замка Турне». Словом, Best. 7443 следует без колебаний передатировать на 14 марта.

Ближайшая франкировка приходится на 21 марта: одно письмо в Байрейт, одно — в Рим. Как и в первом случае, в издании Бестермана нет следов ни того, ни другого: не только под этим числом, но и за целую неделю до этого дня. Наконец, последний раз расходы этого рода записаны 24-го числа — одно письмо в Лондон. Увы, и это письмо по таким же признакам приходится объявить до нас не дошедшим. Значит, в пяти случаях

(Байреит, Вена, снова Байреит, Рим, Лондон) из шести наш листок обнаруживает лакуны и дезидераты вольтеровских писем, а в сопоставлении с числом сохранившихся (и явно не франкированных!) это лишний раз напоминает, насколько богаче была в действительности переписка, даже в объеме издания Молана являвшаяся уникальной по своему размаху, а ныне в ста томах Бестермана представляющая совершенно несравненный памятник собирательства и библиографических изысканий.

В заключение еще одно соображение. В 34-м томе, вышедшем в 1958 г., Т. Бестерман поместил в качестве рисунка № 200 против стр. 232 фотоснимок с листка совершенно аналогичного содержания и очень сходного по форме, находящегося в Национальной библиотеке в Париже. Он охватывает соответствующие расходы за первые три недели, видимо, вновь введенного учета почтовых расходов секретаря — с 30 октября по 20 ноября 1758 г., на общую сумму 100 флоринов 9 су, причем в двух случаях деньги уходят на франкировку (однако без обозначения, в какой город). Почти несомненно, что оба листка относятся к одной и той же тетради (разница менее чем в 4 месяца, т. е. пробел всего в 4—5 листов). По глухому указанию Т. Бестермана неясно, сохранился ли в Национальной библиотеке отдельный листок или же целая тетрадка (из которой в таком случае и был некогда вырезан наш, мартовский, листок). В последнем случае особенно полезно было бы расширить и углубить использование этого источника для пополнения наших сведений о переписке Вольтера.

Предпослав эти замечания по вполне частному вопросу, мы и рассчитываем остаться в сфере вопросов метода на этих вводных страницах, дать на которых анализ, оценку, истолкование значения публикуемых ниже писем нам кажется одновременно недостижимым и не особенно нужным. Под многими углами зрения займут эти тексты и их авторы внимание читателей, в первую очередь специалистов по XVIII в., и было бы претенциозно предвосхищать специфику этого интереса, а от элементарного перечисления в данном случае не выиграла бы и популяризация.

Поэтому сведем все к нескольким примерам тех соображений, которые, возможно, полезно учитывать при подходе к задаче о пополнении эпистолярных комплексов вообще.

Разумеется, планомерность, продуманная общая стратегия поисков — основной залог успеха, это подтверждено всеми недавними примерами и не требует повторного обоснования. Столь же очевидно, что тактика розысков и собирательства в наше время все в большей мере становится функцией не столько денежных средств, бросаемых на это любителем, сколько отличной библиографической (включая и антикварную) оснащенности, авторитет-

ной консультации и экспертизы и, конечно, собственной культуры коллекционера. Это бросается в глаза при осмотре очень неравноценных картинных галерей американских миллиардеров, но положительно сказывается и при изданиях эпистолярного наследия — а наши десятилетия богаты такого рода предприятиями — по Тургеневу и Франклину, Адамсам и Дидро, закончившейся «Корреспонденцией Вольтера» и тут же начинающейся «Корреспонденцией Руссо». Но вот есть один методический прием, не всегда, быть может, сулящий скорый ответ на антикварном рынке или со стороны энтузиаста архивных розысков, но безусловно крайне полезный для любого читателя, тем более для исследователя. Это последовательный учет выявляемых дезидерат. Грех было бы упрекать Т. Бестермана в пренебрежении к этому приему. Не он ли опубликовал на стр. 2—26 своего 99-го тома внушительный список «неопределимых, ложных, сомнительных и утраченных писем» (List of unidentifiable, spurious, doubtful and lost letters)? В этом списке, как и в ряде других мест, он поразительно систематично охватил все сведения печатных источников, которые не смогли привести его к обнаружению упоминаемых в них писем. Мы имеем в виду иное — внимательное и вдумчивое выяснение тех недостающих элементов вполне конкретной и безусловно достоверно-подлинной корреспонденции, которые прямо или косвенно засвидетельствованы в самих публикуемых письмах. Конечно, женевский издатель не игнорирует и эту сторону дела, не только тысячекратно давая отсылки к упоминаемым в письмах запросам и ответам, но во многих случаях прямо отмечая в своих комментариях, что такое-то письмо не дошло до нас. Однако в последнем отношении говорить о методичности, к сожалению, не приходится; то и дело задумываешься (или начинаешь тщетно искать), что же это за предыдущее письмо, о котором в данном случае пишет Вольтер или его корреспондент. Система учета по номерам писем, о которых мы знаем, что они были написаны, или догадываемся, каких вопросов они касались, безусловно заслуживает одобрения, сколько бы номеров не оказывалось при этом «пустыми» с коллекционерской точки зрения. Теодор Бестерман ввел эту систему, но применил далеко не полно. Если бы мы писали сейчас рецензию, мы легко могли бы насытить ее примерами, но, не желая здесь загромождать изложение, приведем лишь два. По отрывку письма Вольтера к Дмитрию Алексеевичу Голицыну 1772 г. (Best. 16728 — само письмо полностью не сохранилось!) видно, что Вольтер получил — явно при письме — «Замечания по поводу статуи Марка-Аврелия» Фальконе. В комментарии издателя сообщается также о переписке по сему поводу Голицына с Троншеном; в примечании 2 к Best. 16612 мы даже узнаем о факте присылки Вольтеру этого труда Фальконе. Вероятно, этот самый экземпляр, который ныне под шифром 11—156 составляет в Библиотеке Вольтера часть «По-

пурри 90» и даже не был полностью разрезан владельцем (BV 1289). Где же письмо Фальконе Вольтеру, где эта переписка Голицына с Троншеном? А вот в письме от 31 декабря 1766 г. Вольтер пишет Дмитрию Михайловичу Голицыну, что последнее письмо от него было от 9 июля; и это письмо — тоже типичный дезидератум. Таких дезидерат можно учесть не одну сотню, и это было бы отнюдь не бесполезно. (Поскольку наше издание имеет иное назначение, мы и не стремились во всех случаях обеспечить учет таких дезидерат, выявляемых на основании вновь публикуемых писем; однако достаточно часто внимание читателя к этому мы привлекали).

Порочный принцип «*Rossica sunt, non leguntur*» (Написано по-русски, не читаемо) нам представлялся архаичным в связи с Вольтером еще 30 лет назад. Теперь успехи советской техники, науки, литературы неизмеримо увеличили круг лиц, овладевших и овладевающих русским языком, прорвали железный занавес невежества и недоброжелательства — библиографической пренебрежительной неосведомленности. Ныне о непонимании русского текста иностранные специалисты говорят уже не как о чем-то своей разумеюшемся, но извиняясь и сожалея, а против «*Rossica — non leguntur*» горячо сами протестуют. И тем не менее...

Двести лет тому назад Вольтер отмахивался, словно от назойливого педантства, от замечаний русских ученых насчет того, что царя звали все же Иван Васильевич, но не «Базилович», а Воронеж звучит ближе к истине, чем «Верониз». Точно так же в наши дни Т. Бестерман, единожды уверовав в форму, подсказанную ему явно не слишком компетентным экспертом, систематически цитирует странное заглавие: «*Бумагъ императрицы Екатерины II, хранящихся в Государственномъ архивѣ (и т. д.)*», а в предисловии к каждому из своих томов, перечисляя по государствам архивы, наряду с Советским Союзом, к которому отнесен Ленинград, для Таллина и Вильнюса выделяет — вне СССР — Эстонию и Литву. Неверно было бы усматривать в этом демонстрацию, хотя, скажем, Шотландию, Гессен или Пенсильванию просто немислимо вообразить помещенными вне соответствующих государственных объединений, а голландские, шведские или португальские названия полагается цитировать с щепетильной точностью, делающей честь такому гроссмейстеру библиографии, каким Т. Бестерман действительно является.*

* Сказанное иллюстрирует трудно воображаемая путаница в «*Calendar of manuscripts*», в вышедшем в 1964 г. 99-м томе «*Voltaire's Correspondence*», там, где (на колонках 542—554) перечисляются фонды советских архивов и библиотек. Так, в Академии наук в Ленинграде отмечено единственное учреждение — «Шуваловский архив»; хотя по ПВ известно (там ведь приведена и конкорданция), что в Воронцовском сборнике писем к Даржанталю всего 178 единиц, перечислены в составе «Архива А. Р. (!) Воронцова» только

Письмо И. И. Шувалова (ноябрь 1760 г., см. ниже) было опубликовано еще в 1900 г. и притом в издании, несомненно представленном в крупнейших национальных библиотеках Запада — в Отчетах Императорской публичной библиотеки. Не станем, однако, искать его ни в столь полезном обзоре Делаттра,* ни в новом женевском издании «Переписки Вольтера», хотя о нем дважды упомянуто в советском издании «XVIII век», вып. 3, вышедшем в 1958 г. и несомненно представленном в библиотеке самого Музея-Института Вольтера. Т. Бестерман знает, что письмо 12655 к Блен де Сен Мору (9 сентября 1766 г.) ему приходится печатать на основании старого и не вполне надежного издания, что следы оригинала удастся проследить только до 1890 г., что известны три копии в Национальной библиотеке, включая копию самого адресата; более того, ему известно, что в Ленинграде в составе рукописей БВ сохраняется черновик этого письма, с которого он сам располагает фотокопией. И что же? (Тут ведь и языкового барьера нет!). Нет даже и справки о попытке сличения. Меж тем, как видно из приводимых ниже сведений (см. раздел V, № 100), в Ленинграде вовсе не черновик, а копия рукой Ваньера — и она полностью подтверждает традицию текста.

Подчас странные недоразумения может объяснить лишь спешка. Рецензенты не раз предлагали уже различные эмендации или передатировки. Не станем извлекать их, процесс таких улучшений вполне нормален, и возможность его далеко не всегда порочит издание Т. Бестермана. Достаточно двух примеров опять-таки из русского репертуара. В 4-м томе женевского издания, т. е. еще до установления более тесных контактов с советскими би-

18 писем; три сборника рукописей Воронцовского архива показаны вне этого фонда. В Библиотеке Вольтера (коей существует уже 2 печатных каталога, в том числе изданный Институтом-Музеем Вольтера в Делис!) числится некая рукопись, которую мы при всем близком знакомстве с этой библиотекой разгадать под заглавием «Полиграфия in 4°, № 41, том 5» не способны. Два письма, согласно колонке 551, находятся якобы в Архиве АН СССР в Москве, а в Государственном Историческом музее обнаруживаются четыре письма вне коллекции Г. В. Орлова. Тарту вообще здесь исчез, и его надо искать в другом месте, в кол. 170, под словом «Estonia» (порядковое же слово «Union of Socialist Soviet Republics» вообще пропало, и Ленинград в колонке 542 непосредственно за Цюрихом как бы продолжает Швейцарию); впрочем, и это не дискриминация, а небрежность, ибо непосредственно за Одессой, с так же выпавшим порядковым заголовком «United States of America» приведены коллекция Гэйл Дэвис и прочие американские собрания. Единственно ли темпы (поистине великолепные) в этом повинны или тут не без высокомерного европоцентризма? Как бы то ни было, результаты не только нас разочаровывающие, но огорчительные и для любого иностранного исследователя, который обратился бы к этому путеводителю по фондам.

* André Delattre. Répertoire chronologique des lettres de Voltaire non recueillies dans les éditions de sa correspondance générale. Chapel Hill, 1952.

библиотекарями и исследователями Вольтера, воспроизводя письмо Ла Марра на основании нашей публикации 1948 г.,* издатель заявлял, что текст «ему представляется (appears to be) неполным в начале прозы, а возможно, и в начале стихов и что письмо это представляет занятную проблему, ибо, согласно Косси . . ., оно-де начинается со стихов «L'arbre et l'oiseau» и т. д. Либо Косси, либо русский публикатор впали в просто необычайную ошибку. Более того, ибо согласно г. Косси письмо датируется 1735 г., а согласно г. Люблинскому — 1736-м. Но тут-то мы на более твердой почве, ибо все с очевидностью указывает на 1735 год». Увы, не только на автографе Ла Марра проставлен 1736 г., но и в своей публикации мы прямо назвали стихи «L'arbre et l'oiseau», дважды оговорили, что печатаем лишь отрывки и даже предпослали французскому тексту слово «Fragment» (ср. ниже, стр. 38). Порой мы не имеем возможности столь документально отметить результаты подобной спешки, однако сомневаться в ней не можем: не выходя за пределы той же переписки с двумя Голицыными (как уже помнит читатель, слившимися в одно лицо в указателе), мы видим, например, письмо № 12105 от 7 ноября 1765 г., загадочное по своей фрагментарности, но четко приписанное Д. М. Голицыну. Меж тем последний никак не стал бы писать Вольтеру из Ферне, а именно оттуда оно датировано. Менее очевидны, но все же подозрительны такие датировки, как например в письмах к Про (№ 3091) или к графу Даржансону (№ 3199). Первое якобы относится к маю 1747 г. и считается написанным из Парижа; меж тем Вольтер просит вручить для привоза ему тираж Генриады «адвокату Роберу, отправляющемуся в Сире» (qui part pour Sirey). Тут либо место написания, либо дата угаданы плохо. Точно так же по самому контексту очень сомнительно, чтобы второе из этих писем действительно было написано из Парижа, следовательно, нельзя без оговорок относить его к июлю 1747 г., когда Вольтер действительно жил в Париже. Такие огрехи почти неизбежны в изданиях этого рода, и мы не хотели бы, чтобы от — столь же неизбежного — упоминания о них у читателя сложилось превратное представление о труде Т. Бестермана, как якобы недостаточно тщательном или надежном. Более того, мы не можем не предвидеть, что внимательный и компетентный критик найдет ничуть не менее досадные промахи и на наших страницах. Но их почти фатальное наличие — свидетельство не только сложности своевременного и гарантированного охвата всей многосторонней действительности, подчас основательно замаскированной, но и того, как бесконечно важно внесение новых и новых фактов — документов, дат, лиц — в грандиозный уже комплекс «Переписки Вольтера».

* Сб. «Вольтер», 1948, стр. 420 сл.

Мы полагаем, что этому с пользой послужат и собранные здесь новые элементы этой переписки.*

В двух отношениях мы отошли от принципов отбора, положенных в основу Женевского издания.

Во-первых, мы не считали нужным исключить из понятия 'письмо к Вольтеру' записку, посланную в почему-либо неприступную для гостя очередную резиденцию Вольтера только на том основании, что этот гость придал ей стихотворную форму, не сопроводив стихи прочими прозаическими элементами письма, или стихотворный же привет, вероятно, лично не знакомого почтителя. Мы даже не сочли возможным отрицать, что явно рассчитанное на печать (но, конечно, печати не дождавшееся), сброшюрованное как книжка вступительное послание неудачника-автора П. Левассера — все же именно письмо и не по названию, но потому, что оно от начала до конца имеет абсолютно личный характер; это не официальное обращение к влиятельному покровителю, служащее для искательства или для пропаганды тех или иных воззрений, но именно реальное прошение к Вольтеру как таковому, не просто к писателю, защитнику невинных и т. п., но как к личности, способной откликнуться и прийти (не литературно, а житейски) на помощь (письмо Левассера вынесено в Приложения, на стр. 415—421).

Во-вторых, Т. Бестерман имел полное основание ограничиваться датой смерти Вольтера, а мы этого основания не имеем; деятельность г-жи Дени, Ваньера, Гримма, Воронцова и других, связанная с памятью Вольтера и ее переживанием в России, настолько очевидно заслуживает внимания советского читателя, что для писем этого рода на протяжении ближайшего десятилетия (точнее, до 1792 г.) законно нашлось место на наших страницах.

* Пусть поправки сплошь да рядом мелочны. Одна буква, одна цифра (или написание непривычного наименования)... Но вот необъяснимый желчный герцог — *duc atrabilaire* — оказывается вполне по тексту уместным черствым меланхоликом (*dur atrabilaire*), не 6 орудий захвачено в битве, но 51, место загадочного советника (*conseiller*) полноправно заступает канцлер (*chancelier*) Мопу; у Кутаиса же, оказывается, течет река Фазис (т. е. Рион), а вовсе не Танзо. А ведь гораздо менее броские особенности правописания (подчас синтаксиса или поэтики) и даже пунктуации неоднократно способны по-иному характеризовать не только причуды орфографического обихода XVIII в., но ритм речи и самую специфику мышления. (О принципах передачи графических особенностей публикуемых текстов Вольтера см. сказанное на стр. 9—10 предисловия к ПВ).

[1735, X—начало XI?]

От Формона

Toy qui sans avoir de modele
 fis aux Bords de la seine ouir des sons nouveaux,
 Toy qui sur la Lire immortelle
 a celebré Des Lys Le plus Brillant heros;
 Toy Le Virgile de la france!
 Daigne excuser les vers qu'a produit mon Loisir
 au sein de la molle indolence;
 enfans du triste ennuy, quelque fois du plaisir,
 et toujours de La negligence,
 a paroitre au grand jour ils n'osent s'enhardir,
 mais mon coeur avec assurance
 pour confident secret a cru pouvoir choisir
 un tendre ami plein d'indulgence:
 J'ose, du grand Virgile imitant Les chansons,
 essayer la Cadence epique;
 Mais de segrais plutot Rencontrant les faux Tons
 je crains de L'imiter dans sa chute tragique,
 et De La trompette heroique
 mon haleine trop foible enervera Les sons.
 ainsi De Raphaël un Copiste timide
 De son maitre Divin afoiblit Les tableaux,
 et son art Circonspect que La contrainte guide
 ne conduit qu'en tremblant ses serviles pinceaux
 C'est Raphaël encor, mais privé de la vie
 dont il sçut animer ses sublimes portraits,
 et L'oeil indifferant, dans Les memes objets
 Cherche envain Le meme genie

Voila mon histoire mon cher amy, j'ay voulu imiter Virgile, mais je ne L'auray que deguisé. heureusement pour le public je n'ay pas fait cette copie pour Luj, et par malheur pour vous. L'amitie que vous m'avés toujours temoigné vous attire cette Confidence; au Reste en composant ce petit ouvrage je n'ay eu que Le dessein de m'amuser, je me suis amusé, ainsi je dois etre Content, vous ne Le serés pas, vous que cela n'amuserez <sic/> point; mais je vous avertis que mon amitié

n'est pas difficile et qu'ainsi au vingtième vers vous pouvés Lancer tout La sans que je m'en scandalise; quoy quil en soit je suis persuadé, qu'excepté L'exécution il n'y a Rien a critiquer dans mon projet:

Ce n'est pas Connoitre Le genie de La poesie, ni celuj des Langues que de s'imaginer, que, pour faire une Bonne traduction d'un poëme, on doit s'asservir a traduire Litteralement. Ce scrupule, et cette exactitude seroient meme hors de saison a L'égard de tout ouvrage d'imagination et de gout ou il s'agit moins de Rendre des idees que des agrements; Car Les idees sont Les memes partout, et en tout Temps, mais La maniere d'etre agreable Varie a l'infini.

il n'y a donc pas d'autre parti a prendre que de s'attacher au fonds de son original, et par Rapport a La forme, Consulter Le gout de sa Langue, Les convenances fondées sur Les moeurs de sa nation, La difference des usages, Les delicatesses ou Les Bisareries de La Coutume; Car enfin Les ouvrages d'imagination ne sont faits que pour plaire, La poesie surtout est de ce genre, C'est La Langue du plaisir; or pour plaire aux hommes il faut Les traiter selon Leurs Coutumes et Leurs prejuges; Les poetes doivent donc s'y Conformer et Laisser aux philosophes Le soin de Les Redresser.

J'ay fait ensorte d'avoir toutes ces attentions en essayant d'imiter en vers ce quatrieme Livre de L'éneide; mais outre ces précautions, il auroit falu y joindre un vray genie poëtique, et vous me croirés aisement quand je vous diray que c'est par la, que cette affaire qui estoit en si Beau chemin, a manqué.

Vous autres grands poëtes vous ne voulés point traduire, vous laissés cela aux faiseurs de vers, et vous aimez mieux qu'on vous traduise; Voila pourquoy on ne verra jamais d'excelentes traductions des poëtes. mais puis qu'il faut Renoncer a en avoir de tres Bonnes, on doit au moins tacher de Les faire Le moins mauvaises qu'il est possible, et je croy qu'on n'y parviendra qu'en s'y prenant comme je viens de dire.

Suivant ce plan j'ay pris de grandes Libertés, ou plutost de grandes Licences; j'avoue meme que si j'avois eu le public en vüe je n'aurois pas été si Loin; mais travaillant pour mon seul amusement, j'ay suivi Bien plus frequemment Les Conseils de La paresse ou de L'impatience que Ceux de La necessité:

Ayant été obligé de Refflechir souvent sur la difference Des deux Langues, je me suis convaincu plusque jamais que Le genie de La notre Resiste extremement au genre epique, et je vous en ay admiré Davantage d'avoir surmonté les obstacles.

La Langue françoise est, pour ainsi dire essentiellement plus Longue que La Latine. tout le monde en Convient. mais de plus, notre poësie a encor des Longueurs qui Luj sont particulieres.

La Rime entre Les mains des veritables poëtes est une esclave, elle devient meme une source de Richesses, parceque L'esprit en La cherchant est obligé de s'évertuer; on s'agite, on se secoue, on tente differentes voyes, on tate par tout; il est impossible qu'a La fin on ne

Rencontre des Beautés qui ne se seroient jamais offertes a un esprit plus Calme, et c'est, pour Le dire en passant, pourquoy, toutes choses D'ailleurs egales, un ecrivain en prose, dans une matiere qui Depend de L'imagination, ne produira jamais des ouvrages aussi singuliers qu'un poëte.

Cet avantage est Commun a tous Les genres differens de versification, car tous ont des difficultes, et obligent par consequent L'esprit a faire des efforts qui ches Les personnes nées avec un vray talent sont toujours suivis du succes. mais La Rime a cet inconvenient, qu'un vers exige necessairement son Compagnon, or quand un vers suffit pour exprimer ce que vous aves a dire, il est Bien difficile que Le second ne soit un peu foible;

Lorsqu'il est question, D'images, de pensees ou de sentimens a exprimer, cet inconvenient a moins Lieu ches Les Bons poëtes, parce qu'alors Le necessaire n'est pas si précis, qu'une imagination abondante ne puisse ajouter quelque trait qui encherisse, mais dans un poëme epique ou Les narrations sont frequentes, il est presque impossible que souvent on ne soit forcé de faire un vers a peu pres inutile pour Rimer avec Le premier qui en Disoit a peu pres assés, et Lorsqu'on narre tout ce qui n'est pas necessaire est mauvais.

La poësie Latine a cet avantage qu'elle expedie en peu de mots Les petits details, cequi Les Rend suportables, aulieu que La notre ne Les peut souffrir parceque La Rime et le tour de La Langue allongeroit excessivement Les Recits. nous sommes donc obligés dans Les details de nous en tenir a des Circonstances vagues, et generales, et par la nous diminuons un peu La vraysemblance dans Les narrations, et parconsequent L'interest.

Deplus La delicatesse, ou Le degout de notre imagination exclüent des poëmes elevés une infinite de circonstances, et de peintures que nous trouvons, petites, Basses, choquantes, et cela apauvrit encor extremement notre poesie de sorte que je trouve Les poëtes francois dans le cas du Cuisinier de L'avare, on veut qu'ils fassent grande chere avec peu de provisions.

il s'ensuit de La que dans notre Langue un poete epique est celuy qui a, sans aucune Comparaison, Le plus de Difficultés a vaincre; parce qu'il est forcé de narrer souvent, et qu'il a Besoin d'une adresse infinie, et d'un talent singulier pour n'être pas long Conteur, et que de plus il luy faut tous Les Talens des autres genres. Vous voyés monsieur que j'ay assés Bien senti Les difficultés, mais vous verrés encor mieux, si vous Lisés mes vers, que je n'ay pas Connu Les Ressources.

ce sont ces Reflexions, Comme je vous L'ay deja dit, qui ont augmenté mon etonnement que vous ayés pu faire lire avec plaisir un poëme epique en francois. M' de malesieux devoit dire de notre Langue, plutot que de notre tete qu'elle n'etoit point epique. nous vous avons Lu, et vous avés Reussi, malgré Les desavantages de La poësie et de la Langue francoises, quoyque vous manquassiés de tous Les secours qu'a fourni a homere et a virgile Le merveilleux d'une Religion

тoute Consacrée aux sens, et a L'imagination et que vous n'eussiez pas La Ressource de cet autre merveilleux de La magie, et de la feerie qui etoit Recu au temps du Tasse.

La philosophie a Bani tout ce qui a L'air surnaturel; La Religion seule a conservé Les miracles, ils sont tres Respectables et fort propres a nous faire faire notre salut, mais ils ne feroient pas La fortune d'un poëme. On est donc fort Resseré au jourdhuy, et c'est cequi prouve La grandeur du genie d'un architecte. delever un edifice pompeux dans un terrain Borné, et avec peu de materiaux. Je ne suis pas cet architecte monsieur et Vous devines Bien a qui j'en veux Lorsque j'en parle. J'ay imité en mauvais Carton un palais superbe que virgile a construit de marbre, vous n'y verrés, ni L'élegance de son dessein, ni La Richesse de ses proportions, et tout ce que Vous en Concluez, et qui Vous portera a m'excuser, c'est qu'au moins j'ay du gout pour Cette architecture, si je n'ay pas Les talens necessaires pour y Reussir.

Автограф. Рукописи БВ, т. III, лл. 1—5. Вверху первого листа помета рукой г-жи Дю Шатле (?): a mr de voltaire par mr de formont.

Датируется по связи с тремя письмами Вольтера к Формону 1735 г.: 1) Best. 856 от 25 июня (в котором еще не упоминается о переводах из Вергилия); 2) Best. 886 от 22 сентября (в котором Вольтер подтверждает получение «элегантного перевода», ожидавшегося целый месяц, сообщает о восхищении им при чтении и перечитывании совместно «с Эмилией и Линамом» и советует довести его до полного совершенства, слегка доработав; но теоретические соображения Формона в этом письме вовсе не отражены); 3) Best. 911 от 15 ноября (которое Вольтер начинает словами: «Зачем отвращаться от произведения, столь восхитительного и которому лишь немного недостает до полного совершенства?», а далее убеждает Формона в стихах, вкладывая в уста Вергилия ободрение переводчику).

Все это наводит на мысль, что данное письмо-послание (нечто вроде наброска предисловия к переводу) относится к октябрю—началу ноября. Повторные ссылки на лень и гедонистическую небрежность могут объясняться как ответ на призыв Вольтера к дальнейшей отделке перевода.

[Перевод]

Ты, кто не имел образца, | сумел на брегах Сены заставить
звучать новые напевы, | ты, бессмертной лирой прославивший
блистательнейшего из героев Лилий, | ты, Вергилий Франци! !
Снисходительно найди оправдание стихам, порожденным моим до-
сугом | на лоне изнеженной беспечности! | Как дитя грусти и
скуки, а порой и наслаждения, | но притом всегда — небрежно-
сти, — | они не решаются выступать при ярком свете. | Но тайным
наперсником сердце мое с полной уверенностью | сочло возмож-
ным избрать | нежного друга, всегда готового к снисходительно-
сти, — | и я осмеливаюсь, подражая песням великого Верги-
лия, | испытать эпический размер стиха. Но расслышав фаль-
шивые тоны Сегрэ, | я боюсь, как бы не последовать за ним в его
трагическом провале; | итак, мое слишком слабое дыхание осла-
бит силу звуков героической трубы.

Так робкий копиист Рафаэля | придает расслабленность полотнам своего божественного учителя, | и искусство его, столь осмотнительное и скованное, | неуверенно водит его рабской кистью. | Это тоже Рафаэль, но лишенный той жизни, | коей он умел одушевлять свои несравненные портреты — | и равнодушный взор в тех же самых предметах | тщетно ищет проявлений того же гения.

Вот вам моя история, дорогой друг. Я вознамерился подражать Вергилию, но я бы лишь вывел его в чуждом ему виде. К счастью для публики, я не для нее изготовил этот список; но — к вашему несчастью — для вас. Дружба, которую вы всегда ко мне проявляли, навязывает вам эти мои признания. А впрочем, сочиняя это произведение, я имел в виду лишь собственное развлечение и я развлекался, так что и должен быть доволен. Но вы-то не будете довольны, вас-то это не позабавит. Предупреждаю вас, однако, что дружба моя не слишком щепетильна и поэтому вы на двадцатом же стихе можете все это выбросить, а я не буду этим скандализован. Как бы там ни было, я убежден, что в моем замысле заслуживает критики единственно его выполнение.

Воображать, будто для хорошего перевода поэмы надлежит рабствуя переводить ее буквально, — это значит не знать духа ни самой поэзии, ни духа языка. Такого рода скрупулезность и точность вообще были бы неуместны в отношении любого произведения из области воображения и изящного вкуса, когда требуется передать не столько идеи, сколько красоты; ибо идеи — одни и те же везде и во все времена, но способы быть приятным бесконечно видоизменяются.

Стало быть, нет иного пути, как, придерживаясь существа своего оригинала, в отношении формы соотножаться с чувством родного языка, с условностями, приличиями, вызываемыми нравами своего народа, с несходством обычаев, с тонкостями или причудами традиций. Ибо в конце концов произведения художественного вымысла создаются лишь для того, чтобы нравиться, и поэзия в особенности относится к сему разряду произведений, она — язык наслаждения. А для того чтобы нравиться людям, нужно обращаться с ними сообразно с их привычками и предрассудками. Значит, и поэты должны с этим соотнозовываться и предоставить философам заботу о наставлении людей на путь истинный.

Я позаботился не упустить всего этого из внимания, приступая к подражанию в стихах Четвертой книге Энеиды, но, помимо всех этих предосторожностей, следовало бы присоединить к этому истинный поэтический дар, и вы мне легко поверите, когда я заявлю, что именно на этом-то все предприятие, столь хорошо направленное, и сорвалось.

Вы-то, великие поэты, вы не желаете заниматься переводами, вы предоставляете это стихоплетам, а сами предпочитаете, чтобы перевели вас — и вот почему нам никогда не видать отличных переводов поэтов. Но раз уже приходится примириться с невозможностью получить вполне хорошие переводы, то нужно по крайней мере постараться делать их как можно менее плохими, и я убежден, что к этому мы придем только при подходе, только что мною описанном.

Следуя такому плану, я позволил себе большую свободу, точнее сказать, большие вольности. Признаюсь даже, что, имея я в виду публику, я бы не зашел столь далеко; но, работая единственно для собственного развлечения, я гораздо чаще следовал советам лени или нетерпения, нежели необходимости.

Оказавшись вынужденным к частым размышлениям над различием обоих языков, я более чем когда-либо убедился, что самый дух нашего языка крайне противоборствует эпическому жанру — и я тем более восхитился тому, как вы преодолели эти препятствия.

Французский язык, так сказать, по самому существу более пространный, нежели язык латинский. Это общепризнано. Но, помимо того, нашей поэзии присущи свои особые длинноты.

Рифма в руках истинных поэтов — раба, и она становится источником изобилия, поскольку в поисках ее ум вынужден изощряться; мечешься, тормозишь себя, пытаешь то тот путь, то другой, пробуешь на ощупь там и тут — и невозможно в конце концов не натолкнуться на красоты, которые никогда бы не раскрылись перед умом более спокойным. Кстати говоря, в этом причина и того, почему при прочих равных условиях прозаик в сюжетах, зависящих от вымысла, никогда не создаст произведений, столь своеобразных, как поэт.

Это преимущество свойственно всем разным видам стихотворства, ибо каждый из них связан с трудностями и соответственно побуждает ум к усилиям, которые у лиц с прирожденным истинным талантом всегда приводят к успеху. Однако рифма сопряжена с тем неудобством, что стих обязательно требует себе со товарища, и вот когда одного стиха достаточно для выражения того, что вы хотите сказать, крайне труднодостижимо, чтобы второй не оказался слабоватым.

Когда вопрос сводится к выражению образов, дум или чувств, то это неудобство менее сказывается у хороших поэтов, ибо в этих случаях нужное не столь четко очерчено, чтобы щедрое воображение не смогло добавить ту или иную черту к вящему украшению; но в эпической поэме, где преобладают повествования, едва ли возможно, чтобы зачастую не приходилось создавать стих почти бесполезный, лишь бы он рифмовал с первым, уже достаточно высказавшим все нужное; а ведь в повествовании все, что сверх необходимого — плохо.

Преимущество латинской поэзии в том, что с помощью немногих слов она управляется с мелкими подробностями, делая их тем самым выносимыми, тогда как наша поэзия их не терпит, так как рифма и обороты, свойственные нашему языку, безмерно растянули бы рассказ. Мы поэтому вынуждены в деталях не выходить за пределы обстоятельств общих и расплывчатых, чем и снижаем слегка правдоподобие в рассказах, а тем самым и интерес.

Сверх того, деликатность и пресыщенность нашего воображения исключают из возвышенных поэм бесчисленное множество обстоятельств и картин, которые мы признаем ничтожными, низменными, непристойными, и это в свою очередь предельно обедняет нашу поэзию, так что мне французские поэты кажутся в положении повара из «Скупого» — от них ждут, чтобы они готовили роскошные угощения, имея скудную провизию.

Отсюда следует, что в нашем языке эпическому поэту придется одолевать неизмеримо большие трудности, чем любому иному; он часто вынужден к повествованию и нуждается в бесконечной ловкости и в редкостном таланте, чтобы не оказаться скучным рассказчиком, а ведь, сверх всего, ему нужны таланты во всех прочих жанрах. Вы видите, сударь, что я достаточно почувствовал все трудности, но, прочтя мои стихи, вы еще того яснее увидите, что я не постиг средств для их одоления.

Как я уже высказал вам, эти-то размышления и усугубили мое изумление тому, что вы сумели заставить читать с удовольствием эпическую поэму на французском языке. Г. де Малезье надлежало скорее о нашем языке, а не о нашей голове заявлять, что он не эпического склада. Вы были читаемы нами — и вы преуспели, вопреки всем невыгодным сторонам французской поэзии и языка, преуспели, даже лишенные всех поддержек, которые Гомеру и Вергилию поставлял мир чудес религии, целиком обращенной к чувствам и к воображению, и даже не располагая всеми возможностями того другого мира чудес — волшебства и феерии, который признавал век Тасса.

Философия изгнала все, что имеет вид сверхъестественного, одна лишь религия сохранила чудеса, они весьма досточтимы и вполне способны приводить нас к спасению, но они не составят удачи для поэмы. Поэтому ныне мы весьма ограничены в возможностях, и величие гения строителя заключается в возведении пышного здания на тесном участке и из малого запаса материалов. Я, сударь, не являюсь таким строителем, и вы догадываетесь, в кого я мечу, говоря об этом. Я воспроизвел из плохого картона величественный дворец, воздвигнутый Вергилием из мрамора, и вы не узрите в нем ни изящества его замысла, ни богатства его пропорций — и единственное ваше заключение, побуждающее вас извинить меня, будет то, что ежели я и не обладаю талантами, необходимыми для успеха, то по крайней мере склонность к этой архитектуре у меня есть.

L'arbre & L'oiseau.

Vn oisillon nouveau fils de L'esté
 comptant un peu trop sur ses ailes
 fut emporté Par des vents infidelles
 au milieu d'un bois enchanté.
 Du Rossignol Le Doux ramage
 n'etoit point entendu dans ces terribles Lieux
 on n'y respiroit que La rage
 & tout y ressentoit La Colere des Dieux
 aucun oiseau n'y fesoit sa demeure.
 Que fera t'il il faudra qu'il y meure
 Nul arbre a L'oiseau Printannier
 N'offre un abry salulaire
 Tandis qu'il se desespera
 Il aperçoit un Pomier
 que respecta Le sorcier
 il a sa verneur ordinaire
 il y vole y passe La nuit
 & se regorge de son fruit
 Le Lendemain il cherche un autre asile
 Mais Du pauvret La queste est inutile
 Il y revient y passe plusieurs jours
 Le Pomier Las de L'Heberger toujours
 Luy dit L'amy ca mettez vous en queste
 Levès vous du matin, il n'est pas fort honeste
 De fatiguer ainsi son bienfaiteur
 Allez vous faire un autre protecteur
 Portez ailleurs votre Longue misere
 Ce que j'ay fait d'autres peuvent Le faire
 Suis je Le seul dans ces forets
 qui de votre entretien puisse faire les frais
 oüi vous etes Le seul bel arbre en qui j'espere
 reprit L'oiseau, Les autres sont de fer
 Vn magicien a fait La chose
 En plein etè quelle metamorphose
 ils sont en butte aux rigueurs de L'Hiver!
 Las j'y mourois La chose est seure
 de faim de soif et de froidure
 de grande depense ne suis
 de vos feuilles couvert et nourri de vos fruits <sic!>
 j'attendray quelque temps qu'un <sic!> heureuse avanture

Me tire de ces Lieux maudits
 Du bon Pomier L'ame fut attendrie
 il luy donna Le couvert et La vie
 L'oiseau jôit de ses bienfaits
 & sa tendre reconnoissance
 dans ces desers affreux condannès au silence
 Se fit souvent entendre aux echos satisfaits
 tendre & précieux bienfaiteur
 a qui je dois ma triste vie
 Reconnois tu L'Humaine Barbarie
 Dans ce portrait? Pour un bon coeur
 il en est mille que Le vice
 La jalousie & L'artifice
 ont corrompu: Les hommes d'aujourduy
 sont tous de fer: toy dont Le coeur sensible
 A mes malheurs fut accessible
 je suis seur de tomber si je n'ay ton appuy
 en faveur d'un miserable
 fais encore quelque effort
 C'est un tour a jôier au sort
 tu Le feras donner au diable

Monsieur

ie n'ay que vous de ressource vous etes mon cher protecteur si vous
 avès quelque chose a faire transcrire ordonnès je seray trop heureux
 de vous etre utile. je corrigeray si vous le voulès Les epreuves de votre
 brutus. en un mot je me mettray a tout pour vous prouver ma recon-
 noissance. je fais un recueil de Pieces fugitives que monsieur De
 moncrif veut bien prendre La peine de m'arranger. j'ay eu soin de n'y
 rien mettre que du consentement des autheurs. L'argent qui m'en re-
 viendra sera plus que suffisant pour payer L'Habit dont je vous prie
 de repondre pour moy aussi bien ce que Mr Dumoulin avancera pour
 moy par votre ordre puis qu'on parle de m'en faire avoir 400^{ll} mais
 il ne sera complet que dans deux mois au plustôt et il me faut tout
 ce que je vous demande pour Le surlendemain de La St Martin au
 plustart jour fixè pour quitter Mercure & sa sequelle

honorès moy Monsieur je vous prie d'un mot de reponse. ces vers
 cy aussi bien que les autres sont enfans de la verole je les ay fait en
 salivant c'est pour Le coup que je puis dire que je crache des vers.

Je suis Monsieur avec un très profond respect | Votre très humble
 et très obeissant | serviteur

Delamarre

De Paris ce 3 9bre 1736.

Автограф. Рукописи БВ, т. II, лл. 95—96.

Дерево и птица

Птенчик, юное дитя лета, | слишком понадеявшись на свои крылья, | был унесен коварными ветрами | в глубь заколдованного леса. | Сладостного пенья соловья | не слышно было в сих страшных местах, | в них все дышало лишь яростью | и напоминало о гневe богов. | Ни одна птица там не селлась. | Что же ему делать? Остается ему там умереть, | ни одно из деревьев весенней пташке | не предоставляет спасительного приюта. | Уже предавшись отчаянию, | она замечает яблоню, | пощаженную волшебником, | она сохранила свою обычную зелень, | птица летит к ней, проводит там ночь | и насыщается ее плодами. | Назавтра она ищет другого приюта, | но тщетны поиски бедняги, | она возвращается к яблоне, проводит на ней немало дней. | Яблоня, наскучив непрерывным гостеприимством, | говорит птенцу: «Вот что, приятель, примитесь-ка за поиски, | вставая спозаранку; не очень-то порядочно | так обременять своего благодетеля; | отправляйтесь за другим покровителем, | влачите свои затяжные невзгоды в иных краях: | то, что делала я, могут делать и другие! | Разве я единственное дерево в этих лесах, | способное нести расходы по вашему пропитанию?» | — «Да, вы единственное прекрасное дерево, на которое я возлагаю надежды, — | возразил птенец, — все другие — железные. | Колдун сотворил это: | Средь лета — что за превращение! — | они подвергнуты жестокостям зимы! | Увы, я умру, это вне сомнения, | от голода, жажды и холода; | на меня не нужно больших затрат, | прикрытый вашей листвой и вскормленный вашими плодами, | я подожду некоторое время, пока счастливым случаем | не извлечет меня из этих проклятых мест». | Душа доброй яблони была тронута. | Она дала птице стол и кров, | птица воспользовалась ее благодеяниями, | и в сих пустынях, обреченных на молчание, | ее нежную признательность | часто слышало удовлетворенное эхо. | Нежный и драгоценный благодетель, | коему я обязан своей скорбной жизнью, | узнаешь ли ты варварство людское | в сем портрете? На одно доброе сердце | приходится тысяча таких, которые, пороком, | завистью и притворством | извращены: нынешние люди | все из железа, твое же чувствительное сердце | оказалось доступным для моих невзгод — | я уверен, что без твоей поддержки я погибну. | В пользу несчастного | сделай еще одно усилие, | тут можно перехитрить злой рок, | ты его отправишь к чертям.

Милостивый государь, на вас я возлагаю свою последнюю надежду, вы — мой дорогой покровитель! Если у вас есть что-нибудь для переписки, прикажите, и я буду более чем счастлив

оказаться вам полезным. Я стану править, если вам угодно, корректуру вашего «Брута». Одним словом, я готов на все, чтобы доказать вам свою признательность. Я составляю сборник мелких стихотворений, устройство которого любезно согласился взять на себя г. де Монкриф. Я позаботился о том, чтобы не включать туда ничего без согласия авторов. Денег, какие я на этом заработаю, будет более чем достаточно для оплаты костюма, за который я прошу вас поручиться за меня, а также аванса, который г. Дюмулен внесет за меня по вашему распоряжению, ибо говорят, что мне дадут 400 ливров. Но он будет готов не ранее чем через два месяца в лучшем случае, а мне нужно все, о чем я вас прошу, на второй день после Св. Мартина — срока, определенного на то, чтобы покинуть «Меркурия» и его шайку.

Почтите меня, сударь, прошу вас, словечком ответа. Эти стихи, так же как и прочие, — суть дети сифилиса. Я их сочинял, истекая слюной, это самый подходящий случай заявить, что я харкаю стихами.

Пребываю, сударь, с весьма глубоким уважением вашим все-нижайшим и покорнейшим слугой

Париж, сего 3 ноября 1736

Деламапп.

3

[1738, XI—XII?]

От д'Юссе

c'est en vain que je me propose
d'Ecrire en vers meslez de prose
a L'apollon de nôtre tems;
Je l'aurois fait dans mon printems,
Mais que dans l'hiver de mes ans,
A rimer encor je m'expose?
Ce projet me choque, et s'oppose
a la raison comme au bon sens.

Pendant malgré cette judicieuse réflexion, et dans le même instant que ma raison me deffend de vous écrire Monsieur, Je sens que je le fais malgré moi, et que je vais estre assez fou pour vous envoyer ce que je devois raisonnablement retenir, et peut estre même bruler. Voila tout le pouvoir qu'a sur nous cette raison si vantée dans le monde; Elle nous parle? nous l'ecoutons, a condition de ne rien faire de tout ce quelle nous conseille.

C'est a bon droit que lon censure
Ce vain present de la Nature
Que l'homme a nommé la raison!
C'est pour nous un malheureux don,

que cette nature en colere
Inventa pour nous tourmenter:
Malgré sa remontrance amère,
Et son air chagrin, et sévère
Nous nous piquons de l'écouter.
Quelque fois se montrant plus sage,
Elle affecte un plus doux langage;
alors ses tons affectueux
Sont d'un Charlatan qui nous flate,
Et qui nous rend son Mitridate
Avec des sermons ennuyeux.

Cependant c'est la raison a ce qu'on dit, qui etablit en nous la sagesse; Mais quelqu'un à t'il droit de se piquer d'estre bien sensé? Je crois que chacun en s'examinant avec soin conviendra quil a des coins dans sa teste, ou il reside bien des folies. Il me semble que les mauvais Poètes sont ceux qui se rendent le moins cette justice; il n'y en a je crois point, qui quelques detestables quil soient, ne se croient l'esprit tres sensé, et qui ne se mettent par la fort au dessus de tous ceux qui courent leur même carrière.

Pour moi, dit un rimeur qui lui même s'admire,
J'ay de l'esprit, du gout, Et lon ma veu produire
des Devises d'un tour galant, et naturel,
Dont la cour fut charmée au dernier Carouzel;
Aussi bien que Mainard j'eguisse une Epigrame?
Eh! qui peut comme moy construire une anagramme?
Pour vanter un heros, en vers des mieux limez,
J'ai fait trente sonnets, et tous en bouts rimez?
On verroit sans mes vers qui parent le mercure,
*La Roque sans habit, et Neully sans chaussure;
ainsy de son merite un poète enniuré,
Ecrit, parle, raisonne, Et toujours a son gré.
Nul ne peut apres luy puiser dans L'ypocrêne;
Il a lui seul tari la divine fontaine.

au bout du compte, Les hommes seroient bien heureux sil ne se trouvoit de folies dans le monde, que celles qui portent les mauvais poètes a trouver leurs productions excellentes; Mais combien voit on parmi nous d'autres especes de fous encor plus condamnables.

Car dans tous les Etats, est il quelqu'un de sage!
A qui voit on tomber ce tresor en partage!
Autheurs, amants, guerriers, scrupuleux, sensuels,

*К этой строке д'Юссе дает объяснение: l'auteur du Mercure, et le Libraire qui le vend.

Enfin dans l'univers, si parmi les Mortels
Quelqu'un veut soutenir qu'il n'a point de folie,
Il merite par la justement qu'on le lie.
Pour moi, de mes deffauts j'aime mieux m'accuser,
Convenir d'un travers, c'est souvent l'excuser,
Et la franchise en tout, est d'un si bon usage,
Qu'avoüer qu'on est fou, c'est estre presque sage.

Voila donc ma proffession de foy Monsieur, ainsy par plus d'une espece de travers je me logeray si l'on veut comme un autre aux petites maisons: Par exemple, puis je donner une plus grande preuve de ma folie, que d'avoir le front de vous envoyer de mes vers, et de ma prose avec la meme hardiesse que je les adresserois a quelques indignes habitans du Parnasse dont Paris est si remply; mais j'ay voulu icy vous remercier des Louanges que vous me donnez, qui partent toutes de vostre liberalité, et dont je vous suis dautant plus obligé quelles sont moins meritées. Jugez donc seulement de ma bonne intention monsieur, sans me traiter trop severement sur les foibles productions quelle a fait naitre, et recevez la sil vous plait comme des marques de ma veritable reconnaissance.

Je prens la liberté d'assurer icy madame du chatelet de mes très humbles respects. Je l'ay veüe si aimable a Paris, mais depuis ce temps la elle a acquis un si grand nombre de nouvelles perfections, que je ne me trouve pas assez fort pour entreprendre son eloge.

pour chanter un achile il faut estre un homere.

Et comme vous estes cet homere Monsieur, je me garderai bien de m'en mesler.

Dussé

Автограф. Рукописи БВ, т. II, лл. 183—186. Вверху первого листа помета рукой Вольтера: De m^r Dusse.

Концом 1738 г. датируется условно на основании того, что в письме к Дево из Сире в декабре 1738 г. г-жа де Графиньи упоминает о стихах д'Юссе против самого себя (Best. 1618, VIII, 73—74), а в письме к нему же от 26 декабря (Best. 1636) пишет: «... послание, которое сочли столь прекрасным и которое вовсе не является таковым, принадлежит [д'Юссе] отцу, коему восемьдесят лет; он их пишет сколько угодно». Возможно, к этому же посланию относятся слова Вольтера в его письме Даржанталю от 15 декабря того же года (Best. 1615): «...имей я сказать что-либо хорошее, я бы написал господам д'Юссе. Но писать лишь для того, чтобы сказать „я получил Ваше письмо и т. д.“, — не стоит труда». Тем самым публикуемое письмо приобретает своеобразный интерес — примера приложения строгих критериев Вольтера к не лишнему изяществу и скепсиса пустячку салонной поэзии.

Маркиз Луи-Себастьян д'Юссе был близок кругу Вольтера, а также г-жи Дю Шатле; Вольтер обменивался с ним стихами, справлялся об оценке им «Послания к регенту», выражал ему сочувствие. Других образчиков писем д'Юссе во всей корреспонденции Вольтера не сохранилось.

Зря я собираюсь | писать в стихах, пересыпанных прозой, | Аполлону нашего времени; | я бы сумел это весной моих лет, | но чтоб рисковать рифмовать зимой, | такой замысел меня самого поражает и противен | и разуму, и здравому смыслу.

И тем не менее, несмотря на это столь осмотрительное соображение и в тот самый миг, когда мой рассудок запрещает мне писать вам, я чувствую, что делаю это поневоле и что окажусь достаточно безумным и пошлю-таки вам то, что следовало бы придерживаться при себе, а пожалуй, и вовсе сжечь. Вот и все могущество столь хваленого на свете разума, якобы имеющего власть над нами. Он нам вещает? Мы прислушиваемся, но с оговоркой ничего не делать из того, что он нам советует.

Не без оснований хулят | сей пустой дар природы, | который человек назвал разумом! | Это злосчастный для нас дар, | избретенный сею природою в момент гнева | и для того, чтобы нас мучить: | не взирая на его полные горечи укоры | и на его опечаленный и строгий-лик, | мы, вмняя это себе в заслугу, его выслушиваем. | Порой он притворно прибегает | к более сладким речам; | но тогда его ласковый тон — | приманка шарлатана, льстящего нам, | чтобы всучить своего Митридата | со скучнейшими проповедями.

Меж тем, как говорят, именно рассудок водворяет в нас мудрость. Но кто же вправе похвалиться тем, что он вполне рассудителен? Полагаю, что, тщательно проверив себя, каждый признает, что у него в голове немало закоулков, где царят сумасбродства. Мне сдается, что дурные поэты относятся к числу людей, менее всего способных воздать себе должное в этом смысле; нет среди них, думается мне, таких, которые, сколь бы отвратительны они ни были, не приписывали бы себе весьма высоких умственных способностей и на основании этого не ставили себя гораздо выше других, идущих по тому же пути.

Что до меня, заявляет самовлюбленный рифмоплет, | то у меня и ум, и вкус, и мне случалось породить | изяшно и естественно отделанные девизы, | очаровавшие двор во время последней карусели. | Эпиграмму я отточу не хуже Менара. | А кто наравне со мной способен выдумать анаграмму? | Для восхваления одного героя самыми отточенными стихами | я изготовил тридцать сонетов, и притом сплошь из буриме: | без моих стихов, которыми украшен «Меркурий», | Ля Рок окажется раздетым, а Нейи придется ходить босиком.* | В таком-то духе пишет, твердит, рассуждает поэт, | опьяненный сознанием своих достоинств — | и всегда к вящему своему удовлетворению. | После него никому не

* Автор «Меркурия» и книготорговец, его продающий.

дано черпать из Иппокрены — | он один истощил весь божественный источник.

В конце-то концов люди были бы только счастливы, если б на свете единственному безумием было то, которое побуждает скверных поэтов восхищаться собственными творениями. Но сколько мы видим других пород безумцев, еще более предосудительных!

Ибо в каком из разрядов людей найдется хоть один благоразумный? | Кому достанется на долю сокровище разума? | Авторы, любовники, воители, люди совестливые, сластолюбцы — | да вообще если во всей вселенной среди смертных | кто-либо вздумает обосновывать, что он не сумасброд, | то тем самым он уже заслуживает, чтобы его вязали. | Что до меня, так я предпочитаю сам обвинить себя в своих недостатках: | сознаться в какой-либо причуде часто равносильно тому, | чтобы найти ей оправданье, а откровенность во всем столь уместна, | что признаться в своем безумии — это уже почти мудрость.

Вот, сударь, мое исповедание веры. Так что не хуже другого я бы мог в силу разного рода причуд занять свое место в сумасшедшем доме. Так, например, какое еще большее доказательство своего безумия мог бы я дать, нежели наглость присылки вам моих стихов и прозы с той же смелостью, словно бы я их направлял кому-либо из недостойных обитателей Парнаса, коими кишит Париж? Однако мне хотелось здесь поблагодарить вас за похвалы, которыми вы меня наградили. Они порождены единственно вашей щедростью и меня тем более обязывают, чем менее я их заслужил. Поэтому судите, сударь, лишь о моем добром намерении, не слишком сурово обращаясь со мной за слабые плоды, им порожденные, и примите их, пожалуйста, как выражение моей подлинной признательности.

Позволяю себе вольность заверить здесь же г-жу Дю Шатле в моем нижайшем почтении. Она была столь любезна в Париже, где я ее видывал! Однако с тех пор она обрела столь великое множество новых совершенств, что я не признаю в себе достаточно сил для похвального ей слова.

Ахилла чтоб воспеть, Гомером надо быть.

А как вы, сударь, и являетесь сим Гомером, то я поостерегусь братья за это.

Д'Юссе.

Rival de Virgile et du Tasse,
Le cri des arts est exaucé.
au sommet de notre Parnasse.
ton autel est enfin dressé.

mais a L'eclat, qui t'environne,
chante sublime des Bourbons,
qu'ajoute Le rang, qu'on te donne?
ton front honore La couronne
dont s'honoreraient tant de fronts.
L'amour de La gloire s'eveille;
Prix heureux de tes chants divins
L'antique Laurier de Corneille
va reverdir entre tes mains.

Superbes heros de la guerre,
La terreur suit vos etendarts,
vos triomphes troublent La terre;
Sanguinaires Lauriers de Mars
Cedés aux Lauriers de Voltaire
Le triomphe de notre homere
est Le triomphe des beaux arts.

Autheur divin, divin Genie,
dont J'idolatre Les talens,
et dont Les ouvrages charmans
font Les delices de ma vie;
Pardonne a ma muse ravie
de mesler ses foibles accens
aux flatteurs applaudissemens
que tu recois de ta patrie.

Devaux

a Luneville
ce 14 may 1746

Автограф. Рукописи БВ, т. II, л. 94.

[Перевод]

Соперник Вергилия и Тасса, | глас искусств услышан, | и на
вершине нашего Парнаса | наконец-то воздвигнут твой
алтарь. | Но к блеску, тебя окружающему, | высокий певец Бур-
бонов, | что может добавить сан, которым тебя наделили? | Твое
чело — украшение венца, | которым были почтены столько го-
лов. | Вновь пробуждается любовь к славе, | счастливая награда
за твои божественные песни — | древний лавр Корнеля | вновь
зазеленеет в твоих руках.

Гордые герои войны, | ужас шествует за вашими знаменами, |
триумфы ваши приводят всю землю в замешательство; | крово-

жадные лавры Марса, | отступите перед лаврами Воль-
тера — | триумф нашего Гомера — | торжество искусств.

Божественный автор, дивный гений, | таланты коего — мои ку-
миры, | а очаровательные творения — | утехи моей жизни, | прости
моей восхищенной музе, | что она в плела свои слабые на-
певы | в столь почетные рукоплескания, | которыми тебя награж-
дает твое отечество.

Дево.

Люневиль, сего 14 мая 1746

5

1747, 14 VI

От Рико

Monsieur

M Bastin, qui est parti pour l'armée de flandres, m'a charge de
vous faire en son nom un Remerciment qui pût rendre en quelque
façon sa Reconnoissance publique. J'ay l'honneur de vous l'Envoyer
comme l'interprète sincere de ses sentimens qui sont les miens propres
je n'y parle point comme les Poetes *a quali è lecito di favoleggiare*
tout ce que j'y dis en vers, je suis prêt à le prêcher sur les toits en
prose.

J'ay l'honneur d'etre avec respect | Monsieur | Votre très humble
très obéissant serviteur

Ricaud

a Paris Le | 14 Juin 1747

Автограф. Рукописи БВ, т. II, л. 295.

[Перевод]

Милостивый государь.

Г. Бастен, отправившийся в армию во Фландрии, поручил мне
от его имени выразить вам его благодарность, чтобы каким-то
способом придать гласность его признательности. В качестве
искреннего выразителя его чувств, являющихся и моими чувст-
вами, я имею честь выслать вам это выражение благодарности.
Я говорю в нем не так, как поэты, коим дозволено басно-
словить: все, что я высказываю там стихами, я готов в прозе
проповедовать со всех крыш.

Имею честь быть с уважением вашим, сударь, покорнейшим
и послушным слугой

Рико.

Париж, 14 июня 1747

1752 [ок. 5 I?]

От Ла Кондамина

Madrigal
de
Mr de la Condamine
a
Mr de Voltaire
en lui envoyant son voyage de l'amerique

Des jours si bien remplis les momens sont si courts!
ne me lisez jamais, mais ecrivez toujours,
C'est a Voltaire seul d'ecrire
a nous de lire et de relire
jour et nuit sa prose et ses vers,
tous les momens ou repose sa lyre
Sont dus a frederic le reste a l'univers

Автограф (?). Рукописи БВ, т. II, лл. 48—49.

Воспроизводится здесь как вариант к стихам, частично вошедшим в письмо Вольтеру от известного географа-путешественника Ла Кондамина из Парижа 5 января 1752 г. (Best. 4159). В издании Бестермана это письмо, начинающееся стихами «tandis que ta rapide plume», почему-то заканчивается многоточием (... le plus zelé des admirateurs La Condamine). В примечаниях на стр. 163—164 в т. 20 Бестерман сообщает, что автограф письма продавался в составе собрания Бове (Bovet) у Э. Шаравэ в 1887 г. (причем в каталоге собрания Бове приведено факсимиле), а затем на распродаже собрания Гурио де Рефюж (Gourio de Refuge) в декабре 1902 г. Непонятно, неужели явные пропуски (ср. многоточие) имеются и на факсимиле? Бестерман сообщает также, что это письмо впервые было напечатано в 1757 г. в издании «Le Portefeuille trouvé»; но, оказывается, в этом издании — только приведенный здесь нами мадригал!

В связи со столь запутанной историей текста опубликование данного варианта нелишне.

[Перевод]

Мадригал г. де Ла Кондамина г-ну де Вольтеру при посылке
ему своего Путешествия в Америку

Кратки мгновенья дней, столь насыщенных! | Не читайте меня
во все, но постоянно пишите! | Одному Вольтеру надлежит пи-
сать, | нам же — читать и перечитывать | денно и ночью его прозу
и его стихи; | каждый миг, когда отдыхает его лира, | принадле-
жит Фридриху, но все прочие — принадлежат вселенной.

1752, 11 IV

От Елизаветы,
княгини Ангальт-Цербстской

Monsieur

Ne craignes Vous pas Monsieur, de m'enorgeuillir? ou bien est ce pour éssayer s'y le coeur d'un Allmande, s'aura sentir la valeur d'une approbation aussy flatteuse que c'est la Votre, que Vous m'en temoignés et que Vous y ajoutés de nouvaу de ces pansérs aussy propres a servir de modelles, qu'a Vous attirer la reconnoissance des siecles avenir, par consequent a Vous immortaliser? je ne suis pas Philosophe, il sera difficil que je resistes a l'un, et pour l'autre, j'ai sçue Vous lires, Vous préférer, Vous éstimer, ce sonts la les titres des remercimens dont je macquittes, en faveur des qu'els j'oses Vous demandér Votre amitié, et vous assuré que j'ai l'honneur d'estres

Monsieur | Votre toute acquiese amie | et tres humble servante

Ellisabeth

a Zerbst 11e Avrill 1752

Автограф. ЦГАДА, ф. V, д. 154, ч. 1, л. 5.

[Перевод]

Милостивый государь,

так вы не боитесь, сударь, что я возгоржусь? Или, желая испытать, сумеет ли сердце немки почувствовать цену одобрения, столь лестного, как ваше, вы мне его выражаете, добавляя к нему еще и мысли, способные как служить образцом, так и привлечь к вам признательность грядущих веков, а следовательно, и обесмертить вас? Я не философ и потому мне было бы трудно устоять против первого, а что до второго, то я научилась читать вас, предпочитать вас, чтить вас — таковы мои права на признательность, которую я приношу, и на основании которых осмеливаюсь испрашивать вашу дружбу и вас заверить, что имею честь быть, сударь, вашей совершенно преданной приятельницей и покорнейшей слугой

Елизавета.

Цербст, 11 апреля 1752

[1759 (?)], 10 XII

От г-жи Дени маркизу д'Альбарэ
ce 10 desseembre des delices

Vous etes Surement Monsieur tres en collere contre moi, mais je Suis bien Sure que nous nous racomoderons. Jaime bien mes amis, je ne les oublie point, je Suis enchantée de les revoir, mais. je Suis tres paresseuse decrire il faut maimer avec mes deffauts.

Je vous trouve heureux actuelement davoir Mr et Mme la Marquise de chovelin, c'est un couple charmant je ne doute pas que Mme chovelin nait baucoup reussi, elle est aussi aimable desprit et de caractere que de figure. mendez moi je vous prie Si lon lui rand justice a thurin; vous ne pouvez pas me faire un plus grand plaisir que de m'en parler, a moins que vous ne veniez vous meme m'en dire des nouvelles. venez vous toujours nous voir dans le mois de fevrier. j'en Serais enchantée Soiez Sur que loncle et la niece conserve pour vous la plus tendre amitié

nous ne comtons jouer la Comedie que Sur la fin davril ou au commencement de mai. comme nous la jouons a tournex il faut que la Saison Soit belle. Sans le bau temps la peine passerait le plaisir

on dit que la marquise de muio Sen va Sur la fin de fevrier elle est mieux mais non pas entierement guerie.

donnez nous de vos nouvelles Mr chovelin vous dira que je lui ai beaucoup parlé de vous. il vous aime et je puis vous rassurer. Comptez Sur mon amitié, ne vous formalisez point de ma paresse elle ne prand point sur mes Sentimens pour vous et je serai toujours avec le plus inviolable attachement Monsieur

Votre tres humble et tres obbeissante/servente

Denis

Автограф. Архив ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, картон 371, № 21. На обложке пометка рукой Н. П. Лихачева, NC 416 (1911) и вырезка из французского аукционного каталога (Charavaux?) под № 69852. В правом верхнем углу л. 1 зачеркнутая цифра 96. На л. 2 об. адрес «Piemont. A Monsieur Monsieur le Marquis Dalbaret a turin» и красная сургучная печать.

[Перевод]

Сего 10 декабря, Делис

Вы несомненно очень разгневаны на меня, милостивый государь, но я вполне убеждена, что мы помиримся. Я очень люблю своих друзей, вовсе их не забываю, в восторге от возможности вновь повидаться, но я очень ленива на письма — нужно меня любить со всеми моими недостатками.

Я считаю, что вы счастливы, обладая в настоящее время г-ном и г-жой маркизой де Шовелен, это очаровательная пара, я не сомневаюсь, что г-жа Шовелен имела большой успех, она столь же пленительна умом и нравом, как и лицом. Известите меня, по-

жалуйста, воздают ли ей должное в Турине; вы не можете доставить мне большего удовольствия, нежели сообщениями о ней, разве что если бы сами приехали с рассказами о ней. По-прежнему ли вы намерены навестить нас в феврале? Я была бы в восторге от этого, не сомневайтесь, что и дядя, и племянница сохраняют самую нежную дружбу к вам.

Мы рассчитываем поставить комедию не ранее конца апреля или начала мая. Поскольку мы играем в Турне, нужно, чтобы погода была хорошей. Без этого трудности перевесят над удовольствием.

Говорят, что маркиза де Мухо уедет в конце февраля. Ей лучше, но она еще не вполне поправилась.

Напишите нам о себе. Г. Шовелен скажет вам, что я ему много говорила о вас. Он вас любит, и я вас в этом уверяю. Рассчитывайте на мою дружбу, не ставьте в строку мою лень, она не берет верх над моими чувствами к вам, и я всегда пребуду с самой непоколебимой преданностью, сударь, вашей нижайшей и покорнейшей слугой

Дени.

9

1760, 10 IV

От барона Рувилья

A vous le plutus dhipocrene
cheri de la belle Delon
vous dont la sale est toujours pleine
des convives du meilleur ton
qui presidant dans ce canton
ou vous sommeillès au sermon
et rimés souvent a la cene
faittes des vers comme maron
et figurès comme mecene

Il y a longtemps Monsieur que je suis un de vos zelés partisans; toutes mes lettres a m lefranc sont remplies de temoignages de mon admiration pour vous;

je luy faisois part un jour dune ode a votre louange au sujet de votre tragedie D'alzire qui fut inserée dans les * feuilles periodiques et je luy disois

je celebrais son nom et je cachais le mien
dun retour genereux je perdis lavantage
et je n'eus de temoin en faisant mon ouvrage
que mon amitié pour le cien

* Далее зачеркнуто: recueils.

dans un autre de mes lettres ou je prenois vivement votre parti contre vos ennemis je deplorois votre sort en ces termes

toujours errant toujours enbutte ala furie
de ses cruels persecuteurs
mais trouvant partout des lecteurs
il semble n'avoir de patrie
qu'entre nos mains et dans nos coeurs

voyla quels ont toujours été mes sentiments pour vous et je suis obligé de vous les manifester voulant obtenir une grace de vous

les oeuvres du philosophe de sans souci ayant paru je luy ay adressé une lettre en vers et en prose a la louange de ses talents et de ses exploits. oserois je vous prier de porter ce monarque a m'honorer d'un mot de reponse cest toute mon ambition. mademoiselle Delon ne me refuseroit pas le plaisir de vous en écrire si cela estoit nessesaire pour me rendre ce service

Je suis avec Respect | Monsieur votre tres humble et tres obeissant serviteur

le Baron de Rouville
conceillier au parlement de toulouse

a toulouse ce 10 avril 1760

il y a deja quelques années que nous avons perdu monsieur Daignebaire qui avoit lhonneur d'etre connu de vous

Автограф. Рукописи БВ, т. II, лл. 289—290.

[Перевод]

О вы, Плутус Иппокрены, | любезный прелестной Делон, | вы, чей зал всегда заполнен | гостями из избраннейшего общества, | вы, главенствующий в здешней округе, | где дремлете во время проповеди | и зачастую стихотворствуете в часы вечера, | пишете стихи, как Марон, | и выступаете, как Меценат.

Уже давно, сударь, я являюсь одним из ваших ревностных сторонников; все мои письма к г. Лефранку заполнены свидетельствами моего восхищения вами. Однажды я сообщил ему об оде в вашу честь в связи с вашей трагедией «Альзира», напечатанной в периодических листках, и я заявил ему:

Я прославлял его имя и скрывал свое; | я утратил выгоду великодушной награды; | и, создавая свое произведение, я не имел иных свидетелей, | кроме своей привязанности к его творению.

В другом из моих писем я бурно вступался за вас против ваших врагов и оплакивал вашу долю в таких выражениях:

Вечный скиталец, вечно преследуемый неистовством | своих жестоких гонителей, | но всюду находящий читателей, | он словно

не имеет иной отчизны, | кроме как в наших руках и в наших сердцах.

Вот каковы были всегда мои чувства к вам, и я вынужден вам предъявить их, намереваясь добиться одной милости от вас.

Когда появились творения философа из Сан-Суси, я направил ему письмо в стихах и в прозе, восхвалявшее его таланты и его подвиги. Не могу ли я осмелиться просить вас побудить сего монарха почтить меня словечком ответа. В этом и состоит все мое честолюбие. Мадмуазель Делон не отказала бы мне в удовольствии написать вам, ежели бы в том была необходимость, чтобы вы мне оказали эту услугу.

Пребываю с почтением, сударь, вашим нижайшим и покорнейшим слугой.

Барон Рувиль, советник Тулузского парламента.

Тулуза, сего 10 апреля 1760.

Вот уже несколько лет, как мы потеряли г. Дегебера, который имел честь быть вам знакомым.

10

1760, 9 VII

От А. Р. Воронцова

A Paris ce 9 Juillet 1760.^a

Si je ne vous ait <sic!> pas ecrit plutot monsieur pour vous remercier de toutes les honnetetés que j'ai éprouvé de votre part a Geneve l'esperance de maquiter plutot de votre comition aupres de Mr De choiseul⁶ me la fait retarder craignant <sic!> toujours de vous ennuyer en augmentant ce tas de lettres inutiles dont vous etes acablé si souvent et qui consomment pendant un tems qui ne peut quetre pretieux au public et a vous même aiant envie de s'instruire.

Lenvie de vous ecrire plus fortes que toutes ces considerations my entraine^a (je ne le fais pas dans le dessein de vous engager a faire un <sic!> piece contre un parant bizare en vous envoyant le plan necessaire encore moins des lettres adressés pour mr Ivanow qui au fond est un galand homme naiant fait dautre mal conu que celui de prendre un nom suposé et de renvoyer ces creancier ces mecontens lesquels viennent luy demander de l'argent je ne le ferai donc que pour vous demander la continuation de vos bontés auxquels je nai dautre droit que cet attachement et admiration que chacun doit avoir pour vous monsieur lorsquils ne pense pas comme les chaumaix etc

J'ai trouvé a mon arive a paris une genre de literature foudroyante des mauvaises brochures contre les filosofes et des gens assez patient pour les lire on donnera la semaine prochainte <sic!> aux Italiens les petits filosofes suite de celle qui a été donné aux francois et qui aura probablement ainsi que lautre ces admirateurs)

Tout paris est enchanté du pauvre diable^r mr vadé na jamais été aussy plaisant de la vie. On luy saura certainement mauvais gré a lautre monde davoir petrifié dans celuy cy même a sa mort ce pauvre abbé trublet qui ne ferme pas les yeux depuis que catherine vadé a rendu public louvrage de feu son oncle.

Des que jaurai été aversailles je ne manquerai pas monsieur de maquiter de votre comition auprès de mr De choiseul J'en suis d'autant plus flaté quelle me fournira locasion *sauf a vous ennuier* de vous renouveler de nouveau les assurances de ladmiration et du respect avec lequel jai lhonneur detre

Monsieur/Votre très humble/et très obeissant serviteur

Comte Alexandre de Worontzow.

Agrez <*sic!*> monsieur les assurances de mon respect pour madame denis.

Je viens de recevoir de mr Alethof cousin de mr Kouranskoy le discours dont feu mr Kouranskoy lavait fait depositaire Je fremis pour tous mes compatriotes quand je pense qu un seul discours nous atirera la vengeance de tous ceux dont il a eu la temerité de parler. Je nai dautre esperance que celle de trouver dans une etendue come celle de riga a la chine quelques braves chaumaix et berthier pour faire face a ceux dicy.

Автограф. Архив ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, 271/164 г, с его пометкой «Leo Liep. (XXXVIII—21/22 мая 1909)» и с наклейкой — вырезкой из соответствующего печатного каталога фирмы Лео Липмансзон под № 302 (аннотация о данном письме и об А. Р. Воронцове).

^a Настоящее письмо, возможно, дошло до Вольтера с запозданием, так как в его письмах к Воронцову 16 и 30 июля, 6 августа и 1 сентября 1760 г. нет прямого отклика на его содержание.

^b Поручение к Шуазелю — вероятно, ходатайство об освобождении посаженного в тюрьму Морелле.

^в После этого слова в письме стоит знак скобки, которому соответствует знак закрытия скобок в конце следующего абзаца.

^г Здесь и далее литературные и персональные намеки связаны преимущественно с последней литературной сенсацией — вольтеровской поэмой-памфлетом «Русский в Париже».

Было опубликовано П. Бартевым в «Русском архиве», 1886, № 6, стр. 145—146, о чем специально упомянуто в ЛН, 192; несмотря на это, в издании Бестермана, где этот автограф учтен под № 8300 и прослежена его аукционная история (без учета приобретения его И. Курисом), издатель утверждает, будто текст его не найден («No text available»).

[Перевод]

Париж, сего 9 июля 1760

Ежели я ранее не писал вам, милостивый государь, дабы благодарить вас за все любезности, оказанные мне вами в Женеве, то это было в надежде быстрее управиться с вашим поручением

к г. Шуазелю и в опасении докучать вам, еще более увеличивая кучу ненужных писем, коими вас обременяют столь часто, и притом поглощая время, которое должно быть драгоценным как обществу, так и вам самому в целях самопросвещения.

Желание писать вам, превозмогающее все эти соображения, увлекло меня. Делаю это вовсе не в видах побудить вас написать пьесу против чудаковатого родственника, посылая вам необходимый для этого план и, того менее, письма, адресованные г. Иванову, который, в сущности, порядочный человек, не причинивший явного зла, если не считать того, что он принял вымышленное имя и прогнал кредиторов, этих недовольных, требующих с него денег. Поэтому я делаю это единственно, чтобы испросить у вас продолжения ваших милостей, на которые я не имею иных прав, кроме той привязанности и восхищения, которые по отношению к вам, сударь, должен испытывать всякий, ежели он только не единомышленник Шомэ и т. п.

По прибытии в Париж я застал некий ошеломительный сорт литературы, скверные брошюры против философов и людей, достаточно терпеливых, чтобы читать их. На будущей неделе у итальянцев дают «Маленьких философов» — продолжение пьесы, которую давали во французском театре и которая, подобно ей, найдет своих почитателей.

Весь Париж восхищен «Беднягой», никогда за всю свою жизнь г. Ваде не был столь забавен; несомненно, на том свете его не поблагодарят за то, что на сем свете он даже в смертный час привел в оцепенение бедного аббата Трюбле, который не смежает очей с той поры, как Катерина Ваде предала гласности творение своего покойного дядюшки.

Как только я побываю в Версале, я не замедлю, сударь, выполнить ваше поручение к г. Шуазелю. Я им тем более польщен, что оно мне представит новую возможность — с риском надоесть вам — возобновить заверения в восхищении и почтении, в коих я имею честь пребывать, сударь, вашим нижайшим и покорнейшим слугой.

Граф Александр Воронцов.

Примите, сударь, заверения в почтении к госпоже Дени.

Я только что получил от г. Алетова, кузена г. Ковранского, ту речь, которой покойный г. Ковранский сделал его хранителем. Трепещу за всех своих соотечественников при мысли, что одна эта речь навлечет на нас мщение всех тех, о ком он имел дерзость говорить. Надеюсь единственно на то, что на таком пространстве, как от Риги до Китая, найдется парочка-другая своих почтеннейших Шомэ и Бертье, не уступающих здешним.

1760, 9 VIII

От А. Р. Воронцова г-же Дени
a Paris 9 aout 1760

J'ai eu lhonneur de recevoir madame la lettre que vous avez bien voulu m'ecrire permetez moy de vous parler aussy pour mr alethoff avant moy la politesse française lexige et jai vecû assez avec cette nation pour lavoir su imiter au moins en cela mr alethoff est premiere-ment très confus des remerciments que vous luy faites pour une chose qui n'en vaut pas la peine et qui vous est même inutile il la vu depuis par vos loix somptuaires quil a lu il les admire voit quelles ont été dicté par la sagesse, et desirerait fort quon les immitat dans son pays on aurait les epaules moins chargé dor et dargent dit il mais on en aurait davantage dans la poche dans ce moment cy il est très fâché quelles existent a geneve il ne vous oubliera jamais madame et fut il dans le fond du camchatka ou il na aucune envie daler il ne cultive-rait pas moins votre corespondance.

permetez que je parle actuelement pour moy J'ai scû que les jours du pet navoit pas plus existé que cent mille chose dont on parle dans paris que persone na vu et qu'on oublie le lendemain mais come on pretait cete piece a mr De Voltaire il est tout naturel quon en ait parlé plus longtemps beaucoup de gens m'ont dit même lavoir vu car il serait humiliant en cas que la piece eut existé a etre le dernier a lan- noncer et a en dire son sentiment

alegard des oeuvres de labé de St pierе je croyés <sic/> qu'on en donnait une edition complete car pour un reimpression dun de ces ouvrages <слово неразборчиво> Je les ait tous je vous prie dassurer mr De Voltaire de mon respect et de me croire avec respect madame

Votre tres humble serviteur

Черновой автограф. Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, 1169 — «Черновые письма графа А. Р. Воронцова с 1760—1804», лл. 3—4.

Письмо г-жи Дени, получение которого А. Р. Воронцов подтверждает в начале публикуемого здесь письма, по-видимому, не сохранилось. Это тем досаднее, что оно явно затрагивало ряд литературных тем. Кроме того, несомненно, оно было если не продиктовано, то подсказано г-же Дени ее дядей, на которого собственно и рассчитан этот ответ Воронцова. О значении этого эпизода в переписке последнего с Вольтером см. ниже, стр. 61.

Любопытно, что за три дня до того, как был написан данный ответ, Вольтер сам обратился к А. Р. Воронцову с письмом (Best. 8366, автограф которого хранится в Воронцовском фонде ЛОИИ, см. ПВ, стр. 367, № 255), а 1 сентября снова писал ему на темы «Русского в Париже» (Best. 8426, равным образом представленный автографом в том же фонде, см. ПВ, стр. 367, № 256).

Этот диалог в стихах Вольтера, появившийся в свет не ранее июня 1760 г., был предварен замечанием о том, будто его автором является Иван Алетов, секретарь русского посольства. О тенденциях этой сатиры см.: М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века. Сб. «Вольтер», 1947 г., стр. 32—33.

Париж, 9 августа 1760

Я имею честь, сударыня, получить письмо, которое вы соблаговолили написать мне. Разрешите и мне говорить от имени г. Алетова, прежде чем от своего собственного, этого требует французская вежливость, а я достаточно жил среди этого народа, чтобы суметь подражать ему хотя бы в этом. Г. Алетов прежде всего крайне сконфужен благодарностями, которые вы ему приносите за предмет, того не стоящий и вам даже бесполезный; он это потом уже вычитал в ваших законах против роскоши, которые он прочел и которыми он восхищается, видя, что они продиктованы мудростью, и желал бы, чтобы они послужили примером и для его страны. Тогда на плечи, утверждает он, нагромодалось бы менее золота и серебра, но их более было бы в карманах. В настоящий же момент он очень раздосадован тем, что эти законы существуют в Женеве. Он вас никогда, сударыня, не забудет и, окажись хоть в глубине Камчатки (куда не имеет ни малейшей охоты отправиться), он тем не менее усердно поддерживал бы переписку с вами.

Позвольте же теперь поговорить о себе.

Я узнал, что пьесы «Journée de Pet» так же не существовало, как и ста тысяч иных предметов, о которых толкуют в Париже, которых никто не видит и которые назавтра забываются. Однако поскольку эту вещь приписывали г. Вольтеру, вполне естественно, что о ней разговоры шли дольше. Многие мне даже заявляли, будто ее видели, ибо если она существовала, было бы обидно оказаться последним среди спешащих о ней раструбить и высказать о ней свое суждение.

По поводу сочинения аббата де Сен-Пьер я полагал, что собираются дать их полное издание, так как перепечатка одного из его произведений <...> у меня они имеются все. Прошу вас заверить г. Вольтера в моем почтении и считать меня, милостивая государыня, почтительно

вашим нижайшим слугой.

12

1760, 19 XI

От И. И. Шувалова

Monsieur,

Je viens de recevoir la lettre dont vous m'avez honoré du 27 de Septembre.^a Si vous saviés le plaisir que j'ai de recevoir de vos nouvelles, vous ne regretteriez pas les momens que vous employés a m'écrire. la lettre du Comte Golowkin^b dont vous me faites l'honneur de parler m'est parvenue mais non pas les exemplaires de votre

ouvrage.^b Je me souviens toujours, Monsieur, come vous dites, qu'il y a malheureusement bien loin d'ici a Geneves. C'est moi qui perd beaucoup a tous egards.

Je suis autant surpris qu'indigné que Mr de Pouchkin ne soit pas arrivé chés vous. Je l'ai envoyé expressement, il n'a aucune autre affaire qui puisse le retenir dans son voyage. le paquet que j'ai envoyé par lui me donne un peu d'embaras. J'ai eu des nouvelles qu'il est parti de Vienne depuis longtems; et apres je n'entends plus parler de lui.

Rien de plus etrange Monsieur, ni de plus romanesque assurément que les anecdotes, touchant la princesse epouse de czarevitz.^r la fausseté de tous ces détails est trop évidente pour mériter la moindre refutation, je me contante de vous dire que cette princesse est décédée a Pétersbourg en 1715. elle était aimée et estimée de L'Empereur, sur tout de L'Impératrice qui pendant sa maladie ne quittait presque pas le chevet de son lit. Son caractere affable et son esprit lui avaient attiré l'attachement de tout le Monde. J'ai la copie de son testament, et de quelques lettres que je pourrai vous comuniquer si je savais que tout cela vous puisse etre de quelque utilité.

Les petits détails que Mr Solticoff me fait des charmes de votre conversation, m'engagent a lui porter envie, Je suis bien charmé cependant, d'apprendre qu'il fait des progrès dans ses études: il ne saurait manquer sous vos auspices de faire un jour honneur a sa patrie.

J'ai l'honneur de vous envoyer Monsieur les copies de deux lettres, que j'ai trouvées originales dans les archives. elles sont assés interessantes, d'autant plus qu'elles sont d'un Roy aussi illustre par ses vertus, que fameux par la révolution que le sort des combats a fait subir a sa destinée.

Je vous importune encore, Monsieur, pour les vers sous le portrait de Pierre le Grand.^a la planche est déjà achevée.^c C'est un jeune homme de mon pais, élève de l'Académie qui est sous ma direction qui a travaillé. Ce portrait doit etre mis a la tete de votre ouvrage

Je suis avec tous les sentiments du respect et de reconnaissance |
Monsieur | Votre tres humble et tres obeissant serviteur

I. Schouvallov

St Petersburg, | ce 19, Novembre. 1760 *

ГПБ, Рукописный отдел, ф. 875, ед. хр. 2 — «Архив Шувалова И. И. и Голицыной, рожд. Шуваловой, И. П.». Автограф (правленный) — карандашные пометки «A Voltaire» и «82» внизу, карандашная фолляция — 128 и 129; отметка о записи по общей книге поступлений «1897/№ 111». Было воспроизведено в «Отчете Имп. Публичной Библиотеки за 1897 г.», СПб., 1900, стр. 164—166 как приобретенное покупкой, с двумя пропусками: 1) во втором абзаце после слов «dans son voyage»: «le raquet que j'ai envoyé. . . и т. д.»; 2) в третьем абзаце «aimée et estimée (a ne: aimée) de l'Empereur». Русский перевод Ф. Я. Прийма напечатан в его статье «Ломоносов и „История России при Петре Великом“ Вольтера» в сборнике «XVIII век», вып. 3 (М.—Л., 1958), стр. 173 и 186 (там же на стр. 173, прим. 8, письмо названо неиз-

данным). В издания переписки Вольтера не включалось, у Делатра не учтено и потому воспроизводится здесь.

^а Письмо Вольтера = Best. 8511 (автограф — в собрании Строганова); очевидно, что письмо Вольтера от 20 октября (= Best. 8571) за месяц до адресата еще не дошло.

^б Головкин, граф Александр Гаврилович, русский посланник в Гааге, умерший 4 ноября 1760 г. (т. е. за несколько недель до этого письма!).

^в Через Головкина Вольтер выслал Шувалову на одобрение экземпляра вышедшего из печати первого тома своей «Истории России при Петре Великом». Головкин писал И. И. Шувалову о переговорах с голландским издателем Хондтом в письме от 1/12 августа (см. раздел V, № 56).

^г О значении этой темы см.: ПВ, Приложение II — Письмо к Вольтеру химика Элло, стр. 408—409; АН, 29/30, стр. 163 сл.

^д Стихи-подпись к портрету Петра I Вольтер выслал при письме 10 января 1761 г.

^е Портрет Петра I работы Е. П. Чемесова, № 211 по «Подробному словарю русских художников» Д. И. Ровинского.

^ж Ответом на настоящее письмо можно считать лишь Best. 8760 — письмо от 10 января 1761 г. (т. е. написанное на 41-й день после отправки данного письма Шувалова); к моменту написания Вольтером Best. 8711, 20 декабря 1760 г., оно еще не было получено.

[Перевод]

Милостивый государь,

я только что получил письмо от 27 сентября, коим вы меня почтили. Ежели бы вам было ведомо удовольствие, получаемое мною от ваших известий, вы бы не стали жалеть о мгновениях, расходуемых на письма ко мне. Письмо графа Головкина, о котором вы соблаговолили упомянуть, дошло до меня, но экземпляры вашего труда не дошли. Я все вспоминаю, сударь, что, как вы выразились, отсюда, к сожалению, весьма далеко до Женевы. И во всех отношениях теряю при этом я.

Я столь же изумлен, как и возмущен, тем, что г. Пушкин не прибыл к вам. Я отправил его нарочным, и у него нет никаких иных дел, которые могли бы задержать его в пути. Пакет, с ним посланный, заставляет меня несколько беспокоиться. Я был извещен, что он выбыл из Вены * уже давно; но с тех пор о нем ничего не слышно.

Нет ничего более странного, сударь, и, несомненно, ничего более романтического, нежели анекдоты касательно принцессы — супруги царевича. Ложность всех этих подробностей слишком очевидна для того, чтобы заслуживать хоть малейшего опровержения. Ограничусь сообщением, что принцесса эта скончалась в Петербурге в 1715 г. Она была любима и уважаема императором, а особенно императрицей, которая во время ее болезни почти не покидала ее изголовья. Ее приветливый нрав и разумность привлекли к ней общую привязанность. У меня имеются копии ее

* А не «прибыл в Вену», ср. «XVIII век», сб. 3, стр. 186 (Прим. В. Л.).

завещания и нескольких писем, которые я мог бы сообщить вам, если бы узнал, что все это может вам как-либо пригодиться.

Подробности, приводимые мне г. Салтыковым при описании прелестей ваших бесед, побуждают меня завидовать ему. В то же время я весьма обрадован известием о том, что он делает успехи в занятиях: под вашим покровительством он неизбежно станет когда-нибудь честью своего отечества.

Имею честь выслать вам, сударь, копии двух писем, которые были мною найдены в архиве в подлинниках. Они довольно интересны, тем более что исходят от короля, столь же прославленного своими доблестями, как и переломом в судьбе, вызванном игрой военного счастья.*

Обеспокою вас еще, сударь, ради стихов под портретом Петра Великого. Доска уже окончена гравированием. Работал над ней мой молодой земляк, ученик Академии, состоящей под моим управлением. Портрет этот должен быть помещен впереди вашего труда.

Со всеми чувствами почтения и признательности пребываю, сударь, вашим нижайшим и покорнейшим слугой

И. Шувалов.

С.-Петербург, сего 19 ноября 1760

13

1761, 11 IX

От А. Р. Воронцова

Monsieur

On ne sauroit etre plus reconnaissant que je le suis de La lettre obligeante que m^r pictet ma aporté de votre part je ne merite pas assurément tout ce que vous dites de flateur sur mon compte et si mon amour pour les lettres est grand cest avous que je le dois Monsieur aiant apris dans vos ouvrages que les seules distinctions reelles aux yeux du sage sont celle de Lesprit et du coeur tout le reste est pur hazard en fumé.

J'ai Ecrit a mon oncle et je ne doute nulement quil ne veuille entrer pour quelques choses dans un ouvrage qui vous fait tant dhonneur je conte «sic!» de mon coté vous envoier la semaine prochaine une liste de scribes pour le dit ouvrage.

* Станислав Лещинский после ряда неудач в Северной войне, а затем в итоге войны за Польское наследство (1733 г.) дважды терял престол в Польше. Речь здесь идет именно о нем (как подтверждается и ответом Вольтера, Best. 8760), а отнюдь не о каком-то ином государе, прославившемся осуществленными преобразованиями, да еще в результате побед, как о том можно было бы заключить по соответствующему месту перевода в сборнике «XVIII век». Отмечать подобные промахи считаю необходимым потому, что в качестве издательского редактора этого выпуска сборника несомненно разделяю ответственность публикатора-переводчика. (Прим. В. Л.).

Permettez moy Monsieur de mentretenir avec vous quelquesfois vos oeuvres ne me quittent pas un moment je vous prie de croire que rien negale le respect et La consideration avec laquelle je seray toute ma vie

Monsieur Votre très humble et très | obeissant serviteur

Vienne <зачеркн.: 2> 11 Septembre 1761.

Черновой автограф без подписи. Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, 1169, л. 68.

Настоящее письмо заслуживает некоторых замечаний. Нетрудно понять, что список подписчиков, который обещает прислать на будущей неделе Воронцов, относится к субсидированию издания сочинений Корнеля с обширными комментариями Вольтера, доход от которого предназначался в пользу воспитывавшейся им внучатной племянницы Корнеля. Но другие детали кажутся нам менее очевидными.

Первая же фраза письма позволяет уточнить время выезда Пикте из Женевы в Россию — конец августа—начало сентября 1761 г. (О Пикте см. стр. 65 и 67 и в разделе III, стр. 238—239). При этом, подтверждая прибытие Пикте в Вену, Воронцов не упоминает решительно ничего о намерении принять женева на службу; стало быть, к этому моменту Пикте рекомендаций на сей счет от Вольтера не предъявлял (очевидно, единственно потому, что еще ими не располагал). Следовательно, если известная версия о службе у А. Р. Воронцова как об исходном этапе русской карьеры Пикте и верна, то началась эта служба позднее. Допущению о возможности службы не у Александра Романовича, а, скажем, у его дяди, Михаила Ларионовича Воронцова, видимо, противоречат приводимые нами в статье о Пикте (Сб. «Вольтер», 1947 г., стр. 189, прим. 3) слова последнего в письме от августа 1762 г. к племяннику: «Пиктет ... бывший при Вас за секретаря».

Далее известны в письмах от 6 августа и 1 сентября 1760 г. (Best. 8366, 8426) обращения, еще вполне официальные, Вольтера к молодому русскому графу и племяннику канцлера (впервые виденному мельком в Швецингене в 1757 г. (ср. ПВ, стр. 18) и посетившему Ферне в 1760 г.). Два новых письма А. Р. Воронцова — от 9 июля 1760 г. Вольтеру и от 9 августа г-же Дени — опубликованы нами здесь же (см. стр. 53 и 56). Несомненно, что и названные только что два вольтеровских письма не остались без ответа (и в таком случае оба они должны пополнить список дезидерат). Но все же как весь тон настоящего письма, так и повод к нему (получение весьма лестного обращения Вольтера) позволяют предположить, что именно Вольтеру, а не его молодому искреннему почитателю, принадлежала инициатива в установлении более непосредственной и оживленной переписки. Посылая в Ферне подарки (о получении чая говорится и в Best. 8426) и явно прибегая к посредничеству г-жи Дени (ср. выше, стр. 56), быть может, по некоему молчаливому соглашению, из обоюдного разграничения официальной и идейной близости А. Р. Воронцов вряд ли позволял себе ранее конца 1761 г. много и пространно писать Вольтеру в личном плане.

[Перевод]

Милостивый государь,

нельзя быть признательнее моего за любезное письмо, которое мне привез от вас г. Пикте. Несомненно, я не заслуживаю всего того лестного, что вы высказываете на мой счет, и если любовь моя к литературе и велика, то именно вам, сударь, я этим обязан,

с помощью ваших произведений постигнув, что в глазах мудреца единственные существенные преимущества — это преимущества ума и сердца, а все прочее — игра случая, и не более как дым.

Я написал своему дяде и нимало не сомневаюсь в том, что он захочет принять участие в труде, доставляющем вам столько чести. Со своей стороны я рассчитываю выслать вам на будущей неделе список подписчиков на названный труд.

Разрешите мне, сударь, иногда беседовать с вами. Сочинения ваши не покидают меня ни на миг. Прошу вас верить, что ничто не сравнится с почтением и уважением к вам, с коими я всю жизнь пребуду, сударь, вашим почтительнейшим и покорнейшим слугой.

Вена, 11 сентября 1761

14

1762, 19/30 III

От И. И. Шувалова

à St Pétersbourg ce 19/30 Mars 1762

Monsieur,

Je Vous parais bien coupable sans doute, d'avoir tardé si longtems à Vous donner de mes nouvelles, mais ne me condamnés point sans m'entendre. L'Empereur m'ayant confié la direction du *Noble Corps des Cadets*, dont il a été Chef jusqu'ici, je me suis occupé sans relâche des arrangemens qui peuvent avoir rapport à un Poste dont mon Auguste Predecésseur a rempli les fonctions avec la plus scrupuleuse exactitude. Il m'a fallu rassembler toutes les facultés de mon ame abbatue, pour remplir les devoirs d'un Employ au dessus de mon ambition* et de mes forces. Pardonnés donc Monsieur à l'embarras dans lequel je me suis trouvé, de ne vous point avoir envoyé encore les rémarques sur *la condamnation du Czarewitz*. Cependant, je m'avoue coupable mon premier soin aurait dû être de vous tirer d'incertitude, et de hater la fin de Votre glorieux et penible travail. A present que mon esprit est plus calme je vais mettre la main à l'oeuvre, et dans quelques jours j'aurais l'honneur de vous comuniquer mes observations dont Vous ne ferés usage qu'autant que Vous jugerés à propos. Cependant, j'ai assés de confiance en Vos bontés pour oser Vous réiterer les prieres que je Vous ai deja faites, de suspendre la seconde edition du premier Volume, jusqu'à ce que Vous l'ayés redigé dans les endroits qui pourraient donner prise sur nous. Vos ** envieux et nos ennemis communs se déchai-

* Далес зачеркнуто: et pour entrer dans des détails qui ne sont gueres analogues à la Philosophie dont je voudrais faire mon unique étude.^a

** Исправлено из Nos.

nent plus que jamais contre nous, ma situation me force a les menager, et Vous m'aimés trop pour Vouloir me compromettre. Je croirais manquer aux devoirs de l'amitié si je ne vous parlais a coeur ouvert, et je me fais un merite de cette franchise. Peut-etre serais je assés heureux pour etre bientôt connu plus particulièrement d'un Homme dont le nom seul fait l'éloge et qui a toujours été pour moi un objet de veneration. Une santé alterée, le dégoût pour tout ce qui fait le charme des Esprits mondains, le desir de vous voir et de profiter de Vos lumieres, m'engageront a solliciter aupres de S. M. Impériale la permission de voyager, et de chercher loin du faste des Cours, cette heureuse tranquillité de l'ame, que je n'ai goûté jusqu'ici qu'en idée; je sais que c'est au Chateau de Fernay qu'elle a établi Son sejour, c'est la que je l'irai trouver, et c'est la que je pourrai enfin Vous assurer du tendre attachement avec lequel je serai toute ma vie, Monsieur

Перебеленный текст без подписи. Архив АН СССР (Ленинград), разряд II, оп. 1, № 227, куда поступил в 1930-х годах из Рукописного отдела БАН, где находился еще во время подготовки публикации Н. С. Платоновой (АН, 29/30, стр. 159—161). Восходит к коллекции вел. кн. Николая Михайловича, переданной им в 1917 г. в Академию наук, о чем имеются пометки на обложках собрания «Шуваловских черновиков», среди которых находится и данное письмо (пометка об опубликовании их в «Русском архиве» за 1867 г. относится именно к ним, а не к данному письму).

Русский перевод был опубликован Н. С. Платоновой с комментариями, исчерпывающе объяснявшими обстоятельства написания этого письма; в частности, совершенно правильно было определено, что ответом Вольтера надо считать его письмо от 21 мая 1762 г., Мол. 4905 (= Best. 9662), несмотря на то что в нем Вольтер упоминает письмо Шувалова не от 19-го, а от 17 марта. Н. С. Платонова допускала погрешность в издании 1818 г., но Т. Бестерман, печатая письмо Вольтера от 21 мая на основании оригинала в составе «коллекции Строганова», принадлежавшего прежде графу Шатожирону и сличенного со списком XIX в. в Национальной библиотеке, воспроизводит вольтеровскую датировку шуваловского письма как «17 марта». Подобная неточность со стороны Вольтера вполне возможна, но гораздо более смущает нас в тексте Best. 9662 запрос Вольтера о письме, пересылавшемся через И. И. Шувалова графу П. П. Шувалову: о смерти последнего 16 января Вольтер знал уже 8 марта (см. его письмо д'Аржанталю — Best. 9568; сам И. И. Шувалов сообщал об этом Вольтеру в письме от 1/12 мая — Best. 9645, которое в Ферне к 21 мая еще не дошло); совершенно невероятно, чтобы такое обстоятельство, менявшее ситуацию по существу и безусловно требовавшее выражения соболезнования, было забыто.

По-новому решается лишь вопрос о том, что, хотя и лишенный подписи, публикуемый здесь документ из Архива АН СССР является все же не черновиком, а письмом, «переписанным на белом для отправки». Нахождение его в России среди других черновых бумаг И. И. Шувалова, наличие поправок и отсутствие подписи заставляют считать его именно таковым; в том, что он был воплощен в письмо, фактически дошедшее до Вольтера, сомневаться при наличии Best. 9662 нельзя, но местонахождение подлинника этого письма продолжает оставаться неизвестным.

Под № 9598 Т. Бестерман приводит свой перевод этого письма на английский язык с русского перевода Н. С. Платоновой; не останавливаясь на прочем (вроде «Шуваловского архива Академии наук!»), нельзя не отметить одного промаха: Шляхетный корпус, попавший в заведование Шувалова, оказался «Corps of Cadets of Polish (!) nobility», т. е. учебным заве-

дением почему-то для польского дворянства (вероятно, по словарной этимологии слова шляхта).

^а Эта фраза не вошла в оба опубликованных перевода. Поскольку она здесь зачеркнута, возможно, о ней не узнал и Вольтер; однако как выражение глубокого внутреннего протеста И. И. Шувалова против Петра III — протеста, ясного из излагаемых в том же письме планов уйти в отставку и уехать за границу, она крайне показательна: административные хлопоты по корпусу, которым с таким рвением предавался Петр III, противоречат всей философии автора письма, мечтающего себя посвятить всецело только ей одной . . .

[Перевод] *

С.-Петербург, сего 19/30 марта 1762

Милостивый государь,

несомненно, я кажусь вам очень виновным в том, что так долго медлил с известиями о себе, но не выносите приговора, не выслушав. Император верил мне управление Шляхетным корпусом, начальником коего он доньше был сам, и я неотступно был занят устройством всякого рода дел, связанных с тем постом, обязанности по которому мой августейший предшественник выполнял с величайшей исправностью. Мне потребовалось собрать все силы моей удрученной души, чтобы исполнять обязанности по должности, превышающей мое честолюбие** и мои силы. Простите же, государь мой, за то, что, оказавшись в затруднительном положении, я не мог еще послать вам заметок об осуждении царевича. Признаю себя, впрочем, виновным, ибо прежде всего мне следовало бы позаботиться о том, чтобы вывести вас из неизвестности и ускорить окончание вашего славного и тяжкого труда. Теперь же, когда я стал спокойнее, я примусь за дело и через несколько дней буду иметь честь сообщить вам свои соображения, вы же придадите им лишь то применение, которое сочтете уместным. Впрочем, я настолько полагаюсь на ваши милости, что осмеливаюсь повторить просьбу, с которой я уже к вам обращался, а именно — отсрочить выпуск в свет второго издания первого тома до тех пор, пока вы не отредактируете его в местах, которые могли бы дать основание придаться к нам. Ваши завистники и наши общие враги неистовствуют против нас более чем когда-либо, мое положение вынуждает меня считаться с ними, а вы меня слишком любите, чтобы желать меня скомпрометировать. Я счел бы нарушением долга дружбы не быть с вами вполне чистосердечным и эту свою откровенность я ставлю себе

* Использован перевод Н. С. Платоновой с несколькими уточнениями.

** *Далее зачеркнуто:* и входить в подробности, отнюдь не соответствующие той философии, которую мне бы хотелось иметь единственным предметом занятий.

в заслугу. Быть может, мне вскоре посчастливится быть узнанным короче Человеком, чье имя уже есть хвала и который для меня всегда был предметом преклонения. Пошатнувшееся здоровье, отвращение ко всему, что прельщает светских людей, желание вас видеть и почерпнуть от ваших знаний заставят меня ходатайствовать перед е. и. в. о разрешении на путешествие и вдали от придворной пышности искать то блаженное спокойствие духа, которое доньше мне удавалось отведать лишь в воображении; знаю, что именно фернейский замок оно избрало своим местопребыванием, туда я и отправлюсь искать его и там-то я и смогу, наконец, убедить вас в нежной привязанности, с которой буду всю жизнь пребывать, сударь. . .

15

1763, 26 VIII/6 IX

От Ф.-П. Пикте

Monsieur

Que de faveurs dont j'ai a vous remercier, & que les termes dont je pourrois me servir pour Cela Seroient foibles pour ma Reconnoissance: Olimpie nous a fait verser des torrents de larmes; Le Peintre de Pierre le grand nous auroit paru au dessus de son Heros Si la Chose etoit possible; Nous avons retrouvés dans l'essai sur L'Histoire generale; Ce Philosophe; ami du vrai & de l'humanité; ce Peintre de la nature; qui instruit mieux dans quelques lignes; que nos Compilateurs historiques dans leurs longues & * fastidieuses dissertations; les vers pour Sa Majesté nous ont prouvés qu'un grand Poete etoit tel jusqu'à son dernier moment, En un mot; J'ai été feté, recherché, Couru, & je le suis encore; uniquement, parcequ'on vouloit partager les richesses dont vous avez bien voulu me gratifier: Nous jouerons Olimpie le Carnaval prochain, J'ai présenté de votre part a Sa Majesté l'essai sur l'histoire generale, apres l'avoir fait habiller; Je n'ai gardé les vers que le tems qu'il a fallu pour les copier; & j'espere que vous trouverez que le papier cy joint; est un digne prix de la peine que vous avez prise de les Composer: J'espere même, que puisque Les Lettres que vous voulés bien m'écrire vous attirent des billets si flatteurs; vous voudrés bien Continuer à Causer un peu avec moi; me faire part de vos reflexions sur les evenements de ce monde, & si je l'osois, je demanderois même que vous voulussiés bien me Communiquer, Certains manuscrits, que vous réservés pour vos amis; & qui ne sont pas faits pour l'impression.

Je me suis bien douté que vous seriés etonné du serieux qui regnoit dans ma Lettre precedente; Il est Cependant vrai que je ne vous ecrivis

* *Далее зачеркнуто*: fastited.

rien alors que je ne pensasse; et que même j'irois encore plus loin aujourd'hui; s'il est vrai, comme on nous l'assure, que M^r d'Alembert s'est fixé auprès du Roi de Prusse; au Reste, vous ne devés point être surpris, de me voir plus serieux & plus reflechi que je ne l'étois à Geneve; Le sejour de la Cour, doit necessairement, ce me Semble, rendre Ceux qui l'habitent, ou absolument Corrompus; où Misantropes & Philosophes: Je vois au moins qu'elle fait cet Effect sur tous Ceux que j'y Connois, & vous savez a quel point la Misantropie influe sur les jugemens que nous portons. Ce qui arrive aujourd'hui en Europe fournira bien de la Matiere a ceux qui sont depossédés de cette humeur; Le Commerce d'Amsterdam & de Hambourg bouleversé; Les Secousses qu'éprouvent toutes les autres Places de L'Europe; tout cela occasionné dit-on, par une manœuvre Prussienne: Qu'elle Source de Reflexions, de Jugemens, de propos absurdes. Mais Quel Tableau que Celui de ce Siècle s'il étoit fait par * la Main qui nous a peint le Siècle de Louis 14! Nous sommes ici dans un Cu de Sac; les Nouvelles ne nous parviennent pas vite; aussi ce cahos est-il peut être desja debrouillé pour vous, tandis que tous les Couriers qui nous arrivent, ne font qu'augmenter la Consternation generale, Surtout depuis que les meilleures Maisons d'Amsterdam, de Celles qui n'ont point manqué, ont avertis leurs amis de ne plus tirer sur elles, & de ne plus leur remettre, jusqu'a nouvel ordre, ce qui interrompt absolument le Commerce de Change; sans le quel Celui de Marchandises de cette place ne Sauroit aller: Ce qu'il y a de singulier, & que vous ignorés peut être, c'est que Ce bouleversement ne peut avoir aucune influence sur les Marchands Russes. Les Maisons Etrangeres etablies ici S'en ressentiront Sans doute, et il en est plusieurs dont on attend chaque instant la decadence; Mais quand aux Russes, ils ne font jamais pour un sou de Confiance à l'Etranger; et Comme leurs Marchandises sont de premiere necessité pour les autres Nations, Ils vendent tout Comptant ou même par Contracts; dont on leur fournit l'argent d'avance.

Oserois-je vous prier de mettre <sic/> aux piés de Mesdames Denis & Dupuis; et d'être persuadé des sentimens de respect avec les quels j'ai l'honneur d'être

Monsieur/votre tres humble & très/obeissant serviteur

Pictet

St Petersburg, Ce $\frac{26^{\text{e}}\text{aoust}}{6^{\text{e}}7^{\text{bre}}}$. 1763.

Автограф. Архив ЛОИИ, собр. автографов Н. П. Лихачева, картон 634, № 42. Вверху пометка другой рукой: «М. Pictet», рядом карандашом — «astronome». В конце после даты приписка другой рукой: «Billet de S. M. L'Imperatrice de Russie joint a la lettre de M. Pictet. Le geant etc». Вопреки обычному обложки с данными об аукционе, на котором письмо

* Далее зачеркнуто: une.

было приобретено, не сохранилось. Но несомненно оно было куплено Н. П. Лихачевым в Берлине 21 мая 1909 г. (Leo Liepmanssohn, Cat. XXXVIII, 33, № 301), как подсказывает справка Т. Бестермана на стр. 11 т. 53, где при № 10577 издатель пометил «no text available».

О находке этого письма см. ПВ, Приложение 1, стр. 396.

Это письмо имеет особое значение, поскольку именно к нему было приложено письмо императрицы Екатерины II к Вольтеру, положившее начало знаменитой переписке на протяжении 15 лет (см. в разделе III, стр. 238—239).

Перечисляемые в настоящем письме сочинения Вольтера были им отправлены при письме 4 июля 1763 г. в адрес Д. М. Голицына в Вену; письмо не сохранилось, но упоминается в письме Вольтера к Голицыну от 12 августа (Best. 10533), опубликованном Д. Ф. Кобеко в 1885 г., и в ответе Голицына от 11 сентября 1763 г. (Best. 10586). В последнем Д. М. Голицын подтверждал и пересылку письма Вольтера к Пикте (Best. 10475).

[Перевод]

Милостивый государь,

сколько милостей, за которые мне благодарить вас, и сколь слабы выражения, которые могли бы послужить выражению моей признательности! «Олимпия» исторгла у нас потоки слез. Художник «Петра Великого» показался бы нам превосходящим самого его героя, будь то вообще возможно. В «Опыте о Всемирной истории» мы вновь обрели того философа, друга истины и человечества, того живописателя природы, который в нескольких строках поучает лучше, чем наши исторические компиляторы в своих длинных и скучных рассуждениях. Стихи к е. в. доказали нам, что великий поэт остается таковым до конца. Словом, меня чествовали, искали моего знакомства, за мной гонялись, и это продолжается и поныне единственно из-за того, что стремились получить свою долю от богатств, которыми вы соблаговолили меня наградить. Мы сыграем «Олимпию» на масленицу, я от вашего имени поднес е. в. «Опыт о Всемирной истории», предварительно сделав ему переплет; стихи я удержал у себя лишь на срок, потребовавшийся для изготовления копии, и надеюсь, что вы сочтете прилагаемый листок достойной наградой за труд, затраченный вами на их сочинение. Я надеюсь даже на то, что, поскольку письма, которые вы соблаговоляете писать мне, навлекают на вас столь лестные записочки, вы захотите и продолжать понемножку беседовать со мной, делиться со мной вашими размышлениями о событиях, происходящих на свете, и даже, если бы я смел, я бы попросил также, чтобы вы соблаговолили сообщить мне кое-какие рукописи, которые вы бережете для ваших друзей и которые не допускают напечатания.

Я так и предполагал, что вас удивит серьезность, господствовавшая в моем предыдущем письме. Меж тем я действительно не писал вам тогда ничего такого, чего бы не думал, а нынче я пойду

еще далее. Если правда, что, как утверждают, г. Даламбер обосновался при Прусском короле, то вас не должно удивлять, что я стал серьезнее и рассудительнее, нежели был в Женеве. Пребывание при дворе неизбежно, мне кажется, должно превращать людей либо в совершенно испорченных, либо в человеконенавистников и философов. По крайней мере я вижу, что оно производит такое действие на всех, кого я при дворе знаю, а вам известно, насколько мизантропия влияет на выносимые нами суждения. То, что ныне происходит в Европе, предоставит немало материала для размышлений тем, кто лишен этого умонастроения. Торговля Амстердама и Гамбурга приведена в расстройство, потрясения, испытываемые другими городами Европы, всё это, вызванное махинациями Пруссии, — какой источник размышлений, суждений, нелепых толков! Но и какова была бы картина нынешнего века, будь она написана рукой, изобразившей Век Людовика XIV! Мы здесь живем, как в тупичке, новости не скоро доходят до нас. Поэтому возможно, что вы уже разобрались в этом хаосе, тогда как все приходящие к нам известия лишь увеличивают всеобщую растерянность, особенно с тех пор, как лучшие амстердамские фирмы — из числа тех, что не обанкротились, — оповестили своих друзей, чтобы те более не трасировали на них и не делали на них переводов впредь до нового приказа, чем полностью прерваны вексельные сделки, без коих сделки товарные не могут там осуществляться. Что в этом необычайного и чего вы, пожалуй, не знаете, так это то, что всё это расстройство не может никак повлиять на русских купцов. Для иностранных фирм, обосновавшихся здесь, несомненно, это не пройдет бесследно, и среди них имеются такие, упадок коих ожидается ежечасно. Что же касается русских, они никогда ни на грош не предоставляют кредита иностранцам, а поскольку их товары составляют предмет первой необходимости для других наций, они продают всё за наличные или даже по договорам, заранее авансируемым.

Осмелюсь ли просить вас о разрешении пасть к ногам г-жи Дени и г-жи Дюпюи и быть уверенным в чувствах почтительности, с которыми я имею честь быть, сударь, вашим нижайшим и покорнейшим слугой

Пикте.

С.-Петербург, сего 26 августа/6 сентября 1763

1765, 15 IV

От Даниэля

A Paris ce 15 avril 1765.

Un de vos Confreres de L'Academie, Monsieur, vous disoit un jour

C'est a Voltaire seul d'écrire
 A nous de lire et de relire
 Jour et nuit sa prose et ses vers.

Aussi persuadé de cette verité que si j'avois le meme honneur que Lui; C'est a vous que je m'adresse néanmoins pour me plaindre d'un fait oublié dans votre histoire générale, de meme que dans Les Additions ou Suppléments qui ont paru depuis; Cet Oubli intéresse également tout François jaloux de La Gloire de Son Maitre, de Celle de son Pays et qui doit souhaiter par consequent de la voir perpetuée dans vos Ecrits. Je veux parler d'un Evenement qui étoit digne, a ce que je crois, de tenir Sa place parmi ceux de la derniere Guerre dont vous avez fait mention. C'est L'Affaire de St Cast en Bretagne arrivée Le 11e de 7bre 1758. Cette journée heureuse et Brillante sauva notre Province; elle fut Due, comme vous scavés, a L'activité et a La Valeur de M^r Le Duc D'Aiguillon qui accourut du fond de La Province avec quelques Bataillons et un Regiment de Dragons et qui arriva asses a tems pour défaire Les Anglois débarqués sur la plage de St Cast pres de St Malo. ils étoient au nombre de huit Mille hommes Soutenus par une Escadre nombreuse dont L'artillerie Formidable ne rallentit ni L'ardeur des Troupes ni les manoeuvres du General. La Noblesse Bretonne y Signala aussi son zéle; Elle formoit une troupe qui marchoit a la tete des Grenadiers. Les Anglois se rembarquèrent confusément et laisserent sur la plage environ 1200 des Leurs tués, blessés ou prisonniers, sans parler du double de ce nombre au moins, qui périt dans la Mer, soit par le feu de notre artillerie ou Mousqueterie soit dans le desordre du rembarquement; parmi les prisonniers, il y avoit une trentaine d'officiers, dont plusieurs personnes de marque et entre autres Milord Frederic Cavendish frere du Duc de Devonshire, M^r Le Chevalier *Gilmore*, Mrs *Casvalthide*, *Powley*, avec plusieurs Colonels et Lieutenants Colonels des Gardes. Le Duc D'Yorck fils Du Roy D'Angleterre qui étoit a terre depuis trois jours, S'Etoit, heureusement pour lui, rembarqué le matin; il avoit pensé etre pris la veille par un de nos partis. Le General Dury qui commandoit les troupes de débarquement perit dans la Mer en tachant de regagner la flotte, de meme que nombre d'autres officiers. Cet Evenement que Les Anglois eux memes ont remarqué dans leurs journaux ou Gazettes et qu'ils ont célébré pour les traits D'Humanité et de Generosité que leurs blessés et prisonniers éprouverent de notre part, a été consacré par les Ordres que Le Roy donna de faire Chanter Le *te Deum*, et de faire

des jouissances publiques dans tout le Royaume et dans ses Armées. La Lettre Circulaire que sa Majesté écrivit a cette occasion, suivant L'usage, aux Eveques et aux Commandants de ses Provinces et de ses troupes, faisoit mention aussi de quelques événements heureux qui venoient d'arriver en Canada, sous le commandement de M^r Le Marquis De Montcalm, ce brave françois dont les Anglois ont honoré la memoire dans le tems meme qu'ils pleuroient la mort de leur General Wolf, tué le meme jour que M^r De Montcalm et dans la meme affaire qui nous fit perdre le Canada. Si le coup d'oeil rapide que vous avés jetté, dans votre histoire sur les affaires de L'Amérique ne vous a pas permis, Monsieur, de parler de M^r De Montcalm ni de ses Succés, je Crois que vous conviendrés que l'affaire de St Cast meritoit a toutes sortes d'égards que vous en fissiez mention pour son importance en elle meme; c'est en effet un événement de la nation deffendant ses foyers. Cette journée humilia un peu Les anglois qui *vainqueurs par tout* ailleurs, comme vous L'avés remarqué, Monsieur, ne le furent pas au moins dans cette partie; elle releva aussi L'honneur des armes françoises, dans le tems qu'il étoit le plus en souffrance en Allemagne. La Province de Bretagne jalouse de Marquer la reconnaissance a son Libérateur fit frapper pendant la tenue des Etats, assemblés en 1760, une tres belle Medaille avec des inscriptions qui constatent L'événement. Je ne vous fais tout ce détail, Monsieur, que pour vous représenter que cette journée brillante et utile étoit digne, a ce que je crois, d'être remarquée dans les fastes de La France, et par consequent dans vos Ecrits qui sont *Monumentum aere perennius*; il y eut quelques pieces de Vers a cette occasion, comme vous en croyes bien, et des Chansons aussi; parmi celles cy, il y en avoit une dont les derniers vers ne seront point dedités pas vous, puis qu'ils disoient qu'il ne faut *qu'un Richelieu, pour chanter en tout lieu victoire*; si vous aviés besoin de quelques Relations plus circonstanciées de cette affaire, je serois a portée de vous les faire parvenir, comme aussi les noms de ceux de la Noblesse et des Officiers des notres qui ont péri dans cette journée, dont les principaux sont M^r Le Ch^{er} De Polignac, M^r Le Marquis De Cucé, M^r Le Comte De Montaignu et autres, sans parler d'un nombre considerable de blessés. apres tout ce que je viens de vous dire vous pourries croire, Monsieur, que c'est quelqu'interet personnel qui m'anime; Mais L'AMOUR seul de la verité m'a déterminé a vous écrire, ainsi que l'envie de la voir constatée dans vos Ecrits sur un fait aussi interessant pour la Gloire des armes Du Roy, pour L'honneur de la Province De Bretagne en particulier et pour celui Du General a qui elle a du son salut, de meme qu'aux troupes qui ont combattu sous ses ordres. J'ai L'honneur d'être tres parfaitement

Monsieur | Votre tres humble et tres obeissant | serviteur

daniel

Si vous m'honorés d'une réponse, Monsieur, je vous prie de L'adresser sous L'Enveloppe De Monsieur De Croismare Lieu^t-General des armées du Roy, Gouverneur de L'Ecole Militaire.

[Перевод]

Париж, сего 15 апреля 1765

Один из ваших собратьев по Академии, милостивый государь, сказал вам некогда

Одному Вольтеру надлежит писать,
А нам — читать и перечитывать
Денно и ношно его прозу и его стихи.

Столь же уверенный в истинности сего, как если бы я имел ту же честь, что и он, я все же именно к вам обращаюсь с жалобой на одно обстоятельство, позабытое в вашей «Всемирной истории», а равно и в «Добавлениях» или «Приложениях», которые появились с тех пор. Это упущение в равной мере затрагивает каждого француза, ревнующего о славе своего государя, о славе своей страны и потому непременно желающего узреть ее увековеченной в ваших трудах. Мне хочется сказать о событии, достойном, как мне сдается, сохранить свое место среди событий последней войны, о которых вы упоминаете. Это дело при Сен-Касте в Бретани, случившееся 11 сентября 1758 г. Этот счастливый и блистательный день спас нашу провинцию; им мы обязаны, как вам известно, действиям и доблести г. герцога д'Эгильона, поспешившего сюда из глубины провинции с несколькими батальонами и полком драгун и подоспевшего вовремя, чтобы разбить англичан, высадившихся на побережье Сен-Каста близ Сен-Мало. Их было числом восемь тысяч, подержанных многочисленной эскадрой, грозная артиллерия которой отнюдь не ослабила ни пыла войск, ни маневра военачальника. Бретонское дворянство тоже засвидетельствовало при этом свое рвение; оно составило отряд, выступивший во главе гренадеров. Англичане в смятении вновь погрузились на суда, оставив на берегу приблизительно 1200 убитых, раненых или взятых в плен, не говоря уже о крайней мере вдвое большем числе погибших в море как от огня нашей артиллерии и мушкетов, так и от сумятицы при посадке на корабли; в числе взятых в плен было три десятка офицеров, среди коих много знатных персон, в их числе милорд Фредерик Кавендиш, брат герцога Девонширского, г. кавалер Гильмор, гг. Кэсвальтейд, Поули вместе с несколькими полковниками и подполковниками гвардии. Герцог Йоркский, сын английского короля, находившийся на суше в течение трех суток, к счастью для себя, еще утром сел на корабль; он накануне едва не был захвачен одним из наших отрядов. Генерал Дюри, коман-

довавший десантными войсками, погиб в море, равно как и многие другие офицеры, при попытке догнать флот. Это событие, которое сами англичане отметили в своих листках или газетах, прославляя гуманность и великодушие, проявленное с нашей стороны к англичанам — раненым и пленным, было освящено королевским распоряжением о благодарственных молебнах и общественных празднествах по всему королевству и во всех королевских армиях. Циркуляр по этому поводу, посланный, согласно обычаю, епископам, а также командующим провинциями и военными силами, упоминал также о нескольких военных удачах, случившихся в Канаде под командованием г. маркиза де Монкальма, сего французского смельчака, память коего англичане почтили тогда же, когда они оплакивали смерть их генерала Вольфа, убитого в тот самый день, как и г. де Монкальм, и в том же деле, которое послужило причиной потери нами Канады. Ежели быстрый взгляд, кинутый вами в вашей истории на американские дела, и не позволил вам говорить ни о г. Монкальме, ни о его успехах, я полагаю, что вы все же признаете, что дело при Сен-Касте по разным соображениям заслуживало того, чтобы вы о нем упомянули ради его собственной значительности — оно в самом деле является событием для нации, защищающей свои очаги. Это сражение немного сбило спесь с англичан, которые, будучи, как вы отметили, победителями повсюду в других местах, не оказались таковыми по крайней мере в данной экспедиции. Оно также подняло честь французского оружия в то самое время, когда она более всего пострадала в Германии. Ревнуя выразить признательность своему освободителю, провинция Бретань во время собрания штатов в 1760 г. заказала выбить очень красивую медаль с надписями, удостоверяющими событие. Я привожу, сударь, все эти подробности единственно ради того, чтобы дать вам представление о том, что это блистательное и полезное сражение заслуживало, по-моему, быть отмеченным в фастах Франции, а следовательно, в ваших трудах, которые являются «*Monumentum aere perennius*»;* по этому случаю, как вы несомненно полагаете, появилось несколько поэтических произведений, а также песенок; среди таковых была одна, последние стихи коей вы отнюдь не отвергнете, ибо они утверждали, что нужен лишь один Ришелье, чтобы иметь возможность повсеместно торжествовать победу. Ежели бы вам понадобились какие-либо более обстоятельные донесения об этом сражении, я в состоянии вам их доставить, равно как и имена тех из дворянства и из числа офицеров, которые погибли в тот день, и среди них на первом месте г. кавалер де Полиньяк, г. маркиз де Кюсе, г. граф де Монтегю и другие, не говоря уже о значи-

* «Памятником, более долговечным, чем бронза» — Ног., *Carmina*, I, 30, 1. (Прим. В. Л.).

тельном числе раненых. После всего сказанного мною вы могли бы подумать, сударь, что мною движет какой-либо личный интерес; но лишь ЛЮБОВЬ к истине предопределила мое решение написать вам, равно как и желание видеть ее засвидетельствованной в ваших трудах применительно к делу, столь заслуживающему внимания ради славы королевского оружия и чести Бретонской провинции в особенности, а также ради чести военачальника, коему она обязана своим спасением, равно как и войск, сражавшихся под его началом.

Имею совершеннейшую честь пребывать, сударь, вашим низжайшим и покорнейшим слугой

Даниэль.

Если вы почтите меня, сударь, ответом, прошу вас надписать конверт на имя г. де Круамар, генерал-лейтенанта королевских войск, начальника Военного училища.

17

1765, 29 XI/10 XII

От И. И. Бецкого

St Pétersbourg, ce 29 XI-bre 1765 v. s.

Monsieur,

Vos sentiments de reconnaissance pour les marques d'estime que S. M. I. rend a vos talens, vont se renouveler par la réponse que j'ai l'honneur de vous envoyer de sa part, admirateur comme vous de cette auguste Princesse et des vertus qui l'ont rendue digne du throne. Elle fera la gloire d'un siecle dont vous avez commencé a faire l'ornement, et si l'histoire nous a transmis ce qu'a fait Octave pour Horace, Virgile etc., la postérité saura de meme le cas que Catherine aura fait de Voltaire.

Quant a moi, monsieur, sans vouloir usurper le titre de Mécene de ce nouvel Auguste, je ne néglige rien pour jouir des avantages qu'il pourrait me procurer. Exécuteur soumis de ses volontés, je n'ai d'autre part dans ce qu'elle fait que l'obéissance, trop heureux d'être quelque fois le canal par lequel elle répand ses graces.

Votre bagatelle, monsieur, m'a mis dans l'admiration; apres l'avoir lue, je serais trop flatté d'en avoir de pareilles plus souvent. Il se trouvent ici comme ailleurs des zélés admirateurs de vos productions et qui en savent apprécier le mérite.

La lettre dont vous m'avez chargé pour m. Soltikoff lui a été rendue.

Faites-moi la grace, monsieur, de me conserver une place dans votre souvenir et d'être persuadé de l'estime sincere avec laquelle j'ai l'honneur d'être, monsieur, votre tres-humble et tres-obéissant serviteur

I. Betzky.

По автографу из собрания И. И. Куриса было напечатано П. Барте-
вым («П. Б.») с примечаниями Д. Ф. Кобеко в «Русском архиве», 1886,
кн. 6, стр. 145 сл.

Сохраняется в составе «Писем к Вольтеру», несмотря на включение
в издание Бестермана (Best. 12167), ввиду значения в связи с перепиской
Вольтера с Екатериной II.

[Перевод]

С.-Петербург, сего 29 ноября 1765 г. ст. стилия

Милостивый государь,

ваша признательность за знаки уважения, которые е. и. в. воздаст
вашим талантам, возобновится вследствие ответа, который я имею
честь препроводить к вам от нее. Я, так же как и вы, поклонник
этой августейшей государыни и доблестей, сделавших ее достой-
ною престола. Она прославит собою нынешний век, которого вы
начали быть украшением, и если история передала нам то, что
сделал Октавий для Горация, Виргилия и других, то потомство
узнает также, как Екатерина ценила Вольтера.

Что до меня, сударь, то, не присваивая себе титула Мецената
при сем новом Августе, я не упускаю ничего, чтобы пользоваться
выгодами, которые от того могу получить. Покорный исполнитель
ее воли, я только моим повиновением принимаю участие в ее
действиях, будучи слишком счастлив, когда мне доведется иной
раз служить каналом, через который проливает она свои милости.

Ваша безделка, сударь, восхитила меня. По ее прочтении мне
было бы очень лестно получить подобные как можно чаще. Здесь,
как и в других местах, есть горячие поклонники ваших произведе-
ний, умеющие ценить их достоинство.

По вашему поручению доставлено г-ну Салтыкову письмо на
его имя.

Сделайте милость, сударь, сохраните мне место в воспомина-
нии вашем и будьте уверены в искреннем почтении, с коим имею
я честь быть вашим, сударь, нижайшим и покорнейшим слугой
И. Бецкий.

18

[1766 (?)]

От Г. Крамера?

Ces lettres majuscules me semblent d'aussi mauvais gout qu'a
Monsieur Voltaire; c'est une vieille habitude que j'ai eu (?) toutes les
peines du monde a deraciner; et dont je suis pourtant venu à bout
dans l'édition encadrée. Monsr De Tourne, arrive de Paris, ne se portant

point bien; c'est par discrétion qu'il n'a écrit n'y rendu encore ses devoirs à Monsieur de Voltaire. Mille tres humbles Respects.

Автограф. Письмо, с красной сургучной печатью (овальный щит, в правой части которого выступающая из облака рука с ветвью), на одном листке, с адресом: A Monsieur Monsieur de Voltaire Gentilhomme ordinaire du Roi etc. a Fernez, вклеенное вслед за стр. 232 в экземпляр книги «Mémoire à consulter et consultation pour le sieur de Bussy...», A Paris, de l'Imprimerie de Michel Lambert, 1766. В составе БВ, шифр 9—312, по ВV, № 2389, стр. 609, с несомненной опечаткой в годе издания, указанном «1776». Ср. ВV, Приложение II, № 8, стр. 1012, где эта ошибка повторена.

[Перевод]

Мое впечатление от безвкусыя этих прописных совпадает с впечатлением господина Вольтера; это косность, которую я с величайшими затруднениями искоренял и в чем все-таки преуспел в обрамленном издании. Г. Турн прибыл из Парижа больным и лишь по скромности он еще не написал и не отдал своего долга внимания господину Вольтеру. Тысячу выражений почтительности.

19

1767, 11 V

От А. Р. Воронцова

La Haye ce 11 Mai 1767

Monsieur,

Vous connoissez tout mon respect, et mon admiration pour Vous, d'après cela Vous jugeres aisément de ma sensibilité et combien j'ai été flatté de l'obligeante lettre dont vous m'avez honoré,^a accompagnée d'un exemplaire des *Scithes*, que je garderai bien précieusement dans ma Bibliothèque.⁶ Il seroit inutile de dire tout le plaisir que j'ai eu à la lecture de cette tragédie; c'est une sensation que vos ouvrages, Monsieur, ont toujours produit et * vous assurer combien elle est vraie ce seroit s'exposer a vous dire une chose que Vous êtes accoutumé d'entendre depuis cinquante ans; je me bornerai donc à vous parler de la belle simplicité avec laquelle tout y est conduit; je compte avoir la satisfaction de la voir représenter ici bientôt. Nous avons une actrice (Mlle Martin) qui est bien propre à sentir et faire sentir aux autres tout ce qu'*Obéide* a de beau dans son rôle.

Je verrai avec grand plaisir, Monsieur, la brochure, dont vous me faites l'honneur de me parler, et où il est question de l'Impératrice,^b Je voudrois bien vous envoyer de ce pays-ci quelque chose qui en vaille la peine; mais la littérature et la librairie y sont tombées presque tout-à-fait; il n'y a pas trois libraires, dans les Sept Provinces, qu'on puisse opposer a ceux de la ruë St. Jaques; les autres font des contre-

* Далее зачеркнуто: a force d'être, слова vous assurer combien elle est вписаны Воронцовым.

factions des ouvrages qui paroissent ailleurs, le tout rempli de fautes; enfin tous ces libraires n'ont pas un homme qui sache seulement assez de françois et d'orthographe pour corriger les fautes les plus grossières; malgré cela les livres se vendent, et beaucoup de bonnes gens, ici et ailleurs, ont toutes leurs bibliothèques composées de pareilles éditions, sans avoir été à même de se douter seulement qu'elles sont toutes fautives. D'ailleurs avec cette prétendue liberté de la presse les Ministres, à force de prêcher, sont parvenus à la gêner extraordinairement.

Vous avez appris sûrement les persécutions que le pauvre Professeur Gaudion a essayées à Amsterdam pour avoir écrit quelques balivernes dans le Journal des Savans, lesquelles, par leur absurdité, ne méritaient point d'être traitées si sérieusement.

Je vous renouvelle, Monsieur, mes remerciemens pour toutes vos bontés: vous ne devez pas douter de toute ma sensibilité à cet égard aussi que du respect avec lequel je suis,

Monsieur, | Votre tres humble et tres obéissant | Serviteur

C. Alexandre de Woronzow.

Писано рукой секретаря; подпись — автограф. Архив ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, № 271/164 г, с его пометкой «Leo Liep. (XXXVIII — 21—22 мая 1909). Воронцов — Вольтеру» и с вырезкой из печатного каталога фирмы Лео Липмансзон под № 303. Вверху первого листа пометка (рукой Вольтера?): M. le Comte de Woronzow.

^a Имеется в виду письмо Вольтера от 22 апреля 1767 г., воспроизведенное в «Архиве кн. Воронцова», т. V, стр. 451, № 7.

^b Нам не удалось отождествить этот экземпляр, однако ничто не говорит против возможности его обнаружения: обширные материалы по истории библиотеки А. Р. Воронцова (да и других библиотек Воронцовых в XVIII в.), хранящиеся в Ленинграде, Одессе, Алушке и Москве и заслуживающие монографического изучения, по существу даже не обследованы систематически.

^v Эта брошюра была прислана при следующем письме Вольтера, от 28 апреля.

[Перевод]

Гаага, сего 11 мая 1767

Милостивый государь,

вам известны все мое почтение к вам и все мое восхищение вами; а потому вы легко рассудите сами о моей чувствительности и о том, сколь лестно мне было любезное письмо, коим вы меня почтили, сопроводив его экземпляром «С к и ф о в», который я как особую драгоценность сохраняю в своей библиотеке. Бесплезно пытаться высказать все наслаждение, испытанное мною при чтении этой трагедии; это ощущение, которое ваши труды, сударь, всегда производили; и заверять вас в том, насколько оно соответствует истине, значило бы предаться изложению вам того, что вы

привыкли слушать уже пятьдесят лет. Ограничусь поэтому упоминанием о прекрасной простоте, с которой ведется все действие. Рассчитываю иметь удовольствие лицезреть вскоре здесь ее постановку. У нас есть актриса, мадемуазель Мартен, которая весьма способна почувствовать и заставить прочувствовать других все красоты, заключенные в роли Обеиды.

Я охотно рассмотрю, сударь, брошюру, о которой вы мне оказали честь упомянуть и в которой идет речь об Императрице. Мне бы хотелось выслать вам из здешних краев что-либо стоящее; однако как литература, так и книготорговля почти совсем пришли тут в упадок; во всех Семи Провинциях не найдется трех книгоиздателей, которых можно было бы сопоставить с книгоиздателями улицы Сен-Жак, прочие же выпускают контрафакции изданий трудов, выходящих в других местах, причем все преисполнено ошибок; наконец, у всех этих издателей нет ни единого человека, достаточно знакомого с французским языком и с орфографией, чтобы править даже грубейшие ошибки. Несмотря на это, книги распродаются, и множество простаков, как здесь, так и в других странах, обладает целыми библиотеками, составленными из подобных изданий, ни разу даже не усумнившись в том, что все эти издания сплошь полны ошибок. А кроме того, при всей этой якобы свободе печати пасторы посредством своих проповедей сумели ее стеснить до чрезвычайности.

До вас несомненно дошло, каким преследованиям подвергся бедняга профессор Гаудион в Амстердаме за написание каких-то бредней в «Журнале ученых», которые по своей абсурдности вовсе и не заслуживали, чтобы их принимали столь всерьез.

Я возобновляю, сударь, свою благодарность за все ваши милости. Не извольте же сомневаться в моей чувствительности к ним, равно как и в почтении, с каковым я пребываю, сударь, вашим нижайшим и покорнейшим слугой

Граф Александр Воронцов.

20

1767, 23 IX

От Эталлонда

Monsieur,

Puis-je sans indiscretion vous marquer ma Reconnaissance pour un Présent de 9 volumes que j'ai reçu il y a Environ Deux mois. Mr Rey Libraire a amsterdam me les a Envoies franc de port avec une Lettre d'avis par la quelle il me mande qu'il a ordre de m'envoyer tels Et tels Livres, Et qu'il me prie de lui en Mander la Reception. Il ne me dit point d'ailleurs quelle est la personne qui l'a chargé de m'envoyer ces livres qui sont sans contredit ce qu'il y a de mieux dans la Litterature. j'ignore a qui je suis redevable d'un présent aussi flatteur: mais

a Cette façon d'obliger je ne puis méconnaître les personnes Généreuses qui sont en possession de me combler de leurs Bontés. J'ai toujours Esperé jusqu'a présent recevoir quelques renseignemens a ce sujet mais rien ne m'Eclaircit ou plutôt ne confirme mes Conjectures. Ce Silence Semblerait peut etre m'indiquer que Celui qui m'oblige ne veut recevoir aucun remerciement, mais, Monsieur, je suis trop sensible a ce nouveau bienfait pour n'en pas témoigner ma gratitude a Celui a qui je crois en avoir l'obligation; il m'en a déjà trop couté pour retenir Si longtems mes Sentimens; ainsi, Monsieur, j'espere que vous voudrez bien permettre que je leur donne enfin l'Essor. je n'ôserais vous prier de me dire quel est l'homme respectable qui a déjà antérieurement tant fait pour moi, mais je vous supplie du moins de me faire Scavoir Si vous avez Connaissance des livres dont j'ai l'honneur de vous remercier. En attendant que vous me fassiez la grace de me répondre j'ai L'honneur d'Etre avec la consideration la plus parfaite,
Monsieur, | Votre tres humble | Et très obeissant serviteur

Morival

De Wesel Le 23 7re 1767

Автограф. Рукописи БВ, т. VI, лл. 88 и 89 (чистый); без адреса. Косси (стр. 25) ошибочно счел это письмо автографом Муанеля (почерк которого совсем не похож) и не раскрыл, что оно адресовано несомненно Вольтеру.

[Перевод]

Милостивый государь,

дозволено ли мне будет, не нарушая скромности, выразить вам свою признательность за подарок девяти томов, полученный мною около двух месяцев тому назад. Г. Ре, амстердамский книгопродавец, прислал мне их, оплатив пересылку, вместе с письменным извещением, которым он меня уведомляет о том, что он получил приказ посылать мне такие-то и такие-то книги и что он просит меня подтвердить их получение. Он не сообщает мне, впрочем, кто то лицо, которое поручило ему выслать мне эти книги, неоспоримо являющиеся лучшим из всего, что имеется в литературе. Я нахожусь в неведении относительно того, кому я обязан столь лестным подарком, но по этой манере оказывать услугу я не могу не узнать тех щедрых лиц, которые в состояниисыпать меня своими благодеяниями. Я все время надеялся получить какие-нибудь сведения на этот счет, но доныне ничто меня не просветило или вернее не подтвердило моих догадок. Возможно, что подобное безмолвие должно было послужить мне указанием на то, что тот, кто мне благодетельствует, не желает получать никакой благодарности, но, сударь, я слишком тронут этим новым благодеянием, чтобы не засвидетельствовать свою признательность тому, кому, как мне сдается, я им обязан; мне уже

и так было трудно сдерживать столь долго свои чувства; посему, сударь, я надеюсь, что вы разрешите мне дать им наконец свободное изъяснение. Я не осмелюсь просить вас сказать, кто тот высокочтимый человек, который и прежде уже столь многое сделал для меня, но молю вас по крайней мере дать мне знать, известно ли вам что-либо о книгах, благодарить за которые вас я имею честь. В ожидании того, что вы окажете мне милость ответить, я имею честь пребывать с самым совершенным уважением, сударь, вашим нижайшим и покорнейшим слугой

Мориваль.

Везель, 23 сентября 1767

21

[1768, VI?]

От аббатиссы де Бру

Histoire de mes malheurs

<р. 1> je suis sortie de ma maison comme j'ai eu l'honneur de vous le mander trois mois après la détention du chev^{er} de labarre, j'ai d'abord été très bien reçue de ma famille, j'étais munie d'un petit extrait des charges et informations du procès que je leur fit voir ils trouverent tous qu'il n'y avait pas de quoi salarmer sur cette affaire. mais ils me dirent qu'ils ne pouvoient rien faire que la procédure ne fut arrivée à paris on devoit l'envoyer à cause de l'appel du décret des deux derniers décrets. elle arriva enfin, fut adressé à mr boullenois substitut du procureur general, mr dormesson president à mortier qui avoit déjà parlé de cette affaire avec ce substitut, me dit de ne pas aller luy parler avant qu'ils eussent vus ensemble de quoi il étoit question quelque jours après le president me menda par la petite poste que je pouvois aller chez mr boullenois que ce qu'il avoit à me dire n'étoit pas affigent <sic!> j'y fus il me fit entrer dans son cabinet je vis sur sa table l'énorme procédure il me dit qu'il l'avoit examiné *qu'il n'y avoit pas de quoi fouetter un chat* ce sont ces propres paroles que je fut sur le champ rendre au president comme mr de soecour assesseur criminel. dabberville m'avoit fait dire avant que j'en partisse par mr de fontaine major son ami qu'il falloit que je luy fisse écrire des lettres de paris sur l'affaire qu'il n'osoit pas décider seul, mais qu'il agiroit avec bien de la confiance d'après les lumières du president dormesson je me servit de cet offre que je croyois sincère mais qui ne letoit pas pour engager le president dormesson et mr boullenois à écrire au juge dabberville ce qu'ils pensoient sur cette affaire cequ'ils m'accorderent sans peine, le president écrivit à mr de soecour. et luy mandata que les accusations dont on chargeoit le chev^{er} de la barre étoient des fautes qui regardoient plutôt la correction d'une famille que la sévition du ministère public qu'il le prioit de conduire cette affaire avec toute la douceur dont elle étoit

susceptible mr boullenois ecrivit une lettre emplement detaillé au procureur du roy. <p. 2> dabbeville pour luy prescrire la marche de cette affaire il luy marquoit quil faloit un plus emplement informé pour ce qui regardoit le sieur detalonde, admoneste les deux prisonier et les renvoyer et mettre hor de proces les deux autres décrétés le president ma dit avoir lue cette lettre et lavoir luy meme mise a la poste avec la siene dans la cour du palais, les officiérs de justice dabbeville furent plus dun mois a faire reponse aubout de ce tems mr de soecour repond au président la lettre ci jointe, pendant ce tems tout le presidial dabbeville refuse de connoitre de laffaire sous differend pretexte il ne ce trouve quun seul conseiller avec lassesseur, comme il faloit un troisieme juge lassesseur choisit vn avocat nommé broutel qui navoit jamais avocassé et qui pour son coup dessai condanne deux hommes a mort, ce broutel na de sa vie été avocat que de nom sa profession etant de ce meler de toute sorte de negoce il vend jusqua des cochons il ma vendu a moy meme du bois de chauffage cest vn homme noté de fait grave et fletrissant et meprisé generalement. mr de Villers conseiller lun des juges est un imbecil reconnu pour tel mr de soecour premier juge en cette affaire men vouloit de plus loing, parce que javois eu contre son gré vne de ses parentes pentionnaire ches moy dont il etoit le curateur javois marié cette jeune personne quil reser-voit pour son fils cette demoiselle avoit un frere qui etoit aussi sous la meme curatelle je luy avois conseillés de prendre garde et declairer la conduite de ce curateur afin quil ne luy fit pas de tort, jai tout lieu de croire que ce conseil que javois donnees de la meilleure foy du monde luy a été rendu et a achevé den faire mon ennemy.

pour revenir a notre affaire, jetois dans la plus grande securité dapres les demarches du president et de mr boullenois lors que japris la nouvelle de laffreuse sentence dabbeville je courus ches tous mes parents <p. 3> pour voir ce quon pouvoit faire, mrs Dormesson me dirent que cette sentance etoit extravagante quil etoit impossible quelle fut confirmé a paris quil alloient tout employer pour la faire casser, se sont leur propres termes, le president medit quil faloit nomer vn rapporteur, je le priai de faire nomer mr pelot des quil le fut jalai ches luy le solliciter, il me promis tout ce quon peut en pareil cas, je retournai quelque tems apres je trouvai mon homme fort effrayé et fort allarmé me plaignant beaucoup de minterresser a une affaire si malheureuse comme je luy demendois ce quil y avait donc de si affreux dans cette affaire il me repondit que le fait le plus grave etoit une chanson je crus quil etoit fou mais il agravat tellement ce crime que je fus convaincu quil pensoit comme il me parloit, il me dit que le seul parti a prendre etoit dobtenir une lettre de cachet pour arretér toute procedure je courue rendre cette conversation au president qui me dit que tout cela ne devoit pas minquieter que cette affaire ce presentait toujours au plus noir a la premiere vue quen lesaminant de plus pres on en prenoit une idée plus avantageuse que quand a une lettre de cachet ma famille ne la demanderoit pas parcequil faloit sad-

resser au vice chancelier qui avoit succédé a mr de brou jus beau le presser je ne put le faire changer de disposition a ce sujet.

comme je voulois faire un voyage en basse nomandie <sic/> ches ma soeur marié dans ce pais; je retournai ches mon rapporteur luy demander si j'aurais le tems avant le jugement de laffaire il me dit que oui quelle ne seroit pas jugée si tost a cause de celle de mr de lalie quil me promettoit de m'avertir que je pouvois estre tranquille et partir fatal voyage qui a acceleré tous mes malheurs, je parts apres en avoir averti mes parents le 1er may, le 7 juin suivant je recois une Lettre de mon rapporteur datte du 29 may qui maprend que mon affaire doit estre jugé le 5 juin que je viene au plus vite a paris je etois a plus de 60 lieux, l'impossibilité de mi rendre avant le jugement me fit <p. 4> prendre le parti de rester ou jetois, le parlement confirma l'horrible sentence dans tout ses points de ce moment le public et ma famille ce dechaina contre moy et me crut coupable detous les crimes mr de marville fut chargé demannoncer tous mes malheurs il ecrivit a ma soeur ainsi qua moy quela catastrophe de mon malheureux parent retomboit sur moy de la façon la plus terrible et la plus fletrissante, quil faloit que je me demisse de mon abbaye si non quon menvoyeroit par lettre de cachet tres loing dans vn couvent ou je serois tenue de tres cour quen atendant il faloit donner ma parole dhonneur de ne pas sortir de ches ma soeur sans quoi j'aurais sur le chams vne lettre de cachet je donne ma parole de rester ches ma soeur et je refusai tout net ma demission, mr lev dorleans me mندات que le roy pensoit que je ne pouvois jamais retourner a abbeville toutes les personnes qui menvironnoient ainsi que mes proches ne cessoient de me tourmenter pour quitter mon abbaye presque tous mes amis me disoient la meme choses en mesagerent les maux qui devoient resulter de mon opiniatreté jetois seule contre tout je tins bon malgre tout, mais comme jetois fort desagrement ches ma soeur qui est une devote et une genseiste outré sans savoir ce que cest je demandé a mr lev dorleans daller dans un couvent de mon ordre ce que j'obtins, quelque tems apres je passai cinq mois dans cette abbaye ou je recevois lettre sur lettre de mr de marville pour avoir la demission de mon abbaye fondé sur les plaintes des religieuses de ma maison qui avoient ecrie en cour contre moy et sur les sollicitations de leveque damiens mon ennemi notoire, pour me mettre a labri de tant dimportunité et pour que lev damiens ne fut pas nommé commissaire de la cour faire une visite reguliere dans ma maison comme mr de marville men menacoit je demandai a labbé de cisteaux mon superieur un commissaire de lordre, malheureusement son choix tombat sur le prieur dugard homme entierement devoué a leveque damiens <p. 5> dequi il esperoit une bonne abbaye, en me sacrifiant a ses vües plain de ses ideés il vint dans mon abbaye fit une visite reguliere ecouta les plaintes des religieuses les mit par ecrie signé delles, les mecontentat toutes en apparences pour les mieux servir en realité il dressa un proces verbal des depositions des religieuses contre moy dans le quel il ne fit aucune

mention de la bonne administration qu'il trouva malgré les clameurs qu'avoient faites les religieuses dans toutes leurs lettres que ma maison était ruine, cette imposture dont il voyait évidemment la fausseté auroit du lui rendre suspect toutes les autres charges, il reçut les dépositions des religieuses quoi qu'il sçût quelles avoient concerté ensemble par écrit ce quelles vouloient dire contre moy il a encore en main les dits billets sans en avoir fait le moindre usage en ma faveur, non content de tout cela cet indigne moine fut remettre le procès verbal des dépositions dans les mains de lev damiens quoi qu'il eut promis de renvoyer directement a lev dorleans qui ne le remis a celui ci qu'après avoir fait les observations que ses préjugés contre moy lui suggererent, il n'a été fait dans ledit procès verbal aucune mention de lesprit de cabal et d'animosité qui avoient animé les religieuses contre moy on n'a point fait valloir leurs fausses imputations en sorte qu'il n'a paru que ce qui étoit a mon desavantage j'en ai été admise a aucune déffense puisque je n'y étois pas et qu'on ne m'a rien communiqué, je n'ai sué les charges qu'indirectement et sans même qu'on ait voulu que je susse de qui elles me venoient, j'ai appris depuis que c'étoit mr de Marville qui les avoit fait copier d'après le procès verbal pour mettre envoyé les voici comme je les ay reçus.

plusieurs religieuses se sont plaintes que vous aviez fait jouer aux cartes dans votre parloir qu'on y avait dansé que vous y aviez donné plusieurs fois des concerts entr'autre le jour de la mort d'une religieuse, que ses concerts avoient troublés plusieurs fois l'office et les religieuses qui étoient *au confessionnal au point* quelles n'entendois plus ce quelles disaient < p. 6 > elles se sont plaintes aussi de ce que vous aviez un jour laissé entrer des masques dans le dortoir et le chaufoir, que vous aviez fait habiller le chevalier en religieuse.

D'autres on dit que vous vous promeniez souvent dans les jardins avec des hommes entr'autre mr dumeniel que vous vous étiez même promenés sur les remparts de la ville avec lui que cet homme venoit souvent a l'abbaye et entroît souvent, qu'on l'avoit vu dans votre chambre fumant sa pipe et en robe de chambre.

elles ont dit aussi que vous aviez fait danser des jeunes gens dans le refectoire que vous aviez engagés quelques unes de vos jeunes religieuses a danser que craignant de vous desobeir elles l'avoient fait uniquement par complaisance.

d'autre ont dit que vous aviez fait tirer plusieurs feux d'artifice que vous aviez fait entrer plusieurs personnes de différent sexe pour les voir par la grille de votre parloir que m^r S^t aubin a qui on avoit proposé de passer l'avoit refusé, et qu'un homme pour procurer au public le plaisir de voir cet artifice avoit fait un échafaud dont il louoit les places, que vous aviez souvent des jeunes gens a souper avec vous qu'ils ne se retiroient qu'a minuit passé et sortoient par la grille de votre parloir.

dautre ont dit que vous navies pas eu soin de vos religieuses en maladie quevous ne les alliés pas voir, que vous naviés pas une certaine piété quevous napprochiés des sacrements que tout au plus deux fois lan.

dautre on dit quelles vous avoient toujours remarqué vnfond de religion quelles ne pouvoient que perdre au change, quelles ne trouveroient jamais une si bonne abbesse que vous.

vne autre a dit que si vous avies fait quelques fautes cetoit manque desperience quelle etoit persuadé que si vous retournees a abbeville, vous vous y conduiriez mieux que par le passé attendu la leçon que vous venies davoir

<p. 7> Une autre adit quelle avoit assés de ses obligations sans çe meler des votre quelle navoit jamais rien vüe de repreansible dans vos moeurs ni dans votre conduite et quelle souhaitoit votre retour.

Les trois jeunes proffesses ont dit quelles vous avoient lobligation de leur etat que cetoit vous qui les aviés faittes religieuses quelles etoient encore au noviciat quelles navaient pas lebonheur de vous voir souvent que dans le peu quelles Vous voyoient elles navoient rien vüs qui put leur occasionner la moindre plainte

au moment que jus pris lecture de ses accusations jenvoyai mes reponses pour etre montré a lev drolans conçus a peu pres en ses termes il est vrai que jait fait jöuer aux cartes dans mon parloir, que ji ay fait danser deux fois en deux ans les jours de ma feste.

il est vrai quon mi a donné deux ou trois concerts en quatre ans mais il est faux quon les ai jamais executés pendant loffice et les confessions des religieuses la preuve en est que je les ai toujours prié di venir et quelles y ont toutes étés presente chaque fois

il est faux que jaye jamais fait entrer aucune masque dans mon abbaye cetoit des demoiselles pentionnaires qui se sont habillé en berger et bergere au carnaval sans deguiser leur sexe et sans masque il est vrai quon a habillé le chevalier en religieuse mais en presence deplusieurs personnes et avec laplus grande decence a legard de larticle qui regarde mr dumeniel cet objet a été jugé a mon avantage par mr labbe de vaucelle commissaire de mr labbé des cisteaux en 1762, au reste cet homme na jamais été dans ma chambre — ni fumant sa pipe ni enrobbe dechambre il est vrai qui jay fait danser dans le refectoire les personnes qui me sont venus voir le jour de mafeste seulement parce que je navois pas deparloir attendu quon y travailloit il est vrai quon madonné des feux dartifice les jours de mafeste et quejai fait entrer plusieurs personnes par la grille par raport a la populace, qui assailloit la porte de cloture que javois fait fermer a clef quand a <p. 8> le chafaud qu'un particulier a fait pour faciliter la vue du feu dartifice cetoit dans larue et je navois pas ledroit de lempecher il est vrai que jai souvent donne

a souper aux personnes distingués qui me venoient voir de la ville ainsi qua leurs enfans onnecest jamais retiré plus tart que dix heure et demie et on sortoit par lagrille pour ne pas troubler le repos des religieuses

il est faux queje naye pas eu soin des religieuses en maladie ni que je fusse pas les voir puis que je natendois pas meme quelles fussent a linfirmerie, pour maquiter de ce devoir jai moy meme pense les playes deplusieurs et leur ai donné nombre de fois moymême les autres secours dont elles avoient besoin jaurais pu men tenir a les faire donner par dautre ce trait dingratitude me dechire lame

il est faux que je naprochasse des sacrements que deux fois lan a legard de la piété et de lareligion je la respecte et lhonoreres toujours ses reponses ont été remises exactement a mr lev dorleans, la sienne fut une lettre de cachet qui medeffendoit de retourner a mon abbaye et qui mordonnait de rester dans celle ou jetois en normandie, je recevris a ce prelat pour me plaindre de cet injuste procedé et pour luy dire que je pouvois pas absolument rester dans cette maison ou ma santé deperissoit a vue doeil et ou jetois trop mal a tous egard, il me repondit sur le chams que le roy consentiroit que jalasse dans une autre maison, pour vue que cenesoit ni dans le diocese de paris ni dans celuy damiens et pourvu que jobtiens le consentement de mr labbé de cisteaux et celuy de la superieure de la maison queje choisirois, jobtins aisement lagrement de labbé de cisteaux qui ma toujours été favorable dans toutes mes affaires celuy de la superieure chés qui je voulois aller etoit plus difficile on mavoit deja refusé par lettre dans plusieurs maisons personne ne vouloit demoy tant la calomnie mavait noirci par tout, je passai par dessus cette dificulté et jepartit pour labbaye de ferveque en picardie, labbesse mc reçut comme une avanturiere, des queje luy eut dit mon nom, elle <p. 9> me repondit queje netois plus de ce monde quejavois eula question ordinaire et extraordinaire que javais été executé quen un mot je nexistois plus et que mon nom seul lui fesoit horreur elle ajouta beaucoup de reproche de ceque jetois venus sans len prevenir et me pria departir le lendemain ce que je fis avec la plus grande douleur rien nayant pue la flechir cetoit une sainte et les saints de ce siecle nont pas le coeur tendre, ne sachant ou aller et me voyant sur le pavé avec une lettre de cachet sur le corps je madressai a un abbé de lordre pres dela pour leprier de me placer auplus tost dans un couvent quelconque il madressa a labbaye de baupré en flandre je fis quatre vint lieux pour y arriver compris le chemin que javois fait pour ferveque le lendemain de mon arivé jécrivis a mr leveque dorleans qu'en consequence de sa derniere lettre, jetois partie de la normandie et que jetois de la Veille a baupre en flandre, mais quel fut mon etonement lors que ce prelat me mendat que le roy navoit pas pu sempecher de rire demon imprudence de mon etourderie et de ma desobeissance detre sortie de la normandie avec une lettre de cachet sans en avoir eu une autre qui mepermet den sortir quil madressoit deux autre lettres de cachet lune pour rester a baupré et lautre pour or-

donner a labbesse de mi garder avec permission neamoins de me promener a quatre lieux a la ronde je luy recrivit que jetois destinée a faire toujours des fautes sans le savoir et sans le vouloir quignorent les formalités dune lettre de cachet javais crue pouvoir sur sa lettre changer de lieu, que jetois de la meilleure foy du monde puisque je luy en avais donné avis sur le chams il me repondit quil cetoit bien doute que cetoit par ignorance. que javais agis quil lavait dit au roy, mais que je ne mavisasse pas de recommencer parce quon ne me le passeroit pas deux fois et cette affaire fut finie il eut meme latention decrire dans la maison quon eut pour moy tous les egards que je meritois je passai huit mois dans cette maison seule vis avis de moy meme sans voir qui que cesoit ni dudedans ni du dehors en horreur a toutes les religieuses et essuiant de leur part tout ce que peut suggerer un aveugle prevention appuié dune devotion hebeté et mal entendue <p. 10> il me falloit manger avec des moines adonnés au vin brutaux et qui navoient pas le sens commun. quoi que jusse mené la la conduite la plus reguliere lev damiens a dit et ma mendé que je mi etois mal conduite que javais fait enrager les religieuses et que celles de ma maison en prenoient titre pour soposer a mon retour dans ma maison, pour sortir de celle ou jetois si malheureuse jecrivis lettre sur lettre a ma famille et a mr lev dorleans pour luy demander la main levé de ma lettre de cachet et la permission de rentrer ches moy jobtint cette main levée au mois de novembre dernier mais non le retour dans mon abbaye on mepermit de choisir encore une autre maison en exceptant toujours le diocese deparis et damiens on me promit de ne me point donner dautre lettre de cachet pour vue que je donasse maparolle dhonneur de ne pas rentrer dans mon abbaye sans lagrement de mr lev dorleans comme javais été si mal traité dans les maisons de mon ordre je me suis refugies dans un petit couvent de filles de S^t francois qui nest qua six lieux de mon abbaye ou je suis depuis cetems et dans laquelle je manque detout en payant une pention fort cher, leveque damiens ne cêce de mi persecutér en enveniment toutes mes actions il mereproche de faire gras quand je suis malade de nepas aller asses souvent aléglise et cent autre betise dans ce genre cependant cest luy seul qui menpeche de rentrer dans ma maison sous ses vains pretextes ma famille etant tout afait revenue deses prejuges sur mon comte elle me marque encore tout ressament que mr lev dorleans ne peut pas rompre en visiere a lev damiens que cet de luy dont faut <sic!> avoir le consentement mais comment lobtenir, comment amolir un coeur de quatre vingt six ans endurci par la devotion la plus eclatante o Monsieur je respecteres toujours la religion et la piété, mais quil resulte des terribles effets de cette meme piété dans les hommes elle est le masque de leur vice et de leur pation, si un lev damiens qui passe par tout pour un saint sacrifie depuis pres de trois ans une personne a sa vengeance et a son ressentiment personel quen peut on conclure il connoit linjustice des religieuses a mon egard, il scait que je nai fait aucun crime, il repond a toutes les representations qu'on <p. 11> peut

luy faire a ce sujet je ne suis pas mort tout mon crime est son existence, jugé comme je suis coupable, cependant mon absence de chez moy me mets sans cece a la merci dun public mechant qui ne juge que sur les apparences chacun fait mon histoire comme il veut et personne comme elle est mes parents ne me parlent plus de demission au contraire ils me permettent de compter sur un retour certain dans mon abbaye; mais ils medisent quils ne croient pas que je puisse lobtenir tant que vivra leternel ev damiens je nay plus quune ressource qui est dans le nouveau vicaire general de lordre pour la picardie on dit que c'est un fort honnete homme, comme larrets du roy pour les affaires monastiques ordonne quil soit fait des visites reguliere dans toutes nos maisons jai prié celui qui est pour notre province dedemander que je soit presente a la visite demon abbaye il me paroît plain de bonne volenté, et de zele pour me rendre service, reste a savoir quel en sera le succes. Voila Monsieur le recit fidel demes disgraces et letat actuel des choses, si javais plus de latents <sic!> je lus fait plus court et plus eloquent mais la verité na pas besoin dart et la bonté qui vous fait prendre interets a mes infortunes peut me faire esperer votre indulgence pour le recit!

Автограф. Рукописи БВ, т. VI, лл. 117—122. Копия — лл. 67—76.

Автограф, воспроизводимый здесь, имеет пагинацию 1—12. Текст заканчивается на 11-й странице. Пометки Вольтера: вначале — «pag m^e de brou» — и поперек пустой страницы 12 — «de mad^e | de brou tante du chevalier de la barge». В копии пагинация проставлена на стр. 2—16 и 20. Наверху первой страницы рукой Вольтера — «1er» и «lettre de mad | de feidau | abbesse d'abbeyville», на загнутом (при переплетении рукописи!) нижнем крае последнего листа рукой Ваньера — «De Mad^e De Brou abbesse, tante du chevier de La Barge».

Копия не менее безграмотна, чем оригинал, но, не во всем следуя за его написанием, в ряде случаев она помогла разобраться в его тексте.

Датируется ориентировочно, на основании упоминаний в позднейших письмах автора, относящихся к началу 1774 г. (см. ниже, стр. 112—114).

[Перевод]

Повесть о моих бедствиях

Как я имела честь известить вас, я покинула свой монастырь три месяца спустя после ареста кавалера де Ла Барра и была первоначально вполне хорошо принята членами моей семьи. Располагая краткой сводкой обвинений и вопросов по процессу, я ее им показала, и все они нашли, что тут не было оснований для беспокойства из-за этого дела. Но они мне заявили, что не могут ничего предпринять, пока все бумаги по процессу не будут доставлены в Париж. Их должны были переслать из-за апелляции на приговор по двум последним приговорам. Они наконец прибыли, будучи направлены г. Буллеуа, товарищу главного прокурора. Г. д'Ормессон, парламентский президент, уже переговорив-

ший с этим товарищем прокурора об этом деле, велел мне не ходить к нему для разговора прежде, чем они вместе не разберутся, в чем оно заключается. Несколько днями позже президент известил меня по городской почте, что я могу отправиться к г. Булленуа и что то, о чем мне тот сообщит, не огорчительно. Я прибыла туда, он ввел меня в свой кабинет, я увидела на столе огромное делопроизводство, он сказал, что изучил его и что там нет ничего, за что стоило бы отстегать кошку, — это его собственные слова, которые я сразу же передала президенту. Поскольку г. де Сокур, абвильский ассессор по уголовным делам, передал мне перед моим отъездом через майора г. де Фонтена, своего друга, чтобы я устроила отправку ему из Парижа писем об этом деле, которое он не смел решать сам, но в котором стал бы соображаться с полным доверием с просвещенными мнениями президента д'Ормессона, то я и воспользовалась этим предложением, которое считала искренним, но которое таковым не было, чтобы побудить президента д'Ормессона и г. Булленуа написать абвильскому судье, что они думают об этом деле. Они на это легко согласились, президент написал г. де Сокуру и сообщил ему, что обвинения, тяготеющие над кавалером де Ла Барром, сводились к провинностям, подлежащим скорее исправлению семейными мерами, нежели строгостью публичных властей, и что он просит его провести это дело со всей мягкостью, которая в нем допустима. Г. Булленуа написал пространнейшее письмо королевскому прокурору в Абвиле, предписывая в нем ход процесса, он указывал ему, что требовалось собрать более полные сведения относительно сьера д'Эталлонда, отчитать на суде обоих заключенных и отпустить их, а двух других обвиненных объявить не подлежащими суду. Президент сказал мне, что он прочел это письмо и сам отправил это письмо вместе со своим во дворе Дворца правосудия. Чиновникам абвильской юстиции потребовалось более месяца для ответа. По истечении этого срока г. де Сокур отвечает президенту прилагаемым к сему письмом. За все это время абвильский президиальный суд отказывается под разными предлогами рассмотреть дело. Налицо лишь один советник с ассессором, а поскольку требовался еще третий судья, то ассессор подобрал одного адвоката по имени Брутель, никогда не адвокатствовавшего, и который на первый случай приговаривает двух человек к смерти. Этот Брутель за всю свою жизнь адвокатом был лишь номинально, а его род занятий — участие в разного рода торговых сделках, он торгует всем, вплоть до свиней, мне самой он продал дрова, это человек на дурном замечании за серьезный порочащий поступок и всеми презираемый.

Один из судей, советник де Вилье, — общеизвестно отъявленный дурень. Г. де Сокур, первый судья по этому делу, издавна питает злобу на меня, так как, вопреки его воле, у меня пребывала в качестве воспитанницы одна из его родственниц, коей он

являлся опекуном; я выдала эту юную особу замуж, а он прочил ее своему сыну. Эта барышня имела брата, состоявшего под той же опекой, и я ему посоветовала поостеречься и разобратся в поведении опекуна, чтобы тот не нанес ему ущерба. Я имею все основания думать, что об этом совете, данном самым чистосердечным образом, ему рассказали и это довершило его превращение в моего врага.

Возвращаясь к нашему делу. В соответствии с действиями г. президента и г. Булленуа я пребывала в полной уверенности, как вдруг узнала новость об ужасном абвильском приговоре, я перебивала у всех своих родных, чтобы сообразить, что можно предпринять. Г-да д'Ормессон (так! — В. Л.) заявили мне, что приговор этот нелеп и немыслимо, чтобы его утвердили в Париже, и что они сделают все возможное для его кассации — таковы их собственные выражения. Президент сказал мне, что необходимо назначить докладчика, я попросила, чтобы назначили г. Пело, и как только это сделали, я отправилась к нему в качестве просительницы. Он обещал мне сделать все, что возможно в подобном случае. Некоторое время спустя я вновь пришла к нему и увидела человека, весьма перепуганного, сильно встревоженного и очень огорченного за меня, хлопочущую о столь злосчастном процессе. Когда я спросила его, что же столь ужасающего было в этом деле, он мне ответил, что наиболее тяжким обстоятельством была песенка. Я решила, что он помешался, но он так настаивал на тягости этого преступления, что я убедилась, что он действительно так и мыслит, как говорит. Он сказал мне, что единственной мерой было бы выхлопотать королевское предписание о приостановлении хода дела. Я побежала сообщить об этом разговоре президенту, который заявил, что всем этим мне не следовало тревожиться, что это дело всегда с первого взгляда рисовалось в самом черном свете, но при более пристальном его рассмотрении создавалось более благоприятное представление, что же касается королевского предписания, то семья моя не станет его испрашивать, поскольку пришлось бы обращаться к вице-канцлеру — преемнику г. де Бру. Тщетно я настаивала, я не смогла заставить его изменить его отношения к этому предмету.

Поскольку я намеревалась съездить в Нижнюю Нормандию к сестре, вышедшей там замуж, я вновь посетила моего докладчика, чтобы узнать у него, хватит ли мне времени до суда по этому делу. Он мне сказал «да» и что дело будет разбираться еще не так скоро (из-за процесса г. Лали), что он обещает меня известить и я могу быть спокойной и ехать. Роковая поездка, ускорившая все мои беды! Я уезжаю 1 мая, предупредив об этом мою родню, а 7-го следующего июня я получаю от своего докладчика письмо, помеченное 29 мая и извещающее, что мое дело должно разбираться 5 июня и чтобы я как можно скорее прибыла в Париж. Я находилась оттуда более чем за 60 лье. Невозмож-

ность прибыть туда до суда побудила меня решить остаться там, где я находилась. Парламент утвердил ужасный приговор по всем пунктам. С этого момента все общество и мое семейство набросились на меня и сочли меня повинной во всех преступлениях. Г-ну де Марвилю было поручено объявить мне о моих несчастьях. Он написал моей сестре и мне, что пагубный конец моего злосчастного родича пятнает меня самым страшным и порочающим образом, что мне надлежит отказаться от своего аббатства, а в противном случае меня с помощью королевского предписания отправят в очень отдаленный монастырь, где станут держать под строгим надзором, пока же, в ожидании, я обязана дать честное слово, что не покину дома моей сестры, иначе немедленно получу королевское предписание. Я дала слово оставаться у сестры и отвергла наотрез предложение об отказе от аббатства. Г. епископ Орлеанский известил меня, что король считает невозможным, чтобы я когда-либо вернулась в Абвиль. Все окружавшие меня, а равно и мои ближние непрерывно приставали ко мне с тем, чтобы я рассталась со своим аббатством, почти все мои друзья толковали о том же, расписывая с преувеличениями беды, неизбежно воследующие от моего упрямства. Я была одна против всех и я выстояла, несмотря на все. Но поскольку мне было весьма неприятно у сестры — святоши и фанатичной янсенистки, хотя и не имеющей понятия, что такое янсенизм, я испросила у г. епископа Орлеанского разрешения отправиться в один из монастырей моего ордена и некоторое время спустя получила таковое. Я провела в этом аббатстве пять месяцев, получая там одно за другим письма г. де Марвиля с требованием отказа от моего аббатства на основании жалоб монахинь, которые написали ко двору жалобу на меня, побуждаемые епископом Амьенским, моим отъявленным врагом. Чтобы укрыться от стольких докук и чтобы епископ Амьенский не оказался назначенным от двора в качестве комиссара для производства полной ревизии моего монастыря (чем мне угрожал г. де Марвиль), я испросила у аббата Сито, своего настоятеля, чтобы он назначил комиссара от ордена.* К несчастью, выбор его пал на приора дю Гара, человека, полностью преданного епископу Амьенскому, от которого он ожидал получить хорошее аббатство. Поступившись мною ради своих планов и преисполненный собственных замыслов, он явился в аббатство, провел полную ревизию, заслушал жалобы монахинь, записал эти жалобы, их подписали. Якобы к их общему неудовольствию, а на самом деле лишь ради того, чтобы лучше им угодить, он составил протокол показаний монахинь против меня, в каком-то вовсе не упомянул о хорошем управлении, которое он застал вопреки тому, что монахини во всех своих письмах вопияли, будто мой мона-

* Настоятель аббатства Сито стоял в главе всех монастырей цистерцианского ордена во Франции. (Прим. В. Л.).

стырь доведен до разорения. Это облыжное обвинение, всю ложность которого он несомненно увидал, должно было бы насторожить его против всех прочих обвинений. Но он принял показания монахинь, хотя и знал, что они заранее согласовали в письменном виде все, что намерились показывать против меня. Все эти записки еще у него, и он не сделал из них ни малейшего применения в мою пользу. Не довольствуясь этим, этот недостойный монах, хотя и обещал переслать протокол этих показаний непосредственно епископу Орлеанскому, позаботился, чтобы он попал в руки епископа Амьенского, каковой и переслал их тому со своими замечаниями, подсказанными ему его предубеждением против меня. В указанном протоколе не было никакого упоминания о происках и озлоблении, распавших монахинь против меня. Не были раскрыты их поклепы, так что в протоколе выступало лишь то, что было к моей невыгоде. Мне не было предоставлено никакой возможности защититься, поскольку я отсутствовала, и мне ничего не сообщили. Я узнала об обвинениях только стороной; даже не согласилась на то, чтобы я ведала, от кого они исходят. Впоследствии я узнала, что г. де Марвиль приказал скопировать их из протокола и послать их мне. Вот в каком виде они до меня дошли.

«Многие монахини принесли жалобу на то, что в вашей приемной играли в карты, что там танцевали, что вы там не раз давали концерты, и, между прочим, в день смерти одной монахини, что эти концерты многократно мешали службе и монахиням в исповедальне настолько, что те не могли слышать собственных слов.

«Они жаловались также на то, что однажды вы впустили в дортуар и в теплую комнату ряженых и что вы приказали одеть кавалера монахиней.

«Другие заявили, что вы часто прогуливались по саду с мужчинами, в том числе с г. Дюменьедем, и что вы даже гуляли с ним на городских валах, что этот мужчина часто приходил в аббатство и часто заходил внутрь, что его видали в вашей комнате курящим трубку и в халате.

«Они также заявили, что вы устраивали танцы молодых людей в трапезной и побуждали нескольких юных монахинь танцевать и что те повиновались исключительно из угождения, боясь ослушаться.

«Другие заявили, что вы неоднократно устраивали фейерверки, что вы приказывали впускать многих людей обоего пола через решетку вашей приемной, чтобы смотреть эти фейерверки, что г. де Сент-Обен, которому предложили туда пройти, отказался и что один человек, дабы обеспечить публике удовольствие смотреть фейерверк, соорудил подмости и сдавал места на них за плату, что у вас к ужину часто бывали молодые люди, которые уходили за полночь, удаляясь через решетку вашей приемной.

«Другие заявили, что вы не заботились о ваших заболевших монахинях и не посещали их, что вам недоставало подлинного благочестия, что к святым дарам вы подходили не чаще двух раз в год.

«Другие заявили, что всегда замечали за вами истинную религиозность, что от замены они только потеряют и никогда им не найти столь хорошей аббатиссы, как вы.

«Одна монахиня заявила, что если вы и совершили кое-какие ошибки, то по неопытности, и она убеждена, что если вы вернетесь в Абвиль, то будете себя вести лучше, чем прежде, учитывая урок, который получили.

«Другая сказала, что ей хватает собственных обязанностей и нечего вмешиваться в ваши, но что она никогда ничего предосудительного не видела ни в ваших нравах, ни в поведении и что она желает вашего возвращения.

«Три юных новопостриженных заявили, что они именно вам обязаны своим состоянием, что это вы сделали из них монахинь, что они были еще в послушничестве и не имели счастья видеть вас часто, но в тех редких случаях, когда видали, ничего не усмотрели такого, что могло бы вызвать малейшую жалобу».

Как только я прочла эти обвинения, я отправила свои ответы, чтобы они были показаны епископу Орлеанскому, примерно в таких выражениях:

«Действительно, я разрешала играть в карты и разрешала танцевать в моей приемной два раза за два года, в день моего рождения.

«Действительно, мне там давали концерты два или три раза за четыре года, но неверно, будто их устраивали во время службы или исповеди монахинь, и доказательством этому служит то, что я всегда их приглашала и каждый раз все они присутствовали.

«Неправда, будто я когда-либо выпускала в мое аббатство ряженых — то были юные воспитанницы, одетые во время карнавала пастухом и пастушкой, не переряжаясь в мужчин, и без масок.

«Правда, что кавалера нарядили монахиней, но это было в присутствии многих человек и с величайшей благопристойностью.

«Что касается пункта о г. Дюменьеле, то этот случай судил г. аббат де Восель, комиссар г. аббата Сито в 1762 г., и решил его в мою пользу. Кроме того, этот человек никогда не бывал в моей комнате, ни куря трубку, ни в халате.

«Правда, что я разрешила танцевать в трапезной лицам, навестившим меня в мой день рождения, но потому лишь, что у меня не было приемной, поскольку в ней шел ремонт.

«Мне действительно устраивали фейерверк в дни моего рождения, и я действительно велела пропустить нескольких лиц через решетку из-за черни, которая осаждала входную дверь, которая по моему распоряжению была заперта на ключ. Что до

помостов, сооруженных кем-то для удобства смотреть фейерверк, то они были на улице, и у меня не было права помешать этому.

«Это правда, что я часто угощала ужином избранных лиц, приходивших ко мне в гости из города, а также их детей, но они никогда не расходились позже половины одиннадцатого, а выходили через решетку только для того, чтобы не нарушать покой инокинь.

«Ложь, будто я не заботилась о больных монахинях и не ходила их навещать, ибо я не дожидалась их помещения в больницу, чтобы выполнить этот мой долг. Я сама перевязывала раны многих из них и много раз оказывала им другую помощь, в коей они нуждались. Я могла бы ограничиться тем, что поручила это другим, это проявление неблагодарности терзает мое сердце.

«Ложь, будто я не подходила к святым дарам чаще двух раз в год. Что до благочестия и религии, то я ее почитаю и всегда буду ее чтить». Все эти ответы были точно переданы г. епископу Орлеанскому, а его ответом явилось королевское предписание, запрещавшее мне вернуться в мое аббатство и приказывавшее мне оставаться в том, в котором я и находилась в Нормандии. Я снова написала этому прелату, жалуясь на этот несправедливый образ действий и сообщая ему, что мне абсолютно невозможно оставаться в этом монастыре, где мое здоровье гибло прямо на глазах и где мне было плохо во всех отношениях. Он мне тут же ответил, что король даст согласие на то, чтобы я перешла в другой монастырь при условии, что это не будет ни в парижском, ни в амьенском диоцезах и что я получу соизволение г. аббата Сито и настоятельницы того монастыря, который я изберу. Я легко получила согласие аббата Сито, всегда благосклонного ко мне во всех моих делах, но получить таковое от настоятельницы, к которой я собиралась, было труднее. Мне письменно уже отказали во многих монастырях, никто меня не хотел, настолько клевета меня повсюду очернила. Я преодолела эти трудности и отправилась в аббатство Фервак в Пикардии. Аббатисса встретила меня как авантюристку, и как только я назвалась, она ответила, что я выходец с того света, что я была подвергнута пыткам обеих степеней и казнена, словом, что я вообще более не существую и что самое мое имя приводит ее в трепет; к этому она добавила множество упреков за то, что я появилась, не предупредив ее, и попросила уехать на следующий же день, что я и сделала в величайшей скорби, ничем не сумев ее умиловить. Это была святая, а у святых нашего века не очень-то нежное сердце. Не зная, куда податься, и оказавшись на улице с королевским предписанием на шее, я обратилась к одному аббату нашего ордена неподалеку отсюда с просьбой поместить меня как можно скорее в любой монастырь. Он направил меня в аббатство Бопре во Фландрии, и, чтобы до него добраться, я проделала восемьдесят лье, считая и путь до Фервака. На следующий день по моем прибытии я на-

писала г. епископу Орлеанскому, что в соответствии с его письмом я покинула Нормандию и накануне прибыла в Бопре во Фландрии, но каково же было мое изумление, когда сей прелат известил меня, что король не смог удержаться от смеха по поводу моей неосторожности, моей безрассудной опрометчивости и моего послушания, поскольку я, не получив нового королевского предписания, разрешающего мне покинуть Нормандию, покинула ее, имея королевский запрет на это. Он прислал мне два новых королевских предписания: одно — мне оставаться в Бопре, а другое — настоятельнице принять меня под надзор с разрешением, однако, прогулок на расстоянии до четырех лье. Я ответила ему, что мне суждено постоянно совершать ошибки, самой того не зная и не желая, что, не будучи знакома с формальностями королевского предписания, я сочла, что на основании его письма могу менять местопребывание, что я вполне заслуживаю доверия, раз я сразу же сама дала ему об этом знать. Он мне ответил, что не сомневался в том, что я действовала по неведению, и так и сказал королю, но чтобы я не вздумала снова приниматься за старое, ибо вторично мне не спустят; и на этом дело было покончено. Он был даже настолько внимателен, что написал в монастырь, чтобы там мне оказывалось все почтение, которое я заслуживала. Я провела в этом монастыре восемь месяцев в одиночестве, наедине с собой, не видя никого ни внутри, ни за стенами, являя собой предмет ужаса для всех монахинь и испытывая с их стороны все, что способно подсказать слепое предубеждение, питаемое благочестием, самым тупым и плохо понятым. Мне приходилось есть вместе с монахами, преданными вину, грубыми и без здравого смысла. И хотя я вела себя там самым правильным образом, епископ Амьенский заявил мне написал, будто я там себя вела плохо, довела до иступления монахинь, а монахини моего аббатства, основываясь на этом, противились моему возвращению в мое аббатство. Чтобы покинуть этот монастырь, где была столь несчастна, я писала письмо за письмом к своей семье и к г. епископу Орлеанскому, испрашивая снятие королевского запрещения и разрешение вернуться к себе. В прошедшем ноябре я получила это снятие, но не разрешение вернуться в мое аббатство. Мне решили выбрать еще раз монастырь, по-прежнему исключая парижский и амьенский диоцезы. Мне было обещано, что мне более не будет дано другого королевского предписания при условии, если я дам свое честное слово не возвращаться в свое аббатство без соизволения г. епископа Орлеанского. А поскольку со мной столь плохо обращались в монастырях моего ордена, то я укрылась в небольшой обители дочерей св. Франциска, расположенной всего в шести лье от моего аббатства, где и нахожусь с тех пор и где нуждаюсь во всем, хотя и плачú весьма дорого за свое содержание. Епископ Амьенский не прекращает своих преследований, толкуя во зло любой мой поступок, он попрекает меня ско-

ромной пищей, когда я болею, недостаточно частым посещением церкви и сотней других глупостей подобного же рода. Меж тем именно он один препятствует моему возвращению в мой монастырь под всеми этими пустыми предложениями, тогда как семейство мое полностью отказалось от своих предубеждений на мой счет и еще совсем недавно разъяснило мне, что г. епископ Орлеанский не может напрямик высказаться против епископа Амьенского и что именно от последнего требуется получить согласие. Но как его получить? Как смягчить восьмидесятишестилетнее сердце, огрубевшее в самом оглушительном благочестии? О сударь! Я всегда буду чтить религию и набожность, но сколько ужасных следствий имеет эта набожность среди людей, она служит маской их пороков и страстей. Ежели такой епископ Амьенский, повсюду слывущий святым, в течение почти трех лет приносит человека в жертву своему мщению и своей личной злопамятности, то что можно из этого вывести? Он знает всю неправоту монахинь по отношению ко мне, знает, что я не совершила никакого преступления, а на все представления, которые ему делают по этому поводу, отвечает «я не умер». Все мое преступление в том, что он жив! Судите же, сколь я виновна. А меж тем мое пребывание не у себя непрерывно ставит меня в полную зависимость от людей злых, судящих по внешности, причем каждый рисует мою историю, как ему вздумается, и никто не так, как она есть. Родственники мои более не твердят об отказе от аббатства, напротив, они дают мне основание рассчитывать на несомненное возвращение в мое аббатство; но они мне заявляют, что не рассчитывают на получение мною разрешения доколе жив вечный епископ Амьенский. У меня единственная надежда на нового генерального викария ордена в Пикардии, говорят, что он весьма порядочный человек. Поскольку королевский указ по монастырским делам предписывает проведение полных ревизий по всем обителям, я просила того, кто ведает нашей провинцией, испросить, чтобы я присутствовала при ревизии моего аббатства. Мне кажется, что он исполнен добрых намерений и стремления оказать мне услугу, остается узнать, каков будет успех. Вот, милостивый государь, точный рассказ о моей опале и о нынешнем состоянии дел. Я сознаю, что, имея я больше таланта, я бы сделала его и короче, и красноречивее. Но истина не нуждается в прикрасах, и доброта, побудившая вас заинтересоваться моими злоключениями, позволяет мне надеяться на вашу снисходительность к рассказу.

Divin appollon des françois,
 honneur de la littérature,
 Toy pour qui l'art et la nature
 formerent des accords expres;
 Voltaire sublime Genie,
 Viens guider mes pas chancelans;
 Et prête à mes foible accens,
 Les charmes de ton harmonie.

Je brûle déjà de courrir
 dans une carrière épineuse;
 Mais cette fougüe impétueuse
 Cause souvent un repentir.
 Phaiton d'une noble audace
 Paya le tribut par sa mort
 Pour les auteurs, le même sort
 N'est que trop commun au parnasse

En vain de la postérité
 On croit obtenir le suffrage;
 Tel ne survit pas à son âge,
 Qui croioit l'avoir mérité
 Par son Genie, ou par ses veilles,
 Mais hélas nos derniers néveux
 Ne révèrront jamais chés eux
 Que nos Voltaires nos Corneilles.

Ne vas pas croire qu'estesté
 D'une indiscrete phrenesie,
 Je conçoive la Phantaisie,
 D'atteindre à l'immortalité,
 Non; mais d'un travail agréable
 Je veux occuper mon loisir;
 Si je borne tout mon desir,
 A paroître dumoins passable:

Daigne dégrossir mes craïons,
 Et rends ma main assés légère,
 Pour peindre une tendre bergere,
 Des bois, des près, et des vallons.

Cet agréable badinage,
Ne vaut pas les plus grands efforts;
Le ciel de plus nobles transports,
Me fit un trop mince partage.

Je laisse aux grands maitres del'art,
Les coups de force et de lumiere;
Mais sous une ombre réguliere
Je veux mériter un regard.
Que Voltaire chante Zaire,
Henry, Merope, L'orphelin;
Je suis content de mon destin
Si je peux bien chanter Thémire:

Reçois ces timides essais;
Jette sur eux des yeux propices
Voltaire, ce sont mes prémices
Les Dieux n'en refusent jamais:

Dassier

Au mans le 10 9bre 1768.

Автограф. Рукописи БВ, т. II, лл. 63—64.

[Краткое содержание стихов Дассье]

Автор, признаваясь в нетерпении вступить на тернистую стезю поэзии, обращается к Вольтеру — «Аполлону француз» — с мольбой о снисходительности к его первым опытам. Он не помышляет о бессмертии, хочет оказаться хотя бы сносным; предоставляя великим мастерам яркие ослепительные краски, он стремится лишь заслужить в тени благосклонный взгляд Темиры — нежной пастушки. Боги никогда не отвергают подношения первых плодов — Вольтер да кинет благосклонный взгляд на эти робкие опыты.

Стихи эти скорее напоминают обращения к Вольтеру в сирейский период, нежели в фернейский. К тому же перечень «воспеваемых» им сюжетов (Заира, Генрих, Меропа, Китайский сирота) не включает ни одного из произведений, созданных после 1746 г. Поэтому читаемая в конце дата (1768) вызывает недоумение, хотя и проставлена автором послания.

1769, 12 II

От Эшишана неустановленному лицу

Je le tiens mon cher monsieur, ce précieux gage de votre amitié, ce vol pieux, que vous avés bien voulu faire en ma faveur; le bon homme Sirven me la remis avec autant de dévotion que je l'ay reçu; je vous en fais ici mes tres sincères remerciements. Je vais, pour loger dignement ce bijou chéri, faire construire une châsse, que je décorerai de tous les attributs qui lui appartiennent à si juste titre: je la placerai sous un Dais, dans ma petite bibliothèque; il y présidera, comme de raison, sur tout ce que j'y rèvère le plus: à sa droite, seront les oeuvres immortelles de l'incomparable autheur, dont il a couvert la nuque à sa gauche, celles qui sans porter son nom, n'en importent pas moins au fond de l'ame, ces véritès lumineuses, qui dissipent les tènèbres dont une fausse politique nous a environnés. j'enchaînerai à ses pieds ce tâs de reptiles, qui a si vainement cherché à le déprimer; je couronnerai sa tête de l'estampe des Calas, et j'appellerai ce monument les Triomphes de Voltaire à l'instar de la place des Victoires, mais avec cet avantage quil tirera sa lumiere de lui même, sans le secours de 4 lanternes, qu'un souffle peut anéantir. Tout ce que je crains, c'est de me voir bientôt depouillé de ma chère Calotte, quelque précaution que je puisse prendre pour la conserver; on me l'enviera, on m'en enlèvera chaque jour une piece, et sans être Prophète, je puis prédire qu'elle se multipliera dans le monde philosophique, comme tant d'autres reliques se sont multipliées dans le monde chrétien; n'importe, pourvü qu'il m'en reste un fil, je m'en consolerai par la gloire qui en demeurera à mon Patron.

Vous êtes mon cher Monsieur, au centre des nouvelles littéraires, souvenés vous quand il en paroitra, d'un pauvre reclus, qui vous a déjà tant d'obligations de ce genre; la dernière qui m'a passé par les mains, c'est l'instructive A. B. C. que j'ay lüe avec un plaisir infini.

Votre séjour à Ferney est plus long que vous n'avés pensé, je n'en suis point surpris; on ne quitte pas si aisément ce qui a tant d'attraits; que ne suis je moins vieux et plus propre a être transporté, j'implorerois votre intercession pour être admis à faire ma Cour, à l'ancienne mode orientale, au grand homme que vous avés le bonheur de voir de si près. que ces délices ne vous fassent cependant pas oublier vos amis; conservés moi, en particulier une petite part dans votre souvenir, j'ose dire qu'elle m'est dhüe en retour des sentimens inalterables avec lesquels je ne cesserai d'être * Votre tres humble et tres obéissant serviteur

D'Eschichens.

à Eschichens ce 12e fev: 1769.

mon fils vous prie de recevoir ses honneurs tres humbles.

Автограф. Рукописи БВ, т. III, л. 242.

* Далее зачеркнуто: me dire.

Из письма видно, что «благочестивую покражу» доставил отправителю письма Сирвен; но кто именно ее совершил, длительно пребывая в эти недели близ Вольтера, этого нам не раскрыли письма за январь—февраль 1769 г., обильно представленные в издании Бестермана.

«D'Essichens» упоминается в письме к г-же Совиньи 21 декабря 1774 г. (Best. 18137), причём Вольтер вспоминает, что тот некогда писал ему весьма почтительно (*d'une manière très obligeante*).

Под № 14510 Бестерман учитывает публикуемое здесь письмо, вслед за Косси ошибочно считая его адресатом Вольтера

[Перевод]

Оно у меня, дорогой сударь, сие драгоценное свидетельство вашей дружбы, сия благочестивая покража, на которую вы решились ради меня; приятель наш Сирвен вручил мне ее с тем же благовоением, с каким я принял ее. Приношу здесь вам свою искреннюю признательность. Собираюсь, чтобы достойно поместить эту любезную мне безделушку, соорудить раку, которая будет мною изукрашена всеми атрибутами, принадлежащими ей по столь бесспорному праву; помещу ее под балдахин в моей библиотечке. Она займет главенствующее место, как и должно, среди всего, что я всего более чту: справа будут бессмертные творения несравненного автора, чей затылок она прикрывала, слева — те сочинения, которые хотя и не означены его именем, но оттого не менее важны для сокровеннейших наших убеждений, — сверкающие истины, рассеивающие мрак, коим нас окружила ложная политика. У его ног я помещу закованную в цепи всю кучу пресмыкающихся, столь тщетно порывавшихся его унижить; а главу его я увенчаю гравюрой, изображающей Каласов, и назову этот монумент «Триумфом Вольтера» наподобие «Площади побед», с тем, однако, преимуществом, что свет он будет извлекать сам из себя, без помощи четырех фонарей, которые может погасить дуновение ветра. Чего я опасуюсь, так это оказаться вскоре лишенным моей ермолки, какие бы предосторожности я ни стал применять ради ее сбережения; она будет вызывать зависть, что ни день от нее будут отнимать по кусочку и, не будучи пророком, я могу предсказать, что она размножится в мире философском так же, как столько иных реликвий размножилось в мире христианском. Что поделать! Лишь бы мне осталась хоть нитка, я утешусь славой, которая сохранится за моим Покровителем.

Вы, дорогой сударь, находитесь в средоточии литературных новинок, вспомните же, когда что-нибудь из них появится, о бедном затворнике, стольким уже вам обязанным в этой области. Последней попавшей ко мне новинкой было поучительное АВС, прочтенное мною с бесконечным удовольствием.

Ваше пребывание в Ферне оказалось более длительным, нежели вы думали. Нисколько этому не удивляюсь: не так-то легко покидать то, что имеет столько привлекательных сторон. Если бы я был чуть моложе и более приспособлен к перемеще-

нию, я бы испросил вашего заступничества, чтобы на древний восточный манер оказаться допущенным на поклон к великому человеку, которого вы имеете счастье видеть совсем вблизи. Лишь бы эти утехы не заставили вас забыть друзей, в частности, сохраните и мне хоть малую долю своей памяти. Смею утверждать, что вы мне ею обязаны в ответ на неизменные чувства, с коими я не перестану быть вашим нижайшим и покорнейшим слугой,

Д'Эшишан.

Эшишан, 12 февраля 1769

Мой сын просит вас принять его нижайший поклон.

24

1769, 15 XII

От Эли де Бомона

Paris 15 X^{bre} 1769

De retour a paris, mon respectable ami, mon premier soin le surlendemain de mon arrivée a été d'aller voir Monsieur votre neveu au sujet de La personne a qui vous vous interessés, et je me suis empressé de repondre par la a la priere que vous avés faite de lui rendre service. Je vous rendois compte dans une premiere lettre de notre conference, lorsque la votre en date du 8 de ce mois est survenüe qui m'a appris que la demande se reduisoit a deux mille ecus. j'ai eu quelque esperance, vu la modicité de la somme Et la demande que vous faisiés qu'elle fut avancée par les creanciers, de reussir. Je vous dois avec verité l'exposition de ce que l'on m'a repondu ayant fait passer votre lettre a la personne qui en est l'objet et qui me l'a faite repasser par M^r votre neveu, et je vous le mande le mande <sic!> sous la foi du secret, n'étant pas juste que ce qui s'est dit de confiance put jamais compromettre personne. ainsi cette lettre restera je vous prie entre vous et moi.

1° on m'a exposé des horreurs que la plûme même refuse de rendre. imaginés les plus grands crimes cachés, et ce qu'on appelle les crimes des lâches poussés a l'extrême, et vous en aurés une idée. une personne digne de foi m'a dit avoir vu Elle même la preuve de quelques uns qui auroient merité une mort honteuse, et n'avoir pas vu entierement la preuve des autres, parce qu'ils etaient de nature a ne pas tomber en preuve complete qu'autant qu'on en auroit ordonné l'instruction, mais que comme homme elle en etoit convaincue. de la une horreur profonde dans l'âme de la soeur et du beau frere au point de ne pouvoir entendre prononcer le nom sans fremir. de la une instante priere a tous leurs amis de ne jamais leur en parler, et même une broüillerie avec quelqu'un qui leur en avoit voulu parler a titre d'intercession.

2° la demande du plus leger don, de la plus modique avance directe ou indirecte, fermement rejettée et voici leurs raisons que vous peserés

et dont vous voudrés bien me dire votre sentiment. On nous a accusés d'oppression, d'injustice enorme, de spoliation d'un frere absent par nos vexations, de manoeuvres pour envahir par les formes judiciaires une partie de son bien. dans ces circonstances Lui donner ou lui procurer sous main, par des personnes interposées, la plus modique somme auroit l'air d'une restitution tacite et deshonorante pour nous. des libelles publics empoisonneroient bientôt ce bienfait (et nous nen devons d'ailleurs aucuns a un tel homme) et il deviendrait un titre pour en demander de nouveaux ainsi nous depenserions 6000 Il pour nous defendre de donner un ecu, parceque cet ecu seroit une tache pour nous.

3° La plus grande fermeté en même tems a soutenir que les operations ont été tres regulierement faites. on cite les noms qui y ont presidé (et ces noms en general sont respectables) les estimations faites en regle, la difficulté morale de supposer que des personnes honnêtes, même par une sorte de tiedeur ou d'accablement d'affaires eussent laissé passer devant leurs yeux une lesion marquée sans s'en appercevoir ou la relever, la part constante qu'un * oncle Mr de Montboissier y a prise de son côté pour sa ** niece et sa petite *** niece qu'il n'eût pas laissé depouïller. Si les deux terres, repond on, ont été mises dans le lot de la soeur, c'a été de l'avis des conseils afin qu'il y eût plus de mobilier pour payer les creanciers, au lieu que les terres qui auroient été grevées de substitution ne l'auroient pas permis. on soutient les avoir achetées tres cher, et y être lezé soi même, et si l'on n'en croit pas a l'estimacion d'experts qu'on offre de me faire voir, on peut choisir telle autre preuve que l'on voudra. il me paroît que l'on y va bon jeu bon argent car l'on a deja fait passer chés moi pour me donner tous eclaircissemens un procureur generalement estimé ici, et a qui je rends moi même justice avec tout le public M^e boudot qui ne m'ayant pas trouvé repassera. et au surplus on se tient si assuré que l'on attendra constamment telle assignation ou poursuite qu'il lui plaira comme vous le voyés par la note ci jointe que je puis vous faire passer sans indiscretion.

4° decidée a attendre de pied ferme toute action judiciaire, la soeur ajoute si au lieu d'action judiciaire, on veut repandre quelque memoire, ou faire agir quelque sollicitation forte contre nous en interessant par des exposés inexacts, au premier bruit que nous en aurons je suis decidée a m'aller jeter aux pieds du roi, lui demander un nouvel ordre, et mettre la personne hors d'etat de troubler jamais mon repos et ma famille. je ne veux point voir ou elle est tant qu'elle se tiendra tranquille, qu'elle reste, et que je n'en entende jamais parler.

que voulés vous donc, mon cher ami, qu'on reponde a cela? je ne dois rien, je ne veux rien donner, je ne peux en honneur rien donner, parceque je n'ai point de restitution a faire, qu'on appelleroit ainsi

* *Далее зачеркнуто*: beau pere.

** *Далее зачеркнуто*: fille.

*** *Далее зачеркнуто*: fille.

ma generosité mal entendüe, et qu'avec 7000 ecus de rente un homme n'en a pas besoin, et si l'on me tourmente d'avantage j'irai me plaindre au roi. Elle le vouloit même, et je scais de science certaine que quelqu'un l'en a empêchée. Repondés moi vous même positivement sur ces differens points, vous connoisses tout mon zele, Si cette personne dont on dit des choses si horribles avoit quelques droits réels a faire valoir, j'aurois sçu les représenter avec honnêteté et avec quelque force aux personnes qui en auroient été l'objet, et ce qu'on dit d'obligéant sur ma femme et moi dans la note * que je vous envoie n'auroit point rallenti mon courage. J'aurois même vaincu, pour vous faire plaisir, et pour faire le bien, le degoût d'avoir a traiter avec l'un des conseils dont je vous fais passer les noms et que je marque d'une croix, homme qui a été un de mes plus vils persecuteurs, et qui ne me fait pas l'honneur de m'aimer, parceque je ne lui fais pas celui de l'estimer, mais en même tems, mon cher ami, je vous dirai que soit que la personne a qui vous vous interessés ait merité ou non la mort, il faut au moins qu'elle ait quelque pretention fondée. ne pouvant rien obtenir ni a titre de commiseration, ni a titre de bon office, et son nom ne pouvant même Leur être prononcé sans faire reculer (les choses en sont a ce point) il faut qu'elle ait un droit reel, et jusqu'a present je ne lui en vois aucun. je vois même partout ce que dessus, et par la fermeté avec laquelle on l'attend, toute presumption au contraire. Voyés donc maintenant s'il vous semble possible de reussir dans ce que vous souhaités. Je recevrai neantmoins par humanité, et pour l'interet de la verité, les éclaircissemens qu'on veut me donner, afin que vous les faisant repasser vous voyés vous même quel parti vous voudrés prendre, et si la personne doit continuer d'être l'objet d'une intercession qu'on a déclaré fermement ne vouloir jamais entendre. les mêmes motifs ci dessus font qu'on n'aura aucune avance a attendre des creanciers toujours parceque cela auroit l'air d'une restitution tacite, par voye de bons offices, et par noms interposés, et qu'on ne veut absolument rien qui puisse donner cette idée.

Je reprends la suite de la lettre que je vous écrivois dont vous voudrés bien me permettre de ne pas refaire la dernière demi feuille.

J'ai eu le malheur de ne plus retrouver ma belle mere. C'est une véritable perte par son honnêteté et son amitié pour nous, et sa fermeté, sans ostentation dans les derniers tems Madame de Beaumont et moi la ressentons vivement. J'ai trouvé en revenant a paris une lettre de ce bon sirven qui m'apprend ce que vous me mandés mais permittés moi de vous dire que vous ne prenés pas assés fortement ce jugement. C'est une atrocité de lui avoir donné un hors de cour. Ces mechans juges (car c'étoient toujours ceus de mazamet) ont mieux aimé laisser cet homme vertueux couvert du nuage d'un parricide ** en prononçant *hors de cour* que de laisser croire qu'ils se fussent trompés en le *dechar-*

* *Далее зачеркнуто:* qui ne.

** *Далее зачеркнуто:* que de la.

geant. voyés aussi l'horreur de ce p<remie>r fiscal qui avoit conclu a des peines *afflictives*, puisque sirven a été interrogé sur la sellette.

Je suis bien flatté, mon cher ami, d'avoir encore a defendre ce respectable innocent en même tems que j'aurois vivement désiré que le jugement de ces premiers juges lui eut rendu toute autre defense superflüe. vous pouvés compter sur le même zèle de la tête de notre barreau qui a vu avec soulèvement ce jugement quand j'en ai fait part. ainsi je vous prie de me faire passer, et d'écrire a toulouse qu'on m'envoye de la le plutôt qu'il sera possible les instructions et renseignemens necessaires pour lui faire sur l'appel, comme j'ai eu l'honneur d'en convenir avec vous son memoire a consulter et sa consultation qui sera signée par tout ce que nous avons de mieux. vous scavés mon cher ami, combien je desire vivement de mettre cette derniere main a mon ouvrage, et de ne pas laisser imparfaits les efforts d'un zele qu'a encouragé votre humanité. J'aurai une vraie peine de garder le silence aux yeux de la france et de l'europe en cette occasion qui me rappelle et ainsi je vous prie de vouloir bien le dire incessamment tant a lui qu'a mr l'abbé audra pour qu'on me fasse passer par une occasion sûre et prompte les copies ou notes qu'il aura faites de ses interrogatoires et confrontations avec un petit memoire des faits dont il croira-devoir m'instruire et qui se sont passés pendant l'instruction. je crois qu'il convient de lui recommander de garder le secret a toulouse sur ce travail pour deux raisons. 1° parceque les ennemis ne manqueroient pas de precipiter son jugement sur l'appel pour le priver de ce secours qui lui viendra de paris. 2° parce qu'ils tendroient a indisposer ceux des juges qu'ils croiroient susceptibles de pareille petitesse en leur observant que celui la même qui a voulu les depouïller de l'affaire, et qui a defendu les calas est celui dont on emprunte encore la plume devant eux, au lieu que quand le memoire paroitra on le trouvera fait de telle sorte, j'espere, qu'il reunira a la fois ce qui est du a la fermeté d'une juste defense, et au respect pour les juges. j'irai même plus loin. c'est pour lui même qui je le defens ce pauvre homme, et non pour la reputation qui ne doit venir que fort loin après, ainsi je ne signerai pas même mon memoire et la consultation si l'on juge que mon nom puisse nuire a sa defense. je ne veux que le plaisir de le servir jusqu'a la fin, et de concourir a le faire absoudre, et j'y ai quelque droit.

Pour vous parler confidemment, mon cher ami, peut être le defenseur qu'il aura a toulouse et que je ne connois pas (ainsi je n'offense personne) ne gouter pas cette defense a faire a paris pour lui, car vous scavés qu'il y a malheureusement entre les hommes des rivalités même pour le bien, moins au reste pour le bien en lui même, que pour l'honneur exterieur qui en resulte. on pourroit donc donner a ce pauvre sirven quelques nuages a toulouse pour le détourner de cette defense a paris, concomitante a celle de toulouse, mais vous qui ne voyés dans l'affaire que l'affaire même et son plus grand bien vous n'aurez pas de peine a voir qu'une pareille objection ne seroit que le voile

d'une repugnance cachée, et de quelque amour propre personnel, et qu'il est réellement avantageux que la signature de douze a 15 des premiers noms d'ici batte en ruine aux yeux de la France et de l'Europe cet infame *hors de cour* qui me semble le comble de la passion et de l'injustice. d'après cela j'espère que votre lettre a Toulouse sera écrite de manière que nous n'éprouvions ni lenteurs ni objections, et que les Eclaircissemens et pièces nécessaires me parviennent promptement a Paris, ou je ne perdrai pas un moment a m'en occuper. en attendant je travaille a la défense des frères péra, et j'aurai, j'espère, le plaisir d'arracher encore ces victimes a l'oppression et aux préjugés populaires. Sçavez vous une heureuse idée qui m'est venue lors de mon retour a Lyon? — j'ai lu la *description* que le juge a faite de la corde qui avoit servi, disoit on, a descendre Claudine rouge dans le puits. ma première idée a été qu'il auroit du faire appliquer cette corde au puits pour juger de la possibilité. ce qu'il n'a pas fait, je l'ai fait moi, j'ai pris la profondeur du puits au dessus et au dessous l'eau. j'ai trouvé plus de *vingt pieds de difference* d'où naît une impossibilité dont personne a Lyon ne s'étoit douté, et qui seule suffisoit pour soustraire 6 innocens a l'échaffaud. et puis voyés a quoi tient notre vie! et comment un juge peut ne pas trembler après s'être rendu coupable d'une telle négligence! ceci me meneroit trop loin, j'aurois trop a dire, et il ne me reste que la place de vous renouveler les sentimens de mon respectueux attachement, et de vous prier de présenter mon respect a Madame Denys. j'attends l'honneur de votre réponse, vu que nous n'avons point de tems a perdre dans la crainte qu'on ne juge promptement a Toulouse.*

J'écrirai au p^{er} jour a Mr de M., qui m'a écrit une longue lettre. Je vous prie de me mander tout naturellement, et abstraction faite de ce que l'intérêt pour lui peut faire souhaiter, ce que vous comptés que l'on peut raisonnablement demander et espérer d'après ce que je vous mande.

Автограф. Рукописи БВ, т. VI, лл. 126—128.

[Перевод]

Париж, 15 декабря 1769

По возвращении в Париж первой моей заботой, уважаемый друг мой, было через день после приезда повидать г. вашего племянника по поводу того лица, коим вы интересуетесь, и я поспешил таким способом ответить на вашу просьбу об оказании ему услуги. В первом своем письме я представил вам отчет об этом совещании, но тут как раз пришло ваше письмо от 8-го сего месяца, сообщившее, что требуют всего две тысячи экю.

* Нижеследующий конец письма приписан очень мелко наверху л. 128 об., где имеется крупно выписанная, как и все письмо, дата: «Paris 11 X^{bre} 1769». Может быть, эта дата относится к письму, о котором говорится на стр. 101.

[Далее на протяжении шести первых абзацев Эли де Бомон пишет о трудностях предложенного ему посредничества, поскольку сестра и шурин неназванного лица, за которого вступается Вольтер, категорически отказываются от малейших уступок, от соглашений с ним и выплаты ему каких бы то ни было сумм, располагая множеством убедительных компрометирующих его данных, и решительно предостерегают от апелляции Вольтера к общественному мнению, угрожая в таком случае, обратившись к королю, добиться нового указа, который навсегда обезвредит нарушителя покоя семьи].

...Продолжаю свое письмо...

Я имел несчастье не застать в живых свою тещу. Это было истинной потерей для нас, так как она была высокопорядочной и друженственной к нам и проявила непоказную твердость духа в последнее время. Г-жа де Бомон и я ощущаем эту потерю очень глубоко. Вернувшись в Париж, я нашел письмо от добрейшего Сирвена, который мне сообщает то, о чем вы меня извещаете. Разрешите мне, однако, сказать вам, что вы недооцениваете это судебное решение. Это свирепая жестокость — отказать ему в рассмотрении его иска. Злобные судьи (ибо это были все те же судьи, что и в Мазаме) предпочли, отказав ему в иске, оставить этого добродетельного человека запятанным подозрением в до-череубийстве, вместо того чтобы, признав его невиновным, позволить считать, что они ошиблись. Судите также, как ужасен этот первый фискал, признавший необходимость телесного воздействия, ибо Сирвена допрашивали, усадив «на скамейку».

Я очень польщен, дорогой друг, что мне еще предстоит защищать этого почтенного безвинного человека, и в то же время я горячо желал бы, чтобы приговор первых его судей сделал излишней всякую дальнейшую защиту. Вы можете рассчитывать на такое же рвение главы нашего адвокатского сословия, который возмутился, узнав от меня об этом решении суда. Итак, прошу вас переправить мне (это решение, — В. Л.) и написать в Тулузу, чтобы мне оттуда выслали как можно скорее материал следствия и справки, необходимые для подготовки его апелляции, как я имел честь условиться с вами, его «Записку для адвокатского заключения», и его «Заключение», которое будет подписано всеми наилучшими именами, которыми мы располагаем. Вы знаете, мой дорогой друг, сколь горячо мне хочется достойно завершить свой труд и не оставить незаконченными ревностные усилия, вдохновленные вашей гуманностью. Мне бы было поистине тягостно хранить молчание под взорами Франции и Европы в этом деле, которое вновь о себе напоминает, так что я прошу вас незамедлительно сказать как ему, так и г. аббату Одра, чтобы мне с надежной и быстрой оказией переслали копии или сделанные им заметки о его допросах и очных ставках вместе с небольшой запиской о фактах, о которых он сочтет нужным меня поставить

в известность и которые имели место во время следствия. Я полагаю уместным посоветовать ему хранить в Тулузе эту работу втайне по двум причинам: 1) потому что враги не преминули бы ускорить рассмотрение его дела в порядке апелляции для того, чтобы лишить его помощи, которая придет из Парижа, 2) потому что они попытались бы восстановить против него тех судей, которых сочтут способными на такую низость, внушая им, что человек, вознамерившийся отобрать у них этот процесс и защищавший Каласов, не кто иной, как тот же, чьим пером вновь пользовались против них. Между тем когда «Записка» появится, то обнаружится, что она составлена таким образом, что — надеюсь — сочетается в себе всю колебимость, должную при защите правого дела, с почтительностью в отношении судей. Я готов пойти дальше. Я защищаю этого беднягу ради него самого, а не ради известности, которая появится лишь гораздо позднее; поэтому я даже не подпишу свои «Записку» и «Заключение», если сочтут, что мое имя может повредить его защите. Я дорожу лишь удовольствием послужить ему до конца и содействовать его оправданию, а на это я имею некоторое право.

Говоря доверительно, дорогой друг мой, возможно, что будущему его защитнику в Тулузе, коего я не знаю (и потому никого не обижаю), окажется не по душе защита, подготовляемая в Париже, ибо, как вы знаете, люди, к сожалению, соперничают даже ради благих целей (впрочем, не столько ради самого блага, сколько ради внешнего почета, из него проистекающего). Так что возможно, что перед беднягой Сирвенем в Тулузе напустят тумана, дабы он отказался от этой парижской защиты, совпадающей с защитой тулузской. Но вы, кто заботится во всем этом лишь о сути дела и об его наибольшем благе, вы сумеете без труда различить, что подобного рода возражение будет лишь прикрытием для скрытого сопротивления и чье-то личного самолюбия и что действительно важно, чтобы подписи 12—15 первых здешних лиц совершенно опровергли в глазах Франции и Европы этот гнусный отказ в иске, кажущийся мне верхом пристрастия и несправедливости. Сообразно с этим я надеюсь, что ваше письмо в Тулузу будет написано в таком духе, что не будет ни проволочек, ни возражений и что разъяснения и необходимые документы будут быстро доставлены мне в Париж, где я займусь ими, не теряя ни минуты. В ожидании сего я тружусь над защитой братьев Пера, надеюсь, мне предстоит удовольствие вырвать еще и эти жертвы из-под власти угнетения и народных предрассудков. Знаете ли вы, какая удачная мысль мне пришла на ум при моем возвращении в Лион? Я прочел составленное следовательно описание веревки, якобы служившей для спуска рыжей Клодины в колодез. Первой же моей мыслью было, что ему надлежало приладить эту веревку к колодезю, чтобы можно было судить об осуществимости этого. Так вот то, чего он не сделал,

выполнил я; я смерил глубину колодца до поверхности воды и до дна. Я обнаружил разность свыше чем на двадцать футов, из чего следует неосуществимость, о которой в Лионе никто и не подозревал и которой одной было достаточно, чтобы шестерых невинных избавить от эшафота. После этого на чем только держится наша жизнь! И как только следовательно может не трепетать, оказавшись повинным в подобной небрежности! Но это завело бы меня слишком далеко, пришлось бы высказать слишком многое, а мне остается место лишь для изъявления вам вновь чувств моей почтительной привязанности и для просьбы передать мое почтение г-же Дени. Ожидаю чести вашего ответа, принимая во внимание, что мы не можем терять времени из опасения, как бы в Тулузе не ускорили суд.

Я вскоре напишу г. де М., который мне прислал длинное письмо. Прошу вас сообщить мне вполне откровенно, не считаясь с тем, что может подсказать сочувствие к нему, ваши соображения относительно того, что можно было бы разумно требовать и на что надеяться, после того что я вам здесь изложил.

25

[1770], 24 [VII?]

От Лалли-Толандаля Марену

Au nom de Dieu, mon cher et respectable ami obtenez de m. de Voltaire qu'il ne fasse rien imprimer que Mme De la Heuse ne l'ait vüe. il est tres important, mais plus qu'on ne peut l'Exprimer que cette entrevüe se passe avant que rien paraisse. Il y a un article dans la derniere Lettre * de notre historien qui me fait trembler, c'est celui ou il est question des emportemens. Mme De la Heuse sçait une infinité d'anecdotes qui prouveraient a M^r De V. que l'âme la plus froide n'aurait pas pu se refuser a l'indignation la plus vive. Sans doutte il ne faut pas qu'on dise, c'est un *homme Partial qui ecrit*; mais il ne faut pas Non plus qu'on dise: *celui meme qui a fait son apologie n'a pu nier ses emportemens, et ce sont ces emportemens qui ont perdu Pondichery*. Pesez je vous prie tout ceci au poids de Vos lumieres et de votre âme, et vous jugerez que je n'ai pas tort. un point constant et avoué generalement est que mon infortuné parent a eu tort de ne pas faire pendre quelques mutins tout en eut été mieux. mais il y a eu peut être trop de menaces et surement trop peu d'effet. Je ne sçais pas quels sont les ennemis de M. de Lally dont V. peut dire du bien. conseillez lui pour son honneur de ne pas louer m^r De Bussy, il va paraître un ouvrage philosophique sur l'Inde, dans lequel on cite plus de vingt traits qui lui auraient merité au moins la corde.

* Далее зачеркнуто: dont il.

Je vais me hâter de jeter encore sur le papier quelques notes que je vous prierai De faire passer a Ferney. Vous recevrez surement ces jours cy une lettre de Mme De la Heuse. Je vous conjure De rompre des lances pour nous au sujet de L'article qui fait le sujet de notre frayer.

Nous avons aussi mille preuves pour une a donner de son désintéressement; tout est perdu, Si l'historien Laisse Echapper le moindre doute la dessus.

Nous nous recommandons a vos prieres et intercessions; tirez Deux pauvres âmes du purgatoire, Monsieur, et recevez les assurances d'un attachement et D'une reconnaissance sans bornes.

[Адрес] 24 A Clermont en Beauvaisis chez Mme La Mote près les Urselines.

Автограф. Рукописи БВ, т. VI, лл. 131—132. Письмо на первых двух страницах, третья — чистая, на четвертой — адрес: A Monsieur Monsieur Marin censeur royal directeur de la Gazette de France Rue des filles St Thomas A Paris; почтовые пометки, в том числе Clermont en Beauvoisis; было запечатано перстнем красной сургучной печатью. В окружении этого письма находится еще 8 документов, связанных с процессом генерала Лалли, обвиненного в злоупотреблениях во время губернаторства в Индии, ср. Caussy, Inventaire, стр. 26, и письмо Лалли к Вольтеру (ср. 405—415).

[Перевод]

Бога ради, дорогой и достоуважаемый друг мой, добейтесь от г. Вольтера, чтобы он не давал ничего печатать до того, как его повидает госпожа де ла Хёз. Крайне важно (и даже более важно, чем это можно здесь выразить), чтобы это свидание состоялось ранее, чем что-либо появится в печати. В последнем письме нашего историка есть пункт, приводящий меня в трепет, это тот, где речь идет о вспылчивых выходках. Г-жа де ла Хёз знает бесчисленное множество случаев, способных убедить г. Вольтера, что самая холодная душа не могла бы удержаться от самого бурного негодования. Сомнений нет, не надо, чтобы говорили «это пишет человек пристрастный», но не следует также, чтобы сказали: «Даже тот, кто выступил с защитительной речью, не смог отрицать его вспылчивых выходок, а именно они-то и привели к потере Пондишери». Взвесьте, прошу вас, все это на весах ваших знаний и великодушия и вы признаете, что я не ошибаюсь. Одно обстоятельство, твердо установленное и всеми признаваемое, состоит в том, что мой злосчастный родственник совершил промах, не повесив несколько смутьянов. От этого все обернулось бы лучше. Но возможно, что было слишком много угроз и несомненно они слишком мало приводились в действие. Я не знаю таких недругов г. де Лалли, о коих В. мог бы сказать что-либо хорошее. Посоветуйте ему ради его чести не расхваливать г. де Бюсси: вскоре появится философический труд об Индии,

где указано более двадцати таких его дел, за которые его по крайней мере следовало повесить.

Я потороплюсь еще набросать на бумаге кое-какие заметки, которые я попрошу вас переправить в Ферне. Вы наверняка получите на днях письмо от г-жи де ла Хёз. Заклинаю вас заступиться за нас по поводу этого пункта — предмета нашего страха.

Мы располагаем также тысячекратными доводами в пользу его бескорыстия; все пропало, ежели историк даст прорваться малейшему сомнению на сей счет.

Вверяем себя вашим мольбам и заступничеству; извлеките, сударь, две бедные души из чистилища и примите заверения в привязанности и признательности безграничных.

26

1771, 4 VI

От маркизы д'Антремон
aubenas en vivarais ce
4 juin 1771

énchanter son siecle par dès graces de la poesie; l'instruire en Lui transmettant avec une élégante precision le tableau dès évènements passés? l'éclairer par dès rayons d'une saine philosophie; Ce sont la vos talens Monsieur; vos vertus? Sont du nombre de telles quy caractérisent une ame sensible et gènereuse. gemir sur Le sort dès infortunés prendre vivement Leur deffenne <sic!>: applaudir Lès productions du genie, encouragèr ceux quy sèduits par vos ouvrages prenent l'admiration qu'ils éprouvent en Les lisant pour dès heureuses dispositions c'est ce que vous faites; votre memoire pour lès Calas; votre Lettre a mr Soumarokof; et vos Bontés pour moy en sont dès preuves. je reclame cès dernières quoiqu'elles ayent paru se dementir dans l'instant ou iaurois du le plus y comptér

quand votre muse enchanteresse,
par Lès vèrs Lès plus sèduisants,
daigna sourire a mès accents.
une delitieuse ivresse
subjugua mon coeur et mès sens
depuis ce jour vous invoquant sans cèsse
vous futes Le dieu de mès chants
josais vous en offrir lhommage
par un trompeux espoir je me laissois saisir
la tête tourne aisément a mon âge
a mes premiers èssais vous venièz d'applaudir;
mon amour propre Est votre ouvrage;
pourquoy voulès vous m'en punir

il y auroit de l'injustice; vous m'avez tiré de mon obscurité et quand je veux essayer de paraître au grand jour vous blâmez ma témérité par un silence cruel; tandis que vous pouviez la reprimer d'un seul mot; c'est ce mot que j'attends depuis environ six mois que je vous ai fait parvenir un exemplaire de mes ouvrages; comme il doit désirer de leur sort j'espère que vous voudrez bien ne pas faire languir plus longtemps mon impatience j'ai l'honneur d'être Monsieur | votre très humble et très obéissante servante

La marquise d'entremont

permèttez moy de joindre icy deux lettres l'une est d'un homme quy comme moy adore tout ce quy vient de vous l'autre est la réponse <sic!>

Автограф. Рукописи БВ, т. II, л. 312 (Best. 16189).

[Перевод]

Обена в Виварэ, сего 4 июня 1771

Восхищать свой век очарованием поэзии, поучать, вручая ему с изящной точностью картину минувших событий, просвещать его лучами здоровой философии — таковы, милостивый государь, таланты ваши. Добродетели ваши принадлежат к числу тех, что отличают чувствительную и щедрую душу. Стенать над участью обездоленных, с жаром принимать на себя их защиту, рукоплескать произведениям гения, ободрять тех, кто, прельщенный вашими произведениями, принимает восхищение, ими испытываемое при чтении, за собственное счастливое предрасположение им следовать — вот то, чем вы заняты. Ваша записка в защиту Каласов, ваше письмо г. Сумарокову и ваши милости ко мне служат тому доказательствами. Я испрашиваю эти последние, несмотря на то что они как бы отменились как раз тогда, когда мне всего более надлежало рассчитывать на них:

Когда ваша муза-очаровательница | в самых прельстительных стихах | соблаговолила улыбнуться моим напевам, | восхитительное опьянение | подчинило себе мое сердце и мои чувства. | С этого дня, непрерывно к вам зывая | (вы стали богом моих песнопений), | я осмелилась поднести их вам в знак своего почтения, | обманчивой надежде я дала себя увлечь. | В моем возрасте голове нетрудно вскружиться. | Вы рукоплескали моим первым опытам, | честолюбие мое сотворено вами. | Почто же вы хотите меня за него покарать?

Это было бы несправедливо: вы извлекли меня из потемков, а когда я собираюсь появиться при полном свете, вы своим жестоким молчанием укоряете меня в моей продерзости, тогда

как вы могли ее унять единым словом. Этого-то слова я и ожидаюсь в течение почти шести месяцев с того дня, как я доставила вам экземпляр своих сочинений. Поскольку оно должно решить их участь, я надеюсь, что вы не пожелаете, чтобы я долее томилась в нетерпении. Имею честь, сударь, пребыть вашей почтительнейшей и покорнейшей слугой

Маркиза д'Антремон.

Разрешите мне присоединить к сему два письма, одно из них от человека, который подобно мне обожает все, что исходит от вас, другое — ответ на него.

27

[1773, вторая половина
XI—начало XII]

От аббатиссы де Бру
маркизу Флориану

Je suis on ne peut pas plus reconnoissante Monsieur de linterets que vous avés bien voulu prendre a ce qui nous est arrivés de facheux par le magazin a poudre jai lhonneur de vous en faire tous mes remerciements quand a ce quon me propose envoyer des particularités sur la malheureuse affaire dabbeville javoue que je desire quelle reste dans loublie si dans le tems javois pue concourir a empécher que larticle ou est le nom B. . . soit ecrite je laurois fait car jai remarqué moy même quil est fort falsifié mais actuelement je pense quil est plus prudent de nen plus parler

Je suis bien flaté que cette occasion me rappelle dans lhonneur de votre souvenir.

Ce souvenir me fait trop de peine.

S<oeu>r Feydeau abbesse de Villancourt

Автограф. Рукописи БВ, т. VI, л. 125.

Датируется ориентировочно на основании упоминания о взрыве; об этом же взрыве Вольтер писал маркизу Флориану 22 ноября 1773 г. (Best. 17549). В то же время несомненно, что письмо к тому же адресату, отправленное аббатиссой де Бру 10 января 1774 г. и публикуемое ниже (№ 29, стр. 112), написано не в ближайшие недели после данного письма.

[Перевод]

Я как нельзя более признательна, милостивый государь, за интерес, который вы соблаговолили проявить к тем неприятностям, приключившимся нам от порохового погреба. Имею честь выразить вам за это всю свою признательность. Что же касается того, что мне предлагают, чтобы я выслала подробности, относящиеся до злосчастного авильского дела, то признаюсь, я желаю, чтобы оно осталось в забвении. Ежели бы в свое время я могла

бы помешать тому, чтобы статья, в которой стоит имя Б... , была написана, я бы так и сделала, ибо я и сама заметила, что она сильно искажена. Но теперь считаю, что благоразумнее не заводить более о нем речи.

Я весьма польщена тем, что по этому поводу имела честь прийти вам на память.

Но эти воспоминания мне слишком тягостны.

Сестра Фейдо, аббатисса Вильянкура.

28

[1773 XII?]

От маркиза Флориана

Mon tres aimable oncle, je vous envoie la lettre cy jointe qui nous annonce ce que nous desirons. Je vous supplie de nous donner de vos nouvelles et de celles de ma soeur, quant a moy je n'ay pas la goutte, ma douleur a la poitrine vient d'un effort causé par un accès de toux violent, qui a foulé un muscle, et je n'ai plus de fièvre, mais ce qui augmente beaucoup ma souffrance, s'est que ma compagne a la fièvre mal a la gorge, des amidales enflées; figuier voulait la seigner, elle luy a resisté, j'espere qu'elle cedera a cabanis qui probablement pensera de meme je l'attens avec la plus grande impatience, aiés la bonte de me dire a qu'elle <sic!> heure on doit l'aller chercher. bon jour mon aimable oncle aimés moy et plainés moy

Эта записка в VI томе Рукописей (БВ, л. 115) вшита внутрь письма Дюменьяля к маркизу Флориану от 31 марта 1775 г. (см. № 37, стр. 130). Как видно из двух штемпелей, письмо Дюменьяля было отправлено из Абвиля и адресовано Флориану в Ферне. Для датировки записки существенно сообщение в ней о заболевании жены Флориана, ибо тревогой о ее здоровье, советами по лечению и т. п. полна переписка Вольтера за январь 1774 г. (начиная с Best. 17634 от 3 января). Таким образом, записка должна была бы датироваться концом 1773 г. Однако в это время Флорианы находились в Монпелье. Вероятно, связи данной записки с письмом Дюменьяля 1775 г. нет, совпадение ее первой фразы с содержанием письма Дюменьяля лишь кажущееся, а на самом деле речь шла о каком-либо ином письме, и Ваньер лишь по недоразумению объединил их. Но есть в данной записке еще одно странное обстоятельство, если она действительно написана из Монпелье: зачем было ее автору запрашивать издалека Вольтера о приемных часах Кабаниса, по смыслу записки ожидаемому вскоре на месте? *

[Перевод]

Любезнейший дядя, пересылаю вам прилагаемое письмо, возвращающее нам то самое, чего мы желаем. Умоляю вас прислать

* По нашей просьбе профессор университета Монпелье Жак Пруст наводил справки в архиве этого университета: Кабанис к его знаменитому медицинскому факультету отношения не имел.

весть о себе и о моей сестре. Что до меня, так у меня нет подагры, а грудь у меня болит от натуги при неистовом приступе кашля, сдавившего мышцу, и жар у меня уже прошел. Но весьма усиливает мои страдания то, что женушка моя в жару, у нее болит горло, распухла миндалина. Фигье хотел отворить ей кровь, но она этому воспротивилась. Надеюсь, что она уступит Кабанису, который, вероятно, будет того же мнения. Я ожидаю его с величайшим нетерпением, будьте добры сообщить мне, в котором часу следует за ним посылать. До свидания, любезный мой дядя, любите меня и пожалейте меня.

29

1774, 10 I

От аббатиссы де Бру маркизу Флориану

Abbeville ce X jan 1774

jai lhonneur de Vous ecrire Monsieur, et je mi crois obligé pour vous dire que ce nest pas moy qui ai envoyé a mr de V: le memoire sur lequel on a fait l'article justice inscri dans les questions sur lenciclopedie page 235 de ledition de lannee 1772 cet article qui conserne la malheureuse affaire de mon parents est mot pour mot la meme chose quune relation de la mort de ch^{er} de la B... imprimé en hollende en 1766 dattée du 15 juillet de la ditte année, et adressé par mr cass... a mr beccaria si ce memoire est parvenus sous mon nom a ce grand homme qui vous est attaché Monsieur par les liens du sang et de lamitié, je puis vous protester que cest sans ma participation et a mon insue, que je nai aucune part a cet envoi ni directement ni indirectement je nai ecrie a mr de V... pour linterresser a mes malheurs quau mois de juin 1768 jignorois alors tout ce qui avoit été imprimé de relatif a cette catastrophe affreuse a laquelle je ne pense quavec horreur, si il a encore mes lettres et le memoire — en question, ayie la bonté — Monsieur de lengager a les comparer il verra la difference de stil et decriture de ces pieces quelques personne ce plaignent de ce memoire je nen suis pas surprise certains faits importants y sont passés sous silence dautres y sont tronqués et falcifiés jai moy même lieu de maffliger de la maniere dont je suis traité dapres cela comment peut on croire que cest mon ouvrage il est inconcevable quon ait induit en erreur mr de V... sur cet objet, si javois eu connoissance en 1768 de la lettre ecrite en 1766 au marquis de beccaria jaurais pris la liberté den porter mes plaintes a mr de V... je laurois prié de ne pas laisser subsister ces ommissions et inexactitudes dans le editions quon auroit pu donner par la suite des questions sur lenciclopedie, je me suis borné a luy offrir des memoires sur cette affaire et a luy mender que cetoit m^e Denis sa niece qui avoit toute la procedure dabbeville a ce sujet il me repondit quil croyoit avoir a peu pres tous

les papiers qui concernoient cette affaire je luy envoyé apres quelques anecdotes qui me regardoit dont il na point fait usage. mr douville vous avoit envoyé en 1766 beaucoup declaircicement sur le meme objet mais de tout cela jl ni a eu dimprimé que la lettre a mr beccaria a laquelle je nai aucune part, au reste mon plus grand desir est que toute cette affaire reste dans le plus grand oubli et quon en perde jusquau souvenir. rendes je vous suplie Monsieur ces sentiments a votre respectable ami je vous en aures baucoup dobligation. Jai lhonneur destre tres parfaitement Monsieur Votre tres humble et tres obbeissante servante

S<oeu>r feydeau abbesse de Villancourt.

Автограф. Рукописи БВ, т. VI, л. 90.

[Перевод]

Абвиль, сего 10 января 1774

Имею честь писать вам, милостивый государь, и чувствую себя к тому обязанной, дабы сказать вам, что не я послала г. Вольтеру записку, на основании которой была составлена статья «Правосудие», помещенная в «Вопросах Энциклопедии» на стр. 235 издания 1772 г. Эта статья, касающаяся злосчастного дела моего родича, — слово в слово то же самое, что и «Известие о смерти кавалера де ла Б. . .», напечатанное в Голландии в 1766 г., датированное 15 июля указанного года и адресованное г. Касс. . . г-ну Беккариа. Если до того великого человека, к коему вы привязаны узами крови и дружбы, эта записка дошла от моего имени, то могу заявить вам, что это произошло без моего участия и без моего ведома, и я совсем не причастна в этой посылке ни прямо, ни косвенно. Я писала г. В. . . единственный раз, только в июне 1768 г., с целью вызвать его участие к моим бедствиям, и тогда мне не было известно что-либо из напечатанного относительно страшной катастрофы, о коей я и подумать могу лишь с ужасом. Если у него существуют еще мои письма и упомянутая записка, будьте добры, сударь, убедите его сравнить их, и он увидит, что они различаются и по стилю, и по почерку. Некоторые лица жалуются на эту записку; и меня это не удивляет; одни важные факты в ней обойдены, другие изуродованы или фальсифицированы. Да и я сама имею основание удручаться тем, как меня там третируют. После всего этого как же могут полагать, будто это мое сочинение. Просто непостижимо, как смогли ввести г. В. . . в заблуждение на сей счет. Ежели бы я в 1768 г. узнала о письме 1766 г. к маркизу Беккариа, я бы не преминула пожаловаться г. В. . . , я бы просила его устранить эти пропуски и неточности в дальнейших изданиях «Вопросов Энциклопедии», а я ограничилась тем, что предложила ему записки по этому делу и изве-

стила его, что именно у его племянницы, г-жи Дени, находились все бумаги по абвильскому делу. По сему поводу он мне ответил, что, как он полагает, у него собраны почти все документы, касающиеся этого дела. После этого я послала ему некоторые подробности, касавшиеся меня самой, коими он не воспользовался. Г. Дувиль выслал вам в 1766 г. много разъяснений по тому же предмету, но из всего этого напечатано было единственно письмо к г. Беккариа, к которому я не имею никакого отношения. Впрочем, моим величайшим желанием является, чтобы все это дело пребывало в полнейшем забвении и чтобы исчезла даже память о нем. Изложите, настоятельно прошу вас, сударь, эти убеждения вашему досточтимому другу, я буду вам за это премного обязана. Имею честь вполне пребывать, сударь, вашей смиреннейшей и почторной слугой.

Сестра Фейдо, аббатисса Вильянкура.

30

1774, 14 I

От г-жи Дюменьель маркизу Флориану

Abbeville 14 j<anvi>er 1774.

Depuis que j'ai recü votre lettre Mon cher ami et le billet obligeant de Monsieur de Voltaire je n'ai été occupée que de le benir et de repondre a ses vues. Je vous envoie un billet de Labesse des Villencourt ou elle vous remercit de vous etre souvenu d'elle a L'occasion de L'accident causé par L'explosion du magazin des poudres vous y verrez le peu de part quelle a eu au memoire qu'on a envoieé a paremment sous son nom a Monsieur de Voltaire elle me charge encor d'une autre lettre sur le même sujet, elle a été dun etonnement inexplicable quand je lui ai montré la lettre ou vous nous mandez que cest d'elle que monsieur de Voltaire tient le memoire ou mon beau pere est chargé elle ma assuré tres positivement quelle navait jamais écrit contre lui a personne dans aucun tems.

Nous avons je crois decouvert l'auteur de ce libelle abominable ce ne peut être que le juge saucourt il crut sans doute qu'il ne pourroit se laver de son iniquité quen devouant quelque malheureux a l'anatheme et en le chargeant des crimes dont il setoit couvert. il est bien absurde me direz vous de choisir le pere dun des accusez pour lui faire jouer ce role! Jen conviens mais la faute que les circonstances avoient fait commetre a Mr. B en conseillant a beauvarlet de dire la verité, et qui avoit été la cause de la deposition de cet imbecile, avoit pü faire croire au juge saucourt que les horreurs dont il le chargerait dans le proces du ch<evali>er de la Bar paroitrout vraisemblables! surtout quand il

seroit appuie par les clameurs des pretres et des bigots dont il etoit aime par son hipocrisie et ses discours fanatiques et dont mon beau pere etoit hai parce quil etoit connu pour aimer beaucoup et lire des livres de philosophie qui nous ont rendu la lumiere de la raison que la superstition nous avoit oté.

Vous ne seriez etonné de rien si vous connoissiez lhomme dont je vous parle, le capitoul david ne peut entrer en comparaison avec lui puisqu'il etoit un vrai fanatique et que lautre le contrefaisoit de sang froid pour se vanger a coup sur de tout ce que lui avoit resisté. il avoit encor un autre motif en sevissant contre tout ce qui paroissoit blesser la religion. il esperoit que notre evesque parleroit de lui a la reine dont ce prelat etoit estimé. je ne puis mon cher ami menpecher de remarquer ici avec vous combien les prejuges des grands influent sur le sort des particuliers! marie leskinki etoit loin de penser que son opinion conduiroit un innocent a lechaffaut.

Je joins au paquet une lettre de Mr Douville qui me parait propre a servir de defense a mon beau pere aux yeux de Monsieur de Voltaire. Jespere quil voudra bien malgré ce que vous mande labbesse aller en avant et justifier mon beau pere comme il a la bonté de le promettre dans le billet que nous avons recü de sa part. il est assez simple que labbesse desire que cette affaire soit oubliée à jamais, mais cela est impossible et puisquon ne peut leffacer entierement, il faut montrer la verité et que l'innocent ne soit plus chargé de crimes par limposture nous desirerions encor que Monsieur de Voltaire voulut bien en parlant de mon beau pere ne le designer que par la lettre B. comme il l'est dans la lettre de Mr Carin.

rien nest comparable a la bienfaisance de votre illustre ami! De vouloir bien soccuper de lire tout ce que nous lui envoions a ce sujet. les qualitez de son coeur sont en proportion de son genie et rien ne peut egaler notre admiration et notre reconnaissance. vous seriez attendri surtout de la joie de mon beau pere, de lhentousiasme avec lequel il parle de celui qui vâ etre son bienfaiteur en lui rendant lhonneur. peut on ne pas etre vertueux, quand on revere autant lhomme vertueux!

Je nai que le tems de vous assurer de notre attachement pour vous et votre compagne mon cher ami et de vous demander en grace de nous faire avoir une edition des Questions enciclopediques de celles que lon vâ corriger.

des nouvelles de la santé de Madame de Florian.

Автограф. Рукописи БВ, т. VI, лл. 97—98.

Из числа сгруппированных в этом томе писем лиц, связанных с процессом кавалера де Ла Барра, данное письмо приводится здесь как наименее длинное и как способное послужить для дальнейшего уточнения крайне запутанной хронологии (так, например, Ф. Косси данное письмо предпочитает отнести к январю 1775 г.).

С того момента, как я получила, дорогой друг, ваше письмо и любезную записочку г. Вольтера, я непрестанно благословляю его и стремлюсь во всем соответствовать его намерениям. Посылаю вам письмо г-жи аббатиссы Вильянкура, в которой она благодарит вас за то, что вы вспомнили о ней в связи с несчастным случаем — взрывом порохового погреба. Вы из этого письма усмотрите, сколь мало она причастна к записке, посланной г. Вольтеру, по-видимому, от ее имени. Она препоручила мне еще одно письмо по тому же вопросу. Она была невыразимо изумлена, когда я показала ей письмо, в котором вы сообщаете, что это от нее г. Вольтер получил записку, в которой обвиняется мой свекор. Она меня положительно заверила, что никогда и никому не писала против него.

Мне кажется, мы раскрыли автора этого отвратительного паквиля. Им может быть только судья Сокур. Он несомненно счел, что сможет очистить свою репутацию судьи неправедного, лишь обрекая какого-нибудь несчастного общему проклятию и обвиняя его в преступлениях, которыми сам запятнан. Вы скажете, что весьма нелепо подобрать для этой роли отца одного из обвиняемых! Согласна; однако, быть может, именно вследствие ошибки, совершенной под гнетом обстоятельств г-ном Б., когда тот посоветовал Боварле рассказать правду (что и послужило причиной показаний этого дураля), судья Сокур и уверовал, будто мерзости в процессе кавалера де Ла Барра, в которых он обвинит моего свекра, покажутся правдоподобными. В особенности ежели его поддержат вопли священников и святош, любящих его за его лицемерие и фанатичные речи и ненавидевших моего свекра, о котором было известно, что он очень любит и читает книги по философии, вернувшие нам свет разума, отнятый у нас суеверием.

Вы бы перестали удивляться, если б знали человека, о котором я вам говорю. Капитул Давид не может идти с ним в сравнение, поскольку он был настоящим фанатиком, а этот лишь хладнокровно подражал ему, чтобы наверняка отомстить всем, кто ему сопротивлялся. Был у него еще один повод неистовствовать против всего, что казалось способным оскорбить веру. Он рассчитывал на то, что наш епископ расскажет о нем королеве, относящейся к этому прелату с почтением. Не могу, друг мой, воздержаться от того, чтобы здесь же вместе с вами не заметить, сколь от предрассудков людей влиятельных зависит судьба отдельных лиц: Мария Лещинская была далека от мысли о том, что ее мнение приведет безвинного на эшафот.

Я присоединяю к сему пакету письмо г. Дувилля, способное, по-моему, послужить к защите моего свекра в глазах г. Вольтера. Я надеюсь, что он согласится, вопреки тому, что вам пишет абба-

тисса, выступить с доказательством невинности моего свекра, как он любезно обещал в записке, полученной нами от его имени. Легко понять, что аббатиса жаждет полного забвения этого дела, но это невозможно, а раз невозможно его совсем стереть из памяти, то нужно обнаружить перед всеми истину, чтобы впредь клевета на безвинного не взваливала вины. Нам бы хотелось также, чтобы г. Вольтер, говоря о моем свекре, обозначал его лишь буквой Б., как то сделано в письме г. Карэна.

Ничто не может сравниться с благодеяниями вашего прославленного друга, готового читать все, что мы ему шлем по этому вопросу. Свойства душевные его соразмерны его гениальности, и ничто не может сравниться с нашим восхищением и нашей признательностью. Более всего вас растрогали бы радость моего свекра и энтузиазм, с которым он говорит о том, кто собирается стать его благодетелем, возвращая ему его честь. Можно ли не быть добродетельным, столь почитая добродетельного человека?

Я располагаю временем лишь на то, чтобы заверить вас в нашей привязанности к вам и к вашей подруге, дорогой друг, и просить вас как о милости о получении издания «Вопросов Энциклопедии», тех, которые будут исправлены.

Мы ждем известий о здоровье г-жи Флориан.

31

1774, 28 I

От маркиза Флориана

Montpellier 28 janvier 1774

voici notre tres cher oncle encore quelques pieces relatives a l'affaire de m^r de belleval, c'est une lettre a moy de M^{de} du mesniel, une lettre de m^{de} l'abbesse et une troisieme de m^r Douville dont le fils ainsi qu'un de ceux de M^r de belleval se trouvait compromis dans l'horrible catastrophe de l'innocent et malheureux chevalier de labar; cette lettre de m^r douville vous donnera un peu de peine a lire, car il ecrit encor plus mal que moy, je vous supplie cependant d'en prendre le soin et nous vous conjurons le serin et moy de rendre a cette famille affligée par l'article *justice* tous les services qui dependront de vous, un de mes amis me disait ces jours passés que vous etiés le dispensateur de la gloire de vos contemporains, l'appréciateur de leur merite, c'est donc vous seul qui pouvés effacer une tache inefaçable par tout autre; vous fairés un acte d'humanité et meme de justice, il est donc inutile que je vous repette la tendre amitié qu'avait pour m^{mc} Dumesniel votre malheureuse niepce et tous les services qu'elle me rendit au temps de mon malheur.

rien n'est changé depuis ma derniere sur l'état du pauvre serin, le devoyment qui a si fort affaiblie et maigri cette chere malade a cessé

mais il revient quelquefois et suspend les remedes dont nous devrions uzer, cependant son appetit se soutient et son sommeil serait bon s'il n'était interrompu par la toux, la derniere nuit a été fort bonne, et nous allons essayer aujourd'hui de faire une petite promenade en carosse c'est la premiere fois depuis que nous sommes ici, nous esperons que cet exercice retablira les forces et contribuera a arrester tout a fait le devoymment. ce qui nous console et nous encourage fort c'est que les medecins que nous voyons ne sont point des charlatans, ils ne fixent point le temps de la guerison parfaite, mais ils nous promettent de nous renvoyer au printemps, et la maladie bien examinée, bien connue par eux, ils seront, disent ils aussi en etat de diriger la malade de loin que si elle etait sous leurs yeux; voila le langage de l'honneteté et de la capacité, voila le pis, car il est tres possible que nous arrivions au petit ferney notre chere malade retablie.

M^{de} de Sauvigni nous a envoyés tous les memoires sur l'affaire de M^{de} de Goeman excepté le premier de M de Beaumarchais, auquel nous avons grand regret ses deux derniers nous ont fait pamer de rire, et nous ne concevons pas comment m^{rs} les commissaires ont pu conserver leur gravité aux conversations du recolement. M^{de} Sauvigni parle douloureusement de cette affaire, sans nous en apprendre la suite, que nous voudrions bien savoir. On m'a assuré que beaumarchais et bertrand s'étaient battus et que ce dernier avait reçu un coup depée dans la cuisse, ce qui dit on a surpris tout paris, beaumarchais ne passant pas pour brave et bertrand ayant remporte plusieurs prix dans les sales d'armes mais un fleuret et une epée sons deux choses tres differentes. Je vais renvoyer tous ces memoires a M^{de} de Sauvigni, mais ce que je ne luy renverrai pas, c'est sa lettre une phrase qu'elle contient nous la rend trop chere. *J'ai receu nous dit elle depuis quelque temps plusieurs lettres de Monsieur de Voltaire, dans lesquelles il me parle en pere tendre de vous deux.* Vous ne vous contentés pas notre cher oncle de nous aimer, de nous le dire, vous avés la bonté de l'apprendre a nos amis communs, cette nouvelle assurance de vos sentiments aussi glorieuse que chere a nos coeurs, a fait eprouver au cher serin une joie vive tendre pure, qui a augmenté celle que j'ay moy meme ressentie, en verité notre aimable oncle nous serions bien en peine de dire quel est en nous le sentiment le plus vif le plus fort, celuy de l'admiration, ou celuy de la tendresse. Quand pourrons nous vous le dire nous meme.

Je reçois dans ce moment mon tres cher oncle la derniere que vous avés eu la bonté de m'écrire le 22. les papiers cy joints repondront à la lettre de m^r d'etalonde, lequel detalonde vous ecrit sans doute sur les premiers bruits qui coururent au commencement de cette cruelle et odieuse affaire, qui veritablement chargeait un peu m. de belleval attendu une querelle qu'il avait eue avec le ch^{er} de labarre. d'etalonde n'a rien sçeu depuis, il part de son premier mouvement. j'espere que la lettre de m. detalonde ne nuira pas a messire de belleval, lequel malgré sa charge est veritablement gentilhomme.

m. de la mure ici present vous remercie de la bonne opinion que vous avés de luy il fera son possible pour vous rendre votre serin en bonne sante. bon jour notre aimable oncle, nos premiers voeux sont pour la durée de vos jours, ils nous sont si chers le secondes sont pour nous.

Автограф. Рукописи БВ, т. VI, лл. 91 об.—92. Вложен внутри письма аббатиссы де Бру от 10 января 1774 г. (см. выше, № 29), с адресом (на обороте л. 93) ее же рукой: «а Monsieur Monsieur de florians».

Упомянутый в последнем абзаце де Ла Мюр — врач в Монпелье.

[Перевод]

Монпелье, 28 января 1774

Вот, дорогой наш дядюшка, еще несколько бумаг по делу г. де Бельваля, а именно письмо ко мне г-жи Дюменьель, письмо госпожи аббатиссы и третье письмо — от г. Дувилля, сын коего вместе с одним из сыновей г. де Бельваля оказался замешанным в ужасающей катастрофе с невинным и несчастным кавалером де Ла Барром; это письмо г. Дувилля будет вам нелегко читать, ибо пишет он еще хуже моего. Убедительно прошу вас, несмотря на это, озаботиться его прочтением, и мы оба, чижик и я, заклинаем вас оказать семейству, удрученному статьей «Правосудие», любую от вас зависящую услугу. Один из моих друзей сказал мне на днях, что вы являетесь раздатчиком славы ваших современников и оценщиком их заслуг. Стало быть, именно вы способны стереть пятно, не снимаемое никем другим. Ваш поступок будет актом гуманности и даже актом правосудия, и мне нет надобности напоминать вам о нежной дружбе, которую питала к г-же Дюменьель ваша несчастная племянница, и о всей помощи, которую та оказала мне во время моей беды.

Со времени моего последнего письма ничто не изменилось в состоянии здоровья бедного чижика, понос, от которого она столь ослабла и похудела, прекратился, но иногда возобновляется и прерывает применение лекарств, которыми мы должны были бы пользоваться, причем аппетит не пропадает, а сон был бы неплох, если бы не прерывался кашлем. Последняя ночь прошла очень хорошо, и мы попробуем нынче совершить небольшую прогулку в коляске, это будет впервые со времени нашего сюда приезда; мы надеемся, что этот моцион восстановит ее силы и будет содействовать полному прекращению поноса. Что нас утешает и весьма обнадеживает, так это то, что врачи, с которыми мы имеем дело, не шарлатаны; они не назначают точных сроков полного исцеления, но обещают весной отправить нас домой, как они утверждают, раз заболевание ими хорошо обследовано и изучено, они смогут издала так же успешно вести больную, как если бы она оставалась у них на глазах. Вот манера говорить людей честных и способных —

и это на худший случай, ибо вполне возможно, что мы прибудем в Малый Ферне с уже выздоровевшей дорогой нашей пациенткой.

Г-жа де Совиньи прислала нам все записки о деле г-жи Гезман, за исключением первой записки г-на де Бомарше, о чем мы весьма сожалеем, ибо обе последние его записки заставили нас давиться от смеха, и мы и представить себе не можем, как господа комиссары сумели сохранить свою степенность во время бесед при прочтении свидетелям их показаний. Г-жа де Совиньи, говоря с огорчением об этом деле, не сообщает нам продолжения, которое нам бы весьма хотелось знать. Меня уверяют, что Бомарше и Бертран дрались и что последний получил удар шпаги в бедро, что, как говорят, поразило весь Париж, ибо Бомарше не слывет смельчаком, а Бертран не раз получал призы в фехтовальных залах. Но рапира и шпага — вещи весьма разные. Все эти записки я отошлю обратно г-же де Совиньи, но что я ей не верну, так это ее письмо — одна фраза в нем делает его дорогим для нас. Она гласит: «Я получила за последнее время несколько писем от г. Вольтера, в которых он о вас обоих говорит, как нежный отец...». Вам не довольно, дорогой наш дядюшка, любить нас и высказывать нам это, вы еще столь добры, что оповещаете об этом наших общих друзей, это новое свидетельство ваших чувств, столь же почетное, как и драгоценное для наших сердец, доставило дорогому чижикку живейшую и чистейшую нежную радость, от которой лишь возросла радость, испытанная мною самим. Поистине, любезный наш дядюшка, мы бы затруднились высказать, которое из наших чувств преобладает — восхищения или нежности. Когда-то мы сумеем вам лично это высказать!

Дражайший мой дядя, я сейчас получил последнее письмо, которое вы соблагородили мне написать 22-го. Прилагаемые к сему бумаги явятся ответом на письмо г. д'Эталлонда, каковой Эталлонд пишет вам несомненно на основании первых слухов, распространявшихся при начале этого жестокого и отвратительного процесса, и в самом деле несколько порочившего г. де Бельваля, поскольку он имел стычку с кавалером де Ла Барром. Д'Эталлонд с тех пор ничего нового не слышал и действует под влиянием того же первого порыва. Я надеюсь, что письмо г. д'Эталлонда не повредит мессире де Бельвалю, который, несмотря на свою должность,* является истинным дворянином.

Г. де Ла Мюр, присутствующий здесь, благодарит вас за доброе о нем мнение. Он сделает все, на что способен, чтобы ваш чижик вернулась к вам в добром здравии. Прощайте, любезный наш дядюшка, первые наши молитвы — за продление ваших дней, столь для нас драгоценных, и лишь вторые — за нас самих.

* Бельваль был чиновником податного управления в Абвиле. (Прим. В. Л.).

1774, 20 II

Декларация Муанеля

Je soussigné charles François marcel moisnel sieur de Bertinois certifie a qui il appartiendra qu'ayant eu le malheur d'etre injustement impliqué en 1765 dans la monstrueuse affaire de la mutilation d'un crucifix a abbeville, je fus decreté de prise de corps les premiers jours du mois d'octobre de cette année et que je fus arrêté en consequence en la maison de campagne de M. de Belleval scise a cressi ou je metais rendu quinze jours avant avec le maitre de cette maison qui m'y avait engage. Le Ch<evali>er de la barre et M. d'etalonde furent decretés en meme tems que moy, Mais M^{rs} de saveuse et de Maillefeu ne le furent qu'un mois apres. les duretés et les menaces que le juge qu'instruisait cette affaire exerca envers moy en cette occasion, me troublèrent tellement la tete, que je me determinay a lui faire en quelque sorte une confession generale. dans cette confession je dis que je croyais avoir entendu chanter quelques couplets impies et licentieux par ces deux derniers messieurs avec qui j'étais lié d'amitié. Il n'en fallut pas davantage pour les rendre les compagnons de mon infortune. Mr de Belleval dont le fis se trouvait inculpé dans cette affaire ne m'en scut pas mauvais gré, il continua a m'honorer du plus vif interest durant tout le cours de cette affaire; le Ch<evali>er de la Barre qui ne l'ignorait pas, ne m'en a jamais parlé, nous vivions cependant ensemble dans la plus grande intimité, lorsqu'il scut que Mr de Belleval etait assigné pour etre entendu dans l'information du 26 7bre 1765, il ne me temoigna aucune inquietude quoiqu'il scut que Mr de Belleval n'était pas son ami. la deposition de Mr de Belleval justifie sa securité, car elle ne le charge en aucune facon, tout y est vague et fondé sur des oui dire, enfin elle parut si peu importante qu'il ne fut recolé ny confronté, il en fut de meme d'ursule scolastique gondalier femme tirmont, de son fils et du sieur beauvarlet tous trois voisins de M. de belleval qu'on a dit faussement avoir été excités par lui a perdre le Ch<evali>er de la Barre. leurs depositions n'influerent en rien dans le jugement; M. de belleval qu'on accuse de ne s'etre occupé durant tout le cours de ce proces qu'a cabaler contre le Ch<evali>er de la Barre, qu'a troubler la confiance des gens qui devaient etre entendus dans l'information, qui forcait dit on le ministre public a les faire assigner quand il etait sur qu'ils etaient prêts a seconder ses vues, n'a quitté sa campagne que pour deposer le 26 7bre 1765, il y est retourné le lendemain. le decret qui intervint deux jours apres contre Mr de Saveuse son fils, fut pour le pere un coup de foudre, des ce moment il ne fut occupé qu'a le mettre a l'abri de cette persecution. ce sont autant des verités dont j'ai été parfaitement instruit et ausqueles je crois devoir rendre publiquement hommage. fait a abbeville ce vingt fevrier mil sept cents soixante quatorze

Moisnel De Bertinois

Я, нижеподписавшийся Шарль Франсуа Марсель Муанель сьер де Бертинау, свидетельствую, кому надлежит, что, имев несчастье быть неправомерно замешанным в 1765 г. в чудовищный процесс о повреждении распятия в Абвиле, я навлек на себя решение об аресте в первых числах октября названного года и в соответствии с этим был арестован в загородном доме г. де Бельваля, расположенном в Кресси, куда я направился за две недели до того вместе с хозяином этого дома, меня туда пригласившим. Кавалер де Ла Барр и г. д'Эталлонд были подвергнуты аресту одновременно со мной, но гг. де Савез и де Майфё лишь месяц спустя. Жестокости и угрозы, которые следовательно, ведший это дело, применял по этому случаю ко мне, настолько помutilи мой рассудок, что я решился на нечто вроде полного признания и при этом сказал, что мне казалось, что я слышал, как эти два последних господина, с коими я был связан дружбою, распевали некие нечестивые и непристойные куплеты. Этого оказалось достаточным, чтобы они стали моими сотоварищами по несчастью. Г. де Бельваль, сын которого оказался замешанным в этом же деле, не прогневался на меня за это и продолжал проявлять обо мне самую лестную и живейшую заботу в течение всего этого дела. Кавалер де Ла Барр, об этом осведомленный, никогда мне об этом не говорил, хотя мы с ним жили в теснейшей близости. Когда он узнал, что г. де Бельваля вызвали выступать с показаниями на допросе 26 сентября 1765 г., он не высказал мне ни малейшего беспокойства, хотя и знал, что г. де Бельваль отнюдь не был к нему дружественным. Показания г. де Бельваля оправдывают эту его уверенность, поскольку они не отягощают его никакой виной, все в них неопределенно и основано на слухах, и вообще они были сочтены столь несущественными, что его не вызывали ни для подтверждения его показаний, ни на очную ставку. Так же обстояло дело с Урсулой-Схоластикэи Гондалье, в замужестве Тирмон, с ее сыном, а также с г. Боварле — тремя соседями г. де Бельваля, о которых ложно утверждали, будто они были побуждаемы им к погублению кавалера де Ла Барра. Их показания никак не повлияли на приговор. Г. де Бельваль, которого обвиняют в том, будто он в продолжение всего процесса только и строил козни против кавалера де Ла Барра, и смущал людей, чьи показания предстояло заслушать на следствии, и даже — ежели он бывал убежден в их готовности поддерживать его намерения — якобы воздействовал на следователя дабы тот вызывал их, [на деле, — В. А.] покинул свой загородный дом единственно для дачи показаний 26 сентября 1765 г. и вернулся туда на следующий же день. Приказ об аресте г. де Савеза, его сына, появившийся два дня спустя, явился для отца страшным ударом, и с этого момента он был занят лишь тем, чтобы укрыть

его от этого преследования. Все это правда, о коей я вполне осведомлен и считаю долгом публично заявить. Составлено в Абвиле сего двадцатого февраля тысяча семьсот семьдесят четвертого года.

Муанель де Бертинуа.

33

1774, 10 IV

От неустановленного лица

J'ai vu, Monsieur, a propos de l'affaire qui vous intéresse, M. Lebrun et un autre ami de M. le Chancelier, qui est membre de notre Compagnie. tous deux sont convenus que la réussite de ce projet était presqu' impossible, et la tentative tres dangereuse; que M. le Chancelier ne risquerait pas d'en parler au Roi, a moins que le Clergé qu'il avait toujours beaucoup menagé, ne l'y autorisat; que par conséquent cette affaire ne pouvait etre tentée avec quelque succes que par le vieil Eveque d'Amiens dont le zele excessif avait acquis une sorte de considération a Versailles; qu'il y aurait meme un danger tres grand a reclamer cette grace a titre de justice; premierement parce que ceux qui se sont trompés, ne seraient nullement disposés a convenir de leurs torts, vu l'importance de ces torts: en second lieu par ce que toute dévotion de la Cour consiste a croire les Pretres sur les inculpations d'impiété, et a les laisser maitres des coups qu'ils veulent porter a ceux qui se montrent trop ouvertement. Dernierement nous avons été obligés de faire deterrer le cadavre d'un Calviniste qui a la vérité avait déclaré publiquement a la mort qu'il voulait mourir, comme il avait vécu, dans la foi de Calvin. Le Juge avait ordonné que néanmoins il serait enterré en terre sainte, attendu qu'il n'y a plus de calvinistes en France. Appel de la part de l'Eveque; M. le Premier Président ne se pressait pas de donner audience, espérant que l'affaire resterait la. Ordre expres du Roi de donner audience; et nous avons été obligés suivant les loix du Royaume de faire exhumer le cadavre et d'enjoindre au juge de se conformer a l'avenir aux ordonnances. Heureusement le Procureur Général n'a pas requis la confiscation des biens, et nous ne l'avons pas prononcé.

Les deux hommes que j'ai consultés pensent unanimement que si votre jeune Officier écrivait au vieux Prélat d'Amiens une lettre tres soumise, et meme tres repentante, il serait possible qu'il le touchat, et que la grace demandée par cette voie fut obtenue, mais qu'il faudrait sur tout se bien garder de prononcer le mot d'injustice. Je sens, Monsieur, que tout cela vous révoltera; j'en suis plus touché que vous dans le fond de mon coeur: mais tels sont les hommes. S'ils étaient tous justes et généreux, on serait trop fâché de mourir. Cependant je ferai ce que vous me prescrirez. Je parlerai au Chancelier, si vous m'y autorisez. Mandez moi si vous voulez que ce soit de votre part. Je vous répète que j'en espere très peu, pour ne pas dire rien du tout. Il faudrait que

ce Magistrat eût le double courage d'avouer un grand tort, et de braver un corps puissant dans l'Etat et que son Maître craint presque autant que lui. Je connais trop le terrain pour vous flater à cet égard. Au reste, Monsieur, donnez moi vos ordres, et je les exécuterai fidèlement. Ne doutez jamais de mon tendre respect qui ne finira qu'avec ma vie

Mt<sic/>

a Paris ce 10 Avril 1774.

Автограф. Рукописи БВ, т. VI, лл. 109—110.

Письмо это относится к ранней стадии кампании за реабилитацию д'Эталлонда, начатой Вольтером в 1774 г. Вольтер затем и сам обратился к Мопу; в Париже его посредниками и ближайшими союзниками станут Кондорсе, д'Орнуа, однажды даже Ленгэ; мы, однако, не сумели решить, кто был автором настоящего письма, к кому первому из членов адвокатского сословия обратился за советом и поддержкой Вольтер.

Содержание этого письма, т. е. рекомендации и оценка ситуации, найдет отражение в письме Вольтера к Фридриху II 26 апреля и в ответном письме 15 мая 1774 г. (Best. 17 806 и 17 834). О том, что уже в марте были приняты шаги, чтобы добиться возбуждения дела о пересмотре приговора 1766 г. над д'Эталлондом, свидетельствует, в частности, письмо его брата Фрамикура от 11 марта (Best. 17 743).

При реконструкции истории этой кампании автору отлично документированной монографии о Вольтере и французском уголовном законодательстве Эдуарду Гертцу (E. Hertz. Voltaire und die französische Strafrechtspflege im achtzehnten Jahrhundert. Stuttgart, 1887) явно недоставало этого звена, как, впрочем, и некоторых иных, не раз впервые восстанавливаемых благодаря публикуемым здесь письмам по делам Сирвена, Ла Барра и Лалли.

[Перевод]

Я повидался, милостивый государь, по поводу интересующего вас дела с г. Лебреном и с еще одним членом нашей корпорации, другом г. канцлера. Оба они убеждены, что удача этого замысла почти невозможна, а попытка его осуществить весьма опасна; что г. канцлер не рискнет сказать об этом королю, разве что по уполномочию от духовенства, с которым он всегда очень считался; и что, следовательно, с некоторым расчетом на успех попытка могла бы быть предпринята лишь с помощью старого епископа Амьенского, крайнее рвение коего заслужило в Версале своего рода уважение. Было бы даже очень опасно требовать этой милости согласно правосудию, во-первых, потому, что те, которые ошиблись, нисколько не будут склонны признаться в своих винах именно вследствие значительности этих вин; во-вторых, потому, что все благочестие Двора в том и состоит, чтобы верить священникам относительно обвинений в нечестивости и предоставлять им неограниченную власть наносить удары по их усмотрению всем тем, кто выступает слишком открыто. Совсем недавно мы были принуждены выкопать труп одного кальвиниста, впрочем, дейст-

вительно публично заявившего перед смертью, что он желает умереть, как и жил, в кальвиновой вере. Судья распорядился, чтобы его тем не менее похоронили в освященной земле, принимая во внимание, что во Франции более нет кальвинистов. Апелляция со стороны епископа; г. первый президент не спешил созвать палату для ее рассмотрения, рассчитывая на то, что дело тем и кончится. Специальный приказ короля приступить к рассмотрению; и мы были вынуждены сообразно с законами королевства произвести эксгумацию и поставить судье на вид, чтобы он на будущее соображался с ордонансами. К счастью, генеральный прокурор не потребовал конфискации имущества, и мы такого приговора не вынесли.

Оба лица, с которыми я советовался, единомысленны в том, что ежели бы ваш молодой офицер написал старому амьенскому прелату письмо особенно покорное и даже очень покаянное, то, возможно, он его бы и растрогал, и тогда помилование, испрашиваемое таким путем, было бы получено; при этом нужно было бы весьма поостеречься от произнесения самого слова «несправедливость». Предвижу, сударь, что все это вас возмутит, я в глубине души задет этим не менее вашего, но таковы люди. Будь они все справедливы и великодушны, не захотелось бы и умирать. Тем не менее я выполняю то, что вы мне предпишете. Я поговорю с канцлером, если вы меня на то уполномочите, сообщите мне, угодно ли вам, чтобы это было сделано от вашего имени. Повторяю, что сам я ожидаю от этого весьма немногого, чтобы не сказать, что не жду ничего. Тут нужно было бы, чтобы это высокое должностное лицо обладало двойным мужеством — признать крупную вину и не побояться пойти наперекор могущественному в государстве сословию, которого его господин боится не меньше, чем он сам. Я слишком хорошо знаком с этой средой, чтобы обольщать вас надеждами на сей счет. Тем не менее, сударь, приказывайте, и я в точности выполняю ваши распоряжения. Не сомневайтесь в нежнейшем почтении, которое у меня к вам на всю жизнь.

Париж, сего 10 апреля 1774

34

1775, 1 I

От каноника Пенье

Je citois lautre jour dans vne compagnie
comme vn des plus Beaux de ma vie
celuy que l'an dernier je passay pres devous.

Cen fust assés pour exciter l'envie.
si tost certain Esprit jaloux
me dit, «est ce chose etonnante»,
«quand a ferney l'on se presente»,

«quon y soit aussi bien traité?»
«les dieux scavent les loix de l'hospitalité».
«Mais qu'a tous vos Ecrits soit En vers soit en prose»,
«notre apollon reponde vn seul mot de sa main»,
«croyés, ami, que cest bien autre chose»:
«je lobtiens quelque fois; vous lésperés Envain».
«Il n'écrit quaux scavants» . . . «faisons vne gageure
luy dije, vn peu picqué. je tente l'avanture.
Si, comme vous, par mes talents
Je ne puis pretendre a luy plaire;
Je scais l'admirer et metaire:
Mais je scauray prendre mon temps».
Relevés donc aujourdhuy Mon hommage:
pour vous l'offrir, je suis bien moins lusage,
que l'ardeur de mes sentiments.
daignés me croire et me repondre:
vn mot suffit de votre nom.
jauray lagloire de confondre
l'orgueil de notre fanfaron.

Peigné chanoine de l'église de tours a grenoble le 1er janvier
1775 | a la bibliotheque de La ville.

Автограф. Рукописи БВ, т. II, л. 284.

[Краткое изложение стихотворного послания Пенье]

Автор раз в обществе назвал счастливейшим днем своей жизни тот, что в прошлом (т. е. 1774) году провел вблизи Вольтера. Этого было достаточно для зависти и ему заявили: «Не диво быть хорошо принятым в Ферне: боги гостепримны. Но чтобы на все ваши труды в прозе и в стихах наш Аполлон отвечал хоть единым словом, написанным его рукой, это другое дело; этого не дожидаться...». Поднося ныне Вольтеру свое сочинение, автор следует не обычаю, но жару своих чувств и умоляет ответить: одно слово обеспечит ему славу посрамить фанфарона, уверявшего, что его, как ученого, Вольтер иногда удостоивает ответом.

35

1775, 6 III

От Дюменья
[маркизу Флориану?]

Monsieur

je suis tres sensible aux Bontes que vous avez bien voulu avoir pour moy, ma Reconnaissance en est des plus sincere j'étois sans y avoir aucunement trempé tres malheureusement compromis dans une affaire

qui fait horreur a lunivers vous avez eu la bonté de faire passer leponge sur ce qui Etoit a larticle Justice tres injustement, et tres indiscretement hazardé sur mon compte; voila la grace que je vous dois, si javois lhonneur destre plus particulierement connu de vous monsieur, vous seriez convaincu par la noblesse de vos sentiments, combien cette association mafectoit, et de lobligation que je sens vous devoir, aussi ne méchopera telle jamais,

Madame dumaisniel est a paris depuis trois mois avec son mary, lexactitude a vous accuser le plus diligeamment possible les feuilles que lon ma adressé, ne ma pas permis de tarder, javois bien eu de choses a vous dire de lapart dunne dame qui vous honore sancesse, elle sera des plus sensible a cette derniere marque de votre attention.

le sieur Broutel troisieme juge dans cette affaire etoit lhomme de Soicourt, tout autres que lui, elle nauroit pas eu unne si horrible fin, ce Broutel etoit un amphibie sans caractere decidé, ni mesme detat; sa profession ordinaire dans le siege du presidial de cette ville etoit de postuler en qualité de procureur, les avocat de cette senechaussé ne layant jamais voulu admettre au nombre de leurs confreres, il etoit marchand de Bois, de cochon et autres marchandises villes, il a eu plusieurs sentences consulaires contre lui qui le qualifient marchand, enfin par quelques creances dans unne succession il a pris sur son compte la charge de presidens en lelection, les confreres du defun <sic!> presidens ont forme un opposition au sceau lors que ce Broutel a voulu se faire agreer dans cette charge par arrest de la cour des aide il a été declare indigne de loccuper, comme il est mort peu de tems apres cette defaite, les medecins ont jugé que son chagrin de peu de reussitte dans cette affaire, avoit surmonté les palliatifs dunne maladie venerienne dont il etoit impregné. voici monsieur letat, la vie, la conduite et les moeurs du seul juge avec qualité fort equivoque qui ait pu penser comme son Emule dans cette affaire declat, car le troisieme dont il nest pas parlé et qui sapelle le febvre de viller etoit fort Eloigné de penser comme eux.

jai lhonneur destre Monsieur avec toute la Reconnaissance possible et les sentiments les plus distingues | Vottres <sic!> humble et tres obeissant serviteur

Dumaisniel de Belleval

abbeville ce 6 mars 1775

Автограф. Рукописи БВ, т. VI, лл. 82—83.

[Перевод]

Милостивый государь,

я весьма чувствителен к милостям, которые вы соблагволили оказать мне, и за это вам искреннейше признателен. Не будучи нимало замешан по существу, я, к величайшему несчастью, ока-

зался впутанным в судебное дело, повергающее в ужас всех на свете. Вы были так добры, что как бы губкой смыли все, что в статье «Правосудие» было столь несправедливо и столь нескромно сказано обо мне. Вот милость, которою я вам обязан. Имей я честь быть более близко знакомым вам, сударь, благородство ваших чувств убедило бы вас в том, сколь эта признательность меня удручала, и в том, какою признательностью к вам я сознаю себя обязанным; потому она никогда у меня не улетучится.

Г-жа Дюменбель находится в Париже в течение трех месяцев вместе со своим мужем. Тщание мое как можно быстрее подтвердить вам получение листков, мне адресованных, не позволило мне медлить. У меня было, что сказать вам от имени дамы, непрерывно вас почитающей, она будет как нельзя более чувствительной к этому последнему знаку вашего внимания.

Г. Брутель, третий судья в этом деле, был человеком Сокура, и при любом другом деле не пришло бы к столь ужасному концу. Этот Брутель был амфибией без определенного звания и даже положения в обществе. Его обычной профессией в президиальном суде этого города было вести дела в качестве ходатая, поскольку адвокаты этого сенешальства никогда не соглашались принять его в число своих сочленов. Он торговал лесом, свиньями и другими низкими товарами; против него было принято несколько решений торгового суда, в которых он назван торговцем. Наконец, имея несколько долговых обязательств в одном наследстве, он взял себе должность президента податного округа. Коллеги покойного президента воспротивились скреплению этого печатью, когда сей Брутель пожелал быть принятым на эту должность, и постановлением Палаты косвенных сборов его объявили недостойным ее занимать. Поскольку он умер вскоре после этой неудачи, врачи сочли, что огорчение неуспехом этого дела превозобладало над действием лекарств против венерической болезни, его пропитавшей. Вот, сударь, положение, жизнь, поведение и нравственность единственного судьи (с весьма двусмысленными правами), который оказался способным в этом громком процессе придерживаться того же мнения, что и его сподвижник, ибо третий судья, коего не упоминают и который звался Ле Февр де Вилье, был весьма далек от того, чтобы разделять их мнение.

Имею честь пребывать, сударь, со всей возможной признательностью и с самыми отменными чувствами вашим смиренным и всепокорнейшим слугой

Дюменбель де Бельваль.

Абвиль, сего 6 марта 1775

[1775 14 [III?]]

От Фрамикюра маркизу Флориану

14

Après mon cher Monsieur les recherches que m^r Douville a fait a reims le Sr Brutel ya reellement pris ses inscriptions et a été recu avocat icy au Parlement ce que jai verifié il a fallu un peu de tems mais la recherche demandait quelques crochets. Vous avez scu a quoy nous en etions. nous en serions toujours au meme point parceque M^r l'oiseau n'a pas encore fait le memoire. J'ai vu quelques personnes en attendant qui m'ont conseillé de ne voir les autres que pieces en main d'ailleurs je ne ferai rien que le respectable protecteur à la tête Sans luy je serais encore dans les horreurs et je touche peut être au plus grand succès possible puisqu'il parait en reussissant que c'était tout ce qu'on pouvait demander.

Oserai je mon cher Monsieur vous prier de luy rendre les sentimens de reconnaissance aussi etendues que je les dois mes respects a madame Denis et mes complimens a Monsieur Dupuits et au pauvre infortuné. quant a vous Monsieur rien n'alterera jamais la sincere et particuliere amitié que je vous dois pour toutes celles dont vous avez daignez <sic!> m'honorer

Framicourt

Автограф. Рукописи БВ, т. VI, лл. 111 и 112. Неправильно вшит при переплетении тома: на л. 112 об. и 112 — письмо, 111 об. — чистый, 111 — адрес: A Monsieur Monsieur le marquis de florian a ferney. Почтовая пометка 15. Красная сургучная печать. Написано крайне неразборчивым мелким почерком.

[Перевод]

14

Согласно разысканиям, милостивый государь, проведенным г. Дувилем в Реймсе, г. Брутель был там действительно зарегистрирован и принят в адвокаты в здешнем парламенте, что я сам проверил. На это потребовалось известное время, ибо розыски потребовали окольных путей. Вам было известно, в каком мы находились положении, и мы бы и посейчас не сдвинулись с места, поскольку г. Луазо все еще не составил своей записки. Тем временем я повидал нескольких человек, которые мне посоветовали обращаться к остальным лишь с документами в руках. Впрочем, я ничего не предприиму иначе, как под водительством глубоководного покровителя. Без него я и донныне был бы в пучине ужасов, а теперь я, быть может, близок к наивысшему возможному успеху, поскольку как будто это все, чего можно было добиваться.

Осмелюсь ли я, дорогой мой сударь, просить вас передать ему изъявление моего большого чувства признательности, которым

я ему обязан. Госпоже Дени — мое почтение и мои приветы г. Дюпюи и бедному несчастливцу. Что касается вас, сударь, то ничто никогда не изменит той искренней и особенной дружбы, к которой меня обязывает все, чем вы меня почтили.

Фрамикур.

37

1775, 31 III

От Дюменьяля маркизу Флориану

Monsieur,

depuis l'horrible affaire de notre ville, m^r moisnel y a tres peu paru, le Rolle quil a plut au juge de l'y faire jouer dans ses interrogatoires, et qui est au vrai si bien representé dans les imprimés, la sandoutte <sic!> absolument degouté de son pays natal. Rien de plus satisfaisant pour moy Monsieur que de pouvoir vous obliger, ainsi que l'homme si Respectable a tout égard, que les siecles futures auront peine adoubler. apres mes Recherches jai decouvert que mr Moisnel etoit a tournay dans le pays de la reine, je lui ai escrit et lui mande de menvoyer sous enveloppe la Copie signé de luy du Billet que vous maves adressé; quoi que les enfantillages par lui exercé dans son interrogatoire ne soient pas Rediges dans les informations suivant les attitudes <sic!> quil ya tenus, personne nen peut douter mr linguet dans son memoire les a peintes au pied de la lettre, si mr Moisnel madresse, comme je lui mande et comme je crois quil ni apportera aucunes difficulte; le Billet que vous desires, je vou ladresserai sous enveloppe; ma^{de} dumaisniel et son mary occupoient a paris un hotel rue del'Eperon, cul de sac de Rohan quartier s' andre des arts, Elle a escrit hier a mon fils aisé que sans empchement elle se propose darriver abbeville le 5 ou 6 davril, elle sera informee en arrivant des Bontes que vous aves eu pour nous; je crois quelle ne les ignore pas, ma fille vient me dire quelle avoit mandé a son frere que nous avons Recu les cahiers de Reforme

Agrez <sic!> sil vous plait Monsieur la Renovation des sentiments distinguées avec lesquels jaurai toujour lhonneur destre Vottres humble et tres obeissant serviteur

Dumaisniel de Belleval

abbeville ce 31 mars 1775.

Автограф. Рукописи БВ, т. VI, лл. 114 и 116. Письмо на двух страницах л. 114, на л. 116 об. — адрес: a monsieur monsieur de floriant ancien capitaine de cavalerie chevalier de St louis, a fernay, par lion a fernay — с почтовыми штемпелями ABBEVILLE и остатками красной перстневой и черной сургучной печатей. Между лл. 114 и 116 вшита (л. 115 и нумер.) записка (см. выше, № 28).

Милостивый государь,

со времени ужасного дела в нашем городе г. Муанель очень редко в нем появлялся. Роль, которую следователь пожелал заставить его сыграть при допросах и которая действительно хорошо изложена в печати, несомненно, совершенно отвратила его от родных мест. Для меня нет выше удовольствия, сударь, чем суметь быть вам полезным, а равно и столь почтенному во всех отношениях человеку, которому в будущих веках с трудом найдется подобный. После розысков я обнаружил, что г. Муанель находился в Турне, в землях королевы; я ему написал, уведомляя его, чтобы он прислал мне в конверте подписанную им копию записки, которую вы мне прислали. Хотя ребячества, проявленные им во время допросов, и не записаны в протоколах следствия со всеми позами, которые он принимал, никто в них не может усомниться. Г. Ленге в своей «Записке» описал их с буквальной точностью. Ежели (поскольку я его прошу об этом и полагаю, что он не станет делать никаких затруднений) г. Муанель пришлет мне желаемую вами записку, я пошлю ее вам в конверте. Г-жа Дюменбель и ее супруг занимали в Париже особняк на улице Леперон, в тупике Роганов, в квартале Сент-Андре-дез-Ар. Она вчера написала моему старшему сыну, что если не будет какой-либо помехи, она рассчитывает прибыть в Абвиль 5 или 6 апреля; по приезде она будет извещена о милостях, вами нам оказанных; полагаю, что она не находится в неведении о них, моя дочь только что сказала мне, что она сообщила своему брату о том, что мы получили «Наказы реформ» (?).

Соблаговолите, сударь, принять повторное изъявление отменных чувств, с коими я всегда буду иметь честь пребывать вашим смиренным и покорнейшим слугой.

Дюменбель де Бельваль.

Абвиль, сего 31 марта 1775.

1775, 5 IV

От Муанеля Дюменбелью

Je voudrais, Monsieur, avoir perdu entierement la memoire de l'horrible aventure qui ensanglanta abbeville il y a plusieurs années, et qui revolta toute l'europe. pour ce qui me regarde la seule chose dont je me puisse souvenir, c'est que j'avais environ quinze ans, qu'on me mit aux fers, que le Sr Soicourt me fit les menaces les plus affreuses; que je fus continuellement hors de moi meme; que je me jettai pour ainsi dire a genoux, et que je dis oui, toutes les fois que ce Soicourt m'ordonna de dire oui, Sans savoir un seul mot de ce qu'on me deman-

даит. ces horreurs m'ont mis dans un etat qui a alteré ma santé pour le reste de ma vie.

j'ai l'honneur d'etre | Monsieur | votre tres humble et tres obeissant | serviteur

Moisnel De Bertinois

a tournay ce 5 avril 1775.

Автограф. Рукописи БВ, т. VI, л. 113.

[Перевод]

Мне хотелось бы, милостивый государь, полностью утратить воспоминание о страшном происшествии, окрвавившем Абвилль несколько лет тому назад и вызвавшем возмущение всей Европы. Что касается меня самого, то единственно, о чем я помню, это что мне было около 15 лет, что меня заковали в кандалы, что г. Сокур угрожал мне самым ужасающим образом; что я непрерывно был вне себя, что я, так сказать, бросился на колени и произносил «да» каждый раз, как сей Сокур приказывал мне это, не понимая ни слова из того, что от меня требовали.* Эти ужасы привели меня в состояние, повредившее мое здоровье на всю жизнь.

Имею честь быть, сударь, вашим почтительнейшим и покорнейшим слугой

Муанель де Бертинуа.

Турне, сего 5 апреля 1775

39

1775[?], 17 IX

От аббатиссы де Бру

Monsieur

J'ai eu l'honneur de Vous écrire une lettre en date du trois aout dernier comme cette lettre etoit fort emple et contenoit des choses tres interessantes j'ai les plus grandes inquietudes quelle ne vous soit point parvenue j'ose vous supplier Monsieur d'avoir la bonté de me mander ce qui en est j'avais eu l'honneur de vous donner une adresse sure pour votre reponse ainsi que pour les papiers que vous m'annonciez la voici a mr dequesne bachelier de licence au college de s^t Bernard place maubert a paris qui y reste expres pour attendre le dit paquet quoi quil ignore de quoi il est question.

Comme la personne a qui je madressois pour faire metre a la grande poste a paris mes lettres est changé de demeure je prend le parti d'adresser celle ci a mr de la harpe dont j'ai trouvé ladresse dans le

* Привлеченный по делу де Ла Барра, Муанель дал показания, на которых было затем обосновано обвинение. (Прим. В. Л.).

journal encyclopedique si elle a le bonheur de vous parvenir je vous supplie Monsieur de me donner une adresse tierce afin qu'on ne voye pas a la poste que j'ai l'honneur de vous ecrire cest mon habit seul qui moblige a cacher ce qui seroit ma gloire sous tout autre, ne me refusez pas la consolation Monsieur de me repondre et de m'envoyer ce que vous avés eu la bonté de me promettre par votre lettre du 13 juillet dernier je latens avec le plus grand empressement je vous demande la permission de ne pas signer cette lettre a cause du hazard de l'adresse, j'ai l'honneur d'être avec autant d'admiration que de respect | Monsieur | votre tres humble et tres obbeissante <sic!> servante

се 17 7bre 17. .

Автограф. Рукописи БВ, т. VI, лл. 79 и 80. Текст на двух страницах л. 79, на л. 80 об. — адрес: а Monsieur Monsieur de Voltaire gentilhomme ordinaire du roy en son chateau de ferney pais de gex en bourgogne. Следы облатки.

[Перевод]

Милостивый государь,

я имела честь написать вам письмо 3-го числа прошедшего августа, и поскольку это письмо было весьма пространным и содержало вещи очень любопытные, то я испытываю величайшие опасения насчет того, что оно до вас не дошло. Осмеливаюсь просить вас, сударь, оказать милость сообщить мне о том, как обстоит с ним дело. Я имела честь дать вам надежный адрес для вашего ответа, а также для бумаг, о которых вы меня известили. Вот этот адрес: Г-ну Декэну, бакалавру-лиценциату в коллеже Св. Бернара на площади Мобер в Париже, каковой нарочно там пребывает, чтобы дожждаться указанного пакета, хотя и не знает, о чем идет речь.

Поскольку лицо, к которому я обращалась, чтобы сдавать мои письма на Большую Почту в Париже, сменило место жительства, я решаю адресовать настоящее письмо г. де Лагарпу, адрес коего я нашла в Энциклопедическом журнале. Если этому письму посчастливится дойти до вас, я прошу вас настоятельно, сударь, сообщить мне адрес третьего лица, чтобы на почте не видели, что я имею честь писать вам. Лишь мое одеяние заставляет меня скрывать то, что составило бы мою славу при любом ином одеянии. Не откажите мне в утешении, сударь, ответив и выслав то, что имели милость мне обещать в письме от 13-го числа прошедшего июля. Я жду этого с величайшим усердием. Прошу вас разрешить мне не подписывать сего письма из-за неуверенности в адресе.

Имею честь пребывать с восхищением, равным почтению, сударь, вашей нижайшей и покорнейшей служгой,

Сего 17 сентября 17. .

1776, I VII

От Камбри де Киоскер

Monsieur,

Je suis bas breton, tous mes parens vous donnent au diable, j'ai étudié sous le professeur cogé, et cependant, je suis rempli d'admiration pour vous.

les hommages brillans qu'on vous a rendu, ne doivent point vous faire dédaigner ceux des gens obscurs; jesus christ recut le tribut des rois il ne refusa pas les fleurs et les colombes des bergers.

a peine ais-je quitté L'enfance; j'ai beaucoup voyagé, j'ai traversé les mers, j'ai vu les contrées lointaines, une bonne partie de L'europe; et je verrai fernay; je veux pouvoir dire: et moi aussi, je l'ai vu, ce Voltaire —

je vous envoie le portrait d'un bon curé, il est mort dans une des terres de mon père la semaine passée; je me suis chargé de son oraison funébre, puisse t elle vous arracher un sourire: jeannot ne veut pas qu'on pleure même sur son tombeau.

j'ai L'honneur d'être avec respect | Votre tres humble et tres obeissant | Serviteur

Cambry De Kyausquer

a L'orient le 1 juillet 1776.

⟨Следует надгробное слово в 56 строк, приводим строки 1—6, 42—45⟩.

Dieu fasse paix au bon cure jeannot!
 qui de son temps vecut comme un saint homme;
 mangeant son christ, avalant le rogomme,
 paillard au lit, à l'église dévot;
 il ne connut ny geneve ny Rome:
 voila quel fut le bon curé jeannot.
 il lisoit peu, si ce n'est sur le tard
 pour s'endormir; . . . il prenoit au hazard
 la fleur des saints, roland, mathieu guargile
 robert le diable. ou le saint évangile

Автограф. Рукописи БВ, т. II, лл. 46—47.

[Перевод]

Милостивый государь,

я родом из Нижней Бретани, все мои родичи посылают вас к черту, учился я у профессора Коже, а меж тем я полон восхищения вами.

Блистательные изъявления почтения, вам оказанные, не должны делать в ваших глазах незаслуживающими внимания

знаки почтения, исходящие от людей безвестных; Иисус Христос, принимая дань от царей, не отклонял цветов и голубок, приносимых пастухами.

Едва лишь я вышел из детства, я много путешествовал, пересекал моря, видел дальние страны, добрую половину Европы и я повидаю Ферне; хочу иметь право сказать: и я тоже видел его, сего Вольтера.

Высылаю вам портрет доброго кюре, умершего на прошлой неделе в одном из поместьев моего отца. Я взял на себя составление надгробной речи; хотелось бы, чтобы она вызвала у вас улыбку, Жанно не хотел бы, чтобы плакали даже над его могилой.

Чсть имею пребывать с почтением вашим нижайшим и покорнейшим слугой.

Камбри де Киоскер

Лориан, 1 июля 1776.

[Перевод приведенных стихов]

Даждь, господи, мир доброму кюре Жанно,
Жившему в свой век, как святой,
Съедая своего Христа, прихлебывая крепкое вино,
В постели — распутник, в церкви — святоша,
Он не знал ни Женевы, ни Рима,
Вот каков был добрый кюре Жанно.
Читал он мало, разве что в поздний час
Для усыпления ... брал наугад
«Цвет святых», Роланда, Матвея Гаргиля,
Роберта Дьявола или святое евангелие...

41

1776, 16 VII

От аббата Педзана

Summo Musarum Sacerdoti
Volterio
universae litterarum Reipublicae
facile Principi,
ut centum post hyemes
jucundam agat senectutem
nec cythara carentem,
Joseph Pezzana
sua scribebat vota.

Celeberrimo Signore.

Quando nel 1762 v'indirizzai da Parma la traduzione dell' Orfano della Cina, vi offerii bellissimi pensieri, ed immagini, espressi in pes-

simi versi. Non poteva essere altrimenti: pensieri eran vostri, miei erano i versi. Vorrei emendare convenevolmente l'errore, e liberarmi dai rimorsi.

E' ormai vicina al termine una nuova ristampa dell' Ariosto, da me riveduta ad istanza di questo Libraio Delalain. La mia tenerezza per codesto Poeta, ammirato da più, censurato da pochi di poco credito, e pareggiato da voi solo, mi ha indotto ad aggiungere all' orlando il resto delle sue opere, non comparse fin què in Francia. M'accorgo che mal tenterei di correggere il mio fallo, presentandovi cose mie: concedetemi, chiarissimo signore, di dedicarvi le produzioni di codesto illustre Poeta Italiano. Il dono sarà degno di voi; e l'Ariosto, dopo quasi ducento edizioni, verra per la prima volta, e probabilmente per l'ultima, degnamente intitolato.

Raccomando questa mia lettera al Tragico Esopo de' nostri tempi. Mi lusingo ch'egli si compiacerà, in virtu del suo amor per le lettere, della sua benevolenza per me, ottenermene pronto riscontro; e soprattutto significarvi a viva voce, meglio assai ch'io non saprei scrivendo, i sentimenti dell'alta ammirazione, del sincero ossequio e tenero compiacimento, con cui sono, e sarò immutabilmente

Illustrissimo, e Dottissimo Signore, | Vostro Umilissimo, Oblig^{mo} servitore

L'abate Pezzana.

Parigi, 16. Luglio 1776
rue de L'arbre sec | a L'isle d'amour

Автограф. Рукописи БВ, т. II, л. 50.

В издании Бестермана под № 19081 это письмо воспроизведено по тексту, напечатанному в «Mercure de France» в октябре 1776 г., хотя единственная известная издателю рукопись — именно тот оригинал, который здесь воспроизводится.

Он публикуется потому, что в нем буквально нет ни одной фразы без отличий от печатного текста 1776 г., кроме того, имеются и более общие различия.

Любопытно было бы установить, кем был отредактирован текст этого июльского письма, через несколько месяцев увидевший свет на страницах «Mercure de France».

[Перевод]

Верховному Жрецу Муз
Вольтеру
Мировой Литературной Республики
беспорному главе
Иосиф Педзана
изложил свои пожелания,
дабы он свыше ста зим
проводил в радости старость,
не лишённую кифары.

Знаменитейший государь мой,

когда в 1762 г. я направил вам из Пармы перевод «Китайского сироты», я предложил вам прекраснейшие мысли и образы, выраженные в наихудших стихах. Да и не могло быть иначе: мысли были вашими, моими же были стихи. Мне бы хотелось пристойно исправить ошибку и избавиться от угрызений.

Ныне близко к концу новое переиздание Ариоста, пересмотренное мною по настоянию издателя Делаэна. Нежность моя к сему поэту, которым восхищаются многие, которого осуждают немногие, да к тому же некомпетентные, а сравнялись с которым один лишь вы, побудила меня добавить к «Орландо» все прочие его сочинения, донныне во Франции не появлявшиеся. Вижу, что я неудачно пытался бы исправить свой промах, послав вам свои вещи; разрешите же мне, дражайший синьор, посвятить вам произведение сего прославленного итальянского поэта. Подношение будет вас достойным: а Ариосто после почти двухсот изданий окажется впервые — и, по-видимому, в последний раз — снабженным достойным посвящением.

Вверяю настоящее мое письмо трагическому Эзопу нашего времени. Лыщу себя надеждой, что ему удастся ради своей привязанности к литературе и своей благосклонности ко мне добиться скорого ответа, а главное — выразить вам лично, лучше чем я способен в письме, чувства высшего восхищения, искреннего почтения и нежной привязанности, с которыми пребываю и всегда буду пребывать, знаменитейший и ученейший государь мой, вашим нижайшим и самым готовым к услугам слугой.

Аббат Педзана.

Париж, 16 июля 1776

Улица Ларбрсек

«гостиница» «Остров любви».

42

1776, 7 XI

От Отроша

Epitre sur la destruction des impots
indirects et des financiers dans le pais
De Gex

Il est donc vrai, divin Voltaire,
tu ne vois plus devant tes yeux
ces insectes vils, odieux,
que d'une haleine meurtriere
Colbert multiplia jadis,
et dont la déchirante Serre
jusques dans le sein de la Terre

brise la Tête des épis!
Cette plaie, hélas plus cruelle
que toutes celles qu'autrefois
on vit sur l'égypte rebelle
Moïse répandre à son choix;
Ce fléau de tous les empires
par qui le monde est gangrené,
ce vorace essaim de Vampires
n'infeste plus l'heureux ferney!
et la Liberté rétablie
dans ton asile fortuné,
des mains de la philosophie
a senti son front couronné;
et de tes campagnes superbes
doublant tous les trésors divers,
peut se reposer sur des gerbes,
ou danser sous les pampres verts
Gex ne craint donc plus qu'on ravisse
Ses laboureurs à leurs sillons,
qu'on les plonge dans des prisons
ou qu'on les conduise au supplice
pour n'avoir pas payé dix fois
au delà du prix véritable
ce minéral indispensable
dont pour tous les humains sans choix
et Phébus et le dieu de l'onde
font un don si gratuit au Monde!
L'homme est donc libre autour de toi
et désormais prenant pour loi
l'amour et la reconnaissance
peut sans redouter la finance
boire à la Santé de son roi.

ah! voilà le destin prospère
que ce ministre populaire
ce grand homme, émule accompli
de Suger, d'Amboise et Sully
préparoit à la France entière.
Vous auriez disparu bientôt
barrières sombres et serviles,
qui semblez conduire plutôt
dans des prisons que dans les Villes.
gardiens affreux de ces détroits,
pires que celui de Sicile,
monstres plus cruels mille fois
que l'on ne peint charybde ou Scylle,
c'étoit fait de vous à jamais;

Sans craindre votre griffe horrible
tout passant auroit désormais
poursuivi sa route paisible.

Nous allions voir, quel heureux sort!
briller ces jours d'un âge d'or
ou L'ordre, enfant de la Nature
balancant tous les interets,
des droits du maître, et des Sujets,
devoit poser la borne Sure;
et de ses pacifiques mains
tarissant la source des guerres
n'auroit fait des tous les humains
qu'un peuple d'amis et de freres.

Mais combien les tems sont changés!
après l'Aurore lumineuse
qui faisoit fuir les préjugés,
dans la Nuit la plus ténébreuse
hélas! nous voila replongés
tu viens, ô malheureuse france,
de perdre ton unique appui;
et le bonheur de l'espérance
t'est même interdit aujourd'hui.
Ce grand Ministre, en qui réside
et la Sagesse de Platon,
et l'integrité d'Aristide,
et la fermeté de Caton;
dans ce Siècle infâme et de boue
ce coeur d'or et de diamant,
cet homme, qu'assez dignement
il est impossible qu'on loue
Turgot, hélas, nous est ravi!
ennemis de cette doctrine
par qui tout mal est poursuivi,
les Scelerats pour sa ruïne
se sont réunis à l'envi.
un Sénat lâche auprès du Maître
effrontément l'a décrié:
un autre corps, plus vil peut être,
aussi méchant, et non moins traître
en secret l'a calomnié.
Vive émeute, sourde manoeuvre,
or à pleines mains répandu,
piège avec adresse tendu
il n'est rien qu'on n'ait mis en oeuvre.
tous les flots de l'iniquité

dans cette mer tumultueuse
de la Cour la plus orageuse
l'ont assailli de tout coté.

Ô de cette tempête affreuse
Victime illustre et courageuse,
Turgot, du faite des honneurs
tu tombes sans changer de face;
ainsi qu'elle usa des grandeurs
ta vertu soutient la disgrâce.
les méchants ont pu te priver
de ton pouvoir et de ta place;
mais ils ne sauroient t'enlever
ta constante philosophie,
les regrets des coeurs vertueux,
ny les larmes de ta patrie
ny les respects de nos Neveux.

Vainement pour donner le change
à tous les siècles à venir
aujourd'hui l'on détruit et change
le bien que tu scûs établir.
oui, c'est en vain qu'à la Mémoire
on voudroit dérober ces loix
qui de Louis faisoient la gloire,
et l'égalioient aux plus grands Rois.
fiere de ce dépôt auguste,
à le transmettre à l'univers
l'histoire véridique et juste
mettra tous ses soins les plus chers.
toujours avec reconnoissance,
la sensible Postérité
relira dans sa complaisance
ces monuments d'humanité
en faveur de la Liberté
rédigés par la bienfaisance.
et consacra son encens
à ce Ministre incomparable,
qui défenseur des droits puissans
de la Raison si respectable,
en dépit de tout préjugé
l'a fait parler d'un ton si tendre;
et qui le premier a jugé
le peuple digne de l'entendre.

Deja ta voix en son honneur
S'est élevée avec courage;

de la vertu noble prôneur,
 Voltaire, à cet homme, à ce sage
 pour offrir un public hommage
 tu n'as consulté que ton coeur.
 poursuis; quelle illustre matiere
 pour un poëte Citoyen!
 la cause de l'homme de bien
 est celle de la France entiere.
 des brigands et des scélerats
 confonds la malice impudente;
 et de la doctrine importante
 dont dépend le sort des états
 rends l'évidence triomphante.
 Venge ces sages écrivains
 qu'un lâche et cruel ostracisme
 ose a la face des humains
 punir de leur patriotisme.
 Apôtre de la Vérité
 il t'appartient de la répandre;
 la malheureuse humanité
 n'a plus que toi pour la défendre.

Tels sont, Monsieur, les voeux d'un citoien pénétré de zèle pour la prospérité de son païs et le succès d'une doctrine qui seule peut la procurer et l'établir. il est reservé sans doute au plus grand écrivain de la france de faire triompher la plus utile des connoissances, et d'illustrer le plus grand Ministre peut être de la Monarchie enlevé par la cabale des méchants aux besoins de l'état, et aux desirs de tous les de tous les <sic!> honnêtes gens. la part que vous avez prise a sa disgrâce me persuade que vous ne verrez point sans intérêt une fable relative a cet événement si funeste pour la france et voila ce qui me détermine à vous l'envoyer. que n'ai-je une partie de vos talents pour joindre dignement ma voix à la vôtre en l'honneur de ce nouveau Sully à qui il n'a manqué qu'un henri quatre. mais il est plus aisé de vous admirer que de vous imiter. C'est ce que j'éprouve tous les jours et ce qui m'est commun avec tous les litterateurs de notre Siécle. je me borne donc en ce moment a vous presenter de nouveau tous mes hommages, et tous les sentimens d'estime, de veneration et de respect que j'ai eu le bonheur de vous offrir à ferney, il y a quelques années. et avec les quels je suis et serai toujours

Monsieur | Votre très humble et très | obeissant serviteur

D'autroche de la Société | d'agriculture d'orléans.

A Orléans ce 7 9bre 1776.

Le Berger, le Chien, et les loups^a

¹ Certain Berger, dans sa tendre jeunesse,
 devenu possesseur d'un immense troupeau,
 avoit trouvé, par un bonheur nouveau,
 un Chien unique en son espèce
¹³ fait enfin pour mener par son intelligence
 tous les troupeaux de l'univers
 Togrut, (c'étoit le nom de ce gardien fidele)
 ne perdoit pas son temps à flatter le Berger;
²⁵ jl existoit jadis une loi meurtrière,
 qui contraignoit chaque Mouton
 à n'aller paturer que dans certain Canton,
 Sans pouvoir franchir la barriere
 même dans l'exces de sa faim,
 pour prendre l'herbe necessaire
 qui se perdoit au champ voisin
 Togrut avoit détruit ce tyrannique usage
 respecté ci devant, parce qu'il étoit vieux.
 on paissoit en commun; et tout s'en trouva mieux,
 Berger, Moutons et paturage.
 depuis ce tems, le Troupeau s'accroissoit
 de jour en jour; et s'engraissoit
 tout prenoit dans les champs une forme nouvelle,
 l'abondance y régnoit, et la joie avec elle
 les Loups seuls, les seuls Loups jeunoient;
 les Loups au Diable se donnoient.
 Togrut partout leur faisoit face.
 le Désespoir enfin irritant leur audace,
 pour perdre l'ennemi qui nous rend malheureux
 il nous faut, s'ecria le plus méchant d'entre'eux,
 affamer le Troupeau: dans tous les paturages
 portons tous à la fois l'allarme et les ravages:
 peut être le jeune Berger
 effraïé d'un si grand danger
 en rendra Togrut responsable;
 et nous délivrera de ce Dogue implacable,
 C'est ainsi qu'il parla; chaque Loup applaudit.
 la troupe au même instant partout se répandit
 détruisant tout sur son passage.
 herbe, arbustes, Moissons, tout fut mis au pillage,
 leur brutale fureur même osa saccager
 le champ voisin du logis du Berger.
 Mais ce Succès fut court: Togrut à leur poursuite
 S'étant mis aussitôt, leur fit prendre la fuite

il eut du pour l'exemple en étrangler dabord;
 mais content d'avoir su repousser leur effort
 il négligea d'immoler des victimes;
 en quoi je pense qu'il eût tort:
 l'impunité ne fait qu'encourager les crimes.
 Aussi les Loups se voiant ménagés
 contre Togrut encor plus conspirerent;
 leurs complots cependant plus sourdement forgés
 dans l'ombre et le secret desormais se cachèrent.
 72 de lui ravir enfin l'amitié de son maître.
 la gissoit la difficulté:
 mais rien n'est impossible a la méchanceté.
 82 le Berger sans experience
 y fût trompé; je n'en suis pas surpris:
 un coeur pur est sans défiance.
 87 du Pasteur en rampant les Chiens-loups approcherent
 et le flatterent
 Pres des Bergers cet art n'est pas nouveau
 mais il est sur: enfin de Togrut ils parlerent
 contre l'honnête et fidele animal
 103 ce fut de tous cotés, ô forfait exécration.
 un déchaînement général
 tout ce qu'il projettoit, étoit impraticable;
 tout ce qu'il faisoit, étoit mal;
 la perte des Moutons étoit inévitable.
 Certain Sénat de Loups en moutons travestis;
 à tout moment surtout jettoit les plus hauts cris
 120 Lassé de tant de cris, de ce bruit excédé,
 l'infortuné Berger par les Loups obsédé,
 fut assez foible pour les croire;
 et renvoia Togrut, l'artisan de Sa gloire.
 La perte de ce chien fut le Salut des Loups.
 Ces Monstres que bientôt il auroit detruits tous
 à son départ en transports eclaterent.
 les plus cruels, les Loups cerviers
 autrement dits, Loups financiers
 avec plus d'insolence encore triompherent.
 les seuls Moutons se desolèrent;
 mais on ne les entendit pas.
 Ils avoient bien raison, hélas!
 de s'affliger et de se plaindre,
 les pauvres animaux opprimés si souvent
 ils sentoient qu'ils avoient à craindre
 d'être grugés comme devant.

Автограф. Рукописи БВ, т. II, лл. 28—33.

^a Далее следует басня в 136 строк, из которой приведены отрывки с указанием строк.

Послание по случаю искоренения косвенных налогов
и финансистов в области Жекс

Итак, это правда, божественный Вольтер, | перед твоими взорами нет более | этих подлых, ненавистных насекомых, | которых мертвящее дыхание | Кольбера некогда размножило | и коих острая клешня, | проникая в самое лоно земли, | ломает стебли злаков! | Сия язва, увы, более злая, | нежели все те, что некогда | на несогласный Египет | обрушил по своему усмотрению Моисей; | сей бич всех царств, | который внес разложение повсюду на земле, | сей ненасытный рой вампиров | более уже не опустошает счастливый Ферне! | А восстановленная свобода | в твоём счастливом убежище | почувствовала, как руки философии | увенчивают ее чело, | и, твоих великолепных полей | удваивая все разнообразные сокровища, | она может отдыхать на снопах | или плясать под зеленой лозою. | Жекс более не опасается того, что оторвут | его землешцев от борозды, | что их ввергнут в тюрьмы | или поведут на казнь | за то, что они не оплатили вдесятеро | против настоящей цены | сей необходимейший минерал, | который для всех смертных без разбора | и Феб, и бог вод | создают в качестве дара Вселенной столь безвозмездного! | Итак, люди вокруг тебя свободны | и, отныне принимая за закон | любовь и признательность, | могут без оглядки на <господ из> «Финансов» | пить за здравие своего короля! | Вот счастливая доля, | которую сей популярный министр, | великий человек, превосходный соренователь | Сугерия, д'Амбуаза и Сюлли, | готовил для всей Франции. | Вам вскоре предстояло исчезнуть, | вы, мрачные и раболопные заставы, | которые, казалось, вели скорее | в тюрьмы, а не в города. | Страшные стражи этих теснин, | худших, чем пролив Сицилийский, | чудища, тысячекрат более жестокие, | нежели в описаниях Харибды и Сциллы, | с вами было бы покончено навсегда; | не боясь ваших ужасных когтей, | любой прохожий отныне | мирно продолжал бы свой путь. |

Нам предстояло узреть счастливую судьбу, | сверкающую ныне златым веком, | в котором порядок, сын природы, | уравновешивая все интересы, | должен был провести меж прав господина | и прав подданного надежный рубеж | и, своими мирными руками | заставляя иссякнуть источник войн, | создал бы из всех людей | единый народ друзей и братьев. |

Но как изменились времена! | Вслед за светлой зарею, | изгнавшей предрассудки, | в самую темную ночь, | увы, мы вновь ввергнуты. | О злосчастливая Франция, ты | потеряла свою един-

ственную опору, | и даже счастье надежды | для тебя ныне
запретно. | Этот великий министр, в коем сосредоточились | и
мудрость Платона, | и неподкупность Аристиды, | и непреклон-
ность Катона, | в наш век, бессовестный и грязный, | это сердце,
золотое и алмазное, | этот человек, которому достойную
хвалу | невозможно воздать — | Тюрго, увы, похищен у нас! |
Противники доктрины, | которая преследовала всяческое
зло, | преступники ради его погибли | объединились напере-
бой. | Трусливый сенат при государе | бесстыдно его очер-
нил; | другая корпорация, быть может, еще подлейшая, | но
столь же злобная и не менее предательская, | тайне оклеветала
его. | Открытый мятеж, тайные происки, | золото, разбрасываемое
пригоршнями, | ловко расставленные тенета | — ничто не забыли
пустить в дело. | Все потоки несправедливости | в этом взбаламу-
ченном море | самого беспокойного двора | со всех сторон набро-
сились на него.

О сей отвратительной бури | славная и отважная жертва, |
Тюрго, с вершины почестей | ты свергаешься, не меняясь
в лице, | и как она обращалась с властью, | так твоя добродетель
выносит и опалу. | Злоден могли лишить тебя | твоей власти и
должности; | но им не под силу отнять у тебя | твою постоян-
ную философию, | сожаления всех добродетельных сердец, | а
также слезы твоего отечества | и уважение наших потомков. |

Тщетно, пытаюсь обмануть | все будущие столетия, | ныне
рушат и изменяют | благо, которое ты сумел установить. | Да,
тщетно у памяти | пытаться выкрасть эти законы, | которые со-
ставляли славу Людовика | и приравнивали его к величайшим из
королей. | Гордая этим вверенным ей священным вкладом, |
к тому, чтобы его вручить вселенной, | история, достоверная и
справедливая, | приложит свои самые усердные усилия. | Всегда
с благодарностью чувствительное потомство | будет перечитывать,
любуюсь, | эти памятники гуманности, | в честь свободы | воз-
двигнутые благотворительностью, | и посвятит свой фимиам | сему
несравненному министру, | который, защищая могучие права |
столь почтенного разума, | презрев всяческие предрассудки, | за-
ставил его говорить столь нежным голосом | и первый счел над-
род | достойным слышать его.

Уже твой глас в его честь | мужественно зазвучал; | благо-
родный проповедник добродетели, | Вольтер, ты, дабы сему чело-
веку, сему мудрецу | выразить общественное уважение, | не стал
прислушиваться ни к чему, кроме своего сердца. | Продолжай же!
Как величав этот предмет | для поэта-гражданина! | Дело добро-
детельного человека | есть дело всей Франции. | Бродяг и пре-
ступников | попирай наглое коварство; | и столь важной доктри-
ны, | от коей зависит участь государств, | сделай очевидной тор-
жествующую правоту. | Отмсти за тех мудрых писателей, | коих
трусливо-жестокый остракизм | осмеливается пред лицом чело-

чества | карать за их патриотизм. | Апостол истины, | тебе надлежит ее распространять; | злосчастному человечеству | не осталось, кроме тебя, иных заступников. |

Таковы, милостивый государь, пожелания гражданина, полного рвения к процветанию своей страны и к преуспеянию учения, единственно способного его создать и обеспечить. Несомненно, именно величайшему писателю Франции уготована доля добиться победы наиболее полезному из знаний и прославить величайшего, быть может, министра всей монархии, интригой злодеев похищенного у государственных интересов и у стремлений всех порядочных людей. Участие, которое вы проявили по случаю его опалы, убеждает меня в том, что вы не оставите без внимания басню, относящуюся к этому событию, столь зловещему для Франции, и вот это-то и определяет мое решение вам ее послать. О почему нет у меня и частицы ваших талантов, чтобы я мог достойно присоединить свой голос к вашему в честь сего нового Сюлли, которому недоставало лишь своего Генриха Четвертого! Но легче вами восхищаться, нежели подражать вам. Это я ощущаю повседневно, и это разделяют со мною все литераторы нашего века. Поэтому ограничиваюсь сейчас снова изъяснением вам всех знаков моей почтительности, всех чувств уважения, благоговения, почтения, которые я имел счастье выразить вам в Ферне несколько лет тому назад и с которыми я пребываю и всегда буду пребывать, сударь, вашим низжайшим и покорнейшим слугой,

д'Отрош, член Агротехнического общества
в Орлеане

Орлеан, сего 7 ноября 1776

Б а с н я

Пастух, пес и волки

(1) Некий пастух, в нежной юности | став обладателем огромнейшего стада, | нашел благодаря еще одной удаче | пса, единственного в своем роде . . . (13) словом, созданного для того, чтобы благодаря уму вести | все стада на свете. | Тогрю (то было имя этого верного стража) | не тратил времени зря на лесть пастуху; (25) Некогда существовал убийственный закон, | принуждавший каждого барана | пастись лишь в определенном кантоне, | не покидая его границ | даже при чрезмерном голоде, | чтобы поесть необходимой травы, | пропадавшей зря на соседнем поле. | Тогрю разрушил этот тиранический обычай, | чтившийся дотоле лишь потому, что он был древним; | выпас стал всеобщим и всем стало лучше — | пастуху, баранам и пастбищу. | С этого времени стадо

росло | изо дня в день и нагуливало жир. | Все приняло в полях
новый вид, | изобилие дарило в них, а с ним и радость; | лишь
для волков, одних волков пришел пост. | Волки бесновались, |
а Тогрю отовсюду отражал их натиск. | В конце концов когда
отчаяние разожгло их отвагу: | «Чтобы сгубить врага, ввергаю-
щего нас в несчастье, | нам надобно, — вскричал самый злой из
них, — извести стадо голодом. По всем пастбищам | все сразу
внесем тревогу и опустошения, | быть может, юный пастух, | на-
пуганный столь великой опасностью, ответственность за нее воз-
ложит на Тогрю, | а нас избавит от сего неумолимого пса». Так
он вещал; и всяк волк одобрил. | Тут же вся стая рассыпалась
повсюду, | все руша на своем пути, | трава, кусты, пажити — все
было пущено на поток и разграбление. | Их звериная ярость осме-
лила даже учинить разгром | на поле по соседству с жильем
пастуха. | Но их успех был недолог: Тогрю, в погоню за ними |
пустившись тотчас же, обратил их в бегство; | ему бы следовало
ради острастки перегрызть им глотку, | однако, удовольствовав-
шись тем, что отбил их попытку, | он пренебрег закланием винов-
ных в жертву, | в чем, думаю, и был неправ: | безнаказанность
лишь поощряет преступления. | Так и волки, увидев, что их ща-
дят, | еще сильнее стали строить козни против Тогрю; | однако их
заговоры, измышляемые более скрыто, | отныне стали укры-
ваться в тени и тайне. (72) И, наконец, лишить его дружбы его
хозяйина, | в том-то и заключалась трудность; | но для злого дела
нет ничего невозможного. | (82) Неопытного пастуха на этом и
обвели; | меня это не дивит: | чистому сердцу незнакомо недо-
верие. (87) Ползком приблизились волки в образе собак к па-
стуху | и стали ему лстить. | Искусство это не внове в окруже-
нии пастухов, | но оно действует наверняка — наконец, они завели
речь о Тогрю. . . (103) Против честного и верного животного тут
со всех сторон, о гнусное злодейство, | все словно с цепи сорва-
лись: | все, что он замышлял, было-де неосуществимым, | все, что
он делал, было дурно; | гибель баранов была неизбежной. | Вол-
чий сенат, переряженный в баранов, | особенно усердно вопил при
каждом случае. (120) Утомленный столькими криками, выведен-
ный из себя этим шумом, | несчастный пастух, со всех сторон обло-
женный волками, | оказался достаточно слабым, чтобы им пове-
рить, | и отослал Тогрю, создателя его славы. | Погибель сего пса
была волков спасеньем. | Чудища эти, которых он вскоре бы всех
уничтожил, | предались иступленному восторгу, | а самые злые,
хищные «волки-рыси»,* иначе называемые волками-финанси-
стами, | торжествовали с еще большей наглостью. | Одни бараны
были в отчаянье, | но их голоса никто не слышал. | Увы, они

* Игра слов: *loup-cervier* означает и «рысь», и «аукционного барыш-ника». (Прим. В. Л.).

имели полное основание | убиваться и плакаться: | бедные твари, столь часто угнетаемые, | они чувствовали, что им угрожает | и впрямь быть обдираемыми, как их и прежде драли.

1776, 13 XII

От де Мирбека

Monsieur,

Je prends la liberté de vous adresser un exemplaire de la requête au Roi, que j'ai fait imprimer pour les malheureux habitants du Mont-Jura, au nombre de douze mille.

Je sens, Monsieur, combien ma foible plume vous paroîtra peu digne de cette cause intéressante, & combien il est téméraire d'oser adresser cette esquisse aride & heurtée, au Peintre sublime et immortel de tant de tableaux où respirent à la fois l'humanité, la philosophie & l'éloquence.

Forcé de me livrer dans cette requête à des discussions seches, je regrettois, à chaque ligne, de ne pouvoir rechauffer mon ouvrage des flammes de votre génie. Il me sembloit qu'au lieu de défendre la cause de ces infortunés habitans, je la trahissois en quelque sorte involontairement, en restant, malgré moi, au dessous de l'idée que je m'étois formé de cette défense; mais il ne fut permis qu'à Prométhée de dérober le feu céleste, pour animer l'argile.

Je vous envoie donc la statue grossiere & inanimée que j'ai paîtrie de mes mains; elle attend que votre souffle lui donne la vie.

L'intérêt que vous prenez à l'objet de l'affaire, vous inspirera d'ailleurs de l'indulgence. Qu'il est beau, Monsieur de vous voir empressé à consoler, à soutenir, à venger les victimes de l'oppression! & que je m'applaudis de déposer en ce moment aux pieds du plus beau génie de notre siècle, l'hommage que lui doivent & ses compatriotes qu'il honore, & ses contemporains qu'il éclaire, & tous les hommes en général, au bonheur desquels il n'a cessé de s'occuper!

J'ai l'honneur d'être, &c

De Mirbeck.

Ce 13 Déc <embre> 1776

Письмо напечатано в «Gazette littéraire de l'Europe» (Avril 1777, t. LXXVIII, No. 4, A Amsterdam, chez E. van Harrevelt, MDCCLXXVII, pp. 457—458*).

Оно не вошло в издание Бестермана, где имеется, однако, ответ на него Вольтера от 9 января 1777 г. и справка издателя о том, что этот ответ был напечатан в «Journal de politique et de littérature» (Paris, Janvier 1777, pp. 246—247).

* Приношу благодарность Т. А. Быковой, обратившей мое внимание на это издание.

Следующее письмо де Мирбека, от 26 января, являющееся ответом на это письмо Вольтера, фигурирует в издании Бестермана под № 19391, причем указано, что оно якобы впервые было опубликовано (first printed) в «Lettres curieuses et intéressantes de monsieur de Voltaire» (Dublin, 1781, pp. 123—126). На самом деле и это письмо вместе с публикуемым нами было напечатано тогда же в «Gazette littéraire de l'Europe» (в том же апрельском выпуске 1777 г., на страницах 460—461).

Хотя публикуемое письмо и не было учтено в числе разыскиваемых де-зидерат, оно заполняет одну из лакун, несмотря на то что его приходится воспроизводить не по рукописи.

Относится оно к началу той бурной кампании, которую Вольтер уже на склоне своих дней повел для отмены последних пережитков крепостничества — права мертвой руки, тяготевшего над крестьянами-сервами юрского монастыря Сен-Клод.

[Перевод]

Милостивый государь,

беру на себя вольность отправить вам один экземпляр «Прощения к королю», которое я напечатал в защиту несчастных жителей Юрских гор, числом 12 тысяч.

Я сознаю, сударь, сколь малодостойным покажется вам слабое мое перо для этого интересного дела и сколь дерзостно осмелиться адресовать этот сухой и неуклюжий набросок верховному бессмертному живописцу стольких картин, дышащих одновременно человеколюбием, философией и красноречием.

Вынужденный в этом прощении предаваться сухим рассуждениям, я при каждой строке сожалел, что не могу согреть свой груд пламенем вашего гения. Мне казалось, что, вместо того чтобы защищать дело этих несчастных жителей, я предавал его как бы невольню, вопреки своему желанию, не достигая уровня своего замысла, но лишь Прометею дозволено было похитить небесный огонь, чтоб оживить глину.

Так что я посылаю вам грубую и неодушевленную статую, вылепленную своими руками; она ожидает, что вы вдохнете в нее жизнь.

Впрочем, интерес, который вы проявляете к предмету этой тяжбы, внушит вам снисходительность. Сколь прекрасно, сударь, видеть, как вы спешите утешить, поддержать, выступить с отщепенем обид жертв угнетения! И как ликую я, кладя сейчас к стопам лучшего гения нашего времени знак почитания, коим ему обязаны и его соотечественники, честь которых он составляет, и его современники, которых он просвещает, и все люди вообще, о счастье которых он непрестанно заботится!

Имею честь быть и проч.

Де Мирбек.

Сего 13 декабря 1776

Monsieur!

J'ai l'honneur de vous envoyer cy joint un manuscrit que j'ai copié, sur un que je tiens de feu mon Père depuis nombre d'années, ne croiant pas que vous aïez jamais vu cet ouvrage, ne sachant pas du moins qu'il en eut tiré de copie. Je ne doute pas qu'entre vos mains il ne put devenir très utile à la religion. Il est vrai que peut être j'en aurois pû tirer un certain parti, ce dont je n'aurais pas été fâché, bien loin de là, mais d'un autre coté, je doute très fort qu'il eut jamais servi à éclairer le Genre Humain, d'ailleurs un petit particulier couroit peut être de certains dangers de vouloir mettre au jour, de quelle manière que ce fût quelque chose de raisonnable sur cette matière, vû la force des préjugés regnants. Cependant je régarderai toujours comme un grand bien, de dépouiller la religion des absurdités, inventées par la Théologie, surtout en y travaillant d'une manière aussi judicieuse, et modérée qu'il me paroît que l'auteur l'a fait. ramener les hommes à un culte raisonnable, et epuré c'est suivant moi donner de la consistance à leur Foi. L'Indien qui adore le Soleil, répond, au missionnaire qui lui prêche un Dieu mort sur la croix, qu'il prefere son Dieu, qui ne meurt point, & cette réponse, est très raisonnable. Le dogme de la transsubstantiation tomberait de lui même, lorsque les chretiens, ne croiraient plus à un Dieu en trois personnes, &c. Mais si les protestants veulent sur certains dogmes, prendre des passages à la lettre, sans les expliquer par d'autres qui les éclaircissent, comment peuvent ils blâmer les catholiques d'en faire autant pour etablir la transsubstantiation? Est-il plus absurde de supposer qu'un corps puisse se diviser, & se trouver en différents lieux, que de supposer que trois Etres distincts n'en fassent qu'un & si nous devons aveuglement soumettre notre foi sur un point, ou un dogme, quoique contraire à notre raison, pourquoi ne serions nous pas tenus d'en faire autant à l'égard d'un autre? Si nous sommes obligés d'avoir recours à la Théologie, ou aux décisions ecclésiastiques pour éclairer notre foi sur un dogme, & que nous ne puissions le comprendre par nous même, pourquoi aurions nous plus de lumières sur d'autres? L'Eglise catholique ne se trouvera-t-elle pas alors fondée, à deffendre la Lecture de nos Livres Saints au peuple, puisqu'elle peut l'induire en erreurs, & qu'il ne peut juger par lui même?

Nos théologiens, surtout leur Système, prétendent que Notre Seigneur est la seconde personne de la Trinité, Cela ne peut être si le S' Esprit, est Dieu dans le sens qu'ils l'entendent. Jesus Christ dit lui même Math. 12, v. 31—32 «C'est pourquoi Je vous dis, que tout péché, et blasphème sera pardonné aux hommes, mais le Blasphème contre l'Esprit ne leur sera point pardonné. Et si quelqu'un a parlé contre le Fils de l'Homme il lui sera pardonné, mais si quelqu'un

a parlé contre le Saint Esprit, Il ne lui sera pardonné, ni dans ce Siècle, ni dans Celui qui est a venir».

Il m'a paru que ce passage faisoit voir même plus clairement que ceux de mon Auteur, que dans plusieurs occasions le Saint Esprit designait si manifestement Dieu lui même, qu'on ne pouvait pas s'y méprendre, cela est si vrai que dans Celle-cy, ces paroles n'ont pas besoin d'explication pour en comprendre le vrai sens, Jesus Christ reconnoit entr'autres son infériorité par rapport à Dieu, d'une manière si frappante et si bien désignées que si on vouloit l'entendre autrement, Il faudroit supposer nécessairement que le Saint Esprit, quoique troisième personne de la Trinité, Suivant le Système des Théologiens, seroit infiniment Supérieur à Dieu, puisque le Blasphème contre le Saint Esprit sera le Seul dont les homes ne pourront obtenir le pardon, ni dans cette vie, ni dans l'autre; Peut etre comme Je n'ai point pu collationer ma copie, n'osant le faire voir à Personne de peur de me faire regarder comme un homme a Bruler, s'y sera til glissé quelques fautes. Je souhaite d'ailleurs que sa lecture vous fasse plaisir, vous priant de l'agréer si vous en faites quelque cas, comme un Témoignage, du respect, & de la vèneration la plus profonde, avec les quels j'ai l'honneur d'etre | Monsieur, | Votre Très humble & très obeïssant serviteur

Du Buit Justic[ier?].

Vevey le 22e Mars 1777.

Автограф. Рукописи БВ, т. III, лл. 310 и 311. На лл. 312—326, на такой же бумаге и тем же почерком — сочинение Du St Esprit: 1° Le St Esprit, ou l'Esprit de Dieu, dans le sens primitif, et naturel, ne signifie que la puissance de Dieu, ou la Vertu par la quelle il opère, il suffiroit pour s'en convaincre de faire attention à l'Ethymologie de ce mot, qui dans les langues Hébraïque Grecque, & Latine veut dire le souffle de Dieu, & qui semble désigner plutôt une qualité, qu'une personne distincte de Dieu même ... 8° Enfin, la meilleure manière de servir Jesus Christ, est de lui obeïr; *Pourquoi m'appelés vous Seigneur, Seigneur, dit il lui même, pendant que vous ne faites pas ce que Je dis.* Fin.

[Перевод]

Милостивый государь!

Имею честь переслать вам при сем рукопись, которую я списал с рукописи, уже много лет тому назад полученной мною от покойного моего отца; не думаю, чтобы вы когда-либо видели этот труд, и во всяком случае я не слышал, чтобы когда-либо он с него снимал копию. Я не сомневаюсь, что в ваших руках он сможет стать весьма полезным для религии. Правда, быть может, я бы сумел извлечь из него кое-какую выгоду (что отнюдь не было бы для меня некстати), но, с другой стороны, я весьма сомневаюсь, чтобы он когда-либо смог послужить к просвещению рода людского. И кроме того, в силу господствующих предрассудков частное и притом скромное лицо, пожалуй, подверглось бы

известной опасности, желая опубликовать каким бы то ни было способом что-либо здоровое на сей счет. Тем не менее я всегда буду считать за великое благо освободить религию от нелепостей, изобретенных богословием, особенно если действовать при этом столь основательным образом и с такой умеренностью, как то делает, по-моему, этот автор. Привести людей к разумному и очищенному культу, на мой взгляд, означает придавать прочность их вере. Индеец, поклоняющийся солнцу, отвечает миссионеру, говорящему ему о боге, умершем на кресте, что он предпочитает своего бога, вовсе не умирающего, и этот ответ весьма разумен. Догмат пресуществления падет сам собой, когда христиане не станут более верить в трехипостасного бога и т. д. Но ежели протестанты предпочитают относительно некоторых догм придерживаться буквального смысла текстов, не объясняя их другими, проливающими на них свет, то как могут они порицать католиков, поступающих точно таким же образом, когда они утверждают пресуществление? Более ли абсурдно допускать, будто тело способно разделяться и находиться в разных местах, чем допускать, что три различных существа образуют лишь единое существо? А ежели мы обязаны слепо подчинять нашу веру по одному пункту — в отношении одного догмата, хотя бы он и противоречил нашему разуму, то почему бы нам не надлежало поступать так же в отношении других догматов? Раз мы вынуждены прибегать к богословию или церковным определениям для того, чтобы прояснить свою веру относительно одного догмата, причем мы не способны понять его сами собственными силами, то почему у нас оказалось бы больше средств для понимания других? И не правой ли окажется католическая церковь, запрещая народу чтение наших священных книг, раз таковое может вводить его в заблуждения, а он сам не способен судить по собственному разумению?

Богословы наши, особенно их система, утверждают, что господь наш является вторым лицом троицы. Это невозможно, если святой дух является богом в том значении, как они утверждают. Сам Иисус Христос сказал (Матф., гл. 12, стихи 31—32): «По-сему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеком; а хула на духа не простится человеком; если кто скажет слово на сына человеческого, простится ему; если же кто скажет на духа святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем».

Мне сдается, что этот отрывок еще яснее, чем приводимые автором, обнаруживает, что во многих случаях святой дух настолько явственно обозначает самого бога, что невозможно было ошибиться. Это настолько верно, что в данном случае эти слова не нуждаются в пояснении, чтобы стал понятным их истинный смысл. Иисус Христос признает среди прочего свою подчиненность по отношению к богу столь разительным образом и столь отчетливо, что при желании понять его иначе потребовалось бы

неизбежно допустить, что дух святой, хотя и являясь, согласно системе богословов, третьим лицом троицы, неизмеримо превосходит бога, поскольку хула на святого духа одна лишь остается непрощаемой ни в сей жизни, ни в загробной. Быть может, в мою копию вкрались какие-либо ошибки, так как я не мог сличить ее, не осмеливаясь показать ее кому бы то ни было из опасения предстать в качестве лица, заслуживающего костра. При сем желаю, чтобы чтение этого списка доставило вам удовольствие, и прошу вас, если он покажется вам заслуживающим хоть какого-то внимания, принять его как выражение почтения и самого глубокого благоговения, с которыми я, сударь, пребываю вашим нижайшим и покорнейшим слугой

Дю Бюи, судья <?>.

Бевэ, 22 марта 1777

45

1777, 27 V

От Жэза

Monsieur,

M. Mailhe, Jeune homme dont Le premier essai de poesie vient d'etre couronné par L'accademie des Jeux floraux, ne scavoit comment S'y prendre pour vous faire présenter son ouvrage: Je l'ay tiré d'ambarras, Je m'en suis chargé, et je vous supplie, Monsieur, de me permettre de saisir cette occasion de joindre mes voeux a ceux de toute La terre pour votre conservation, et de vous présenter L'homage de ma veneration pour vous.

J'ay l'honneur d'etre avec Le plus profond respect Monsieur | votre tres humble et | tres obeissant serviteur

Jeze censeur Royal etc | a toulouse

Le 27 May 1777

Автограф. Рукописи БВ, т. II, л. 279.

[Перевод]

Милостивый государь,

г. Майль, молодой человек, чей первый опыт стихотворства был только что увенчан призом Академии весенних игр, не знал, как приступить к тому, чтобы поднести вам свое произведение, я избавил его от этого затруднения. Я взял это на себя и умоляю вас, сударь, позволить мне воспользоваться этим обстоятельством, чтобы свои моления и обеты относительно вашего сохранения присоединить к молениям всей земли и чтобы представить вам выражение моего наивысшего почитания.

Имею честь пребыть с глубоким уважением, сударь, вашим
нижайшим и покорнейшим слугой

Жэз, королевский цензор в Тулузе.

27 мая 1777

46

1777, V

От Майля

Envoi a Monsieur de Voltaire

Le parnasse du trois * de May
vient de couronner mon essay
Je m'empresse d'en faire homage
a l'apollon du siecle, au chantre universel.
Tel qu'un timide aiglon, je crains encor L'orage,
mais si j'obtenois ton suffrage
J'oserois planer dans Le ciel.

Mailhe

étudiant en droit a | toulouse

May 1777

Автограф. Рукописи БВ, т. II, л. 280. Внизу той же рукой сноски под *: l'assemblée de l'academie des Jeux floraux couronne ce jour la Les ouvrages présentès. Там же на лл. 281—283 поэма Майля «Charles II ou le retablissement de la Monarchie angloise».

[Перевод]

Посвящение господину Вольтеру

Парнас, [собравшийся] третьего мая,* увенчал мой опыт,
и я спешу поднести его как знак почтения Аполлону нашего века,
всемирному певцу. Подобно робкому орленку я еще опасуюсь
грозы, но, получив твое одобрение, я уже осмелюсь парить
в небе.

Майль, студент юрист в Тулузе.

Май 1777

47

1777, 10 IX

От графа А. П. Шувалова

A Berlin, le 10 septembre 1777.

Monsieur.

Mon cousin, ou mon oncle a la mode de Brétagne, m-r le général
Chouwalow, qui retourne dans notre pays au moment que j'en sors, et

que j'ai vu un instant ici, m'a dit, monsieur, que vous daignez vous souvenir de moi et me conserver l'honneur de votre amitié. Permettez que je vous en témoigne ma tres-vive reconnaissance. Je suis votre admirateur et du moins votre disciple pour les sentimens. C'est a vous que je dois et mon amour pour les lettres, et cette philosophie qui peut seule nous rendre heureux, en purgeant l'ame des préjugés dont on l'entache des l'enfance. Si j'ai quelque gout c'est la lecture assidue de vos excellens ouvrages qui me l'a inculqué. Enfin, je n'oublierai jamais les politesses et les bontés que vous m'avez témoignées a Ferney il y a treize ans. Je vous suis attaché par tous les liens. Je vais maintenant a Paris ou je compte etre dans six semaines au plus tard. Je ne serai pas content que je ne vous aie présenté mes hommages, ce que j'espere exécuter le printemps prochain, si vous voulez bien me le permettre. Mes plus beaux jours, monsieur, ont été ceux que j'ai passés dans votre chateau.

Depuis pres de trois mois que j'ai quitté la Russie, j'ignore absolument ce qui se passe dans l'empire littéraire. Mes correspondances de Paris sont interrompues; je ne vois plus de journaux; en un mot, je ne sais rien. La seule nouvelle qu'on m'a débitée ici a Berlin, et que je crois une calomnie atroce, m'a pénétré de douleur. Elle concerne quelqu'un que vous honorez de votre amitié et avec lequel je suis tres-lié: c'est de m-r de la Harpe dont il s'agit. On prétend que m-r Dorat s'est cruellement vengé de lui et que meme il lui a fait signer un billet extraordinaire. Vous ne sauriez vous imaginer, monsieur, combien ce bruit est ici général, avec quelle complaisance des littérateurs médiocres (car je n'en connais point d'autres dans ces remparts) le répètent et combien tout cela fait de tort a m-r de la Harpe. J'ai pris son parti hautement; j'ai dit que cette abominable histoire est un réchauffé de ce qu'un grand monarque a, dit-on, fait avec un gazetier qu'il a fait maltraiter et dont il a pris un reçu. Cependant cette calomnie va infecter toute l'Europe. J'en pleure de colere. Voila, monsieur, les armes laches avec lesquelles on se venge aujourd'hui du mérite. Ne pouvant lui nuire on seme des bruits affreux; l'envie, désespérée de ne pouvoir rabaisser le talent, cherche a couvrir d'opprobre la personne. Voila a quoi nous en sommes réduits vers la fin du 18-me siecle; et l'on tolere ces turpitudes incroyables et qui ne peuvent etre imaginées que par la plus vile canaille, a laquelle le dernier de vos paysans ne donnerait pas le couvert. Je tremble que ces calomnies ne nuisent a m-r de la Harpe dans l'esprit de quelques protecteurs augustes. On n'a pas le temps d'approfondir, et souvent une impression défavorable ne s'efface pas. Je suis loin de croire que m-r Dorat ait fait courir ce bruit infame; ce sont les derniers des écrivailleurs, c'est la tourbe de la basse littérature qui l'aura imaginé et semé.

Vous savez, Monsieur, que je ne connais point personnellement m-r de la Harpe. J'ai été frappé de son mérite que vous avez daigné former et qu'on ne se lasse pas de persécuter. La juste admiration qu'il manifeste a votre égard a porté la rage de ses ennemis jusqu'a la dé-

mence. Tant d'oppression d'un coté et tant de talens de l'autre m'ont étonné. J'ai été touché de son sort et indigné de tant d'acharnement; des ce moment j'ai été au devant de lui; nous nous sommes liés par lettres. Ces ouvrages portent l'empreinte d'une belle ame, je lui ai donné des marques de mon estime. J'ai imprimé ce que je pensais de lui. Il faut avoir le courage de louer ce qui est louable, dut on se mettre tout le monde a dos. Heureusement, m-r de la Harpe a votre amitié et celle du petit nombre des bons esprits qui sont en France et meme ailleurs. Voila ce qui le soutient sans doute au milieu de ses dégouts accumulés. Si les Barmécides ou Menzikow réussit, on dira qu'il a assassiné quelqu'un. Je ne désespere de rien.

Faites-moi la grace, monsieur, de me dire un mot, de m'éclaircir du moins l'altercation que notre ami a pu avoir avec Dorat. Daignez m'écrire a la poste restante a Strasbourg, ou je serai dans un mois, et ou des affaires particulieres me retiendront quinze jours. Permettez meme que j'envoie les extraits de votre lettre a Berlin. Votre destin, monsieur, est de nous donner des ouvrages admirables et de punir la calomnie; vous rendrez un service essentiel a m-r de la Harpe. J'ai l'honneur d'être avec un attachement respectueux, monsieur, votre tres-humble et tres-obéissant serviteur le comte de Chouwalow.

P. S. Je n'écris point sur cet objet a m-r de la Harpe. Je le ferais peut-etre mourir de chagrin. Puisse-t-il apprendre l'insulte en apprenant qu'elle est punie par la plume la plus éloquente de son siecle.

P. S. On conte cette abominable histoire avec des détails affreux. C'est ainsi qu'on outrage un académicien, un homme qui a l'honneur d'être votre confrere a la premiere académie du royaume; des gens du monde et de marque en parlent déjà, ainsi que les gens en us dont la Germanie abonde. Pardonnez mes ratures: la poste part dans un moment; je n'ai pas le temps de récrire.

Письмо было напечатано по подлиннику из собрания И. И. Куриса (нынешнее местонахождение нами не установлено) в «Русском архиве» (1886, № 6, стр. 148—150) в составе статьи «Письма русских людей к Вольтеру» за подписью П. Б. (т. е. Петра Бартенева) с примечаниями Д. Ф. Кобеко. В издании Бестермана оно учтено под № 19637, но приведено только в виде 13 строк резюме (с неверно расположенными цитатами) на основании аукционного каталога Шараве 1882 г. Бестерман справедливо связывает воспоминание автора письма о посещении Ферне за тринадцать лет до того с письмом, учтенным им под № 12063, и догадывается (this letter apparently announced another visit), что затем последовало новое посещение А. П. Шуваловым Вольтера, поскольку Екатерина II свое письмо от 4/15 декабря 1777 г. закончила сообщением, что «г. Шувалов вернулся очарованный вами еще более, чем обычно» (M^r De Chouvalow est revenu plus enchanté de vous que jamais).

[Перевод]

Милостивый государь,

мой родственник, или, точнее, мой двоюродный дядя, господин генерал Шувалов, который возвращается в нашу страну в то время как я ее покидаю и которого я на минуту видел здесь,

сказал мне, сударь, что вы достаиваете вспоминать обо мне и сохранять мне честь вашей дружбы. Позвольте засвидетельствовать вам за то мою живейшую признательность. Я ваш почитатель и, по крайней мере в чувствах, ваш выученик. Вам обязан я любовью моею к словесности и тою философиею, которая одна делает нас счастливыми, очищая душу от предрассудков, пятнающих ее с самого детства. Если есть у меня какой-то вкус, то он развит во мне прилежным чтением ваших превосходных творений. Наконец, я никогда не забуду любезностей и милостей, которые вы мне оказали тринадцать лет тому назад в Ферне. Я всячески привязан к вам. В настоящее время еду в Париж, куда рассчитываю попасть не позже чем через шесть недель. Я не буду доволен, если не выражу вам лично моего почтения, что и сделаю с вашего позволения будущей весною. Лучшие мои дни, сударь, суть те, которые провел я в вашем замке.

Почти три месяца, с тех пор как выехал я из России, решительно ничего не знаю, что происходит в царстве словесности. Моя переписка с Парижем прервалась; не вижу журналов; словом, ничего не ведаю. Единственная новость, которую передали мне здесь в Берлине и которую почитаю я за жестокую клевету, наполнила меня горестью. Она относится до человека, которого вы достаиваете дружбою и к которому я очень привязан: это г-н Лагарп. Говорят, будто г-н Дора жестоко отомстил ему и будто даже заставил его подписаться под необыкновенною запискою. Вы не можете себе представить, сударь, как много здесь об этом толкуют, с какою радостью повторяется этот слух посредственными литераторами (других в здешних трущобах я не знаю) и как все это вредит г-ну Лагарпу. Я открыто принял его сторону; я заявил, что эта мерзкая история есть повторение того, что, говорят, сделал один великий монарх с газетчиком: он опозорил его и взял от него расписку. Между тем эта клевета распространилась по всей Европе. Я плачу с досады. Вот, сударь, какими подлыми средствами мстят ныне достойным людям. Не имея возможности им вредить, сеют отвратительные слухи; зависть, отчаявшись в возможности унижить талант, прибегает к личному оскорблению. Вот до чего мы доведены в конце XVIII века, и никто не восстает против невероятных низостей, выдумать которые способна лишь самая подлая каналья, какую не допустит к себе за стол последний из ваших крестьян. Я опасаясь, чтобы эти клеветы не повредили г-ну Лагарпу во мнении некоторых августейших покровителей. Разобрать дело поглубже бывает недосужно, и неблагоприятное впечатление часто остается неизгладимым. Я далек от мысли, чтобы проклятый слух этот был пущен г-м Дора; его измыслили и распространили самые дрянные из писак, принадлежащие к подонкам низшей литературы.

Вы знаете, сударь, что лично я не знаком с господином Лагарпом. Я пленен его достоинствами, которые образовались благо-

даря вам и которые подвергаются неустанному преследованию. Справедливое поклонение, которое воздает он вам, ожесточило врагов его до бешенства. Я не мог не удивляться такому угнетению, с одной стороны, и такому таланту — с другой. Я почувствовал участие к его судьбе и негодование на такое озлобление, и тогда я обратился к нему, и переписка нас сблизила. Сочинения его отражают в себе прекрасную душу, и я изъявил ему знаки моего уважения. Я напечатал то, что о нем думал. Нужно найти в себе смелость хвалить достойное хвалы, даже если бы за то все отвернулись от тебя. По счастью, г-н Лагарп пользуется дружбою вашею и немногих здравомыслящих людей, которые имеются во Франции и даже в других странах. Без сомнения это и поддерживает его среди накопившихся неприятностей. Если «Бармесиды» или «Меншиков» будут иметь успех, про него скажут, что он убил кого-нибудь. Я всего ожидаю.

Сделайте милость, сударь, скажите мне словечко и разъясните по крайней мере, что за столкновение могло произойти между нашим другом и Дора. Удостоьте написать мне до востребования в Страсбург, где я буду через месяц и где частные дела задержат меня на две недели. Позвольте мне еще послать извлечение из вашего письма в Берлин. Ваше призвание, сударь, давать нам удивительные произведения и карать клевету; вы окажете господину Лагарпу существенную услугу. Имею честь быть с почти-тельною привязанностью, сударь, вашим покорнейшим и послушнейшим слугой, граф Шувалов.

P. S. Господину Лагарпу я не пишу об этом; а то, пожалуй, он умрет от огорчения. Пусть он узнает про оскорбление в одно время с известием, что оно наказано самым красноречивым пером нашего века.

P. S. Эту мерзкую историю передают с отвратительными подробностями. Так обижают академика, человека, пользующегося честью быть вашим собратом в первой академии королевства. Люди светские и значительные уже говорят о том, равно как и люди, имена которых кончаются на us и которыми изобилует Германия. Простите мне поправки; почта сию минуту отправляется; не имею времени переписывать.

Vers A Monsieur de Voltaire
En lui envoyant l'Épître sur l'Équité.^a

Noble Arbitre du pinde, ô! toi dont le génie
Fut mon premier flambeau; dont l'ame rajunie
Se rit de la vieillesse et de ses coups pesans;

Quel plus brillant éclat que celui de tes Vers?
C'est l'Electricité, l'ame de l'univers!

Voltaire, puisses-tu, Cygne mélodieux,
Prolonger tes accens toujours harmonieux.
Que ta vie, en son cours, sans cesse ranimée,
N'éteigne son flambeau qu'avec Ta renommée,
C'est le juste tribut que ma Muse Te doit:
Quel charme pour mon coeur, si le Tien le reçoit!

Callières de L'Estang.

Paris ce 30 octobre 1777

Автограф. Рукописи БВ, т. II, лл. 80—81.

^a Далее следует послание из 64 строк, из которых здесь приведены строки 1—3, 23—24, 59—64.

[Перевод]

Стихи господину Вольтеру
при отправке ему послания о справедливости

О благородный арбитр Пинда, чей гений | был мне первым
светильником, чья омоложенная душа | смеется над старостью и
над тяжкими ударами, ею наносимыми. . .

Что за сверкающий блеск — блистанье твоих стихов: |
То электричество — душа Вселенной!

Вольтер, певучий лебедь, | о продли свои всегда гармоничные
мотивы. | Да не погасит своего факела твоя жизнь, | непрерывно
одухотворяющаяся в своем течении, | ранее, чем пройдет твоя
слава! | Здесь — заслуженное приношение, коим моя муза тебе
обязана, | и как пленительно было бы моему сердцу, если б твое
сердце это приношение приняло!

Кальер де Л'Этан.

Париж, сего 30 октября 1777

49

1778, 24 X

От г-жи Дени И. И. Шувалову

Paris, 24 oct<obre> 1778

Votre lettre, Monsieur, loin d'être un sujet d'affliction est un objet de consolation pour moi en me renouvelant l'honneur que vous nous avés fait à Fernex et le plaisir que nous avons de vous y recevoir; nous ne vous avons jamais oublié et nous vous avons trouveз heureux d'être près d'une Princesse dont le mérite égale la puissance.

Vous me demandez de sa part la Bibliothèque de mon oncle, je la mets à ses pieds. J'ai été témoin des bontés dont elle honoroit M. de Voltaire, aussi avoit-il pour elle la plus grande admiration. . . Jugez si je dois balancer à lui offrir cette bibliothèque, puisqu'elle paroît la désirer. Je ne vous cache point, Monsieur, que c'est un sacrifice que je ne puis faire qu'à Votre Impératrice, je l'ai refusée à deux Souverains d'Allemagne. J'avois le projet de m'en faire un hermitage où je me serois retirée souvent pour y pleurer mon oncle et pour ne m'occuper que de ses pensées. . . M. Grimm m'a lu une lettre de l'Imperatrice où elle lui dit qu'elle fera élever un monument à mon oncle au milieu de sa bibliothèque. J'espère qu'elle réalisera son projet. On lui a refusé ici quatre peletés de terre. . .

Оригинал письма, воспроизводимого здесь по тексту (очевидно, фрагментарно) в «Revue d'histoire littéraire» (1937, стр. 576), продавался в Париже на Vente Cornuau 2 февраля 1937 г. Местонахождение оригинала нам неизвестно. Русским исследователям он был известен уже ранее, по копии в составе анонимной биографии И. И. Шувалова, составленной в 1830-х годах и хранящейся в ЦГАДА.

Французский текст оригинала предназначался к опубликованию нами в ЛН, 4-м томе сборников «Русская культура и Франция», который не вышел в свет из-за войны и материалы которого не сохранились; русский же перевод этого письма был опубликован в составе нашей статьи о библиотеке Вольтера (ЛН, стр. 167—168). По нему (в переводе) можно реконструировать недостающие места в оригинале (ниже они выделены разрядкой).

Письмо это является прямым свидетельством того обычно недоучитываемого обстоятельства, что И. И. Шувалову принадлежала и главная инициатива в переговорах о покупке библиотеки.

Это письмо, как и ряд следующих, выходит за хронологические рамки издания Бестермана. Мы приводим его здесь, невзирая на то, что оно входит в состав советских коллекций лишь в копии в названной биографии И. И. Шувалова, не только как важное звено в документации о приобретении Российской существеннейшей части наследства Вольтера — его библиотеки, но также и ввиду его прямой внутренней связи с частью публикуемых здесь писем.

Пропуски в издании оригинала в «Revue d'histoire littéraire», восполняемые по переводу, сделанному с копии, существенны и для истории попыток Екатерины II извлечь из рук возможных издателей подлинники своих писем к Вольтеру.

[Перевод с учетом текста ЛН]

Париж, 24 октября 1778

Ваше письмо, сударь, не только не предмет огорчения, но, напротив того, утешения для меня, так как оно только возобновляет в моей памяти оказанную нам в Ферне честь и удовольствие, которые мы имели, принимая вас там. Мы никогда не забывали вас и были рады узнать, что вы испытываете счастье находиться при государыне, достоинства которой равны ее могуществу.

От ее имени вы просите меня передать ей библиотеку моего дяди; я повергаю ее к ее стопам. Я была свидетельницей тех милостей, которыми она чтит г. Вольтера; а он соответственно питал к ней чувство величайшего преклонения, г л у б о ч а й ш е г о у з а -

жения и беспредельной преданности. Судите сами, могу ли я колебаться в том, чтобы поднести ей эту библиотеку, раз она, по-видимому, этого желает. Не скрою от вас, сударь, что это — жертва, которую я могу принести только для вашей императрицы; я отказала в том же двум германским государям. Я имела намерение сделать себе из этой библиотеки укромный уголок,* куда я бы часто удалялась оплакивать моего дядю и посвящать себя единственно его мыслям. Вы мне пишете, чтобы я назначила цену. Таковой для меня не существует, я не нуждаюсь в деньгах и чувствую себя слишком осчастливленной тем, что императрице угодно принять эту библиотеку и что этим я могу ей дать слабое доказательство моего уважения. Ее величество уже велела потребовать у меня свои письма через г. Гримма; я их отправила ему два дня тому назад и не сомневаюсь, что он не замедлит доставить их ей. Сохраните мне вашу дружбу, она для меня драгоценна. Имею честь быть и проч. и проч.

Дени

Не могу не удержаться, чтобы не сообщить вам, сударь, что г. Гримм прочитал мне письмо императрицы, в котором она сообщает ему, что повелит поставить памятник моему дяде среди его библиотеки. Я надеюсь, что она осуществит это свое намерение. Ему здесь отказали в четырех пригоршнях земли; только первой государыне в мире свойственно распорядиться воздвигнуть памятник величайшему гению Европы.

ПИСЬМА ВОЛЬТЕРА

(дополнения)

1/80a **

[1740^a] 6 I

Президенту Дюре де Меньер⁶

Ce 6 janvier a bruxelles

jay tort monsieur. je suis un paresseux; non je n'ay point tort, et je ne suis point paresseux, car j'ay travaillé depuis que je suis a bruxelles, a vous amuser. il y a un mois entier que je grifone douze heures

* Переводчик М. Неведомский, как нам кажется, излишне обобщил здесь мысль «племянницы великого человека»: ее «hermitage» было куда более претенциозным, особенно в данном письме.

** Первая цифра означает порядковый номер в данном «Дополнении»; вторая — место, которое данное письмо должно занять в «Хронологическом обзоре писем Вольтера» (ПВ, стр. 281—392).

par jour; on me demandera pourquoy je sacrifie ma sante, mes plaisirs, ma fortune pour les belles lettres qui ne mattirent que des persecutions?

Scit genius natale comes qui temperat astrum, jai me letude comme les autres aiment les honneurs le bien ou les filles. et je me tiens tres heureux avec la societé dont je jouis et avec lhonneur de votre amitié.

Govers m'est venu voir souvent. je suis un peu son confident, attendu quil a été au chasteau de la Bastille dans le meme appartement dont je fut honore il y a vingtcinq ans. je pouray peut etre en faveur de cet appartement et de la liaison qui sen est suivie etre a portée de vous rendre quelque petit service. la femme de Cheron^a a fort prie govers daller voir son mari dans la prison Stienporte ou ce cheron est détenu. ils pouront dit elle saccoder. Govers n'en veut rien faire, il m'a insinué que si je voulois aller voir cheron a sa place, je luy ferais grand plaisir, mais je nay garde ny de faire un pas ni de dire un mot dans cette affaire qui ne soit dicté par vous. quand il s'agit d'une tragedie ou d'un poeme epique je fais de mes personnages ce qu'il me plait, je suis createur, et destructeur a mon plaisir, mais quand il sagit des affaires de mon prochain, et surtout d'un prochain tel que vous. Je ne suis plus createur je suis automate et jattends qu'on dirige mes ressorts, sans quoi je me livre a toute l'inertie de la matiere qui na point de mouvement par elle meme, mon coeur n'est point dieu merci dans le cas de cette inertie; il est pénétré pour vous de la plus tendre reconnaissance et de la plus respectueuse amitié. je ne vous dis rien de madame du Chastelet, elle vous a écrit et un mot d'elle vaut mieux que cent pages de votre tres h. et ob. serv.

V

[Адрес] A Monsieur Monsieur le président de Meynieres quartier Richelieu à Paris.

Автограф в архиве А. В. Жиркевича в Рукописном отделе Научной библиотеки Вильнюсского университета. Куплено 17 февраля 1897 г. у Э. Шаравэ.

Это письмо вместе с четырьмя другими письмами к тому же адресату (см. ниже №№ 2/806, 3/130а, 7/199а и 8/240а), донные не фигурировавшими в известной корреспонденции Вольтера, были обнаружены в Вильнюсе в 1957 г. ленинградским филологом Г. Д. Иоффе, которая и передала нам их текст для настоящей публикации. К сожалению, это не было сделано ранее ни самой библиотекой, ни кем-либо из местных ученых. Г. Д. Иоффе смогла опубликовать лишь русский перевод этих писем с комментариями (Вопросы литературы, 1959, № 9, стр. 162—167).

Письма эти, освещающие ряд неизвестных эпизодов, представляют несомненный интерес для вольтероведения. Они не вошли в издание Бестермана, но он включил их в «Добавления» (Voltaire's Correspondence: Additions) по фотокопиям, высланным ему из Вильнюса. Поскольку издание «Studies on Voltaire and the XVIII Century», в котором эти «Добавления» напечатаны (т. VI, стр. 194—195, 197—198, 213—214, 234, 258, 259), представлено у нас лишь в немногих библиотеках, было бы нерационально исключить их из настоящей публикации.

Текст писем приводится по списку Г. Д. Иоффе, сверенному нами с фотокопией; перевод — ее же, с единичными исправлениями. Датировка была на-

мечена нами совместно. Для первых четырех писем использован комментарий, данный Г. Д. Иоффе в ее публикации 1959 г.

^а Основанием для датировки письма, имеющего гадательную и неверную карандашную пометку «1742 ou 43», должен являться не отсчет от условного 25-летия со времени заключения Вольтера в Бастилию, но близкий параллелизм содержания с письмом к Даржансону от 8 января 1740 г. (Best. 2019).

^б Адресат — Жан-Батист Дюре де Меньер (J.-B. Du Rey de Meuniers, ум. 1787) — президент второй следственной палаты Парижского парламента, муж писательницы Октави Бело (в издании Бестермана 19 писем Вольтера к ней за 1759—1778 гг.), неоднократно оказывавший Вольтеру помощь.

^в Личность Шерона остается нераскрытой. Даниель Говер (Govers) — купец-ювелир. Заключен в Бастилию 23 октября 1737 г. за мошенничество, освобожден 5 февраля 1738 г. с высылкой из Франции.

[Перевод]

Сего 6 января, Брюссель

Моя вина, милостивый государь, я лентяй. Нет, я вовсе не виноват, и я вовсе не лентяй, так как с тех пор, как я нахожусь в Брюсселе, я поработал над тем, чтобы вас позабавить. Вот уже целый месяц, как я мараю бумагу по 12 часов в день. Меня спросят, пожалуй, зачем я жертвую своим здоровьем, своими развлечениями, своим состоянием литературе, которая навлекает на меня одни лишь преследования.

«Знает то гений, звезду направляющий нашу с рожденья».* Я люблю свои занятия, как другие любят почести, имущество, девиц, и вполне счастлив обществом, в котором нахожусь, и честью, которую вы мне оказываете своей дружбой.

Говер часто навещал меня. В некотором отношении я пользуюсь его доверием, так как он был в Бастилии в том же помещении, которым меня почтили 25 лет тому назад. Возможно, благодаря этому, а также благодаря возникшей между нами приязни я смог бы оказать вам небольшую услугу. Жена Шерона очень просила Говера навестить ее мужа в тюрьме Стиенпорт, куда Шерон заточен. Она считает, что они смогут договориться друг с другом. Но Говер не хочет ничего предпринимать, он мне внушал, что если бы я захотел пойти вместо него навестить Шерона, то доставил бы ему большое удовольствие. Но в этом деле я поостерегусь сделать хоть шаг, проронить хоть слово, не продиктованное вами. Когда дело касается трагедии или же эпической поэмы, то я продельваю со своими персонажами все, что хочу, здесь я творец и разрушитель, но когда идет речь о делах моего ближнего и особенно такого ближнего, как вы, то я больше не творец, а автомат и выжидаю, чтобы моими пружинами управляли, без чего я разделяю инертность материи, лишенной собственного движения. Мое сердце, хвала богу, вовсе не подчиняется

* Цитата из «Посланий» Горация (Ног., Ер. II, 2, 187). (Прим. В. Л.).

этой кости; оно преисполнено по отношению к вам самой нежной признательности и приятности, а также уважения. Я вам не говорю ни слова о г-же Дю Шатле. Она вам писала, а одно ее слово стоит дороже 100 страниц, написанных вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой.

В.

2/806

[1740] 18 I

Ему же

Се 18.

Cheron a enfin vu govers, comme françois premier vit charles quint a madrid, mais nos deux modernes héros ne sont point convenus de la rançon. voila monsieur toutes les nouvelles que je peux avoir lhonneur de vous dire. madame du chastelet sest mis en tete d'avoir une certaine lettre qu'on devait en effet me rendre,⁵ mais je crois que ce n'est pas la peine de se fatiguer pour si peu de chose, et que le mauvais procédé de me retenir cette lettre apres me l'avoir fait payer, ne peut jamais me nuire.

Il y a une autre grace que je voudrais vous demander ce serait de me faire avoir une paire de ces orphelins qu'on a si glorieusement saisis chez praut;⁶ les animaux bleux et or qui ont fait cette conquête se font payer des frais de la guerre en vendant au public les depouilles des ennemis. Ne pouviez vous pas monsieur en obtenir une couple, encor faut il que j'en aye. je vous en aurois bien de l'obligation. On vend avec beaucoup de succès a se que jentends dire, gogo, fretillon, les ecosseuses, le prince-titi, la comedie du bordel, les andouilles. les étrangers ne cessent d'admirer cette protection qu'on donne en france aux beaux-arts. adieu, monsieur je souhaite que vous soyez dans une de ces places ou l'on peut contribuer a la gloire de la patrie ou au moins a la tirer de l'avilissement.

Personne ne vous est dévoué avec plus de reconnaissance

V.

jay rouvert ma lettre monsieur a la reception de la votre. je me croirois heureux si je pouvois engager govers a quelque chose qui put vous plaire. il y faudra du temps. je suis je crois, le seul françois icy dont il ne se défie pas. il m'aime parcequ'il a été dans la meme chambre que moy dans le palais bati par charles cinq. jespere venir a bout de luy dans quelques mois.

[Адрес] A monsieur Monsieur le président de Meynières Quartier Richelieu à Paris.

Автограф в том же собрании в Вильнюсе. О публикации, переводе и комментариях см. выше, стр. 162—163.

^а Письмо, которое стремится выручить г-жа Дю Шатле, вероятно, — вексель, а отступное («выкуп»), о котором договариваются Шерон с Говером — элемент какого-то очередного, для нас не ясного шантажа.

^б Схваченные у Про сироты — экземпляры «Recueil des pièces fugitives, en Prose et en Vers», конфискованные в ноябре 1739 г.

[Перевод]

Шерон наконец-то встретился с Говером, как Франциск I встретился с Карлом V в Мадриде, но наши два современных героя не договорились о размере выкупа. Вот, сударь, и все новости, которыми я могу иметь честь поделиться с вами. Г-жа Дю Шатле задалась целью приобрести некое письмо, которое в конце концов мне должны были вернуть, но я полагаю, что не стоит себя утруждать по поводу такой безделицы и что дурной образ действий — его задерживают, заставив меня за него заплатить, — никак не сможет мне повредить.

Я хотел бы попросить вас о другой милости, а именно приобрести для меня пару этих сирот, которые с таким триумфом были схвачены у Про. Голубые с золотом животные, которые одержали эту победу, возмещают свои военные расходы, продавая публике награбленное у врага. Не можете ли вы, сударь, приобрести пару, важно, чтобы я их имел. Я был бы вам обязан за это. Как я слышал, с большим успехом продают «Гого», «Фретильону» («Вертлявку», — В. Л.), «Шелушильщиц», «Принца Тити», «Комедию о борделе», «Колбаски». Иностранцы не перестают восхищаться покровительством, оказываемым во Франции изящным искусствам. Прощайте, сударь, я хотел бы, чтобы вы заняли одну из тех должностей, благодаря которой можно способствовать славе родины или же хотя бы вытянуть ее из бездны унижения.

Нет человека более признательного и преданного вам, чем я.

В.

Я распечатал свое письмо, сударь, как только получил ваше. Я счел бы себя счастливым, если бы мог склонить Говера к тому, что могло бы вам понравиться. Но на это потребовалось бы время. Я думаю, что здесь я единственный француз, которого он не опасается. Он меня любит, так как он находился в той же комнате, что и я, в замке, построенном Карлом V. Я надеюсь справиться с ним через несколько месяцев.

3/130a

1743, 10 XI

Ему же

jay vu des lettres de vous, monsieur, qui sont des temoignages de votre sensibilité et de votre prudence. je sens plus que jamais combien il est doux de vous etre attaché, votre amie est aussi digne de votre

coeur que je meritois peu ses allarmes. Daignez croire monsieur que je ne devois pas etre soupçonné de preferer jamais ce qui peut eblouir un moment a ce qui doit toujours rempli(r) le coeur. il est vray que jay escrit des lettres ou je paraissois content de la cour ou jetois. il eut été injuste et deraisonnable d'ecrire autrement. mais il le serait bien davantage d'oublier un instant les personnes à qui on a voué sa vie. comptez monsieur que vous redoublez mon attachement pour ma patrie je me flatte que dans peu de jours vous reverrez votre amie qui vient encor de gagner un incident du procez dans lequel elle vous a tant d'obligation. elle ne sera pas la seule qui sera enchantée de vous revoir. vous savez avec quelle tendresse je vous aime et je vous respecte. nous partons demain matin pour lile.

V.

Ce 10 novembre 1743
a bruxelles

[Адрес] A Monsieur Monsieur le président de Meynières quartier Richelieu, à Paris.

Автограф в том же собрании в Вильнюсе. О публикации, переводе и комментарии см. выше, стр. 162—163.

[Перевод]

Я видел ваши письма, милостивый государь, являющиеся свидетельством вашей чувствительности и вашего благоразумия. Больше, чем когда-либо, ощущаю я всю приятность привязанности к вам. Ваша приятельница так же достойна вашей любви, как я недостоин того, чтобы она за меня тревожилась.

Соблаговолите поверить, сударь, что я не заслужил подозрения, будто способен предпочесть то, что ослепляет на мгновение, тому, что постоянно должно наполнять сердце. Правда, я писал письма, благодаря которым могло показаться, будто я доволен двором, при котором я находился. Было бы несправедливо и неразумно писать иначе. Но было бы еще гораздо неблагоразумнее хоть на мгновение забыть людей, которым посвятил жизнь. Считайте, сударь, что вы удваиваете мою привязанность к родине. Лышу себя надеждой, что через несколько дней вы снова увидите свою приятельницу, которая опять только что выиграла один из пунктов процесса, в котором она столь многим вам обязана. Она не одна будет счастлива снова вас увидеть. Вам известно, как нежно я вас люблю и уважаю. Завтра утром мы едем в Лиль.

V.

Сего 10 ноября 1743, Брюссель

746—1747?]

Г-ну и г-же Даржанталь

Vous a qui je dois tout. envoyez moy la bachaumontgrafie. Jay la lique, je ne pouroy aller a versailles que tard. <Тщательно зачерк-ты 2.3 строки, удастся прочесть лишь: je vois (или: crois) qu'il . t. . . mercredy et samedy quelques chefs(?) de meute.> la caballe at se renouveler. on s'est assemblé chez le S^r juvigny. il y a de etendus partisans de Crebillon qui jouent un role bien indigne. et mon ingrat pays est indigne de vous mille tendres respects, les ges.

V

vous a qui je dois tout. envoyez
moy la bachaumontgrafie
jay la colique, je ne pouray
aller a versailles que tard.
~~je vois qu'il y a quelques chefs de meute~~
~~mercredy et samedy~~
~~quelques chefs de meute~~
la caballe veut se
renouveler. on s'est assemblé
chez le S^r juvigny. il y a de pretendus
partisans de Crebillon qui jouent
un role bien indigne.
et mon ingrat pays est indigne de vous
mille tendres respects, les ges.

Письмо Вольтера к графу и графине Даржанталь (1746—1747).

Автограф. Отдел рукописей БЛ, ф. 68 (собр. Генерального штаба), № 418.2 (ин. 1215).

Письмо на первой странице, там же карандашные пометки «13» и «24»; на четвертой — адрес рукой Вольтера: A monsieur monsieur dargental conseiller d'honneur du parlement rue St honoré. На второй странице, т. е. на обороте л. 1, чернилами XIX в. номер по описи Военно-топографического депо «№ 44001 шк. 143»; на третьей странице красная хлебная облатка и карандашная пометка «26», очевидно, проставленная при составлении описи в БЛ в 1930-х годах.

Точных данных для датировки нет. В письмах Вольтера к Даржанталям между февралем 1746 г. и августом 1747 г., вошедших в издание Бестермана (от № 3029 до № 3207), а равно и в письмах за эти годы, опубликованных в ПВ, стр. 109—111, №№ XLII—XLV, откликов на темы этого письма не имеется. Но именно в эти годы в Версаль Вольтер ездит часто, с Кребильоновым отношения обострены, и Жювиньи играет активную роль в антивольтеровской кампании Травеноля.

[Перевод]

Вы, коим я обязан всем, пришлите мне Башомонографию. Страдаю коликой и смогу отправиться в Версаль лишь поздно. <Далее зачеркнутые 2.3 строки не разобраны>. Интрига стремится возобновиться. Была встреча у Жювиньи. Имеются якобы сторонники Кребильона, играющие весьма недостойную роль.

А моя неблагоприятная страна недостойна вас. Тысячу нежных поклонов, ангелы!

В.

5/170a

[1748? не позднее середины сентября]

Князю Ю. Яблоновскому

Voltaire présente son respect a Monsieur le prince jablonovsky et envoie savoir des nouvelles de sa santé S'il pouvoit sortir il auroit lhonneur de venir luy rendre ses devoirs

Записка Вольтера к
кн. Ю. Яблоновскому.

Автограф из коллекции Сапер. Отдел рукописей Библиотеки АН УССР во Львове, № XX. 55. На обороте листка пометка: list (карандашом переправлено на dwa listy) Voltera do Księcia Józefa Jabłonowskiego Wojewody Nowogrodzkiego, а на бумажной ленточке, скреплявшей записку, гербовая печать «Archiwum X. X. Sapiehów». Сообщено нам в ноябре 1960 г. М. Ф. Мурьяновым.

Отнесено к 1748 г. условно, поскольку в опубликованной донные переписке Вольтера корреспонденция с князем Юзефом-Александром Яблоновским отсутствовала, а в 1748 г. встречи с ним при дворе короля Станислава Лещинского наиболее вероятны. Из писем Вольтера к дрезденскому издателю Г. Вальтеру известно, что последнему именно через князя Яблоновского были пересланы рукописи для включения в VIII том печатавшегося Вальтером издания сочинений Вольтера (см.: Best. 3293 и 3310 от 29 сентября и 22 октября 1748 г., Best. XVI, 72 и 93).

Юзеф-Александр Яблоновский (1712—1777) — историк и меценат, автор ряда трудов по истории и картографии на польском, латинском и французском языках, в 1740-х годах переводил на польский язык «Древнюю историю» Роллена.

[Перевод]

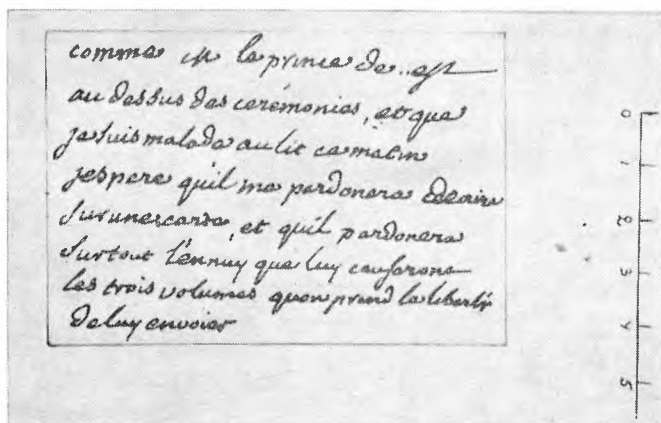
Вольтер свидетельствует свое почтение г. князю Яблоновскому и посылает справиться о его здоровье. Ежели б он смог выходить, он бы имел честь лично засвидетельствовать свою преданность.

6/1706

[1748? не позднее середины сентября]

Ему же

Comme M. le prince de ... est au dessus des ceremonies, et que je suis malade au lit ce matin jespere qu'il me pardonera decrire sur une carte, et quil pardonera surtout l'ennuy que luy causeront les trois volumes quon prend la liberte de luy envoier.

Записка Вольтера к кн. Ю. Яблоновскому.

Автограф в том же собрании во Львове, № XIX. 56. Написан на обороте бубновой двойки; на самой карте печатный шифр ⁵⁶ XIX и гербовая пе-

чать «Archiwum X. X. Sapiehów». На обложке — пометка «List Voltaire'a do Ks. Józefa, Aleksandra Jabłonowskiego Wojew. Nowogrodzkiego». Сообщено нам в ноябре 1960 г. М. Ф. Мурьяновым.

Датируется по аналогии с предыдущим письмом. Но сомнительно, являются ли три пересылаемых тома теми рукописями Вольтера, которые князь Яблоновский должен был отвезти в Дрезден.

[Перевод]

Понеже г. князь . . . выше церемоний, а я нынче утром лежу больной в постели, я надеюсь, что он простит мне, что я пишу на карте, а главное, что он простит доuku, которую ему причинят три тома, которые осмеливаются ему послать.

7/199a

[1749, IX—X?]

Президенту Дюре де Меньер

Ce dimanche

jarrive a paris monsieur accablé de desespoir et de maux, si j'avais pu sortir ce matin je serois venu vous remercier de la consolation que vous daignez me donner. J'ai trouvé icy votre lettre. je suis penetré de votre sensibilité. nous avons perdu un grand homme qui avait des fantaisies de femme mais son génie et ses vertus faisoient bien disparaître ses petites faiblesses. elle a porte au tombeau la douleur de vous avoir déplu. et cest un de mes desespoirs que votre union eut cessé. mais ce leger nuage n'a point été jusqu'à vos sentiments. je reconnois la bonté de votre coeur. jen suis touché a un point qui mele de la douceur à mes larmes. je ne sais si je pourai sortir aujourdhuy. j'aurais bien des choses a vous dire. mais la plus pressée est de vous renouveler le plus tendre et le plus sincere dévouement et de vous conjurer de me conserver des bontez qui feront la consolation d'une vie bien malheureuse

V

[Адрес] A Monsieur Monsieur le président de Meynières quartier Richelieu à Paris

Автограф в архиве А. В. Жиркевича. Рукописный отдел Научной библиотеки Вильнюсского университета. О публикации, переводе и комментарии см. выше, стр. 162—163.

Письмо не датировано. Одна из пометок на нем относит его к 1778 г., другая — против слов о потере великого человека — расшифровывает в последнем актера Лекена. И то и другое — явные недоразумения. «Сокрушенный отчаянием», Вольтер прибыл в Париж не в 1778 г., а осенью 1749 г. после смерти г-жи Дю Шатле, к которой, разумеется, и относятся слова о великом человеке, имевшем свои женские слабости.

Воскресенье

Я прибыл в Париж, милостивый государь, сокрушенный отчаянием и бедствиями. Если бы я смог выйти сегодня утром, то пришел бы вас поблагодарить за утешение, коим вы меня удостоили. Ваше письмо ждало меня здесь, и я глубоко тронут вашими чувствами. Мы потеряли великого человека, который был капризен, как женщина, но чей гений и чьи добродетели заставляли нас забыть его небольшие слабости. Она унесла в могилу огорчение тем, что не угодила вам. То, что ваше единодушие нарушилось, составляет одну из причин моего отчаяния. Однако это легкое облачко не омрачило ваших чувств. Я узнаю в этом вашу сердечную доброту, которой я растроган настолько, что это смягчает мое горе. Не знаю, смогу ли я сегодня выйти, я хотел бы многое вам сказать, но для меня сейчас самое важное — это заверить вас в моей нежной и искренней преданности, заклиная вас сохранить по отношению ко мне ваше благорасположение, которое послужит утешением в моей несчастной жизни.

В.

8/240a

1752, 18 III

Ему же

a Berlin, 18 mars 1752

Vous etes assurément monsieur au premier rang de ceux qui rendent mon coeur coupable de bien des infidélitez envers le roy de prusse comptez que dans son palais enchanté je songe souvent a vous et a vos amis. cette rome et ce siecle dont vous me faittes l'honneur de me parler en vaudraient mieux sils n'avaient pas été faits si loin de vous. il y aurait encor plus de sentiments de bon citoyen, et de zele pour la patrie dans rome sauvée, et vos petites cartes m'auraient bien servi pour le siecle de louis 14. j'ay travaillé loin de tout secours il faut que le genie de mon enchanteur le Roy de prusse m'ait protégé. je ressemble à ces paladins qui allaient à mille lieues mettre a fin une aventure avec leur lance, sous les yeux de quelque belle magicienne.

Il y a bien des fautes dans Lédition que vous avez lues jay envoyé de quoi corriger plus de cinquante pages. Si la seconde edition qui doit paraitre ne peut etre achevée assez tot, j'auray lhonneur de vous envoyer par la voye la plus promte et la plus sure les exemplaires corrigez a la main aux quels vous et mr de trudaine, et vos autres amis, voulez bien donner une place dans votre bibliotheque. conservez m'en une dans votre souvenir monsieur je serais inconsolable d'être privé dune societé telle que votre Si je n'étais aupres d'un grand

homme. je me flatte que je pouray vous faire ma cour cet Eté, et que je retrouverai vos anciennes bontez.

On dit qui vous faites voiajer monsieur votre fils en italie. il y verra plus d'antiquitez qu'à berlin, mais il n'y verra point d'homme comme mon roy philosofe. mon dessin etait aussi de voir l'italie sur mes vieux jours. mais ma. santé est si mauvaise que c'est un grand voiaje pour moy d'aller de potsdam a berlin. je tacheray de reprendre des forces pour revoir ma patrie, et surtout pour venir renouveler les sentiments qui m'attachent a vous.

le marquis dargens qui partage ma vie philosophique, et qui contribue fort a la rendre agreable, vous fait mille compliments

V.

[Адрес] А Monsieur Monsieur le president

Автограф в том же собрании в Вильнюсе. О публикации и переводе см. выше, стр. 162. Комментарии см.: Вопросы литературы, 1959, № 9, стр. 166—167.

[Перевод]

Берлин, 18 марта 1752

Конечно же, милостивый государь, вы занимаете первое место среди тех, кто заставляет меня быть неоднократно вероломным по отношению к прусскому королю. Считайте, что в его зачарованном замке я часто думаю о вас и о ваших друзьях. Этот Рим и этот Век, о которых вы любезно упоминаете, стоили бы большего, если бы я их создавал, не будучи столь далеко от вас. В «Спасенном Риме» я еще лучше выразил бы свои гражданские чувства и рвение по отношению к родине, а ваши маленькие карты мне послужили бы для моего «Века Людовика XIV». Я трудился вдали от какой-либо поддержки, и, видимо, гений моего обольстителя — короля Пруссии — мне покровительствовал. Я похожу на паладинов, отправлявшихся за тысячу лье, чтобы копьем завершить свои похождения на глазах у какой-нибудь прекрасной волшебницы.

В издании, которое вы читали, имеется много ошибок. Посланные мною исправления касаются свыше 50 страниц. Если второе издание, которое должно появиться, не будет достаточно скоро закончено, то я буду иметь честь послать вам наиболее скорым и надежным путем экземпляры, исправленные от руки, которым вы, сударь, а также г. де Трюден и другие ваши друзья соблаговолите дать место в ваших библиотеках. Сохраните также место для меня в своей памяти. Я был бы безутешен, лишившись вашего общества, не будь я рядом с великим человеком. Я льщу себя надеждой, что лично выражу вам свои чувства этим летом и вновь обрету ваше доброе ко мне отношение.

Говорят, что вы послали вашего сына путешествовать по Италии. Он там увидит больше древностей, чем в Берлине, но не увидит таких людей, как мой король-философ. Я также намеревался на старости лет посетить Италию, но мое здоровье столь плохо, что для меня переезд из Потсдама в Берлин уже целое путешествие. Я постараюсь набраться сил, чтобы снова увидеть родину и прежде всего чтобы, навестив вас, обновить чувства, которые меня к вам привязывают.

Маркиз д'Аржанс, который разделяет со мной мою философическую жизнь и много способствует ее приятности, посылает вам тысячу поклонов.

В.

9/268a

1766, 15 I

Кавалеру де Буфлер

Rèponse à M^r. le Chevalier de Bouflers.
à ferney 15e Janv: 1766

Certaine Dame honnête, et savante, et profonde
aiant lu le traité du coeur

Disait en se pâmant, que j'aime cet auteur!

<зачеркнуто: Ah!, надписано: il a> je <вставлено: le> vois bien
<зачеркнуто: qu'il, добавлена запятая> a le plus grand coeur du monde!

De mon heureux printemps j'ai vu passer la fleur

Le coeur pourtant me parle encore.

Du nom de petit coeur quand mon amant m'honore

Je sens qu'il me fait trop d'honneur.

Hèlas! faibles humains quels destins sont les nôtres!

Qu'on a mal placé les grandeurs!

Qu'on serait heureux si les coeurs

Etaient faits les uns pour les autres!

Illustre chevalier vous chantez vos combats,

Vos victoires et vôtre Empire,

Et dans vos vers heureux, comme vous pleins d'appas

C'est vôtre coeur qui vous inspire.

Quand Lisette vous dit, *Rodrigue, as-tu dû coeur?*

Sur l'heure elle l'éprouve. et dit avec franchise

Il eut encor plus de valeur

Quand il était homme d'Eglise.

Рукописи БВ, т. II, л. 154. Копия рукой Ваньера с правкой Вольтера.*

* Как и в ПВ, стихотворные произведения Вольтера публикуются без перевода.

Переписка Вольтера с Екатериной II

Переписка между русской царицей и фернейским отшельником имела всеевропейский резонанс и немало способствовала не только творимой легенде о «Северной Семирамиде», но и привлечению общественных симпатий и интереса к России. Уже в силу одного этого вторичное выявление этой переписки в фондах Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) — явление незаурядное. Но переписка эта интересовала не только современников, она публицистически использовалась их потомками и не раз привлекалась историками для характеристики Екатерины II и Вольтера, а также различных оттенков франко-русских «просветительских» связей. О внимании к ней свидетельствует уже то, что в течение 1802—1803 гг. она вышла в русских переводах четыре раза, включая 153 письма согласно так называемому Кельскому изданию 1780-х годов,* а восемьдесят лет спустя В. В. Чуйко под заглавием «Вольтер и Екатерина II» выпустил новый перевод уже более обширной корреспонденции (162 письма, вошедших в популярное издание сочинений Вольтера в 46 томах фирмы Ашетт в 1876 г.).**

Эти издания были рассчитаны на широкую публику и не стали перед собою научных целей, однако достаточно напомнить о том, что перед историками и литературоведами переписка императрицы и философа предстала во всей полноте и во всей тща-

* Переписка российской императрицы Екатерины Вторья с господином Волтером с 1763 по 1778 год. Ч. I—II. Перевел Михаил Антоновский. Санктпетербург, при Императорской Академии Наук, 1802; Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины Вторья с Г. Волтером, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год. Ч. 1, М., В сенатской типографии у Селивановского, 1802; ч. II, в Санктпетербурге, в типографии Государственной Медицинской Коллегии, 1802; Переписка Российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год. Перевел с французского Иван Фабиян, ч. I—II, М., 1803; Переписка Екатерины Великия с господином Волтером. Перевел Александр Подлисецкий, ч. I—II, М., В Губернской типографии у А. Решетникова, 1803.

Относительно даты завершения труда М. Антоновского мнения противоречивы; в частности, существуют ссылки на итальянский перевод с него, вышедший в свет якобы в Турине в 1797 г. (ни Т. Бестерман, ни Ф. Вентури не смогли, однако, подтвердить мне существование подобного издания, реально переведенного с русского). См. ниже, стр. 246—248.

** Вольтер и Екатерина II. Издание В. В. Чуйко. (Европейские писатели и мыслители, IV), СПб., 1882.

тельности подготовки текста в «Бумагах императрицы Екатерины II, хранящихся в Государственном архиве Министерства иностранных дел». П. Пекарский, а затем Я. Грот опубликовали письма Екатерины II и Вольтера по подлинникам, причем множество текстов увидело свет впервые в этой публикации.* Именно этот текст и считался доньше каноническим, с него он перепечатывался и в наиболее полном (до Бестермана) издании всех писем Вольтера, т. е. в собрании сочинений под редакцией Л. Молана.**

Тем более досадной оставалась та неполнота сведений об архивном адресе их подлинников, которой отмечена сводка данных о всех хранящихся в Советском Союзе вольтеровских материалах, составленная автором настоящей публикации на основании обширных разысканий «Литературного наследства» в 1931—1935 гг. Сводка эта появилась в свет в 1937 г. в составе нашей работы «Наследие Вольтера в СССР», и в отношении ряда писем мы были вынуждены к самоограничению: утверждая «невозможность в настоящее время полностью реконструировать специально интересующую нас русскую переписку Вольтера», мы характеризовали процесс «всплывания на поверхность» материалов вольтеровской переписки, который, «несомненно, и в интересующем нас направлении изучения русских связей Вольтера принесет еще немало любопытного», но при этом оговаривали, что «наличные письма Екатерины II к Вольтеру и вовсе не смогли быть подвергнуты обследованию»***

Приходится подчеркнуть, что ни печатно, ни путем устной информации никто с тех пор не опровергал этих строк, а потому весьма вероятно, что в тот момент эти материалы действительно не попадали в орбиту внимания архивистов. Но существенные успехи в разработке архивных фондов привели к тому, что и данный фонд был учтен, занял надлежащее ему место и получил отражение в описях, а затем и в Путеводителе по фондам ЦГАДА.**** Как бы то ни было, но когда в процессе подготовки

* Сб. РИО, тт. X, XIII и XXVII. В т. X дана обстоятельная справка о предыдущем состоянии известного текста этих писем, причем отмечается, что несколько изданий русских переводов этих писем были «с обычными урезками и неполнотами, происшедшими, очевидно, по цензурным соображениям» (стр. 33, прим.).

** *Oeuvres complètes de Voltaire. Garnier frères, Paris, 1877—1885*; письма эти находятся в томах 42—50. В издании Бестермана переписка Вольтера и Екатерины II в подавляющем числе случаев основана, лишь на старых публикациях или же на ненадежной традиции старых копий.

*** В. С. Л ю б л и н с к и й. Наследие Вольтера в СССР. Русская культура и Франция, т. 1 (= Литературное наследство, 29/30, М., 1937), стр. 1—200; см. главу IV «Вольтеровские материалы в советских собраниях», особенно стр. 184, 186, 187, 189, 190.

**** Центральный Государственный архив древних актов. Путеводитель, ч. 1, М., 1946, стр. 163 — лишь глухое и суммарное упоминание: «Переписка Екатерины II по вопросам политики, науки, литературы и искусства с фран-

«Писем Вольтера» мы в 1955 г. обратились к подлинникам ЦГАДА, таковые предстали перед нами не только в виде нескольких отдельных писем, учтенных в сводке 1937 г.,* но и в виде полной серии переписки с Вольтером русской императрицы.

Как ни важен был этот факт с чисто архивной точки зрения, гораздо существеннее в источниковедческом отношении оказалось обстоятельство, совершенно непредвиденное для публикаторов и текстологов. Было известно — и это подчеркивал издатель, — что в 1873 г. переписка публиковалась на основании сохранившихся в Главном архиве Министерства иностранных дел черновики писем Екатерины II. Что касается подлинников этих писем, то, если не вызывало сомнения использование некоторых из них для изданий даже при жизни Вольтера, было известно лишь о стремлении царицы скупить их все сразу после его смерти, а в особенности при подготовке Бомарше знаменитого Кельского издания произведений Вольтера. С этим поручением Мельхиор Гримм, сумевший купить библиотеку писателя и вообще успешно реализовавший задания Екатерины II, справиться не смог; через издателя Панкука подлинники попали в руки Бомарше и были использованы в Кельском издании. С крушением этих планов мы имеем основание ставить в связь упадок интереса Екатерины к закупленным ею книгам, принадлежавшим Вольтеру.**

В свете этих фактов ничего неожиданного не было в том, что письма Екатерины представлены у нас именно в черновиках. Гораздо загадочнее другое: как могли исчезнуть из русских правительственных архивов XVIII—XIX вв., да и вообще из поля зрения науки в пределах всех известных за XIX и XX вв. коллекций и аукционных продаж почти все подлинники писем Вольтера, дошедших до русской государыни?*** В их уничтожении уже труднее считать кого-либо заинтересованным.

В этом отношении приятным сюрпризом явился целый том аккуратно переписанных явно еще в XVIII в. копий почти всех

цузскими философами Вольтером, Дидро, Даламбером..., Мармонтелем..., Фальконетом..., Гриммом..., Сенак де Мельяно».

* ЛН, 29/30, стр. 194 — речь идет о письмах Вольтера к Екатерине II, соответствующих №№ 6071, 6367, 6629, 6771 и 9004 по изданию Молана.

** ЛН, 29/30, стр. 166 сл. О заинтересованности Екатерины II в «изъятии» своих писем см.: Письма Екатерины II к Гримму, 1774—1796. Изд. акад. Я. Грот. Сб. РИО, т. 23, СПб., 1878, стр. 93 сл.; P. Bonnefon. Une correspondance inédite de Grimm avec Wagnière. Revue d'histoire littéraire, III, 1896, p. 522; Oeuvres complètes de Voltaire, ed. L. Moland, t. 1, p. XIX. См. также ниже, стр. 186—187, сводку в приложении 144 в 51-м томе переписки Вольтера в издании Бестермана.

*** См.: В. Люблинский. Новое в русских связях Вольтера. XVIII век, сб. 3, М.—Л., 1958, стр. 437. Крупный подбор черников этих писем продавался на аукционе в 1924 г. и бегло описан в хронике журнала «Revue d'histoire littéraire» (1924, p. 716, ср.: ЛН, 29/30, стр. 189).

писем Вольтера к Екатерине II, хранящийся в ч. I д. 154 ф. V в ЦГАДА.*

Таким образом, теперь мы располагаем в подлинниках или во вполне надежных современных копиях текстами 92 писем Вольтера к Екатерине II (тогда как в Кельское издание их попало лишь 85, а к 1937 г. установить местонахождение возможно было лишь для 5 из них).**

Несомненный интерес представляла и открывшаяся ныне возможность проследить по оригиналу черновиков писем царицы качество публикации их текста в «Сборнике Русского исторического общества». За ничтожными (и явно не намеренными) исключениями, публикация Пекарского и Грота (в XXVII томе пояснено, что «списанные Я. К. Гротом» письма издал секретарь общества Штендман) оказалась выполненной отлично; в совершенстве знакомые с рукой и слогом, ходом мысли и сомнительной орфографией автора, они безошибочно нащупывали связную последовательность и последнюю редакцию в подчас очень беглом и загроможденном черновике, и в подавляющем большинстве случаев крайне трудно предложить сейчас сколько-нибудь существенную эмendaцию. За единичными исключениями, вполне удачно решены и многочисленные датировочные головоломки и полно для этого учтены данные, содержащиеся в изданных к тому времени письмах Вольтера.

И тем не менее ныне уже более не представляется возможным восходить не только к изданию Русского исторического общества (и соответственно к молановскому тексту), но и к его оригиналам, т. е. к черновикам писем Екатерины, как к основному источнику наших сведений об этой переписке! Дело в том, что в этом же самом деле № 154 того же V фонда, «Вторая часть» которого содержала вышеозначенные черновики,*** а «Первая часть» (лл. 1—197) представляла собой упоминавшиеся выше копии писем Вольтера к Екатерине II, на листах 206—355**** этой же «Первой

* Девять писем Вольтера из этого сборника, донине неизвестных, были опубликованы нами в ПВ, стр. 247—260.

** Судя по перечню в кн.: Ira O. Wade. The search for a new Voltaire. Studies in Voltaire based upon material deposited in the American Philosophical Society. (Transactions of the Am. Philos. Society. New Series, v. 48, p. 4. Philadelphia, July 1958), p. 153—154, значительная часть подлинников этих писем Вольтера хранится в Национальной библиотеке в Париже, в составе коллекции Риччи (однако тут же есть и неподписанные письма и черновики). Копия, ныне хранящаяся в ЦГАДА, списана не с данного подбора: некоторые номера (по рукописи BN Nouv. acq. fr. 24331, «Voltaire. Correspondance, t. II»), например 29, 53, 56, 106, 121, в эту копию не вошли.

*** Именно среди этих черновиков оказались сохраненными (лл. 18—27) подлинники вольтеровских писем от 24 июля 1765 г., 21 июня 1766 г., 22 декабря 1766 г., 27 февраля 1767 г. и копия отрывка письма Вольтера к Фридриху II от 31 октября 1769 г.

**** На лл. 198—205 вшит автограф Мельхиора Гримма — его известная «Историческая записка о возникновении и следствиях моей привязанности

части» обнаружались автографы — чистовые подлинники 74 писем Екатерины II в Ферне! Между их текстом и тем, что мы прежде считали за письма, поступившие к Вольтеру, множество различий. Подчас это лишь мелкие и чисто стилистические нюансы, но нередко и смысловые варианты, а подчас целые новые части писем, наконец, в четырех случаях — вообще неизвестные письма Екатерины, а в двух случаях — собственноручные ее «приложения» к письмам в Ферне, тоже не издававшиеся. С другой стороны, для 9 писем, известных по черновикам, чистовые экземпляры отсутствуют. В сумме оба эти комплекта подтверждают текст 83 писем Екатерины II (Кельское издание знало 68 из них).*

Многое выясняет эта находка: в частности, не раз восстанавливает в правах текстологию изданий, вышедших ранее «Сборников РИО» и, как мы теперь видим, восходившую к подлинникам. В том, что перед нами именно те экземпляры, которые были в руках у Вольтера (а не какие-нибудь «чистовые варианты», собственноручно Екатериной перебеленные и оставшиеся в России), сомневаться невозможно, тем более что на многих из этих писем сделана (явно при подготовке к будущему изданию) пометка почерком Вольтера (в одном случае — почерком его секретаря Ваньбера) «*Impératrice de Russie*» («Русская императрица»).

Но находка эта ставит немало вопросов. Где находились эти письма прежде их включения в один фонд с черновиками? Почему ученые-архивисты и публикаторы 70-х годов XIX в. не подозревали об их существовании? В чьих руках они пребывали во Франции после того, как были (но почему-то не все!) скопированы для Кельского издания? Как вообще попали в Россию?

Благодаря счастливой случайности последняя из этих загадок раньше всего получила полное и простое разъяснение. На первом из белых защитных листов в ч. I д. 154 V разряда Государственного архива Министерства иностранных дел (т. е. нынешнего фонда V ЦГАДА) имеется небольшая помета: «*Madame Sobet quai de la megisserie № 62*». Связь ее со следовавшими за ней копиями вольтеровских писем оставалась для нас неясной до тех пор, пока совсем в ином хранилище — в Архиве Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина — мы не попали уже в начале 1957 г. на «Дело Управления Императорской Публичной библиотеки и Румянцевского Музеума» (1856 г.), № 46: «О поднесении Государю императору госпожею Гобе кол-

к императрице» (*Mémoire historique sur l'origine et les suites de mon attachement pour l'Impératrice*).

* Поскольку в подлинности автографов ЦГАДА сомневаться невозможно, следует внести уточнение в перечень писем Екатерины II к Вольтеру, приведенный в (см. стр. 177) книге Айры Уэда (Ira O. Wade. *The search for a new Voltaire*, pp. 168—169): письма Екатерины II в составе рукописи Национальной библиотеки в Париже *Nouv. acq. fr. 24338, «Voltaire. Correspondance, t. IX»* являются не подлинниками, а копиями.

лекции писем императрицы Екатерины II к Вольтеру и копий писем сего последнего к Ея Величеству и о подарке ей из Кабинета. Началось 30 ноября 1856 г. Решено 15 апреля 1857 г. На 22 листах». Небольшая переписка, объединяемая этим делом, обстоятельно отражает хлопоты, связанные с процедурой определения царского ответного подарка, отправкой браслета из Кабинета в Париж, но совершенно не затрагивает наиболее научно любопытной стороны дела — путей перехода этих эпистолярных сокровищ в руки их обладательницы. Однако все необходимые уточнения того, когда и при каких обстоятельствах они перешли от нее в Россию, дело это содержит.* Основное явствует уже из первого его документа (л. 1) — копии письма директора Публичной библиотеки М. А. Корфа и его заместителя кн. В. Ф. Одоевского за № 1013 от 30 ноября 1856 г.:

«Господину Министру Императорского Двора

«Член французского университета и бывший профессор Коллегии св. Людовика Лестрад представил мне реестр подлинных писем императрицы Екатерины II к Вольтеру и копий писем сего последнего к ея величеству, составляющих собственность проживающей в Париже пожилой девицы Гобе (Gobet), которая в чувствах благовешной преданности к Государю императору желала бы эту коллекцию, тем более драгоценную, что многое из нее никогда не было напечатано, поднести его императорскому величеству для императорской Публичной библиотеки.

«Г-н Лестрад изъяснил мне при этом, что девица Гобе, пользуясь весьма богатым состоянием, не желает „за упомянутую коллекцию никакого денежного вознаграждения...“».

При письме препровождался и «сообщенный ... г. Лестрадом» реестр, копия коего, к сожалению, видимо, не была изготовлена (в деле отсутствует).

На дальнейших листах сохранилось письмо S. Gobet к барону М. А. Корфу («J'ai remis au jour d'hui, 29 janvier 1857 au secrétaire de l'Ambassade de Russie en France, les lettres...»), датированное 29 января 1857 г. из того самого дома № 62 по набережной Межиссери, адрес которого (на обложке дела в ЦГАДА) мы уже упоминали. В документе от 14 февраля 1857 г. уже сообщается о том, что «полученная ... при отношении от 18/30 января за № 71 коллекция писем ... была поднесена государю императору», который распорядился «препроводить оную для хранения в Эрмитаже совместно с библиотекой Вольтера».

* На первом из белых защитных листов (бывш. обложке) д. 154, ч. 1 вслед за адресом г-жи Гобе начинается карандашный заголовок «616 1 21 non imprimé». Первую из этих цифр, иначе непонятную, мы сближаем с № 616 каталога аукционной продажи в Париже 25 октября 1841 г. имущества г. Г***, «бывшего должностного лица»; на стр. 47 под этим номером значилось 161 письмо из переписки Вольтера с Екатериной II (ср. ниже, стр. 186—187).

Не подлежит, однако, сомнению, что дар г-жи Гобе не попал в Эрмитаж и не был объединен с библиотекой Вольтера. Нет никаких следов его хотя бы временного пребывания и среди рукописей Публичной библиотеки; характерно, что в 1861—1862 гг., когда Библиотека осваивала новые книжные и рукописные богатства, передаваемые из Эрмитажа, в том числе и библиотеку Вольтера, об этих письмах никто и не вспомнил. Вероятнее всего непосредственно из рук Корфа, чья инициатива в приобретении этой коллекции для нас очевидна, собрание г-жи Гобе попало в одну из личных дворцовых библиотек Александра II. А это оказалось равносильным преданию совершенному забвению: когда пятьдесят лет спустя, в 1870-х годах, шла организованная в Русском историческом обществе (проходившая под особым покровительством и Александра II, и наследника) работа по подготовке к изданию переписки Екатерины II, растянувшаяся на много лет, то ни Пекарскому, ни Гроту даже о возможности существования подлинников писем царицы к Вольтеру не приходило на ум; ни проблеска осведомленности об этом не найдем мы и в рецензиях на их издание, недостатка в которых не было.

Пометки о числе листов на обложке как I, так и II части д. 154, подписанные инициалами ЯБ, выдают тот факт, что материалы эти прошли в этом архиве через руки Я. Л. Барскова, но остается неясным, почему они не привлекли его внимания.

Некоторый свет на эти обстоятельства проливает наше наблюдение в 1956 г., когда эти документы еще не получили новых переплетов. Во II части д. 154 мы видели вложенной, сразу вслед за обложкой дела, синюю обертку с черной сургучной печатью Азиатского департамента МИД и с надписями: «Переписка Вольтера с императрицей Екатериною II передано (!) государем императором Управляющему М^{во}м а им лично директору Гос. Архива для хранения», «В Государственном Архиве получено 24 сентября 1881 г.», «Запечатанный печатью Азиатского департамента настоящий пакет мною вскрыт по ходатайству Императорской Академии наук (отн. 1 апреля 1908 г. № 843). 2 апреля 1908. Директор С. Горяинов». Мы полагаем, что эта синяя обертка по недоразумению попала во II часть дела, содержащую черновики писем Екатерины II, должна же была она храниться вместе с I частью этого дела, так как, несомненно, в 1881 г. черновики находились не у Александра III, но в Архиве, и к ним трудно было бы применить заголовок «Переписка Вольтера с имп. Екатериной II» — заголовок, вполне отвечающий составу дара г-жи Гобе. К сожалению, при изготовлении новых переплетов эта обертка на надлежащее место не вернулась.

Из «Протоколов заседаний Историко-филологического отделения Императорской Академии наук» за 1908 г. можно почерпнуть еще одно уточнение: упомянутое только что в записи Горяинова отношение Академии наук было послано на основании того,

что академик А. С. Лаппо-Данилевский «довел до сведения Отделения, что в Государственном архиве он имел случай видеть запечатанный пакет; судя по заглавию, он должен содержать переписку императрицы Екатерины II с Вольтером». «Ввиду того, что означенный пакет может содержать материалы, не лишенные значения для изучения отечественной истории», академик Лаппо-Данилевский считал «полезным ознакомиться с его содержанием, а потому просил . . . ходатайствовать о разрешении ему вскрыть этот пакет, пересмотреть находящиеся в нем бумаги, а в случае нужды и снять с них копии».* Однако вряд ли это намерение осуществилось тогда, через полвека после поступления этих писем в Россию: ничто не говорит об ознакомлении с ними А. С. Лаппо-Данилевского,** и тень забвения сошла с этих писем лишь ровно через столетие после неожиданного их выступления на поверхность в 1856 г.

Не впадая в недооценку мелочных уточнений — их ведь требуют едва ли не девять десятых всех опубликованных писем как Вольтера, так и его корреспондентки, а в одном письме их набирается подчас до двух десятков, и не всегда коротких, — не упустим все же из виду важнейшее. Перед нами ряд новых писем и ряд значительных — даже по размерам — новых вариантов о в. А для правильной оценки их значимости необходимо прежде всего не забывать, что переписка интенсивнее всего ведется в годы Турецкой войны и первого раздела Польши, в обстановке, дипломатически сложной для России даже в моменты наибольших побед, не говоря уже о (замалчиваемых, конечно) трудностях подавления народного движения, шедшего за Пугачевым.

В эти годы правительство Франции более или менее открыто, но совершенно недвусмысленно держит руку Турции и непрочь всячески помогать польским конфедератам. А для Вольтера последние 10—15 лет жизни, на которые как раз и приходится переписка с русской царицей, были, как общеизвестно, годами наибольшего «ожесточения», т. е. все более целеустремленной, непримиримой и всепоглощающей борьбы против «бесстыдства» — обскурантизма, лицемерия, эксплуататорских привилегий католической церкви — и против деспотизма бесчеловечных судебных порядков.

* Протоколы заседания Историко-филологического отделения Императорской Академии наук, 1908, № VI. Заседание 26 марта 1908 г., § 122. В заседании 30 апреля (№ VII, § 134) докладывалось, что и то и другое было Архивом разрешено и пакет вскрыт.

** Нет упоминания об этом и в списке трудов, приложенном к статье о Лаппо-Данилевском в издании «Материалы для биографического словаря действительных членов Имп. Академии наук», ч. 1, А—Л, Пб., 1915, стр. 409, 413.

Но при всем том дворянская царица через десять лет после захвата власти даже при самых критических ситуациях чувствовала себя на троне гораздо увереннее, чем в 1762 или 1763 гг., и все менее нуждалась в той вербовке сторонников отовсюду, вплоть до лагеря философов Просвещения, с которой ей пришлось начинать международные связи своего правления. И в то же время Вольтер, давно уже общепризнанный властитель умов, сам «граф Турнейский», богач и независимый помещик, в этот период уже вполне может обходиться без того искательства перед сильными мира сего, которое в прежние годы не раз казалось ему единственным средством самозащиты (в чем он горько обманывался при всех крупных ставках, но почти безошибочно реализовывал успех при бесчисленных издательских, театральных, полицейских, журналистских дрызгах). Тем не менее и теперь не пустое честолюбие заставляло Вольтера расточать самую необузданную лесть перед «Семирамидой», «мудрейшей законодательницей», «философом на троне» и т. п., как он не устал величать русскую самодержицу. Современному советскому читателю, думается, нет нужды напоминать хорошо известные гневные оценки Пушкиным ее отвратительного лицемерия или не менее знаменитые высказывания Энгельса о том, как царица сумела обвести вокруг пальца даже энциклопедистов и превратить петербургский двор в штаб-квартиру европейского просвещения. Учтем, однако, что среди военных забот, паркового строительства, литературной полемики и крупнейшей дипломатической игры Екатерина II находила время довольно регулярно в течение 15 лет, и подчас обстоятельно, излагать для Вольтера на бумаге ход важнейших событий в России, и притом, как мы убеждаемся, свои письма не только своей рукой перебеливая, но и изрядно при этом исправляя. И это, конечно, не было только данью вежливости или развлекательным отдыхом.

Постепенно в переписке установилась какая-то удивительная бесцеремонность, можно сказать фамильярность, и не требуется сугубой пронизательности, чтобы уловить, что явно нарочитое раболепие и преувеличенные, чуть ли не шутовские формы экстаза подчас воспринимались обоими корреспондентами лишь как условность и многое из этого не засчитывалось всерьез. Тем не менее переписка эта отвечала чему-то гораздо большему и более ответственному, нежели потребность отвести душу с умным собеседником и, словно дурачась, находить выход раздражению или досаде на назойливых и докучных современников. Удивительным резонансом обладали как огромные залы Царского Села, Петергофа, Зимнего дворца, так и скромные комнаты фернейского «замка»; и это ни на секунду не упускали из вида корреспонденты, хотя несомненно рассчитывали на то, что многие выражения переписки останутся доверительными. Но, разумеется, в расчете не только на самого адресата стремились беззаботностью тона поддержать иллюзию того, будто крестьянская война не более как

фарс, а чума в Москве — лишь огорчительный эпизод, созданный провидением, чтобы послужить фоном благодеяниям и героизму Орлова. Нередкие опровержения измышлений недружественных, в частности английских, газет, пренебрежительно-насмешливые реплики о турецкой армии, «развернутый показ» веротерпимости православных иерархов (с недвусмысленным «подтекстом» в адрес не фанатизма вообще и даже не палачей Каласа и Ла Барра, а польских конфедератов и папского нунция, их подстрекавшего), эти невычитаемые органические элементы писем Екатерины II — яркие тому примеры. Для Вольтера же его письма не только блестящее оружие разносторонней пропаганды — идей, часов и чулок, протежируемых талантов, — но и не раз рычаг проверки (и усиления) собственной значимости и, конечно, вклад в укрепление позиций лагеря энциклопедистов.

Приводимые в настоящем разделе и особенно в «Хронологическом обзоре» (см. раздел V) пополнения и поправки, к сожалению, далеко не исчерпывают археографической и текстологической работы, которая необходима для научно-полноценного восстановления столь замечательного исторического памятника, каким является весь комплекс переписки между изворотливым патриархом французского Просвещения и удачливой обладательницей российского самодержавного престола — переписки, крайне важной для каждого из корреспондентов, имевшей сильнейший резонанс среди современников (вполне учитываемый обеими сторонами, по-своему ее использовавших в пропагандистских целях). Биографический, историко-культурный, дипломатический, литературно-художественный аспекты этой переписки равно интересны для нас, и притом не только в разрезе французо-русских культурных связей. Ныне эта переписка предстает в несравненно более богатом окружении (как в отношении прочих писем Вольтера, так и в отношении неизмеримо углубившегося знания советских историков и литературоведов о содержании и обстановке общественной борьбы в России в последние десятилетия XVIII в.) и благодаря данной работе с значительно большей — и прежде недоступной — полнотой и точностью; поскольку это так, можно не сомневаться, что она еще не раз послужит предметом монографического изучения и, будем надеяться, дождетя достойного публикаторского воплощения.

В данном издании, ограниченном целью ввода в научный оборот новых элементов переписки Вольтера и к тому же выходящем в свет после завершения издания Бестермана, естественно и задачи реконструкции всего комплекса корреспонденции между философом и царицей свелись всего лишь к немногим дополнениям и поправкам к новому женеvскому изданию. Более того, мы исключили из нашей публикации немало целых писем (не говоря уже о частях писем), впервые обнаруженных нами в 1955 г. и

в свое время подготовленных к изданию по подлинникам, если только они за это время попали в издание Бестермана по копиям (хотя бы и не вполне точным), и в лучшем случае приводим в а ж н е й ш и е разночтения, а особенности правописания, пунктуации, графического оформления оговариваем лишь в наиболее существенных и характерных случаях. К тому же, проведя в 1956—1958 гг. полное сличение текста подлинников в ЦГАДА с изданием Молана, мы ныне не имели возможности заново проделать такую же (громадного объема!) работу с текстами женевского издания, и потому приводимые нами в разделе V отличия от новопечатного текста сколько-нибудь полны только в отношении тех мест, которые нами прежде были учтены как расходящиеся с молановским текстом. Поручиться за отсутствие не менее существенных отличий в тех частях подлинников, которые у Молана переданы правильно, в издании же Бестермана следуют за текстом копии, сделанной для г-жи Дени, мы, к сожалению, не можем. Это недостаток нашей работы, в отношении именно писем Екатерины II не позволяющий считать ее последним критерием для воссоздания канонического текста, и сожалея об этом (будь наши поправки к Молану изданы своевременно, Бестерман мог бы спокойно воспроизвести вполне исправный текст, который и стал бы окончательным), мы обязаны этот минус оговорить.

Понятно, что переписка русской императрицы с автором «Истории России при Петре Великом» для нас представляет интерес, выходящий за рамки чисто вольтероведческого. Советским историкам и литературоведам полезно получить ориентировку источниковедческого и археографического порядка. Поэтому мы приводим ниже, вслед за этим введением, справку Бестермана о всех тех фондах (западноевропейских), на основании которых строилась публикация данной переписки в его издании, и суммарное археографическое описание фонда переписки Екатерины II с Вольтером в том виде, как она предстала перед нами в ЦГАДА.

Анализ значения новых чтений, вводимых здесь в научный оборот, выходит за пределы задач настоящего издания, и мы ограничимся самой суммарной характеристикой некоторых элементов новизны текста.

Разумеется, немецкая провинциальная принцесса, ставшая повелительницей народов России, жадно и легко усваивавшая слышанное и читаемое, не имела никаких твердых или хотя бы четких грамматических представлений и писала по-французски «на слух», нимало не задумываясь, «vous dirai» в значении «vous direz», не отличала множественного числа от единственного, если они звучали одинаково, с чистой совестью подменяла указательное «ces» на притяжательное «ses» или «qu'elles» ставила вместо «quelle» и т. д. (И при всем том несомненно обладала неплохим чутьем языка, поскольку почти во всех случаях стилистической правки своего черновика находила обычно не только более точный и бо-

лее краткий, но и идиоматически лучший оборот). Конечно, не установилась еще французская орфография русских фамилий, а тем более наименований бессарабских крепостей или турецких городов и т. п. Но все же незачем оставлять у читателей впечатление, будто царица по-французски чуть ли не систематически своих Орловых превращала в «Озлоф» (Ozlof), вместо Чоглокова упоминала какого-то Тохочокефа, Таганрог называла то Таганком, то вовсе Тюгансоком. Именно поэтому, оставляя без внимания множество мелких расхождений написания между подлинником и изданием Бестермана, мы, во-первых, систематически восстанавливали все написания собственных имен, а во-вторых, не жалели примеров грамматических погрешностей беглого письма Екатерины.

В-третьих, но опять-таки не систематически (тогда просто пришлось бы полностью издавать все письма), а лишь в наиболее броских случаях мы отмечали те отличия в пунктуации (в свою очередь у людей XVIII в. еще далеко не последовательной и нередко отличной от нынешней), которые особенно подчеркивали ритм фразы, стремительность периода, а подчас и логическую многоплановость информации, совершенно иные, нежели они отложились в Кельском издании или же в транскрипции Бестермана в его публикации.

В-четвертых, совершенно регулярно мы воспроизводим со всеми их ничтожными отличиями (например, «a Petersb» вместо «A St Petersb.») оригинальные датировки. Это важно прежде всего чисто текстологически, так как тут еще очень многое не распутано в сложной судьбе издательских догадок и передатировок. Сплошь да рядом по усмотрению кельских издателей к подлинной дате добавлялось 11 дней, чтобы перевести ее на новый стиль (а иногда случались и обратные толкования, и образ действий), а затем позднейшие издатели (не исключая и последних) снова наращивали дату; таким образом, подчас письмо доньше числится на три недели более ранним или более поздним, нежели в действительности. Нет нужды особо подчеркивать, как источниковедчески существенно восстановление достоверных датировок, подчас свидетельствующих о совершенно иных темпах информации (например, о новостях с театра военных действий в Петербург или оттуда, через Ферне, в западную прессу).

Наконец, в восстанавливаемых нами деталях немало и чисто фактических данных: совсем иное число войск, кораблей, гораздо более верное описание расположения (например, Бендер).

Царица была собственным цензором и редактором (лишь в редких случаях можно допустить, что проект письма давался кому-либо на просмотр), и было бы весьма поучительно проследить, как изменялась та или иная формулировка от черновика к чистовому письму, особенно если их разделяло несколько дней, что не раз и случалось.

Что касается предпосылаемого здесь самим письмам аппарата, то нам казалось, что деталями археографического порядка, подчас наблюдаемыми или сопоставленными с немалым трудом, можно было бы пренебречь лишь в случае описания материала однородного, достаточно ясной структуры, с уже известной историей публикации и, кроме того, в случае, если бы уже можно было достигнутый этап считать окончательным. Ни одного из этих условий нет, как нет и малейшей возможности того, чтобы данный комплекс источников впредь мог остаться безразличным для историков России и литературоведов, биографов Вольтера и исследователей франко-русских связей. А раз так, было бы крайне непродуктивно скрывать от них всевозможные пометки и т. п. — возможные ключи к многим тайнам воссоздания еще не во всем ясной картины, а также ограничивать круг исследователей теми, кто мог бы лично неделями в ЦГАДА перебирать эти сотни черновиков и чистовых посланий.

**Сводка о документах переписки Вольтера с Екатериной II,
данная в издании Бестермана
(Приложение 144, Best., t. 51, 1959, pp. 303—304)**

[Перевод]

На распродаже в Париже 25 октября 1841 г. имущества г. Г***, «бывшего должностного лица» (стр. 47, № 616) (по каталогу аукциона, — В. Л.), фигурировала переписка в составе 161 письма, которыми обменялись императрица и Вольтер. Среди этих писем 89 были копиями, снятыми русским, с писем Вольтера к Екатерине; они охватывали период от 1 апреля 1769 г. до 13 мая 1778 г., а 20 из их числа отсутствуют в Кельском издании. Остальные 72 были подлинниками писем Екатерины к Вольтеру, причем некоторые из них носили пометки об этом, сделанные его рукой; они охватывали срок (от 1763 г., — В. Л.) до 4 декабря 1777 г.; 11 среди них отсутствуют в Кельском издании, а 5 даны в сокращении.

Подборка писем Вольтера, преимущественно в копиях, хранится в Центральном государственном архиве древних актов в Москве, V, 154 II; они перечислены и в случае необходимости воспроизведены у Люблинского, т. I (т. е. в ПВ, — В. Л.).

Серия из 26 черновиков (в том числе 22 подлинных) писем Вольтера к Екатерине предлагалась к продаже в каталоге Лемалье (Париж, 1924 г.) и была приобретена Гайяндром на распродаже Андрие (Париж, 10 февраля 1938 г.), стр. 21—23, № 71 (по каталогу аукциона, — В. Л.); это письма, по Молану, 7156, 7394, 7689, 7771, 7817, 7884, 7944, 8027, 8039, 8086, 8094, 8186,

8277, 8292, 8331, 8370, 8403, 8408, 8612, 8625, 8696, 8723, 8817, 8906, 9044, 9940 (с 21 января 1768 г. по 24 января 1777 г.). Я не видал каталога 1924 г., цитируемого Альбером Лортолари в его «Le mirage russe en France au XVIIIe siècle (Париж (1951, — В. Л.), стр. 313).

Другой подборкой вольтеровских черновиков является коллекция Сеймура де Риччи, Nouv. acq. franç. 24331 (в Парижской национальной библиотеке, — В. Л.).

Подлинные черновики большинства писем императрицы находятся в вышеназванном московском собрании; они напечатаны, и Молан, к великому несчастью, воспользовался этими текстами, которые зачастую сильно отличаются от писем, полученных Вольтером.

Копии с писем Екатерины были изготовлены для г-жи Дени явно совершенно бессистемно, от случая к случаю, ибо 74 письма вписаны в ее альбом (common-place book) в полном хронологическом беспорядке; но сами копии весьма точны и правильно датированы; они являются нашим наиболее ценным вторичным источником. Том, принадлежавший г-же Дени, ныне имеет шифр Th. V. FC.*

Подборка копий «Бомарше-Кельская» с писем Екатерины находится ныне в Национальной библиотеке (Nouv. acq. franç. 24338), а фотокопии с них — Th. V. (т. е. в собраниях Института и Музея Вольтера в Делис, — В. Л.). Они производят впечатление списанных точно с воспроизведением причуд оригинала; пропуски отмечены многоточиями, а изменения вносились путем зачеркиваний и подчеркиваний.

Когда подготавливалось Кельское издание, Екатерина затребовала на просмотр том, содержащий ее письма. Этот том сохранился, на нем следующая надпись рукой Бомарше: «Настоящий том парафированный бароном Гриммом, уполномоченным российской императрицей испросить у короля Людовика XVI замену листов по ее указанию в ее письмах к Вольтеру, и есть тот самый, который посылался в Петербург, а после того, как фразы, подлежащие изъятию, были подчеркнуты самой императрицей, вернулся сюда, где г. Монморен именем короля потребовал, чтобы все места, подчеркнутые е. в. императрицей и парафированные ее полномочным представителем (ministre) Гриммом, были бы перепечатаны (cartonnés), а замененные листы (les cartons retranchés) отправлены к императрице, которая оплатит все затраты. Она ничего не оплатила» — см. в Национальной библиотеке Fr. 12900, л. 226. В том же томе находятся переписанные письма Екатерины II, «которые были перепечатаны (cartonnées) в Кельском издании; они восстановлены в их целостности».

* О том, насколько владельческая иллюзия коллекционера в данном случае далека от истины, нетрудно убедиться по многим примерам, приводимым ниже,

Суммарное описание основного собрания переписки Екатерины II с Вольтером

В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве, ф. V, интересующие нас документы составляют д. 154, распадающееся на две части (= тома).

Первая — в новом, изготовленном не ранее конца 1956 г. синем переплете с этикеткой «Центральный Гос. Архив Древних Актов. ОФВУ. № фонда 5. ед. хр. 154 ч. 1». Внутри переплета:

1) синяя старая обложка архивного дела: «V. № 154. Дело Переписка Императрицы Екатерины II с Вольтером 1752 (!) — 1778 г. Часть 1. СПб. Государственный Архив М. И. Д.», с припиской другим почерком «Сто пятьдесят один полулист. Здесь же письма Вольтера. Двести шесть полулистов. Я. Б.» (т. е. Я. Барсков) и двумя карандашными пометками «357 л.» и «С.Х.ХIII и ХХVII» (т. е. ссылка на тома Сборника РИО);

2) лист использования документа по форме № 4 Гос. архива феодально-крепостнической эпохи (с записями о наших занятиях в феврале и мае 1956 г. и октябре 1957 г.);

3) голубая обложка с надписью тем же почерком, что и на первой обложке: «Письма Вольтера к Екатерине II. Двести шесть рукописных полулистов. Я. Б.»;

4) белая со следами разрывов обложка из бумаги конца XVIII—начала XIX в. с надписью «Lettres de Voltaire» и «Madame Gobet quai de la Megisserie № 62» и с карандашными пометками «616», «I», «21 non imprimé»;

5) на лл. 1—197 с карандашной фолиацией в верхнем правом углу, на тонкой бумаге с золотым обрезом аккуратно выполненные одной и той же писарской рукой копии 93 писем Вольтера. На многих из этих писем карандашные пометки типа «Sans date», «Imprimée dans la correspondance de Voltaire avec l'imperatrice de Russie — Edition de Kell Lettre 12e», «imprimée dans le Voltaire de Beaumarchais sous la date de 20 9bre 1770», «Пер. у Фаб. 57—58», «Без сокр. у Фаб. 40—44», или «Пер. сокр. у Фаб. 36—38, 38—40» (т. е. результаты сверки данных текстов с Кельским изданием и с русским переводом переписки из этого издания, выполненным Иваном Фабияном, см. выше, стр. 174).

Приводим в кратчайшей форме перечень состава этой подборки со ссылками на номера по изданию Бестермана и на номера в «Хронологическом обзоре» в ПВ:

л. 1 — с пометкой «sans date» — ошибочно вплетенный в начало дела последний лист копии письма от 15 I 1771 (его первые два листа занимают лл. 68—69 данного дела. Best. 15954, ПВ 320).

лл. 2—3 — другой рукой, с чернильной нумерацией XVIII в. в левом углу «78», выписка из газетной статьи о ходе войны с турками («La plupart des relations étrangères ... — ... La Russie poursuit la sienne et elle est sûre de ne pas perdre, tant que les choses

ironт comme elles vont»). (После переплетения в 1957 г. здесь же — русская рукописная реляция о ходе военных действий против турок).

л. 4 — справка: «Isaac Souchau» (и т. д.) — приложение к письму Вольтера 9 XI 1770, воспроизводимому здесь на стр. 201—202.

л. 5 — автограф письма Елизаветы, княгини Ангальт-Цербстской (матери Екатерины II), 11 IV 1752, публикуемый выше, раздел I, № 7. (Возможно, приобретен еще Екатериной вместе с другими письмами; см. также стр. 344, № 27).

лл. 6—7 — копия письма Вольтера к Екатерине II 26 V 1767 (Best. 13305, ПВ 277). Судя по сведениям в книге Ira O. Wade «The search for a new Voltaire» (Transactions of the American Philosophical Society, Philadelphia, July 1958, p. 153, Appendix), в коллекции Риччи в Парижской национальной библиотеке имеется подлинник (подписной автограф) этого письма, а не черновик, как в прочих случаях (ср. также выше, в сводке Бестермана, стр. 187).

л. 8 — копия письма Вольтера А. Р. Воронцову 31 VII 1767, опубликованного нами в ПВ, стр. 246—247, № 13 (Best. 13426).

лл. 9—10 — копия письма Вольтера к Екатерине II 15 XI 1768 (Best. 14355, ПВ 288).

лл. 11—14 — то же 26 II 1769 (Best. 14523, ПВ 290 — с крупными разночтениями).

лл. 15—16 — то же 1 IV (Best. 14592, ПВ 293).

лл. 17—20 — то же 27 V (Best. 14688, ПВ 294).

лл. 21—22 — то же 12 VIII (Best. 14833, ПВ 295).

лл. 23—24 — то же 2 IX (Best. 14880, ПВ 296).

лл. 25—26 — то же 30 X (Best. 14994, ПВ 297).

лл. 27—28 — то же 28 XI (Best. 15021, ПВ 298).

лл. 29—30 — то же 9 I 1770 (Best. 15081, с ошибочной датой 2 I; ПВ 300).

лл. 31—32 — то же 2 II (Best. 15134, ПВ 302).

лл. 33—34 — то же 10 III (Best. 15219, ПВ 303).

лл. 35—36 — то же 10 IV (Best. 15283, ПВ 304).

л. 37 — то же 14 IV (Best. 15288, ПВ 305).

лл. 38—39 — то же 18 V (Best. 15340, ПВ 306).

лл. 40—41 — то же 20 VI (Best. 15751 под 20 XI, несмотря на ПВ 307, где указано, что в датировке отчетливо «20 juin»!).

лл. 42—43 — то же 4 VII (Best. 15471, ПВ 308).

лл. 44—45 — то же 13 VII (Best. 15492, ПВ 309). См. раздел II, № 2.

лл. 46—48 — то же 20 VII (Best. 15510, ПВ 310).

лл. 49—50 — то же 11 VIII (Best. 15558, ПВ 311).

лл. 51—52 — то же 28 VIII (Best. 15598, под 29 VIII; ПВ 312; в Кельском издании и следующих за ним — правильно 28 VIII).

лл. 53—54 — то же 5 IX (Best. 15613, ПВ 313).

- л.л. 55—56 — то же 21 IX (Best. 15642, ПВ 314).
 л.л. 57—59 — то же 25 X (Best. 15703, ПВ 315).
 л.л. 60—61 — то же 6 XI (Best. 15726, ПВ 316).
 л.л. 62—63 — то же 9 XI (ПВ 317 и стр. 250, № 16) — см. раздел II, № 3 (вместе с текстом л. 4, см выше).
 л.л. 64—65 — то же 26 XI (Best. 15764, ПВ 318).
 л.л. 66—67 — то же 22 XII (Best. 15829, ПВ 319).
 л.л. 68—69 — то же 22 I 1771 (Best. 15954, ПВ 320).
 л.л. 70—71 — то же 8 II (Best. 15976 под 9 II; ПВ 321).
 л.л. 72—77 — то же 19 II (Best. 15999, ПВ 322).
 л. 78 — то же 27 II (Best. 16013, ПВ 323; опубликовано нами там же, стр. 252, № 18).
 л.л. 79—80 — под заголовком «A Sa Majesté Impériale» копия стихов «Eleve d'Apollon de Themis et de Mars ... Le grand turc et les sots éclairés et soumis», с карандашной припиской «Vers joints à la lettre du 27 fev. 1771».
 л.л. 81—82 — копия письма Вольтера к Екатерине II 12 III (Best. 16041, ПВ 324).
 л.л. 83—84 — то же 30 IV (Best. 16130, ПВ 325).
 л.л. 85—89 — то же 6 V (Best. 16139, ПВ 326).
 л.л. 90—91 — то же 15 V (Best. 16154, ПВ 327).
 л. 92 — то же 25 V (Best. 16167, ПВ 328).
 л.л. 93—95 — то же 6 VII (Best. 16243, ПВ 329).
 л.л. 96—97 — то же 10 VII (Best. 16253, ПВ 330).
 л.л. 98—99 — то же 30 VII (Best. 16274, ПВ 331).
 л.л. 100—101 — то же 7 VIII (Best. 16282, ПВ 332).
 л.л. 102—103 — то же 31 VIII (Best. 16302, ПВ 333).
 л.л. 104—105 — то же 17 IX (Best. 16327, ПВ 334).
 л.л. 106—107 — то же 2 X (Best. 16346, ПВ 335).
 л.л. 108—109 — то же 18 X (Best. 16362, ПВ 336).
 л.л. 110—111 — то же 2 XI (Best. 16383, ПВ 337).
 л.л. 112—113 — то же 12 XI (Best. 16397, ПВ 338).
 л.л. 114—115 — то же 3 XII (Best. 16442, ПВ 339).
 л.л. 116—117 — то же 10 XII (Best. 16462, ПВ 340).
 л.л. 118—120 — то же 14 I 1772 (Best. 16510, ПВ 341).
 л.л. 121—122 — то же 12 II (Best. 16547, ПВ 342).
 л.л. 122—125 — копия «Оды» (Ode), приложенная к письму 12 II.
 л.л. 126—127 — копия письма Вольтера к Екатерине II 6 III (Best. 16579, ПВ 343).
 л.л. 128—130 — то же 12 III (Best. 16587, ПВ 344).
 л.л. 131—133 — то же 29 V (Best. 16707, ПВ 346).
 л.л. 134—135 — то же 1 VIII (Best. 16785, ПВ 348).
 л. 136 — то же 17 VIII (Best. 16807, ПВ 349).
 л.л. 137—138 — то же 21 VIII (Best. 16810, ПВ 350).
 л.л. 139—140 — то же 28 VIII (Best. 16827, ПВ 351).
 л.л. 141—142 — то же 29 IX (Best. 16869/16881, ПВ 352).
 л.л. 143—145 — то же 2 XI (Best. 16930, ПВ 353).

- л. 146—147 — то же 1 XII (Best. 16993, ПВ 355).
 л. 148—149 — то же 11 XII (Best. 17012, ПВ 356).
 л. 150—151 — то же 3 I 1773 (Best. 17047, ПВ 357).
 л. 152—153 — то же 25 III (Best. 17196, ПВ 358).
 л. 154—156 — то же 20 IV (Best. 17249, ПВ 359).
 л. 157—158 — то же 10 VIII (Best. 17412, ПВ 360).
 л. 159—161 — то же 1 XI (Best. 17513, ПВ 361).
 л. 162 — то же 30 XII (Best. 17618, ПВ 362).
 л. 163—164 — то же 2 III 1774 (Best. 17729, ПВ 363).
 л. 165—166 — то же 16 V (Best. 17838, ПВ 365).
 л. 167—168 — то же 9 VIII (Best. 17961, ПВ 367).
 л. 169 — то же 29 VIII (Best. 17993, ПВ 368 и стр. 256 № 20).
 л. 170—172 — то же 6 X (Best. 18030, ПВ 369).
 л. 173—174 — то же 19 X (Best. 18048, ПВ 370).
 л. 175—176 — то же 16 XII (Best. 18130, ПВ 371).
 л. 177—178 — то же 28 VI 1775 (Best. 18407, ПВ 366: ошибочный номер и запись под 1774 г.!).
 л. 179—180 — то же 4 IX (Best. 18519, ПВ 372).
 л. 181—182 — то же 18 X (Best. 18586, ПВ 373).
 л. 183 — то же 24 I 1777 (Best. 19384, ПВ 379).
 л. 184 — «Gazette de Suisse № 14, 15 février 1777. De Berne le 13 janvier...».
 л. 185—186 — копия письма Вольтера к Екатерине II 25 VII (Best. 19588, ПВ 380).
 л. 187—188 — то же 1 VIII (Best. 19592, ПВ 381).
 л. 189 — то же 21 IX (Best. 19653, ПВ 382); см. раздел II, № 6.
 л. 190 — то же 28 X (Best. 19708, ПВ 383); там же, № 7.
 л. 191—192 — то же 5 XII (Best. 19784, ПВ 384).
 л. 193—194 — то же 16 I 1778 (Best. 19835, ПВ 385); там же, № 8.
 л. 195 — то же 30 IV (Best. 20004, ПВ 386); там же № 9.
 л. 196—197 — то же 13 V (Best. 20021, ПВ 387); там же, № 10.
 6) л. 197 об. — 206, иным мелким почерком «Mémoire historique sur l'origine et les suites de mon attachement pour l'Imperatrice Catherine II jusqu'au décès de Sa Majesté Imperiale». Начало: «Je vins pour la première fois en Russie au mois de septembre 1773 a la suite de feu Madame la landgrave de Hesse Darmstadt». Это известная записка барона Мельхиора Гримма, любопытная не в последнюю очередь саморазоблачением этого попутчика просветителей (числившегося другом Дидро и Руссо) в качестве рабелепнейшего царедворца. Интересны также детали организации сношений Екатерины II с Марией-Антуанеттой в 1792 г. Документ этот под заглавием «Историческая записка о происхождении и последствиях моей преданности императрице Екатерине II до кончины Ее Величества» опубликован А. Х. Беком в Сборнике РИО, II, ч. 1, стр. 324—348.

7) л. 207—348 — чистовые автографы писем Екатерины II к Вольтеру. Поскольку каждое из них отражено здесь в «Хроно-

логическом обзоре» (см. раздел V), а некоторые воспроизведены текстуально, нет необходимости давать их сплошной перечень и описывать отдельно каждое письмо, сопоставляя с наличием черновиков и т. п. Но общее состояние сборника писем характерно и может красноречиво подсказать будущим исследователям их текстов немало соображений по истории собирания, хранения и подготовки к изданиям. Поэтому здесь мы приводим общее описание его.

Дело открывается с новой синей обложки, внутри которой в отдельных обложках из необрезанных листов белой бумаги помещены автографы писем, сгруппированные по годам. На обложках чернилами проставлены на французском языке обозначение года, числа писем и их даты (как правило, колонкой). На самих письмах — ряд карандашных помет, обычно включающих порядковый номер листа, иногда дату, номера писем по Кельскому изданию, а изредка еще иные справки. Кроме того, на них в левом верхнем углу начальной страницы письма чернилами (другой рукой!) проставлены номера перед датами; их последовательность, а равно и момент их постановки нам пока неясны.

л. 206а — белая обложка с чернильными пометками: «1», «р<remi>re lettre de la correspondance et seule de cette année», с карандашными наверху: «Catherine», «206а» (разными почерками), внизу — «75 lettres».

л. 207 — Best. 10597.

л. 208а — обложка с надписями «Année 1763», «1ere Lettre sans date», «Retrouvée 1763» (связано с примечанием на стр. 33 в Сборнике РИО, X, о том, что этого письма «недостает»), «imprimée édition de».

л. 208б — обложка с надписью: année 1765 | trois lettres | 2 une de 1765 | 3 22 août | 5 28 novembre;

л. 209 — Best. 11781; лл. 210—211 — Best. 12008; л. 212 — Best. 12166.

л. 213а — обложка: année 1765 | deux <зачеркнуто> trois lettres | 9 juillet <зачеркнуто> | 22 août | 28 novembre;

л. 213б — обложка: année 1766 | une lettre | 7 9 juillet.

л. 214 — Best. 12550;

л. 215а — обложка: année 1767 | trois lettres | 9 9 janvier | 11 26 mars | 13 29 mars <вместо mai!>;

лл. 216—217 — Best. 12973; лл. 218—219 — Best. 13196;

л. 220 — Best. 13325;

л. 221а — обложка: année 1768 | deux <зачеркнуто> quatre lettres | Décembre <зачеркнуто> | Décembre <зачеркнуто> | 17 Décembre | 17 19 Décembre;

л. 222 — постскрипtum (второй) к Best. 14432;

л. 223 — Best. 14435; лл. 224—226 — Best. 14432;

л. 227а (с карандашной пометкой «227а» и «VI») — обложка: année 1769 | huit lettres | + 21 14 juillet | + 22 15 août | 22 sep-

tembre | 22 septembre non imprimée | 25 septembre non imprimée | 27 13 octobre non imprimée | 29 9 novembre non imprimée | 31 13 Décembre non imprimée;

лл. 228—231 — Best. 14637; лл. 232—234 — Best. 14792, лл. 235—236 — Best. 14952; лл. 237—238 — Best. 14957; л. 239 — Best. 14990; лл. 240—241 — Best. 15013; лл. 242—243 — Best. 15067;

листок без нумерации с полностью перечеркнутым текстом: année 1769 | Neuf lettres | 15 avril | 15 avril | 14 juillet | 14 juillet | 22 septembre | 25 septembre | 13 octobre | 9 novembre | 13 decembre;

л. 243а — карандашом, с карандашной пометкой «VII» — обложка: année 1770 | quinze lettres | + 33 19 janvier | 36 1 mars | 38 31 mars | 27 mai | 46 21 juillet | 47 2 août | 49 9 août | 51 18 août | 53 1 septembre | 55 10 septembre | 57 16 septembre | 59 7 octobre | 60 9 octobre | 66 4 decembre | 68 12 decembre.

Следующий лист без нумерации, со сплошь перечеркнутым перечнем тех же 15 писем, но на стадии, когда оба первых августовских письма первоначально были отнесены к апрелю и т. д. лл. 244—245 — Best. 15112; лл. 246—247 — Best. 15226; лл. 248—249 — Best. 15284; лл. 250—251 — Best. 15387; лл. 252—252а — Best. 15542; лл. 253—254 — Best. 15565; лл. 255—256 — Best. 15587; лл. 257—257а — Best. 15600; лл. 258—259 — Best. 15625; л. 260 — Best. 15643; лл. 261—262 — Best. 15652; л. 263 — Best. 15707; лл. 264—265 — Best. 15691; лл. 266—267 — Best. 15798; лл. 268—269 — Best. 15910; лл. 270—271 — Best. 15967; лл. 272—275 — Best. 16049; л. 276 — Best. 16114; лл. 277—278 — Best. 16174; лл. 279—280 — Best. 16187; лл. 281—283 — Best. 16218; лл. 284—285 — Best. 16244; лл. 286—287 — Best. 16272; лл. 288—291 — Best. 16289; лл. 292—293 — Best. 16298; лл. 294—296 — Best. 16361; лл. 297—298 — Best. 16475; лл. 299—300 — Best. 16321; лл. 301—302 — Best. 16436; лл. 303—304 — Best. 16460;

л. 304а — обложка с надписью: année 1772 | deux lettres <зачеркнуто> | 28 août <то же> | 5 decembre <то же> | dix lettres | 105 30 janvier | 109 30 mars | 110 3 avril | 112 6 juillet | 22 août — non imprimée | 116 12 septembre | 3 octobre — non imprimée | 118 17 octobre | 120 22 novembre | 5 decembre — non imprimée. лл. 305—306 — Best. 16546; лл. 307—308 — Best. 16641; лл. 309—310 — Best. 16644; л. 311 — Best. 16775; л. 312 — Best. 16815, см. раздел II, № 4; лл. 313—314 — Best. 16867; лл. 315—316 — Best. 16899; лл. 317—318 — Best. 16920; лл. 319—320 — Best. 16996;

л. 321 — письмо Екатерины II к Даламберу: «Monsieur. J'ai reçue la belle lettre ... (Moland, 48, 225, сноска);

л. 322 — письмо от 5/16 декабря 1772 г. — см. раздел II, № 5.

л. 322а — обложка с надписью: année 1773 | quatre lettres | 125 3 mars | 41 20 mai | 128 30 juin | 129 11 septembre;

л. 323 (с зачеркнутой пагинацией «118») — рукой Вольтера «imperatrice de Russie | 1773»;

лл. 324—326 — Best. 17176; лл. 327—328 — Best. 15361;
лл. 329—330 — Best. 17377; лл. 331—333 — Best. 17467;

л. 333а — обложка с надписью: année 1774 | cinque lettres |
134 7 janvier | 135 19 janvier | 137 15 mars | 139 24 août | 142
2 novembre.

лл. 334—335 — Best. 17664; лл. 336—337 — Best. 17683;
л. 338 — Best. 17770; лл. 339—340 — Best. 18001; лл. 341—342 —
Best. 18079;

л. 342а — обложка с надписью: année 1775 | deux <зачеркнуто:
trois> lettres | <зачеркнуто: 9 janvier> | 144 9 janvier | <зачеркнуто:
15 juin> | 23 juillet non imprimée;

лл. 343—344 — Best. 18185; лл. 345—346 — Best. 18466;

л. 346а — обложка с надписью: XIII <карандашом> | année
1776 | une lettre | 148 25 juin;

лл. 347—348 — Best. 19069;

л. 348а — обложка с надписью: XIV <карандашом> | année
1777 | trois lettres | 150 8 fevrier | 151 1 octobre | 152 4 decembre;

л. 348б — Deux pieces de Catherine. (С карандашной припиской:
6 f^{ts} <feuilles> dont 4 écrits); | |

л. 349 — Best. 19423; лл. 350—351 — Best. 19693; л. 352 — Best.
19796;

л. 353 — рукой Екатерины II «Anecdote pour servir a l'Histoire
du Sultan Moustapha II»;

лл. 354—355 — рукой Екатерины II «Exemple a imiter»;

л. 355а — обложка со сплошь перечеркнутой надписью:
année 1777 | onze lettres | 30 janvier | 8 fevrier | 30 mars | 3 avril |
6 juillet | 12 septembre | 1 octobre | 3 octobre | 17 octobre | 22 no-
vembre | 4 decembre.

Вторая часть архивного дела 154 (см. выше, стр. 188) снаб-
жена точно такой же этикеткой на синем переплете, сделанном не
ранее конца 1956 г.:

1) синяя старая обложка архивного дела: 1765—1777. Дру-
гими чернилами и другой рукой XX в.: «ф. V. № 154. ч. II.
Дело Переписка имп<ератрицы> Екатерины II с Вольтером.
1765—1777». Другой рукой: «Сто пятьдесят два полулиста. Я. Б.
СПб. Государственный Архив М. И. Д.». Пометки: «с о б», каран-
дашом: «152 листа», «153 л.», «С.Х. XIII и XXVII» (т. е., как
и на I части, заверки Я. Барскова и ссылка на тома Сборника
РИО);

2) лист использования документа (с тремя записями:
1936 г. — Столярова и нашими — от II 1956 и 11—18 V 1956);

3) была вложена синяя обертка с черной сургучной печатью
Азиатского департамента МИД и с надписями: «Переписка Вольтера с императрицей Екатериною II передано Государем Императором Управляющему М^{вом} а им лично директору Гос. Архива для хранения». «В Государственном Архиве получено 24 сентября 1881 г.». «Запечатанный печатью Азиатского департамента настоя-

ший пакет мною вскрыт по ходатайству Императорской Академии наук (отн. 1 апреля 1908 № 843). 2 апреля 1908. Директор С. Горяинов». (О значении этих сведений см. выше, стр. 180);

4) черновики писем Екатерины II, послужившие основой публикации в сборниках РИО; все письма носят следы подклейки с фальца, многостраничные аккуратно подклеены, частично неверно, с фолиацией в правом верхнем углу.

лл. 1—2 — «1765». *Monsieur, les deux Dissertations...* (на самом деле от 22 XII 1767, Best. 13696); лл. 3—4 — Best. 12008; лл. 5—7 — Best. 12550; л. 8 — Best. 12973, лл. 9—10 — Best. 13196; лл. 11—12 — Best. 13325; лл. 13 и 15 — Best. 14432 (с частями текста на лл. 16, 17 и 14).

Далее в дело включено 5 писем Вольтера:

1) лл. 18 и 19 — автограф письма к Екатерине II от 2 VI 1766 (Best. 12484), с нумерацией в левом углу — «2» и с карандашной пометкой в конце «Ф. V. 154 ч. II»;

2) лл. 20—21 — письмо к ней же от 24 VII 1765, рукой Ваньера, с подписью Вольтера, с нумерацией в левом углу «1» (Best. 11954*);

3) лл. 22—23 — письмо к ней же от 27 II 1767, рукой Ваньера, с подписью Вольтера, с нумерацией «4» (Best. 13097);

4) лл. 24—25 — «*Fragment d'une lettre à Sa Majesté le Roi de Prusse*», рукою писца, с пометкой Ваньера «du 31 8bre 1769 a ferney» (Best. 14992 с датой 30 октября);

5) лл. 26—27 — письмо к Екатерине II от 22 XII 1766, рукой Ваньера, с подписью Вольтера (Best. 12866).

Далее продолжают черновики писем царицы: лл. 28—29 — от 3/14 VII 1769 (Best. 14792); лл. 30—31 — от 4/15 «августа» (на самом деле апреля) 1769 г. (Best. 14637 под 26 апреля); лл. 32—33 — от 25 IX/5 X (Best. 14957); лл. 34—37 — от 29 X/9 XI и 1/12 XI (Best. 14990); лл. 38 и 39 — от 2/13 XII и 13/24 XI 1769 (Best. 15067); лл. 40 и след. — 9 писем за 1770 г., 15 — за 1771 г., 8 — за 1772 г., 4 — за 1773 г., 5 — за 1774 г., 2 — за 1775 г., 2 — за 1776 и 1 — за 1777 г. Весь материал достаточно верно и полно отражен в Сборниках РИО. Поэтому полное и детальное перечисление писем здесь может быть опущено, достаточно оговорить некоторые отдельные моменты, не самоочевидные при пользовании Сборником РИО или женевским изданием.

Так, вслед за письмом от 20/31 III 1770 впадет конец другого письма с карандашной пометкой «9 мая 1770». На письме от 2/13 XII 1770 карандашная пометка «Ф. V. 154, ч. II». Письмо, соответствующее Best. 16475, писано сангиной; имеется каллиграфическая копия с него рукой «Действительного Статского Совет-

* Между лл. 21 и 22 — карандашная пометка на закладке из обрезка траурной бумаги (1881?): «14 стр. должна быть отнесена к концу письма» (относится, очевидно, к фрагменту в Сборнике РИО, X, стр. 310).

ника Сергея Лашкарова», им же заверенная. На л. 40, на письме Best. 15067, рукой Екатерины II проставлено «13 de Novembre»; пометка « $\frac{2}{13}$ Nov.» зачеркнута и надписано «Dec.» (однако в чистовом автографе (ч. 1, л. 242) ясно выведено «13 Decembre»).

Письмо Best. 15361 (в I части дела отсутствующее на должном месте, но попавшее под 1773 г.) на лл. 47—48 не датировано, но в конце карандашная пометка «9 мая 1770», а на обороте л. 48 — чернилами «9/20 мая 1770». Письмо из Царского Села, Best. 15387 (ч. II, лл. 49—50), снабжено датой «Czarsko s \acute{e} lo le $\frac{26 \text{ mai}}{6 \text{ juin}}$ 1770». Датировка письма Best. 15625 по расчету стилей правильна (как в ч. II, л. 57) — «31 August», но эта дата проставлена не автором письма, а кем-то из секретарей или публикаторов. На письме Best. 15798 в черновике (ч. II, лл. 63—66) вначале секретарская (или архивная) пометка «Petersbourg, 2/13 X^{bre} 1770». Письмо Best. 15910 во II части отсутствует. На письме Best. 15967 в конце пометки секретаря или архивиста «в конце 1770 или начало 1771» и «StPetersbg $\frac{12}{23}$ 1771». То же на письме Best. 16049 (ч. II, лл. 69—71) — «Petersbourg $\frac{2}{14}$ mars 1771». То же на письме Best. 16114 (ч. II, лл. 76—79) — « $\frac{31 \text{ mars}}{11 \text{ avril}}$ 1771». Письмо Best. 16174 — во II части отсутствует. На письме Best. 16187 пометка « $\frac{24 \text{ mai}}{4 \text{ juin}}$ 1771» (ч. II, лл. 80—84). Письма Best. 16218, 16244 и 16272 во II части не представлены. Письмо от «22 июля/3 августа» <sic/> 1771 г. (Best. 16289) сохранилось во II части как в виде правленного черновика (лл. 87—89), так и в виде чистовой копии (лл. 85—86, 90); этот случай мог бы, возможно, помочь разобраться в том, кому из секретарей императрица была обязана стилистическими улучшениями. На лл. 92—93 — письмо на малых листках, вначале перебеленное, от 2/13 IX 1771 (Best. 16321). Датировка на письме Best. 16361 — « $\frac{6}{18}$ octobre 1771» — явно выдает в Лашкарове архивиста XIX в.* На лл. 100—101 и 102—104 — соответственно письма Best. 15741 и 16436; на л. 108, без даты и с пометкой Лашкарова «1771 à la fin de l'année», — письмо Best. 16460. На письме Best. 16641 (ч. II, лл. 112—113) — его же пометка «Le $\frac{19}{31}$ mars 1772» и т. д. Письмо Best. 16815 — во II части отсутствует (см. раздел II, № 4), письмо Best. 16899 — то же. Письмо от 5 XII 1772 вообще осталось неопубликованным (см. раздел II, № 5). Письмо Best. 17377 занимает во II части лл. 131—132, а начало его — на перебеленном листе 133, испи-

* Подобные датировки — с расхождением на 12 дней между старым и новым стилем — встретятся еще не раз, они здесь не оговариваются.

санном только с лицевой стороны, так как он был чем-то залит; здесь мы читаем вместо «Le General Baron Weissman» (как в ч. I, л. 329) «General Major Weissman». Вообще для изучения переработки черновика эти листы показательны. Письмо Best. 17467, имеющее в чистовом подлиннике дату 11 IX, во II части помещено Лашкаровым «Le $\frac{15}{26}$ Septembre 1773». Письма от 19 I 1774 (Best. 17683) во II части нет. Пояснение на стр. 55 Сборника РИО, XXVII (оно относится к письму от 23 VII 1773), называя руку, представляющую дату сверху страницы, неизвестной, раскрывает то существенное обстоятельство, что издатель «Бумаг и писем имп. Екатерины» ошибочно принимал все эти пометы Лашкарова за подлинные датировки писем.

В дополнение к этим справкам читателю полезно напомнить, что в ЦГАДА имеются и многие иные материалы, связанные с русской перепиской Вольтера. Помимо приводимых в разделе III, можно назвать следующие.

Среди «Портфелей Миллера» (ф. 199, ед. хр. 391, д. 2) имеются «Ответы на запросы Г. Волтера о состоянии Российской торговли. На 23 листах», писарский список, сильно правленный рукой Г. Ф. Миллера. Начало: «Quel a été le Commerce...», л. 10: «les provinces voisines de la Mer Caspienne»; далее на левых половинках лл. 11—16 об.: «Demandes de Mr de Voltaire». Начало: «S. On veut savoir de combien une nation s'est accrue... on n'a qu'a s'adresser la dessus au College de Guerre»; на лл. 17—25 — черновик Миллера — первоначальный набросок того, что на лл. 1—10.

В разряде XXX — «Новые дела Гос. Архива. Опись (писана Н. П. Павловым-Сильванским)» — 3 «Письма барона Мельхиора Гримма к императрице Екатерине II (поступили в 1883 г.)». В более подробной описи указано, что там же имеются письма Рейхенштейна (?) и Ваньера, в том числе о приобретении библиотеки Вольтера.

В фонде 188 — «Письма Вольтера князю Голицыну 1766—1769», в отдельных обложках подписные подлинники писем Best. 12893 (= ПВ 273), 13464, 13566 (= ПВ 281), 14483 (= ПВ 289) к Голицыну и Best. 13239 и 13253 — к Воронцову (с пометками XVIII в.: «к письму К. Голицына из Гаги 1767»).

В разряде XVII — «Науки, литература, художества и искусства», — судя по «17 описи Гос. Архива», стр. 23 об., имелись:

92. «Письмо Вольтера 1763 года»;
93. «Письмо Вольтера к имп. Екатерине II о назначении Марка Лефорте российским консулом в Марселе 1775 г.»;
94. «Письмо к князю Потемкину-Таврическому от Сальморана, с предложением рукописей Вольтера 1782 года»;
95. «Записки Ваньера о частных делах Вольтера».

К сожалению, против каждого из этих номеров рукою Горяинова карандашом повторена карандашная пометка — «Выделено 21 VIII 1915», а куда именно эти материалы, безусловно интереснейшие,* выделены, ни сотрудники Архива, ни мы сами установить не смогли.

Наконец, ЦГАДА обладает одной из частей необъятного архива Воронцовых, и хотя это и наименьшая из них, в ней тоже обнаруживаются десятки писем, связанных с темой настоящей книги. К сожалению, мы не располагали достаточным временем, чтобы изучить их де-визу, и с тем с большей готовностью рекомендуем их обследовать кому-либо из наших читателей.

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

1

1769, 22 IX/3 X

От Екатерины II

a St Petersburg: ce 22 Septembre 1769

Monsieur. Chotzin est pris et l'Armée Turque est aneantie. Ses combats du 23. du 29. d'Aout et surtout celui du 6. Septembre l'avoit considerablement diminué, ce voyant ainsi toujours battu et toujours ramené au combats elle prit la fuite de meme que la garnison de la place, et abandona trente cinq canon de fonte dans son camp. On a trouvé la place munie suffisamment de canons et d'Armes et de munitions de guerre et de bouche. Nos troupes legeres leurs ont donée la chasse, et a plus de quarante werstes de la ville il n'y a plus d'ennemis, de façon que le general me mande qu'il va envoyer des troupes a Jassi Capitale de la Moldavie. J'espere Monsieur que ses nouvelles ne vous seront point desagreables, et s'est pour cela que je me hate de vous les faire parvenir, je reprendrai dans peu a Vos deux lettre dont la derniere est du 2 de Septembre. Adieu Monsieur portés vous bien e mocquons nous de Moustapha le Victorieux. A propos j'ai entendu dire qu'on avoit defendu de vendre mon Instruction pour le Code a Constantinople et a Paris

Caterine.

Автограф. ЦГАДА, ф. 5, д. 154, ч. I, лл. 235—236.

* В частности, о Сальморане имеется ряд упоминаний в работах русских специалистов по XVIII в., последнюю их сводку см. в статье М. П. Алексеева «Книга Вольтера в библиотеке Томского университета» (сб. «Вольтер», Статьи и материалы, Л., 1947, стр. 212—214); само письмо Сальморана к Потемкину было опубликовано. Мы весьма скептически в отношении ценности тех вольтеровских материалов, которыми мог располагать Сальморан.

Санкт-Петербург, сего 22 сентября 1769

Милостивый государь, Хотин взят и турецкая армия уничтожена. Сражения 23 и 29 августа и особенно 6 сентября значительно ее поубавили, и видя, что ее все время бьют и все время принуждают к битвам, она пустилась в бегство вместе с гарнизоном крепости и бросила тридцать пять пушек в лагере. Крепость оказалась достаточно снабженной и пушками, и оружием, а также военными и пищевыми припасами. Наши легкие отряды вели преследование, и свыше чем на сорок верст от города не осталось неприятеля, так что генерал извещает меня, что собирается послать войска в Яссы, столицу Молдавии. Я надеюсь, сударь, что эти известия не будут для вас неприятными, и потому-то и спешу доставить их вам. В скором времени я отвечу на два ваших письма, последнее из коих от 2 сентября. Прощайте, сударь, будьте здоровы и станем насмехаться над Мустафой Победоносным. Кстати, мне привелось слышать, что запрещена продажа моего Наказа в Константинополе и Париже.

Екатерина.

2

1770, 13 VII

Екатерине II

a Ferney, 13 juillet 1770

Madame,

Votre Majesté Imperiale m'a bien consolé par la lettre du 27. May dont Elle a daigné m'honorer, mais au 30. May ma joie a été bien empoisonnée par toutes les mauvaises nouvelles qu'on a débitees. Je renais aujourd'hui. On debite que Vos troupes victorieuses ont pris Corinthe. Puissent-elles aller bientôt en Thessalie et en Macédoine. Ces pais montagneux ne sont gueres propres aux évolutions de mes chars, mais je leur donne rendés vous dans les plaines d'Adrianople.

On publie aussi des nouvelles fort agréables de Venise. Si cette République se déclare c'est une preuve indubitable que Vos affaires sont dans la meilleure situation. Vous aures ressuscité a la fois Venise et Grece. Aucune Cour de l'Europe ne s'attendait a ce qui est arrivé depuis que le Nonce du Pape déchaina contre Votre Majesté le Mouphti de Mahomet.

Nos petites guerres en Allemagne sont des jeux d'enfans en comparaison du grand spectacle que Vous donnés a la terre entiere. Vous interessés a la fois Rome et Pekin.

On ne savait pas auparavant s'il y avait un Brahilow dans le monde. Daignés donc prendre ce Brahilow, Madame, je Vous en con-

jure, et passes ce Danube qui coule ches les papistes, ches les protestans et ches les Circoncis.

Rendés aus pauvres Grecs leur Jupiter, leur Mars, leur Venus; ils n'ont eu de la réputation que sous ces Dieux la. Je ne sais par quelle fatalité ils ont été abrutis des qu'ils ont été chrétiens. J'espere que tout chrétiens qu'ils sont ils ranimeront leur courage sous vos drapeaux.

Si Votre Majesté ne peut pas prendre Constantinople cette année, ce qui me fache beaucoup, prenés du moins la Grece entiere, et puissiez Vous avoir une communication ouverte de Corinthe a Moscou. Cela aura tres bonne grace dans les Cartes géographiques et me consolera un peu de ne pas venir me mettre a Vos pieds sur le canal de la mer noire.

Agréés toujours, Madame, mon profond respect et mon admiration pour Votre Majesté Impériale.

Le vieil hermite de Ferney.

Копия. ЦГАДА, ф. 5, д. 154, ч. I, лл. 44—45.

[Перевод]

Ферне, 13 июля 1770

Государыня,

в. и. в. очень утешила меня письмом от 27 мая, которым она соблаговолила меня почтить, но к 30 мая радость моя была изрядно отравлена всеми дурными известиями, которые распространились. Нынче я возрождаюсь. Толкуют, что ваши победоносные войска овладели Коринфом. Да смогут они вскоре попасть в Фессалию и Македонию. Сии гористые места не пригодны для маневрирования моих колесниц, но я им назначаю встречу на равнинах под Адрианополем.

Появились также весьма приятные новости из Венеции. Если эта республика решилась выступить, то это несомненное доказательство, что ваши дела находятся в наилучшем состоянии. Так окажется, что вы одновременно воскрешаете и Венецию, и Грецию. Ни один из европейских дворов не ожидал того, что произошло с тех пор, как папский нунций спустил против вас с цепи муфтия Магометова.

Наши мелкие германские войны — детские игры в сравнении с величественным зрелищем, даваемым вами всему миру. Вы одновременно занимаете внимание Рима и Пекина.

Прежде и не знавали, есть ли вообще на свете Браилов. Так соблаговолите же, государыня, завладеть сим Браиловым, заклинаю вас, и перейдите за Дунай, текущий по землям папистов, протестантов и обрезанцев.

Верните бедным грекам их Юпитера, Марса и Венеру; они пользовались доброй славой лишь при этих богах. Не знаю, вследствие какой причины они фатально оскотинились, как только

стали христианами. Надеюсь, что хоть они и христиане, но они вновь обретут свою храбрость под вашими знаменами.

Если ваше величество не может взять Константинополя в нынешнем году, что мне весьма досадно, то заберите хотя бы всю Грецию, и пусть у вас окажется прямое сообщение от Коринфа до Москвы. Это будет весьма красиво выглядеть на географических картах и немного утешит меня в том, что я не могу припасть к вашим стопам на черноморском канале.

Примите, государыня, мое глубочайшее почтение и мое восхищение в. и. в.

Старый фернейский отшельник.

3

1770, 9 ноября

Ей же

a Ferney, 9. Novembre 1770.

Madame,

Je ne parlerai pas aujourd'hui a Votre Majesté Impériale de Moustapha et d'Ali Beg. Je suis assailli par une troupe de Genevois qui s'adressent a moi pour etre païés de l'argent que leur doit Mr. de Tschogloloff Lieutenant Colonel. Ils disent qu'il a fait un abandon de ses biens a ses créanciers. Ils demandent a y etre compris en vertu de Votre Code de Loix. Ils disent que je dois etre leur Avocat aupres de Votre Majesté. Ils ont oui dire que j'avois quelque fois l'honneur de Vous écrire et de la ils concluent que je dois Vous importuner. Ils prétendent que Votre Majesté daigne entrer dans les plus petites affaires comme dans les plus grandes; ils disent qu'ils savent tres bien que Vous rendes justice a tout le monde. Enfin ils ne m'ont pas voulu quitter que je n'aie pris une notte de leurs principales créances.

Je prends donc la liberté d'envoier cette notte qui est tres exacte. Mr. de Tschogloloff convient de cette dette. Et supposé qu'il ait du bien et qu'il paie ses créanciers, supposé encore qu'il y ait de l'argent de reste pour les genevois (Vos sujets préalablement païés) alors Votre Majesté peut ordonner d'un mot que justice soit faite a tout le monde.

Mais voici une autre affaire genevoise qui Vous prouvera, Madame, que Vous étendés Votre Empire au dela de Vos vastes Etats. Il y a six mois que la discorde est dans la petite Republique de Geneve comme dans la Perse et dans l'Inde. Les Genevois s'aviserent au mois de Fevrier d'assassiner quelques uns de leurs compatriotes. Le parti des assassinés se refugia dans ma petite terre de Ferney. Ils sont tous horlogers. Ils se sont mis a faire des montres, et je puis dire que ce sont d'excellents artistes. Ils ont un double merite, celui de bien travailler, et celui d'etre moins chers de moitié que les horlogers de Londres et de Paris. Ils viennent d'achever une montre ornee de diamants, mais

surtout du portrait de Votre Majesté Imperiale, qui m'a paru tres bien fait. Ils se sont flattés que Vous daigneriez permettre qu'ils Vous envoiasent cet ouvrage, et que meme ils pourraient Vous en fournir d'autres pour faire Vos presents au grand Visir que Vous prendres prisonnier, ou aux Dames du Sérail que Vous délivrerés ou a Sa Majesté le Roi Ali-Beg, ou a l'ambassadeur que l'Empereur de la Chine doit Vous envoyer pour Vous demander Votre amitié.

Quoiqu'il en soit, Madame, j'ai bien plus a coeur l'hommage des montres de Ferney que la liquidation des dettes de Mr de Tschoglo-koff, parceque réellement Vous auriez des montres pour la moitié de ce que les Anglais et les français les vendent, et qu'a force de battre les Turcs sur terre et sur mer il faut que Vous soiez économe autant que généreuse.

Je Vous demande pardon de la multiplicité de mes lettres; mais je Vous en écris moins que Vous ne gagnés de victoires et que Vous ne prenes de villes.

Je suis avec le plus profond respect, et l'admiration la plus constante | Madame, | de Votre Majesté Imperiale | Le treshumble, tres obéissant serviteur | et sujet par le coeur | Le vieux malade de Ferney.

Копия ЦГАДА, ф. 5, д. 154, ч. I, лл. 62—63. Там же на л. 4 — копия той справки, о которой Вольтер пишет в этом письме:

«Isaac Souchay, Marchand à Genève, répète la valeur de six cent trente Roubles, que Mr de Tschoglokokoff lui doit depuis quatre ans, comte arreté et signé.

Jean-Jacques Houser, marchand à Genève répète la valeur de quatre mille de<ux> cent cinquante Roubles, compte arreté et signé».

В письме от 4/15 декабря 1770 г. Екатерина II, как бы отвечая на данное письмо, извещает Вольтера о дурном поведении Чоглокова и предстоящем военном суде над ним. А это в свою очередь подтверждает, что напечатанный в Сборнике РИО, X, стр. 441 «список с записки графу Панину о сумасбродстве (и т. д.)» действительно должен датироваться самым началом декабря 1770 г.

[Перевод]

Ферне, 9 ноября 1770

Государыня,

я не поведу нынче с в. и. в. речи о Мустафе и Али-беге. Меня осадило полчище женевцев, обратившихся ко мне ради выплаты им денег, которые им задолжал лейтенант-полковник Чоглоков. По их словам, он уступил свое имущество кредиторам. Они просят быть включенными в число таковых в силу вашего Уложения. Они заявляют, что мне надлежит быть их защитником перед в. в. Они прослышали, что я имел несколько раз честь писать вам, из чего и заключают, будто мне следует докучать вам. В их представлении в. в. благоволит входить в самые мелочные дела наравне с са-

мыми великими, и они утверждают, что, как им отлично известно, вы воздаете каждому по справедливости. В конце концов они не согласились покинуть меня прежде, нежели я не взял на заметку их главнейшие иски.

Поэтому я беру на себя вольность отправки вам этой заметки, весьма точной. Г. Чоголков признает этот долг. А допустив, что у него имущество есть и что он разочтется с займодавцами, и допустив также, что у него найдется остаток и для женевцев (после того как будет предварительно выплачено вашим подданным), в таком случае в. в. может одним словом приказать, чтобы со всеми было поступлено по справедливости.

Но вот еще другое женевское дело, которое вам, государыня, докажет, что вы власть свою распространяете за пределы вашего обширного государства. Вот уже шесть месяцев, как в маленькой Женевской республике царят раздоры, словно в Персии или в Индии. Женевцы умудрились в феврале прикончить нескольких своих сограждан. Партия, к которой принадлежали убитые, укрылась в моем небольшом Фернейском поместье. Все они часовщики. Они принялись изготовлять часы, и я могу сказать, что они превосходные мастера. У них двойная заслуга — хорошо работают и <продают> вполтину дешевле часовщиков лондонских или парижских. Они только что закончили часы, украшенные бриллиантами, а особенно портретом в. и. в., который мне кажется очень хорошо исполненным. Они льстят себя надеждой, что вы соблаговолите разрешить им прислать это изделие и что даже они могли бы поставлять вам и другие для ваших подарков великому визирю, которого вы возьмете в плен, или же дамам сераля, которых вы освободите, или его королевскому величеству Али-бегу, или посланнику, которого китайский император должен выслать к вам, прося о вашей дружбе.

Как бы то ни было, государыня, мне более по сердцу подношение фернейских часов, нежели ликвидации долгов г. Чоголкова, ибо действительно вы бы имели часы за половину той цены, по которой их продают англичане и французы, а в силу того что вы бьете турок на суше и на море, вам следует быть столь же экономной, как и щедрой.

Я прошу у вас прощения за многочисленность моих писем, но я их пишу меньше, чем вы одерживаете побед и берете городов.

Пребываю с глубочайшим почтением и с самым постоянным восхищением, государыня, вашего и. в. покорнейший и послушнейший слуга и сердцем подданный старый фернейский больнои.

1772, 11/22 VIII

От Екатерины II

a Peterhof ce 11 d'Auguste 1772.

Monsieur, n'ayant point d'évenement bien remarquable a vous mander, j'ai crue Vous faire plaisir en Vous communiquant du moins une chose curieuse, la feuille si jointe Vous en instruira. Vous saves par les nouvelles publiques je pense l'ouverture du Congres, on nous promet la paix avant la fin de l'année mais il ni a point de certitude sur les événement avant qu'ils exçiste. Le mois de Septembre pourroit avoir les Siens; la treve est prolongée jusqu'au dix de notre stile s'est par la que le Congres a commençé. Au reste Monsieur soyez assuré que l'interet que Vous m'avez tant de fois temoigné prendre a tout ce qui me regarde est une de choses de ce monde qui me fait le plus de plaisir, portés vous bien et continués moi Votre amitié. N'ajoutés point de fois a ceux qui me disent malade, jamais je ne me portois mieux que cette année

Caterine

P. S. Nous avons cette année un Auteur anonime de Comédie Russe qui nous done des caractere nationaux les plus plaisant du monde, et il y jette du sel par poignée, nous sommes tous intrigués a connoitre cet homme la, mais il ce cache si bien que jusqu'ici personne ne le devine et que chaqu'un attribue ses pieces a quelques personnes du nombre de celles qui compose le cercle ou on ce trouve, il a debute par nous donner trois Comedies qui m'ont pensé faire mourir de rire, puis une famille extravagante, enfin dans six mois de tems il est accouche de sept ou huit Comédie qui font beaucoup de bruit et qui discredite toute les autres pieces que nous avons, il y en a entre celle la en verité de bien bonne.

Автограф. ЦГАДА, ф. 5, д. 154, ч. I, л. 312.

[Перевод]

Петергоф, сего 11 августа 1772

Милостивый государь, не имея для извещения вас событий, сильно примечательных, я сочла, что доставлю вам удовольствие, сообщив вам по крайней мере нечто забавное, прилагаемый листок объяснит, в чем дело. Я думаю, вы из газет знаете об открытии конгресса, мир обещают еще до конца года, но относительно событий не может быть уверенности ранее того, как они осуществляются. За сентябрь могут произойти свои события; перемирие продлено до десятого по нашему стилю, с этого и начался конгресс. Впрочем, сударь, будьте уверены, проявленное вами столько раз участие ко всему, что меня касается, составляет

один из предметов, доставляющих мне на сем свете наибольшее удовольствие; будьте здоровы и сохраните для меня вашу дружбу. Не придавайте веры тем, кто объявляет меня больной, никогда не чувствовала я себя лучше, нежели в нынешнем году.

Екатерина.

Р. S. У нас в нынешнем году имеется анонимный автор русской комедии, который дарит нас национальными характерами самыми презабавными, остроумие он мечет пригоршнями, все мы заинтригованы и желаем узнать этого человека, но он так хорошо скрывается, что донныне никто не догадывается и каждый приписывает его пьесы тем или иным особам из числа составляющих тот кружок, в котором находишься. Он начал с того, что дал нам три комедии, которые едва не уморили меня со смеху, затем — чудаковатое семейство, наконец, на протяжении полугодия он разродился семью или восемью комедиями, вызвавшими великий шум и опорочившими все прочие пьесы, бывшие у нас, а среди них имеются поистине весьма изрядные.

5

1772, 5/16 XII

От нее же

Monsieur voici la traduction française de deux de nos nouvelles Comedies Russes, je ne crois pas quelle soutiene la traduction, il y des finesses d'Ironie et d'Allegorie dans l'original qui ne sauroit avoir ni le meme sens ni le meme sel dans tout autre langue, c'est aussi en plus grande partie ce qui a fait la fortune ou bien la reputation de ses pieces. Je vous les envoie parceque vous avés souhaités de les voir, je souhaite quelles pussent vous amuser un instant* toujours vous temoigneront elles le desir que j'ai d'embrasser toutes les occasions qui ce presentent pour vous renouveler les assurance de mon amitié et de mon estime

Caterine.

се 5 Decembre 1772.

Автограф. ЦГАДА, ф. 5, д. 154, ч. I, л. 322, с карандашными пометками «322», «5 X^{bre} 1772» и «non imprimée» — и с чернильной — «79».

О присылке переводов двух новых русских комедий (своих) Екатерина II предупреждала в предыдущем письме к Вольтеру (Best. 16996).

[Перевод]

Милостивый государь, вот французский перевод двух наших новых русских комедий, не думаю, чтобы они выдержали перевод, в оригинале имеются иронические и аллегорические тонкости, ко-

* Далее зачеркнуто: et quelles.

торые не могут сохранить присущие им смѣсла и соль ни на каком ином языке. Это в значительной степени и составило успех и добрую репутацию этих пьес. Я их посылаю вам потому, что вы пожелали их видеть; я желаю, чтобы они могли вас позабавить на миг; как бы то ни было, они вам засвидетельствуют, как мне хочется использовать каждую возможность, представляющуюся для возобновления вам заверений в моей дружбе и моем уважении.

Екатерина.

Сего 5 декабря 1772

6

1777, 21 IX

Екатерине II

a Ferney 21. Septembre 1777.

Madame,

Il est bien dur de mourir sans avoir vu l'Auguste Catherine Seconde, ou plutot Catherine L'unique, et sans s'etre mis a Ses pieds. Tout ce que je lis concernant Votre Empire, tout ce que je vois par des hazards heureux augmente a tout moment mon admiration. Un Souverain donné a la Crimée et reconnu par le Sultan en depit de toutes ses chicanes; le commerce établi dans la mer noire, les decouvertes faites au dela du Kamtschatka entre les iles du Japon et celles de l'Amerique, tout cela forme un nouveau monde, une nouvelle gloire de Votre Majesté Impériale.

Je reçois dans ce moment une suite de médaillons depuis Rurick, jusqu'a l'immortelle Catherine. Elle est gravée en Minerve avec un casque et une cuirasse. Il n'y a point de médaille ni antique, ni nouvelle qui approche de la beauté de cet ouvrage! Il est du S' Waechter qui n'a perfectionné son art que dans Petersbourg. Votre siecle devient le siecle de toute sorte de gloire, comme celui de Louis XIV, des Médicis et d'Alexandre.

Souffrés que je me prosterne du pied des Alpes devant ce beau siecle, et devant Celle qui l'a fait naître.

Que Votre Majesté Imperiale daigne agréer le profond respect de celui qui l'annonça a la terre il y a quinze ans

Son tres humble serviteur, | admirateur et adorateur

V.

Копия. ЦГАДА, ф. 5, д. 154, ч. I, л. 189.

Ферне, 21 сентября 1777

Государыня,

очень тяжко умирать, не повидав августейшей Екатерины Второй, а вернее Екатерины Единственной, и не повергшись к ее стопам. Все, что я читаю касательно вашей империи, все, что мне по счастливому случаю удастся увидеть, ежедневно умножает мое восхищение. Государь, дарованный Крыму и признанный султаном, вопреки всем его козням, торговля, установленная на Черном море, открытия, свершенные по ту сторону Камчатки, между Японскими островами и островами Америки, — все это образует собой новый мир, новую славу в. и. в.

Я только что получил сюиту медалей от Рюрика до Бессмертной Екатерины. Она награвирована в виде Минервы в шлеме и панцире. Не существует медали, ни античной, ни новых времен, по красоте приближающейся к этой работе. Она принадлежит г. Вехтеру, лишь в Петербурге достигшему совершенства в своем искусстве. Век ваш становится веком всякого рода славы, подобно веку Людовика XIV, Медичисов и Александра.

Дозвольте мне с подножия Альп простереться перед этим прекрасным веком и перед той, что дала ему жизнь.

Да примет в. и. в. глубокое почтение того, что провозвестил ее по всей земле пятнадцать лет тому назад.

Ее всенижайший слуга, почитатель и поклонник

В.

7

1777, 28 X

Ей же

à Ferney 28. Octobre 1777.

Madame,

Si Votre Majesté Imperiale a le tems et la bonté de jeter un coup d'oeil sur les trois feuillets que je mets a Ses pieds, les deux premiers contiennent le sujet du prix de cent Louis d'or, dont je donne la moitié, pour celui que osera imiter Votre jurisprudence. Le troisieme — № 32, cite Votre Majesté come le modele de toutes les nations, et en cela l'auteur ne se trompe point.

Le Roi de Prusse en use dans ses Etats, comme Votre Majesté dans les Siens. Plusieurs Princes font le meme changement dans les loix de leur pais. Cette révolution s'étendra jusqu'a Rome et jusqu'aux pais d'inquisition. C'est un siecle nouveau qui va naitre et dont Vous aures été la Créatrice.

Je fais partir pour Petersbourg des exemplaires complets que je mets a Vos pieds. Je Vous supplie de pardonner a ma hardiesse en faveur de mes intentions. Je ne puis finir mes jours par un hommage plus pur et plus sincere que celui que je rende a Votre Majesté Impériale.

Daignés agréer, Madame, le profond respect et la reconnaissance de Votre tres humble admirateur et adorateur, le vieux malade de Ferney.

Копия. ЦГАДА, ф. 5, д. 154, ч. I, л. 190.

[Перевод]

Ферне, 28 октября 1777

Государыня,

если у в. и. в. окажется досуг и желание кинуть взгляд на три листка, повергаемые мною к ее стопам, то два первых содержат предмет премии в 100 луидоров, половину коих вношу я, назначаемой тому, кто осмелится стать подражателем ваших судебных установлений. А третий — № 32 — ставит в. в. в образец всем нациям, и в этом автор отнюдь не ошибается.

Король Прусский в своих землях поступает так же, как в. в. в своих. Многие государи производят такое же преобразование в законах своих стран. Этот переворот распространится вплоть до Рима и до стран инквизиции. Это — зарождение нового века, коего вы будете творцом.

Я отправляю в Петербург полные экземпляры, которые повергаю к вашим стопам. Умоляю простить мне мою дерзость ради моих намерений. Я не располагаю средством завершить свои дни более чистым и искренним выражением своей почтительной преданности в. и. в.

Соблаговолите, государыня, принять глубокое почтение и признательность вашего нижайшего почитателя и поклонника, старого фернейского больного.

8

1778, 16 I

Ей же

à Ferney, 16 Janvier 1778.

Madame,

Je ne scaurais rendre trop de graces à Votre Majesté Impériale, de la lettre qu'Elle a daigné m'écrire du 4. Decembre 1777.

Les exemplaires que je lui ai envoiés étant partis par les chariots, n'arrivent guères qu'au bout de trois ou quatre mois. Votre renommée va un peu plus vite que nos voitures.

Je fais travailler à force à la traduction de la partie de Vos Loix dont Vous avés daigné me favoriser; et je Vous demande la permission de la mettre à Vos pieds dès qu'elle sera achevée. Nous donnerons au commencement de l'année prochaine le prix à celui qui aura scu le mieux Vous imiter de loin, et se trainer sur les traces de Votre génie.

Tandis que nous éssaions de rendre les hommes moins méchants dans le coin de terre que nous habitons, toutes les nouvelles nous disent que les Turcs vont une seconde fois Vous forcer à les battre, et que Vous ne pourrés enfin Vous dispenser de faire Votre entrée dans Constantinople, où j'avais résolu il y a quelques années de venir faire un petit voiage pour faire ma cour à Votre double Majesté Impériale.

Je supplierai Votre Majesté de daigner me faire avertir par quel chemin je dois passer, car je suis sur que Vous les aurés tous applanis. Je Vous demande encore en grace de faire Votre conquête du Bosphore avant qu'il soit trois ans, car comme j'en ai quatrevingt quatre Vous Vous feriés conscience de me faire attendre long tems.

Ces vilains turcs qui font tant de chicanes à Vos vaisseaux de la mer noire, et qui assassinent des Hospodars de Moldavie, ont grand besoin d'être sous Vos Loix et d'étudier Votre Code.

Si dans la multitude effroiable des grandes affaires qui Vous occupent, et des peuples que Vous gouvernez, et des bienfaits que Vous repandés, Votre Majesté daigne encore penser à moi, je mourrai consolé, sans même l'avoir vue sur le thrône de Constantin.

Daignés agréer, Madame, le profond et inutile respect d'un de Vos vrais sujets, nommé le vieux malade de Ferney.

Копия. ЦГАДА, ф. 5, д. 154, ч. I, лл. 193—194.

[Перевод]

Ферне, 16 января 1778

Государыня,

не сумею чрезмерно возблагодарить в. и. в. за письмо, которым вы меня удостоили 4 декабря 1777.

Экземпляры, мною вам посланные, как отправленные грузом, не добираются ранее чем через три или четыре месяца. Ваша слава движется побыстрее наших повозок.

Я заставляю крепко работать над переводом части ваших законов, которыми вы соблагволили меня облагодетельствовать, и прошу у вас разрешения повергнуть его к вашим стопам, лишь только он будет закончен. В начале будущего года мы выдадим премию тому, кто сумеет лучше всего подражать вам издалика и пробраться по следу, проложенному вашим гением.

Пока мы пытаемся сделать людей менее злобными в том уголке земли, где сами проживаем, все слухи утверждают, что турки собираются вторично вынуждать вас поколотить их и что наконец-то

вы уже не сможете уклониться от того, чтобы совершить свое вступление в Константинополь, куда несколько лет тому назад я решился свершить небольшую поездку, чтобы прибыть на поклон вашему дважды императорскому величеству.

Я бы ходатайствовал перед в. в., чтобы вы соблаговолили дать мне знать, какой дорогой мне ехать, ибо убежден, что вы все их выровняете. Умоляю вас также осуществить завоевание Босфора раньше, чем пройдет три года, ибо, раз мне восемьдесят четыре, вам будет совестно заставлять меня долго ждать.

Эти подлые турки, которые доставляют столько дряг вашим судам на Черном море и убивают молдавских господарей, весьма нуждаются в том, чтобы оказаться под властью ваших законов и изучать ваше Уложение.

Ежели среди ужасающего множества великих дел, вас занимающих, и народов, вами управляемых, и благодеяний, вами распространяемых, в. в. еще соизволит подумать обо мне, я умру утешенный, даже не увидев вас на престоле Константина.

Соблаговолите, государыня, принять глубокое и бесполезное почтение одного из ваших подлинных подданных, именуемого старым фернейским больным.

9

1778, 30 IV

Ей же

à Paris le 30 avril 1778

Madame,

Les bontés de Votre Majesté Imperiale mettent le comble a celles de tout Paris. Je n'y ai plus trouvé des Welches, je n'y ai vu que sept cent mille français aimables qui portent au ciel Le Nom de Votre Majesté.

La traduction française de Vos Loix imprimées en allemand est faite depuis longtems; j'espere l'envoier et la mettre aux pieds de Votre Altesse Impériale des que je serai de retour dans mes rochers helvétiques et dans mes glaces que j'ai mises sous la protection des Votres, En verité il n'y a pas une grande différence entre notre climat de Paris et celui des Alpes. Les meilleurs pais sont ceux qui sont le mieux gouvernés. Petersbourg pourrait bien l'emporter sur Rome.

Je supplie Votre Majesté de conserver a un vieillard qui tient a peine a la vie la bonté qui fait ma premiere consolation.

V.

Копия. ЦГАДА, ф. 5, д. 154, ч. I, л. 195.

Париж, 30 апреля 1778

Государыня,

милости вашего императорского величества довершают тако-
вые, оказанные мне всем Парижем. Я не застал тут более невежд,
я узрел лишь семьсот тысяч французов, любезных и превознося-
щих до небес имя вашего величества.

Французский перевод ваших законов, напечатанных по-не-
мецки, готов уже давно; я надеюсь выслать его и повергнуть
к стопам в. и. в., лишь только вернусь к своим гельветическим
скалам и к своим льдам, поставленным мною под покровительство
ваших льдов. Поистине невелика разница между нашим париж-
ским климатом и климатом Альп. Наилучшими из краев яв-
ляются те, которые лучше всего управляемы. Петербург вполне
мог бы одержать верх над Римом.

Умоляю ваше величество сохранить за старцем, едва уже
живым, доброе отношение, составляющее мое первейшее утешение.

В.

10

1778, 13 V

Ей же

Paris le 13. May 1778

Madame,

La traduction française de la traduction allemande de Vos Loix qui
devraient être universelles est faite il y a long tems. Elle doit être
actuellement imprimée à Geneve mais je n'en ai point encore de nouvel-
les. Ma transplantation dans la bonne ville de Paris et une maladie
cruelle qui menace le reste de mes jours à l'âge de quatre-vingt quatre
ans me met hors d'état d'en informer Votre Majesté Impériale. Si je
rechape j'aurai l'honneur de Vous en rendre un meilleur compte.

Je fais mon examen de conscience devant Votre Majesté, avant
d'aller paraître devant Dieu. Je me souviens du malheur de Vous avoir
adressé trois personnes dont Votre Majesté n'a pas eu grand sujet
d'être contente.

Le premier était un géant qui a dit-on fraudé Vos douanes.
Le second était un officier entendant fort bien le génie, mais il s'est
fait turc. Le troisième, fils d'un Baron allemand, est, à ce qu'on dit, un
ivrogne.

Pour faire pénitence de ces trois péchés permis moi de Vous
parler d'un bon et brave suisse nommé Ribaupierre Major dans le
Régiment de Neprovskij actuellement à Votre service en Crimée. On
dit que celui là repare les sottises des trois autres. Que c'est un excel-
lent officier très appliqué et très sage. C'est une consolation pour moi

que du moins un de ceux auxquels je me suis intéressé soit digne d'être a Votre service.

Je souhaite que Votre Majesté soit bientôt en pleine possession de ce Roiaume de Thoas et d'Iphigenie si fameux autrefois dans la grece et si abruti par le gouvernement turc. Vous le débarbariserés.

J'ai vu l'écritoire qu'on a faite a Paris pour Votre Majesté Impériale. C'est assurément la plus belle écritoire qui soit dans le monde; elle vaut quatre mille Roubles de Russie ou quatre mille écus Romains, ou quatre mille laels de la Chine; mais elle ne vaut pas l'écritoire avec laquelle Vous avés écrit Vos Loix pendant la paix et Vos ordres a Vos généraux pendant la guerre.

J'ignore avec quelle écritoire Votre voisin l'Empereur de la Chine Kienlong a écrit son beau poeme de Moukden dans lequel il assure ses peuples qu'il a une vierge pour ayeule. C'est une chose qui n'est pas rare, mais ce qui l'est beaucoup, c'est qu'il y ait une Héroïne sur les bords de la Neva qui éclipse les Héros de la Grece et de Rome.

Que Votre Majesté Impériale pardonne au bavardage de Votre ancien serviteur de Ferney qui pourtant ne radote pas quand il parle de Son Héroïne. V. . . .

Копия. ЦГАДА, ф. 5, д. 154, ч. II, лл. 196—197.

[Перевод]

Париж, 13 мая 1778

Государыня,

французский перевод с немецкого перевода ваших законов (коим бы следовало быть всемирными) закончен давно. Он должен быть уже отпечатан в Женеве, но у меня нет еще об этом сведений. Моя пересадка в почву славного града Парижского и жестокая болезнь, нависшая над остатком моих дней в возрасте восьмидесяти четырех лет, лишают меня возможности доставить вам эти сведения. Ежели я выкарабкаюсь, то буду иметь честь дать вам более исправный отчет.

Предаюсь суду своей совести перед вами прежде, чем отправлюсь предстать перед господом. Мне приходит на память злощастное направление к вам трех особ, коими в. в. отнюдь не имели оснований быть довольной.

Первым был некий великан, который, как говорят, наплутовал в ваших таможах. Второй был офицером, весьма искусным в инженерном деле, да только он потурчился. Третий, сын немецкого барона, оказывается, как слышно, пьяницей.

Во искупление этих трех грехов разрешите мне повести речь об одном бравом и добропорядочном швейцарце по имени Рибопьер, майоре в Днепровском полку, ныне состоящем на вашей службе в Крыму. Говорят, этот заглаживает провинности тех троих. И что он отличный офицер, весьма усердный и благоразумный.

Для меня утешение, что хоть один из тех, к коим я проявлял участие, оказался достойным пребывать на вашей службе.

Моим желанием является, чтобы в. в. вскоре оказались в полном обладании царством Фоанта и Ифигении, некогда столь прославленном в Греции и столь оскотиненном правлением турок. Вы его вновь выведете из варварства.

Я видел письменный прибор, изготовленный в Париже для в. и. в. Несомненно, это самый великолепный из таких приборов на всем свете, стоит он четыре тысячи русских рублей, или четыре тысячи римских скуди, или четыре тысячи китайских тазлей; но все же он не стоит того, которым вы пользовались при написании ваших законов в мирное время и приказов вашим полководцам в течение войны.

Мне неведомо, при помощи какого письменного прибора сосед ваш, китайский император Кеньлунь, написал свою чудесную поэму о Мукдене, в которой заверяет свои народы в том, что прабабкой его была девственница. Это дело нередкое; но что весьма редко, так это чтобы на берегах Невы была героиня, затмевающая героев Греции и Рима.

Да простит в. и. в. болтовню вашего старинного фернейского слуги, впрочем, не завирающего, когда речь ведет о своей героине. В. . .

Из петербургских откликов

В отечественной литературе учтено множество свидетельств прижизненной популярности Вольтера в России, разностороннего интереса к нему со стороны русских его современников, вплоть до характерных в своей разноречивости откликов на его кончину.* Однако источники по этому вопросу охвачены далеко не полно. Не использованные донныне тексты могут обогатить исследования, способны многое дорисовать, обнаруживая как бóльшую интенсивность и разносторонность, так подчас и противоречивость взаимоотношенности французских и русских современников Вольтера и энциклопедистов.

Приводимые далее материалы намечают несколько новых углов зрения, под которыми красноречиво очерчиваются петербургские друзья и недруги Вольтера. Все примеры теснейше связаны с перепиской Вольтера и с восприятием его личности русскими читателями.

Первыми мы приводим несколько кратчайших выдержек из одной частной переписки 1753 г. (с вполне архаичной графикой и орфографией).

«Во все нынешнее лето, как переехал жить в загородный дом... сижу в камерах, пробавляя мое время чтанием дикционера Бееля за неимением новопривозных книг...», — так пишет М. Л. Воронцову 8 июля Исаак Веселовский.** О приобретении, пересылке или возврате книг он сообщает еще не раз: 24 мая, 6 и 27 сентября, 25 октября, а тема новейшей французской литературы пронизывает эту деловую корреспонденцию столь настойчиво, что заслуживает специального изучения. Пока же хочется отменить два обстоятельства (наряду с самой обширностью круга французского чтения обоих корреспондентов). Во-первых, злободневную свежесть осведомленности. При том же письме 8 июля Веселовский по прочтении возвращает «Диатрибу доктора Акакии», выпущенную в свет в конце 1752 г. и, очевидно, успевшую попасть в руки Воронцова ранее майского письма Веселовского. «По нынешним газетам Вольтер во Франкфурте арестован», — сообщается далее 8 июля; даже с поправкой на разницу в стиле

* П. Н. Берков. Из русских откликов на смерть Вольтера. Сб. «Вольтер». Статьи и материалы под ред. М. П. Алексева, Л., 1947, стр. 197—201.

** См. ниже, стр. 220.

разрыв во времени невелик: Вольтер был схвачен сразу по приезде, 31 мая. 20 сентября Воронцов послал Веселовскому «Добавление к Веку Людовика XIV», а уже 27-го, через неделю, книга возвращается ему прочитанной.

Во-вторых, примечательна позиция (идеологические симпатии) участников этой переписки. Своему патрону, видному сановнику, одному из столпов елизаветинской администрации, а затем и дипломатии, крупному родовитому помещику, его доверенный помощник, сам принадлежащий уже к высшим ступеням чиновной иерархии и отнюдь не худородный, шлет письма чисто делового характера. Однако мимоходом бросаемые Веселовским замечания не свидетельствуют ли о большом — как бы уже подразумеваемом — единомыслии и сходстве вкусов корреспондентов и, более того, об их обоюдной солидарности с писателями-философами?

«Бомелю ... за его критику досталось. Из всего можно видеть, что воспоследованная от короля прусского над Волтером безобразная немилость не по причине споров Мопертуи с Кенигом, но надобно быть иных каких ... непотребных сплетней...» (27 сентября). Об аресте Вольтера Веселовский замечает: «Вот еще новая, но неравная война, у одного руки гораздо длиннее другого», и пишет, что и следует ожидать хотя бы посмертного появления «второго тома такой же истории», т. е. памфлета Вольтера, однако уже «противу протектора господина Мопертуи» (т. е. Фридриха II). Вряд ли основа этих суждений исчерпывается антипрускими настроениями. Наконец, как выразительно по форме и знаменательно по существу то, что Веселовский пишет 25 октября 1773 г. о первом «Рассуждении», которое за три года до того принесло впервые известность Руссо.* Эпизод, к которому относится печатаемая второй выписка, хорошо известен, так как само письмо Вольтера от 3 января 1773 г., вошедшее еще в Кельское издание (№ 73) и сохранившееся в двух копиях (Архива АН СССР и ЦГАДА), дважды было предметом русских публикаций (в Сборнике Московского главного архива Министерства иностранных дел, VI, стр. 465 и в Сборнике РИО, XIII, стр. 307). Оно затем вошло в издание Молана (Mol., 8723), причем всегда издавалось без четырех первых абзацев, впервые восстановленных в ПВ (стр. 386, № 357).

Интерес издаваемого сейчас текста не в факте протекции, оказываемой (достаточно развязно) Вольтером, и не в отклонении Академией наук новой и незнакомой ей кандидатуры в ее «общники». Он заключается в ином. Анонимный автор текста хочет избавить Академию от риска стать посмешищем для всех, и прежде всего для самого Вольтера, в случае столь некритического подхода к пополнению своего состава и патриотически негодует на

* Из пометки на письме видно, что на него было отвечено 4 ноября с возвратом книги (Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 2, № 299, л. 9).

иноземца, неспособного понять, что «Петербургская академия с первоначального своего образования составлена была из ученых самых знаменитейших и обходившихся без советов от просвещенных иностранцев». Однако при всей силе аргументации и всей патриотичности негодования в каждой строке этого комментария к докладываемому письму сквозит нечто большее и иное, нежели насмешка академического мужа над легкомысленным писателем-пустословом.

Как-никак на заседании речь велась о письме, пересланном в Академию императрицей (пусть даже давшей понять, что она его не одобряет), а в 1773 г. никто из участников чрезвычайного собрания Академии наук не был в неведении о том, что собой представляет Вольтер и в сколь оживленной переписке состоит с ним русская царица. Возможно, они рассчитывали на то, что не только их суждение не станет достоянием гласности, но что и Екатерина II не узнает, в каком тоне они трактуют ее корреспондента... И все же перед нами не отклонение несерьезного проекта, а откровенно издевательское зубоскальство, злорадное и пренебрежительное: «какое нам дело знать...», «очевидно, этим Вольтер намеревался сказать нечто остроумное», «Г-на Вольтера лихорадит... он заговаривается», «шутовская рекомендация», и в завершение всего справка о том, что Вольтер был уже раз вычеркнут из списка иностранных корреспондентов по особому указу Елизаветы Петровны.

Тут слышатся уже не патриотизм и не голос кастовой науки, но неприязнь и коренное неприятие, идеологическая несовместимость. Это не обида Ломоносова за недооценку русской допетровской цивилизации, но и не просто одиозность богохульника-француза для благочестивых немецких педантов.

Запись Миллера доносит до нас своеобразный отклик на растущее влияние Вольтера. Его можно понять только при учете определенной струи общественной мысли, которую — вразрез с настроениями лучших русских умов — характеризовала направленность антипросветительская. Был ли то субъективный прорыв желчи, зондирование атмосферы или сознательная демонстрация, судить по этому единичному примеру трудно.* Но поскольку такого рода оппозиция Вольтеру (видимо, недурно оркестрован-

* Для суждения об этом важно установить, через кого именно дошел к Миллеру в Москву этот текст (Штелин? И.-А. Эйлер?). На реакции академиков могли сказаться и упоминания о Полянском, опущенные в оглашенной выдержке из письма Вольтера, но, возможно, им небезызвестные. Протокол январского (чрезвычайного) собрания конференции был составлен тогдашним ее секретарем — Иоганном-Альбертом Эйлером-младшим (ср.: Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г., т. III, СПб., 1900, стр. 79—80). Колоритна и пометка на списке публикуемого здесь текста, сохранившаяся в Архиве Академии наук (ф. 21, оп. 1, № 42): «Unverschämtheit des Hr. Voltaire».

ная) до сих пор в расчет не принималась, отметить самый факт небесполезно.

Единичен ли этот факт?

Частичным ответом на этот вопрос является текст, печатаемый третьим. Как и предыдущий, он анонимен и переписан рукой Миллера. По содержанию он датируется довольно точно весной 1763 г., т. е. как бы на полпути между двумя эпизодами, только что рассмотренными.

Тут уже не просто реакция, дружественная или враждебная, но вызванная извне: слухами о Вольтере, его собственным обращением и т. п. На сей раз перед нами развернутый, отточенный и насыщенный ядом памфлет, безусловно рассчитанный на гласность. Если комментатор письма Вольтера к Екатерине II от 3 января 1773 г. лишь не упустил случая для антивольтеровской демонстрации в кругу коллег, то автору данного текста полностью принадлежит наступательная инициатива (даже в том случае, если — в чем пока разобраться трудно — он был лишь исполнителем чьего-то замысла или просто заказа).

Он использует ставшее предметом широкой гласности — и расчитанное на гласность — письмо Вольтера к Даламберу от 4 февраля 1763 г.,* в котором Вольтер провозглашал союз философии с северными державами и восторгался письмом Екатерины II к Даламберу, притом с оговоркой, что Аристотель имел честь принять предложение стать воспитателем наследника престола, а Даламбер прославился, отказавшись от такового. В качестве повода привлечено явно ходившее по рукам в Петербурге письмо Вольтера к некоему якобы неведомому «великану», т. е. к Франсуа-Пьеру Пикте.** К этому письму Вольтер прилагал точный текст своего письма к Даламберу (под предлогом того, что адресату могут попасться циркулирующие неисправные копии). Разбирая то и другое буквально слово за словом (манера «*glossa continua*», т. е. непрерывного подстрочного комментария, совершенно та же, что и в приводившемся выше случае), автор «письма к г.***» с негодованием отвергает возможность приписать эти якобы литературно-беспомощные и пошлые, убогие мыслью письма Вольтеру. Он стремится убедить своего русского адресата в том, что кто-то пытался-де одурачить петербургское общество грубой и бездарной подделкой.

* Это письмо дважды было напечатано в течение первого же года, вновь издано в 1766 г. и т. д. Характерно и очень большое число сохранившихся списков, включая и копию с той копии, которую Вольтер выслал в Петербург Франсуа-Пьеру Пикте (Best. 10167, прим.).

** Best. 10219, датируемое «около 20 февраля» 1763 г. Мы в свое время обрисовали реальную роль Пикте в Петербурге в 1762—1763 гг. (Сб. «Вольтер», 1947 г., стр. 185—196); ее не следует преувеличивать, но нельзя себе представить причастного к литературе члена французской колонии в Петербурге того времени, который бы не знал о его существовании и его «конкниси с г. Волтером».

Прием этот не нов, но нужно признать, что он применен с ловкостью. Текст памфлета настолько длинен, что полезно предварительно объяснить его. Сперва говорится о мотивировке, компетентности и беспристрастии автора, о его желании оказать услугу адресату, вступить за французский язык и уберечь Россию от порчи вкуса и от помех просвещению, насаждаемому с трона; затем дан подстрочный разбор письма к «великану» и письма Даламберу. Подчеркнем, что текст очень последователен и продуман, слог выбран легкий, дружески доверительный, а потому особенно бесцеремонный по отношению к неведомому автору подложных писем (т. е. на самом деле по отношению к Вольтеру). Разбор, впрочем, ведется не столько по существу, сколько с точки зрения школьных норм стилистики и под углом зрения придворной почтительности, и все это уснащено и цитатами из Буало, и шуточными сравнениями. В итоге же крайне сомнительной становится и фигура (якобы неизвестного автору памфлета) «великана» — адресата Вольтера; по меньшей мере предельно неряшливым предстает стиль автора письма (якобы вымышленного) к Даламберу; личность же его — воплощенная непочтительность к русскому престолу и к мнению русских людей и, наконец, мысли его письма — не более как пустая словесная игра.

Памфлет мог быть написан только французом, к тому же искусственным в стилистике,* и не просто школьным педантом, но непременно человеком, при всем своем знакомстве с литературой и литераторами глубоко чуждым и прямо враждебным лагерю просветителей. Как усердно он ни маскируется, следующая тирада выдает всю его благонамеренность охранителя устоев: «Сколько глупостей в этой первой фразе! Эти педанты, которые во Франции обрушились не на философию, а на дерзких людей, уклоняющихся от любого правила, от общепринятых положений, не признающих ни единого принципа, вечных критиков и опасных пирронийцев, — эти педанты, которые на них обрушились, — никто иные как Двор, Парламент и Клир, самый ученый в мире; а само высокое имя философа, что означает оно в устах нашего резонера? Ясно вижу, что он не знает о всем презрении, которое с ним связали те, кто возжелали им украсить, не знает, что это имя стало всеобщим достоянием, как, скажем, имя «друг», и что каждый рабочий, сапожник, не напивающийся на неделе и работающий по понедельникам, а по воскресеньям не отправляющийся в Порше-

* По мнению П. Н. Беркова, его следует искать среди преподавателей Шляхетного корпуса, вероятно, в лице Николая-Габриеля Леклерка (1726—1798) или, быть может, Пьера-Шарля Левека (1736—1812). Это представляется заманчивым, однако нуждается в добавочном обосновании: второй из них преподавал литературу в корпусе лишь с 1773 г., а в биографии Леклерка тоже хронологически не получается соответствия для весны 1763 г. как момента написания данного памфлета. Кандидатура кавалера де Люси (барона Чуди), нередко выдвигаемая, полностью отпадает: его не было в это время в России.

рон, претендует на это звание и готов оспаривать его у Диогена. Господа де Вольтер и Даламбер несомненно заслуживают звания великих гениев, но они никогда не давали нагло друг другу звания философа».

Почему памфлет не получил широкой огласки, не был напечатан, не упоминается даже вскользь в известной нам переписке современников, все еще подлежит выяснению. Несомненно, однако, что опубликование его текста поможет освещению обстановки идеологической борьбы в Петербурге в начале правления Екатерины II: сама заготовка подобного оружия противниками энциклопедистов говорит о накале конфликта, а факт двойной маскировки намерений в свою очередь показателен — с открытым забралом выступать против духа времени было, видимо, невозможно или неудобно.

Ныне подлинность обоих писем Вольтера не вызывает ни малейшего сомнения.* Но в 1763 г. число его опубликованных писем было относительно невелико, и это облегчило задачу автору памфлета, позволив ему утверждать, что так-де писать Вольтер не мог (на самом же деле в письмах сплошь характернейшие обороты вольтеровской эпистолярной манеры). Но о добросовестном заблуждении все же говорить не приходится. О том, что в Петербург именно сам Вольтер прислал достоверную копию своего письма Даламберу, автор памфлета не мог не знать (а явная для него подделка не заслуживала бы не только всего его пыла, но и опровержения вообще: корень зла был именно в вольтеровской, «вольтерианской», природе прибывшего в Петербург из Ферне письма).

Четвертой мы помещаем справку о документах, касающихся петербургских лет Ф.-П. Пикте, сыгравшего существенную роль в завязывании переписки русской царицы с Вольтером.

Наконец, пятой читатель найдет подборку данных о круге лиц, которым в известной мере обязано своим появлением первое русское издание перевода этой переписки.

Из писем М. А. Воронцову от Исаака Веселовского

(Из С.-Петербурга 24 мая 1753)

... Книгъ французскихъ для продажи, ни въ Академической книжной лавке, ни у переплетчиковъ въ новѣ по сей порѣ въ привозе нѣтъ, но по уставленному уже отъ нихъ обыкновенію, на послѣднихъ осеннихъ корабляхъ надобно ожидать. А между тѣмъ имѣю честь вашему Сіятельству прошлагодской покупки въложенные присемъ два тома представить. . .

* Оба они обоснованно включены в издание Бестермана.

(Из С.-Петербурга 8 июля 1753)

... С покорною благодарностию возвращаю вашему Сиятельству *Histoire du Docteur Akakia*: господи́нъ президентъ Мопертуи столко въ ней разруганъ съ его впечатъ изданнымъ мнѣніемъ, что ужъ не чаю возможили болѣ сего ково разругать, і показать на свѣтъ сколь велика ево капацита, да сколкобъ онъ ни старался, то ужъ трудно, а почти і невозможно послѣ такова посмѣшища какое фаворабелное мнѣніе о немъ имѣть. По нынешнимъ газетамъ Волтеръ въ Франкфурте арестованъ, вотъ еще новая, но неравная война, у одного руки гораздо длиннѣе другога, толко надобно будетъ ожидать, что ежели не ныне при жизни Волтера, то по крайней мѣрѣ послѣ его смерти втораго тома такой же исторіи противу протектора господина Мопертуи, гдѣ можетъ быть такіе Анекдоты будемъ читать, которые бѣ остались вовсе, свѣту безивѣстны. . .

Во все нынешное лѣто, какъ і переѣхалъ жить въ загородной домъ . . . сижу въ камерахъ, пробавляя мое время читаниемъ дикціонера Бееля, за неимѣніемъ новопривозныхъ книгъ, о которыхъ съ самой весны непрестанно твердятъ, что будутъ на первыхъ корабляхъ, хотя число оныхъ в здѣшнемъ порте простирается уже блиско двухъ сотъ.

(Из С.-Петербурга, 6 сентября 1753)

... Въ нынешной привозъ книгъ черезъ переплетчиковъ по моей имъ данной запискѣ, самую малую часть получилъ, и то такіе, которые много времени требуютъ къ прочитанію а імянно історию людвика XIII описанную Авторомъ *Le Vassor* состоящую въ 12 томахъ. *Essais de Michel Seigneur de Montaigne* въ 4^{xv} томахъ. *Lettres, et negociations de Walsingham secretaire d'Etat sous Elisabeth Reine d'Angleterre*, а протчіе къ прочитанію і труда не стоятъ, ізъ вышеозначенныхъ которые вашему Сиятельству угодны, буду ожидать вашего повеления. . .

(Из С.-Петербурга, 27 сентября 1753)

При вашего Сиятельства милостивомъ письмѣ отъ 20 сего мѣсяца присланной ко мнѣ *Suplement au Siecle de Louis XIV* по прочтению онаго с покорною благодарностию къ вашему Сиятельству при семъ возвращаю.

Бомелю на его долю, за его критику дополно досталось ізъ всего можно видѣть что воспоследованная от короля прусскаго надъ Волтеромъ безобразная немилость, не по причине споровъ Мопертуи съ Кенигомъ, но надобно быть иныхъ какихъ, еще за-

крытыхъ непотребныхъ сплетней въ которыхъ знатно помянутой Бомель стоварищи, немалое имѣлъ участие, кои уже і начинаются что далѣе, то болѣе наружу выходить. . .

(Из С.-Петербурга, 25 октября 1753)

На прошедшей почте обѣщала я, вашему Сиятельству услужить новою книгою, бывшею тогда еще невпереплете, нынѣ имѣю честь для одного толко любопытства оную присемъ вамъ Милостивому Государю моему адресовать, въ которой изволите найти женевскаго гражданина М^r Rousseau правда новое о наукахъ і художествахъ мнѣние, і совѣмъ парадоксъ, однако уважая роуг и contre, не безъ труда на которую сторону почитать перевѣсъ, присовокупя при томъ же покорное мое прошение, дабы ваше Сиятельство соизволили приказать, по прочтеніи оной, неудержавъ обратно комнѣ прислать, ібо напередъ вѣдаю, что оная не всемъ, не всякому читателю по нраву будетъ. . .

Автографы. Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 2, № 299, лл. 2—7, 9.

Выписка из письма Вольтера к императрице Екатерине с примечаниями

Extrait d'une lettre de M. de Voltaire
à Sa Majesté l'Imperatrice de Russie

Ma Philosophie pacifique prend la liberté de présenter à Votre Majesté Impériale une consultation. Sous Pierre le Grand Votre Académie demandoit des lumières, et on a recours aux siennes sous Catherine la Grande.

C'est un ingenieur un peu Suisse comme moi, qui cherche à prevenir les ravages que font continuellement les eaux dans les Alpes. Il a jugé que Vous vous connaissez encore mieux en glace que nous. Il est vrai pourtant qu'avec notre 46 degré et la douceur inouie de notre présent hyver, nous éprouvons des froids aussi cruels que les Votres. J'ai imaginé de faire passer cette consultation par Vos très belles mains, dont on m'a tant parlé, et que mon extreme jeunesse et mon respect me defendent de baiser.

Cet Ingenieur nommé Aubri, mourra d'ailleurs de jaunisse s'il n'est pas associé à l'Académie; j'ai l'honneur d'en être depuis longtems. De qui implorerai je la Protection si ce n'est de notre Souveraine.

Au sujet de cette lettre il fut tenu à l'Academie une assemblée extraordinaire le 30 janvier 1773. M. Aubri ne fut pas associé, et le Secretaire de l'Academie fit sur cette lettre les remarques suivantes.

Ma Philosophie pacifique. Ce sont des mots vuides qui n'ont pas le moindre rapport avec le contenu de toute la lettre. Qu'importe ici que la Philosophie soit pacifique ou qu'elle ne le soit pas?

Sous Pierre le Grand, etc. Ceci est absolument faux. l'Academie de Petersbourg a été depuis son premier origine composée des savans les plus illustres qui se sont bien passé des lumieres des étrangers. Remarquons encore que ce ne fut pas sous le regne de Pierre le Grand mais sous celui de Catherine Ire que cette Academie a été* établie.

C'est un Ingenieur un peu Suisse. Que nous importe-t-il encore de savoir ici que M. Aubri est un peu Suisse. Ce ne sont que des mots qui tout au plus sont bons pour étoffer la Phrase.

Il a jugé que Vous Vous connaissez mieux en glace que nous. M. Voltaire a sans doute voulu dire ici quelque chose de bien spirituel

Il est vrai pourtant etc. tout ce passage contient une contradiction ouverte: éprouver des froids cruels dans un hyver d'une douceur inouïe. C'est avoir froid dans une chambre bien chauffée. M. Voltaire a sans doute la fièvre.

J'ai imaginé de faire passer etc. Nous avons conclu du passage que M. de Voltaire a la fièvre. Ne pourroit on pas conclure de celui ci qu'il radotte.

Il mourra d'ailleurs de jaunisse etc. Quelle perte ne seroit ce pas pour la France! Mais j'ai peur que M. de Voltaire ne creve de rire si l'Academie sur sa recommandation burlesque alloit s'associer un inconnu tel qu'est** le Sr Aubri.

J'ai l'honneur d'en être depuis longtems. Il pourroit ajouter qu'il a l'honneur pour la seconde fois: car du tems de l'Imperatrice Elisabeth il a été rayé par ordre exprès de la liste des Associés étrangers.

ЦГАДА, ф. 199, картон 421 (портфели Миллера), № 11. Почерком Миллера.

[Перевод]

Выписка из письма г. де Вольтера
к е. и. в. российской императрице

Моя миролюбивая философия позволяет себе вольность обратиться к в. и. в. за консультацией. При Петре Великом ваша академия искала советов, а при Екатерине Великой прибегают к ее собственным советам.

Дело касается одного инженера, подобно мне, слегка швейцарца, который ищет средств предотвратить опустошения, постоянно причиняемые в Альпах водами. Он рассудил, что вы еще лучше нашего разбираетесь во льдах. Впрочем, достоверно, что,

* Далее зачеркнуто: *instituée.*

** Далее зачеркнуто: *M.*

несмотря на 46-й градус широты и на неслыханную мягкость нынешней зимы, мы подвержены холодам, столь же суровым, как и ваши. Я надумал провести этот запрос через ваши столь прекрасные руки, о коих мне столько говорили и облобызывать которые мне возбуждают моя крайняя юность и моя почтительность.

Этот инженер по имени Обри, кстати, помрет от разлития желчи, если не станет корреспондентом Академии; я имею честь быть в ее составе уже давно. У кого стал бы я спрашивать покровительства, как не у нашей государыни?

По поводу этого письма состоялось чрезвычайное собрание в Академии 30 января 1773 г. Г. Обри не был принят, а Секретарь Академии сделал по поводу этого письма следующие замечания.

Моя миролюбивая философия. Это пустые слова, не имеющие ни малейшего отношения к содержанию всего письма. Какое значение имеет в данном месте то, что философия эта миролюбива или что она не такова?

При Петре Великом и т. д. Это абсолютно ложно. Петербургская Академия с первоначального своего образования составлена была из ученых самых знаменитейших и обходившихся без советов от просвещенных иностранцев. Заметим также, что сия Академия была учреждена не в царствование Петра Великого, но Екатерины I.

Дело касается инженера, слегка швейцарца. Опять-таки, что нам за дело знать, что г. Обри слегка швейцарец. Все это одни слова, годящиеся в лучшем случае для того, чтобы расцветить фразу.

Он рассудил, что вы лучше нашего разбираетесь в льдах. Очевидно, г. де Вольтер намеревался сказать этим нечто весьма остроумное.

Впрочем, достоверно и т. д. Все это место содержит явное противоречие: претерпевать жестокие холода в зиму неслыханно мягкую. Это то же, что зябнуть в жарко натопленной горнице. Г-на Вольтера несомненно лихорадит.

Я надумал провести и т. д. Мы заключили из того отрывка, что г. де Вольтера лихорадит. Нельзя ли из этого отрывка заключить, что он в бреду заговаривается?

Он, кстати, помрет от разлития желчи и т. д. Какая то будет потеря для Франции! Я опасюсь, однако, что г. де Вольтер лопнет от смеха, если Академия примет в свой состав незнакомца, подобного г. Обри, на основе его шутовской рекомендации.

Я имею честь быть в ее составе давно. Он мог бы добавить, что имеет эту честь вторично, ибо во времена императрицы Елизаветы он по особому указу был вычеркнут из списка иностранных членов.

<л. 1>

Lettre
de M**** a M****
au Sujet
de la Prétendue Lettre
de M. de Voltaire a M. Dalember

Monsieur

<л. 2> Je vous envoie la lettre de M. de Voltaire a M. Dalember que Vous avés bien voulu me communiquer; mais Vous mettes Monsieur la confiance que j'ai en Vous a une épreuve bien delicate, en exigeant que je Vous en dise mon sentiment; n'importe, le desir de Vous plaire, l'emportera toujours sur toute autre consideration et je vais vous parler avec la franchise que Vous me connoissés, et que Vous avés lieu d'attendre de moi.

Nourri des mon enfance de la lecture des écrits de M. de Voltaire, je puis me flater d'avoir le gout assez formé, pour distinguer d'abord ce qui est de Lui, et ce qui n'en est pas; un homme qui pendant trente ans auroit bu le meilleur vin de Bourgogne, croies vous, Monsieur, qu'il ne connoitroit pas le vin de Brie que Vous lui presentierés? Je décide donc sans crainte, et j'assure que cette Lettre n'est point de M. de Voltaire; je dis plus, elle ne sort pas de la plume d'un homme de Lettres, ni meme d'un françois, et ce tissu de phrases sans pensées, décousus, recherchées, peu correctes, ces lieux communs qui n'ont <л. 2 об.> aucun rapport a l'objet de la lettre qui est de montrer la beauté de celle de l'Imperatrice de Russie, enfin ce galimatias qui regne d'un bout a l'autre, ne peuvent appartenir qu'a quelqu'insipide imitateur du Stile de Voltaire, a quelque courtaut de boutique bel esprit de Geneve. Depuis que cet homme célèbre s'est retiré dans les environs de cette ville, tous ses citoyens sans expection, ont eu la manie de vouloir tenir a Lui par quelque endroit, et se sont imaginés qu'ils participeroient a sa reputation, en aiant un commerce direct ou indirect avec Lui. Ceux qui sont a portée viennent par troupes assiéger sa maison.

alors, sauve qui peut, et quatrefois heureux
qui sait pour échaper quelqu'Antre ignoré d'eux.

Boil.

Ceux qui sont éloignés, lui écrivent des lettres auxquelles il n'a garde de répondre; d'autres enfin, et ce sont les plus sots, veulent prendre sa façon d'écrire; c'est de quoi M. de Voltaire s'est moqué il y a long-tems, dans une lettre a un ami

il n'est bourgeois, marchand, magistrat a Geneve
qui ne soit mon ami, mon maitre, ou mon élève.

Chaque tems a ses prejugués, chaque siècle a ses modes; Sous Louis le Begue, tous les françois begoient; de tems de Descartes chacun enfantoit un sisteme. Aujourd'hui on fait <л. 3> l'exercice a la Prussienne, et l'on écrit a la Voltaire; Ce n'est pas que le Monarque et le Poete soient fachés d'avoir donné l'etre a tant de singes, mais si quelque chose doit etre sensible au dernier, c'est de voir toute une nation lui attribuer des écrits indignes de Lui; et les recevoir avec admiration; un grand Poete du dernier siècle se plaingnoit amérement de cette injustice.

vient-il de la Province une satire fade
du plaisant du Pais insipide boutade
pour la faire courir, on dit qu'elle est de moi
et le sot campagnard le croit de bonne foi.

Boil.

que dira M. de Voltaire lorsqu'il apprendra que des ignorans orgueilleux débitent hardiment cette fausse monnoie, la font courir sous son nom, et la répandent jusques dans le palais des Rois? n'en doutes pas, Monsieur, ces pratiques répétées seroient d'autant plus nuisibles a la Russie, qu'elles ne peuvent manquer d'entretenir le mauvais gout, d'arreter le progres des Sciences et d'aller ainsi formellement contre l'intention de l'Auguste Souveraine qui donne tous ses soins a les faire fleurir. Je ne connois point les Personnages de la Comedie, ni celui <л. 3 об.> qui a reçu la pretendue lettre, ni le géant a qui elle paroît être adressée, moins encore l'auteur de cette belle pièce, je ne crains donc pas qu'on me soupçonne d'avoir d'autres vues que celle de defendre l'honneur de M. de Voltaire, et s'il m'est permis de le dire, celui d'une Langue aimable si defigurée dans une pareille rapsodie. Et qu'on ne dise pas que *Voltaire* ainsi que le bon *Homere* s'endort quelques fois, et tombe dans la derniere mediocrité j'en conviendrai si l'on veut, mais son corolis <sic!>, son dessein, sa manière, se montrent par tout; les moindres ouvrages *du Titien* et *de Raphael* n'échappent point aux connoisseurs quelque éloignés qu'ils soient de leur chef d'oeuvre, j'assurerai donc avec constance, que cette lettre n'est point de M. de Voltaire, a moins que M. Fronchin <sic!>, son louable medecin, n'atteste qu'il étoit dans le délire, lorsqu'il l'a dictée. Je ne pretens point cependant, Monsieur, fixer votre jugement sans appuyer ma décision de quelques preuves: je veux donc bien prendre sur moi de parcourir encore cette lettre supposée, et d'entrer dans quelque détail. Il faut d'abord observer que le géant, ainsi nommé je ne sçai pourquoi, est censé avoir reçu cette Lettre d'un *Quidam* a qui M. de Voltaire l'a adressée pour la lui remettre: voici comment M. de Voltaire parle a ce *Quidam*.

J'envoie a mon géant cette lettre a M. D'alembert dont il court des copies. S'il en court des copies, M. de Voltaire pouvoit croire <л. 4> qu'elle parviendroit en Russie sans la peine qu'il se donne de

l'envoyer. *Il est bon que mon géant ait la lettre véritable*, le mot de géant deux fois dans la même ligne, est une répétition, que l'exactitude française ne souffert <sic!> pas. *ait la lettre* même fautive, deux fois le mot de lettre dans une ligne, *véritable* n'est pas placé ici, on ne dit point un écrit, un poème une lettre véritable, M. de Voltaire auroit dit de main sûre, de bonne main. *de peur qu'elle ne soit falsifiée*, cette peur est mal fondée; on voit bien des écrits prêtés à des auteurs que l'on imite sotement, et cette Lettre le prouve, mais on ne s'avise guère d'altérer jusqu'à leurs lettres familières; Cette peur n'est pas plus conséquente, car M. de Voltaire enverroit toutes les Lettres *véritables* au géant, que cela n'empêcherait pas, qu'il ne put y en avoir des copies infidèles.

Je lui enverrai incessamment quelques bagatelles pour l'amuser, je lui enverrai, après avoir dit peu auparavant, *j'envoie* est encore une faute, que ne ferait pas un français écolier de troisième: *pour l'amuser*. M. de Voltaire se charge ici du digne emploi de faire rire le géant, et d'épanouir sa rate, c'est la première fois certainement, qu'il a promis à quelqu'un de l'amuser, et cela avec *des bagatelles* terme dont M. de Voltaire est bien éloigné de se servir en parlant de ses productions. On doit croire que les géants sont privilégiés. *Je lui fais les plus* <л. 4 об.> *tendres compliments*; que cela est mielleux, *tendres compliments* que ce tendre me plaît, à un géant, que dirait-il à une jolie femme?

Ah Coridon, Coridon, quae te dementia coepit?

Virg.

En copiant ce début il me prend envie d'en rester là, et de ne pas commencer cette fade et revoltante Lettre. Cependant je m'y suis engagé et je veux vous obliger; que de pressans motifs!

Lettre

Mon cher et illustre confrère, il me semble, que si quelques pédans ont attaqué en France la philosophie, il ne s'en sont pas bien trouvés, et qu'elle a fait une alliance avec les puissances du nord. Que de bêtises dans cette première phrase! Ces pédans qui ont attaqué en France non pas la philosophie, mais des personnes hardies qui s'éloignent de toute règle, des maximes généralement reçues, qui n'admettent aucun principe, critiques éternels dangereux Pyrrhoniens, ces pédans, dis-je, qui les ont attaqués, ne sont que la Cour, le Parlement, et le Clergé le plus savant de l'Univers: mais ce beau nom de Philosophe que signifie-t'il dans la bouche de notre raisonneur? il ignore je le vois bien, le mépris qu'y ont fait attacher ceux qui ont voulu s'en décorer, il ignore que ce nom court les rues, si on <л. 5> peut parler ainsi, comme celui d'ami, qu'un ouvrier, un cordonnier qui ne s'enivre point pendant la semaine, qui travaille le lundi, qui ne va pas le dimanche aux Porche-

rons, pretend a ce titre aussi bien que tout autre et le disputeroit a Diogenes. Mrs de Voltaire et Dalember meritent assurément celui de beaux génies mais ils ne se sont jamais donné impudemment l'un a l'autre celui de Philosophe. *ils ne s'en sont pas bien trouvés*, que leur est-il donc arrivé de sinistre? c'est *qu'elle fait une alliance avec les puissances du nord*, la consequence et merveilleuse, et le raisonnement profond: *Les pedans qui ont attaqué la philosophie, ne s'en sont pas bien trouves, et il lui semble, qu'elle a fait une alliance avec les puissances du nord*, je l'avoue de bonne foi, je n'entens pas une logique si subtile; et puis une *philosophie qui fait alliance avec des puissances*, quelle langue, bon Dieu! *cette belle lettre de l'Imperatrice de Russie vous vange bien*, quelle façon triviale et basse de citer la lettre d'une Souveraine si distinguée par ses lumieres et son esprit, il falloit donc, plat écrivain, saisir ce moment pour faire valoir la beauté des Sentimens, que cette lettre renferme, *vous vange bien*, elle lui fait beaucoup d'honneur sans doute, mais elle ne le vange point, M. Dalember avant cette lettre n'avoit pas cessé de jouir de la consideration qui est due a ses talens. *Cela ressemble a la <λ. 5 ob.> lettre que Philippe écrit a Aristote, a la difference pres*, cela ressemble, cela quel françois, a la lettre, encore cette repetition vicieuse, deux fois le mot de lettre dans une ligne, il devait au moins dire ressemble a celle que Philippe on'a jamais parlé de Philippe pere d'Alexandre sans ajouter de Macedoine. a la difference pres, on dit bien a cela pres, a ces choses pres, mais a la difference pres ne vaut rien, il falloit dire avec la difference; et tous ces a entassés qui font une Cacophonie si désagréable a l'oreille, a la lettre, a Aristote, a la difference *qu'Aristote eut l'honneur d'accepter l'éducation, et que vous avés la gloire de la refuser*, je crains Monsieur que vous n'aies goûté cette phrase qui n'est qu'un jeu de mots, sans jugement, et toujours contre la langue. Accepter l'éducation n'est pas françois, il auroit du dire: eut l'honneur de se charger de l'education, d'ailleurs je ne conçois pas quelle gloire peut s'acquérir M. Dalember en refusant de se charger de celle d'un grand Prince dont les qualités de coeur et de l'esprit annoncent deja ce qu'il sera un jour; je pense au contraire, qu'il aurait été plus *glorieux* pour lui de l'accepter, et de justifier ce choix si flatteur, en montrant qu'il sait agir aussi bien que parler, et qu'il est en etat de former un grand homme. <λ. 6> *Je me souviens, que dans mon enfance, je n'aurais pas imaginé qu'on écrirait un jour de pareilles lettres de Moscou a un Academicien de Paris*, voila sans contredit le verbiage le plus ridicule qui puisse sortir d'une tete humaine; *je me souviens que je n'aurois pas imaginé quoi vous vous souvenés de ce qui n'a jamais existé? quelle pensée, quelle langue? qu'on écrirait un jour*, qui <sic!> veut il dire par cet *on*? Seroit ce bien l'Impératrice que cet *on* designeroit? a un *academicien de Paris*, et a qui donc notre bavard pensoit-il dans son enfance qu'on dut l'adresser? Mais on ne dit point *academicien de Paris* de Londres, de Petersbourg, on nomme l'Academie, et l'on dit *academicien de telle academie*; d'ailleurs M. Dalember n'est pas seulement *academicien de Paris*;

il l'est de beaucoup d'autres endroits. *Je suis du tems de la creation*, j'entrevois ce que notre faux Voltaire entend par creation, mais sa façon de s'exprimer n'en est pas moins énigmatique, et bien opposée au Stile epistolaire qui doit etre clair et simple, qui devinera que par *creation*, il veut dire ce que *Pierre le Grand* a fait pour le bien de ses sujets. *Et voila quatre femmes de suite* je ne puis m'empecher de rire en prononçant ce mot *et voila* mais une épithete a ces *quatre femmes* comme celle d'illustres, d'immortelles auroit elle été si déplacé. Le plaisant est que <л. 6 об.> selon lui, elles ont toutes perfectionné, au lieu de dire travaillé a la perfection; que les louant toutes également il n'en loue aucune, et qu'il ne se doute pas meme de son objet qui doit etre d'exalter celle qui gouverne aujourd'hui avec tant d'eclat et de sagesse. *Votre galanterie françoise doit quelques complimens au Sexe feminin*. M. de Voltaire en disant a M. Dalembert *Votre galanterie françoise* oublie donc qu'il est aussi françois, non, mais son imbécile imitateur montre seulement qu'il ne l'est pas; et quelle expression *une galanterie qui doit des complimens*. La galanterie engage bien a faire des complimens, mais elle ne les doit pas, *sur cette singularité*, ce mot *singularité* ne s'emploie ordinairement qu'en mauvaise part; en laissant subsister cette phrase, particularité valoit mieux. *Dont l'histoire ne fournit point d'exemple*, que notre ignorant ouvre et lise, et il verra plusieurs exemples de Souveraines, qui n'ont paru successivement etre sur le trone, comme celle qui regne aujourd'hui, que pour faire le bonheur de leurs sujets. *La belle lettre que celle de Catherine* encore une fois *la belle lettre*, seconde et meme exclamation ridicule; *de Catherine*, ce sot reserve sans doute l'épithete d'auguste pour une meilleure occasion. *ni sainte Catherine de Boulogne, ni sainte Catherine de Sienne* etc., la plume me tombe des mains, je ne puis copier ces inepties: notre <л. 7> soi-disant Voltaire n'a pas meme sçu écrire Bologne ville d'Italie, qu'il a écrit comme Boulogne ville de France. *N'en auroit jamais écrit de pareilles*; n'en auroit est un solecisme des plus étoffés, il falloit n'en auroient au pluriel <sic!>: d'ailleurs ce mot de *pareilles* revient souvent a la tete de notre faiseur de lettres; un peu plus haut, il n'auroit pas imaginé dans son enfance, qu'on en ecriroit *de pareilles* de Moscou, ici toutes les Saintes Catherines *n'auroit pas écrit de pareilles*; il me rappelle le pauvre *Bouillon* dans sa Joconde:

Sire je crois que le Soleil
n'a jamais fait rien de pareil
si ce n'est mon frere joconde
qui n'a point de pareil au monde.

Si les Princesses se mettent ainsi a cultiver leur esprit, c'est ainsi a quoi se rapporte-t-il? Rien ne l'annonce; *se mettre a cultiver son esprit*, quelle expression juste ciel! *la loi salique n'aura pas beau jeu* qu'a de commun la loi salique établie en France, avec Ces Princesses qui se *mettent a cultiver leur esprit*? Cette loi ne les exclud <sic!> pas de la

couronne parce qu'elles *ne cultivent pas leur esprit*, mais par egard aux peines et aux fatigues attachées au soin du gouvernement; c'est tellement l'unique raison de leur exclusion, que les françois n'on jamais refusé la Regence <1. 7 ob.> a celles qui ont bien voulu s'en charger; M. de Voltaire ignorerait il cela? et dirait-il *une loi qui a beau jeu, mauvais jeu*, il sait trop bien sa langue. Ah! Voltaire pouvies vous vous attendre a paroître ainsi travesti a une des plus spirituelles, et des plus brillantes Cour <sic!> de l'Europe, et

n'avés vous tant vécu que pour cette infamie?

Corneil

Pour moi, Monsieur, je demande grace au milieu de mon entreprise, et je declare, que je n'ai pas le courage de lire jusqu'a la fin une lettre de quatre pages, qui n'a pas un mot qui soit françois, pas une phrase correcte, pas une pensée juste; et pourries vous voir tranquillement la ville de Londres placée au meme degré que Stockholm et Petersbourg, et les *Locke* et les *Newton* comptés par notre ignorant parmi les grands hommes du Nord avec les *Gustave* et les *Pierre*; verriez vous sans indignation les *quatre femmes*, citées il n'y a qu'un moment, comme la plus grande *Singularité* de l'histoire, éclipsées maintenant par quatre hommes fameux, qui prennent leur place. Que diriez vous de cette facon de parler *les gens de cette espece*, expression, qui ne convient qu'a des bas valets. Que penseriés vous du *College de la Propagande* <1. 8> amené la sans raison, sans raport, et par pure envie de faire le beau plaisant? Que diriés vous de cette *grosse apologie*, une grosse apologie, quel françois? Que diriés vous de cette ennuyeuse enumeration de vingt Jesuites? ce *Berthier* n'a point ete l'oracle des gens de lettres mais un critique sage et judicieux, *l'abbé le Roi* n'est pas plus le *Predicateur qui preche* avec l'eloquence de *pere Garasse*, il a preche seulement a *St. Eustache* le careme de 1762 et le *P. Garasse* est mort il y a 132 ans, notre pretendu *Voltaire* fait rapprocher le tems. Que diriés Vous de cette expression singuliere *je suis assez comme Mr. Chicaneau* Je suis ma foi charme que vous soiés assés, mais cette facon de parler, ne prendroit pas meme a la place *Mauberi*, comme *Mr Chicaneau*, je souhaite bien que vous saisisiés tout le comique de ce *monsieur*, *Mr Demosthenes*, *Mr Ciceron*, *Madame Zaire*, *Mr Chicaneau* que cela est plaisant! Que diriés vous de cette phrase que le dernier cuistre auroit honte d'avoir ecrite *a vous parler serieusement, je trouve que si quelque chose*: que diriés vous de ces factums si admirables, et qui sont la seule chose qui fasse honneur au siecle sans excepter la belle lettre de *Catherine*: et quel raport encore entre la famille <1. 8 ob.> infortunée des *Calas*, et les Princesses qui se mettent a cultiver leur esprit? Que diries vous de ce raisonnement *je m'embarasse fort peu du jugement qu'on rendra, car Dieu merci, l'Europe a déjà jugé*. Si on a jugé, on ne jugera pas; et ce *Dieu merci*, qu'il a de grace, et que *Voltaire* est devot? Que diries vous de toutes ces absurdité *un corps qui fait corps sans le savoir*, et qui est un corps

qui ne peut errer, parce que ce corps n'a pas l'esprit de corps? Que diries vous de ces *rogatons* mot suranné, et relegue depuis longtems dans le District de Geneve, ou l'on ne parle, comme dit le Chev^r de Cailly, qu'un francois etranger, qui n'est dans ce pais qu'un francois sauvage. Que diries vous d'une *certaine histoire*, a t'on jamais dit une certaine histoire? de ce *genre humain* pour dire les hommes, *peint de trois quarts* pour dire Voltaire, vous mourrés donc sans jamais avoir pu parvenir au quatrieme quart? Que diries vous enfin de cette ingenue confession de Voltaire *je suis bien vieux, et j'apprens tous les jours a le connoitre*. Lui qui a l'age de vingt ans, avoit deja fait voir dans plusieurs ouvrages, qui dureront autant que la langue françoise, combien il penetrerait dans les replis du coeur humain. Je <л. 9> succombe, je m'arrete enfin, mais en vous avertissant, Monsieur que l'on anonce déjà la reponse du Géant; si elle est de la meme force, comme on peut s'y attendre que de sublimes beautés vont inonder la Russie.

ЦГАДА, ф. 199, картон 410 (портфели Миллера), № 18. Почерком Миллера. Вверху л. 1 пометка: Письмо отъ М... къ М... на мнимом письме Волтерова к Даламберту. Француз. на 9 четверткахъ.

[Перевод]

Письмо от г.*** к г.*** о мнимом письме
г. де Вольтера к Даламберу

Милостивый государь,

отсылаю вам письмо г. де Вольтера Даламберу, которое вы со-
благоволили мне сообщить. Однако требуя, чтобы я вам высказал
свое о нем мнение, вы подвергаете мое к вам доверие весьма чув-
ствительному испытанию. Нужды нет, желание угодить вам всегда
одержит верх над любыми иными соображениями, и я выскажусь
перед вами со всею моею откровенностью, которую вы знаете и на
которую вы вправе от меня рассчитывать.

Вспоенный с детства на чтении произведений г. де Вольтера,
я могу льстить себя надеждой, что вкус мой достаточно отточен,
чтобы различать прежде всего, что ему принадлежит, а что не
принадлежит. Неужели вы думаете, сударь, будто человек, в тече-
ние тридцати лет пивший лучшее бургундское, не распознает
вино Бри, которым вы его стали бы потчевать? Поэтому я без
опаски выношу свое суждение и утверждаю, что это письмо — не
г. де Вольтера; скажу более — оно не письмо литератора и вообще
не написано французом. А это нагромождение фраз без мысли,
бессвязных, изысканных, неправильных; эти общие места, ничем
не относящиеся к предмету письма — к намерению показать всю
красоту письма русской императрицы, наконец, эта галиматья, ца-
рящая от начала до конца, могут принадлежать единственно ка-
кому-нибудь нелепому подражателю стиля Вольтера, какому-

нибудь умнику из числа сидельцев женевских лавочников. С тех пор как этот знаменитый муж нашел себе приют в окрестностях этого города, всех его граждан, без изъятия, охватила мания хоть чем-нибудь да походить на него, и они вообразили, что разделят его известность, если будут состоять с ним в прямых или косвенных сношениях. Те, кто находятся в пределах досягаемости, собираясь толпами, осаждают его дом,

Тогда, спасайся, кто может, и трикрат блажен
Тот, кому ведома незнаемая ими нора.

Буало.

Те же, кто живет далеко, пишут ему письма, отвечать на которые он и не собирается; наконец, есть и такие — и это самые глупые, — которые вознамерились усвоить его манеру писать, что давно уже высмеяно г. де Вольтером в одном письме к своему другу.

Нет такого в Женеве гражданина, купца или должностного лица, Кто не был бы моим другом, моим учителем или моим учеником.

У всякого времени свои предрассудки, у всякого века — свои моды. При Людовике Заике все французы заикались, а во времена Декарта всяк зачинал какую-нибудь систему. Нынче проводят строевые учения на прусский манер, а пишут на манер Вольтера. Не то, чтобы монарх или поэт досадовали на то, что они породили столько обезьян, но ежели что может задеть поэта, так это зрелище того, как целая нация приписывает ему писания, его недостойные, и принимает их, восторгаясь. Один великий поэт прошлого века горько жаловался на эту несправедливость:

Прибудет из глуши пошлейшая сатира,
Причуда местного забавника задиры,
Чтоб веса ей придать, ее моим созданием объявляют,
А деревенщина тому по глупости наивно доверяет.

Буало.

Что скажет г. де Вольтер, когда узнает, что честолюбцы-невежды беззастенчиво пускают в оборот эту фальшивую монету, в обращении снабжают ее его именем и распространяют ее до самого царского дворца? Не сомневайтесь, сударь, такая повторная практика скажется тем вреднее для России, что она неизбежно поддерживает дурной вкус, задерживает успехи наук и тем самым форменным образом идет наперекор намерениям августейшей самодержицы, все заботы которой направлены на их расцвет. Мне неведомы действующие лица этой комедии, ни то, кто получил это мнимое письмо, ни великан, которому оно как бы адресовано, еще того менее знаком мне автор этого прелестного сочинения; поэтому я не опасуюсь, что меня заподозрят, будто у меня

могут иметься иные намерения, кроме намерения защитить честь г. де Вольтера, а также, если мне позволено так выразиться, честь языка, столь приятного, но столь искаженного подобной жалкой стряпней. И пусть не твердят, что и Вольтеру, как и Гомеру, случается задремать и впасть в самую жалкую посредственность; я готов, если угодно, признать это; но его колорит, его замысел, его манера сказываются повсюду; мельчайшая подделка Тициана и Рафаэля не ускользнет от знатоков, как бы далеки эти подделки ни были от их шедевров. Поэтому я берусь настойчиво утверждать, что письмо это не написано г. де Вольтером, разве что г. Фроншен,* его достохвальный медик, не засвидетельствует, что, диктуя его, Вольтер был в бреду. Впрочем, сударь, я не собираюсь предопределять ваше суждение, не обосновав моего заключения кое-какими доказательствами. Поэтому беру на себя труд еще раз пробежать это воображаемое письмо и войти в некоторые детали. Прежде всего следует заметить, что великана (так прозываемого неизвестно почему) считают получившим это письмо от некоей личности, коей г. де Вольтер направил его для передачи ему; так вот как выражается Вольтер, обращаясь к этой личности:

Высылаю моему великану это письмо к г. Даламберу, копии коего находятся в обращении. Ежели копии находятся в обращении, то г. де Вольтер мог бы допустить, что они доберутся и до России без труда, который он принимает на себя по их присылке. Хорошо, чтобы мой великан располагал истинным письмом, слово «великан» дважды в одной строке является повторением, какового французская точность не терпит. «Располагал письмом» — та же ошибка, два раза слово письмо в одной строке; «истинным» — здесь неуместно, не говорят «истинное сочинение, поэма или письмо», г. де Вольтер сказал бы «достоверное», «подлинное». Ввиду опасности, что оно окажется подделанным — опасение это не обосновано; хотя и наблюдаются сочинения, приписываемые таким авторам, которым по-дурацки подражают — и настоящее письмо тому служит подтверждением, — но никому не придет на ум подменять текст даже их частных писем; опасение это и непоследовательно, ибо если бы г. де Вольтер и стал высылавать великану все истинные письма, то это не воспрепятствовало бы тому, чтобы могли существовать с них искаженные копии.

Я вышлю ему незамедлительно несколько безделушек, чтобы его позабавить: «вышлю» после того, как выше сказано «высылаю», опять-таки ошибка, которую не сделал бы и французский школьник третьеклассник; «чтобы позабавить» — г. де Вольтер берется здесь за достойную

* Вместо Фроншен. (Прим. В. Л.).

должность смешить великана и приводить его в веселое настроение, это, несомненно, впервые с ним случается обещать кому-либо развлекать его, да еще «без делицами» — термин, от применения коего г. де Вольтер весьма далек, когда говорит о своих произведениях. Приходится думать, что великаны находятся на привилегированном положении. «Шлю ему самые нежные приветы»; как это медоточиво: «нежные приветы», как это «нежные» мне по вкусу в обращении к великану, что же он сказал бы хорошенькой женщине?

О, Коридон, Коридон, каким ты охвачен безумием?

Виргилий.

Списав это начало, я испытываю охоту на этом и кончить и не начинать этого пошлого и возмутительного письма. Однако я ввязался в это и хочу услужить вам. Сколь настоятельны эти побуждения!

Письмо

Мой дорогой и прославленный собрат, мне сдается, что ежели некие педанты обрушились на философию во Франции, то они попали впросак, и что она вступила в союз с северными державами. Сколько глупостей в этой первой фразе! Эти педанты, которые во Франции обрушились не на философию, а на дерзких людей, уклоняющихся от любого правила, от общепринятых положений, не признающих ни единого принципа, вечных критиков и опасных пирронийцев, — эти педанты, которые на них обрушились, не кто иные, как двор, парламент и клир, самый ученый в мире; а само высокое имя Философа, что означает оно в устах нашего резонера? Ясно вижу, что он не знает о всем презрении, которое с ним связали те, кто возжелали им украситься, не знает, что это имя стало всеобщим достоянием, как, скажем, имя «друг», и что каждый рабочий, сапожник, не напивающийся на неделе и работающий по понедельникам, а по воскресеньям не отправляющийся в Поршерон, претендует на это звание и готов оспаривать его у Диогена. Гг. де Вольтер и Даламбер, несомненно, заслуживают звания великих гениев, но они никогда не давали нагло друг другу звания философа. Они попали впросак. Что же зловещего с ними приключилось? Да то, что она вступила в союз с северными державами, дивная последовательность и глубокомысленное рассуждение: Педанты, обрушившиеся на философию, попали впросак, и ему кажется, что она вступила в союз с северными державами, признаюсь чистосердечно, не понимаю я столь суб-

тильной логики; да к тому же философия заключила союз с державами, что за язык, создатель! Это прекрасное письмо русской императрицы хорошо отмщает за вас — что за тривиальный и низкий способ цитировать письмо государыни, столь выдающейся по своей просвещенности и уму; надлежало, пошлый писака, воспользоваться этим случаем, чтобы показать во всем величии красоту чувствований, содержащуюся в этом письме. «Отмщает за вас» — конечно, оно оказывает ему большую честь, но отнюдь не отмщает за него, г. Даламбер и до этого письма не переставал пользоваться уважением, кое подобает его талантам. Это похоже на письмо, написанное Филиппом Аристотелю, с тою лишь разницей. «Это похоже», «это» — что за французский язык и снова это порочное повторение, два раза слово «письмо» в одной строке, хоть бы он сказал по крайней мере «на письмо, которое Филипп»; о Филиппе, отце Александра, никогда не говорили без присовокупления «Македонский». «С тою лишь разницей» — говорят «разве что...», «с тем лишь отличием», но выражение «с тою лишь разницей» совсем не годится, надлежало сказать «с разницей в том, что»; а все эти предлоги «а», образующие при нагромождении какофонию, столь несносную для уха — *a la lettre, a Aristote, a la difference*. «Что Аристотель имел честь принять на себя воспитание, а вы имели славу его отвергнуть» — боюсь, сударь, что вам не придется по вкусу эта фраза, являющаяся всего лишь игрой слов, без смысла и опять-таки в разладе с языком. «Принять на себя воспитание» — это не по-французски, ему следовало сказать «имея честь принять на себя заботы о воспитании», а, впрочем, я не могу воспринять, что за славу может добыть г. Даламбер, отказавшись взяться за воспитание великого князя, качества сердца и ума коего же возвещают, кем он станет в дальнейшем; думаю, что, напротив того, было бы достославнее для него принять приглашение и оправдать столь лестный выбор, показав, что умеешь столь же хорошо поступать, как и говорить, и что способен сформировать великого человека. Вспоминаю, что в детстве я бы и вообразить не мог, что некогда из Москвы будут писаться подобные письма к парижскому академику — вот уж бесспорно самое смешное пустословие, которое когда-либо исходило из головы человека. Вспоминаю, что я и вообразить не мог — как, вы вспоминаете о том, чего никогда не было? Какова мысль, каков язык! Нечего будет — что хочет он сказать этим «будут»? Уж не императрицу ли этим оборотом обозначают? Парижскому академику — кому же еще, полагал наш болтун в своем детстве, надлежало его адресовать? Однако не говорят парижский или лондонский, петербургский академик, но называют Академию и

говорят «академик такой-то академии»; к тому же г. Даламбер — академик не только Парижской, но и многих других академий. Я живу в век сотворения мира, я способен различить, что наш Лжевольтер понимает под сотворением мира, но тем не менее его способ выражения остается загадочным и весьма противоположным эпистолярному стилю, который должен быть ясным и простым; кто же догадается, что сотворением мира он имеет в виду означить то, что Петр Великий сотворил на благо своим подданным? И вот четыре женщины подряд — не могу удержаться от смеха, произнося это словцо «и вот»; однако эпитет вроде «знаменитых», «бессмертных» разве был бы неуместным? Забавно, что они, по его мнению, все усовершенствовали, тогда как следовало сказать «трудились над приведением в совершенство», и что, хваля их всех поровну, он не воздает хвалы ни одной из них и даже не подозревает о своей задаче, которая должна была бы состоять в превознесении той, что нынче правит так блистательно и мудро. Ваша французская галантность обязана комплиментом женскому полу — г. де Вольтер, говоря г. Даламберу «Ваша французская галантность», забывает, стало быть, что и он сам француз; нет, не то, просто его подражатель-глупец обнаруживает, что он-то сам таковым не является; и каково выражение «галантность, которая обязана комплиментом!» Галантность, конечно, обязывает делать комплименты, но сама она ими не обязана. По поводу этой странности, это слово «странность» обычно употребляется лишь в неблагоприятном смысле; если уже оставлять эту фразу, «своеобразие» было бы лучше. «К о ей истории не доставляла примеров» — да откроет наш невежда «книги» и да почитает, и он увидит ряд примеров государынь, которые, подобно царствующей ныне, последовательно занимали трон лишь для того, чтобы творить благо своих подданных. Прекрасное письмо, то, что от Екатерины — еще раз «прекрасное письмо», вторичное и одинаково смешное восклицание; от Екатерины — дурак, очевидно, приберегает эпитет «августейшей» для лучшего случая. Ни святая Екатерина Булонская, ни святая Екатерина Сиенская и т. д. — перо валится из рук, я не способен переписывать эту чушь, наш якобы Вольтер не сумел даже написать Булонью, город в Италии, и написал его как Булонь, город во Франции! Никогда не сумела бы написать подобных — «не сумела бы», ошибка в согласовании из самых оглушительных, требовалось «не сумели бы» во множественном числе; к тому же это слово «подобных» часто приходит в голову нашему составителю писем: несколько выше он не мог вообразить в детстве, что будут писать подобные письма из Москвы, здесь все святые Екатерины не написали бы «подобных»; он мне напоминает беднягу Бульона в его Джоконде —

Сир, полагаю я, что солнце
Никогда не создавало подобного,
Кроме разве брата моего Джокондо,
Подобного кому нет ничего на свете.

Если государыни принимаются таким образом развивать свой ум—это «таким образом» к чему относится? Ничто его не предвещает. Принимаются развивать свой ум—праведное небо, что за выражение! Салическому закону нелегко придется—что общего меж салическим законом, установленным во Франции, и этими государынями, которые принимаются развивать свой ум? Этот закон лишает их короны не потому, что они не развивают свой ум, но вследствие тягот и трудов, сопряженных с бременем управления; это до такой степени единственная причина их исключения, что французы никогда не отказывали в регентстве тем, кто были готовы принять его на себя. Неужели г. де Вольтер не знает этого? И он ли скажет «закону придется легко или нелегко» — он слишком хорошо знает свой язык! Ах, Вольтер, могли ли вы ожидать, что появитесь так переряженным перед одним из остроумнейших, одним из блистательнейших дворов Европы и

Неужели жили Вы так долго лишь ради этого бесчестья?

Корнель.

Что до меня, сударь, то я прошу пощады на полпути своего начинания и объявляю, что у меня не хватает мужества читать до конца письмо на четырех страницах, в котором нет ни одного слова вполне французского, ни одной фразы правильной, ни одной мысли верной; а вы могли бы спокойно видеть город Лондон, помещаемый на одну широту с Стокгольмом и Петербургом, или Локков и Ньютонов, относимых нашим невеждой к числу великих мужей Севера наряду с Густавами и Петрами; неужели вы без негодования усмотрите четырех женщин, только что упомянутых, в качестве странностей истории, которых ныне затмевают четыре знаменитых мужа, заступающих их место? А что вы скажете о таком способе выражения: «люди этой породы» — выражения, уместного лишь в отношении лакеев. Что вы подумаете о Коллегии Пропаганды, притянутой сюда без причины и без связи, единственно из старания предстать остряком? Что скажете об этой толстой апологии, толстая апология, каков французский язык! Что скажете об этом скучном перечислении двадцати иезуитов? Сей Бертье отнюдь не был оракулом литераторов, но был критиком умным и рассудительным. Аббат Леруа не является уже проповедником, проповедующим с красноречием отца Гарасса, он про-

поведовал только в церкви Сент-Эташ в течение поста 1762 г., а о. Гарасс умер 132 года тому назад, наш мнимый Вольтер сближает сроки. Что скажете вы об этом странном выражении: «Я довольно-таки словно г. Шикано», я, ей-богу, в восторге от того, что вы «довольно-таки», но этот способ речи не имел бы успеха даже на площади Мобер. Словно г. Шикано, я бы хотел, чтобы до вас дошел весь комизм этого господина: г. Демосфен, г. Цицерон, г-жа Заира, г. Шикано, как все это остроумно! Что бы вы сказали и о фразе, написать которую постыдился бы последний невежественный писака, сказать вам всерьез, я нахожу, что если что-нибудь; что скажете вы об этих столь восхитительных декларациях, которые к тому же являются единственными, что делает честь нашему веку, не исключая и прекрасного письма Екатерины; и, наконец, какая связь между злополучной семьей Каласов и государынями, принимающимися развивать свой ум? Что вы скажете о рассуждении: меня мало беспокоит суждение, которое будет вынесено, ибо, слава богу, Европа уже вынесла свой приговор. Раз приговор вынесен, значит, более уже судить не будут; а это «слава богу», до чего оно изящно и до чего Вольтер набожен! Что вы скажете обо всех этих нелепостях: корпорация, являющаяся таковой, сама того не ведая, и притом корпорация, не способная ошибаться, потому что лишена корпоративного духа? Что скажете об этих «объедках» — слово устаревшее и давно уже изгнанное в женевскую округу, где, как выразился кавалер де Кайи, говорят на иностранном французском, в этом крае ставшим одичавшим французским. Что вы скажете об определенной истории, говорилось ли когда-либо так «определенная история»? Или о роде людском вместо того, чтобы сказать «люди», рисованный в три четверти вместо «Вольтер, вы, стало быть, и умрете, так и не сумев добраться до четвертой четверти»? Что, наконец, скажете вы об этой хитроумной исповеди Вольтера: «я очень стар и с каждым днем все более научаюсь понимать это» — это он-то, который уже в двадцатилетнем возрасте в нескольких произведениях, которые будут жить доколе существует французский язык, явил всю глубину своего проникновения в тайники человеческого духа. Я изнемогаю и, наконец, останавливаюсь, однако предостерегаю вас, сударь, что уже возвещают ответ великана; если он, как того и ожидать можно, на таком же уровне, то какое множество исключительных красот наводит Россию!

Примеров нового в области русско-французских связей собранные в этом разделе материалы вводят немало, и соответственно вновь оживают или зарождаются обильные вопросы не только часто-биографического или текстологического порядка, но и широкие общелитературные и исторические. Это естественно; и если при этом главное значение принадлежит комплексу переписки фернейского старца с «Семирамидой Севера», то мы завершим наши примеры чисто источниковедческой справкой, относящейся к предистории этой переписки.

Хотя Франсуа-Пьеру Пикте уделялось внимание русскими историками еще в XIX в. (Д. Ф. Кобеко, П. Бартенов, В. А. Бильбасов), впервые характер его деятельности обрисовался вполне только в связи с изучением письма к нему Вольтера от 12 марта 1762 г. из собрания Государственной публичной библиотеки. При его опубликовании (сб. «Вольтер», 1947 г.) удалось подчеркнуть а) инициативу этого женеваца в информации Вольтера (и именно через него — всех читателей «Энциклопедического журнала») о «счастливой перемене» 1762 г., б) посредническую роль Пикте в самом завязывании переписки Вольтера с русской царницей, а также в) вероятность ряда не дошедших до нас звеньев корреспонденции между Ферне и Санкт-Петербургом, связанных именно с Пикте. В литературе вопроса первые два обстоятельства считаются с тех пор очевидными; третье же в свою очередь подтвердилось позднейшими находками.

К 1947 г. письмо Вольтера от 12 марта 1762 г. было чуть ли не единственным достоверным элементом реконструкции этого участка фернейско-русских связей. Ныне же мы располагаем возможностью восстановить в их последовательности едва ли не все этапы отдаленной подготовки знаменитой переписки.

Вот краткая сводка непосредственно* относящихся к этому документов, ныне известных:

1—2. Письмо Пикте из С.-Петербурга от 19 февраля/3 марта 1762 г. (с ошибочной датой 18/29 января 1761 г.!), на которое упоминавшееся выше письмо Вольтера от 12 марта 1762 г. являлось ответом (ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева. Опубликовано нами в ПВ, стр. 395—402). Затем оба письма были воспроизведены: Best. 9559 и 9571.

3. Письмо Пикте к Вольтеру от 4/15 августа 1762 г. (Best. 9839 по подлиннику Британского музея), текст которого с опи-

* Краткости ради здесь опущены документы третьих лиц, в которых упоминается Пикте — письма Вольтера 1759—1761 гг., переписка А. Р. Воронцова и т. д. (Сб. «Вольтер», 1947 г.). В последнем письме Вольтера, текст которого напечатан в разделе II, стр. 211, Вольтеру тоже приходит на память в числе неоправдавших себя в России его протее — Пикте.

санием июньского переворота был переслан Вольтером в «Journal Encyclopédique» и напечатан там 1 ноября 1762 г.

4. Письмо Пикте к А. Р. Воронцову от 15 сентября 1762 г. (Архив кн. Воронцова, кн. 29, 1883, № 1).

5. Письмо Вольтера к Пикте от 18 октября 1762 г. (Best. 9959, по подлиннику в составе материалов семьи Sergy — потомков Пикте — в Дижонском архиве).

6. Письмо Пикте к Вольтеру 19/30 ноября 1762 г. из Москвы (Best. 10 003, опубликовано Шараве в 1866 г.).

7—8. Два письма Вольтера к Пикте: от 18 января 1763 г. (Best. 10 111, по подлиннику) и приблизительно от 20 февраля 1763 г. (Best. 10 219, по копии), хранящиеся в Дижонском архиве. Второе из них особенно важно, ибо о нем-то и идет речь в петербургском памфлете (см. выше, стр. 217): Вольтер шлет в Петербург копию своего письма Даламберу от 4 февраля.

9. Письмо Пикте к Вольтеру от 10/21 марта 1763 г. из Москвы с описанием коронационных торжеств. Согласно Best. 10 222, автограф этого письма продавался в 1855 г. у Шараве из фонда Jolly и текст его донныне неизвестен.

10. Письмо Пикте к А. Р. Воронцову от 10/21 февраля 1763 г. из Москвы (Архив кн. Воронцова, кн. 29, № 2).

11. Т. Бестерман реконструирует письмо Пикте к Вольтеру от 26 августа/6 сентября 1763 г. (Best. 10 577), проданное 21 мая 1909 г. на аукционе в Берлине, и отмечает, что текст его не найден («по available»). Это было бы тем огорчительнее, что именно к нему было приложено первое письмо Екатерины II к Вольтеру. К счастью, оно (очевидно, именно поэтому) на упомянутом берлинском аукционе было куплено Н. П. Лихачевым и обнаружено нами в 1955 г. в ЛОИИ. (См. публикацию этого письма в разделе I, № 15).

12. Письмо Вольтера к Пикте от 14 сентября 1763 г. (Best. 10 670, по подлиннику из Дижонского архива).

К изданию русского перевода переписки Вольтера и Екатерины II

«Переписка российской императрицы Екатерины Втория с господином Волтером с 1763 по 1778 год» в переводе М. Антоновского, вышедшая в 1802 г. в Санкт-Петербурге «при Императорской Академии наук», снабжена списком подписчиков, охватывающим 82 лица (после стр. 218 второй части). В этом списке, как обычно, выделены те, кто заказывал много экземпляров; вся масса подписчиков распределена по табели о рангах.

Можно ли считать такого рода источник совершенно бесперспективным для зондажа вольтеринских интересов (или хотя бы

внимания к вольтеровской теме) в русском обществе через год после устранения Павла I? Думается, нельзя.

Разумеется, многие имена не поддадутся сейчас разъяснениям; весьма вероятно, что для большой части подписчиков господин Вольтер был менее дорог и притягателен, нежели «матушка-Екатерина», а субсидировали они предприятие Антоновского, имея на уме в первую очередь антипавловское фрондерство. Сам переводчик пишет по этому поводу: «переведший книгу сию за несколько лет перед сим» (т. е. еще до начала царствования Александра!) «нынешний библиотекарь Императорской публичной библиотеки Михаил Антоновский долгом своим почитает» отметить всех «споспешествовавших отпечатанию» и засвидетельствовать их уважение к Екатерине II. И все же хотелось бы верить, что специалисты по истории русской литературы и общественной мысли на рубеже XVIII и XIX вв., несравненно более нашего знакомые как с видными, так и со скромными деятелями того времени, когда-нибудь по-хозяйски обследуют этот список и выявят идейный и социальный облик, родственные или дружеские связи, истинный, а не только чиновный, ранг среди современников для гораздо большего числа поименованных в этом списке людей, тогда как мы, далекие от этой специальности, ограничив себя только первыми справками по Русскому биографическому словарю, «Некрополям» и тому подобным самым общим пособиям, для половины подписчиков (для 41) не сумели подыскать никаких данных, кроме указываемого М. Антоновским титула («благородие», «высокоблагородие» и т. д.).

Среди этих для нас безликих персонажей 9 человек — подписчики активные; среди «высокоблагородий», т. е. «особ 7 и 6 классов» (надворных и коллежских советников, подполковников и полковников, капитанов 2-го или 1-го ранга), подписались на 10 экземпляров каждый: Николай Андреевич Греков, Дмитрий Иванович Попов, Василий Иванович Созонович; на 12 — Терентий Ильич Ильин, на 6 — Иван Васильевич Миронович и на 5 — Андрей Петрович Христенко. Из «благородий», т. е. с 14-го по 8-й класс (по гражданскому ведомству от коллежского регистратора до коллежского асессора, а по военному — от фендрика до ротмистра или пехотного капитана), Никита Федорович Степанов подписался на 10, а Иродион Андреевич Белановский — на 5 экземпляров. Зато его сиятельство князь Петр Егорович Ратиев заказал целых 20.

Случайные ли это благодетели Антоновского, свидетельствует ли их преимущественно невысокое положение в служилой иерархии о чем-либо ином, кроме их относительной молодости, об этом помогает судить то, как раскрываются другие 19 «активных» подписчиков.

На 50 экземпляров подписался на 40-м году своей жизни Антон Антонович Прокопович-Антонский, ставший затем заслу-

женным профессором, ректором Московского университета, директором его благородного пансиона, председателем Общества любителей российской словесности. По РБС,* он родился 17 января 1762 г., за полгода до воцарения Екатерины II, а умер в 1848 г.

25 экземпляров заказал умерший в чине статского советника в возрасте 80 лет (ПН) Василий Романович Гродницкий (1759—1839).

Столько же экземпляров оплатил знаменитый Александр Федорович Лабзин (1766—1825). Этот штрих в биографии известного мистика не должен нас удивлять. Его непочтительную к властям независимость все мы с детства помним по рассказу Герцена; близость Лабзина к Новикову тоже известна, наконец, совсем недавно колоритные черты его оппозиционности и притом в близкие к 1802 г. годы — собраны в работе Н. М. Гершензон-Чегодаевой о Левицком.**

«Его превосходительство» (чин уже генеральский, действительный статский или даже тайный советник) Корнилий Антонович Лубьянович заказал 15 экземпляров. Он был вместе с Антоновским одним из учредителей в 1786 г. «Общества друзей словесных наук». «Начертание», т. е. устав, этого общества (близость к которому Радищева была недавно продемонстрирована Д. С. Бабкиным) подписывали тогда — среди прочих — еще 3 будущих активных подписчика 1802 г.: 12 экземпляров заказал Семен Данилович Печенев, 10 — Стефан Никитич Завалиевский (похороненный в Санкт-Петербурге в 1831 г. в чине действительного статского советника, 63 лет, т. е. родившийся около 1767 г.), а 5 экземпляров — Иосиф Павлович Коржевский.***

Заказавший 10 экземпляров Петр Иванович Иванов погребен в Москве в Новоспасском монастыре в 1808 г. на 68-м году жизни (МН); к моменту воцарения Екатерины II ему было уже 22—23 года; судя по Межову (II, 14, 701), он был управляющим сенатским архивом в Москве.

О подписавшемся на 20 экземпляров Михаиле Ивановиче Самуйлове мы знаем только, что он купец.

Среди подписавшихся на 10 экземпляров немало для нас лиц примечательных. «Его превосходительство» Сергей Михайлович Лунин, вероятнее всего отец декабриста, не раз фигурирующий в переписке Г. Р. Державина (и тогда этот факт не безразличен и для учета возможностей домашнего чтения будущего декабриста

* Здесь и ниже: ПН — «Петербургский некрополь», МН — «Московский некрополь», РБС — «Русский биографический словарь».

** Н. М. Гершензон-Чегодаева. Дмитрий Григорьевич Левицкий. М., 1964, стр. 302—305 и 376.

*** См.: Д. С. Бабкин. А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность. М.—Л., 1966, стр. 134, 136, 306.

и великого книжника*). Николай Дмитриевич Жулковский, умерший тайным советником в 1832 г. (ПН) на 63-м году жизни, родился, стало быть, в 1769 г. и тоже начал свою карьеру при Екатерине II. Он, хоть и не подписывал «Начертания» «Общества друзей словесных наук», был его членом; более того, на основании «Записок Михаила Ивановича Антоновского» и некролога Жулковскому в «Северной пчеле» Д. С. Бабкин приводит биографические данные, свидетельствующие, между прочим, о трех для нас существенных обстоятельствах: он в 18-летнем возрасте пожалован Екатериной II взятием на службу в Адмиралтейскую коллегию и рекомендацией при этом он обязан своему соученику по Киевской духовной академии М. Антоновскому; служит при адмирале Чичагове, участвует в морских сражениях во время войны со Швецией; сотрудничает в подготовке «Новейшего повествовательного землеописания», т. е. издания Антоновского, за которое тот был арестован.** Умерший в 1826 г. в Одессе Николай Максимович Яновский был сотрудником журналов «Зеркало света», «Лекарство от скуки», «Санктпетербургский Меркурий». Он в 1803—1804 гг. напечатал в трех частях «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в русском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значения которых не всякому известны». Года рождения его мы не знаем. В 1772 или 1773 г. родился Илья Федорович Тимковский, окончивший Киевскую духовную семинарию и Московский университет (в 1797 г.), а в 1801 г. бывший секретарем Сената и с 1804 г. — профессором Харьковского университета, правовед и писатель, директор Новгородсеверской гимназии и т. д., умерший в 1853 г. (РБС). В списке Антоновского определенно назван Илья Федорович Тимковский, но, быть может, все же не лишне вспомнить здесь об Иване Федоровиче Тимковском, явно его брате, данные о котором приводит в уже не раз нами здесь используемой работе Д. С. Бабкин на основании архивного дела в ЦГИА СССР. Радищев знакомится с ним вскоре после окончания им Московского университета, во время коронации 1801 г., привлекает и рекомендует его на службу в Комиссию составления законов, где тот и работает вместе с ним в течение всего 1802 г. (т. е. года подписки на перевод Антоновского) и до перехода в августе 1803 г. на службу к А. Р. Воронцову.***

* Этого вопроса не касается содержательная работа, посвященная фонду книг М. С. Лунина, хранящемуся ныне в библиотеке Иркутского университета: В. С. Манассеин. Библиотека декабриста М. С. Лунина (Библиоковедение и библиография, 1930, № 1—2, стр. 101—102). Ср.: А. Н. Степанов. К вопросу об изучении библиотек декабристов. Сб. статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению, Л., 1965, стр. 59.

** Д. С. Бабкин. А. Н. Радищев, стр. 137 и 169.

*** Там же, стр. 242, 255 сл.

Харлампий Антонович Ященко, умерший в 1849 г. (ПН), родился в 1773 г., т. е. был ровесником Ильи Тимковского.

О подписавшемся тоже на 10 экземпляров Иване Даниловиче Колосове мы не нашли — в пределах названных справочников — биографических или некрологических данных, но знаем, что он «аукционист спб. таможни», и можем допустить, что он помнил Радищева.

Всего на 3 экземпляра подписался Анатолий Федорович Лисянский («высокоблагородие»), очевидно, брат знаменитого мореплавателя Юрия Федоровича Лисянского. Мы не разыскали, кем был Яков Иванович Белявский (выписавший 10 экземпляров), возможно, что он — виленский дворянин, отец Константина Яковлевича, родившегося в 1802 г. и ставшего впоследствии сенатором и боевым генералом на Кавказе. Зато подписчик 5 экземпляров Василий Григорьевич Костенецкий, родившийся в 1772 г. и умерший в 1831 г., — бесспорно тот военный, который обучался в Артиллерийском и Инженерном корпусе, впоследствии отличился в Отечественной войне и одно время командовал всею артиллерией; впрочем, РБС отмечает, что он отличался «нерасположением к иностранцам» (возможно, однако, после 1802 г.). Наконец, в лице Алексея Яковлевича Павлова (5 экз.) мы готовы предположить переводчика, окончившего гимназию при Московском университете, вышедшего из Московского университета еще в его ранние годы, переведшего «Логику» Баумейстера (изданную уже в 1760 г.) и «Доказательство бытия бога» Фенелона (уже в 1773 г.). РБС года смерти его не приводит.

Таким образом, здесь обнаруживается отчетливая группа лиц, ставших впоследствии крупными чиновниками или культурными деятелями и сплошь начавших свое восхождение в екатерининский век. А среди них минимум семеро прямо или косвенно были причастны либо в прошлом, в 80-х годах XVIII в., либо в том же 1802 г. к ближайшему окружению А. Н. Радищева, причем один из них служит в Санктпетербургской таможне, а другой — в Адмиралтейской коллегии.

Картину немало уточняют отрывочные сведения о тех 22 из числа подписавшихся на 1 экземпляр, о которых общие справочники приводят хотя бы скурые данные.

Петр Иванович Аверин, родившийся в начале 1760-х годов, с 1782 г. состоял правителем канцелярии курского генерал-губернатора, а в павловские времена стал правителем дел генерального прокурора Бакланова, затем — вице-президентом мануфактур-коллегии и уже в апреле 1803 г. в чине действительного статского советника — обер-прокурором III департамента Сената.

Матфей Федорович Ваганов, приводимый Антоновским среди «высокоблагородий» (6-й и 7-й классы табели о рангах), умер в 1821 г. уже в чине действительного статского советника (4-й класс) и, судя по ПН, был герольдмейстером.

Александр Ильич Гаврилов, родившийся в 1761 г., умер в 1831 г. коллежским советником, а родившийся в 1758 г. Федор Алексеевич Голубцов умер в 1829 г. действительным статским советником и «многих орденов кавалером», успев быть государственным казначеем и министром финансов.*

«Некрополи» не указывают дат жизни Петра Голубятникова; по определению Антоновского, он купец.

Николай Ефремович Ефремов умер в 1836 г. в чине действительного статского советника, но к моменту подписки был уже статским советником.

Николай Александрович Игнатъев, умерший в 1846 г. «чиновником 4-го класса» на 87-м году жизни и, стало быть, родившийся приблизительно в 1759 г., вероятно, отец известного графа Павла Николаевича Игнатъева, генерал-адъютанта и почетного академика.

Санктпетербургским купцом 1-й гильдии был Андрей Иванович Касиковский, умерший в 1838 г. на 70-м году жизни (т. е. род. ок. 1768).

Леонтий Ильич Качалов умер в 1828 г. в звании капитана-командора.

Богдан Иванович Крейтер родился в 1761 г., умер в 1835 г. действительным статским советником; ПН отмечает, что на его могильном камне на Волковом лютеранском кладбище надпись русская.

Умерший в 1810 г. сенатор и тайный советник Александр Семенович Макаров родился в 1750 г., причем он при Павле I, находясь при делах тайной экспедиции, был пожалован в 1797 г. в статские советники, в 1798 г. — в действительные статские советники «за усердную службу», а с 1800 г. — в тайные советники и назначен сенатором.**

Умерший в 1815 г. действительный статский советник Федор Иванович Меженинов — рождения 1742 г., а Алексей Ефимович Мясоедов, скончавшийся в 1818 г. вице-адмиралом, родился в 1757 г.

Третьим военным моряком в этом списке является капитан 1-го ранга Александр Степанович Овсяников, родившийся около 1760 г. (РБС), в 1797—1804 гг. бывший капитаном Архангельского порта. Примерно в одно с ним время был кадетом Морского корпуса умерший в 1853 г. в чине генерал-лейтенанта командир Астраханского порта Петр Герасимович Орловский, рождение которого тоже приходится на 60-е годы XVIII в.

* См., кроме ПН, в кн.: В. М. Клочков. Очерки правительственной деятельности времен Павла I. Пгр., 1916, стр. 533.

** См. в той же книге В. М. Клочкова. Д. С. Бабкин (А. Н. Радищев, стр. 170) цитирует отрывок из «Записок» Антоновского, в котором последний, между прочим, утверждает, что А. С. Макарову было велено быть при его допросе в 1796 г. (якобы «для одного токмо виду тайного допроса»).

Среди особ 6-го или 7-го классов назван Дмитрий Прокофьевич Позняк; он родился в 1764 г., а умер тайным советником в 1851 г. (РБС). Мы готовы его отождествить с Дмитрием Прокопьевичем Поздняковым, фигурирующим на последнем месте в качестве скромного владельца 10 акций в «Списке акционеров Российской-Американской компании».*

Чиновником 5-го класса умер в 1833 г. Николай Иванович Посников на 60-м году жизни, т. е. родившийся приблизительно в 1774 г.

Подписался на переписку с г. Вольтером и Сергей, священник, притом священник адмиралтейской церкви. И снова к Адмиралтейству тяготеет подписчик Стахий Никитич Телепнев, родившийся в конце 40-х годов XVIII в., тоже питомец Морского кадетского корпуса, бывший капитаном над Ревельским, а в 1796—1802 гг. — над Кронштадтским портом, с 1802 г. — первоприсутствующий в Московской адмиралтейской конторе; умер в 1806 г. в звании генерал-лейтенанта.

Обнаружив неожиданно среди военных моряков нечто вроде ядра или прослойки среди «споспешествующих отпечатанию» перевода Антоновского,** мы видим, что наш список замыкается тремя фигурами совсем иного профиля. Граф Дмитрий Иванович Хвостов — пресловутый сиятельный метроман (и обер-прокурор Синода; 1757—1835); Иван Яковлевич Яковлев — вероятно, не кто иной, как придворный актер (1729—1809), еще в 1788 г. переведший «Побочного сына» Дидро,*** а Петр Алексеевич Яновский известен именно как переводчик с французского языка, в частности «Истории немецкой империи» в 1811 г. (РБС).

Эти разрозненные и предварительные наблюдения, которые специалистам следовало бы углубить, продолжить и обобщить, наводят все же на мысль: в 1802 г. издание Антоновского отвечало не просто любознательности широкой публики (или фрондерским наклонностям персон, выдвинувшихся при Екатерине II и чувствовавших себя при Павле угнетенными), но было рассчитано и на вполне определенные группы, сохранявшие передовые просветительские традиции. А это в сочетании с демонстративным заявлением Антоновского (ср. выше) о том, что он перевел «Переписку» еще при Павле, создает впечатление возможной связи этого перевода с замыслом, изложенным в письме вел. кн. Александра

* Исторические записки, т. 67 (1960), стр. 298.

** Вместе с учтенным нами выше Жуковским 8 человек связано с Адмиралтейством, причем не менее четверых — несомненно бывшие питомцы Морского корпуса. В этом же корпусе, как известно, учился — и еще до 1801 г. — сын Радищева.

*** Распространенность имени и фамилии заставляет вспомнить, однако, и приводимых в книге Д. С. Бабкина на стр. 185 и 195 (без отчества) канцеляриста Ивана Яковлева, одного из первых покупателей «Путешествия» Радищева, и члена Законодательной комиссии Ивана Яковлева, до выбытия из нее в июле 1800 г. разрабатывавшего в ней теоретические вопросы.

Павловича Лагарпу в сентябре 1797 г., широко известном еще по публикации Н. К. Шильдера* и убедительно привлеченном Г. П. Макогоненко: «Мы намереваемся в течение настоящего царствования поручить перевести на русский язык столько полезных книг, как это окажется возможным, но выходить в печать будут только те из них, напечатание которых окажется возможным, а остальные мы прибережем для будущего...».** Г. П. Макогоненко сближает эти слова с субсидией Бестужеву и Пнину, «Санктпетербургский журнал» которых с 1798 г. начал печатать переводы из Гольбаха и Вольнея. Но это, как нам сдается, отнюдь не исключает и более широкого переводческого отклика на намерения «Новосильцовского кружка».

С переводом М. Антоновского связана еще одна проблема. Как нам уже приходилось отмечать в связи с перечнем всех русских переводов переписки Вольтера с русской императрицей (см. стр. 174, прим.), в библиографии всплывали глухие указания на существование некоего итальянского издания этой переписки в 1797 г., являющегося якобы переводом с русского; кроме того, и от ленинградских литературоведов, занимающихся радищевским периодом, нам случалось слышать о том, что бытует мнение, будто действительно русское издание 1802 г. было не первым в России.

Разобраться в этом загадочном деле было нелегко даже с помощью такого знатока итальянской литературной продукции XVIII и первой половины XIX в., как туринский профессор Франко Вен-тури, близко знакомый и с русской политической мыслью того времени. Поиски заняли более года и привели к небезызвестному, но забытому панегиристу Екатерины аббату Бекаттини, автору обстоятельной истории войн с турками различных европейских potentатов, особливо же России;*** но ничего освещающего интересующую нас переписку там не оказалось.

* Н. К. Шильдер. Император Александр I. М., 1897, стр. 163 сл.

** Г. П. Макогоненко. Радищев и его время. М.—Л., 1956, стр. 582.

*** Francesco Beccatini. Storia ragionata dei Turchi e degli Imperatori di Constantinopoli, di Germania e di Russia, vol. I—VIII. Venezia, 1788—1791. В собрании «Росника» Гос. публичной библиотеки в Ленинграде имеются, кроме того, два издания (неаполитанское 1783 г. и венецианское 1785 г.) истории Крыма того же автора: *Istoria della Piccola Tartaria, penisola di Crimea, e circonvicine provincie*. Это все труды, значащиеся под именем аббата Бекаттини в каталоге «Россики» (Bibliothèque Impériale Publique de St-Petersbourg. Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères, V. I—II, St-Petersbourg, 1871); однако на стр. 381 первого тома этого каталога мы встречаемся с безавторским описанием «Fasti di Caterina II Imperatrice di tutte le Russie con le riflessioni sullo stato attuale di questo impero. Vol. I—II. Tibet-antica, 1784, 8°», которое, как нам кажется, заслуживает обследования по теснейшей смежности с другим — отсутствующим в Публичной библиотеке — трудом Бекаттини «Vita e fasti di Caterina II» (см. ниже).

Разгадка заключается, по нашему мнению, в титуле книги, действительно вышедшей в свет в Лугано в 1799 г.: «Corrispondenza di lettere tra Caterina II imperatrice di tutte le Russie, e il signore de'Voltaire, tal quale è stata pubblicata a Pietroburgo nel 1797. Aggiuntavi una Lettera di Caterina II a SS. Pio VI Ed inoltre il Saggio sopra la Legislazione, oppure l'Istruzione per formare un nuovo Codice di Leggi, composta da quell'Augusta Sovrana. In Lugano MDCCXCIX. Con Pubblica approvazione» (ГПБ, 13 XV 7/23), т. е. «Переписка между Екатериной II, всероссийской императрицей, и господином де Вольтером, в том виде как она была издана в Петербурге в 1797. К сему добавлено письмо Екатерины II к его святейшеству Пию VI, а кроме того, Опыт о законодательстве или Наказ для составления нового уложения, сочиненный этой августейшей государыней. Лугано, 1799. С разрешения властей».

Казалось бы, недвусмысленно указано на петербургское издание, и притом именно 1797 г.! Однако на стр. IV «Обращения к читателям» сам издатель признается: «Мы сочли также, что сделаем приятное публике, издав в свет отдельный том с выше-названными письмами Екатерины II и Вольтера, с французского языка, на коем они писаны, переведенные аббатом Бекаттини, в том виде как они находятся в его истории вышереченной императрицы». Стало быть, речь идет о переводе вовсе не с русского языка, и вовсе не с петербургского издания. Сразу отпадает одно из главных недоумений: зачем было через десятилетие после выхода в свет Кельского издания трудиться над переводом напечатанной там переписки на итальянский не с французского оригинала, а с русского перевода? Поскольку же выпуск в свет в России в 1797 г. французского текста переписки еще более невероятен, чем издание русского перевода (на второй год правления Павла I), приходится видеть в широковещательном уточнении титула всего лишь безответственную проделку издателя — одну из тех, которые в XVIII в. были не в редкость. Перевод Бекаттини действительно находится в его истории Екатерины II, как мы смогли убедиться по ксерокопиям, любезно доставленным нам уважаемым Франко Вентури с разысканного им издания: «Vita e fasti di Caterina II imperatrice di tutte le Russie ec. ec. Presso Francesco Destefanis Librajo, Pane e Barberis Stampatori. Tomo II, Torino MDCCXCVII, Tt. III, IV, Torino MDCCXCVIII».

В книге восьмой, на стр. 265 второго тома, рассказав о том, как Екатерина привила себе и наследнику оспу, Бекаттини сообщает (хронологически неточно): «Тем временем завязалась многолетняя переписка между нашей российской императрицей и знаменитым фернейским философом» — и для вящего восполнения своей истории обещает приводить «некоторые из соответствующих писем». На самом деле, начиная со следующей страницы, он печатает письма Вольтера от 22 декабря 1766 г., 30 мая 1767 г., 10 марта 1769 г. и письма царицы от 26 мая 1767 г., 17 декабря

1768 г. и 20 июля 1769 г. На стр. 145—206 III тома, в составе одиннадцатой книги, уже регулярно приводится переписка за 9 февраля 1770 г.—6 марта 1772 г., на стр. 143—204 IV тома, даже вне основного текста, с колонтитулом «Carteggio», — все письма начиная с 29 марта 1772 г. по «последнее» письмо Вольтера от 5 декабря 1777 г. Иными словами воспроизводит состав Кельского издания.

Не беремся решать опрометчиво, но допускаем, что камуфляж под перевод с русского издания на титульном листе луганского издания 1799 г. объясняется антифранцузскими настроениями в момент успехов в Ломбардии русских войск.

Конечно, этим не исчерпываются все вопросы вокруг работы М. Антоновского; но мираж ее опубликования в годы правления Павла I, думается, можно считать окончательно развеянным.

Ваньер и текстологическое значение его замечаний на Кельское издание сочинений Вольтера

Не уставая поражаться необычайной продуктивности литературного труда такого писателя, как Вольтер, мы не вправе обойти вниманием вопрос технической организации этого труда. Вопрос этот, немаловажный в наши дни развитой техники записи, документации, размножения текстов, налаженных систем связи и т. д., мало освещен применительно к прежним векам, хотя именно отсутствие удобных средств фиксации и оформления, публикации и пересылки, библиографической информации и защиты авторских интересов отнюдь не снимало потребность ученого и писателя, мыслителя и публициста в надежных, грамотных, оперативных и толковых помощниках. Вопрос о личном секретаре стоял с немалой остротой перед любым автором, писавшим быстро и много.

Оставим в стороне более или менее эпизодические фигуры молодых повес вроде Бакуляра, Линана или Ла Марра, которым Вольтер поручал переписку более из благотворительности, или кратковременных подсобных секретарей вроде Бижекса или даже Сальморана (и прочих случайных копиистов, отлично понимавших высокую честь оказаться по воле случая «секретарем» хозяина Ферне). Среди секретарей Вольтера выступают тогда на первый план трое работавших у него подолгу и впоследствии увековечивших в своих записках немало бытовых и даже биографических черт. Двое из них — француз Лоншан (Sébastien Longchamps) и флорентинец Колини (Cosimo Alessandro Collini) — прослужили у Вольтера по пять-шесть лет;¹ оба они не только не ужились с г-жой Дени, но вообще не сумели вполне оправдать доверия, хоть и были впоследствии прощены. Третий же, Жан-Луи Ваньер (Jean Louis Wagnière), родившийся в кантоне Во в октябре 1739 г. в семье учителя, уже с 14 лет сознательно ограничил свои интересы служением боготворимому им великому человеку и быстро выработал в себе качества отличного секретаря.² Мы уже видели пример его скромных функций в начальные годы службы — его отчетность перед г-жой Дени по почтовым расходам (см. стр. 19). Русскому читателю стали хорошо знакомы его хлопоты и заслуги по упорядочению библиотеки Вольтера и доставке ее в Эрмитаж. Повторно затрагивался в нашей литературе и вопрос о нем как об авторе «Исторического комментария». Словом, из писца сложился библиотечарь и даже литературный агент; в те-

чение 24 лет, проведенных неразлучно с Вольтером, Ваньер стал буквально незаменимым для владельцев фернейского замка, особенно в ответственных и подчас весьма щекотливых ситуациях, создававшихся не только внутри его ограды, но порой и за весьма далекими рубежами.

Горько раскаивался Вольтер в последние дни своей жизни, что из Парижа, к которому его приковало раздуваемое г-жой Дени старческое честолюбие, он отослал в Ферне своего верного помощника, и он срочно вызвал его обратно к себе. Но было уже поздно: ранним утром 30 мая 1778 г., когда Ваньер прибыл в Париж, на заставах еще не знали о кончине кумира парижан, а через несколько часов она стала предметом споров всей столицы. Но подобно тому, как Ваньер не подозревал, что встреченная им ночью повозка мчалась с телом недавнего властителя умов, которое спешили успеть похоронить на единственном клочке французской земли, куда еще не дошло архиепископское запрещение, точно так же и утром, войдя в опустевшее жилище своего хозяина, не выдержав потрясений и упав в глубокий обморок, он не мог понять размеров катастрофы, лично на него обрушившейся. Чувствительная душа раздиралась искреннейшим горем, сознание бедного малого³ пыталось охватить все значение потери для страны и человечества, и коварство судьбы открылось для него не сразу. Основная наследница крупного состояния Вольтера, его племянница, не сочла нужным распорядиться участью и средствами Ваньера лучше, чем то сделал сам его хозяин, в своем завещании почти вовсе его обделивший.

Всю горечь этого невнимания Ваньер сумел не только отделить от своего пиетета к Вольтеру, но и обратить исключительно на его племянницу. А с ней его интересы скрестились и по другим линиям. Он мечтал о собирании, изучении и подготовке к изданию литературного наследства Вольтера, а также о неотложном упорядочении его библиотеки. Первому помешала передача всех неопубликованных рукописей и значительной части писем сперва Панкуку (что намечалось и прежде, но предусматривало подготовку материала именно с участием Ваньера), а вскоре — от Панкука к Бомарше; последний же как по чисто издательским, так и по политически-редакционным соображениям недвусмысленно предпочитал не обременять себя педантичным контролем свидетеля, пусть и первостепенного, но, конечно же, благожелательно пристрастного к автору. А вторая жизненная задача — библиотечарская — неожиданно подменилась неузнаваемо иной. Вместо разборки и изучения библиотеки, стало быть, вместо учета и широкого использования маргиналий (а ведь ни у кого из современников не было о них столь полного — пусть даже чисто формального — представления) пришлось почти сразу же заняться свертыванием библиотеки, ее упаковкой, переноской в Делис, а затем и отправкой в Петербург. Ваньер этому делу, цели-

ком поглотившему многие месяцы, отдался с тем бóльшим усердием, что оказался обманутым и в других своих расчетах.

Его, было, назначили управителем Ферне, но вскоре поместье переходит к другому владельцу, и об участии Ваньера и его семьи приходится позаботиться Франсуа Троншену, одному из женеvских житейских друзей Вольтера, и Мельхиору Гримму, главному посреднику между венценосцами и миром философии, литературы и искусств. Они устроили Ваньеру командировку в Петербург для разборки библиотеки и даже обеспечили ему службу при русском дворе. Этот краткий и фантастический эпизод взлета и благополучия оставил неизгладимый след в памяти «маленького швейцарца», доживавшего свой век в трудах по увековечению памяти своего бывшего хозяина, по защите ее от любой хулы, по нелегкой реабилитации его в бурные годы конца столетия — в неустанных трудах, но далеко от цветущего благосостояния.

Нами был в свое время⁴ собран и проанализирован материал по закупке вольтеровской библиотеки Екатериной II, по истории ее вывоза из Ферне, охраны, перевозки морем и встречи в Петербурге; о неопределенности намерений царицы в отношении как самой библиотеки, так и назначения Ваньера; показана роль в этих перипетиях И. И. Шувалова и Гримма; с момента прибытия в Петербург и при выезде из него, а также в последующем обеспечении Ваньера пенсией — А. Р. Воронцова. Одновременно был уточнен объем и характер работы Ваньера по упорядочению библиотеки⁵ за краткие месяцы его пребывания в Петербурге (он уехал уже в последние дни 1779 г. ст. ст., прибыв в конце июля, причем за это время долго и тяжело болел). Поэтому краткости ради мы опускаем здесь всю эту сторону деятельности Ваньера (хотя для нас очевидно, сколь значительное место в его биографии она должна занять) и остановимся на таких моментах его жизни и литературных занятий, которые непосредственно связаны с публикуемыми далее текстом «Заметок» Ваньера и элементами его переписки.

Ваньер не воспользовался предложенной ему Гриммом службой у наследного принца Генриха Прусского и вернулся в Ферне,⁶ где уже в марте начал свою многолетнюю кампанию по защите памяти Вольтера от всяческих мелких и крупных поклепов, недостатка в которых не было. «Донесение о путешествии г-на Вольтера в Париж в 1778 г. и о его смерти» (*Relation du voyage de M. de Voltaire à Paris en 1778 et de sa mort*) он посвятил своим детям. В следующем году, перебравшись в Рюэр в кантоне Во, он составляет свои «Добавления к Историческому комментарию на творения автора Генриады» (*Additions au Commentaire historique sur les oeuvres de l'auteur de la «Henriade»*), а затем в 1780—1783 гг. и «Разбор „Мемуаров Башомона“» (*Examen des Mémoires de Bachaumont*), за которым в январе 1787 г. следует «Разбор Записок, служащих для истории г. де Вольтера» (*Examen des Mé-*

moires pour servir à l'histoire de M. de Voltaire) в ответ на анонимное сочинение под таким заглавием бенедиктинца Шодона. Применить свои богатые фактические сведения более широко путем участия в издании сочинений Вольтера ему не удалось; по-видимому, парижские переговоры Ваньера с Бомарше в 1781 г. сумела сделать бесплодными г-жа Дени.⁷ Тем с большим рвением он взялся за поручение русской императрицы, предписавшей 29 апреля 1783 г. Гримму доставить ему два экземпляра всех отпечатанных томов Кельского издания с тем, чтобы в одном из них Ваньер «отметил, что правда и что неправда и прислал бы мне это» (que dans l'un il marque ce qui est vrai et ne l'est pas, et qu'il me l'envoie). «Комплект первых 30 томов» Ваньер получил в 1785 г., и 24 октября 1786 г. он пишет А. Р. Воронцову, что посылает ему небольшой список (relevé) того, чего не хватает в этих 30 томах; ⁸ 12 сентября 1787 г. он сообщает Декруа о том, что «3 дня тому назад» получил «последнюю партию в 21 томах», которыми царица его «пожаловала, предписав внести замечания, поправки и добавления, подобно тому как сделано в первых тридцати томах, и выслать ей дубликат для ее собственного экземпляра, главным же образом отметить для нее те произведения, которые я признаю определенно не принадлежащими Вольтеру».⁹ Несмотря на столь определенную документацию, хронологию этой работы остается все же несколько сбивчивой, ибо сам же Ваньер пишет к Декруа 4 февраля 1789 г. о том, что ожидает «от своей августейшей благодетельницы» пополнения комплекта издания, «коим она его пожаловала», а также о том, что-де он высылал ей — и единственно ей (pour elle seule) — дубликат всего, что он восстанавливал по подлинным записям Вольтера начиная с 1782 г.¹⁰

Приходится констатировать, что в целом поправки Ваньера и многие его свидетельства (датировки, биографические детали) остались неиспользованными, хотя в своем подавляющем большинстве они никем из позднейших издателей не были опровергнуты или опорочены. При всей отрывочности текстологических исправлений, вносимых Ваньером, им нельзя отказать в существенности и в достоверности. Это объясняется именно тем, что в последние годы жизни Вольтер усердно готовил переиздание своих сочинений, права на которые он предоставил Панкуку. Для этого он пересматривал и размечал письма своего архива (следы этого на множестве документов, опубликованных в предыдущих разделах или учтенных ниже, в разделе V), перечитывал свои произведения в прежних изданиях или списках (в основном пользуясь «Обрамленным изданием» Г. Крамера — Edition encadrée — 1775 г.). Ваньер был не просто в курсе этих работ, он сам был к ним — и притом вполне официально — привлечен.

И то и другое не ново. Однако ни к должному представлению о последней отделке Вольтером своих текстов, ни к объ-

активной оценке деятельности Ваньера по защите подлинной, последней, авторской версии донныне эти обстоятельства не приводили. Меж тем достаточно немногих примеров, чтобы обнаружилось полнейшее неблагополучие традиции.

Случай с «Предупреждением издателей» к «Опыту о нравах» покажет нам, как мало посчитались с авторской волей издателя даже такого прославленного и неувыдающего труда. А несколько справок (взятых даже не из архивных разысканий, а всего лишь из примечаний в издании Молана) напомнят о том, как ненадежен известный текст известнейших театральных произведений Вольтера.

Источником исправлений, внесенных Вольтером, очевидно, в расчете на издание Панкука и в общей массе перешедших в Кельское издание, явились, в частности, тома 14—16 принадлежавшего ему экземпляра «Обрамленного издания» 1775 г.¹¹ Был ли кем-либо отмечен этот факт? Ни Кондорсе с Декруа, ни Бешо, Молан или Банжеско об этом не обмолвились, не уточняет этого и Косси в предисловии к I тому своего труда «Oeuvres inédites».

Меж тем вставки в «Опыте о нравах» целых документов вроде текста подложного Дарения Константина (глава X «Продолжение об установлении христианства», ср. Mol. XI, 239—240) восходят к вклейкам фернейского (ныне ленинградского) экземпляра или практически к специально с них для Панкука снятым копиям. Соответствующая вклейка (т. 14, после стр. 312) на четырех страницах писана рукой Ваньера.

На этой же странице мы видим и вставку Вольтера относительно цитаты из Аммиана Марцеллина, вошедшую в виде сноски (вероятно, лишь потому, что была вынесена в нижнее поле) в Кельское издание. Однако сказанное относится лишь к первым четырем строкам сноски в издании Молана (Mol. XI, 239, причем в конце третьей отрицанием *point* заменено вольтеровское *pas*). Источник же дальнейших строк этой сноски, а равно и всей следующей, неясен, если только не допустить, что Вольтер успел еще раз просмотреть текст (уже не по печатному экземпляру, а по самой копии своих поправок).

Чтобы решить множество вопросов подобного рода, не обойтись без сплошного сличения текста изданий с экземплярами Библиотеки Вольтера. А о том, что сличение сулит текстологически ценные детали, можно судить по такому достаточно произвольно выбранному образцу.

«Предупреждение издателей» (*Avis des éditeurs*), впервые появившееся перед «Опытом о нравах» в издании 1784 г. (ср. Mol. XI, 1), действительно принадлежит перу Вольтера: мы его видим на особой вклейке в 14-м томе *Edition encadrée* в экземпляре Библиотеки Вольтера. Оно воспроизведено, за двумя исключениями, точно. Но именно эти исключения, не меняя содержания,

свидетельствуют о том, как во всех посмертных изданиях в данном случае произвольно обошлись с замыслом автора в отношении композиционной структуры его «Опыта», хотя общеизвестно, сколь многократно и старательно он эту структуру перестраивал.

Во-первых, Вольтер это «Предупреждение» помещает отнюдь не перед вводными главами, название которых «Философия истории» (на стр. 1) он сохраняет. Он делает вклейку после этих вводных глав, предпосылая ее непосредственно самому тексту «Опыта о нравах» (перед стр. 205, см. рис. на стр. 89 в сборнике «Вольтер», 1947 г.). Между тем уже в Кельском издании название «La Philosophie de l'Histoire» исчезает, а этим «Avis» открываются именно вводные главы.

Во-вторых, в последней фразе вклейки Вольтер указывает, что ответ «племянника аббата Базена» читатели найдут «в томах смеси, входящих в наше собрание» (*dans les tomes des melanges qui sont dans notre collection*), тогда как издатели вместо этого печатают «в исторической части этого издания» (?) (*dans la partie historique de cette édition*), что выправлено лишь Моланом, разъяснившим различия в построении изданий, но не восстановившим авторскую редакцию.

Печатаемые ниже (стр. 313—332) ваньеровские «Заметки и примечания» (*Notes et remarques*) начинаются с трагедий Вольтера (поскольку они занимают первые тома Кельского издания) и относятся к «Эрифиле», «Спасенному Риму», «Танкреду» и «Ирине». А вот что суммирует относительно достоверности их текста (вслед за Бешо и другими предшественниками) Молан:

Вольтер не сохранил копий «Эрифилы», издана она была впервые в 1779 г., вероятнее всего, по копии Лекэна (ранней, так как сильно отличается от текста, переделанного уже в самый год написания — 1732, — судя по письму Вольтера к Формону от 23 июня 1732, *Best.* 481). В основу Кельского издания положена другая копия, которую Декруа (получив ее также от Лекэна!) отдал еще в 1777 г. явно для правки Вольтеру, в бумагах которого она и была затем найдена (см. «*Note de Desroix*» в издании Бешо, *ср.* *Mol.* 2, 456, *note* 1). Но сноска 2 (к этому же *Avertissement* Кельского издания) самого Бешо (*ibid.*) свидетельствует о том, что им в основу своего издания положена иная копия — Лоншана, которую Декруа признал за истинный текст «Эрифилы».

Неясно, в какой момент и кем в бумагах Вольтера вторая лекэновская копия была «найдена», вошла ли она в состав тех рукописей, которые г-жа Дени уступила Бомарше? Почему об этом не знает и не упоминает Ваньер? Наконец, откуда (если не из материалов, именно для Панкука подготовлявшихся, но, как считается, перешедших к Бомарше) происходит тот «клочок-автограф Вольтера» со «стихами, подлежащими замене в „Эрифиле“, кото-

рые приводит Ваньер? Но при всех этих и иных недоумениях очевидна документальная (и художественная) ценность сохраненной нам Ваньером авторской правки.

Будучи прав в том, что Вольтер не был в Париже в 1752 г., Ваньер, однако, в своем замечании на 4-й том Кельского издания — относительно «Спасенного Рима» — не прав, считая тем самым как бы опровергнутым утверждение издателей о том, что трагедия Вольтера «Катилина» ставилась во Франции. Его ввела в заблуждение пометка на титульном листе трагедии (Kehl, IV, 163): «representée pour la première fois le 24 février 1752», что относилось, однако, к первой постановке в «Comédie française»; на самом же деле трагедия шла еще в 1750 г. на Rue Traversière и у герцогини Мэнской 22 июня 1751 г., за несколько дней до отъезда Вольтера (28 июня) из Франции (ср. Mol. 5, 200—201).

Относительно «Танкреда» Ваньер, между прочим, к словам в «Посвящении маркизе Помпадур» о «множестве неверных копий» добавляет: «Я сам изготовил не менее двадцати семи, а их еще подделывали». Интересно примечание к этому месту Декруа, приводимое Моляном (5, 497, сн. 4): «Это было нам подтверждено г. Ваньером. Он сделал несколько копий пьесы» (и далее о том, как они размножались, искажались и т. д.).

Вопрос о «вариантах» текста «Ирины» сразу приобрел острую остроту. Еще Бешо отметил (ср. Mol. 7, 324) заявление Вольтера в письме к Французской академии, что трагедия подлежала напечатанию всего в нескольких экземплярах (открытое же издание вышло лишь посмертно); поэтому в текст своего издания Бешо включил единственно копию нескольких поправок Вольтера, предоставленную ему неким Дюкруази, и отверг поправки, писанные рукой Лагарпа и, по-видимому, им сочиненные.

В этой связи свидетельство Ваньера опять-таки ценно, хотя бы упоминанием о трех единственно подлинных — и совпадавших — списках.

Приведем еще один образец тех сложных соотношений, которые связывают в традиции вольтеровского текста отдельные списки, на сей раз совсем из иного комплекса ваньеровских свидетельств.

В отношении «Краткого очерка века Людовика XV» Ваньер в своих замечаниях пользовался безусловно не тем экземпляром, на котором маргиналии Вольтера через Кейроля (Caugol) дошли до Бешо (то должен быть XX том Edition encadrée, ср. Bengesco, I, 353, № 1194): в экземпляре Бешо исправления Вольтера уже учитывают письмо, полученное им в 1776 г. от Бурсе-младшего из Пондишери.¹² Как, откуда и в какой момент этот экземпляр попал к Кейролю? Почему Ваньер не знал об этих новых исправлениях? Это не только интригующе само по себе и существенно для понимания значимости ваньеровских свидетельств, но и связано

источниковедчески с таким важным моментом, как кампания за реабилитацию Лалли (ср. ниже, стр. 394—402).¹³

Есть наряду со всем этим определенная противоречивость в некоторых заметках Ваньера вообще. Подчас это мелочи, легко объясняемые изменой памяти. Сюда можно отнести, например, заявление о том, будто экземпляр «*De la félicité publique*» маркиза Шастеллю с особенно обильными собственноручными пометками Вольтера хранится в составе его библиотеки, тогда как там оказывается экземпляр с копией этих пометок, выполненной рукой Ваньера, подлинный же экземпляр (ныне принадлежащий Историческому музею в Москве) перешел, вероятно в 20-х годах XIX в., во владение графа Г. В. Орлова.¹⁴ Но порой это предмет серьезных споров, не улегшихся поныне и возникших чуть ли не два века тому назад. Такова прежде всего контрверза об авторстве «Исторического комментария к трудам автора „Генриады“», о чем отдельно речь пойдет далее (см. стр. 282—287).

Словом, на наших вводных страницах перед публикацией «*Notes et remarques*» Ваньера мы отнюдь не рассчитываем решить все проблемы, как давнишние, так и никогда прежде не ставившиеся, накопившиеся вокруг его личности и деятельности, напротив, собираемся лишь бегло осветить некоторые, преимущественно биографические моменты. При этом (в рамках данной книги) нам кажется всего уместнее внимание читателя задержать лишь на следующих темах:

Кругозор и общественный путь.

Связи с А. Р. Воронцовым.

«Исторический комментарий».

Фреденхейм и наследие Вольтера.

Помимо этих тем, здесь достаточно будет привести текст «*Notes et remarques*» Ваньера, присланных Екатерине II, с кратчайшей справкой об их оформлении. Прочие же вопросы придется оставить за пределами изложения, несмотря на то что они научно вполне назрели: например, в чем именно состояла работа Ваньера в Петербурге, о его роли библиотекаря (как при свертывании и перевозке библиотеки, так и на всем протяжении его забот о ней до смерти хозяина Ферне); какова природа (правовая и литературно-архивная) тех рукописей, которые он привез Екатерине II и которые ныне хранятся в Ленинграде; что за элементы вольтеровского рукописного наследия оказались у него на руках в разные моменты его «пенсионного» существования?

Кругозор и общественный путь

Нет и малейших оснований сомневаться в преданности Ваньера и его искреннейшей и испытанной приверженности к памяти своего патрона. Неблагодарностью карьеристов он себя не за-

пятнал: в век фаворитов фортуны, негнушавшихся никакими ходами, интригами, отступничествами и «заимствованиями» (а этим грешили почти все молодые люди, причастные к секретарской близости к писателю), и среди литературных, а затем и политических страстей конца столетия Ваньер никогда ни в малейшем не поступился своим пиететом, не изменил своему пониманию долга по отношению к великому человеку, в тени которого он вырос, отшлифовался и имел счастье долго трудиться. «Вот человек, которому я должна всем, что я знаю, и всем, что я есмь» (*à qui je dois tout ce que je sais et tout ce que je suis*) — эти слова Екатерины II, когда она с глубоким поклоном впервые приблизилась к расставленным в Петербурге книгам из библиотеки Вольтера, совсем по-иному, в менее метафорическом смысле и с полнейшей искренностью мог бы повторить про себя Жан-Луи Ваньер. Ему и в голову не приходило подобно каким-нибудь Ла Маррам, Линанам, Сальморанам — и столь многим иным — возомнить себя восходящей знаменитостью, для которой временная доверительная близость Вольтера была лишь ступенью на литературский небосклон. Ему достало природной достойной скромности, чтобы осознать, какое непомерное счастье выпало на его долю в течение двух десятков лет быть свидетелем всей духовной и бытовой жизни в Ферне и Делис. И как бы он впоследствии ни кичился своей совершенно фантастической удачей, забросившей его в столицу сказочной Российской империи, ко двору «Семирамиды Севера», которую так превозносил вечно болящий старец с подножья Юрских гор, Ваньер — в отличие от столь многих своих соотечественников (вспомним, хотя бы Пикте!) — и в Петербурге не пытался закрепиться и, видимо, впоследствии, на земле Жекс, не умел стричь купоны со своей репутации чтеца и пенсионера императрицы.

За этими человечески симпатичными чертами не проступает, однако, ни республиканская гордость (даже по масштабам «женевского гражданина»), ни широта кругозора передового современника — и даже собеседника — Даламбера, Дидро, Кондорсе, Бомарше, князя де Линь, Шувалова, Воронцова. В Ферне размер и хозяйство «замка» были все же настолько скромными, в пышности приемов столь преобладали брашна духовные, празднества поселян так напоминали семейные инсценировки, что Ваньер как-то сразу оказался подавленным несоизмеримостью петербургской мощи и масштабов, высоким рангом своих покровителей и начальников. Он несомненно не терял собственного достоинства и не впадал вместе с тем в грех излишней фамильярности: он сохранил уважение со стороны, например, А. Р. Воронцова (тогда как не родовитый вельможа и гораздо более мелкий человек — Мельхиор Гримм, — по долгу службы ему покровительствуя, делал это не без пренебрежения). Но не только же нуждой, не одной необходимостью вымалывать выплату годами задерживаемой пенсии,

не только расчетом на социальный престиж среди соседей объясняются и «низкопоклонные» обороты среди свободного эпистолярного стиля публикуемых ниже писем к Воронцову, и неспособность упомянуть русскую царицу без эпитета «моя августейшая благодетельница». Капитала и солидной недвижимости, знатного родства или хоть плохонькой, но благородной должности не было; и чем дальше, тем больше приходилось осознавать свою полную беззащитность и необеспеченность и воспринимать контраст настоящего с прошлым — с молодыми и по сути безответственными годами, а затем с великолепием Эрмитажа и Зимнего дворца, ощущая пропасть между собой и своими корреспондентами или посетителями Ферне, вельможами и богачами.

При отсутствии озорной, темпераментной, всегда неожиданной реакции вспыльчивого и капризного, мнительно-самолюбивого, но великодушного и мудрого старика и вне того трепетания всех больших проблем современности, которым дышали ежедневно и ежечасно его встречи и переписка, все большее погружение Ваньера в бумажную, словесную, формальную сторону вольтеровского наследия привели к тому, что к зрелости он подходил не с расширившимся умом и сердцем, но со всей умеренностью и благонамеренностью провинциального мещанина. Появившиеся по-смертно, в 1826 г., в «*Courrier de Léman*» (4 ноября) поздние стихи его «Ваньер или последние дни Вольтера», к сожалению, не оставляют в этом сомнения. Им не откажешь ни в искренней теплоте чувств, ни в глубокой преданности и неутомимой апологетике, но крайняя узость социальной концепции бьет в глаза. Личный образ Вольтера-человека начисто заслоняет от Ваньера его общественное значение. Так, о философах и о «партии прогресса» вообще он отзывался так:

Une secte orgueilleuse, et dont alors la voix
Maîtrisait les sujets et gourmandait les rois,
Une secte, à Paris, voulait aussi peut-être
Au Grand prêtre de Rome opposer son grand prêtre
Et loin de l'anathème et de furies de Rome
Cherchait à se cacher à l'ombre d'un grand homme.¹⁵

(«Честолюбивая секта, голос коей в те времена подчинял подданных и отчитывал королей, — некая секта в Париже, быть может, тоже желала противопоставить римскому верховному жрецу своего верховного жреца и вдали от анафем и фурий Рима стремилась укрыться в тени великого человека»).

Прошло каких-нибудь полтора года с царского пожалования пожизненной пенсии в 1500 ливров, а уже с 1781 г. Гримму приходится изобретать все новые способы, чтобы напоминать в России о том, сколь она неаккуратно выплачивается, и чтобы выплата происходила по наименее безубыточному курсу. И так свыше десяти лет, вплоть до эпохи террора, когда, по свидетельству

того же Гримма, Ваньер пребывал все еще в Ферне, но «почти пленником».¹⁶

Как-то неприязненно-насмешливо звучит вопрос Екатерины II о Ваньере в письме к Гримму от 3 марта 1791 г.: «Не стал ли он главнокомандующим (commandant général) какого-нибудь города? Я знаю здесь двоих, ставших старьевщиками (fripiers) и считающих себя равными г. де Лафайету или как там его следует называть?»¹⁷ Либо императрица чутко предвосхитила события, либо до нее дошли слухи о новой революционной карьере ее пенсионера. Об этой стороне дела все прежние биографы (вероятно, идя по стопам комментаторов эпохи Реставрации, стыдливо или осторожно об этом умалчивавших) хранили упорное молчание. Но мы знаем автограф письма от 23 февраля 1793 г., в котором Ваньер в звании фернейского мэра обращается к военному министру,¹⁸ и другие, хотя и разрозненные, упоминания об этом его новом качестве и готовы допустить, что Гримм, вполне понимая, что фернейский мэр никакой не якобинец и уж во всяком случае не монтаньяр, стремился замаскировать его революционную должность, изображая его «почти пленником».

Приводимые ниже документы конца 1789 г., связанные с посещением Фреденхейма,¹⁹ обрисовывают далеко не героическую фигуру будущего главы революционной коммуны «Ферне-Вольтер».²⁰ Без разысканий в местных архивах не удастся восстановить хронику этой коммуны за годы революции, но некоторое представление о классовой борьбе (безземельных горцев с мелкими собственниками окрестностей Женевы) мы почерпаем из эпизода, приведенного Ж. Жоресом (к сожалению, без даты). Горцы-бедняки спустились в Ферне, но женевский гарнизон, на помощь которому поспешило множество добровольцев (secondé de quantité de volontaires), привез пушки и обратил их в бегство.²¹

Разысканные нами письма Ваньера к А. Р. Воронцову (см. ниже) дополняют прежде известные его письма к этому покровителю, в частности, тем, что благоговение перед Екатериной II, доходящее до раболепия, характеризует Ваньера и на третьем году революции, в январе и феврале 1791 г.

Столь же мало, как о деятельности муниципальной, осведомлены мы пока о масонстве Ваньера, но оно дважды засвидетельствовано.²²

Умер Ваньер в 1807 г.,²³ очевидно в Ферне, хотя анонимная заметка в «Gazette de Lausanne» от 11 ноября 1807 г. утверждала, будто он умер в Париже.²⁴

Связи с А. Р. Воронцовым

«Последнее путешествие г. Вольтера в Париж» снабжено «Постскриптумом», и в сноске «z» к нему Ваньер признается: «Я обязан также нежнейшей и почтительнейшей признатель-

ностью уважаемому графу Александру Воронцову за всю доброту, с которой он мне помогал в Петербурге, за интерес, который он соблаговолил проявлять ко всему, что меня касалось, и за все, что он для меня сделал. Гг. его братья, равно как и гг. Безбородко, Бакунин, Львов, Лафермьер (de Besbarodka, de Bacownin, Lwow, la Fermiere) и все друзья моего покровителя, г. графа Воронцова, глубоко запали мне в сердце и тем, как они постарались меня радушно принять, они оставили в нем искренние чувства благодарности».

Только ли долгом вежливости или соображениями этикета продиктованы эти слова?

Сопоставление в этом тесном ряду лиц столь разного ранга само по себе обнаруживает сугубо неофициальный характер обращения Ваньера. Как мало времени он не провел на берегах Невы, сколь бы наивным сыном Юрских предгорий и провинциалом он не прибыл в Эрмитаж, мог ли он, уезжая, совсем не воспринять дистанции между статс-секретарем, фактическим вершителем внешней политики Российской империи и управляющим в Мурине, мог ли не сравнить масштабы воронцовских дворцов и жилища Львова (или дачи «близ Невского монастыря», против Охты). Хорошее воспитание, свободная французская речь, общая для всех лиц, имевших с ним дело, широта подхода, столь непохожая на мелочную деловитость и заносчивую чванливость знакомой ему французской провинциальной администрации или швейцарской патрицианской магистратуры, непривычное хлебосольство и элементарная человечность (по контрасту с ограниченной мещанкой г-жой Дени, от которой столько раз в жизни он был зависим) — все это вписывалось неотъемлемо в русские воспоминания Ваньера, как бы их ни переполнял трепет дворцовых впечатлений.

Это излишне напомнить в связи с прежде известными письмами его к А. Р. Воронцову (см. в разделе V №№ 302, 305, 309, 316); кроме того, публикуемые ниже восемь писем сами требуют правильно учесть все (а не только внешние, вполне прозаические) поводы и мотивы повторных обращений из Ферне к петербургскому покровителю. На первом плане насущный хлеб (забота о пенсии); но сверх того, почтенному среди соседей, однако отнюдь не влиятельному «бывшему секретарю великого человека» каждый знак внимания со стороны русского графа (стало быть, якобы самой императрицы) — существенное подспорье социального престижа. И все же, за вычетом того и другого, остается нечто и на долю личного чувства. Для нас эти письма любопытны и тем, что фиксируют еще несколько линий связи Ферне с русскими людьми (например, посещение Зиновьева), а также женевских выходцев с Россией. В частности, отметим повторное упоминание о Дю Сожи: покинув русскую службу, он впоследствии, в годы революции, не прекратит переписки с А. Р. Воронцовым.²⁵

1780, 6 IV

От Ваньера А. Р. Воронцову

A cy devant ferney le 6e avril 1780.

Monsieur mon protecteur

Il ny a que six jours que j'ai reçu la lettre, dont vôtre Excellence a d'aigné m'honorer du 26 février, et qui accompagnait le paquet que Sa Majesté Imperiale avait reçu pour moi. Je ne puis vous exprimer à quel point j'ai été sensible à la marque du souvenir que vous me donnés. Je n'ai pu vous remercier sur le champ, parce qu'il y a trois semaines, que je me suit gâté le pouce de la main droite; je ne puis encore ecrire, et je vous prie de permettre que je me serve de la main de ma fille.

J'ai eu l'honneur de vous écrire immédiatement après mon arrivée; et j'atends depuis trois semaines des nouvelles de vôtre Excellence et ses ordres; je suis un peu inquiet de n'avoir reçu encor aucune réponce aux Lettres que j'ai envoyées à Petersbourg; je n'en ai même point du sieur Reynaud mon beau frère, pour lequel j'ose toujours vous demander vôtre protection. Mais rien ne me ferait plus de peine que d'être oublié de mon bon protecteur, à qui je desire de pouvoir aller témoigner ma reconnaissance, ainsi que de me mettre encore aux pieds de mon auguste bienfaictrice, avec ma famille. J'aime à me bercer de cette esperance. En attendant puissai-je être assuré par vous que j'ai obtenu une petite part de l'estime de Sa Majesté Impériale et de la vôtre. Veuillez toujours être auprès d'elle l'interprète de mes respectueux sentimens. J'ai osé lui écrire par Monsieur de Grimm; je desire ne lui avoir pas déplu.

Je n'ai point perdu de vue le projet de rassembler, tout ce que je pourais du grand homme qui avait pour vôtre Excellence la plus parfaite estime. Vous devés avoir Monsieur Le Comte, autant que je puis m'en souvenir qu'elques Lettres qui mériteraient d'être publiques, je vous serais très obligé si vous vouliés bien me faire part de celles que vous jugerés apropos, et je pourais les recevoir par la voye de Monsieur De Grimm.

Quant à la grande édition, j'en ai demandé des nouvelles à bien des personnes, aucune n'a pu m'en donner; on dit qu'on l'a commencée aux Deux ponts, j'en écrivis à mon arrivée à Pankouke, qui me repondit simplement *que des circonstances l'avoient empêché de profiter des bontés de Sa Majesté Imperiale, et qu'il a tout vendu à Mr Beaumarchais*, il ne me dit pas un mot de plus.

Quant à l'ouvrage le Monsieur le Marquis De Luchet, la Societé Typographique de Genève qui fait l'edition de Rousseau a député un des associés pour tâcher d'acquérir les manuscrits. Cette personne n'est pas encore de retour et l'on ne sait pas comment tout cela ira.

J'ai fait de nouveau vos complimens à M^r et m^{me} Craëmer qui m'avaient chargé de vous témoigner combien ils étoient sensibles à vôtre souvenir. J'avais aussi été voir Monsieur De Vesselow, de votre part, ce bon vieillard (quoique sa tête ny soit plus) se ranimait à tout ce que je lui disais de sa patrie, et l'on voyait le plaisir dans ses yeux et sur sur <sic!> son visage, lui et sa femme vous font mille remerciemens.

Voilà donc nôtre auguste souveraine et vous braves Messieurs Russes, qui allés faire une belle et bonne Ligue contre la guerre; le bon abbé De St Pierre serait bien aise. Puisse Sa Majesté Imperiale rendre la paix à l'europe! Par ma fois, Messieurs, vous devenez de terribles gens.

Pour moi j'ai ordre d'aller dans un mois passer les revues en Suisse: j'aurais bien voulu avoir un habit vert avec col, bavaroise et paremens rouges, veste et culotes rouges; j'aurais été exempt de porter l'habit bleu. Madame Duvivier, cy devant Madame Denis, après mon arrivée a couronné l'oeuvre, en me faisant dire qu'elle ne voulait plus me donner les cinquante louis d'or par an qu'elle m'avait promis, mais non seulement cela, c'est qu'elle ne me remet point un billet de six mille francs qu'elle avait exigé de Pankouke pour moi. Elle a révolté tout le monde contre elle. Ainsi je suis bien heureux que vôtre Excellence m'ait honoré de ses bontés, et Sa Majesté Imperiale de ses bienfaits, sans quoi j'aurais été fort a pleindre. Madame Billot reconnaitra bien là Mad^e Denis. Mon amour propre est flatté de ne rien devoir à l'heritière de Monsieur De Voltaire, d'être degagé de tous les égards que j'aurais dus à sa nièce à cause de sa mémoire et de n'avoir été recompensé que par la Souveraine de Russie.

On croit qu'elle va être obligée de reprendre ferney, M^r De Villette ne la payant point après avoir tout devasté; ils disent des horeurs l'un l'un <sic!> de l'autre, le coeur me saigne en voyant tout cela, et me fait desirer de pouvoir bien vite aller à Petersbourg avec ma famille.

Le jeune Landry n'attend que vos ordres pour partir, j'espere à chaque poste de les recevoir. Je lui remettrai l'argent que vous fixerés pour sa route. Je lui ai fait apprendre tous les mots russes que je savais, et il prend des leçons d'alemand.

Je prie instamment vôtre Excellence de me rappeler au souvenir des personnes de vôtre société, et surtout de faire agréer mes respects à Monsieur Le Comte Simon et à Monsieur De Chouwalow, si vous les voyez.

Tout est singulierement stérile dans la Literature. Mon^r De La Harpe a fait un nouvel éloge de Monsieur De Voltaire, dont on parait content, je l'atends de Paris.

Son altesse Royale Monseigneur le Prince Henry de Prusse m'a beaucoup sollicité, et fait solliciter pour m'attacher à lui, ainsi qu'au Roi de Prusse, j'ai repondu que je l'étais a Sa Majesté Impériale.

Je le suis aussi à vôtre Excellence, et je la suplie de me continuer son amitié et d'agréer les sentimens respectueus avec lesquels je suis

Monsieur De votre Excellence Le très humble et tres obeissant serviteur.

Pour mon Papa Catherine Wagnière.

Vôtre Excellence veut elle bien ajouter a ses bontés celle de faire tenir ce petit billet à Madame Billot.

Автограф. ЦГАДА, ф. 1261 (Воронцовых), оп. 3, № 409, лл. 1—2.

[Перевод]

В бывшем Ферне, 6 апреля 1780.

Милостивый государь, мой покровитель,

всего лишь шесть дней назад получил я письмо от 26 февраля, которым ваше сиятельство соблаговолили меня почтить и которое сопровождало пакет, полученный для меня е. и. в. Не могу вам выразить, до какой степени я был тронут свидетельством того, что вы меня помните. Я не мог поблагодарить вас сразу же, так как три недели тому назад повредил себе большой палец правой руки; я еще не могу писать и прошу вас разрешить мне воспользоваться помощью моей дочери.

Я имел честь написать вам немедленно после своего прибытия и уже три недели жду от вашего сиятельства новостей и распоряжений. Я несколько беспокоюсь, не получая никакого ответа на письма, что я послал в Петербург; нет ответа даже от моего зятя г. Рейно, для коего я вновь осмеливаюсь просить вашего покровительства. Но ничто меня так не огорчило бы, как быть забытым моим добрым покровителем, которому я желал бы иметь возможность лично выразить мою признательность, а также снова припасть к стопам моей августейшей благодетельницы вместе со своим семейством. Люблю баюкать себя этой надеждой, а пока хотел бы получить от вас заверение в том, что имею хотя бы малую долю уважения е.и.в., равно как и вашего. Соблаговолите быть всегда пред ней выразителем моих почтительных чувств. Я осмелился написать ей через господина Гримма; надеюсь, что не прогневал ее.

Я отнюдь не оставил проекта собрать все, что смогу, из относящегося к великому человеку, питавшему к вашему сиятельству наибольшее уважение. Насколько я помню, у вас, господин граф, должны быть некоторые письма, заслуживающие опубликования, и я был бы вам очень обязан, если бы вы согласились передать мне те из них, которые сочтете подходящими; я мог бы их получить через посредство господина Гримма.

Что касается большого издания, я спрашивал о нем многих лиц, но никто не мог мне ничего сообщить. Говорят, что его уже

начали в Цвейбрюкене; по приезде я об этом написал Панкуку, а он мне ответил всего лишь, что обстоятельства помешали ему воспользоваться милостью е. и. в. и что он все продал господину Бомарше, и больше он мне ничего не сообщал.

Что касается сочинения господина маркиза де Люше, то женеvская типографская компания, издающая Руссо, послала одного из своих членов, чтобы постараться приобрести рукописи. Это лицо еще не вернулось, и никто не знает, как пойдет это дело.

Я еще раз передал ваши поклоны господину и госпоже Крамер, и они просили меня засвидетельствовать вам, как они тронуты тем, что вы их помните. Я посетил также от вашего имени г. Веселовского; добрый старик (но голова его уже не в порядке) воодушевлялся от всего, что я ему рассказывал о его родине, и радость была видна в его глазах и чертах. Он и его жена шлют вам тысячу благодарностей.

Итак, наша августейшая государыня и вы, храбрые русские господа, собираетесь заключить самый настоящий союз против войны; добрый аббат Сен-Пьер был бы очень доволен. Да вернет е. и. в. мир Европе! Ей-ей, господа, вы становитесь грозными людьми.

Что касается меня, то мне приказано отправиться через месяц на смотры в Швейцарию. Очень бы мне хотелось иметь зеленый мундир с красными отворотами, обшлагами и воротником и красные штаны и жилет; я бы тогда не был обязан носить синий мундир. После моего приезда госпожа Дювивье, бывшая госпожа Дени, завершила наконец свое дело, передав мне, что не желает больше платить мне обещанные пятьдесят луидоров в год, и, кроме того, что не отдаст мне вексель на шесть тысяч франков, вытребованный ею для меня от Панкука. Этим она возмутила всех против себя. Посему я весьма счастлив, что ваше сиятельство почтили меня своими щедротами, а е. и. в. своими благодеяниями, без чего судьба моя была бы жалостной. Госпожа Бийо узнает в этом госпожу Дени. Самолюбие мое польщено тем, что я ничем не обязан наследнице господина Вольтера, свободен от какого бы то ни было уважения во имя его памяти по отношению к его племяннице и вознагражден лишь государыней России.

Полагают, что она должна будет взять обратно Ферне, поскольку господин де Вилет ей не платит и все там разорил. Они говорят друг о друге гадости; при виде всего этого у меня сердце обливается кровью и хочется поскорее отправиться в Петербург с моим семейством.

Юный Ландри ждет лишь ваших распоряжений, чтобы уехать, а я с каждой почтой надеюсь их получить. Я вручу ему деньги, которые вы назначите для его путешествия. Я выучил его всем известным мне русским словам, и он берет уроки немецкого языка.

Настоятельно прошу ваше сиятельство напомнить обо мне лицам вашего общества и особенно передать мое почтение графу Семену и господину Шувалову, если вы их видите.

В литературе все совершенно бесплодно. Господин де Лагарп сочинил новое похвальное слово господину Вольтеру и им как будто довольны; я его жду из Парижа.

Его королевское высочество монсеньор принц Генрих Прусский сам и через других очень меня склонял к тому, чтобы я поступил к нему и к королю Прусскому; я ответил, что состою на службе у е. и. в. Состою я и у вашего сиятельства и умоляю вас продлить мне вашу дружбу и принять почтительные чувства, с коими я пребываю, сударь, вашего сиятельства смиреннейшим и покорнейшим слугой.

За моего папу Катрин Ваньер.

Ваше сиятельство, не соблаговолите ли вы проявить вашу милость и в том, чтобы передать эту записочку госпоже Бийо.

2

1780, 21 VI

От него же ему же

à Ryeure, pais de Vaud par Lausanne
21 juin 1780.

Monsieur mon protecteur

Le silence de vôtre Excellence est une des paines les plus vives que mon coeur ait jamais ressenties, depuis trois mois mon esprit travaille pour deviner la cause pour laquelle je n'ai point eu de réponse de Vôtre Excellence à ma Lettre du 10 fevrier, écrite le lendemain de mon arrivée dans ce pais.

Vous avez daigné me témoigner tant d'amitié à Petersbourg, que j'en partis avec la douce espérance que vous me continueriez toujours des bontés, et un souvenir qui feraient la consolation de ma vie, et dans ce moment cy je tremble d'avoir le malheur d'être oublié de Vôtre Excellence.

Le proverbe dit *que les absents ont tort*, j'ose cependant me flatter qu'il ne me sera aplicable ni de vôtre part, ni de celle de Sa Majesté Imperiale ma bienfaictrice.

J'avais écrit aussi en fevrier à Mad^e Billot et à Mr Ador, je n'en ai eu aucune nouvelle. J'ai expédié à ce dernier de très bon vin de la Côte, et il ne daigne pas me dire un seul mot. Est-ce que le fleuve Lethe aurait passé en Russie? Je ne puis le croire: j'aime bien mieux attribuer tout aux occupations utiles et importantes dont Vôtre Excellence est accablée, mais je la supplie pourtant de me donner un signe de vie.

Le jeune Landry que vous m'avez chargé de vous envoyer, se désespère de ce que vous ne m'honorez pas de vos ordres à son égard, et dans cet état d'incertitude il n'ose point prendre d'arrangement.

Vôtre Excellence avait daigné me flatter qu'elle aurait la bonté de me faire avoir une copie en français de l'ordonnance de Sa Majesté Imperiale pour la pension dont elle m'a gratifié, et sans laquelle je serais embarrassé pour vivre, surtout après toutes les infâmies de Mad^e françois, dite Duvivier, autrefois Denis, a mon égard.

Je suis depuis un mois dans mon petit taudis paternel. Je voudrais bien être à même de pouvoir acheter un petit bien et de l'appeller Catherinedon. Je desirerais surtout de pouvoir mettre mon fils en état d'être dans quelques années présenté à S.M.I. et à Vôtre Excellence; et qu'il put mériter une partie des bontés dont vous m'avez honoré.

Vous avez été mon protecteur, j'espère toujours que mes interets ne vous seront pas indifférents; je n'ai que vous dans vôtre patrie. J'écris aujourd'hui à M^r D'alsouffief pour ma pension, et je le prie de me la faire tenir à ferney jusqu'à nouvel ordre. Je vous supplie de m'accorder vôtre protection auprès de lui, d'être auprès de vos amis l'interprète de mes sentiments pour eux, et auprès de mon auguste bienfaitrice celui de mon profond respect, de ma vive reconnaissance et du desir ardent que j'ai de lui plaire ainsi qu'à vous.

Je crois, Monsieur, que vous êtes bien persuadé des sentiments que vous m'avez inspirés, du sincère attachement que j'ai pour vôtre personne, du respect et de la reconnaissance avec lesquels je suis

Monsieur

De Votre Excellence Le très humble et très obéissant serviteur

Wagnière.

M^r et Mad^e Crammer m'ont encor chargé de les rappeler à Vôtre souvenir. Je travaille tant que je puis, je compte retourner à ferney dans six semaines.

Автограф. ЦГАДА, ф. 1261 (Воронцовых), оп. 3, № 413, лл. 1—2. В верхних правых углах нумерация синим карандашом: 187 и 188.

[Перевод]

Рюэр, область Во, через Лозанну.
21 июня 1780.

Милостивый государь, мой покровитель.

Молчание вашего сиятельства доставляет моему сердцу самое тяжкое страдание, когда-либо им испытанное. Вот уже три месяца, как я стараюсь отгадать причину, из-за которой не имею ответа от вашего сиятельства на мое письмо от 10 февраля, написанное на другой день после моего прибытия в здешние места.

Вы соблаговолили выказать мне в Петербурге столько дружеского любия, что я уехал оттуда со сладкой надеждой, что вы меня

всегда будете жаловать своими милостями и помнить обо мне, и это составит утешение в моей жизни. А теперь я трепещу от счастья быть забытым вашим сиятельством.

Пословица гласит: отсутствующие виноваты, но я осмеливаюсь льстить себя надеждой, что она ко мне не применима ни с вашей стороны, ни со стороны е. и. в., моей благодетельницы.

В феврале я написал также госпоже Бийо и господину Адору, и от них нет никаких известий. Я послал последнему очень хорошее бургундское вино, а он не соблаговолил написать мне хоть словечко. Неужели река Лета перебралась в Россию? Не могу этому поверить, предпочитаю приписать все важным и полезным занятиям, что обременяют ваше сиятельство, но все же прошу вас подать мне признак жизни.

Юный Ландри, коего вы мне поручили отправить к вам, в отчаянии от того, что вы не почтили меня своими приказаниями о нем, и при такой неопределенности он не решается что-либо предпринимать.

Ваше сиятельство соблаговолили обнадежить меня в том, что будете добры распорядиться доставить мне копию на французском языке с указа е. и. в. касательно дарованной ею мне пенсии, жить без которой мне было бы затруднительно, особенно после всех подлостей, сделанных мне госпожой Франсуа, именуемой Дювивье, бывшей Дени.

Уже месяц, как я нахожусь в своей маленькой отчей лачуге. Я очень желал бы быть в состоянии купить небольшое имение и назвать его Екатеринодар. Особенно желал бы я дать моему сыну возможность через несколько лет предстать перед е. и. в. и вашим сиятельством, дабы он мог заслужить часть милостей, коими вы меня удостоили.

Вы были моим покровителем, и я всегда надеюсь, что мои интересы для вас безразличны. В вашей стране у меня никого нет, кроме вас. Я пишу сегодня господину Олсуфьеву по поводу моей пенсии и прошу его пересылать ее в Ферне вплоть до нового указания. Умоляю вас оказать мне у него протекцию и передать вашим друзьям мои чувства, а моей августейшей благодетельнице мое глубочайшее почтение, мою живейшую благодарность и горячее желание угодить ей, равно как и вам.

Надеюсь, сударь, что вы верите внушенным вами мне чувствам питаемой к вам искренней привязанности, уважения и благодарности, с коими пребываю, сударь, вашего сиятельства смиреннейшим и покорнейшим слугой.

Ваньер.

Господин и госпожа Крамер просят меня вам о них напомнить. Я работаю сколько могу и думаю вернуться в Ферне через шесть недель.

1781, 22 XII

От него же ему же
à ferney 22e X^{brc} 1781.

Monsieur Le comte mon protecteur.

Il y a près de deux ans que j'ai le malheur de ne pouvoir plus vous faire ma cour en personne; C'est pour m'en consoler un peu que je vous ai demandé la permission de me rappeler de tems en tems au souvenir de Votre Excellence. Vous savez combien je suis jaloux de votre estime et de votre amitié, et combien je desire que vous m'en honoriez toujours. Le tems et l'éloignement n'ont point affaibli les sentiments que vous m'avez inspirés; puisse-t-il en être de même de votre part si j'ai eu le bonheur de ne pas vous déplaire quand j'avais celui de vous aprocher.

Il y a une quinzaine de jours, Monsieur Le comte, que j'adressai a Votre Excellence un petit paquet qui vous sera remis par Mr Lyders. C'est une faible marque de ma reconnaissance des bontés dont vous m'avez honoré. Mais j'ai une grace essentielle à vous demander, et j'ose l'attendre de votre probité et de votre discretion, c'est de ne communiquer à qui que ce soit le contenu du paquet qui n'est absolument que pour vous seul; car autrement vous agiriez contre mes interêts, et ma tranquillité, et je suis bien persuadé que Votre Excellence ne voudrait pas me nuire. Personne au monde, excepté Sa Majesté Impériale mon auguste bienfaitrice et M^r le Baron De Grimm n'en a un double, ni ne le connait.^a

Je vous serai tres obligé, Monsieur le Comte, de m'en accuser la reception et de m'en dire votre avis. J'ai joint à mon paquet une lettre pour Mad^e Billot et une pour Mr Ador que je supplie Votre Excellence de vouloir bien leur faire parvenir.

Je demande a M^r D'Eck directeur général des postes, la permission de vous faire tenir cette lettre sous son couvert, et je serais bien aise de savoir si je n'ai pas commis une indiscretion en prenant cette liberté.

On ne sait point encore où en est l'édition qu'avait projetée Beaumarchais. Il m'avait promis de s'arranger avec moi pour ce que je m'étais procuré depuis mon retour; mais je n'entends plus parler de lui.

Je fus fort étonné il y a trois mois, d'apprendre que le jeune Landry, dont j'avais eu l'honneur de parler à Votre Excellence, était parti pour Petersbourg avec un bijoutier nommé hornon qui y demeure, et qu'il ne m'en ait pas dit un seul mot. Je l'aurais aumoins chargé de mon paquet. Sa conduite envers moi dans cette occasion est si impertinente, que je me garderais bien de vous demander votre protection pour lui si jamais il osait se montrer devant vous, aucontraire.

J'attends avec impatience le moment où mon fils puisse être un peu en état d'être mis par moi aux pieds de Sa Majesté Impériale et aux vôtres, et mériter aussi vos bontés.

Puisse votre Excellence me mander que mon auguste bienfaitrice se souvient encor de moi, et que vous m'aimez toujours, je serais

enchanté que vous me donnassiez cette consolation, et que vous n'oubliassiez pas ce que je vous ai déjà dit que je desirais ardemment.

Ne m'oubliez pas non plus auprès de tous vos amis, et agréez la vive reconnaissance, le tendre attachement et le profond respect avec lesquels je serai toute ma vie

Monsieur le Comte | De Votre Excellence | Le tres humble et très obéissant serviteur

Wagnière

Quand par hazard vous rencontrerez M^r D'alsouffief oserais-je vous supplier de lui faire mes remerciements pour la bonté qu'il a de me faire toucher exactement ma pension?

Je fais aussi mes compliments a mon compatriote M^r Du Saugy.

Автограф. Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 1178. «Письма разных лиц к графу А. Р. Воронцову», лл. 120—121.

^a Можно лишь догадываться, о каком тексте, не подлежавшем оглашению за пределами трех адресатов, привилегированных особым доверием Ваньера, здесь идет речь. Наиболее вероятно, что то были экземпляры «Исторического комментария к трудам автора Генриады» с приклеенными листами, на которых Ваньер делал дополнения к этому своему труду, всячески подчеркивая свое авторство и на данном именно этапе сводя свои счета с г-жой Дени. Разумеется, разглашение этого грозило ему неприятностями с ее стороны. Кроме того, такое истолкование этой посылки исчерпывающе объясняло бы наличие одного из трех известных экземпляров (вариантов) «Исторического комментария» с вклейками Ваньера именно в библиотеке А. Р. Воронцова, ныне в составе библиотеки Одесского университета (см.: О. Л. Вайнштейн. Кто является автором «Исторического комментария» к произведениям Вольтера? Сб. «Вольтер», Статьи и материалы. Под ред. М. П. Алексеева. Л., 1947, стр. 202—209; J. Weinstein. Fragment inédit sur Voltaire. Журнал научно-исследовательских кафедр в Одессе, Одесса, 1924, I, № 7, стр. 45—50; в этих работах О. Л. Вайнштейна имеются доводы в пользу того, что над переработкой «Исторического комментария» Ваньер трудился именно в ноябре 1781 г. и что именно воронцовский экземпляр был составлен до ноября).

[Перевод]

Ферне, 22 декабря 1781.

Милостивый государь мой, граф и покровитель.

Вот уже свыше двух лет как я не в состоянии лично выражать вам свое почтение, и ради хоть малого утешения в этом я испросил вашего разрешения время от времени напоминать о своем существовании вашему сиятельству. Вам известно, сколь ревную я о вашем уважении и вашей дружбе и сколь желаю, чтобы вы всегда меня ими чтили. Время и расстояние ничуть не ослабили чувств, вами мне внушенных; о ежели бы так же было и с вашей стороны, буде я имел счастье не оказаться вам неугодным тогда, когда имел таковое быть приближенным к вам.

Недели две тому назад, господин граф, я отослал вашему сиятельству небольшой пакет, который вам передаст г. Людерс. Это слабый знак моей признательности за благодеяния, коими вы меня почтили. Но мне нужно испросить у вас особую милость, и я осмеливаюсь рассчитывать на нее в силу вашей честности и скромности, а именно не сообщать кому бы то ни было содержания этого пакета, который рассчитан единственно на вас одного, ибо в противном случае вы бы стали действовать наперекор моим интересам и моему спокойствию, а я вполне убежден, что ваше сиятельство не захочет повредить мне. Никто на свете, кроме е. и. в., моей августейшей покровительницы, и господина барона Гримма, не имеет повторного экземпляра и не знает о нем.

Я был бы весьма вам обязан, господин граф, за подтверждение его получения и за сообщение вашего о нем мнения. К своему пакету я присоединил письмо для г-жи Бийо и также письмо к г. Адору, которые прошу ваше сиятельство сообразовоить приказать доставить им.

Я испрашиваю у господина Экка, главного почтмейстера, разрешения препроводить вам это письмо в конверте на его имя, и мне бы весьма хотелось узнать, не проявил ли я нескромности, прибегнув к такой вольности.

Еще ничего неизвестно, что́ будет с изданием, задуманным Бомарше. Он обещал мне договориться со мной относительно того, что я раздобыл после своего возвращения; но я более ничего не слышу о нем.

Я был сильно изумлен месяца три тому назад, узнав, что юный Ландри, о коем я имел честь говорить вашему сиятельству, отправился в Петербург вместе с ювелиром по имени Орнон, там проживающим, и притом не сказав мне об этом ни слова. Я бы по крайней мере поручил ему свой пакет. Поведение его по отношению ко мне в данном случае столь нагло, что я бы поостерегся испрашивать вашего ему покровительства, ежели б он осмелился появиться перед вами; напротив!

Ожидаю с нетерпением момента, когда мой сын будет хоть сколько-нибудь в состоянии быть отправленным мною к стопам е. и. в. и к вашим и также заслужить ваше доброе расположение.

Ежели бы ваше сиятельство могло уведомить меня, что моя августейшая благодетельница все еще помнит обо мне и что вы меня продолжаете любить, я был бы в восхищении, если б вы мне дали сие утешение и не забыли о том, чего я, как я вам уже сообщал, столь пылко жажду.

Не забывайте меня также и пред всеми вашими друзьями и сообразовоите принять живую признательность, нежную привязанность и глубокое почтение, с коими я пребуду всю жизнь, господин граф, вашего сиятельства смиреннейшим и покорнейшим слугою.

Ваньер.

Когда вы случайно повстречаете господина Олсуфьева, осмелюсь ли просить вас передать ему мою благодарность за то, что он так добр и столь аккуратно выплачивает мне пенсию.

Шлю также приветы моему соотечественнику господину Дю Сожи.

4

1782, 6 IX

От него же ему же

à ferney par Genève le 6bre 1782.

Monsieur le Comte mon protecteur.

Il faut que je me plaigne à vous de vous même. Il y a dix mois que je pris la liberté d'adresser un paquet à Vôtre Excellence, et de le confier à sa discretion et à son amitié pour moi. Quelques jours après je vous écrivis sous le couvert de M^r D'Eck intendant général des postes. Cependant, Monsieur Le Comte, je n'ai eu aucune nouvelle de vôtre part, et vous devez juger de mon extrême inquietude. J'ai simplement su que mon paquet était arrivé à Petersbourg à la fin de fevrier, mais j'ignore si m^r fabre vous l'a fait tenir; celà est pourtant de la dernière importance pour moi.

Je ne puis vous exprimer, Monsieur Le Comte, combien le silence de Vôtre Excellence m'afflige. Je sais quelles sont vos occupations importantes et que je dois les respecter, mais je ne puis supporter l'idée d'un oubli total de vôtre part, après toutes les bontés que vous avez eues pour moi et l'amitié que vous avez daigné me temoigner. Permettez moi donc, Monsieur le Comte, que je réclame aujourd'hui auprès de vous ces mêmes bontés et cette amitié, elles m'ont consolé dans le tems que j'avais le bonheur de faire ma cour à Vôtre Excellence, et même dans mon éloignement de vôtre personne, et je ne puis croire que ma sincere reconnaissance ait pu m'en priver. J'ose vous prier instamment de me rassurer par un mot de vôtre main, ou d'en charger mon ami Mr du Saugy. Je vous demande bien des pardons si je vous importune, mais la bonté de vôtre coeur ne pourra trouver mauvais l'expression des sentiments du mien.

Je ne parlerai point à Vôtre Excellence de la guerre terrible et meurtriere de Geneve, où en comptant les tués et les blessés le tout se trouve réduit à Zéro. Si Mr de Voltaire vivait il aurait eu un beau thème pour continuer la guerre civile de cette petite fourmilier. Les plénipotentiaires n'ont point encor fini leur besogne, et jusqu'icy on n'a vu que des coups de bâton donnés sur les fesses de quelques uns des souverains.

Les troubles de Genève m'ont prive du plaisir de voir M^r De Lafermiere vôtre ami, j'en aurais eu un bien grand de lui parler de Vôtre Excellence et de tous ceux qui composent vôtre societe, auprès desquels je vous supplie de ne pas m'oublier.

Agreez avec indulgence le profond respect, le tendre attachement, et la vive reconnaissance avec lesquels je serai toute ma vie

Monsieur Le Comte De Vôtre Excellence Le très humble et tres obeissant serviteur

Wagnière.

Автограф. ЦГАДА, ф. 1261 (Воронцовых), оп. 3, № 413, лл. 3—4. В верхних правых углах нумерация синим карандашом: 16 и 17.

[Перевод]

Ферне, через Женеву, 6 сентября 1782.

Милостивый государь мой, граф и покровитель.

Должен пожаловаться вам на вас же. Десять месяцев назад я взял на себя смелость отправить вашему сиятельству пакет и доверить его вашей скромности и дружбе ко мне. Спустя несколько дней я отослал вам письмо в конверте на имя господина Экка, главного начальника почты. С тех пор, господин граф, я не получил от вас никаких известий, и вы можете судить о моем чрезвычайном беспокойстве. Я только знаю, что мой пакет прибыл в Петербург в конце февраля, но не знаю, доставил ли вам его господин Фабр; между тем для меня это крайне важно.

Не могу вам выразить, господин граф, как меня удручает молчание вашего сиятельства. Я знаю, каковы ваши важные дела и должен их уважать, но я не могу вынести мысли о том, что вы обо мне совсем забыли после всех ваших ко мне милостей и дружбы, что вы соблаговолили мне выказывать. Разрешите же мне, господин граф, попросить у вас нынче таких же милостей и такую же дружбу. Они дали мне утешение в те дни, что я имел счастье быть при вашем сиятельстве, равно как и в моем от вас отдалении, и я не могу поверить, что моя искренняя признательность могла меня их лишить. Осмелюсь настоятельно просить вас успокоить меня собственноручно хотя бы словом или поручить это моему другу господину Дю Сожи. Очень прошу вас простить меня за беспокойство и по своей сердечной доброте не счесть неуместным выражение чувств моего сердца.

Не буду рассказывать вашему сиятельству об ужасной и смертоносной войне в Женеве, где, включая убитых и раненых, все сводится к нулю. Будь жив господин Вольтер, он получил бы прекрасный повод для продолжения своей «Гражданской войны» в этом мелком муравейнике. Уполномоченные еще не кончили своих дел, и до сих пор не было ничего, кроме палочных ударов по ягодицам некоторых властителей.

Женевская смута лишила меня удовольствия видеть вашего друга, господина де Лафермьера, а я был бы очень рад погово-

рить с ним о вашем сиятельстве и о всех, кто составляет ваше общество; прошу вас напомнить им обо мне.

Примите благосклонно глубочайшее почтение, нежную привязаность и живую признательность, с коими я пребуду всю свою жизнь, господин граф, вашего сиятельства смиреннейшим и покорнейшим слугой.

Ваньер.

5

1785, 10 IV

От него же ему же

A Ferney 10e avril 1785

Monsieur mon respectable patron

Je ne puis, Monsieur Le Comte, exprimer à Vôtre Excellence, le plaisir et la joie que j'ai ressentis en voiant arriver chez moi vôtre ami S<on> E<xcellence> Monsieur de Zinowieff, qui me remit de vôtre part une marque bien flatteuse de vôtre souvenir, par la lettre dont vous m'avez daigné honorer. Vous m'avez, Monsieur Le Comte, procuré une double satisfaction, celle de m'apprendre * <que vo>us continuez de prendre quelque intérêt à l'homme du mon* <de qui>est le plus tendrement attaché à Vôtre Excellence, par la reconnaissance et par les vifs sentiments que vous lui avez inspirés pour vôtre personne. Je ne vous cache pas que je craignais beaucoup que vous n'eussiez oublié un aussi petit individu que moi, mais vous me rassurez bien agréablement, et c'est un nouveau bienfait de vôtre part.

L'autre obligation que je vous ai, Monsieur le Comte, c'est de m'avoir procuré la connaissance de S<on> E<xcellence> Monsieur de Zinovieff, dont j'ai été enchanté et comblé de politesses. J'ai eu la satisfaction de m'entretenir avec lui de Vôtre Excellence et de vos amis que j'ai eu l'honneur de connaître; il m'a assuré que je devais et pouvais toujours compter sur vôtre estime et sur vôtre amitié, c'est ce qui m'a le plus pénétré. Je demanderais la même faveur à Monsieur Le Comte De Besbarodka et à vos autres amis à qui je presente mes hommages.

Je voudrais bien aussi, Monsieur le Comte que la route de S : E; Monsieur Le Comte Simeon vôtre frère fut par Geneve, afin de pouvoir avoir l'honneur de lui faire ma cour.

J'ai appris avec transport vos nouveaux grades, l'estime et les bontés que Sa Majesté Impériale mon auguste bienfaitrice a pour Votre Excellence. Vous n'en recevrez jamais autant de marques que mon coeur vous en souhaite. Je desire que vous en jouissez très longtems avec une bonne santé, sans quoi la vie. est bien peu de chose.

Je n'ose pas vous demander si Sa Majesté Impériale daigne encor se souvenir de son petit Suisse-Russe, ni vous supplier de me rappeler dans l'occasion a sa mémoire et me mettre à ses pieds. Il me semble que mon voiage à Petersbourg est un songe bien agréable.

* Следы облатки.

Il faut, Monsieur Le Comte, que je demande avec instance une grace à Votre Excellence; vos anciennes bontés pour moi m'enhardissent, et j'ose croire que s'il est possible (ainsi que je le pense) vous daignerez faire ce qui dépendra de vous pour me la faire accorder, et je vous supplie de ne pas la regarder comme une plaisanterie, mais aucontraire comme essentielle pour moi. J'ai toujours eu la plus grande envie de porter l'uniforme des troupes de Sa Majesté Impériale mon auguste bienfaitrice; je me regarde avec raison comme son sujet, et prêt à exécuter ses ordres et la servir. Je desirerais donc d'avoir la simple permission de jouir de cette prérogative sans émoluments, sans quelque dénomination que l'on voudrait. Vous avez été mon bon protecteur, soiez à present aussi mon général; je vous assure que je vous aurai une véritable obligation, que je serai à vos ordres, c'est ma grande ambition. Si par hazard je commets une indiscretion pardonnez la; mais aumoins, si la chose est impossible, dites moi que mon envie et mon zèle ne vous déplaisent pas, ni à mon auguste bienfaitrice.

Quant à l'édition que j'avais projeté de faire des oeuvres de feu mon cher maître sur celle de Beaumarchais, dès que celui a vit paraître nôtre prospectus, il fit imprimer des injures contre moi, et déclara qu'il attendrait dix ans avant de finir son édition, dans l'esperance, je crois, que je mourrais dans l'intervale, et que je ne pourais plus nuire à son entreprise, en en disant mon avis, en faisant mes remarques, et en ce que nôtre édition aurait été plus complete que la sienne; nous ne pouvions cependant l'exécuter que sur celle de Kehll. J'aurai soin, si le cas arrive de vous en faire part, et de demander les ordres de Vôtre Excellence.

Agréez toujours, Monsieur le Comte, avec vôtre indulgence ordinaire, Les assurances de la vive reconnaissance et du profond respect avec lesquels je suis.

Monsieur | De Vôtre Excellence | Le très humble et très obéissant serviteur Jean Louis Wagnière.

(Je vous supplie d'avoir la bonté de permettre que je prenne la liberté de mettre sous vôtre protection l'incluse pour mon ami vôtre protégé et vôtre obligé monsieur Du Saugy.

Автограф. Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 1178, лл. 122—123.

[Перевод]

Ферне, 10 апреля 1785.

Милостивый государь, глубокоуважаемый покровитель.

Я не сумею, господин граф, выразить вашему сиятельству удовольствие и радость, испытанные мною при виде прибытия ко мне вашего друга — его превосходительства господина Зиновьева,

передавшего мне от вашего имени весьма лестный знак вашей памяти, благодаря письму, коим вы меня удостоили. Вы, господин граф, доставили мне двойное удовлетворение — подтверждением того, что вы продолжаете хоть немного интересоваться человеком, который более всех на свете нежно привязан к вашему сиятельству в силу признательности и горячих чувств, внушенных ему к вашей особе. Не скрою от вас, что я сильно опасался того, как бы вы не забыли о столь мелком человеке, как я, а вы меня самым приятным образом в этом разубеждаете, и это — новое благодеяние с вашей стороны.

Другое удовлетворение, коим я вам обязан, господин граф, это то, что вы доставили мне знакомство с его превосходительством господином Зиновьевым, который очаровал меня и осыпал любезностями. Я имел удовольствие беседовать с ним о вашем сиятельстве и о друзьях ваших, коих имел честь знать; он заверил меня в том, что я имею право и должен всегда рассчитывать на ваше уважение и дружбу — и это всего более меня глубоко растрогало. Я бы просил о такой же благосклонности от господина графа Безбородко и от прочих ваших друзей, которых и заверяю в своей преданности.

Мне бы также хотелось, господин граф, чтобы путь его сиятельства вашего брата Семена пролегал через Женеву, дабы я мог иметь честь оказать ему все знаки моего внимания.

С восторгом я узнал о ваших новых чинах, об уважении и добром расположении, которые е. и. в., моя августейшая благодетельница, питает к вашему сиятельству. Но вам никогда не получить стольких знаков отличия, сколько вам желает мое сердце. Я желаю, чтобы вы могли долго вкушать их в добром здравии, без которого жизнь немногого стоит.

Не осмеливаюсь ни спросить вас, соизволит ли е. и. в. все еще помнить о ее маленьком швейцарце-русском, ни молить вас напомнить ей обо мне при случае и повергнуть меня к ее стопам. Мне сдается, что мое путешествие в Петербург — весьма приятный сон.

Мне необходимо, господин граф, со всей настоятельностью просить ваше сиятельство об одной милости; ваши прежние благодеяния ко мне придадут мне смелость, и я осмеливаюсь полагать, что ежели сие возможно (как мне кажется), вы соблаговолите сделать все от вас зависящее к тому, чтобы мне эта милость была оказана, и притом молю вас не рассматривать это как безделу, но напротив, как нечто существенное для меня. Мне всегда сильнейшим образом хотелось носить мундир войск е. и. в., моей августейшей благодетельницы; не без основания считаю я себя ее подданным, готовым исполнять ее приказы и служить ей. Я желал бы поэтому получить просто разрешение пользоваться этой прерогативой без вознаграждения, без какого бы то ни было звания. Вы были моим добрым покровителем, станьте ныне также моим генералом; уверяю вас, что я буду вам поистине обязан, буду

в вашем распоряжении, в этом мое высшее честолюбие. Ежели я ненароком совершаю нескромность, простите это, но во всяком случае, даже если дело невозможно, подтвердите мне, что мое стремление и рвение не вызывают недовольства ни вашего, ни моей августейшей благодетельницы.

Что до издания сочинений дорогого покойного моего хозяина, которое я задумал, было, сделать на основе издания Бомарше, то едва он обнаружил появление нашего проспекта, как велел напечатать ругань в мой адрес и объявил, что выждет десять лет до окончания своего издания в надежде, думаю, на то, что я умру за это время и уже не смогу повредить его предприятию, высказывая свою оценку и делая свои замечания, и тем, что наше издание было бы полнее, чем его; однако мы могли бы осуществить его лишь на основе Кельского издания. Я не премину, если таковой случай представится, сообщить вам о нем и испросить распоряжения вашего сиятельства.

Примите, господин граф, с обычной вашей снисходительностью постоянные выражения моей живейшей признательности и глубокого почтения, с которыми я, сударь, пребываю вашего сиятельства смиреннейшим и покорнейшим слугой. Жан-Луи Ваньер.

Прошу вас быть столь добрым и разрешить мне вольность препоручить вашему покровительству прилагаемое письмо к моему другу, протежируемому и обязанному вами господину Дю Сожи.

6

1791, 10 I

От него же ему же

a ferney — Voltaire 10 janvier 1791

Monsieur mon respectable et bon protecteur,

Je prends la liberté d'adresser à Votre Excellence, ma quittance cy-incluse. Je n'ose tirer sur vous une Lettre, attendu que les banquiers de Genève me demandent les onze pour cent pour le change; et les assignats y perdent le huit pour cent. De manière que je suis très embarrassé pour recevoir le résultat de vos bontés, et celui de la munificence de Sa Majesté Impériale mon auguste bienfaitrice. Il n'est pas juste que je lui sois doublement à charge. Peut être serait il moins couteux, si votre Excellence m'envoiait de Paris une traite sur Genève; ou bien en faisant mettre l'argent à la diligence de Paris à Genève à mon adresse. Enfin, Monsieur mon protecteur, je m'en remets entièrement à vos bontés inaltérables pour moi, en me jettant à vos pieds pour vous supplier de me pardonner.

Souffrez que je réclame le 70e volume des oeuvres de feu mon cher maître que les éditeurs vous doivent pour moi.

Votre Excellence est bien persuadée de la satisfaction que j'éprouve chaque fois, en aprenant les succez des armes de Sa Majesté Impériale. Que l'être suprême vous conserve longtemps l'un et l'autre avec la santé, le bonheur et la gloire que vous méritez! et daignez toujours agréer avec indulgence, l'hommage, l'attachement respectueux et la vive reconnaissance que vous doit avec sa famille

Monsieur | De Vôtre Excellence | Le très humble et très obéissant |
serviteur

Wagnière.

Si dans ma dernière j'ai osé supplier Vôtre Excellence de me procurer une estampe du portrait de mon auguste bienfaitrice (que je n'ai pu trouver par icy) j'espère que mon protecteur n'en est pas fâché contre moi.

Автограф. Архив Министерства иностранных дел, ф. «Сношения России с Францией», 1791 г., д. 749.

[Перевод]

Ферне—Вольтер 10 января 1791

Милостивый государь, мой уважаемый добрый покровитель, позволяю себе направить вашему сиятельству свою прилагаемую к сему расписку. Я не решаюсь трассировать на вас вексель, поскольку жевевские банкиры требуют с меня за это одиннадцать процентов и ассигнаты при этом теряют по восемь процентов. Таким образом, мне весьма затруднительно получать плоды ваших благодеяний и щедрот е. и. в., моей августейшей благодетельницы. Нельзя, чтобы я оказался ей вдвойне обременительным. Быть может, это обошлось бы дешевле, если ваше сиятельство вышлет мне переводный вексель из Парижа в Женеву или отправит деньги парижским дилижансом в Женеву на мой адрес. Впрочем, сударь и покровитель, я вполне препоручаю себя вашим неистощимым добрым заботам обо мне и припадаю к вашим стопам, умоляя меня извинить.

Разрешите мне истребовать 70-й том трудов моего покойного доброго хозяина, который издатели вам задолжали для меня.

Ваше сиятельство, можете быть вполне уверены в удовлетворении, мною испытываемом каждый раз, как я узнаю об успехах оружия е. и. в. Да сохранит верховное существо надолго вас обоих со всем здоровьем, счастьем и славою, коих вы заслуживаете! Сблаговолите всегда снисходительно принимать выражения почтения, покорности, почтительную привязанность и живейшую признательность, коими вам обязан вместе со своей семьей, сударь, вашего сиятельства смиреннейший и покорнейший слуга.

Ваньер.

Ежели в своем последнем письме я осмелился умолять ваше сиятельство снабдить меня гравированным портретом моей августейшей благодетельницы (который я никак не могу достать здесь), то я надеюсь, что мой покровитель не прогневется за то на меня.

7

1791, 11 [I]

От него же ему же

à ferney—Voltaire 11e de <sic!> 1791

Monsieur mon respectable protecteur.

J'ai reçu hier la Lettre du 31e X^{bre} dernier dont Vôtre Excellence m'a daigné honorer, une heure après que la mienne fut partie. La vôtre a été retardée par ce qu'elle était adressée *par Versoix*. Nous avons icy-même dans ma maison, un bureau de la poste aux Lettres.

Vôtre Excellence me fait une peine extrême en me disant que vôtre santé n'est pas bonne; vous savez combien elle m'intéresse, indépendamment des sentiments de ma reconnaissance. Puissiez vous me rassurer bientôt!

J'ai icy un de mes amis, qui est chargé du service de la diligence de Paris à Genève. Il m'a dit que vous pouviez m'adresser ce que je dois à vos bontés par la diligence, ainsi

à Monsieur Perrachon, entrepreneur de la conduite de la diligence de Paris à Genève; à ferney—Voltaire. Recommandé à Mr Papillon directeur de la dite diligence à Genève.

Perrachon m'assure que je recevrai le paquet francò. Cependant l'envoi devra être inscrit sur le registre du bureau à Paris.

De cette manière, il n'y aura plus d'embarras, et j'attendrai tranquillement la comodité de Votre Excellence. Je la supplierai, seulement, de vouloir bien dans le tems, me faire donner avis du départ, par un mot.

Agréé toujours avec vôtre bonté ordinaire le tendre et respectueux attachement, et la vive reconnaissance avec lesquels je suis

Monsieur | De Votre Excellence | Le très humble et très obéissant serviteur |

Wagnière.

Je reçois dans cet instant la gazette de Berne qui m'apprend que les braves Russes ont dispersé l'armée du grand visir, et pris son camp. Je lève de plus fort mes mains au ciel, en faveur de mon auguste bienfaitrice.

Автограф. Там же.

Милостивый государь, уважаемый мой покровитель,

письмо от 31-го минувшего декабря, коим ваше сиятельство соблаговолило меня удостоить, я получил вчера через час после отправления своего письма. Ваше письмо задержалось потому, что было адресовано через Версуа. У нас имеется здесь же, в самом доме, где я живу, бюро почты для писем.

Ваше сиятельство причиняет мне крайнее огорчение, сообщая о плохом состоянии вашего здоровья. Вы знаете, как оно меня интересует независимо от чувств моей признательности. Хоть бы вы смогли вскоре успокоить меня!

Один из моих здешних друзей состоит в должности по Управлению дилижансами из Парижа в Женеву. Он сказал мне, что вы могли бы направить мне дилижансом то, чему я обязан вашей добротой, адресуя:

«Г-ну Перрашону, предпринимателю сообщения дилижансами из Парижа в Женеву, в Ферне—Вольтере, с вручением г-ну Папильону, директору Управления этих дилижансов в Женеве».

Перрашон заверяет меня, что я получу этот пакет франко. При этом, однако, пакет должен быть внесен в реестр в парижском бюро.

При таком способе не будет более затруднений, и я спокойно буду выжидать момента, удобного для вашего сиятельства. Прошу только соблагovolить со временем сообщить мне в двух словах об отправке.

Примите снова и снова с вашей обычной доброжелательностью нежную и почтительную привязанность и живейшую признательность, с которыми я пребываю, сударь, вашего сиятельства покорнейшим и смиреннейшим слугой

Ваньер.

Я только что получил Бернскую газету, сообщающую, что отважные русские рассеяли армию великого визиря и захватили его лагерь. Тем усиленнее я воздеваю свои руки к небесам за августейшую благодетельницу.

Monsieur mon respectable et bon protecteur,

Je commence ma Lettre par l'article qui interesse le plus mon coeur, celui de la mauvaise santé de Vôtre Excellence; cette nouvelle me met au désespoir, et me rend d'une tristesse affreuse; il ne me reste plus que

vous; mon attachement à V^ôtre personne n'est pas fondé sur mon intérêt personnel, il l'est par la vénération et la plus tendre reconnaissance. Je n'avais aucun droit à la munificence de Sa Majesté Impériale mon auguste bienfaitrice; je n'en avais aucun à vos bontés, et tous deux cependant vous êtes la cause réelle de mon existence actuelle, et de celle de ma triste famille. Que ne puis-je être auprès de V^ôtre Excellence pour la seconder, et lui être de la plus petite utilité! je croirois alors servir mon auguste bienfaitrice; je satisferais un peu mon cœur; je suis à vos ordres, donnez les moi l'un et l'autre, et je vole.

Je suis Jean qui pleure et Jean qui rit, Je ris quand je lis la prise d'Ismailoff, je pleure en apprenant la mort de mon brave compatriote Ribaupierre, beaufrère de du Saugy. il est mort au moins dans le champ de la gloire, en versant son sang pour une souveraine pour laquelle on doit sacrifier gaiement la vie; je ne suis pas un Crillon, mais je n'en enrage pas moins.

Je résume mes souhaits, à ce que Sa Majesté Impériale fasse une paix aussi honorable que tous ses brillants succès lui permettent de faire, qu'ensuite elle jouisse longtems en bonne santé du repos et de la gloire qu'elle s'est acquise; qu'elle voie son auguste famille assurée d'occuper un trône qu'elle a si fort illustré; Que v^ôtre Excellence vive heureux aussi longtems que son petit serviteur le desire, mais qu'il soit toujours un des objets de son estime, et de vos bontés.

J'ai tiré avant hier, sur m^r heyder de francfort, à quatre jours de vue, quinze cents Livres, en Louis ou carolins à 24^{ff} à L'ordre de m^{rs} Bontems frères Mallet et Cie qui m'ont envoyé net cette somme.

Il y a vingt mois que je suis esclave icy, et que je n'ai été à Genève. Je n'ai pu encor avoir l'honneur et le plaisir de rendre mes devoirs à v^ôtre digne ami des Délices. On dit que la division est très vive dans la ville, je ne me mêle que de tacher de maintenir, autant qu'il est en moi, l'établissement d'un grand homme v^ôtre autre ami aussi, l'ordre et la tranquillité, en vous aimant avec ma famille de tout nôtre cœur, avec le plus profond respect et la plus tendre reconnaissance

Monsieur | De v^ôtre Excellence | V^ôtre petit suisse |
Wagnière

Je viens d'envoyer mon fils à Genève s'informer de m^{rs} Bontems s'ils se chargeraient d'une Lettre sur francfort; ils m'ont répondu qu'ils la prendraient au pair. ainsi, mon protecteur, je vous prierai de vous servir de cette voie, plutôt que celle de la diligence. mille, mille pardons.

Авторграф. Там же.

Милостивый государь, добрый мой покровитель,

начну свое письмо с обстоятельства, всего более занимающего мое сердце, с дурного состояния здоровья вашего сиятельства; эта новость приводит меня в отчаянье и наводит на меня ужасную грусть; у меня не осталось никого, кроме вас; моя привязанность к вашей особе основана не на личной заинтересованности, но на обожании и на нежнейшей признательности. Я не имел никаких прав на щедрость е. и. в., моей августейшей благодетельницы, и никаких прав на ваши благодеяния, однако оба вы являетесь истинной причиной моего нынешнего существования и существования моей удрученной семьи. Зачем не могу я быть сейчас при вашем сиятельстве, чтобы помочь, чтобы оказаться полезным хоть в самом малом! Я бы почел тогда, что служу своей августейшей благодетельнице, я бы этим хоть слегка удовлетворил свою душу; я в вашем распоряжении, дайте только вы или она приказ, и я лечу.

Я — Жан плачущий и Жан смеющийся, я смеюсь, читая о взятии Измаила, я плачу при известии о смерти моего отважного соотечественника Рибопьера, зятя Дю Сожи. Он по крайней мере умер на поле славы, пролив кровь за государыню, за которую радостно отдать свою жизнь. Я не Крийон, но не менее неистов.

Свожу свои пожелания к тому, чтобы е. и. в. заключила мир самый почетный, какой лишь все ее блистательные успехи позволят, и чтобы затем она в добром здравии долго наслаждалась отдыхом и славой, которую приобрела; чтобы она узрела свою семью укрепившейся на престоле, который она столь прославила; чтобы ваше сиятельство жили счастливо столь долго, как вам того желает ваш скромнейший слуга, но чтобы тот оставался всегда предметом вашего уважения и ваших добрых чувств.

Я выписал третьего дня вексель на г. Хейдера во Франкфурте, сроком на четыре дня по предъявлении, на 1500 ливров, в луидорах или карлинах по 24 франка, с оплатой по требованию гг. братьев Бонтан, Малле и К^о, которые мне выслали эту сумму наличными.

Вот уже двадцать месяцев, как я здесь нахожусь в рабстве и не был в Женеве. Я не мог донныне иметь чести и удовольствия засвидетельствовать свою почтительность вашему достойному другу в Делис. Говорят, что рознь в городе очень обострилась, я ни во что не вмешиваюсь, заботясь лишь о сильном поддержании того, что заведено великим человеком, тоже вашим другом, и о поддержании порядка и спокойствия, причем вместе с моим семейством люблю вас всем сердцем, с глубочайшим почтением и нежнейшей признательностью, сударь, вашего сиятельства маленький швейцарец,

Ваньер.

Я только что посылал своего сына в Женеву справиться у гг. Бонтан, согласятся ли они принять вексель на Франкфурт; они ответили, что примут его аль-пари. Итак, мой покровитель, буду просить вас пользоваться этим путем, а не дилижансом. Тысячу, тысячу извинений.

Нужно ли подчеркивать, как слова Ваньера о его 20-месячном рабстве тесно перекликаются с приведенной выше формулой Гримма («почти пленник»)? Подсчитаем, однако, что если сроку доверять в точности, то начало его рабства совпадает буквально с первыми днями Генеральных штатов (май 1789 г.), а если даже здесь допустить — в стиле вполне вольтеровском — значительное преувеличение, то все же окажется, что оно тесно соотносится хотя бы с «муниципальной революцией»; видимо, именно как должностное лицо он не мог свободно пересекать женевскую границу. Забота о «поддержании того, что было заведено великим человеком», не может означать ничего иного, как сохранение «порядка и спокойствия» именно в селении Ферне, быт и процветание коего были заложены Вольтером. Революционный мэр поневоле!

«Исторический комментарий»

Без проблемы «Исторического комментария» — коренной для учета литературной продукции Ваньера — не обойтись и при рассмотрении вопроса о самом смысле и назначении публикуемых ниже его «Заметок и примечаний» (*Notes et remarques*).

Здесь незачем распространяться о том, как велась через Гримма сложная игра вокруг издания произведений и писем Вольтера, задуманного Бомарше. Были ведь времена, когда он предлагал формулировку «Печатано в Царскомельском дворце», а царица отклоняла посвящение ей этого издания, но готова была подписаться на 100 экземпляров... Все это затем отпало, когда она натолкнулась на полнейшую (и коммерчески, и политически вполне объяснимую) неуступчивость Бомарше в вопросе об изъятии компрометирующих мест из ее переписки с Вольтером. О дипломатическом вмешательстве, потребовавшемся для принуждения «Типографической компании» выслать в Петербург уже набранный том этой переписки на личную цензуру Екатерины II, уже говорилось выше, в разделе II (стр. 187), равно как и о трюке Бомарше, сохранившего неугодные места в параллельном, более дешевом издании малого формата. Во всяком случае, помимо непосредственного «читательского» интереса Екатерины II (а он сохранился долго после того, как прошло увлечение просветительскими идеями: еще в 1795 г. в «Реестре книг дорожной библиотеки», приложенном к письму к сыну и невестке 14 апреля, она

на первом месте включает «Творения Вольтера, не исключая ни малейшей безделушки, так как они учат избегать скучного и так как там можно найти все решительно, кроме скучного — этого худшего из всех жанров»), существовала еще неблагоприятная, внутренне-полемиическая настороженность к Кельскому изданию; желание самой быть надежно информированной в том, что среди океана анонимной и псевдонимной литературы действительно вышло из-под пера Вольтера, вовсе не исключало и злорадного предвкушения возможности посрамить Бомарше. К тому моменту, когда она поручала снабдить Ваньера двумя комплектами всех вышедших томов Кельского издания (см. стр. 252),²⁶ она уже имела не раз основание убедиться в его осведомленности и компетентности. И не только по личному знакомству с ним! Об этом говорили присылавшиеся ей его работы (см. стр. 268), но всего более именно его «Добавления к Историческому комментарию»: в них не раз подчеркивалось, что Ваньер знаком с какими-то неиспользованными рукописями, а кроме того, что и самый «Комментарий» является его созданием, а не произведением Вольтера. Последнее выглядело вполне убедительно и повышало ценность ожидавшихся от Ваньера «Заметок на Кельское издание».

Вопрос об авторе «Исторического комментария» не раз занимал вольтероведов, и не только их. Решался он противоречиво: одни вслед за Декруа и Бешо (с 1826 г.) категорически отвергали возможность авторства Ваньера, другие вместе с Барбье допускали ее; многие вообще старались этот вопрос обходить. Лишь в сравнительно недавнее время и именно на базе ленинградских материалов удалось в этом споре сказать решающее слово.²⁷

Авторство Ваньера признал еще в 1924 г. О. Л. Вайнштейн на основании обнаруженного им в Одессе экземпляра «Исторического комментария»;²⁸ в 1947 г. он в более развернутом виде воспроизвел свою аргументацию.²⁹ Одесский экземпляр базельского издания 1776 г. в Воронцовском фонде библиотеки Одесского университета привел его к выводу, что многочисленные вклейки меж страниц этого экземпляра представляют собой раннюю подготовительную стадию к изданным впоследствии «Добавлениям» Ваньера и что тем самым рушится аргументация против его авторства; исправления Ваньера на полях «Исторического комментария» относятся к периоду между ноябрем 1781 г. и 1784 г., причем они были сделаны на двух экземплярах, один из коих и оказался в Одессе.

Эти догадки и выводы нашли себе подтверждение в материалах БВ, нами изученных в самом начале 1930-х годов, но и потребовали уточнений.

В составе БВ мы обнаруживаем шесть свидетельств, каждого из которых достаточно, чтобы оказаться решающим критерием в этом более чем вековом споре. Это прежде всего экземпляр

того же «Исторического комментария» в нефштальском (на самом деле жевевском) издании 1776 г. с обильнейшими интерполяциями Ваньера; затем — другой экземпляр того же издания, с краткой пометкой рукой Ваньера; далее — три заявления Ваньера в публикуемых ниже «Заметках»; наконец, пометка его же на черновике одного письма Вольтера от 1759 г.

1. Тот ленинградский экземпляр «Исторического комментария», в котором ваньеровские вставки и поправки еще обильнее, чем в одесском, не оставляют и сомнения в том, что пересмотр текста предназначался для переиздания, и притом переиздания в качестве сочинения самого Ваньера.³⁰ Это именно тот экземпляр, который был прислан Екатерине II. Он ныне хранится в БВ под шифром 11—227.³¹ Одесский же экземпляр был действительно поднесен А. Р. Воронцову, как и предполагал О. Л. Вайнштейн, однако ни в коем случае не в России (т. е., стало быть, еще в 1779 г.³²), но при том письме от 22 декабря 1781 г., которое опубликовано выше (см. № 3).

2. Второй экземпляр БВ под шифром 9—114, очевидно, принадлежащий к основному составу фернейской библиотеки, тоже приписывает самому Ваньеру составление «Исторического комментария». Это единственная и краткая пометка рукой Ваньера: «j'ai rendu à Mad^e Denis tous les manuscrits qui m'avaient été donnés par m^r de Voltaire et qui m'ont servi pour cet ouvrage etc^a comptant qu'elle les remettrait à S. M. I. de Russie; mais elle les donna tous à Pankouke, sans même y jeter les yeux. Wagnière».³³

3—5. В печатаемых ниже «Заметках и примечаниях» на Кельское издание соответствующее место, т. е. 91-я страница 48-го тома (см. стр. 331), снабжается заявлением: «„Исторический комментарий“ появился в 1776 г. Он написан мною, а не г. де Вольтером, как говорилось и было печатаемо. Издатели не получили тех добавлений и поправок, которые я к нему сделал после смерти г. де Вольтера. Я взял на себя вольность послать полный экземпляр е. и. в., моей августейшей благодетельнице». Это заявление относится уже к 1786 г., т. е. отнюдь не к ближайшим моментам по выезде из России, и составлено оно после воспроизведения старого текста «Комментария» в Кельском издании. Иными словами, отпадает версия, будто Ваньер лишь в 1779—1780 гг. — и то перед русскими — пытался выдавать себя за автора (Декруа в предисловии к «Additions», в издании мемуаров Лоншана и Ваньера). Но вместе с тем отпадает и надобность в мотивировке его якобы молчания об этом впоследствии, при завершении «Additions».³⁴

В тех же «Заметках» Ваньер еще два раза прямо называет «Комментарий» своим: 254-я страница 22-го тома — «См. письмо г. де Бурсе в моем комментарии» и 293-я страница того же тома — «См. также письмо г. д. Бурсе в моем комментарии» (см. стр. 332).

6. Не позднее декабря 1779 г. (т. е. момента отъезда из России), но, возможно, гораздо ранее,³⁵ Ваньер делает ту пометку на автографе Вольтера — черновике письма к Клеро от 27 августа 1759 г., — которую мы воспроизводим в разделе V, № 45. «Напечатано в „Комментарии на творения автора Генриады“, написанном Ваньером».

Во всяком случае нельзя ныне утверждать, будто Ваньер в письменной форме свои претензии на авторство заявляет «в первый и в последний раз»³⁶ на экземпляре, попавшем к Воронцову.

Не подлежит сомнению, что именно из приписок к тексту «Исторического комментария» выросли «Добавления» (Additions) Ваньера. Но утверждать категорически, что не было иных звеньев, кроме одесского экземпляра этих приписок, нельзя. О. Л. Вайнштейн на нескольких наглядно отобранных примерах показал источниковедческую взаимозависимость обоих текстов. Нами проделано полное сличение текста «Additions» с ленинградским экземпляром приписок Ваньера, выявившее 70 несомненных точек соприкосновения, но и расхождений, сознательных улучшений редакции и т. п., т. е. текстологическую связь этих этапов работы Ваньера.³⁷

В аргументации О. Л. Вайнштейна, совершенно убедительной в отношении датировки, центральное место занимает перечень доводов «которые... могут до некоторой степени оправдать судей Каласа»: этот перечень приписан к стр. 109 Воронцовского экземпляра, но не попал в печатный текст «Additions». Теперь нам представляется, что этот перечень не просто *scrutinium conscientiae*, не только проверка от противного (от доводов «адвоката дьявола»): дело заключалось не просто в допущении, будто убийцей был именно отец, а в возможности, что Марк-Антуан не сам повесился, но был кем-то удушен (7 аргументов из 15). После блестящей статьи Р. Помо³⁸ вопрос никак не может сводиться к традиционной альтернативе «самоубийство — сыноубийство», и вместе с тем вполне понятно, почему семья Каласа, первоначально единодушно отвергавшая версию самоубийства, затем обратилась к ней, поскольку оказалось невозможным ответить навязываемую альтернативу.³⁹

Итогом наличной документации безусловно приходится считать, что Ваньер не только на разных этапах повторно и настойчиво объявлял себя автором «Комментария», но и действительно, вполне *bona fide* считал себя таковым. Более того, он на это имел полное формальное право. И право это было не присвоено им, а предоставлено самим Вольтером. Но тут-то и кроется суть вопроса, и она, по нашему мнению, не сводится к тому, что «нельзя с полной уверенностью утверждать, что Ваньер был единственным автором», как оговаривает О. Л. Вайнштейн в конце своей статьи 1947 г., или к тому, что он-де из приетета

к памяти «учителя» молчаливо отказался от претензий, когда «Комментарий» уже был напечатан в Кельском издании, и притом именно в последней редакции своих «Additions» в издании 1838 г. Дело не только в том, что Ваньер, умерший еще задолго до издания 1826 г., сам никакой новой редакции создать не мог, а мы не имеем данных для суждения о том, что в редакциях 1826 и 1838 гг. от Ваньера и что от Декруа. Дело и не в том, надежны или нет слишком субъективные стилистические критерии Декруа и Бешо. Является ли в действительности выражение «la mort du véritable auteur» (появившееся уже на стр. 7 издания 1826 г.) «полным противоречием» прежним утверждениям Ваньера «в первой редакции» (т. е., очевидно, на полях интерполированных экземпляров «Комментария»)?

Как именно изложено все это самим Ваньером в его «Additions»?

«Этот Исторический Комментарий был сочинен (composé) в начале 1776 г. Г. де Вольтер подарил мне его (m'en fit don) и передал мне, вместе с рукописью, подлинные документы, послужившие для его составления (me remit, avec le manuscrit, les pièces originales qui avaient servi à sa composition), разрешив мне отдать его в печать какому-нибудь иностранному издателю в качестве произведения некоего анонима (en me permettant de le faire imprimer par quelque libraire étranger, comme l'ouvrage d'un anonyme)». Подлинность оригиналов, а также самый факт передачи их Ваньеру по распоряжению Вольтера были тут же заверены двумя адвокатами, с разрешения коих их декларация о сем и была помещена в начале первого же издания. «После смерти истинного автора (véritable auteur), когда августейшая императрица российская приобрела от г-жи Дени библиотеку Вольтера и все оставленные им рукописи (!), я счел себя обязанным присоединить к ним те, коими он меня наградил...». Г-жа Дени этому воспротивилась, и Ваньер «аккуратно сдал г. Панкуку ... все бумаги г. де Вольтера, находившиеся в Ферне, а также те, которые принадлежали» самому Ваньеру.⁴⁰

Отвлечемся от очень веских соображений Декруа о том, что Ваньер здесь впадает в явное противоречие (поскольку рукописи Вольтера были завещаны Панкуку и г-жа Дени не могла их продавать ни ему же, ни Екатерине II) и что русской царице достались только книги, да, быть может, кое-какие рукописи из числа только тех, которые Ваньер, желая угодить царице, когда ему был поручен отвоз книг, набрал из подаренных ему Вольтером, или из обнаруженных им после сдачи им основных рукописей г-же Дени для Панкука, или же специально скопировал. Все это очень существенно для поднятого нами в другом месте вопроса о характере ленинградской части литературного архива Вольтера (см. стр. 14), но выходят за пределы проблемы об авторстве «Исторического комментария». Сама же эта проблема в свете

приведенных формулировок приобретает, как нам кажется, вполне реальные контуры.

«Комментарий» возник, т. е. задуман был, не случайно. Вольтер в последние годы не раз замышлял полное собрание своих трудов, которое бы его вполне удовлетворяло. «Обрамленное» издание 1775 г. лишь подчеркнуло настоятельность этого, а июньское (1777 г.) соглашение с Панкуком и широкие полномочия в этом Ваньера явились способом реализации такого замысла. «Исторический комментарий» более или менее осознанно являлся не просто сборником интересных биографических и библиографических анекдотов и уточнений, но своего рода канвой для будущего жизнеописания автора, которое, как легко мог предвидеть Вольтер, станут предпосылать будущим изданиям его трудов. Ясно, что без помощи секретаря ему трудно было даже разыскать все необходимые тексты, как не менее очевидно и то, что не мог же он сам выпускать подобный материал как свою автобиографию. Отсюда — по несколько иным причинам, нежели для криптонимов и псевдонимов при выпуске столь многих других своих произведений, — положительная необходимость реальной заверки того, что «Комментарий» написан иным, но притом компетентным лицом. С другой стороны, не менее очевидно, что и Ваньер не просто не обладал нужным блеском ума и легкостью стиля, но и не мог, конечно, быть инициатором самого отбора фактов, заслуживших включения в «Комментарий». Специфично в данном случае не то, что мемуары того или иного деятеля издаются в обработке какого-либо, иногда даже посредственного, литератора (и тот имеет свои неоспоримые «авторские» права), но то, что из авторства самоустранялся деятель, который сам был прежде всего писателем. Вместе с тем Вольтер как бы выводил Ваньера на литераторский путь (в следующем году он на него же возложит то, что мы теперь бы назвали «подготовкой издания» для Панкука), и вовсе не исключено, что он тем самым считал обеспеченным будущее своего секретаря, а вовсе не просто забыл о нем в своем завещании. Если так, то Ваньер имел не только формальное, но и моральное право настаивать на своем «авторстве»; не забудем также, что ему и реально принадлежала львиная доля (механической, впрочем) работы над текстом «Комментария». Более того, он должен был считать своей моральной обязанностью — именно в период подготовки первого посмертного собрания сочинений Вольтера — отстаивать данную версию.

В том же, что после выхода Кельского издания он сам чистосердечно и бесхитростно назвал вещи своими именами (а дистанция помогла ему лишней раз осознать не формальную, а истинную суть дела), нет ни самоопровержения, ни противоречия. Библиографы сохраняют право каталогизировать «Комментарий» под именем Ваньера; историкам и литературоведам это не заслонит специфики «соавторства».

Можно поверить, что в конце декабря 1789 г. Ваньер был лихорадочно занят, как он повторно подчеркивает в приводимых ниже письмах. Тем любопытнее его отвлечение в эти же дни на труд, относящийся вовсе не к этим занятиям. Этот эпизод вводит в круг почитателей Вольтера новое лицо, до сих пор не учтенное среди тысяч современников, прямо или косвенно фигурирующих в числе создателей, персонажей или собирателей переписки фернейского патриарха. Это шведский деятель, приближенный короля Густава III, «антиквар» и в будущем глава музейного дела в Швеции Карл-Фредрик Фреденгейм (Carl Fredrik Fredenheim, 1748—1803).

Впервые он выступил перед нами уже давно, но только как свидетель наличия в архиве Ваньера присланной по распоряжению шведской королевы копии интереснейшего документа, очевидно, по ее мысли, недостававшего для освещения событий Фронды в вольтеровском «Веке Людовика XIV».⁴¹

Даже нынешнее местонахождение этой копии оставалось неизвестным. Только внутренняя критика источника убеждала в подлинности его текста, и только косвенные доводы подтверждали, что присланную копию Вольтер получил и действительно намеревался использовать ее при переиздании «Века Людовика XIV». Оставался непоставленным и вопрос о моменте получения Вольтером этого текста — письма принца Конде из Венсенского замка с просьбой к королеве Христине о помощи, т. е. об интервенции. Можно было гадать о соображениях, по которым Вольтер предпочел ни *in extenso*, ни даже в отрывках не включать в ткань своего стремительного изложения это письмо, к тому же компрометирующее принца и его сторонников. Но оставалось крайне странным, что он не упомянул хотя бы вскользь или в примечании о таком сенсационном разоблачении (ускользнувшем даже от всеведущих памфлетистов 1650—1652 гг.), а тем более о столь лестном читательском внимании к данной его книге. Как бы то ни было, приходится считаться с фактами: вплоть до последнего прижизненного переиздания «Века Людовика XIV» в 1775 г. (а оно было по счету седьмым, не считая ранних частичных, а также безответственных перепечаток!⁴²) Вольтер не воспользовался документом; не воспользовался, хотя сохранил его и сам снабдил пометкой о присылке шведской королевой... Картину еще осложняет не учтенная нами тогда первичная реакция Вольтера-историка в момент этого подарка: в письме шведской королеве Луизе-Ульрике от 23 августа (несомненно 1752 г., ибо из Потсдама) он гордится тем, что «Век» привлек к нему милость адресатки, — и «это является самой лестной наградой» его трудам, — подчеркивает значение ее забот о собирании документов для истории, наконец, прямо заявляет: «Я очень огорчен, что том, в котором я мог бы восполь-

зваться письмом Конде, уже напечатан. Если в будущем станут выпускать новые его издания, я постараюсь включить туда этот исторический памятник, которым я обязан милостям в. в.»⁴³ Можно гадать о том, какие именно события отвлекли Вольтера от его намерения, но несомненно лишь то, что этот документ был вывезен из Потсдама и добрался в конечном счете до Ферне, не вошел в часть вольтеровского архива, перевезенную в Петербург, и что после 1790 г. его следы теряются.

Даже среди восторженной признательности Луизе-Ульрике Вольтер воздержался от какой-либо оценки самого содержания письма Конде.

В свете всего этого, уже с точки зрения источниковедения истории Фронды, представляла известный интерес находка нами (еще в 1940-х годах) небольшой подборки документов, относившейся совсем к иным фондам и фондообразователям, но все же связанной с Ваньером. В составе рукописей из коллекции П. К. Сухтелена в ГПБ наше внимание привлекла рукопись, носящая на корешке заглавие «Ecrits non impr. de Frederic II». («Ненапечатанные произведения Фридриха II»)⁴⁴ В ней, во-первых, мы снова столкнулись с полной (стало быть, уже второй) копией письма принца Конде; во-вторых, с припиской Ваньера к ее заглавию «Письмо Великому Конде, которое королева шведская соблаговолила мне прислать» — «Нотабене. Это заглавие написано рукой г. де Вольтера»;⁴⁵ в-третьих, с припиской Фреденхейма к перечню виденных им в Ферне автографов, с которых Ваньер ему предлагал копии: «Еще находилось среди бумаг в Ферне нижеследующее: Письмо Великому Конде, которое королева Шведская соблаговолила мне <т. е. Вольтеру, — В. Л.> прислать (для помещения при стр. 268 I тома «Века»). Письмо это написано к королеве Христине из Венсенского замка 26 марта 1650. Подписано Луи де Бурбон».⁴⁶

Формулировка Фреденхейма создает впечатление, что сам он ранее этого письма Конде — и о его существовании — не знал, при осмотре же фернейских остатков вольтеровского архива им заинтересовался, записал точно его заголовок, внес затем эту запись в свои уточняющие (см. ниже) заметки на перечень Ваньера, но ни сам более к этому вопросу не возвращался, ни у его современников и соотечественников эта запись и впоследствии сомнений не вызвала.

По линии вольтероведения пакет бумаг из собрания Сухтелена имеет, разумеется, иное — отнюдь не меньшее — значение. Они дорисовывают образ Ваньера, и притом уже в годы революции; кроме того, косвенно (и притом именно сличением обоих списков письма Конде) они позволяют дать объективную оценку самим текстологическим приемам Ваньера, знать которые тем важнее, что столько текстов дошло до нас только в ваньеровских копиях.

Кто же адресат новых писем Ваньера, приобретатель и коллекционер полученных от него вольтеровских материалов?

Карл-Фредрик, уже в молодые годы возведенный в дворянство с присвоением фамилии Фреденхейм, родился 7 марта 1748 г. в семье ученого архиепископа Меннандера в Або (ныне Турку в Финляндии) и рос в атмосфере университетских кругов тамошнего университета. В возрасте 17—18 лет он начал карьеру чиновника и не мог пожаловаться на медленность своего восхождения по ступеням служебной лестницы в коллегиях. Уже в 1775 г. он — первый секретарь в Экспедиции иностранных дел, затем — статский секретарь, камергер, а в 1780 г. — церемониймейстер двора. Облеченный доверием Густава III, в эти годы ведущего все обостряющуюся борьбу с дворянской оппозицией, Фреденхейм по поручению короля совершает дальние поездки, завязывает тесные связи с итальянскими художниками и антикварами, сближается с Пиранези, на три года обосновывается в Риме, изучая археологию и наблюдая за предпринятыми по его почину — впервые с подлинно научным подходом и размахом — раскопками (ему выпадет счастье быть очевидцем постепенного раскрытия всего римского форума). Считается, видимо резонно, что именно советам и влиянию Фреденхейма на короля Швеция обязана замечательными коллекциями древностей, которые Густав III ревностно выписывал из Италии через художественных агентов, вербуемых Фреденхеймом. Биографические сводки о Фреденхейме хранят полное молчание относительно годов 1790—1791, особенно насыщенных интервенционистскими замыслами Густава III в защиту французских Бурбонов. В 1792 г. на Фреденхейма возлагается попечение о художественных галереях короля, и события уточняют это поручение: в марте король убит, совет опеки над его имуществом доверяет Фреденхейму преобразовать коллекцию короля в публичный музей. Опыт, вкусы, знания, подготовка Фреденхейма сказались в его ревностной деятельности — музей, занявший целое крыло стокгольмского дворца, был открыт для всеобщего пользования уже в 1794 г., а Фреденхейм и в дальнейшем заботился о его приращениях, издал труд с таблицами наиболее выдающихся древностей музея, возглавлял Академию живописи и скульптуры и т. д. вплоть до своей смерти в 1803 г.⁴⁷

Заслуги его в музейном строительстве Швеции несомненны, и мы можем лишь пожалеть о недоступности для нас тех (немногих, впрочем) работ, в которых деятельность Фреденхейма нашла свое отражение. Частично были изданы и любопытные как человеческий документ дневники и переписка Фреденхейма, впрочем, не доведенные далее 1786 г., а тем самым и до интересующего нас момента.

Вряд ли, однако, случайно, что все биографические справки молчат как о всем периоде между римскими раскопками и назначением в 1792 г., так и о визите в Ферне, да и вообще о каких-

либо просветительских интересах или симпатиях Фреденхейма. Вероятно, последние и на самом деле были не слишком отчетливы, последовательны и ярко выражены. Но причина молчания может быть в лакуне документации, а это в свою очередь может восходить, хотя бы и отчасти, к политической обстановке дворянской реакции после устранения Густава III. В годы Конвента и Директории афишировать франкофильские симпатии и просветительские вкусы, возможно, и считалось неуместным для обер-интенданта («главноуправляющего») королевских коллекций и президента Академии художеств. Гадать не беремся, надеясь, что соотечественники Фреденхейма, лучше оснащенные документами, захотят и сумеют пролить свет на эти обстоятельства. Пока же мы только недостаточности документации можем приписать то, что иногда (в биографии 1949 г.) пребывание Фреденхейма в Италии и его совместная с Пиранези деятельность продлеваются до 1791 г., а порой (Т. Ньюман в 1944 г.) ей отводится срок только до 1790 г. включительно.⁴⁸

Меж тем материалы собрания П. К. Сухтелена,⁴⁹ как мы сейчас увидим, отображают непродолжительное пребывание Фреденхейма в Женеве и его отбытие оттуда на Север; заказанные им бумаги высылаются ему вслед через Франкфурт и Гамбург. А пребывание это, окончившееся в первых числах января 1790 г., началось в середине декабря 1789 г. Видимо, римский период закончился (или хотя бы прервался) несколько раньше, чем это до сих пор представлялось биографам Фреденхейма.

Досье этого эпизода невелико, в переплет заключено всего 35 листов. Оно состоит из 1) двух писем и одной эпистолярной приписки Ваньера; 2) копий 9 автографов Фридриха II; 3) копии уже известного нам письма Конде; 4) копий купюр, сделанных Вольтером в «Антимакиавеле». Часть копий выполнена самим Ваньером, часть — его сыном. Все эти тексты усыпаны не только орфографической и текстологической правкой, но и заверками, и справками Ваньера, примечаниями Фреденхейма, пометками Сухтелена, и именно сплетение этих кусочков делает данную подборку столь же красноречивой, как и трудновоспроизводимой.

Сильно упростив описание рукописи в целом (см. ниже), письма Ваньера мы приводим полностью.

1789, 23 XII

От Ваньера Фреденхейму

à ferney—Voltaire 23 X^{bre} 1789

à onze heures du soir^a

Monsieur

Je m'étais flatté que vous auriez eu la bonté de m'honorer d'une petite visite d'un quart d'heure, hier ou aujourd'hui, je l'aurais dérobé aux occupations extrêmes que j'ai eues depuis quelques jours. vôtre

conversation m'aurait servi de délassement, surtout connaissant vôtre façon de penser sur feu M^r De Voltaire mon cher maître, mon père, mon ami.

J'aurais pu dans un moment vous faire voir les différents articles qui sont l'objet de vôtre curiosité, laquelle je satisfais en partie, en vous envoyant la copie des trois pièces que vous avez désirées, par mon fils, qui aura l'honneur de vous les remettre, avec vôtre exemplaire de L'anti-machiavel; qui se trouve être conforme presque en tout à mon original corrigé par M^r De Voltaire, mais qui ne contient que les 5 premiers chapitres.

J'ai encore l'original corrigé de la main de feu S : M : le Roi de Prusse

1° Du Congé de L'armée des Tonneliers * et des cercles, du 6e.
9bre 1757⁶

2° Le voiage de Strasbourg, en 1740. tout entier de sa main^a

3° Une lettre sans date, imprimée. Signée de S : M : commençant, J'ai reçu vôtre Lettre de Lausanne du 22e etc^a.

4° Une Lettre de Sa main et signée, sans date^r commençant, L'amour sur vous a bien plus de pouvoir.

5° facétie, ou Rêve. X^{bre} 1770. Et j'avais lu Platon^a.

6° Petits fragments des mémoires du Roi de Prusse, L'empereur pour rompre totalement etc^c

7° L'original d'une Lettre, signée du 26 Mars 1760. Comm^{en}çant Peuple *charmant*, aimables fous, singulièrement falsifiée, et qui se trouve, page 301. du Tome 7 des œuvres S : M :

8° La préface et les 5 premiers chapitres de l'anti-machiavel, la première de la main du Roi.

Je n'ai pas eu, Monsieur, le temps de faire de plus longues vérifications, mais j'ai déjà soupçonné et soupçonne encore, d'autres variations dans les correspondances. Il est singulier que dans celle de S : M : on ne trouve rien depuis 1740 à 1759.* cela m'a frappé.

Je n'ai point le poème en 6 chants, intitulé la *Poloniade*.

Voilà tout ce que le tems me permet d'avoir l'honneur de vous dire.

Je serais très flatté si dans mon obscurité j'avais pu obtenir votre estime, et si j'avais jamais l'honneur de pouvoir exécuter quelques uns de vos ordres.

Agréez avec indulgence les sentiments respectueux avec lesquels je suis, Monsieur, | votre très humble et très obeissant serviteur

Wagniere.

J'espère que ce que je vous envoie, Monsieur, est pour vous seul^a

Автограф. ГПБ, Отдел рукописей, франц. Q XVII, 26, лл. 1—2.

^a Пометка Фреденхейма: j'étois, depuis, le 27. Decembre chés Mr Wagnière à ferney.

* Исправлено из alliers.

^б Здесь знак выноски, а на левом поле с таким же знаком рукой Фреденхейма: «ajouté par le Roi: après la bataille de Rosbach».

^в Здесь знак выноски, а на левом поле с таким же знаком рукой Фреденхейма: «8 pages, in 4°. le Roi dit dans une de Ses lettres qu'il n'en avoit point gardée de copie. La lettre est de Wesel le 2 de Septembre 1740 adressée à Mr Jordan où il dit l'avoir envoyé à Voltaire. Cette piece est sur deux papiers differents pour la qualité et pour la grandeur, et paroît être écrite currenente calamo sur tel papier qui tombait sous la main».

^г Приписано рукой Фреденхейма: à Mad^{me} du Chatelet.

^д То же: prose.

^е То же: entre autres son harangue à Mr Robinson (v. l'histoire du temps, p. 177) (voyez la seconde feuille); далее на стр. 3 письма (т. е. после его окончания на стр. 2) продолжается аннотация к пункту 6 перечня Ваньера (причем карандашная пометка на полях, несомненно рукой Сухтелена, против нижеприводимых строк, охваченных карандашной фигурной скобкой, гласит: «ajouté par M. de Fredenheim»): No. 6 consiste de deux parties: la premiere en trois pages 4° porte le titre de *petits fragments des memoires du Roi de Prusse écrits de sa main*. L'empereur pour rompre totalement etc. et cela appartient à l'histoire de mon temps Chap. 2 etc. Le Roi y parlit *<sic!>* en son nom *je etc.* C'est pour l'année 1743. La seconde partie commence par *Ce qui suit par Mr de Voltaire: Notes, remarques et anecdotes sur le Roi de Prusse et la guerre de 1741 pour l'histoire moderne*, et c'est là ou se trouve la harangue à Robinson et la lettre du Roi de Prusse au Cardinal de Fleury du 10. Juin 1742. et la reponse du 20 Juillet suivant: la reponse du Roi de France au Roi sur la convention d'hannovre et la reponse du Roi de Prusse: *Je m'attendois à de secours réels de la part de V. M. etc.* et le billet de la fille de l'Empereur Charles VI à un prince son neveu. *L'état de nos affaires etc.* du 20 Septembre 1741, Voyez l'histoire de mon temps, Tom I. p. 185.

Encore se trouvoit parmi les papiers à Ferney le suivant: Lettre du grand Condé, que la Reine de Suede a eû la bonté de m'envoyer (p'ou'r mettre à la page 268 du Tome I^r du Siècle). La lettre est à la Reine Christine du Chateau de Vincennes 26 mars 1650. Signé Louis de Bourbon.

* На полях рукой Фреденхейма: «a Mr de Voltaire».

^з Приписка Фреденхейма (заверенная карандашной пометкой Сухтелена на полях: «de la main de M. de Fredenheim»): avec la permission d'en parler à Sa Majesté le Roi de Suede et à S. E. Mr le Comte de Hertzberg, et de pouvoir leur donner des Copies et les inserer en mon journal de voyage.

[Перевод]

Ферне—Вольтер, 23 декабря 1789
одиннадцать часов вечера

Милостивый государь,

я льстил себя надеждой, что вы соблагovolите оказать мне честь краткого посещения на четверть часа вчера или сегодня, которую я урвал бы среди чрезвычайной моей занятости в течение последних дней. Беседа с вами послужила бы мне отвлечением от этих забот, особливо зная ваш образ мысли относительно покойного г. де Вольтера, моего дорогого господина, моего отца и друга.

Я смог бы быстро показать вам различные статьи — предмет вашей любознательности, каковую я частично удовлетворяю, по-

сылая вам с моим сыном, который будет иметь честь вам их вручить, копию трех документов вместе с вашим экземпляром «Антимакиавеля»; он почти во всем совпадает с моим оригиналом, исправленным г. де Вольтером, но содержащим лишь пять первых глав.

У меня еще есть оригинал, правленный рукой покойного е. и. в. короля Прусского:

1. О роспуске армии бочаров и обручей от 6 ноября 1757 г.

2. Путешествие в Страсбург в 1740 г., целиком написанное его рукой.

3. Письмо без даты, напечатанное. Подписано е. в. Начинается: «Я получил ваше письмо из Лозанны от 22-го» и т. д.

4. Письмо его рукой и подписанное, без даты, начинается: «Любовь имеет над вами больше власти».

5. Фацеция или сон. Декабрь 1770 г.: «И я читал Платона».

6. Небольшие отрывки из мемуаров короля Прусского: «Император, чтобы полностью разорвать» и т. д.

7. Оригиналы письма с подписью от 26 марта 1760 г.: «Очаровательный народ, любезные безумцы» — чрезвычайно искаженного; оно напечатано на стр. 301 в 7-м томе сочинений е. в.

8. Предисловие и пять первых глав «Антимакиавеля», предисловие — рукой короля.

У меня не было времени, сударь, произвести более пространную сверку, но я и раньше подозревал, и ныне подозреваю, что в переписке имеются и другие отклонения. Странно, что среди писем е. в. нет ничего за годы 1740—1759. Это меня поразило.

У меня нет поэмы в шести песнях под заглавием «Полонида».

Вот все, что время позволяет мне иметь честь сообщить вам.

Я был бы весьма польщен, если при моей безвестности мог бы заслужить ваше уважение и когда-нибудь иметь честь выполнить какие-либо ваши поручения.

Примите со снисходительностью изъявление почтительных чувств, с коими я пребываю, сударь, вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой.

Ваньер.

Надеюсь, сударь, что все, что я вам посылаю, — для вас одного.

Итак, Ваньер уже где-то встретил прибывшего в Женеву шведского любителя древностей и кавалера высоких орденов, успел его заинтересовать предложением неопубликованных текстов Фридриха II из лично ему принадлежащей (на не вполне ясных основаниях) части литературного наследия Вольтера, получил для сличения экземпляр «Антимакиавеля», проникся убеждением в том, что путешественник навестит его, и в ожидании этого уже

фактически подготовил несколько копий. Обеспокоенный неприходом Фреденхейма, он — уже почти в полночь! — составляет перечень еще нескольких заманчивых текстов и вдобавок намекает на возможность дальнейших находок. Он крайне занят, видимо чем-то далеким от его главных помыслов, и Фреденхейм дорог ему не только как ценитель его сокровищ, потенциальный покровитель (а быть может, и как покупатель?), но и как человек, заявивший себя единомышленником, а пожалуй, и почитателем Вольтера: «особливо зная ваш образ мыслей относительно покойного г. де Вольтера, моего дорогого господина, моего отца и друга».

Письмо дошло до Фреденхейма, и он, очевидно, захватил его с собой, когда собрался в Ферне, не в сочельник или в первые два дня рождества, а на третий день по получении — 27 декабря (ведь письмо, а главное — копии автографов Фридриха II посылались с надежным нарочным и, конечно же, не ночью, а на следующее утро, 24-го). Во всяком случае коллекционер и профессиональный канцелярист по бывшим службам в коллегиях, Фреденхейм и сохранит это письмо, и отметит на нем факт его «исполнения», т. е. визита к Ваньеру, но, главное, занесет на него своим мелким почерком такое множество сведений со ссылками на страницы томов сочинений Вольтера и Фридриха II, что мы отказываемся верить, будто эти все пометки были сделаны тут же в «хижине» Ваньера за время единственного ее посещения, даже если оно затянулось на многие часы: какое-то время должно было уйти и на беседу, и на деловые переговоры, а ведь, помимо прочего, происходил просмотр самих автографов. Напротив, мы убеждены, что Фреденхейм «обработал» письмо Ваньера впоследствии, и вряд ли в Женеве или по пути домой.⁵⁰ Мы сейчас увидим, что ему были досланы новые копии, и — в сочетании со ссылками на издания (см. выше) — все это убеждает нас в том, что уже значительно позже, на досуге, Фреденхейм тщательно разобрал пакет ваньеровских копий и аккуратно записал все справки, необходимые для их определения и научной оценки. Пассивно или активно, но повторно сказался интерес к тому, за чем шведский сановник и любитель древностей из Женевы добирался до Ваньера.

Приводим второе письмо Ваньера.

1790, 6 I

От Ваньера Фреденхейму

à Ferney—Voltaire par Genève,
6e janvier 1790.

Monsieur,

malgré ma mauvaise santé et mes occupations, je me suis empressé depuis votre départ à transcrire les articles que je vous avais montrés chez moi en original, et dont vous avez désiré une copie. Vous la

trouverez-*cy*-jointe; et je ne crois point par là manquer au profond respect, à l'admiration et à la vive reconnaissance que je dois et dont je suis pénétré pour mon auguste bienfaitrice Sa Majesté L'imperatrice de Russie.

Je profite de l'occasion de mon fils qui part demain pour francfort sur le mein pour porter mon paquet jusqu'à cette ville, où il le mettra à la poste, ce qui en diminuera le port jusqu'à hambourg.

Je me rapellerai Monsieur, avec satisfaction que vous avez daigné honoré ma petite chaumière de votre presence, et d'avoir pu m'entretenir avec vous d'un maitre, d'un ami, qui m'était bien cher, et qui avait pour moi bien des bontés.

Conservez un peu de souvenir pour le petit suisse à qui vous avez inspiré de sentiments bien vrais d'un respect avec lequel je suis,

Monsieur, votre tres humble et très obéissant serviteur, Wagnière, ancien secretaire de feu Mr de Voltaire et pensionnaire de S. M. L'imperatrice de Russie.

Автограф. Там же, лл. 3—4.

[Перевод]

Ферне—Вольтер через Женеву
6 января 1790

Милостивый государь,

вопреки моему плохому здоровью и занятости, я постарался после вашего отъезда переписать статьи, оригиналы которых я вам показывал у себя и с которых вы пожелали иметь копию. Вы ее найдете приложенной к сему. Я полагаю, что не погрешаю против глубокого почтения, восхищения и живейшей признательности, коими я обязан и коими я глубоко проникнут в отношении моей августейшей покровительницы, е. и. в. императрицы Российской.

Я пользуюсь тем, что завтра мой сын уезжает во Франкфурт-на-Майне для пересылки этого пакета до сего города, где он его сдаст на почту, что снизит расходы на пересылку до Гамбурга.

Я буду с удовлетворением вспоминать, сударь, что вы соблаговолили почтить мою хижину своим присутствием и что я мог беседовать с вами о господине и друге, который мне был весьма дорог и оказывал мне столько милостей.

Сохраните хоть немного в своей памяти маленького швейцарца, которому вы внушили самые подлинные чувства уважения, с коими я пребываю, сударь, вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой. Ваньер, бывший секретарь покойного г. Вольтера, пенсионер е. и. в. Российской императрицы.

Помимо характерного для автора письма самоунижения, а также темы удовольствия от беседы с единомышленником, здесь

проступает один деликатный момент. Ваньер ощущает некоторую двусмысленность своей щедрости и считает долгом оправдаться: он-де ничем не нарушает обязательств по отношению к русской царнице. Мы не знаем, где и когда, но он, очевидно, как-то обязался либо все вновь обнаруживаемые рукописи доставлять Екатерине II (и считал это как бы одним из условий получаемой им — столь неаккуратно! — русской пенсии), либо понимал прямое задание императрицы снабжать ее всеми критическими материалами, порочащими Кельское издание как бессрочное, и считал поэтому любой текстологический материал так или иначе этому заданию «подотчетным». Если же эти автографы Фридриха почему-либо недавно попали к нему и дело просто сводилось к пониманию, что они всего интереснее Екатерине II, то что мешало Ваньеру их ей отправить? Какой-то *cas de conscience* все же тут имелся.

За этим письмом следуют три десятка страниц с текстами. Начиная с первой же идут пометки Фреденхейма, ссылки на страницы «Сочинений» Фридриха II и т. п., а также разного рода заверки Ваньера. Так, на первой из этих страниц (т. е. на л. 5) вслед за крупно выписанным годом «1740» и начатыми рукой сына Ваньера словами «Я свидетельствую, что» (стало быть, впереди всех копий и до начала текста данной копии) Ваньер добавляет: «Бумаги, ниже сего переписанные, все были написаны рукой Короля Прусского, а в оригиналах находятся в моих руках, и сия копия, передаваемая мною г. де Фреденхейму, кавалеру ордена Полярной Звезды и т. п., является верной. В Ферне—Вольтер, 23 декабря 1789 г. Ваньер». Стало быть, это начало первой пачки копий, высланных им Фреденхейму при первом письме.⁵¹

С л. 18 снова идут копии, видимо, сделанные сыном Ваньера, начиная с того «Путешествия в Страсбург», которое Ваньер еще только предлагал в своем первом письме. «Путешествие» это снабжено тоже припиской Ваньера, выполненной крайне бегло и гласящей: «*Cette copie un peu barbouillée est pourtant exactement conforme à l'original écrit de la main de Sa Majesté, et qui est entre les miennes. ce que je certifie à ferney-Voltaire le 26e X^{b^{re}} 1789. Wagnière*». («Сия копия, несколько измаранная, все же вполне соответствует оригиналу, писанному рукой е. в. и находящемуся в моих руках, что я и заверяю в Ферне—Вольтер сего 26-го декабря 1789 г. Ваньер»). Следовательно, он заготовил ее впрок, еще до того как Фреденхейм пожаловал к нему 27 декабря (очевидно, тот, получив из рук сына Ваньера первую посылку, подтвердил, что придет и ждет новых копий). Фреденхейм сделал к заголовку приписку: «*NB. Le Roi marque par sa lettre du 2 Septembre 1740 à Mr Jordan qu'il avoit envoyé cette pièce à Mr de Voltaire, sans en avoir gardé de copie, ce qui rend celle ci bien precieuse étante <sic> copiée sur l'original*». («Нотабене. Король указывает г. Иордану в письме 2 сентября 1740 г., что он отправил это про-

изведение Вольтеру, не оставив себе копии, что́ делает настоящую копию весьма драгоценной, поскольку она снята с оригинала»⁵²).

На лл. 29—30 об. имеются скопированные сыном Ваньера «Мелкие фрагменты мемуаров Короля Прусского, писанные им собственноручно»; они снабжены вначале заверкой Ваньера: «Эти слова написаны рукой г. де Вольтера», а в конце целой припиской:

«Voilà, Monsieur, les petits fragments que vous avez désiré d'avoir, je les ai fait copier par mon fils des que vous avez été parti de chez moi.

J'aurai soin, et n'oublierai pas, les autres petites choses que vous m'avez demandées, et que je ne veux confier a personne pour copier. je vous prierai seulement de m'accorder le temps nécessaire de le faire moi même dans les intervalles que mes autres occupations très pressées pourront me donner.

Agréés les respectueux sentiments du petit suisse
à ferney—Voltaire le 27 X^{bre} 1789

Wagniere».

(«Вот, милостивый государь, мелкие фрагменты, которые вы пожелали иметь, я их дал списать сыну, едва вы ушли от нас.

Я позабочусь и отнюдь не забуду о прочих вещицах, которые вы у меня просили и копирование которых я никому не хочу доверить. Я лишь просил бы вас дать мне срок, чтобы я сам мог их списать в перерывы, которые мне смогут предоставить мои иные занятия, крайне неотложные».

Примите изъявление почтения от маленького швейцарца. Ферне—Вольтер, 27 декабря 1789 г. Ваньер.»).

Начальная фраза письма, которая Фреденхейму должна была засвидетельствовать особое рвение бывшего секретаря Вольтера, нам позволяет усмотреть не только активную заинтересованность недавнего гостя, но и то, что визит его затянулся не слишком поздно. А это лишь подкрепляет наши соображения о том, что аннотация перечня в письме от 23 декабря сделана Фреденхеймом не в момент его единственного посещения Ферне, но впоследствии, очевидно, уже на родине.

Далее Ваньер словно стремится «набить цену» своим сокровищам, заинтриговывая адресата сугубой секретностью предстоящего их списывания. Заметим, что, судя по составу данной рукописи в сочетании с его же письмом от 6 января 1790 г., Ваньер или так и не смог произвести каких-либо существенных выписок, или же Фреденхейм их не сохранил (либо не приобрел к прочим). Возможно, что тайнственностью несколько злоупотребил для пущей своей важности в данной приписке тот, кто подписался на ней: «маленький швейцарец».

Не будем выносить категорических решений: быть может, самоуспокоительные слова в письме от 6 января о соблюдении безупречной корректности по отношению к русской императрице имеют все же отношение к каким-то копиям, до нас не сохранившимся? Приписка Ваньера вероятнее всего относится именно — и

только — к выпискам из мемуаров Фридриха II. Не забудем, что в рукописи из собрания Сухтелена перед нами только те первые 3 листа, в которых речь ведется от первого лица и которые Фреденхейм в своих пометках на письме Ваньера от 23 декабря назвал «I частью». Вся «Вторая часть», возможно, содержащая не менее нескромные детали о прусском дворе, не была, таким образом, списана в вечер посещения Ферне. Но ежели к ней относилось обещание, почему Ваньер до 6 января не выполнил его или почему Фреденхейм не сохранил этой второй части? Быть может, именно потому, что он дал ее Густаву III или Гертцбергу, осуществив тем самым право, оговоренное в Ферне?

Здесь, возможно, кроется и объяснение угрызениям совести Ваньера. Оговорив право сообщить полученные тексты и варианты не только своему королю, но и графу Гертцбергу, прусскому историку, публицисту и дипломату, некогда весьма близкому к Фридриху II, Фреденхейм дал понять Ваньеру, что в фернейских фрагментах возможна известная прусско-гогенцоллернская заинтересованность; быть может, 23 декабря 1789 г. Ваньер это не учел, а через две недели начал подозревать об этом. Фридрих II уже 3 года как умер, однако Эвальд-Фридрих фон Гертцберг был и оставался фактическим руководителем не только Берлинской академии наук, но и берлинской внешней политики.⁵³

И еще одна нотка в этой приписке Ваньера звучит небезразлично для нас: снова он подчеркивает свою поглощенность неотложными занятиями. Думается, они не могут быть объяснены ничем, кроме как общественной деятельностью.

Однако последняя протекала не только в русле муниципальных дел. Совсем из другой сферы удастся нам привлечь образчик деятельности Ваньера именно в эти самые дни. Чтобы до него добраться, нужно заглянуть в книгу: *Suite de la Collection des Oeuvres de J. J. Rousseau Citoyen de Geneve. Tome XXVII. A Neuchatel, De l'Imprimerie de L. Fauche Borel, Imprimeur du Roi. MDCCXC.* Этот том включает вторую часть «Исповеди», помеченную — с теми же выходными данными (на втором полном титульном листе) — как некий «Tome V», но содержащую на самом деле (как и следующий «Том VI», т. е. XXVIII всего собрания) письма Руссо. Письмам же предпослана «Декларация Ж.-Ж. Руссо относительно г. пастора Верна, сопровождаемая ответными замечаниями, предоставленными этим последним» (стр. 5—85: «*Declaration de J. J. Rousseau, relative à m. le pasteur Vernes, accompagnée des notes responsives fournies par ce dernier*»), а самой «Декларации» предшествует еще «Предупреждение автора замечаний, сопровождающих декларацию г. Руссо» (стр. 1—4: «*Avertissement de l'Auteur des notes qui accompagnent la déclaration de M. Rousseau*»).

Для понимания этого эпизода необходимо напомнить, что Руссо ошибочно считал автором памфлета «*Sentiments des citoyens*»

пастора Верна. Лишь Дю Пейру (Du Peyrou), сохранявший и разбиравший бумаги Руссо после его смерти, обнаружил и засвидетельствовал, что автором направленного против Руссо памфлета был Вольтер. Приведем это свидетельство на стр. 2 своего «Предупреждения», Верн продолжает: «Второе заявление принадлежит г. Ваньеру, ныне в Ферне, бывшему секретарем г. Вольтера в то время, когда появилась брошюра, в авторстве коей г. Руссо публично меня обвинил. Он изложил письменно то, что сообщал мне устно несколько лет тому назад». Далее следует заявление Ваньера, оригинал которого, по словам Верна (стр. 3), хранится в Женеве у адвоката-нотариуса Буана (M. Boïn). Вот это заявление:

«Je, soussigné, déclare que feu M. de Voltaire, justement irrité des injures que lui avoit dites M. Rousseau, dans ses Lettres de la montagne, et par d'autres outrages, s'en vengea par la petite brochure intitulée, Sentimens des citoyens. Fait à Ferney—Voltaire, le 3 de janvier 1790. Signé, Wagniere, ancien secretaire de feu M. de Voltaire» («Я, нижеподписавшийся, заявляю, что г. де Вольтер в справедливом возмущении из-за оскорблений, сделанных ему г. Руссо в „Письмах с горы“, а также других, отомстил за эти оскорбления брошюрой „Мнения граждан“. Составлено в Ферне—Вольтер, 3 января 1790. Подписано Ваньер, бывший секретарь покойного г. де Вольтера»).

Достаточно ли весомы факты, значительны личности, широки их интересы для того, чтобы оправдать уделенное им внимание?

Сами факты — не более как крупницы в многообразной, но повседневной деятельности трех человек: «маленького швейцарца» — экс-секретаря великого человека, путешествующего шведского просвещенного сановника и старого русского генерала-дипломата и коллекционера. Иначе говоря, и личности сами по себе — не исторические фигуры первого плана, не творцы идей и культурных открытий, а всего лишь более или менее скромные деятели, без которых, однако, мы не можем себе представить ни Вольтера в Ферне, ни Стокгольмский музей, ни собрание ленинградской Публичной библиотеки. Сами по себе их интересы (в пределах, конкретно зафиксированных данными рукописями) достаточно житейско узки.

Но объективно существуют величавые проблемы: проблемы восстановления подлинного вольтеровского текста, истории Фронды — важного этапа становления французского абсолютизма, культуры «Густавианского» периода Швеции и всей диалектики шведско-французских политических и культурных связей, наконец, проблема формирования наших отечественных книгохранилищ. И все они требуют не только периодических пересмотров концепций, но и привлечения новых фактов.⁵⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лоншан в 1746—1751 гг., Колини с апреля 1751 г. до июля 1756 г. В отношении последней даты как момента смены Колини Ваньером показательно письмо Вольтера к De Benles от 9 июня 1756 г. (Mol. 3181, Best. 6208): он ищет «слугу толкового и который даже умел бы немного писать». Мнение Боннефона (см. ниже), будто Ваньер служил у Вольтера уже с первых дней его водворения в Монрhone, следует отвергнуть по крайней мере в отношении обязанностей секретарских; сам Ваньер указывал, что посвятил себя Вольтеру с конца 1754 г. (ср.: Longchamp et Wagnière. Mémoires. . ., t. I. Paris, 1838, p. 9).

² Наиболее полно биография Ваньера прослежена в малоизвестной диссертации Г. Мейнхардта (Georg Meinhardt. Voltaire und seine Sekretäre. Berlin, 1916). Там же почти исчерпывающий анализ всех сочинений Ваньера как исторического источника. В плане биографическом сохраняют свое значение две статьи Поля Боннефона (P. Bonnefon. 1) Une correspondance inédite de Grimm avec Wagnière. RHL, III (1896), 481—535; 2) Quelques renseignements nouveaux sur J.-L. Wagnière. RHL, IV (1897), 74—100). Основным источником являются мемуары самого Ваньера, изданные Нэжоном: Mémoires anecdotiques, très curieux et inconnus jusqu'à ce jour sur Voltaire, réflexions sur ses ouvrages, suivis de divers écrits inédits de la marquise du Châtelet, du président Hénault, de Piron, etc. par Longchamps et Wagnière, ses secrétaires, tt. I—II, Paris, 1838. Это издание почему-то отсутствует в Catalogue général Парижской национальной библиотеки, где (т. 99, стр. 766) числятся три экземпляра более раннего издания, выпущенного Декруа и Бешо: Mémoires sur Voltaire et sur ses ouvrages, par Longchamp et Wagnière, ses secrétaires, suivis de divers écrits inédits de la marquise du Châtelet, du président Hénault, de Piron, Darnaud Baculard, Thiriot. . ., tous relatifs à Voltaire. Paris, A. André, 1826 (2 vol.). Мы пользовались изданием 1838 г., имеющимся в Научной библиотеке Одесского университета им. И. И. Мечникова. Издание 1826 г. представлено в Институте русской литературы АН СССР, в составе личной библиотеки А. С. Пушкина, а также в БЛ. Источники для биографии Ваньера имеются также среди рукописей Библиотеки Вольтера, в Фонде редкой книги ГПБ.

О каких-то бумагах Ваньера в составе коллекции лорда Вернона, продававшейся у Maggs в 1922 г., упоминает Т. Бестерман в прим. к письму 14369 (т. 71, 181).

Опубликованное нами в сб. «Вольтер» 1948 г. (ср. ПБ, № 269) письмо Вольтера от 28 февраля 1767 г. (Best. 12313) с утешениями по поводу смерти отца Ваньера разрушает мнение Мейнхардта (Voltaire und seine Sekretäre, 199), восходящее к глухому упоминанию самого Ваньера (Mémoires, p. 3) и к Gaullieur «Etrennes nationales» (Genève, 1855, III année, 203) о том, будто к моменту поступления Ваньера на службу к Вольтеру обоих родителей секретаря уже не было в живых.

Мейнхардт отмечает, что Ф. Косси отказался предоставить ему имевшиеся в его распоряжении копии переписки Вольтера с Ваньером (вернее всего, из XIII тома рукописей БВ, см. в разделе V № 292—293) и что война 1914 г. помешала ему получить из Петербурга сведения о материалах по Ваньеру, обещанные тогдашним директором Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко.

³ Несмотря на свои 38 лет, двух детей и все свои заслуги Ваньер все же не только в понимании XVIII в., но и в нашем сознании невольно воспринимается именно таковым: ср. его постоянные выражения «petit serviteur, mais très zélé», «petit suisse Wagnière» и т. п. в приводимых ниже письмах к Воронцову; да и Ф. Троншен в письме к Гримму от 8 декабря 1778 г. attesteut его «cet honnête garçon» (Meinhardt, 219, цит. по: H. Tronchin. Le conseiller Tronchin, 339). Вольтер еще в 1756 г. пишет Габриэлю Крамеру о нем «le fidele vaniere» (F. Crowley. New Voltaire — Gabriel Cramer letters. The Romantic Review, Febr, 1939, p. 46).

⁴ В главе «Библиотека Вольтера», ЛН, 165—177 и 196—199; в кандидатской диссертации «Вольтеровские фонды Ленинграда» (1947) и в неопубликованной работе «История Библиотеки Вольтера», предназначавшейся для введения к каталогу этой Библиотеки (см. прим. 1 на стр. 13 статьи М. П. Алексеева «Библиотека Вольтера в России»). В кн.: Библиотека Вольтера. Каталог книг. М.—Л., 1961, на стр. 13—25), отражены и выполнены соответствующие данные.

⁵ Из числа деталей, интерес которых сохраняет значение для истории библиотеки более, чем для биографии Ваньера, но которые, как кажется, донныне не освещены в специальной литературе, отметим для примера две.

Вопреки распространенному мнению, будто рукописи Вольтера были привезены уже в переплетенном виде, чему не противоречит и стиль оформления (красный сафьян, зеленые наклейки на корешке, золотое тиснение), все же следует считать эти рукописи переплетенными на несколько десятилетий позже. Ваньер сам пишет, что в Петербурге приводил в порядок книги и бумага Вольтера (*Mémoires...*, т. I, р. 170). Вряд ли возможно сомнение в том, что внутри отдельных томов материал подобран именно Ваньером. Судя по филиграну (Н. П. Лихачев. Бумага и бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891, знак № 587, 1819 г., табл. 89), бумага форзацев русская, вероятнее всего близкая к 1820-м годам, т. е. к моменту, когда как раз в Эрмитаже проводились работы по упорядочению вольтеровской библиотеки; вероятно, тогда же были изготовлены и нынешние переплеты.

С. П. Белобров указал нам на интересные сведения в книге А. Кроткова «Русский флот в царствование имп. Екатерины II» (СПб., 1898, стр. 141): «Пакетбот „Быстрый“ ходил в Любек, откуда привез 19 тюков вольтеровской библиотеки, которые, подняв, положили на палубу и, сохраняя от сырости, покрыли брезентами». Нелишне подчеркнуть здесь слово «тюки» и особо отметить очень крупный размер этих 19 тюков (быть может, в свою очередь вмещавших ящики?), поскольку при перевозках 1941 и 1945 г. библиотека Вольтера заняла 65 ящиков. Еще более поразителен размер тех двенадцати ящиков, которые вместили на сухой галерее в Делис упакованную библиотеку (ср. ЛН, 168 и 172).

⁶ Русские опубликованные источники (и притом на французском языке!) могли избавить обычно весьма точного П. Боннефона от необходимости обходить молчанием вопрос о дате переезда Ваньера из России в Ферне (P. Bonnefont, RHL, III, 510—515): еще в 1872 г., т. е. за 25 лет до выхода в свет его работы, в «Архиве кн. Воронцова» (т. V, стр. 461—468) были напечатаны письма Ваньера к А. Р. Воронцову, в том числе первое из Ферне от 10 февраля 1780 г., в котором сообщается о 18-дневном пути от Петербурга до Базеля. Очевидно, он прибыл домой около 22 января 1780 г.: напечатанное там же (стр. 459—460) письмо А. Р. Воронцова к рижскому губернатору гр. Броуну от 28 декабря 1779 г. и ответ последнего от 4 января 1780 г. позволяют точно датировать отъезд Ваньера из русской столицы 29 или 30 декабря.

⁷ Эту догадку Боннефона в более развернутом виде поддерживает и Мейнхардт, обстоятельно излагая историю того, как Бомарше дважды срывает переговоры с Ваньером и как более сговорчивый Декру оказывался не в силах изменить их ход.

Следующий штрих раскрывает позицию Ваньера: 20 октября 1780 г., сообщая А. Р. Воронцову, что обедал с «шурином Бомарше», он пишет о будущем издании: «Посмотрим. Но я имею возможность сказать, что оно не будет полным, если я того захочу» (Архив кн. Воронцова, т. V, стр. 465). Впрочем, еще в письме от 9 июня того же года он предлагал Габриелю Крамеру собрать письма и книги, принадлежавшие Вольтеру, но безуспешно; готский двор отклонил его просьбу (ср.: Meinhardt, 253; цит. по: Eugène Charavay fils, *Revue des autographes, mars 1887*, р. 16, N 257; *janvier 1894*, р. 16, N 248).

⁸ Екатерина II — Гримму от 29 апреля 1783. Сб. РИО, т. 23, стр. 278; «Архив кн. Воронцова», т. V, стр. 466. Этот перечень хранится в ЦГАДА, ф. 1261 (Воронцовых), оп. 3, № 409, л. 3 сл. Он озаглавлен: Notes, remarques, additions et corrections à porter dans l'édition des oeuvres de Mr De Voltaire faite par Beaumarchais à Kehll, aux Trente volumes qu'il a délivrés. J'en ai envoyé un double à Sa Majesté Impériale qui me l'avait demandé, en attendant ce qui sera porté sur le reste de l'Édition lorsqu'elle paraîtra, il y en aura beaucoup plus. Далее следует текст заметок, начиная с 16-го тома, но в несколько ином варианте, чем публикуемый ниже (см. стр. 313—332).

⁹ «J'ignore si dans la collection il n'y a pas déjà une partie de choses que j'ai. Je ne pourrai en être assuré que quand j'aurai parcouru cette collection, dont S.M.I. de Russie, mon auguste bienfaitrice, vient de me tenir ici depuis trois jours la dernière livraison de 21 volumes, dont elle m'a gratifié avec ordre d'y faire mes remarques, d'y porter les corrections et additions comme sur les trente premiers volumes et de lui en envoyer un double pour son exemplaire propre, surtout de lui indiquer les pièces que je reconnaitrais certainement n'être point de M. de Voltaire». (P. Bonnefon, RHL, IV, 79).

¹⁰ «Quoique j'aie fait mes remarques sur l'édition, je n'en ai encore rien dit, et j'attends de S.M.I., mon auguste bienfaitrice, le complément de cette Edition dont elle m'a gratifié». (Там же, стр. 85).

Postscriptum: «... si jamais il paraît quelque chose de moi sur M. de Voltaire ainsi que des additions, corrections, etc. de sa main, et que l'on m'accusât d'avoir tiré quelque chose des différentes vies et autres ouvrages qui ont paru depuis sa mort, S.M.I. de Russie sera un témoin qui certifierait le contraire, puisque depuis 1782 je lui envoyai, pour elle seule, un double de tout». (Там же, стр. 86).

¹¹ BV № 3472, 3-й экземпляр, шифр 11—10.

¹² Письмо от 1 февраля 1776 г., Best. 18764, причем Т. Бестерман ссылается на единственное издание, а именно мемуары Лоншана и Ваньера (в издании 1826 г., стр. 100—112), признает, что никаких списков он не знает, и добавляет скептически, что вообще подлинность самого Бурсе-младшего (the identify of this particular Bourcet) «несколько сомнительна» (somewhat uncertain).

¹³ Ср.: Précis du siècle de Louis XV в последнем научном издании под ред. Р. Помо: Voltaire. Oeuvres historiques... par René Pomeau. (Bibliothèque de la Pléiade). Paris, 1957, pp. 1496, 1498, 1499, 1502.

Т. Бестерман в указанном в предыдущей сноске месте отмечает, что Бурсе ссылался на издание 1768 г. (очевидно, Крамеровское, в 4 томах, — BV 3787), и критикует только что названную нами редакцию Помо за то, что тот якобы лишь в одном (на самом деле в четырех) случае оговорил поправки Бурсе; сам он выделяет 7 таких вариантов.

¹⁴ ЛН, 188 и 189 — снимки с этого экземпляра, подаренного Ваньеру, а на стр. 197, прим. 25 — справка об обоих экземплярах. Ср. также ниже стр. 331.

¹⁵ Цит. по: G. Meinhardt. Voltaire und seine Sekretäre, SS. 245—248 (приведенный нами отрывок на стр. 247).

¹⁶ Гримм еще в 1794 г. сообщал о выплате Ваньеру пенсии (G. Meinhardt. Voltaire und seine Sekretäre, S. 301). Неизвестные прежде данные об этих заботах мы опубликовали в ЛН, 171—172 (письмо Гримма к Ваньеру от 24 декабря 1786 г., приобретенное Литературным музеем в Москве в 1935 г. у М. П. Алексеева). Там даются указания о способе получения очередного платежа, подтверждено получение от Ваньера его письма и экземпляра «Болингброка» с пометками.

¹⁷ Сб. РИО, т. 23, стр. 504.

¹⁸ См.: Desnoiresterres, Voltaire et la société française au XVIII s., VIII (2 éd.), 80, note 2, цит. по: Chagnavaу. Catalogue des lettres autographes, от 28 ноября 1853 г., стр. 28, № 246.

¹⁹ См. стр. 291 сл.

²⁰ Имеются сведения, достаточно, впрочем, нечеткие, будто наименование коммуны (т. е. деревни) «Ферне—Вольтер» появилось еще в 1775 г. и даже

было тогда же официально узаконено (ср. Best. 18532, примечание к этому письму и предисловие к 92-му тому *Voltaire's Correspondence*). Однако скудность (чтобы не сказать отсутствие) дальнейших упоминаний об этом даже в тех полутора тысячах писем, которые за 1776—1778 гг. содержит издание Бестермана, и в широко известных современных откликах на Вольтера, а также в биографических материалах ближайших лет делают официальную санкцию (маловероятную саму по себе, даже в период министерства Тюрго) сомнительной. Тем вероятнее, что вскоре после начала революции — в особенности же с момента «муниципальной революции» в конце лета—начале осени 1789 г. — по инициативе населения (а быть может, и самого Ваньера) новое наименование и было оформлено. Ответ на эту догадку можно было бы получить из департаментских архивов. Однако письмо Ваньера к А. Р. Воронцову еще от 24 октября 1786 г. («Архив кн. Воронцова», V, стр. 465) датировано из «*Genève—Voltaire*».

²¹ J. J a u r è s. *Histoire socialiste de la Révolution française*, t. I, pp. 271—274. Жорес по этому поводу приводит отклик газеты «*Les Révolutions de Paris*»: «L'ignorance ou plutôt l'ineptie du peuple de quelques provinces lui a fait croire que l'égalité et la liberté lui permettaient en quelque sorte le partage des biens; de là sont venus la plupart des ravages qui ont désolé nos provinces».

²² L o n g c h a m p e t W a g n i è r e. *Mémoires...*, t. I, pp. 149, 484, note 114.

²³ Однако, если только мы имеем дело не с опиской, русские материалы заставляют изменить датировку смерти Ваньера: письмо его вдовы, урожденной Согозов, к А. Р. Воронцову с упоминанием о новой пенсии помечено 20 апреля 1803 г. [ЦГАДА, ф. 1261 (Воронцовых), оп. 1, № 994, напечатано в «Архиве кн. Воронцова», т. V, стр. 469]; таким образом, его жизнь кончилась не позже самого начала этого года.

²⁴ Полноты ради упомянем среди эпистолярной документации к биографии Ваньера письмо Гримма к его жене от 30 октября 1779 г. (опубликовано нами в сборнике «Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний» под ред. М. П. Алексеева, М.—Л., 1960, стр. 135—137), а также четыре письма Ваньера к А. Р. Воронцову (от 10 февраля и 20 октября 1780 г., 24 октября 1786 г. и 11 февраля 1791 г.), уточняющие обстоятельства отъезда Ваньера из России и участие, которое в нем принимал А. Р. Воронцов. Опубликовано в «Архиве кн. Воронцова», т. V, стр. 461—468. Автографы в Архиве ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 1195, лл. 24—30. См. также выше прим. 6.

²⁵ Напечатана в «Архиве кн. Воронцова», т. XXVII. Мы извлекли из нее любопытную информацию об одном из видных французских эмигрантов, бывшем начальнике парижской полиции Ленуаре, не без посредничества Дю Сожи и Воронцова оказавшемся в Петербурге.

²⁶ Гримм писал Ваньеру 24 марта 1785 г.: «В начале сего месяца я отправил в Делис 30 первых томов издания г. де Бомарше (ср.: P. V o n p e r f o n, RHL, III, 529; на стр. 530 — подтверждение Гриммом (20 июня) того, что эти книги предоставлены Ваньеру в собственность). Как видим, предписание царицы, данное в апреле 1783 г., удалось реализовать только почти через 2 года. Что касается второго комплекта, предусматривавшегося первоначально, то либо решили обойтись без него (хотя тем самым на царицу или ее библиотекаря перелгался труд переносить добавления и поправки Ваньера на поля дворцового экземпляра!), либо советским исследователям еще предстоит искать и найти тот дворцовый экземпляр Кельского издания, на полях которого (самим ли Ваньером или, напротив, в Петербурге по его «*Notes et remarques*») внесены те самые поправки, которых публикуемая ниже рукопись, быть может, представляет собой лишь реестр. Для датировки этой работы отметим, что «*Remarques et additions pour l'édition de Kehl*» Ваньер послал Лаланду из Ферне 24 января 1787 г. (P. V o n n e f o n, RHL, III, 530).

²⁷ ЛН, 173 и 197, сн. 23. Подробнее в нашей диссертации «Вольтеровские фонды Ленинграда» (1947).

²⁸ J. Veinstein. Fragment inédit sur Voltaire. Журнал Научно-исследовательских кафедр в Одессе, 1924, I, № 7, стр. 45—50.

²⁹ О. Л. Вайнштейн. Кто является автором «Исторического комментария» к произведениям Вольтера? Сб. «Вольтер», 1947, стр. 202—209.

³⁰ Ср.: G. R. Havens. A note on Voltaire's «Commentaire historique». Modern Language Notes, XLIII, No. 7, Nov. 1928, 439 сл.

³¹ BV 3821, 2-й экземпляр. Однако пометка составителей каталога «Ф-77» явно должна относиться не к этому экземпляру, так как в фернейской библиотеке находился — и был занесен в ее каталог — именно тот экземпляр, который ныне имеет шифр 9—114. Весьма вероятно, что эта пометка вообще имеет в виду вовсе не произведение, интересующее нас сейчас: на л. 77 фернейского каталога (BV, р. 1141) значится «4°. Commentaires historiques», что может, конечно, означать 4 экземпляра данного произведения, отдельно показанного и на л. 82 (р. 1148) под заглавием «1. Commentaire historique sur les oeuvres de V.», но гораздо вероятнее означает некие четырехтомные «Исторические записки», пока не поддавшиеся библиографической расшифровке. Т. Н. Копреева снабжает отнесение записи на 77-м листе к номеру 3821 по BV вопросительным знаком; у нас возникает и еще такое сомнение: куда же делись еще два экземпляра, если считать, что Ваньер именно отсюда (а не из собственных запасов) почерпнул те экземпляры, которые он послал как царице, так и Воронцову?

³² «...qu'il avait laissé, en signe de reconnaissance...» (J. Veinstein. Fragment inédit sur Voltaire, p. 48). В своей статье 1947 г. (сб. «Вольтер», 1947, стр. 206) автор уже гораздо осторожнее пишет, что экземпляр «Комментария» мог казаться достойным подношением, и притом, что «первая редакция примечаний и дополнений (т. е. приписки воронцовского экземпляра, — В. Л.)... уже была составлена» в то время, когда Ваньер писал свои прочувствованные слова признательности Воронцову и его окружению (в своих «Mémoires», ср. цитату на стр. 259), т. е. в 1780 г. — в «Последнем путешествии г. Вольтера». Однако в самом мнении О. Л. Вайнштейна о том, что над переработкой «Исторического комментария» Ваньер трудился именно в ноябре 1781 г. и даже что именно в ноябре 1781 г. был изготовлен воронцовский экземпляр поправок, заключено опровержение этих слишком ранних датировок. Публикуемое выше (№ 3) письмо Ваньера от 22 декабря 1781 г. полностью подтверждает это мнение О. Л. Вайнштейна, а тем самым отвергает версию более раннего подношения.

³³ «Я отдал г-же Дени все рукописи, полученные мною от г. де Вольтера и послужившие мне для этого сочинения и т. д., рассчитывая, что она их передаст е. в. императрице России, но она отдала их все Панкуку, даже не взглянув на них. Ваньер». На стр. 96, последний абзац после слов «que nous conservons», имеется крестик, а сама приписка на нижнем поле. Кроме этой пометки, на данном экземпляре есть лишь одна приписка на стр. 11: «Wagn...» (дополнено «iere»). Вряд ли неумышленно Ваньер оба эти места снабдил закладками с буквами «п. м.» (т. е. note marginale), как это делалось применительно к обнаруженным им маргиналиям Вольтера.

³⁴ Ср.: О. Л. Вайнштейн. Кто является автором «Исторического комментария» к произведениям Вольтера? Сб. «Вольтер», 1947, стр. 203 и далее, 209.

³⁵ Если исключить возможность, что какие-то рукописи Вольтера Ваньер дослал в Петербург впоследствии. Прямых указаний на это в литературе не встречалось, но, по нашему убеждению, вопрос заслуживал бы проверки и углубленного анализа. Ни в переписке и документации о приобретении, упаковке, охране и доставке библиотеки в Эрмитаж, собранной нами (ЛН, 166—172) и воспроизведенной в BV (стр. 14—24), кроме самого начального письма царицы к Гримму («...купите его библиотеку и все, что осталось из его бумаг, в том числе мои письма»), ни разу даже не упоминают наличие рукописей. Объяснимо ли это только случайностью, крайне странной, или особой осторожностью из-за того, что существовало (но ведь и было реализовано!?) соглашение г-жи Дени с Панкуком об уступке ему всех рукописей?

Это само по себе сомнительно. Хотя имеются данные о том, что Вольтер иногда работал в помещении библиотеки, нет оснований утверждать, что рукописи его обязательно хранились вместе с нею. Есть, впрочем, одно свидетельство, как кажется, не учтенное в данной связи. В своих «Дополнениях и поправках к Башомону» (БВ, 4—245, рукопись без заглавия на 66 стр., начало «Aiant eu l'occasion...»), на л. 65, по поводу стр. 232 тома 22 (1784 г.) Ваньер пишет, между прочим, что Вольтер никогда никому не показывал своих записок о Фридрихе II, «но он имел злосчастное обыкновение оставлять библиотеку незапертой, а рукописи зачастую разложенными открыто (etalés), несмотря на все представления об этом с моей стороны». И если даже именно оттуда была изъята вся основная масса рукописей для Панкука, то, несомненно, у самого Ваньера хранились какие-то части литературно-эпистолярного архива Вольтера (ср. выше прим. 33) и, кроме того, какие-то его части оказывались в его распоряжении и много позже смерти Вольтера (ср. ряд его высказываний в письмах, свидетельства Декруа и т. п., вплоть до публикуемого здесь эпизода с Фреденхеймом на рубеже 1789 и 1790 гг.). В сущности первым о рукописях в составе привезенных в 1779 г. из Ферне ящиков упомянул Жильль: «В том же порядке были найдены и переплетенные по темам рукописи». Но это напечатано в книге «Musée de l'Ermitage Impérial», изданной в Петербурге только в 1860 г., и неточно уже хотя бы потому, что, как мы показали ранее, переплеты этих рукописей сделаны в России, вероятнее всего, в 20-х годах XIX в. Мы, разумеется, отнюдь не утверждаем, будто никаких рукописей Ваньер в 1779 г. не привез, но убеждены в необходимости гораздо более точного определения того, какую именно категорию и какую часть архивного наследия Вольтера составляют рукописи, хранящиеся в БВ, и как они соотносятся с иными частями этого наследия.

Еще следовало бы проанализировать два прямых указания самого Ваньера в публикуемых ниже «Notes et remarques»: в заметке на 22-й том — «См. письмо короля Станислава к дочери, находящееся среди бумаг, которые я взял на себя вольность прислать е. и. в.»; в заметке на 28-й том (по поводу «Железной маски») — «См. также письмо г. де Пальто, оно находится среди рукописей, присланных мною е. и. в.».

³⁶ См.: Сб. «Вольтер», 1947, стр. 206.

³⁷ Они не могут быть приведены здесь из-за недостатка места, но весьма интересны, их следовало бы учесть при эвентуальном переводе на русский язык «Исторического комментария» как памятника литературы, донные на русском языке неизвестного, но представлявшего (и ныне представляющего) для русского читателя выдающийся интерес.

³⁸ R. P o t e a u. Nouveau regard sur le dossier Calas. «Europe», Juin 1962.

³⁹ См. наши заметки: 1) Annales historiques de la Révolution française, 1964, Janvier-mars, № 175, 125; 2) Новый взгляд на дело Каласа (Французский ежегодник, 1965, М., 1966, стр. 233—245).

⁴⁰ Mémoires sur Voltaire... par Longchamp et Wagnière..., Paris, 1826, p. 7: «Avis préliminaire: MM. Durey et Christin, tous deux avocats qui étaient alors à Ferney, certifièrent, après vérification, l'authenticité des pièces justificatives et la remise qu'ils m'en firent, par ordre de M. de Voltaire...».

⁴¹ Мы привлекли внимание к этому документу в связи с публикацией письма принца Конде (ПВ, стр. 423), но с 1956 г. откликов не последовало. А в исчерпывающем репертуаре современников, так или иначе попадавших на орбиту самой всеобъемлющей корреспонденции Вольтера или хотя бы колоссального аппарата указателей к ней в издании Т. Бестермана, даже имя Фреденхейма не встречается (Best., t. CIV, 1965).

Не упоминает о нем и проф. Р. Помо в своем превосходном издании «Века Людовика XIV» (см. прим. 13), выпущенном в 1957 г., т. е. примерно одновременно с нашей публикацией.

⁴² См. в названном издании Помо (прим. 13) сдвку на стр. 1662 сл.

⁴³ «Je suis bien fâché que le tome dans lequel j'aurais pu faire usage de la lettre du prince de Condé, soit déjà imprimé. Si on fait encore par la suite

quelques nouvelles éditions, je tâcherai d'y insérer ce monument que je tiens des bontés de V. M. ...» (Best. 4370). Дата письма не вызывает сомнения, и вряд ли можно в нем усмотреть упоминание иного письма Конде (этого же или какого-либо другого члена данной семьи). А ведь Вольтер еще из Потсдама готовил «исправленное и значительно дополненное» дрезденское издание 1753 г. См.: M. Fontius. Voltaire in Berlin. Zur Geschichte der bei G. C. Walther veröffentlichten Werke Voltaires. Berlin, 1966.

⁴⁴ Ср.: Catalogue des manuscrits français de la Bibliothèque de Saint-Pétersbourg, publié par Gustave Bertrand, Paris 1874, p. 212; «No. 26. Ecrits non imprimés de Frédéric II roi de Prusse, copiés et fournis à M. de Fredenheim, chevalier de l'Etoile Polaire, par M. Wagnière, ancien secrétaire de M. de Voltaire, précédés de deux lettres de M. Wagnière à Fredenheim. Manuscrit de 35 feuilles». Эта запись дословно повторяет запись в рукописном инвентаре Отдела рукописей ГПБ под шифром: Франц. Q. XVII. 26.

⁴⁵ На л. 21 об. рукой Ваньера: «Lettre du Grand Condé que la Reine de Suede a eu la bonté de m'envoyer». «NB. Ce titre est écrit de la main de Mr de Voltaire».

⁴⁶ На л. 2 (т. е. на третьей странице письма Ваньера, начинающего всю подборку) помета Фреденхейма (что заверено пометой П. К. Сухтелена: ajouté par M. de Fredenheim). «Encore se trouvait parmi les papiers à Ferney le suivant: Lettre du Grand Condé, que la Reine de Suede a eû la bonté de m'envoyer (p^{ou})mettre à la page 268 du Tome I^r du Siècle). La lettre est à la Reine Christine du Chateau de Vincennes 26 mars 1650. Signé Louis de Bourbon».

⁴⁷ Первой сводкой биографических данных о Фреденхейме можно считать статью в «Biografiskt lexikon öfver mankunnige Svenska Män, Femte Bandet», Stockholm, 1875. С ее данными в основном сходятся новейшие словарные статьи в биографическом справочнике «Svenska män och kvinnor», t. 2, 1944 (Thure Nyman); в Шведской энциклопедии — «Svensk uppslagsbok», t. 10, 1949. Однако имеются и расхождения, главным образом хронологические (начало службы в 1765 или 1766 г., зачисление студентом в 1754 г., т. е. в шестилетнем возрасте, очевидно, в школу при университете, пребывание в Риме то ли в 1787—1790 гг., то ли в 1788—1791 гг. В новейшей статье о Фреденхейме в «Svensk biografiskt lexikon», t. 78, Stockholm, 1965, тоже нет упоминания о посещении им Ферне.

⁴⁸ Сказанное отражает нашу осведомленность во время подготовки настоящей публикации и вплоть до сообщения «Карл-Фредрик Фреденхейм и наследие Вольтера», сделанного нами на III Всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии в сентябре 1966 г. в Кэрику (Эст. ССР). Материалы, полученные после этого (при письме от 16 октября 1966 г. в ответ на наш запрос) от директора Государственного архива Швеции г. Свена Остранда (Sven Astrand), подтвердили ряд наших догадок, существенно дополнили информацию об этом эпизоде, а вместе с тем и внесли одну весьма существенную поправку: письмо принца Конде, игнорируемое всеми историками Фронды и библиографами, оказалось опубликованным Аркенхольцем в 1751 г.: Johan Arckenholtz. Mémoires concernant Christine Reine de Suède. Amsterdam, 1751, t. 1, p. 186. Более того, этот эпизод затронут в трудах: W. H. Grauert. Christine Königin von Schweden und ihr Hof. I, 1846, S. 346; G. Jacobson. Sverige och Frankrike 1648—1652. Uppsala, 1911. Оригинал письма хранится в Библиотеке епархии Линчелинг под шифром Br. 2, No. 55 (фонд Эрика Бенцелиуса); ни об обстоятельствах его опубликования Аркенхольцем, ни о том, как оно было сообщено королевой Луизой-Ульрикой Вольтеру, их переписка, хранящаяся в Шведской национальной библиотеке в Стокгольме, никаких сведений не содержит.

Признавая свою оплошность, впрочем, никем (даже из рецензентов ПВ) не замеченную, мы не имеем оснований жалеть о том, что ввели это письмо вновь в обиход историков Фронды. Зато к прежним недоумениям теперь можно добавить и объяснение: очевидно, одновременно с письмом королевы

до Вольтера дошел экземпляр книги Аркенхольца (указатель Бестермана умалчивает об этом, потому что какого-то звена в переписке недостает, и сама Луиза-Ульрика об этой публикации умолчала); это обстоятельство весьма снижало для Вольтера привлекательность введения уже — и притом недавно — опубликованного текста. (NB: книги Аркенхольца в БВ не сохранились!).

Бумаги К.-Ф. Фреденхейма хранятся не в Государственном архиве, но в Национальной библиотеке в Стокгольме. Никаких писем Ваньера среди них нет. Но в записях дневникового характера и материалах к подготовлявшимся мемуарам или автобиографии посещение Ферне зарегистрировано (однако даже в плане хронологического биографами не учтено). Вытекающие из этих записей уточнения см. в прим. 50.

⁴⁹ Сведениями о том, когда именно и через кого эта небольшая часть архива Фреденхейма попала в коллекцию Сухтелена, мы не располагаем. К сожалению, история формирования этого замечательного собрания не написана, а личный архив Сухтелена не изучен. Военный инженер по образованию и боевой генерал, Петр Корнильевич Сухтелен (1751—1836) был русским послом в Стокгольме; свою коллекцию рукописей и автографов, числом свыше 10 тысяч, он собирал до 1830 г., а в 1836 г. вместе с его не менее знаменитыми собраниями инкунабулов, редких книг и географических карт она поступила в ГПБ. Об этой коллекции см.: А. Д. Лjublinskaia. 1) Archives de J. J. Berzelius se trouvant à la Bibliothèque Publique Sалtykov-Chtedrine de Léningrad. Kungl. Svenska Vetenskapsakademiens Årbok för år 1958, 304—305; 2) Архив И. Я. Берцелиуса в Ленинградской Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вопросы истории, естествознания и техники, вып. 5, 1957, стр. 177—182 (о Сухтелене см. стр. 177); Е. В. Бернадская и Т. П. Воронова. Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVII—XVIII вв. из собрания П. П. Дубровского. Труды Отдела рукописей (Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина), Л., 1963, стр. 105.

Подробный обзор шведских материалов из этой коллекции составлен А. Д. Люблинской и И. С. Шарковой (Сб. «Исторические связи Скандинавии и России», Л., 1970).

⁵⁰ Присланные (см. прим. 48) из Стокгольма ксерокопии автографов Фреденхейма, хранящихся в Шведской национальной библиотеке, позволяют подкрепить эти догадки документально.

1) В описи-реестре (шифр и название не указаны) — своего рода хронологических выписках для автобиографии — под 1789 г. значатся между прочими две записи. Одной из них присвоен № 31: «21 декабря. Из Женевы — бывшему секретарю Вольтера Ваньеру (Decembr. 21 från Genève til Voltaires för<utvarand>e Secret<ai>re Wagnière i Ferney) ... с тем же почтальоном... экземпляр «Антимакиавеля» для сличения с рукописями (och des confrontation med några manuscripтер)... и пару римских браслетов для его дочери за его хлопоты. В тот же день ответ от него из Ферне—Вольтер». Другая запись, за № 42, гласит: «Декабря 18. Ваньер заверяет на 8 страницах собственную руку Вольтера» (December 18. Wagnière attest under 8 rader egenhandige at Voltaire).

2) В рукописи If 19:1 — Carl Fredrik Fredenheim, Diarier 1748—98. 1. Conceptbiographi till 1796 — под 1789 г. значатся в декабре среди прочих и следующие записи:

December 13. Ankomst til Genève. («Прибытие в Женеву»).

14. Ferney och talte med Voltaires Curé och Secretaire («Ферне и беседовал с вольтеровскими приходским священником и секретарем»).

16. Ater Ferney och til Hⁿ Bonnet på Genthod («Снова Ферне и к г. Бонне в Жантод»).

18. Åter Ferney och Genthod («Снова в Ферне и Жантод»).
24. Voltaires Secretaire skickade mig Julklappen af ätskillige Konungens i Preussen otryckte skrifter, som jag besvarade med en present af des Oeuvres Posthumes... («Вольтеров секретарь прислал мне рождественский подарок, [состоящий] из различных непечатанных произведений короля Прусского, на что я ответил тем же вечером подарком „Посмертных сочинений“»).
27. Siste gången til Ferney, collationered och tilökte Antimachiavel... («Последний раз в Ферне. Коллационировал и вписывал дополнения в Антимакиавель»).

3) В рукописи М-241 — «Carl Fredrik Fredenheim. Diarier under resor i utlandet 1788—90. 3. Strödda anteckningar jan. 1788—juli 1790 under resan Berlin—Italia—Frankrike—Tyskland—Sverige» — под 1789 г. в декабре среди прочих записей находятся:

13. 11 1/4 Genève, L'écu de Genève (т. е. записано с точностью до четверти часа прибытие в Женеву и название гостиницы). Bourgogne och Pays de Gex (Фреденхейм всегда отмечает переход государственных границ).
14. Ferney 1/2 12—1 1/4 vägen är en timas resa,
16. Ferney andra gången,
18. Ferney tredje gången,
27. Ferney 4de gången och sista.

1790

4. e. m. Delices,
6. 2 1/2 Afreste från Genève.

Таким образом, мы точно знаем, что через сутки по прибытии в Женеву Фреденхейм уже съездил в Ферне, толковал там со священником и с Ваньером в течение более полутора часов, что еще через день, 16 декабря, он снова побывал у Ваньера, а 18-го в третий раз, причем получил от Ваньера заверку руки Вольтера (стало быть, и автограф последнего?), 21-го числа отправил Ваньеру «Антимакиавеля», а заодно и сувениры для дочери Ваньера, в тот же день получил от Ваньера ответ; 24-го, в сочельник, они обменялись рождественскими подарками: Ваньер послал неизданные произведения Фридриха II, шведский путешественник преподнес ему издание «посмертных сочинений» короля. Наконец, 27-го было последнее посещение Ферне, но за два дня до отъезда из Женевы, 4 января 1790 г., Фреденхейм посетил еще в послеобеденный час Делис.

⁵¹ Сперва в этой пачке сын Ваньера переписал на трех страницах стихи, начинающиеся «L'écho mugit, les airs en rétentirent» и кончающиеся «Lorsqu'une fois le bon sens bat chamade, adieu raison, à jamais serviteur». Но он явно забыл самое существенное, и вслед за стихами на стр. 3 Ваньер приписывает: «Signé, Frederic ce 1 de May 1740» («Подписано: Фридрих, сего 1 мая 1740»).

На л. 4 к заголовку «A Césarion» Ваньер делает значок выноски и внизу страницы поясняет «Kejsersling». Начиная с л. 12 (по пагинации ГПБ, но сохранилась частично первичная, крупная — «каллиграфическая», по нашему мнению, — сына Ваньера) копии выполнены самим Ваньером, причем к заголовку «Epritre à Mons: De Chazot» он сразу же приписывает «Gouverneur de Lubeck après» («Впоследствии любекский губернатор»). На л. 16 к заголовку «Congé de L'armée des Tonneliers et des cercles» такого же рода приписка: «Par le Roi de Prusse. Envoyé à Mr de Voltaire». Наконец на л. 20 после заключительной строки «comme Despreaux celle d'abelli» Ваньер (более темными чернилами, т. е. не одновременно с изготовлением самой копии) опять пишет: «j'atteste tout ce que dessus, a ferney 23 X^{bre} 1789 Wagnière

ancien Secretaire de feu Mr de Voltaire» («Заверяю все вышенаписанное, Ферне, 23 декабря 1789, Ваньер, бывший секретарь покойного г. Вольтера»).

При изготовлении переплета после л. 6 оказалось ошибочно вклеенным между этими копиями письмо Фридриха II из Фрейберга от 25 марта 1760 г., переписанное неустановленным лицом крайне неряшливо и безграмотно, с обильной правкой ошибок, на двойном листе, причем чистый лист в пагинацию ГПБ не включен. В тексте копий имеются еще следующие приписки Ваньера: 1) л. 6, к слову «Saxon» — «note de la main du roi de Prusse. Le prince de hildpurghausen si connu pour s'être déguisé en lingère avant l'affaire de la Sequia et pour avoir été battu par sa faute à Bagnaluca» («Собственноручное примечание короля Прусского: Князь Хильдбургкаузен, столь прославившийся тем, что переоделся прачкой перед делом при Секкии, и тем, что был разбит по собственной вине под Баньлукой»); 2) там же, к словам в последней строке «héros, manoeuvrez en arriere» — «Note idem. Expression de Rodrigue pour marquer en termes radoucis que les puissances qu'il protège ont été battues» («Примечание его же: Выражение Родрига, чтобы высказать в смягченных словах, что покровительствуемые им державы были разбиты»); 3) л. 17, к словам «Toujours de semblables étrennes» в предпоследнем стихе — «Note de la main du roi de Prusse. Le prince de Soubise disoit qu'il donnerait la Saxe à la Dauphine pour ses étrennes» («Собственноручное примечание короля Прусского: Князь Субиз говаривал, что преподнесет Саксонию жене Дофина как рождественский подарок»); 4) л. 17 об., после подписи «à fribourg ce 6 de novembre 1757» — «et de la main du Roi ces mots: Après la bataille de Rosbach» («и, рукой короля, слова: после битвы при Росбахе»).

⁵² На л. 21 мы находим пометку, вероятно, тоже Фреденхейма: «Oeuvres, p. IX, 114»; вслед за заголовком «Partie d'une lettre de la main du roi de Prusse» приписку Ваньера: «NB. ce titre est écrit de la main de Mr de Voltaire» («Нотабене. Это заглавие написано рукой г. де Вольтера»), поясняющую, что над выписанными некогда стихами Фридриха к маркизе Дю Шатле был лично Вольтером приставлен заголовок, здесь в воспроизводимый («Часть собственноручного письма Короля Прусского»). На обороте такой же случай: выписав заглавие («Lettre du Grand Condé que la Reine de Suede a eu la bonté de m'envoier»), Ваньер тут же снова пометает: «NB. Ce titre est écrit de la main de Mr de Voltaire». На левом поле рядом с началом письма пометка, очевидно, Фреденхейма: «Lettre de M. le Prince de Condé à la Reine Christine. 1650». Следует текст письма Конде.

При сличении этой копии с той, которую Ваньер включил в состав своих «Notes et remarques» и прислал в Петербург еще двумя-тремя годами ранее (она опубликована нами в ПВ), обнаруживаются отклонения, на основании которых надо исправить нашу публикацию следующим образом:

	Напечатано	Следует читать
стр. 410, 8-я сверху	de vous voir	de nous voir
14—15-я сверху	finances de la france	finances de france
17-я сверху	nous opposant	nous opposants
11-я снизу	rendre maitre non seulement	non seulement rendre maitre
4-я снизу	d'une telle importance	de telle importance
1-я снизу	à la dite Reine	à la dite Dame Reine
стр. 411, 12-я сверху	de méfiance du dit Cardinal	de méfiances dudit Cardinal
18-я снизу	de la france	de france
стр. 412, 6-я сверху	запрещения видеть вас	запрещения видеть друг друга

Как ни мелочны эти разночтения, но самый факт их возможности настораживает против безоговорочного доверия к нотариальной точности ваньеровских копий. Не считаться с этим отныне невозможно. Нет также пол-

ного совпадения ни той, ни другой из этих копий с текстом, напечатанным Аркенхольцем.

Факцию «Сон» (лл. 25—28) Ваньер опять-таки снабжает подзаголовком: «Сочинение Короля Прусского. Получено 31 декабря 1770 г. Г-ну Вольтеру» («Par le Roi de Prusse, reçue le 31 X^{bre} 1770, à Mr de Voltaire»), а в конце приписывает: «Эта вещьца написана рукой г. Вильома, копииста е. в., который был также копиистом г. Вольтера» («Cette piece est écrite de la main de Mr Willaume Copiste de Sa Majesté, et qui l'avait été aussi de Mr de Voltaire»).

⁵³ О последних четырех листах рукописи Сухтелена достаточно сообщить, что они содержат выписанные Ваньером крупные купюры, сделанные Вольтером в первоначальном тексте «Антимакиавеля» — политического трактата Фридриха, тогда еще только кронпринца, обеспечившего ему репутацию философа. Купюры эти относятся только к первым трем главам. Сразу же за главным «Refutation du Prince de Machiavel. Chapitre I» («Опровержение „Государя“ Макиавелли. Глава I») Ваньер поясняет: «По списку-оригиналу Короля Прусского, посланному г. де Вольтеру» («Sur la copie originale du Roi de Prusse, envoyée à Mr de Voltaire»), а в конце (л. 35) завершает оговоркой: «Нотабене. Я списал лишь главнейшие изъятия, которые г. де Вольтер произвел на рукописи е. в. Короля Прусского. Имеется еще великое множество других, менее значительных» («NB. Je n'ai copié que les principales soustractions que fit Mr de Voltaire au Mss. de S. M. Le Roi de Prusse. il y en a un très grand nombre d'autres moins considérables»).

Для довольно запутанной и весьма красноречивой истории текста «Антимакиавеля» эта выписка сохраняет все свое значение. Но, видимо, ни Фреденхейма, ни его шведских высоких покровителей такого рода текстологические интересы не волновали и продолжения выписок не потребовалось.

⁵⁴ С «потсдамским» комплексом в наследии Вольтера связано еще одно свидетельство Ваньера, которое не хотелось бы оставлять в прежнем забвении, хотя к данному эпизоду оно не имеет непосредственного отношения.

В 22-м томе «Секретных новостей» Башомона (изд. 1783 г.) на стр. 232 значилось, что «рукопись (вольтеровских записок о короле Прусском, — В. Л.) была обнаружена в бумагах де В... Он желал, чтобы рукопись эта была вскрыта только после смерти короля Прусского». В своих «Дополнениях и поправках к Башомону» (рукопись БВ 4—245, стр. 65) Ваньер пишет: «Все это неправда. Я повторяю, что их выкрали в 1768 г. Он никогда их не показывал кому бы то ни было» («Tout cela n'est pas vrai. Je repete qu'on les vola en 1768. il ne les avait jamais montrés à qui que ce soit»). Далее Ваньер отмечает беспечную привычку Вольтера не запирать библиотеку (см. выше, стр. 306) и затем пишет: «Он обнаружил кражу этих записок, а также других бумаг, когда, сжегши подлинник, он искал обе копии, написанные моей рукой, чтобы их тоже сжечь (см. Комментарий). Е. в. императрица России обладает одной из этих копий, а вторую я видел в руках Бомарше. Печатая эти записки, к ним многое добавили» («Il s'aperçut du vol de ces mémoires, et d'autres papiers, lorsqu'ayant brulé l'original, et cherchant <sic> les deux copies qui étaient écrites de ma main, pour les bruler aussi (voiez le commentaire). Sa Majesté Impériale de Russie possède une de ces copies, et j'ai vu l'autre entre les mains de Beaumarchais. On a beaucoup ajouté à ces mémoires en les imprimant»).

Любопытно, что хранящийся в БВ (шифр 4/250) экземпляр этих записок писан рукой отнюдь не Ваньера!

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОПРАВКИ ВАНЬЕРА

Публикуемая ниже рукопись из Библиотеки Вольтера * несомненно явится вкладом в текстологию Вольтера и, кроме того, внесет немало уточнений биографического и историко-литературного порядка. За отсутствием оригиналов многих вольтеровских рукописей, ценность всяких поправок и уточнений отнюдь не понижается от того, что таковые могут носить частный, не всеобъемлющий и не систематический характер. И в данном случае мы имеем дело не со сплошным восстановлением оригиналов, а лишь с серией отдельных сведений, но все же навряд ли существует другой документ, который бы в столь широких пределах систематически охватывал большинство произведений Вольтера. Хотя далеко не все, сообщаемое Ваньером, является новым и многое было уже в начале XIX в. известно издателям, а некоторые приводимые Ваньером варианты уже вошли в издания (очевидно, проникнув в них иными путями), ценность показаний наилучшим образом осведомленного свидетеля — современника первого по-смертного издания — бесспорна.

В силу этого мы издаем полностью текст этих «Заметок и примечаний Ваньера вместе со сделанными г. Вольтером для включения в его сочинения исправлениями и добавлениями, не вошедшими ни в одно их собрание».

Анализ каждой из заметок Ваньера получился бы слишком громоздким и, несмотря на это, все же не исчерпал бы всех частных вопросов. Поэтому мы ограничиваемся самыми сухими справками, без которых каждому читателю пришлось бы заново проделывать крайне кропотливую и неблагодарную работу, проведенную нами для расшифровки конкретного смысла указаний Ваньера, ссылающегося не на названия произведений, а лишь на страницы Кельского издания, далеко не всегда имеющегося под рукой читателя.

Сразу же после заглавия в рукописи имеется помета: «N. Было использовано Кельское издание Бомарше и экземпляр, уцелевший от огня». Секретарь Вольтера получил почему-то далеко не все тома Кельского издания, вышедшие к тому времени, и сам не раз отмечает крупные пробелы. С другой стороны, аннотируются и 40-е тома.

Сличение ссылок Ваньера со всеми вариантами кельских изданий убеждает в том, что под 52-томным изданием понималось будущее 72-томное (in 8°), а никак не 92-томное (in 12°). При этом обнаруживается и то, что комплект, доставленный Ваньеру, относился именно к тиражу 1785 г. (с включением отдельных томов

* Шифр 4—247. Тетрадка в 22 листа (197 × 155), аккуратно заполненная красивым и четким почерком Ваньера. Продернута голубая ленточка. На обложке экслибрис Эрмитажной библиотеки Вольтера и наклейка с шифром 247.

издания 1784 г.) и принадлежал к числу тех, которые подписчикам были разосланы с неправильной томизацией — романы не в 44-м и 45-м томах, а в 42-м и 43-м, как следствие того, что 29-й том был отведен не под раздел «Politique et Legislation», а под «Eléments de Newton» и т. д.

Порядок публикации «Заметок и примечаний» Ваньера следующий.

Документ, построенный всецело на дословном совпадении с определенным французским изданием, в переводе утрачивает осмысленность; перевод его не поможет никому использовать приводимые Ваньером сведения. Поэтому этот текст издается без русского перевода.

Текст Ваньера снабжен сплошной порядковой нумерацией на полях (в ломаных скобках) каждой отдельной заметки, хотя бы столь общеизвестной, что она не требует пояснений. Что касается последних, то они приводятся только к 206 номерам и сведены к минимуму, преимущественно укладываясь в краткую формулу, в которой приводятся только

а) сокращенное название того произведения, которое имеет в виду Ваньер;

б) в случае надобности обозначение его частей, причем первая (римская) цифра, как принято, обозначает акт (действие) или главу, вторая (арабская) — сцену (явление) или параграф;

в) указание на страницу издания Молана, соответствующую данной части текста в Кельском издании. Во избежание смешения с пагинацией последнего или самой рукописи в каждом случае повторяется условное обозначение порядкового номера тома по счету Молана;

г) в отдельных случаях — справки о значении данного замечания Ваньера.

Notes, et remarques de Wagnière
avec les

Corrections et additions, | faites par Mr. De Voltaire,
pour être | mises dans ses oeuvres, et qui ne | se trouvent
dans aucune des | Collections, en attendant la Suite.

NB : On S'est servi de l'édition de Kehll
par Beaumarchais, et d'un exemplaire
qui a échapé au feu.

л. 1
Pages
Lignes

Tome 1er, Théâtre

hermogide

<1> 421

Moi! que cette faiblesse ait amolli mon ame!
hermogide amoureux! ah! qui veut être roi,

Ou n'est pas fait pour l'être, ou sait régner sur soi.
Voici ce que j'ai trouvé sur un petit morceau
de papier, écrit de la main de M^r De Voltaire, et
qui doit être placé ici.

Vers à corriger dans Eriphile

Ce coeur nourri de sang, et né pour la fureur,
Tout barbare qu'il est aime pour son malheur.
Mon ame inexorable a connu la tendresse.
Quand par mes attentats trahi par ma faiblesse,
Mon destin doit apprendre a qui veut être roi
Qu'il ne doit aimer rien, respecter rien que soi
à la Reine, etc^a

a. 1 ob.

Tome 2

<2> 119 Ce que l'on dit dans la note est vrai.

Tome 3^e

<3> Après ces mots de l'avertissement sur Zulime, *Les variantes ont été recueillies d'après cette édition.* M^r De V. retoucha Zulime en 1756, et la fit représenter à Lausanne plusieurs fois; il y jouait le rôle de Benassar.

<4> 121... L'avis de l'éditeur est de M^r de V.

<5> 123...1.
dernière On n'avait point alors forcé Mr de V. à quitter la France, et c'était très volontairement qu'il était en Prusse.

a. 2

Tome 4^e

<6> 168...27 L'avis au lecteur est de M^r de V.

<7> M^r De Voltaire y joua...

NB : M^r De Voltaire n'était point à Paris en 1752, mais à Berlin, où l'on représenta la pièce. S : A : R : Mgr Le Prince Henri y joua supérieurement un rôle, M^r De V. en parlait toujours avec étonnement. Ce prince contrefaisait aussi parfaitement la manière de parler de M^r De V.

<8> 170... La préface est de M^r De V.

<9> 351 Tancrède avait été jouée précédemment plusieurs fois en société chez Mr de Voltaire sur son petit théâtre de Tournay; il y remplissait le rôle d'Argire.
quantité de copies infidèles.

<10> 355...29 J'en fis jusqu'à vingt sept, et on les falsifia.

<11> 438...27
et 28 Mais craignant de lui nuire en cherchant à le voir

Il crut que m'avertir était son seul devoir
Ces deux vers ne sont pas de M^r De V.

n. 2 ob.

<12> 442...21

La superstition et l'envie

Il faut être juste, Messieurs les éditeurs, M^r De V, n'a point du tout été persécuté à Genève ni dans le Canton de Berne.

Tome 5^e

<13> 3

Cette Tragédie parut imprimée en 1763, Elle fut jouée (ajoutez ici le mot d'*abord*) à ferney, et (ajoutez le mot *Ensuite*) sur le théâtre de l'Electeur Palatin (*)

* Ce fut Mr Colini, autrefois son secretaire, à qui M^r De V. la donna en present, qui la fit jouer et imprimer à Manheim.

Ce que les éditeurs disent d'ailleurs dans cet avertissement est très vrai.

<14> 15... 14
et suiv:

Nous verrons... mais on ouvre, et ce temple sacré, etc.

Dans une édition de Paris qu'on envoya à M^r De V. il mit en'marge à côté de ces cinq vers qui avaient été Changés

Vers détestables, que M^r D'Argental s'est com-plu à insérer dans ma pièce suivant sa coutume.

n. 3

<15> 97...

La préface est de M^r De V.

<16> 207

Les Scythes...

Cette pièce fut composée en douze jours, en 1766; et representée d'abord plusieurs fois à ferney sur le théâtre de M^r De V. qui y joua le rôle de Sozame.

<17> 209...

L'épître dédicatoire est de M^r De V. qui l'adressa à Mrs Les Ducs De Choiseul et de Praslin, sous les noms d'Elochivis et de Nalrisp.

Les deux préfaces qui suivent sont aussi de l'auteur.

<18> 300...

Tous les vers que l'on met ici en variantes ne sont pas de M^r De V.

<19> 301...

La Tragédie des Guèbres fut imprimée en 1769. elle avait été composée en 1768.

303

La préface est de M^r De V. ainsi que le discours qui suit.

<20> 412 et 413

L'avis des éditeurs de Lausanne, et L'Épître à M^r le Duc de La Vallière sont de M^r De V.

- 1ere *Les Loix de Minos Tragédie, non représentée.*
 Elle l'a été sur le théâtre de chatelaine près de Genève, imprimée la première fois en Décembre 1772
 Lorsque M^r De V. composa cette pièce il avait en vue le Roi de Pologne, le fanatisme des confédérés etc^a.
- 75... Les notes sont de M^r De V.
 <21> 93... La Tragédie de Dom Père fut imprimée pour la première fois à la fin de 1774. elle avait été composée en 1772.
 L'épître dédicatoire à M^r D'alembert, Le discours-historique et critique, et le fragment d'un discours... sont de M^r De V.
- <22> 177... *Les Pélopides*
 Imprimée pour la première fois en 1771. M^r De V. la corrigeait lorsqu'il mourut, ainsi qu'agatocle et le droit du seigneur.
 179... Ce que les éditeurs disent dans cet avertissement est vrai
- <23> 180... Ce fragment est de M^r De V.
- н. 4
- <24> 251... Irene...
 Elle fut composée en 1777 et non depuis dix années, comme beaucoup de personnes l'ont prétendu et imprimé.
 329... *Variantes d'Irene*
 NB : M^r De V. est mort avant qu'Irene fut imprimée. Les trois manuscrits qui en existaient étaient conformes, il n'y avait pas de variantes, excepté celles que les prétendus — amis de l'auteur et les comédiens se permirent de faire. C'est sans doute celles que l'on a placées ici. Ce fut la découverte de ces changements qui mit M^r De V. dans une si grande fureur. voiez ma rélation de notre voiage à Paris.
- <25> 335... *Agatocle Tragédie*
 <26> Elle fut composée en 1776
 <27> 395... 11 *De s'emparer du bien d'autrui pour le dénaturer*
 <28> Ce n'était pas la faute du Libraire. Si l'on imprime exactement les Lettres de M^r De V. à m^r D'argental, on y trouvera bien des anecdotes sur ses pièces de théâtre

Tome 7^e

л. 4 об.

- <29> 367 La femme qui a raison fut ensuite représentée en 1757 sur le théâtre de Karouge près de Genève.
 <30> 424...4 *Se proposait de supprimer*
 Point du tout

Tome 8^e

- 1ere *L'Écossaise... représentée à Paris au mois d'aoust 1760.*
 Elle l'avait été précédemment plusieurs fois en société sur le théâtre de M^r De V. à ferney
 <31> 3... *Épître dédicatoire du traducteur...*
 Elle est de M^r De V. ainsi que l'avertissement et la préface qui suivent.
 223... *Charlot...*
 Cette piece fut composée en trois jours.
 <32> 287... Cette préface est de M^r De V.
 <33> 395... *Socrate*
 Par Mr de V. vers 1760

л. 5

Tome 9^e

- <34> 199... *Le Baron D'Otrante opera Buffa*
 M^r De V. L'avait composé pour son simple amusement en 1770. il n'avait jamais été imprimé.
 <35> 257 *Les Deux Tonneaux.*
 Composé vers l'année 1772. il n'avait pas été imprimé.
 <36> 291... *Tanis et Zélide, ou les rois pasteurs...*
 Cette pièce était manuscrite, et il y a plus de trente cinq ans qu'elle a dû être composée. Je ne puis assurer positivement qu'elle soit de M^r De V.; mais toutes les corrections qui étaient sur le seul exemplaire qu'on a trouvé étaient de sa main. Cet exemplaire n'était point parmi ses manuscrits à ferney, et jamais je n'en avais entendu parler à M^r De V.
 293 1ere *Avertissement*
 Cet avertissement était écrit de la main de M^r De V.

л. 5 об.

Tome 10e. henriade

- 214...4 *Il n'y a que ce seul chant dans lequel l'auteur n'ait jamais rien changé...*

J'ai entendu plusieurs fois M^r De V. assurer qu'il avait composé ce second chant en dormant, et qu'il n'avait jamais pu trouver rien à y changer.

(NB : Je n'ai pas les tomes 11.12.13.14 et 15. qui feront sans doute partie d'une autre livraison)

Tome 16e de la Collection, et le 1er
de l'essai sur l'histoire générale.

<37> 1ere 6

Pour l'illustre Marquise du Chatelet Lorraine
NB : M^r De Voltaire ne composa point la philosophie de l'histoire, en 1765, pour mad^e Du Chatelet qui était morte depuis quinze ans, ni pour être mise d'abord à la tête de l'essai sur l'histoire et y servir d'introduction.

n. 6

Tome 16^e

<38> 91... 15

qu'aux dix millions de Soldats, corrigez, qu'au million de Soldats.

cette faute était ridicule

<39> 162... 5

On ne connaît plus les mystères de Zoroastre etc^a
NB : Ce paragraphe devait, suivant l'intention de l'auteur et ses corrections, être retranché, parce qu'il se trouve mot pour mot cy-devant à la page 104

<40> ib... 14

Et que j'ai citée...

Vide page 104 cy devant.

<41> 193... 2

Mais après avoir mangé de ce pain de douleur, corrigez,

Mais Ezechiel aiant témoigné son horreur pour ce pain de douleur, etc^a

NB : Cette correction est de l'auteur, elle est juste. Ses ennemis tiraient avantage de l'ancienne leçon.

<42—

Est reconnu pour être forgé par un juif

43> 215... 22

NB : M^r De V. pense cy-après, page 279, qu'il fut composé du temps d'hérode.

n. 6 ob.

<44> 242... 28

La langue grecque ne s'étendit pas même au delà de son territoire.

NB : Cependant, César dans ses commentaires, rapporte un fait bien singulier, il dit que le rolle, ou dénombrement des Suisses qui avaient quitté leur patrie, et qu'il battit du côté d'Autun, était écrit en langue et en caractères grecs.

<45> 279... 9

Ce fut alors qu'on forgea. corrigez, ce fut peut être alors qu'on forgea

<46> 290...

après la note à la fin de la page.

NB: Ce manuscrit avait été donné à M^r De V. par M^r. De Modave qui revenait des indes. La copie qu'en avait gardé M^r De V. lui fut volée en 1768 avec d'autres papiers, ainsi que les mémoires sur le roi de Prusse, que les fripons firent audacieusement imprimer en 1784.

- <47> 325 ... 9 *Neuf cent ans après.* corrigez, huit cent ans après.
<48> 484 ... 6 *qu'un Alphonse,* corrigez, qu'un autre Alphonse.
<49> 485 ... 11 *D'abord le Calife Aaron al Raschild, ou le*
et suivantes *juste, impose un tribut de soixante et dix mille écus*
 d'or par an à l'Imperatrice Irène. L'empereur Nice-
 phore aiant

n. 7

ensuite refusé de paier le tribut.

Corrigez ainsi.

D'abord le calife Mahadi, en 782, impose un tribut de soixante et dix mille écus d'or par an à l'Impératrice Irène, tribut qu'elle continua de paier à Aaron Raschild, ou le sage. L'empereur Nicephore aiant ensuite refusé de le paier, etc^a.

- <50> 512 ... 25 qui érigèrent des Duchés relevant en fief de leur royaume.
 Spolete

Corrigez

qui érigèrent des Duchés dans un tems de troubles, vers 576. Et lorsque la monarchie se rétablit ces Duchés en relevèrent comme fiefs. Spolete etc^a

- <51> 518 ... 5 *Etienne VI,* corr. Etienne VI ou VII.
<52> ib. ... 26 *Après sa mort, les deux soeurs.* corrigez, après sa mort et celle de l'imbecile Anastase 3, les deux soeurs.
<53> 520 ... 18 *Un Etienne VIII.* mettez, Un Etienne VIII ou IX
<54> 528 ... 22 *Jean 16.* corrigez, Jean 16 ou 17, selon d'autres
<55> 529 ... 8 *Benoit 8, Jean 19.* corrigez, Benoit 8 et Jean 19 ou 20.
<56> ib. dernière *Un roi Danois d'angleterre,* corrigez, un roi Saxon d'angleterre.

n. 7 06.

- <57> 539 ... 4 *Berthe sa cousine,* corrigez, Berthe sa Commère et sa cousine
<58> ib. ... 6 *Nécessaire au bien de l'Etat. Nous,*

Corrigez

- Nécessaire au bien de l'Etat, et que les Evêques
avaient approuvé dans un concile national. Nous
<59> 541...5 *Sentence, la prononça dans les propres états du roi,
à clermont en Auvergne où il venait chercher un asile,
et dans...*

Corrigez

- Sentence en 1094; la prononça, la Soutint dans les
propres états du roi, à Clermont en Auvergne, où il
vint chercher un asile l'année suivante, et dans etc^a
<60> 559...25 *Couronne à Edouard, un descendant.*

Corrigez

Couronne, premierement à Alfred 2^d qu'un traitre
assassina deux ans après, ensuite à Edouard, un descen-
dant.

a. 8

Tome 17e et le 2^d de l'histoire

- <61> 27...8 *La prise de Toledé, corrigez, la prise de Toledé
en 1085.*
<62> 29...27 *En 1054. corrigez, en 1061.*
<63> 43...14 *ne fit passer. Urbain 2^d. corrigez, ne fit que passer.
Ensuite Urbain 2^d.*
<64> 44...8 *L'Empereur henri 5 fit. corrigez, L'Empereur
henri 5 soulevé encore par Pascal 2^d fit.*
<65> 54...26 *Alexandre 2^d, corrigez, Innocent 2^d*
<66— 56...24 *fut érigée par lui en royaume tributaire*
<67> et 25

Corrigez

- Devint un état tributaire de l'Empire.
<68> 62...30 *Othon de Saxe, corrigez, Othon de Brunswik.*
<69> 94...24 *Jaques évêque de Palestine, corrigez Jaques de
Vitri, Evêque de Plotomaïde.*
<70> 100...19 *aiant porté trente huit ans, corrigez, aiant porté
environ vingt deux ans*
<71> 162...14 *Son frère, qu'il a fait roi. corrigez, son frère charles
d'anjou, que le pape avait fait roi.*

a. 8 об.

- <72> 250...25 *Dans le vin consacré, corrigez, Dans l'hostie con-
sacrée.*

- <73> 409... 14 *Jean Paléologue, Ajoutez, Second.*
 <74—75> 416... 3 *Jean Paléologue, Ajoutez, Premier. ajoutez aussi
 premier après le même nom à la ligne 24.*
 <76> NB: à côté de la seconde ligne, mettez 1378, au lieu
 de 1357. car il y aurait une contradiction, Urbain 5
 n'ayant été élu qu'en 1362, et ce fut en 1378 que Jean
 Paléologue 1er vint en Italie.

Tome 18^e

- <77> 62 après la note au bas de la page.
 NB: M^r De Voltaire n'a malheureusement pu voir
 les autres glorieux succès de l'auguste Impératrice
 Catherine seconde depuis 1777. Combien son admira-
 tion, son respect et son entousiasme pour elle auraient
 encore augmenté!
 <78> 370 à la première ligne de la note, mettez Cooke au lieu
 de Loke.

л. 9

Tome 19^e

- 232 après la note au bas de la page.
 NB: Il fit aussi fraper une médaille sur ce sujet
 horrible; elle porte le nom et le portrait de ce pape, et
 au revers des figures allégoriques, avec ces mots, *Ugo-*
notorum Strages 1572. J'en ai une entre mes mains.
 <79> 398... 16 *Qu'il soit permis de dire ici que l'abbé Velli etc^a.*
 NB : on pourrait remarquer encor, que L'abbé Velli
 après avoir critiqué M^r De V. dans son 6e volume de
 l'histoire de France, page 73, paraît ensuite fortifier
 lui même le récit de M^r De V. par ces mots, page
 252. *Les autres s'en prenaient au roi de Sicile qu'ils
 accusaient hautement d'avoir cherché à le faire périr
 dans une terre étrangère etc^a*
 <80> Et par ceux-cy, page 266. *Que le roi de Tunis
 paierait le tribut ordinaire. . . Que la multitude accusa
 hautement le prince Sicilien d'avoir sacrifié l'honneur
 de la religion à son intérêt particulier.*
 <81> Velli relève encor m^r De V. (pages 361 et 362)
 <82> sur la raison que celui ci donne de Vêpres Siciliennes.
 <83> Cependant.
 <84> Cependent.

л. 9 об.

Velli rapporte lui même le texte de Malespina, qui dit,
*uno francese per sua rigoglio prese una femina. . . per
 farle Villania.*

Je ne crois pas que ces mots, *per farle Villania*, signifient, *Pour fouiller si elle n'avait point de poignard caché*. d'ailleurs, on ne dit pas que l'on cherchat à fouiller les autres femmes, ni les hommes qui allaient aussi à Vêpres

Tome 20^e

- 268...5 *Elle souleva cette ville et arma L'Espagne.*
<85> NB : On ne sera peut être pas fâché de lire ici la Lettre suivante écrite par le prince de Condé à la Reine Christine de Suède
 Madame,
 N'était la difficulté que nous avons trouvé, mes-sieurs les princes

n. 11 ob.

Tome 22

- <86> 24 Chapitre 3^e
 NB: Ce chapitre est nouveau, et fut composé en janvier 1778.
<87> 30...24 *Ou plutôt de l'expulsion de l'Infante.*
 NB: Voiez la Lettre du Roi Stanislas à sa fille, qui se trouve parmi les papiers que j'ai pris la Liberté d'envoyer à Sa Majesté Imperiale.
<88> 254...24 *Mais plus nombreux, et par la plus redoutable*
 NB: Voiez la Lettre de M^r De Bourcet dans mon commentaire
<89> 290 NB: Les deux paragraphes de cette page furent corrigés en janvier 1778
<90> 293...26 *Cet arabe assassina son beau-père etc. . .*
 NB: Voiez aussi la dessus la Lettre de Mr de Bourbon dans mon commentaire.
<91> 303...3 De Bourbon, corrigez, De france
<92> 304...22 ôtez ces mots, *qui l'avaient battu.*

n. 12

Tome 23, hist: de charles 12.

- <93> 29 à la fin NB: Le Sr Wagnière possède l'original de ce certificat, qu'il a retiré des mains du Libraire à qui on l'avait remis.
<94> 81...3 *petite ville de Lithuanie.*
 NB: n'est elle pas plutôt en Courlande?

Tome 24e. hist: de Russie.

- <95> 46...7 *Au dela du Volga et du Jaik etc^a*
 Je crois qu'il faut, au delà du Volga et de la
 Kama jusqu'au Jaïk.

Tome 25e annales

- <96> NB: Ces annales furent composées en 1753
 <97> 48...12 *La qualifie horrible, corr. La qualifie d'horrible.*
n. 12 ob.
 <98> 308...25 que Cinq cents mille. corrigez, que Cent mille.
 <99> 317...10 *qu'il n'avait jamais vu*
 NB: Il l'avait vu cependant à Metz en 1356, a la
 promulgation de la Bulle d'or. Voiez ci-devant page
 305.
 <100> 353...13 *Jean Paléologue, auquel, corr: Jean Paléologue*
Second, auquel
 <101> 369... *Ils le defont entièrement à la bataille de Grandson*
 31—32 *ou de Morat.*

corrigez

Ils le defont d'abord à la bataille de Grandson, et
 ensuite entièrement à celle de Morat.

- <102> 370...9 *de Morat, corrigez, de Grandson.*
 <103> 467...6 *Comme un pretexte, corr: pour un pretexte*
n. 13

(Le tome 26e ne se trouve pas dans cette Livraison)

Tome 27. mélanges historiques 1er.

- <104> 11... *Le Pyrronisme de L'histoire est de M^r De Vol-*
taire, en 1768.
 <105> 193... *La deffence de mon oncle parut en 1767. elle est*
de M^r De V.
 <106> 293... *Un chrétien contre six juifs, par M^r De V. en 1776.*
 <107> 423... *Cet éclaircissement historique n'est pas de M^r*
D'amilaville, mais de M^r De Voltaire.
 <108> 467... *Ces additions sont de M^r D'amilaville.*
 <109> 477... *Cette Lettre aux six juifs est de M^r De V.*

Tome 28^e

- <110> 3... *fragments, etc^a*
 NB: Les articles suivants ont été composés et im-
 primés en differents tems; il est impossible d'en don-
 ner la date précise; mais il sont tous de M^r De V.
 <111> 171...8 *1797. corrigez 1497*

n. 13 ob.

- <112> 189... 20 *est aussi vraie qu'étonnante*
NB : M^r De V. m'a avoué qu'il savait le secret de l'homme au masque de fer.
- <113> Voyez aussi la Lettre de M^r De Palteau, elle est parmi les mss que j'ai envoyés à Sa Majesté Impériale.
- <114> 241... Les mensonges imprimés sont de M^r De V. et parurent en 1749.
- <115> 286... Ces doutes nouveaux de M^r De V. sont de 1764.
- <116> 332... Cet arbitrage parut en 1765, et il est de M^r De V.
- <117> 362... Ces conspirations etc^a vers 1767. elles sont de M^r De V.

<118> Tome 29. Eléments de Newton

- <119> 27... 19 *D'un être seul infini, ôtez, seul infini*
- <120> 29... 3 après, *nécessaire*, ajoutez, Que chaque individu est moins un être qu'une partie de l'être universel.
- <121> ib... 6 après, et rien n'est en repos, ajoutez, Tout transpire; une matière imperceptible circule éternellement dans les corps qui paraissent les plus durs, et le mouvement etc^a.

n. 14

- <122> 29... Après, *souverainement intelligente*, otez les quatre lignes qui suivent, et les deux premiers de la 5e et mettez ainsi à la place.
Cet être intelligent est il absolument distinct du grand tout qu'il anime? Existe-t-il à part, ou bien est il intimement uni à ses ouvrages? C'est que notre faible raison ne peut guère décider par elle même.
Est il infini? mais qu'est ce que l'infini? L'infini actuel est-il possible? Est-il concevable? a quel nombre ne puis-je pas ajouter un nombre? à quelles vastes dimensions ne puis-je pas joindre une étendue?
Cet être suprême est-il souverainement bienfaisant? C'est ici le grand refuge de l'athée etc^a. . .
- <123> 30... 31 Effacez le mot *infini*.
- <124> ib. et effacez aussi, *Il vous devait le bien être, dites vous: quelle raison avez vous de penser ainsi? pourquoi vous devait-il ce bien être? quel traité avait il avec vous?*
- <125> 31... 16 *Il est prouvé qu'il y a plus de bien.*

Corrigez

Il faut qu'il y ait plus de bien

- <126> 32...29 on n'a que de difficultés, corrigez, on n'a que de grandes difficultés.
 <127> ib. ... 30 après ces mots, *des absurdités à dévorer*,

ajoutez

- Il y a de philosophes qui prétendent, comme nous le verrons, que Dieu n'a pu faire ce qu'il a fait; si cela était, personne ne serait en droit de se plaindre. La philosophie etc^a. . .
 <128> 33...4 *S'il n'y est pas etc^a etc^a. il faudrait être lui même pour le savoir.*
 et 5

Corrigez

- S'il n'y est pas, quelles raisons il a eues pour faire des êtres sensibles qui souffrent; si le mal s'est introduit sur la terre par lui ou malgré lui etc^a etc^a, Il faudrait être lui même pour le bien savoir.
 <129> ib. ... 15 *Car l'être infini, ôtez le mot car.*
 <130> 36...14 *Si l'espace existe, corrigez, si l'espace, selon vous, existe.*
 <131> 40 aux deux dernières lignes, ôtez ces mots, *et il examinera longtems avant de pouvoir juger.* et mettez à la place
 Il parait hardi de dire, Dieu est necessairement déterminé par ses idées nécessaires à faire tout ce qu'il fait. Il

- parait bien peu philosophique de dire, Dieu agit arbitrairement sans raison déterminante.
 <132> 41...20 ôtez ce mot *Et*.
 <133> ib. ... 22 après *nous attache*. ajoutez, Et qu'il n'y a aucun homme qui en s'examinant soi même profondément, ne convienne qu'il n'est pas libre.
 <134> 43...6 *On traite de chimère*, corrigez, malheureusement on traite de chimère.
 <135> ib. ... 8 Ôtez ces mots, *on ne songe pas que*.
 <136> 47...14 Après, *grande apparence*, ajoutez, mais cela n'est pas impossible.
 <137> 57...32 *il croirait qu'il était possible*, corrigez. Il est possible
 <138> 58...23 *ont erré d'avantage*. corr: Semblent errer d'avantage

- <139> 59... 10 *Chacun croit en avoir*, corr. chacun s' imagine en avoir
- <140> 72... 5 *Sentiment de Neuton. Sentiment de Leibnitz*
- corr:
- l. 15 ob.* Opinion de Neuton. Imagination de Leibnitz.
- <141> 73... 32 *de telles opinions*, corrigez, de telles idées.
- <142> 81... 29 *Après, à l'antiquité*, ajoutez, à quelques égards.
- <143> 90... 25 *Cette matière, ce feu s'élançe*, corrigez, ce feu s'élançe.
- <144> 92... 13 *Cette matière lumineuse*, corrigez, cette substance lumineuse.
- <145> 93... 12 *près de cinquante*, corr: plus de cinquante
- <146> 97... 12 *Les philosophes se sont jettés*, corr: Les philosophes furent jettés
- <147> 103... 11 *de dessus la surface*, corr: de la surface
- <148> 116... 13 *triple, quadruple. Je* corr: triple, quadruple, à peu de chose près. Je
- <149> 139... *Et non dans nôtre âme.* corr: et non dans notre sensation.
- <150> 218... 23 *que l'on dit*, corr: qu'on le dit.
- <151> 219... 22 après ces mots, *de la philosophie*

ajoutez

C'est cette phisique erronée, cette astronomie d'enfants observateurs, qu'ovide exprime si supérieurement dans son second livre des métamorphoses, ouvrage bien plus profond qu'on ne croit.

Adde quos assiduae rapitur vertigine coelum
Sidera que alta trahit celari que volumine torquet
Nitor in adversum nec me qui caetera vincit
Impetus; et rapido contrarius evehor orbi
Enfin on etc^a

l. 16

- <152> 237... Réponse aux objections, etc^a
NB: Il est remarquable que
- <153> La deffense du neutonianisme,
- <154> L'essai sur la nature du feu,
- <155> L'exposition du livre des institutions phisiques,
- <156> Et le mémoire sur un ouvrage de phisique de M^e
- <157> Du Châtelet, ne soient point inserés dans les oeuvres de M^r De V. aux collections qu'on a faites depuis 1756. je n'ai même jamais vu ces articles dans ses manuscrits depuis 1754 que je lui ai été attaché.

<158> Il est singulier aussi qu'il n'eût pas dans sa bibliothèque un seul volume d'aucune édition de ses oeuvres avant celle de 1757.

<159> 377...27 Après ces mots, *de la mer de Sirie*, ôtez tout le reste du paragraphe, ainsi que le commencement du suivant, page 378, Jusqu'à ces mots, *avec bien plus de vraisemblance*. et mettez ainsi.

De la mer de Sirie; mais pourquoi nos mers ne seraient elles pas leur pais natal? On pourrait avec bien plus de vraisemblance etc^a

<160> 379...14 *En effet apparence*, corr: en effet grande apparence.

<161> ib. ... 15 *Longue suite d'années*, corr: Longue suite de siècles.

a. 16 ob.

<162> 387...31 Après ces mots, *natura est sibi consona*, ôtez le reste du paragraphe.

<163> 388...4 *Quand je dis que le déluge*, corr: Personne ne doute que le déluge.

<164> ib. ... 6 *Est un miracle*, corrigez, ne soit un miracle.

<165> ib. ... 7 après ces mots, *nous connaissons*, ôtez ceux-cy, *Je ne dis rien que de très véritable*.

<166> 397... Les singularités de la nature parurent en 1769.

<167> 445...7 *Ils disent qu'il est inutile*, corrigez, Ils disent qu'on ne doit pas multiplier les êtres sans nécessité, qu'il est inutile.

<168> 447...23 après, *Elles pèsent comme lui*, ôtez le reste du paragraphe, et mettez ainsi

Elles se dilatent, elles se condensent de même; elles allument le feu de même. Ici se présente une grande objection, c'est que le feu est subitement éteint par des vapeurs grossières. Les exhalaisons du vin nouveau éteignent un flambeau dans une cave fermée. La même chose arrive à l'entrée de la grotte du chien près de Naples. Bien plus, ces vapeurs

a. 17

grossières tuent l'homme dans qui l'air libre entretenait la vie.

Les ennemis de l'air trouvent leur excuse dans ce seul mot de vapeurs grossières. Ils disent que lorsque ces vapeurs seront plus ténues elles deviennent salutaires, et qu'alors, loin d'éteindre un flambeau elles entretiennent sa faible flamme.

Ce système etc^a

<169> NB: Les volumes 30.31.32.33.34.35.36.37.38. 39. 40 et 41. ne se trouvent pas dans la livraison.

<170>

Tome 42. romans.

NB: Toutes les pièces de ce volume sont de M^r De Voltaire.

<171> 157...25

Pour vous plaire, répondit le secretaire. Je ne veux point qu'on me plaise, répondit le voiageur, je veux qu'on m'instruise.

Corrigez ainsi:

Pour vous montrer que j'ai de l'esprit, répondit le secretaire. Le voiageur repartit, n'aiez de l'esprit que pour m'instruire.

<172> 162...12

de l'illustre archévêque de... corr: de L'illustre Evêque de

<173> 167...23

d'un pied dans l'index. corr. d'un pied de profondeur dans le doigt index.

<174> 223...

NB: Candide fut imprimé en 1759. composé en 1758. la première copie que j'en fis fut en juillet 1758, à Schweitzingen pour S : A : R : Mgr L'Electeur Palatin.

<175> 252...7

Du Pape urbain 10

(Note de l'auteur même)

Voiez l'extrême discrétion de l'auteur! il n'y eût, jusqu'à présent, aucun Pape nommé Urbain dix, Il craint de donner une batarde à un pape connu, ô la <одно слово зачеркнуто> circonspection! ô la délicatesse de conscience!

л. 18

<176> 327...23

Ce simple particulier qui est en état de donner cent fois autant que chacun de nous, et qui le donne?

Corrigez ainsi

Cet homme qui est en état de donner cent fois autant que chacun de nous, et qui le donne? — Etes vous roi aussi, Monsieur? — Non, messieurs, et n'en ai nulle envie.

<177> 328...24

C'est une bagatelle qui ne mérite pas notre attention.

Corrigez.

C'est une chose qui ne mérite pas nôtre attention. Qu'importe avec qui l'on soupe pourvu qu'on fasse bonne chère?

- <178> Tome 43. romans 2^d.
- <179> 7... NB: L'homme aux quarante écus. composé et imprimé en 1767 à la fin
- <180> 97 La princesse de Babilone en 1768.
- <181> 257... L'histoire de Jenni par M^r De V. en 1775.
- <182> 341... Les oreilles du comte de chesterfield, par M^r De V. aussi à la fin de 1775 en même temps que Jenni.
- <183> 359... Le Taureau blanc par M^r De V. au commencement de 1774.
- л. 18 об.
- <184> 417... *Le crocheteur borgne.*
- <185> J'ignore absolument si ce petit conte et Così Sancta, Sont de M^r De V. Jamais je ne lui en ai entendu parler, ni n'en ai vu de trace parmi ses papiers.
- »
- <186> 404... Le Songe de Platon est de M^r De V.
- <187> 440... Bababec, par M^r De V. vers 1760.
- <188> 444... l'Avanture de la mémoire, par M^r De V.
- <189> 449... Les aveugles juges des couleurs. Je ne connais point cette pièce.
- <190> 451... Avanture indienne. Par M^r De V.
- <191> 454... Voiage de la raison. idem

Le Tome 44e manque.

л. 19

- <192> Tome 45. politique 1er etc^a
- <193> 9... 3 *Cet ouvrage parut en 1750.*
NB: Il n'a été composé que plus de Seize ans après.
- 19... Idées de La mothe Le Vayer. par M^r De V.
- 23... Pensées sur l'administration publique. idem
- <194> 34... à la fin NB: On aurait, ce me semble, du placer ici, un petit écrit de M^r De V. sous ce titre de, pensées détachées de M^r L'abbé de St Pierre, et celui intitulé idées républicaines.
- 35... La paix perpétuelle, par M^r De V. en 1769.
- 75... Les droits des hommes, par M^r De V. en 1768.

- 105... Le Tocsin des rois, idem, en 1772.
 112... fragment des instructions — idem, 1766.
 127... Le cri des nations. idem, 1769.
 143... Lettre à m^r T. . . etc^a idem.
 163... Des Embellissements de paris. idem.
 175... Réquête à tous les magistrats. . . idem. à la fin
 de 1769.
 187... Idées républicaines. idem, en 1765.
 <195> 211... Commentaire sur le livre des Délits. idem. 1766.
 265... Prix de la justice. idem. 1777.

n. 19 ob.

- 352... 4 *en trois petits volumes.* Ce fait est très vrai.
 <196> NB: Plusieurs personnes ont accusé, et accusent en-
 cor M^r De V. d'avoir, par un esprit de jalousie, cherché
 à dénigrer M^r De Montesquieu. Il en faisait au contre-
 aire le plus grand cas et l'admirait. C'est même par
 intérêt pour sa gloire, et par amour pour la vérité,
 qu'il a relevé quelques erreurs ou ce grand homme
 avait pu tomber, et pour prémunir les jeunes gens et
 les étrangers contre ces erreurs.

Cet ouvrage était commencé d'imprimer lors que
 M^r De V. partit pour Paris le 5e fev: 1778, il n'a pas
 eu le tems de l'achever entièrement.

- <197> 438... Cette diatribe est de M^r De V. en 1775.
 455... NB: Ces petits écrits pour les habitans du mont
 jura sont de M^r De V. ainsi que celles pour le paix de
 gex, excepté, La coutume de franche comté, page 487,
 et L'extrait d'un mémoire (page 505)

n. 20

- <198> Tome 46. politique etc^a 2^d

NB: Les pièces contenues dans ce volume sont
 de M^r De V. excepté la Lettre d'un ecclésiastique
 etc^a page 528.

- 5... Le discours d'anne Du bourg. 1771.
 23... Le Sermon du papa Nicolas chariteski. 1771.
 29... Le discours aux confédérés doit être de 1767.
 54... 30 1762. corrigez, 1572.
 55... Le traité sur la Tolérance, en 1762 et 63.
 377... fragment sur la justice. en 1772.

- <199> Tome 47. mélanges 1er

NB: les pièces contenues dans ce volume sont de
 M^r De V. excepté, Les conseils à Racine page 448.
 L'examen des trois Epitres de Rousseau, page 463,

- <200> Le préservatif (page 504) qui est d'un M^r de La marre.
 187... Lettres chinoises, en 1776.
 258... Les divers changements, en 1761.
 325... Lettres à Son altesse, en 1767.
 n. 20 ob.
- <201> Tome 48e. et mélanges 2^d
- <202> 5...23 *Il faudrait les couvrir du mateau <sic!> de la charité.*
 NB: C'est ce qu'a fait M^r De V. par égard pour le fils respectable et les filles de Joseph Saurin. voiez la Lettre qu'il lui écrivit à ce sujet. M^r De V. était bien instruit de la verité. Saurin était pasteur de chez moi, et ce fut avec un de mes oncles qu'il eut une de ses aventures cruelles.
- <203> 6 après la note.
 NB: Cela est très vrai, quant à M^r haller; il avait depuis travaillé à une réfutation et à une critique des questions sur l'Enciclopédie; j'ignore si elle a paru.
 9... Les honnêtetés, en 1767.
- <204> 91... Le commentaire historique parut en 1776. Il est par moi, et non de M^r De V. comme on l'a dit et imprimé. Les éditeurs n'ont point eu les additions et les corrections que j'y ai faittes depuis la mort de M^r De V. J'ai pris la Liberté d'en envoyer un exemplaire complet à Sa Majesté Impériale mon auguste bien-faictrice.
- n. 21
- 219... *Extrait d'un écrit periodique.* Il n'est pas de M^r De V.
- <205> 228... Observations etc^a
 NB: Cet article n'est pas de M^r De Voltaire, mais bien les suivants: ce sont des extraits qu'il s'était chargé de faire à la priere de M^r Le Duc de Praslin, pour être inserés dans la gazette Litteraire de L'Europe, et c'est de là que les éditeurs les ont tirés.
- <206> 234... *Sur le livre de la félicité publique*
 NB: M^r De V. a fait une quantité prodigieuse de notes marginales à l'ouvrage de M^r De chatelus qui est dans la bibliotheque de Sa Majesté Impériale à Petersbourg. Elles sont très curieuses.
 263... *sur une nouvelle épître de Boileau etc^a*
 Elle n'est point de M^r De V.
 272... *Sur une Satire en vers de Mr Clément.*
 Elle n'est pas de M^r De V. Tout le reste de ce volume n'étant point de M^r De V. ne devait pas être

mis dans la collection de ses oeuvres, excepté la pièce suivante.

n. 21 ob.

275...

avertissement d'une édition de l'éloge etc^a

NB: Cette pièce est de M^r De V. ainsi que les notes sous le titre de Second éditeur.

433... 20

Regardez cet homme qui est né sur le premier trône du monde.

NB: Cette seule phrase suffirait pour me faire soupçonner que ce panégyrique n'est point de M^r De V. Il l'a même tournée en ridicule ailleurs et dans une note marginale dans l'histoire de France par Velly.

Tome 49e. mélanges 3^e

NB: Toutes les petites pièces qui composent ce volume jusqu'à la page 143. sont de M^r De V.

143...

ma Lettre au Secrétaire de M^r De Pompignan est vraie.

145...

à M^r Le Duc de la Vallière, vraie de M^r De V.

158...

à l'auteur du mercure. idem.

n. 22

167...

Cette Lettre sous le nom de Mr Formey, est de M^r De V. Ce premier a cru que c'était réellement lui qui l'avait écrite.

Les pièces qui suivent, jusqu'à la page 225 sont de M^r De V.

225...

Lettre d'un avocat etc^a elle n'est pas de M^r De V.

229...

au gazetier d'Avignon. par M^r De V.

231...

Lettre d'un parent etc^a. Cette Lettre n'est jamais venue à la connaissance de M^r De V. J'en ignore l'auteur. ce qu'elle contient est cependant très vrai.

Dans le reste de ce volume il n'y a que

La Lettre du père Policarpe, page 362.

La Lettre d'un benedictin, page 370.

Le Tombeau de La Sorbonne, page 387.

qui ne sont pas de M^r De V.

403... au

NB: Pourquoi donc, messieurs les éditeurs, le pla-

cez vous dans cette collection, quand vous savez en

la note. votre conscience que ce petit écrit n'est point de M^r

De V.?

¹ «Eriphyle», Mol. 2, 463 (I, 1) и 516 — вариант к 479 (III, 1). Новый вариант, отличающийся от введенного в издание 1779 г.

² Заключительная сноска (note) к «Avertissement des Editeurs» к «Adelaide du Guesclin». Mol. 3, 79.

³ Первый абзац «Avertissement» к «Zulime», Mol. 4, 8.

⁴ «J'ai cru rendre, etc. . .», «Mahomet», Mol. 4, 97.

⁵ Сноска к предпоследнему абзацу того же авторского «Предупреждения» (Avis) к «Магомету», Mol. 4, 99, note 1. Ваньер упускает из виду, что сноска принадлежит самому Вольтеру и введена им в издание 1752 г.

⁶ «Oreste», Mol. 5, 78.

⁷ «Rome sauvée», Mol. 5, 203.

⁸ «Rome sauvée», Mol. 5, 205—210.

⁹ Поправка к титулу трагедии «Tancrède», где было добавлено: «(representée par les comédiens français ordinaires du roi le 3 septembre 1760)», Mol. 5, 487.

¹⁰ Epître à Mme la Marquise de Pompadour, Mol. 5, 497.

¹¹ Tancrède, II. 1. В окончательном тексте Mol. 5, 514 эти стихи выпущены; они были приведены Бешо в вариантах (Mol. 5, 564), как имевшиеся в первоначальном парижском издании, в отличие от изданий Крамера (1761 г.), Про (того же года) и Дюшени (1763 г.).

¹² Mol. 5, 492 — Примечание (note) кельских издателей к словам Аменаиды (IV, 6) «L'injustice à la fin produit l'indépendance» (Mol. 5, 550) и к словам Танкреда (III, 3) «proscrit dès le berceau» (Mol. 5, 531). Ср. письма Вольтера за данный период.

¹³ «Olympie», Mol. 6, 95.

¹⁴ То же, I, 3, заключительные стихи, Mol. 6, 106, последние строки.

¹⁵ «Préface de l'éditeur» к «Triumvirat», Mol. 6, 177.

¹⁶ «Scythes», Mol. 6, 263.

¹⁷ Указано потому, что в Кельском издании никак не отмечено, что оба предисловия тоже авторские.

¹⁸ Первые три из напечатанных на этой странице стихов не введены в текст издания Молана и фигурируют лишь среди вариантов; четвертый (V, 2, после слов Обейды «Je tiendrais ma parole, etc») вовсе не приведен.

¹⁹ «Guebres», Mol. 6, 489 и 491 сл.

²⁰ «Sophonisbe», Mol. 7, 34. В издании Молана «Avis» включен не как бесспорно вольтеровский, но лишь в составе «Предупреждения» (Avertissement) Бешо, который в сноске признает, что «cet avis... sent un peu le Voltaire», и отмечает его отсутствие во всех изданиях до Кельского.

²¹ Считалось, что «Don Pedre» был напечатан в начале 1775 г., а сочинен в 1774 г. Ср. Mol. 7, 239 сл., особенно 241, и Bengesco, t. I (1882), NN 295—298. Издания 1775 г. не были известны до обнаружения Д. С. Крым в Библиотеке Вольтера (в 1938 г.) экземпляра издания этого года в 139 страниц (BV 3561).

²² Рукописи «Atrée et Thieste», равно как и «Agathocle», «Droit du seigneur» и еще 9 пьес, в ряде случаев со следами правки, составляют первый том рукописей Библиотеки Вольтера. В текстологическом отношении они важны, но далеко не равноценны. Пометка Ваньера удостоверяет, что они перерабатывались Вольтером именно в последние месяцы его жизни. Наибольшее число существенных неизвестных вариантов стихов в тексте последней из вольтеровских трагедий «Агафокл».

²³ «Fragment d'une lettre», единственное предисловие к «Les Pélopides», Mol. 7, 104.

²⁴ Это примечание относится к титульному листу «Ирины» (Irène), но там говорится лишь о годе первой ее постановки. Ваньер дату 1777 указывает несколько обобщенно, так как уже Бешо отмечал, что было бы точнее

отнести начало работы над этой трагедией к концу 1776 г. Ср. Mol. 7, 324 и 317.

²⁵ Описка Ваньера: стр. 337.

²⁶ Это утверждение ничем не подтверждено.

²⁷ Конец первого абзаца «Avis au lecteur», помещенного в издании Молана после трагедии «Les Scythes», Mol. 6, 335.

²⁸ Возможно, здесь отголосок конфликта 1778 г. между Вольтером и его другом как раз по поводу самовольных исправлений Даржантала в тексте трагедии.

²⁹ «Avertissement de l'Editeur», очевидно, в конце.

³⁰ Относится к «Variantes» пьесы «La femme qui a raison».

³¹ Это «Посвятительное послание» к графу Лорге, перед текстом «Шотландки» (L'Ecossaïse), Mol. 5, 405.

³² Речь идет о предисловии к пьесе «Le dépositaire».

³³ На самом деле в июне 1759 г.

³⁴ Опера-буфф «Барон Отрантский» была сочинена не в 1770 г., а в 1769 г., притом отнюдь не «для собственного развлечения», но для композитора Гретри.

³⁵ Утверждение Ваньера, что пьеса «Две бочки» была написана около 1772 г. и не была напечатана, расходится с позднейшими данными Декруа, который уже в 70-м томе Кельского издания (1789), стр. 440—441 и в издании Бешо (Mol. 6, 576) на основании свидетельства Гретри (Essais sur la musique, p. 165) относит эту пьесу к концу 1769 г.

³⁶ Рукопись пьесы «Tanis et Zélide» см.: БВ, т. XIII, л. 1 сл.

³⁷ Замечание о том, что «Философия истории» в 1765 г. не могла быть сочинена для г-жи Дю Шатле, умершей задолго до того, и не предназначалась в качестве предисловия к «Опыту о нравах», справедливо. Тем самым Ваньер опроверг сноску в Кельском издании, приписывавшую «Avis des éditeurs» самому Вольтеру.

³⁸ Это учтено в последующих изданиях, ср. Mol. 11, 60.

³⁹⁻⁴⁰ Действительно, в «Introduction, XXXVII — Des Mystères de Cères» третий и четвертый абзацы (Mol. 11, 106) близко соответствуют «Introduction, XXIII — Des Mystères des Egyptiens», но именно следующая затем цитата указывает, что Вольтером она и мыслалась как повторение.

⁴¹ Учтено в последующих изданиях, Mol. 11, 126.

⁴² Это «Су-аргес» (т. е. ниже) относится, однако, не к «Introduction» 1765 г., а к самому «Опыту о нравах» (1741 г.); впрочем, уже с 1769 г. они издавались вместе, и Вольтер мог сам допустить это стилистическое расхождение.

⁴³ Соответствует отрывку из главы III «Опыта о нравах» (Des Indes), Mol. 11, 184.

⁴⁴ Эта сноска принята Бешо и включена в текст (см. Mol. 11, 459, note 2), однако без указания, что она внесена Вольтером или указана Ваньером, а как собственная сноска издателя.

⁴⁵ Исправлено в изданиях, начиная с Бешо.

⁴⁶ Из всего этого «Нотабене» в изданиях — в форме «Note de Voltaire» — включена (вероятно, Бешо) только первая фраза (о том, что данная рукопись была передана Вольтеру де Модавом, вернувшимся из Индии) и опущено все остальное (о том, что копия этой рукописи, сохранявшаяся Вольтером, была у него выкрадена в 1768 г. вместе с другими бумагами, в том числе с записками о короле Прусском, «которые жулики нахально напечатали в 1784 г.»).

⁴⁷ Исправлено в позднейших изданиях, Mol. 11, 214.

⁴⁸ То же, Mol. 11, 316; соответствует третьему с конца абзацу главы XXVII «De l'Esragne».

⁴⁹ Не принято издателями, Mol. 11, 317 (соответствует первому абзацу главы XXVIII — Puissance des musulmans).

⁵⁰ Относится к концу первого абзаца главы XXXIII «Des Fiefs et de l'Empire». Исправление вошло в позднейшие издания, Mol. 11, 337.

⁵¹ Исправление вошло в позднейшие издания, Mol. 11, 338 (третий абзац главы XXXV).

⁵² То же (начало седьмого абзаца).

⁵³ То же, тринадцатый абзац, Mol. 11, 339.

⁵⁴ То же, глава XXXVII, пятый абзац, Mol. 11, 345.

⁵⁵ То же (Des Empereurs Othon II et III, восьмой абзац).

⁵⁶ То же, конец одиннадцатого абзаца, Mol. 11, 346.

⁵⁷ То же, глава XXXIX, второй абзац, Mol. 11, 352.

⁵⁸ То же, Mol. 11, 352 (Etat de la France).

⁵⁹ То же, шестой абзац, Mol. 11, 353.

⁶⁰ То же, третий абзац главы XLII (Conquête de l'Angleterre), Mol. 11, 365.

⁶¹ То же, глава XLV, четвертый абзац с конца, Mol. 11, 386.

⁶² То же, глава XLVI, пятый абзац, Mol. 11, 388.

⁶³ Там же, шестой абзац с конца. В использованном нами экземпляре Кельского издания это que имеется.

⁶⁴ Исправление вошло в позднейшие издания. Там же, четвертый абзац с конца, Mol. 11, 397.

⁶⁵ То же, глава XLVIII, пятый абзац, Mol. 11, 402.

⁶⁶ То же, десятый абзац, Mol. 11, 404.

⁶⁷ То же, Mol. 11, 405.

⁶⁸ То же, глава XLIX, четвертый абзац с конца, Mol. 11, 409.

⁶⁹ То же (Mol. 11, 430), однако в комбинации первоначального текста и ваньеровской поправки, т. е. . . . évêque de Ptolémaïde en Palestine.

⁷⁰ Поправка была принята издателями, но с опущением слова «примерно» (environ).

⁷¹ Исправление вошло в позднейшие издания, Mol. 11, 473.

⁷² Не было принято издателями (Mol. 11, 530), соответствует пятому абзацу главы LXVIII.

⁷³ Вошло в позднейшие издания (соответствует десятому абзацу главы LXXXVI, Mol. 12, 82).

⁷⁴ Вошло в издания, глава LXXXVII, пятый абзац, Mol. 12, 87.

⁷⁵ Не принято, даже имя «Jean» выпущено, Mol. 12, 87.

⁷⁶ Поправка принята.

⁷⁷ Сноска Ваньера о новейших успехах Екатерины II не имеет в данном случае текстологического значения, но не является, как может с первого взгляда показаться, выражением лишь низкопоклонства и лести; она внутренне связана с вольтеровским текстом, так как относится к седьмому абзацу главы CXIX «Состояние Европы во времена Карла V. О Московии или России» (Etat de l'Europe du temps de Charles Quint. De la Moscovie ou Russie), к тому месту, где Вольтер пишет о «непредвиденности в те времена» будущих успехов России. Сноска Ваньера, написанная в ключе вольтеровского «энтузиазма перед Екатериной», вполне соответствует манере Вольтера давать всегда наиболее злободневный оборот своим историческим выводам. Поскольку новейшие успехи России на международном поприще были любому читателю во второй половине 1780-х годов бесспорны и более осязательны, нежели прежние, подобная сноска была не только вполне в духе Вольтера, но и усиливала воздействие его текста.

⁷⁸ Исправлено в изданиях, Mol. 12, 422. В сноске (к фразе о флоте в Дарданеллах) указано «Ces derniers mots ont été ajoutés en 1772».

⁷⁹⁻⁸⁴ Эта группа поправок относится к главе XII «Reflexions pour servir de supplément à l'Essai sur les moeurs et l'Esprit des nations», Mol. 24, 566—567. Вместо прямой ссылки на исправленное издание этого произведения в 1763 г., не использованное кельскими издателями, Ваньер в данном случае перефразирует его, создавая видимость как бы новых заметок (допустить, что он использовал некий рукописный вариант вольтеровских поправок, трудно).

⁷⁹ В тексте Молана эта и следующие поправки приняты, однако с заменой «on pourrait remarquer» на «remarquons».

⁸⁰ То же; вместо «parait ensuite fortifier» «fortifie ensuite».

⁸¹ То же; вместо «le récit de Mr De V.» «l'assertion de cet auteur».

⁸² То же; вместо «à le faire périr» «à faire périr Saint Louis».

⁸³ То же; вместо «Que le roi...» «Il esperait que le roi...».

⁸⁴ То же; вместо «Velli relève encore mr De V.» «Velli relève aussi l'auteur de l'Essai sur les moeurs».

⁸⁵ Текст письма принца Конде к королеве Христине Шведской см.: ПВ, стр. 410—411, там же справка об историко-ведческом значении этого документа. О путях, какими он попал к Вольтеру, см. выше, стр. 288 сл. и 310.

⁸⁶ Эту 3-ю главу III части «Века Людовика XV» со времени указания Бешо относили к 1768 г.

⁸⁷ Это замечание, не относящееся к критике Кельского издания, важно тем, что ссылается на письмо короля Станислава к его дочери (французской королеве Марии Лещинской), которое, по словам Ваньера, должно находиться среди бумаг, которые он «имел смелость послать» русской государыне. Это напоминание о своей заслуге а) подтверждает факт доставки в С.-Петербург Ваньером не только своих работ (см. выше, стр. 268—269), но и каких-то документов (или хотя бы копий или выписок), б) проливает свет на источник поступления, прежде не учтывавшийся, некоторых рукописных материалов, косвенно связанных с Вольтером в советских собраниях.

⁸⁸ и ⁹⁰ Две ссылки подряд Ваньера на «его комментарий» в документе, адресованном в Петербург и притом Екатерине II, — лишний довод в пользу его авторства.

⁸⁹ Указание Ваньера о переработке двух параграфов главы XXXIII (несколько ниже — фразы в главе XXXIV) «Века Людовика XV» в январе 1778 г. заслуживает доверия и ценно. Оно отнесено им к последним строкам третьего с конца абзаца XXXIII главы, где сам Вольтер пишет, что узнал о геройстве д'Ассаса лишь «много позднее» (ce n'est que longtemps apres avoir écrit cette histoire que j'ai appris cette action si mémorable).

⁹⁰ См. выше; относится к пятому абзацу главы XXXIV.

⁹¹ и ⁹² Со ссылкой непосредственно на Бурсэ (Bourcet) исправлено Бешо, Mol. 15, 363 и 364: «Les derniers mots ont été supprimés d'après les observations de Bourcet».

⁹³ Вряд ли сам Ваньер считал необходимым включать в издание справку о том, что «оригинал сего удостоверения» (о достоверности «Истории Карла XII», выданный от имени короля Станислава графом де Трессан, Mol. 16, 142 сл.) находится в его руках. Однако этой справкой он напомнил о том, что является хранителем ценных архивных вольтеровских материалов, и, по-видимому, в его словах (о том, что он «изъял его из рук издателя, которому он был выдан») заключен выпад против г-жи Дени и Бомарше.

⁹⁴ Замечание Ваньера осталось неуточненным издателями, Mol. 16, 178.

⁹⁵ Вольтер в описании Казанской и Пермской губерний (в первой главе «Истории Российской империи при Петре Великом») помещал Казанское царство «За Волгой и Яиком», Ваньер уточняет: «За Волгой и Камой вплоть до Яика». В изданиях этого нет, ср. указанное выше критическое издание R. Pomeau — Voltaire. Oeuvres historiques. Paris, 1957, 367 (Bibliothèque de la Pléiade).

⁹⁶ Свидетельство Ваньера о том, что «Анналы империи» были сочинены в 1753 г., соответствует действительности.

⁹⁷ Относится к 776 г. (заговор Адельгиза), правильная стилистическая поправка, не учтенная в изданиях, Mol. 13, 232.

⁹⁸ Относится к 1360 г., существенная поправка (100 тысяч вместо 500 тысяч), но не учтенная в изданиях, Mol. 13, 415.

⁹⁹ Замечание, отмечающее внутреннее противоречие в тексте Вольтера, относится к 1377 г. В изданиях, разумеется, отсутствует, Mol. 13, 440.

¹⁰⁰ Справедливое указание, что речь идет под 1439 г. о Иоанне Палологе Втором, учтено в изданиях в форме не «Second», а «II», Mol. 13, 445.

¹⁰¹ Под 1476 г. Поправка, уточняющая, что при Мюртене Карл Смелый был окончательно разбит после битвы при Грансоне (а не «при Грансоне или Мюртене»), учтена в изданиях, Mol. 13, 457.

¹⁰² Относится к тем же событиям, тоже исправлено, Mol. 13, 458.

¹⁰³ Относится к 1551 г., стилистическая поправка принята в форме «roug pretexte», Mol. 13, 525.

¹⁰⁴ Дата сочинения «Пирронизм в истории», приводимая Ваньером (1768 г.), принята Бешо и Моланом, но оспаривалась в пользу 1769 г. Характерно, что Бешо (Mol. 27, 235, note) ссылается на «рукописное замечание Декруа» (note manuscrite de Decroix).

¹⁰⁵ Обе справки об авторстве Вольтера и о написании «Защиты моего дядюшки» в 1767 г. правильны, Mol. 26, 367.

¹⁰⁶ Аналогичная справка относительно «Одного христианина против шести евреев» в данном случае лишь подтверждает сказанное кельскими издателями, Mol. 29, 499.

¹⁰⁷ Правильно; уже Бешо перенес авторство «Исторического разъяснения» с Дамилавилля на Вольтера, Mol. 24, 483.

¹⁰⁸ Свидетельство в пользу авторства Дамилавилля совпадает с мнением Бешо об этих «Добавлениях», Mol. 24, 515.

¹⁰⁹ Mol. 29, 582.

¹¹⁰ Mol. 29, 223.

¹¹¹ Mol. 29, 302, где стоит, однако, 1477 г. (прописью *mil quatre cent soixante dix sept*), с оговоркой в списке о вероятной опiske; однако для Бешо и Молана оригиналом «De la mort de Louis XII» служили уже не «Fragments sur l'histoire», а отдельное издание.

¹¹² Относится к «Douzième remarque» в «Examen de quelques objections contre plusieurs faits rapportés dans l'Essai sur les moeurs & l'esprit des nations» (Article XXV «Nouvelles remarques sur l'histoire à l'occasion de l'Essai sur les moeurs...» в составе «Fragments sur l'histoire», однако в издании Молана уже помещенных не в 29-м томе, стр. 224 сл., но в 24-м, стр. 281, в качестве «Conclusion et examen du tableau historique» 1763 г.). Само по себе свидетельство Ваньера о признании ему Вольтера, что он знает секрет «Железной маски», могло представить интерес для Екатерины II, но лишено интереса и для нас, но на включение в издания рассматривать не могло.

¹¹³ См. сказанное в прим. 87 о документах, пересланных Ваньером в Россию.

¹¹⁴ Mol. 23, 427 — «1749—1750».

¹¹⁵ Mol. 25, 277, дата совпадает.

¹¹⁶ Mol. 25, 321, дата совпадает.

¹¹⁷ Mol. 26, 1—16 с датой 1766 г.

¹¹⁸ В экземпляре ГПБ это соответствует 31-му тому.

¹¹⁹ Относится к I главе «Elements de Newton». Текст в издании Молана (22, 404) без этого исправления.

^{120—122} То же, Mol. 22, 405 и 406, 4-я строка сверху. На протяжении соответствующих мест I главы текст Молана вообще не следует за Кельским изданием, поэтому дословных сличений произвести нельзя. В целом предлагаемый Ваньером вариант нов.

¹²³ Mol. 22, 406, 11-я строка снизу — не исправлено.

¹²⁴ То же, Mol. 22, 406, 8—6 строки снизу.

¹²⁵ То же, Mol. 22, 407, абзац, 4-я строка сверху.

¹²⁶ То же, Mol. 22, 407, третий с конца абзац I главы, 6-я строка снизу.

¹²⁷ То же, Mol. 22, 407.

¹²⁸ Mol. 22, 407, два последних абзаца вообще не совпадают с Кельским изданием; отражения данной поправки нет.

¹²⁹ То же, Mol. 22, 407, начало II главы, 1-я строка снизу.

^{130—131} Эти два места у Молана — от середины страницы 409 (*j'insérai...*) и до второго абзаца на стр. 410 (*L'espace immense*) и конец заключительного абзаца главы III — не совпадают с текстом Кельского издания.

- ¹³² Глава IV, Mol. 22, 413, 8-я строка — поправки нет.
- ¹³³ То же, Mol. 22, 413, 10-я строка.
- ¹³⁴ Mol. 22, 414, 4-я строка — другой вариант.
- ¹³⁵ Mol. 22, 414, 6-я строка — поправки нет.
- ¹³⁶ То же, Mol. 22, 417, 10-я строка.
- ¹³⁷ Глава VII, но по счету Молана (423, 17-я строка) — VI; поправки нет.
- ¹³⁸ То же, 8-я строка снизу.
- ¹³⁹ То же, стр. 424, 11-я строка.
- ¹⁴⁰ Заглавие главы IX (VIII — у Молана) приведено у Молана вообще по варианту, но без данного исправления.
- ^{141–150} То же.
- ¹⁵¹ Соответствует части третьей главы X. В тексте Mol. 22, 557, строка 5-я не отражено.
- ¹⁵² Имеется в виду «Ответ на основные возражения против философии Ньютона».
- ¹⁵³ Mol. 23, 71.
- ¹⁵⁴ Mol. 22, 279.
- ¹⁵⁵ Mol. 23, 129.
- ¹⁵⁶ Mol. 23, 65.
- ¹⁵⁷ Высказывая удивление по поводу того, что «Защита ньютоnianства», «Опыт о природе огня», «Изложение книги об основаниях физики», «Записка об одном физическом сочинении г-жи Дю Шатле» не вошли ни в одно из изданий сочинений Вольтера, опубликованных после 1756 г., Ваньер не сомневается, однако, в их подлинности. В этой заметке Ваньера заслуживает внимания также дата начала службы его у Вольтера — 1754 г. (ср. выше, стр. 301, прим. 1).
- ¹⁵⁸ Факт, отмеченный Ваньером, в самом деле вызывает изумление и до сих пор еще ждет своего объяснения. Хотя не может подлежать сомнению, что в составе фернейской библиотеки имелись книги, которыми Вольтер пользовался в более ранние периоды своей жизни, ранних изданий сочинений самого Вольтера в ней совсем мало, а полных собраний сочинений (кроме дрезденского) ранее издания 1757 г. действительно нет.*
- ¹⁵⁹ Соответствует «Dissertation sur les changements arrivés dans notre globe», не отражено в предпоследнем абзаце, Mol. 23, 222.
- ¹⁶⁰ Исправлено с усилением: «très grande», Mol. 23, 223, 2-я строка снизу.
- ¹⁶¹ Там же, принято. См. на стр. 219 перепечатку замечания Бешо о том, что им введены незначительные исправления, почерпнутые из разных изданий.
- ¹⁶² Не отражено, в конце «Dissertation», Mol. 23, 229.
- ¹⁶³ Не отражено, в начале «Digression», Mol. 23, 229.
- ¹⁶⁴ То же.
- ¹⁶⁵ То же, Mol. 23, 230, 1-я строка.
- ¹⁶⁶ Так и в издании Mol. 27, 125; однако там приведено мнение Бешо, что вероятнее 1768 г.
- ¹⁶⁷ Соответствует главе 25 «О воздухе» (у Молана это 31-я глава, Mol. 27, 175), исправление не введено.
- ¹⁶⁸ Вся эта крупная вставка о химическом составе воздуха вошла в издание Mol. 27, 176—177.

* О наличии более ранних элементов в составе библиотеки Вольтера см. в частности, в наших статьях: Неизвестный автограф Вольтера в бумагах Пушкина. Сб.: Пушкин, Временник Пушкинской комиссии, вып. 2, Л., 1935, стр. 257—265; Voltaire and his library. The Book Collector, 1958, Summer issue, p. 144 сл.; La bibliothèque de Voltaire. Revue d'histoire littéraire de la France, 1958, N 4, p. 469. Каталог библиотеки Вольтера подтверждает, что, за исключением дрезденского, полные собрания сочинений Вольтера представлены в ней лишь начиная с издания 1757 г.

¹⁶⁹ Ср. сказанное выше, стр. 312. Можно предполагать, что и впоследствии возможность распространить свои замечания на эти тома Ваньера не представлялась.

¹⁷⁰ По обычному счету это 44-й том.

¹⁷¹ Относится к главе II «Микромегаса», в издание не вошло, Mol. 21, 108. Новейшим критическим изданием текста первого издания «Микромегаса», подготовленным Ira Wade и вышедшим в 1950 г. в издании Принстонского университета, мы, к сожалению, не располагаем.

¹⁷² Глава III, не отражено, Mol. 21, 111.

¹⁷³ Глава V, не отражено, Mol. 21, 114.

¹⁷⁴ Свидетельство Ваньера о том, что первую копию он сделал в июле 1758 г. в Шветцингене, является одним из решающих в сложном вопросе о времени написания «Кандида». Из этого факта неизбежно следует, что роман был в основном сочинен ранее июля 1758 г. На значение этой заметки Ваньера первым обратил внимание еще в 1929 г. Норман Торрей (N. L. Torrey, The date of composition of *Candide*. *Modern Language Notes*, XLIV, 1929, 445—447). Последнее слово на настоящей стадии споров о датировке см.: Ira O. Wade, *Voltaire and Candide. A study in the fusion of history, art, and philosophy*. (Princeton publications in modern languages, N 11), Princeton, 1959, 145—156. Вывод автора — «Кандид» писался и отделялся с конца 1757 г. по конец 1758 г. Автор наиболее многостороннего (хотя все же достаточно формального) анализа «Кандида» В. Боттилья специально на этом моменте не останавливается, но присоединяется к выводам Уэда (William F. Bottiglia, *Voltaire's «Candide»*. *Analysis of a classic. Studies on Voltaire and the eighteenth century*, vol. VII. Genève, 1959, 53). В предисловии к последнему критическому изданию текста «Кандида» Р. Помо (René Pomeau, *Voltaire. Candide ou l'optimisme, édition critique*. Paris, 1959, 33) в свою очередь считает это указание Ваньера решающим.

¹⁷⁵ Это исправление (в главе XI «Кандида») вошло с незначительным вариантом в издание, Mol. 21, 157, с пометкой Бешо о том, что примечание Вольтера является посмертным (note posthume) и получено от Декруа. В издании Помо (ср. прим. 174) на стр. 120 воспроизведена и эта поправка Ваньера (по статье Торрея).

¹⁷⁶ Эта поправка в конце главы XXVI включена в текст, вошедший в издание Молана, но уже без ссылки на Декруа. Не учтенная в статье Торрея, она не вошла в текст критического издания Помо (см. стр. 207).

¹⁷⁷ Относится к главе XXVII и вошло в текст издания, Mol. 21, 208 сл., однако вместо «chose» стоит по-прежнему «bagatelle». Ссылки на Декруа уже нет. В издании Помо эта поправка тоже не вошла (см. стр. 209).

¹⁷⁸ Второй том романов по обычному счету и 45-й — в малом Кельском издании.

¹⁷⁹ Согласно Mol. 21, 308, «Человек с 40 экю» считается написанным в сентябре 1768 г. В «Хронологии», предпосланной «Историческим трудам Вольтера» Р. Помо (*Oeuvres historiques de Voltaire, Texte établi, annoté et présenté par René Pomeau, Bibliothèque de la Pléiade, Paris, 1957, 33*), создание этого рассказа отнесено к февралю 1768 г.

^{180—183} Ср. Mol. 21, 369 сл., 523 сл., 577 сл., 483 сл. с теми же датами.

^{184—185} «Кривой крючичик» и «Кози санкта» в издании Молана (21, 17 и 25) отнесены к 1746 г. Сомнений в авторстве не вызывают. Но и Ваньер признается лишь в своем неведении, отмечая любопытный факт умолчания Вольтера об этих произведениях и не выражая прямого сомнения.

¹⁸⁶ «Сон Платона» — Mol. 21, 133, под 1756 г.

¹⁸⁷ «Бабабек» — Mol. 21, 101, отнесен к 1750 г.

¹⁸⁸ «Приключение памяти» — Mol. 21, 479.

¹⁸⁹ «Слепые — судьи цветов», Mol. 21, 245, под 1766 г. Заявление Ваньера о том, что ему неизвестна эта типично вольтеровская вещица, весьма неожиданно.

¹⁹⁰ Mol. 21, 243, под 1766 г.

¹⁹¹ Mol. 21, 513 сл., под 1774 г. и в форме «Eloge de la raison».

¹⁹² В экземпляре ГПБ это соответствует 29-му тому.

¹⁹³ Относится к «Предупреждению издателей» (Avertissement des éditeurs), к «Голосу мудрого и гласу народа» (La voix du sage et du peuple) (Mol. 23, 465—466).

¹⁹⁴ Т. е. после «Pensées sur l'administration publique» и перед «De la paix perpétuelle».

¹⁹⁵ Относится к «Commentaire sur quelques principales maximes de l'Esprit des Lois».

¹⁹⁶ Указание Ваньера на поздний момент работы Вольтера над Монтеस्कье чрезвычайно существенно. Если Вольтер перед отъездом из Ферне 5 февраля не вполне успел закончить печатание своего «Комментария», то максимально вероятно, что он лишь совсем незадолго до того заново перечитывал (или пересматривал) «О духе законов». Таким образом, довольно точно датируется тот второй, более поздний слой маргиналий, который мы выявили по экземпляру библиотеки Вольтера и описали в 1956 г. в работе «Вольтер и Монтеस्कье» (не напечатанной, но доложенной на заседании секции коллекционеров Ленинградского дома ученых, посвященном памяти Монтеस्कье в мае 1956 г.).

¹⁹⁷ Имеется в виду «Diatribes à l'auteur des Ephémérides» — памфлет о майских событиях 1775 г. в Париже, точная датировка которого установлена в нашей статье «Вольтер и Мучная война» (Из истории общественных движений и международных отношений, сб. статей в память академика Е. В. Тарле, М., 1957, 135—147); ср.: V. S. Lublinsky. Voltaire et la guerre des farines. Annales historiques de la Révolution française, 1959, N 2, 127—145.

¹⁹⁸ В издании 1784 г. это соответствует 30-му тому.

¹⁹⁹ Здесь томизация и пагинация совпадают с таковыми в издании 1784 г.

²⁰⁰ Вольтер сам отмечал это обстоятельство (т. е., что автором «Предостережительного средства» является Ла Марр) на экземпляре, ему принадлежавшем. См.: ЛН, стр. 85 сл., 71 сл., а особенно 174 сл.

²⁰¹ Порядковый номер тома и пагинация совпадают с таковыми в издании 1784 г.

²⁰² Относится к «Réfutation d'un écrit anonyme», вошло в издание Mol. 24, 82 с некоторыми отличиями: вместо *égard* — *commisération*; Saurin avait été *«a ne était»; du lieu de ma naissance «a ne de chez moi»; c'était avec un de mes grands oncles «a ne ce fut avec un de mes oncles»*, причем в форме именно «Note de Wagnière», с пояснением, что письмо Ваньера — от 27 декабря 1758 г. Ссылки на Бешо в данном случае Молан не дает.

²⁰³ Не отражено в изданиях, Mol. 24, 83.

²⁰⁴ Об «Историческом комментарии» и авторстве Ваньера см. выше, стр. 283 сл. Перевод пометки Ваньера см. на стр. 284.

²⁰⁵ Имеются в виду «Observations sur le livre intitulé de l'homme ou des Principes et des Lois... par J.-P. Marat», которые помещены на стр. 226, а не 228, как пометил Ваньер.

²⁰⁶ Об экземпляре сочинения «Об общественном счастье» Де Шателю в БВ (шифр 5—11) см.: ЛН, 197, прим. 25. Это экземпляр не с пометами Вольтера, а с их копией рукой Ваньера. Экземпляр, о котором здесь пишет Ваньер, оказался не «в библиотеке е.и.в.», а в Москве, в собрании В. Г. Орлова (ныне в Гос. Историческом музее); снимки двух страниц этого экземпляра — ЛН, 188 сл.

Хронологический обзор

ПИСЬМА К ВОЛЬТЕРУ, ВНОВЬ ОБНАРУЖЕННЫЕ ПИСЬМА ВОЛЬТЕРА И НЕКОТОРЫЕ ПИСЬМА, КАСАЮЩИЕСЯ ВОЛЬТЕРА, ХРАНЯЩИЕСЯ В СССР

1. 1732, ок. 8 IX. От Сидвиля (Best. 507).

Автограф во II томе рукописей БВ, лл. 299—300.

Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст — 418—419, перевод и комментарий — 362, 364—365.

2. 1733 (?). От Формона (Best. 578).

Автограф во II томе рукописей БВ, л. 87.

Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст, перевод и комментарий — 365—366.

3. 1735, X—начало XI. От него же.

Автограф в III томе рукописей БВ, лл. 1—5.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, № 1.

4. 1736, II (?). От Тьерно (Best. 981).

Автограф во II томе рукописей БВ, л. 90 об.

Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст — 419—420, перевод и комментарий — 366—367.

5. 1736, 3 XI. От де Ла Марра (Best. 905).

Автограф во II томе рукописей БВ, лл. 95—96.

Отрывок был напечатан нами в сб. «Вольтер», 1948 г., 420—421, отсюда перешел в издание Бестермана, однако почему-то с пометкой, что данный текст отрывочен и рядом с ним (судя по каталогу Косси) должна быть басня «Дерево и птица», следовательно, наша ошибка очевидна. Между тем при публикации французского текста мы начали стихи со слова «Fragment», а прозу — с многоточия; при переводе (стр. 368) названа и басня.

Текст и перевод см. в разделе I, № 2, комментарий — сб. «Вольтер», 1948 г., 369.

6/33. 1737, III. С'Гравезанду (Mol. 730, Best. 1248).

В ПВ, 293 (как и ЛН, 194) указано, что письмо это в ЦГАДА, но не отмечено, что по автографу в альбоме Н. Д. Иванчина-Писарева оно было напечатано Н. Барсуковым в сб. «Старина и новизна», кн. 10, М., 1905 (ср.: М. П. Алексеев, Из истории русских рукописных собраний. Сб. «Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний», М.—Л., 1960, стр. 112).

Т. Бестерман уточняет датировку: «около 1 апреля».

7. 1738, XI—XII (?). От д'Юссе.

Автограф во II томе рукописей БВ, лл. 183—186.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, № 3.

8. 1740, 6 I. Президенту Дюре де Меньер.

Автограф в архиве А. В. Жиркевича в Рукописном отделе Научной библиотеки Вильнюсского университета.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, Письма Вольтера, № 1/80а.

9. 1740, 18 I. Ему жё.

Автограф, там же.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, Письма Вольтера, № 2/80 б.

10. 1743, 10 XI. Ему же.

Автограф, там же.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, Письма Вольтера, № 3/130а.

11. 1744, 28 VII. От маркизы Дю Шатле графу Даржанталю (Best. 2801).

Автограф в БЛ, ф. 68 (Собрание Генерального штаба, № 418, 2).

На обороте 2-го листа адрес: a monsieur monsieur d'argental Conseiller d'honneur du parlement rue St honoré vis a vis la rue de la Sourdiere a paris. Было запечатано красной сургучной печатью с гербом маркизы. Сохранился бесцветный оттиск почтового штемпеля В. АУБЕ. Кроме позднейших карандашных пометок «Du Chatelet», «6», «4», чернильная пометка рукой Даржантала: «17eme».

Отличия от Best. 14, 38—39 (кроме орфографии и пунктуации):

1. Даты в начале письма нет.

2. Нет разделения на абзацы.

3. 38, конец 2-го—начало 3-го абзаца: iespere que la piece court après lui apresent, si v<ou>s avés... <a ne: ... après lui. A présent...>

4. 38, последняя строка, 39, 1: du president, le roi <a ne: du président. Le roi> vient v<ou>s rassurer <a ne: vient de nous rassurer> contre les housards, le roi est delisieux <a ne: hussards. Cirey est délicieux...>

5. 39, 5: promis des rabasaches, ne p<ou>s oubliés <a ne: rabachages. Ne nous...> pas auprès de pondeveyle <a ne: de m. de Pont-de-Vesle...>

6. В конце дата: a cirey ce 28 juillet.

См. рис. на стр. 343.

12. 1746, 1 I. От Дефорж-Майяра (Best. 3014).

Автограф во II томе рукописей БВ, лл. 306—307.

Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст — 421—426; перевод и комментарий — 369—374.

13. 1746, 14 IV. От Г.-Ф. Миллера.

Копия в Архиве АН СССР.

Опубликовано П. Пекарским в кн.: История имп. Академии наук в Петербурге, т. I, 1870, 383—384.

14. 1746, 14 V. От Девю.

Автограф во II томе рукописей БВ, л. 94.

Текст и перевод см. в разделе I, № 4.

15. 1746—1747. Графу и графине Даржанталь.

Автограф в БЛ, ф. 68 (Собрание Генерального штаба, № 418, 2).

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, Письма Вольтера, № 4/150а.

См. рис. на стр. 167.

16. 1747, 14 VI. От Рико.

Автограф во II томе рукописей БВ, л. 295.

Текст и перевод см. в разделе I, № 5.

17. 1748. 23 VI. От г-жи Шамбонен (Best. 3260).

Автограф в ГПБ, Собрание автографов 288, лл. 98—99 (№ 54). Вложено в письмо Вольтера к начальнику полиции Берри, приведено частично в издании Молана (36, 517, сноска 4) и восполнено по оригиналу нами, ПВ, 339 (к № 160).

18. 1748 (?), не позднее середины IX. Князю Ю. Яблоновскому.

Автограф, Львов, Библиотека АН УССР, Отдел рукописей, № XX. 55.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, Письма Вольтера, № 5/170а.

См. рис. на стр. 168.

19. 1748 (?), не позднее середины IX. Ему же.

Bulle teler. 17eme du 1er 4
en v^o remerciaut de tout mon⁶
mon cher ami de la lettre que v^o venez
de'crire a m. de volkane, elle a de'cuse
la querison, m. serichebia parait fort
content d'avance du compte que lui a
rendu le president, espere que la piece cour
apres lui a present, si v^o avez quelque
corrections a demander v^o pouvez dire
peutetre cependant pouris v^o attendre ^{notre}
retour qui sera come le compte pr le moment
de 4bre v^o aurons encore une apparition
du president, le roi vient v^o raffiner

Автограф, там же, № XX. 56.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, Письма Вольтера, № 6/170 б.

См. рис. на стр. 169.

20. **1748, 25 IX. От Даржантала Беррие** (Mol. 1909, Best. 3291).

Автограф в ГПБ, Собрание автографов 288, № 64. Ср. ПВ, 214 и «Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI—XVIII вв. из собрания П. П. Дубровского». Сост. Е. В. Бернадская и Т. П. Воронова. Под ред. М. П. Алексеева. (ГПБ, Труды Отдела рукописей). Л., 1963, 76, № 228.

21. **1748, 25 IX. От Беррие Даржанталю** (Mol. 1910, Best. 3292).

Черновой автограф, там же, № 66. Ответ на предыдущее письмо.

22. **1749, IX—X (?). Президенту Дюре де Меньер.**

Автограф в архиве А. В. Жиркевича, в Рукописном отделе Научной библиотеки Вильнюсского университета.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, Письма Вольтера, № 7/199а.

23. **1751, I. От К. Г. Разумовского.**

Черновик в Архиве АН СССР.

Опубликовано П. Пекарским в кн.: История имп. Академии наук в Петербурге, т. I, 1870, стр. 383.

24. **1751, первые числа VII. Даржанталю** (Mol. 2255, Best. 3928).

Подлинник в БЛ, ф. 68 (Собрание Генерального штаба, № 418, 2). Карандашные пометки «22» (означает счет листов внутри какого-то собрания) и «12» (проставлена, по-видимому, Л. В. Черепниним в 1930-х годах при составлении описи в БЛ). Чернильные пометки — рукой Даржантала: «De Voltaire», «f», «juill.» (зачеркнуто), «juillet 1751» (редкий случай достаточно точной датировки Даржантала по памяти).

Писано секретарем на трех страницах, на четвертой — адрес рукой Вольтера: «a monsieur monsieur Dargental conseiller d'honneur du parlement rue St honoré A Paris» — и его же пометка: «franco vezels»; почтовые пометки «4» и «18» и штемпель MASEYCK.

Вольтером поставлена подпись «V» в конце письма и внесены две приписки: 1) к словам «de tuer un senateur romain sur ce qu'il a paru un peu réveur» — «propos d'ailleurs inutile à la piece»; 2) к словам «On serait las des conjurations» — «et des femmes de conjurez».

См. рис. на стр. 345.

25. **1752, ок. 5 I. От Ла Кондамина.**

Автограф во II томе рукописей БВ, лл. 48—49.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, № 6.

26. **1752, 18 III. Президенту Дюре де Меньер.**

Автограф в архиве А. В. Жиркевича, в Рукописном отделе Научной библиотеки Вильнюсского университета.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, Письма Вольтера, № 8/240а.

27. **1752, 11 IV. От Елизаветы княгини Ангальт-Цербстской** (Best. 4253).

Автограф в ЦГАДА, ф. V, д. 154, ч. 1, л. 5.

Пометка «71»; пометка Вольтера «Me la <зачеркнуто: duchesse de saxe gotha> princesse de Zerbst». Именно эта пометка позволяет сопоставить данное письмо с Best. 4253, текст которого Бестерман не обнаружил и которое ему известно лишь как № 615 по аукционной распродаже G*** в Париже 25 октября 1841 г. (Best. 20, 286).

Путь включения в фонд ЦГАДА нами не выяснен, но более чем вероятно, что это письмо было добавлено к коллекции писем, поднесенной г-жой Гобе Александру II (см. в разделе III, стр. 179) и в свое время продававшейся на том же аукционе под № 616. См. также стр. 189.

Текст и перевод см. в разделе I, № 7.

28—32. **1753, V—X. От Исаака Веселовского М. Л. Воронцову.**

Автографы в ЛОИИ, ф. 36, оп. 2, № 299, лл. 2—7, 9.

De Voltaire

juillet + juillet 1751

La vius de lin Manlius. il y a de grandes beautés; mais elles sont plus historiques que tragiques, et à tout prendre cette pièce ne me paraît que la conjuration de Venise de l'abbé de St Réal gâtée. je n'y ai pas trouvé à beaucoup près autant d'intérêt que dans l'abbé de St Réal, et en voici je crois les raisons.

- 1° la conspiration n'est ni assez terrible, ni assez grande, ni assez détaillée.
- 2° Manlius est d'abord le premier personnage, ensuite Servilius le devient.
- 3° Manlius qui devrait être un homme d'une ambition respectable, propose à un nommé Outils / qu'on ne connaît pas, et qui fait l'entendu sans avoir un intérêt marqué à tout cela / de recevoir Servilius dans la troupe, comme on reçoit un voleur chez des santonchiens; cela est intéressant dans la conspiration de Venise, et nullement vraisemblable dans celle de Manlius qui doit être un chef impérieux et absolu.
- 4° la femme de Servilius devine sans aucune raison qu'on veut assassiner son père, et Servilius l'avoue pas une faiblesse qui n'est nullement tragique.
- 5° Cette faiblesse de Servilius fait toute la pièce et élève absolument Manlius, qui n'agit point, et qui n'est plus là que pour être pendu.
- 6° Valeria qui pouvait deviner ou ignorer la fièvre qui après l'avoir eue, pouvait regarder ou le résoudre

prend

- Текст см. в разделе III, стр. 219—221, комментарии — стр. 214—215.
 Упоминания о сочинениях Вольтера, его конфликте с Мопертюи и с Фридрихом II, аресте и т. п.
33. **1754, 27 II. От Жакоба Верне** (Best. 5018).
 Автограф в XIII томе рукописей БВ, лл. 295—296.
 Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст — 482—484; перевод и комментарий — 467—470, фотоснимок — 447.
34. **1754, 16 III. От него же** (Best. 5084).
 Автограф в XIII томе рукописей БВ, л. 301 об.
 Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст — 484—485, перевод и комментарий — 470—472.
35. **1754, 15 IV. От Клода Филибера** (Best. 5126).
 Автограф в XIII томе рукописей БВ, л. 297.
 Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст — 485—487, перевод и комментарий — 472—474.
36. **1754, 16 IV (ошибочно 16 III). От Жакоба Верне** (Best. 5085).
 Автограф в XIII томе рукописей БВ, л. 304.
 Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст — 487, перевод и комментарий — 474—475.
37. **1754, 23 IV. Жакобу Верне** (Best. 5137).
 Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г., 491 (на основании текста, напечатанного в *Mémoire présenté à Mr le premier Syndic par Jacob Vernet, pasteur & professeur en théologie à Genève, sur un libelle qui le concerne.* (s. l.) MDCCLXVI, p. 35); перевод 478—479; комментарий — 445 сл.
38. **1754, 29 IX. Ему же** (Best. 5285).
 Опубликовано там же, 491, на основании того же источника (стр. 37 сл.); перевод — 479; комментарий — 445 сл.
39. **1756, 26 II. Даржанталю** (Mol. 3124, Best. 6077).
 Автограф в ЦГИА СССР, ф. Дервиз, оп. 1, д. 9, лл. 1—4.
 По сведениям Бестермана (29, 85), оригинал этого письма был продан в Париже Лаверде на аукционе собрания Дюбуа 31 января 1854 г.
 От текста Best. 6077, кроме пунктуационных и орфографических, отличий не имеет.
- 40/389-251а. **1757, 19 II. Ф. П. Веселовскому** (Mol. 3326, Best. 6483).
 Копия в ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 1096, лл. 285—286.
 В издании Молана считалось адресованным Бестужеву-Рюмину. В издании Бестермана датировано «около 1 марта». В обоих изданиях без постскриптума. Полностью напечатано в «Архиве кн. Воронцова», III, 269—271.
41. **1757, 14 III. От Дакена** (Best. 6503).
 Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст 430—433, перевод и комментарий — 387—391 (из-за опечатки дважды искажена дата письма: «1754» вместо «1757»).
42. **1758, 18 X. Тьерно** (Mol. 3681, Best. 7200).
 Копия неизвестной рукой в VII томе рукописей БВ, 180—181.
Отличия от Best. 34, 163:
1. Дата в начале письма отсутствует.
 2. 163, 5: фраза «à l'exemple de St Mathieu» без скобок.
 3. 163, 9—10: dont la simple signature <a не: dont la signature>.
 4. Начало абзаца: sur bien des choses <a не: en bien des choses>.
 5. 163, 3 снизу: фраза «il n'y a qu'heur et malheur en ce monde» в рукописи выделена красными чернилами.
 6. Последний абзац — Je dicte ce rogaton... je vous aime de tout mon coeur — в рукописи отсутствует.
43. **1759, 14 II. От Жакоба Верне неустановленному лицу.**
 Автограф в XIII томе рукописей БВ, лл. 302—303.
 Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст 488—490, перевод — 476—478, комментарий — 453 сл.
44. **1759, 25 VIII. Г-же д'Эппин** (Mol. 3912, Best. 7727).

Копия в сборнике писем Вольтера к г-же д'Эпинс. БВ, 4/251, л. 10.
45. 1759, 27 VIII.* Кларо (Mol. 3914, Best. 7729).

Черновик Ваньера с правкой Вольтера в VII томе рукописей БВ, лл. 98—99.

На л. 98 в правом верхнем углу пометка Ваньера: *imprimée, dans le commentaire sur les oeuvres de l'auteur de la Henriade fait par Wagniere*. На л. 99 об. пометки Вольтера: а m Clairaut и Ваньера: à Mr Clairaut à Paris rue du Coq.

Отличия от Best. 37, 49—51:

1. Пометка Вольтера: *réponse a m^r Clairaut 27 aoust 1759*.

2. 50, 2 снизу: *je suis enfin parvenu à ne plus mesurer que la courbe que <а не: de> mes nouveaux semoirs tracent...*

3. 51, 8: *aux autres et à moi, voila par où il faut finir*.

46. 1759, 13 X. Г-же Дю Дефан (Mol. 3945, Best. 7806).

Черновик Ваньера с правкой Вольтера в VII томе рукописей БВ, лл. 109—109а. Л. 109 — чистый, с пометками Ваньера на лицевой стороне: «à Mad^e la M^{ise} Du Deffant», на обороте: «Lettre à Mad^e la marquise du Deffant». На л. 109а — пометка неизвестной рукой: «double».

Отличия от Best. 37, 134—138:

1. Даты в начале письма нет.

2. Строка 5 письма без абзаца.

3. 134, последняя строка: *mais il faut avoir de L'appétit*. <а не: ... avoir de l'appétit, et vous avez peu d'appétit avec beaucoup de goût>.

4. 135, 1: *heureux qui a assez d'appétit* <а не: a assez de faim> pour dévorer l'ancien Testament.

5. 135, 4—5 (рукой Вольтера): *c'est de tous les monuments* <а не: de tous les monuments antiques> le plus précieux.

6. 135, 10 — без абзаца.

7. 135, 15 — то же.

8. 135, 15: *comme on fait conversation?* <а не: la conversation?>.

9. 135, 17: *qui n'a aucun rapport au* <а не: avec le> premier.

10. 135, 22: *Vous voulez seulement vous amuser* <а не: Vous êtes dégoutée, vous voulez seulement vous amuser>.

11. 135, 23 — без абзаца.

12. 135, 24: *d'un mois de plaisir* (рукой Вольтера) tout de suite avec l'arioste <а не: d'un bon mois de plaisir avec l'Arioste>.

13. 135, 28—29 (рукой Вольтера): *tout roman devient insipide* auprès del'arioste tout est plat devant lui <а не: ... devant lui, et surtout la traduction de notre Mirabaud>.

14. 135, 4 снизу: *vôte Lecteur, ce sera* <а не: ... lecteur, ce...>.

15. Последние две строки первого абзаца стр. 136 отчеркнуты на полях.

16. Nous avons — без абзаца.

17. 136, 16—14 снизу: *de leurs colonies 400 lieux* <а не: de leurs florissantes colonies quatre cents lieues> du plus beau pays...

18. 136, 13 снизу — без абзаца.

19. Там же, рукой Вольтера: *nous batissons* <а не: encore de> de temps en temps.

20. 136, 11 снизу: *ils se plaignent toujours que* <а не: ... se plaignent que>.

21. 136, 9 снизу: *Jugez après tout cela* <а не: après cela>.

22. 136, 8 снизу — Ce qui fait — без абзаца.

23. 137, 12—13: *dont on a traduit quelque chose; mais avec trop* <а не: ... quelque chose avec trop> de réserve.

24. 137, 14: *nous battons contre eux* <а не: contre eux sur mer>.

25. 137, весь третий абзац — Plût à Dieu ... que de n'oser penser qu'à demi — в рукописи отсутствует.

26. Avez vous jamais lu... — без абзаца.

* В описи Косси ошибочно «avril».

27. 137, 7—6 снизу: je mettrai (рукой Вольтера) si je vis une partie de ce troisième chant <a ne: si je vis, ce troisième chant> en vers.

28. 137, 5 снизу (рукой Вольтера): neuf ou dix <a ne: quarante ou cinquante> pages.

29. 138, 1 — Nous avons — без абзаца.

30. 138, 9 — Vous me demandez — без абзаца.

31. 138, 12—13: фраза «Mais à quoi cela sert-il ... que j'ai eu l'honneur de vous envoyer» в рукописи отсутствует.

32. 138, 14 (рукой Вольтера): que vous pouvez <a ne: que vous le pouvez>.

33. 138, 19 снизу письма (рукой Вольтера): dont vous me parlez tombe sur vous moins que <a ne: tombe moins sur vous>.

34. 138, 7—3 снизу письма: фразы «La première scène...» и «puisque les anglais se ruinent pour nous attaquer...» в рукописи отсутствуют.

35. В конце письма (рукой Вольтера): ma lettre est devenu un livre, et un mauvais livre. Jettez-la au feu; et vivez heureuse.

47. 1759, до XI. От И. И. Шувалова.

В 1930-х годах оригинал числился в частном собрании в Москве, ныне архивная принадлежность не установлена.

16 вопросов Вольтера и ответы на них русских ученых, пересланные И. И. Шуваловым Вольтеру. Подтверждение их получения содержится в письме Вольтера к Шувалову от 22 ноября 1759 г. (Best. 7880).

Перевод опубликован Н. С. Платоновой в статье «Вольтер в работе над Историей России при Петре Великом» (сб. «Русская культура и Франция», т. III (ЛН, 33/34, 1939, стр. 5—11)).

48. 1759 (?), 10 XII. От г-жи Дени маркизу д'Альбарэ.

Автограф в ЛОИИ. Собрание Н. П. Лихачева, картон 371, № 21, с его пометкой «N. C. 416(1911)» и с вырезкой из французского аукционного каталога (Charavay?) под № 69852.

Текст и перевод см. в разделе I, № 8.

49. 1760, 10 IV. От барона Ф.-Б. Рувиля (Best. 8105).

Автограф во II томе рукописей БВ, л. 289—290.

Текст и перевод см. в разделе I, № 9; комментарий — сб. «Вольтер», 1948 г., 377.

50. 1760, 9 VII. От Борда (Best. 8299).

Автограф во II томе рукописей БВ, лл. 291—294.

Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст — 426—428, перевод и комментарий — 380—384.

Воспроизводя этот текст, Т. Бестерман (42, 218) отмечает, что стихи были впервые изданы (в Лоне в 1783 г.) в «Oeuvres diverses de m. Borde» и содержат одну строку, пропущенную Бордом в данном письме (после стиха 12: Le russe censeur de Paris).

51. 1760, 9 VII. От А. Р. Воронцова (Best. 8300).

Автограф в ЛОИИ. Собрание Н. П. Лихачева, № 271/164г, с его пометкой Leo Hier. (XXXVIII — 21/22 мая 1909) и наклейкой из печатного каталога этого аукциона, № 302.

Зная данный автограф по этому каталогу, Т. Бестерман считает текст ненаходимым («No text available»), хотя он был опубликован П. Бартевым в «Русском архиве» (1886, № 6, 145—146); тогда автограф входил в состав собрания И. Куриса, очевидно, купившего его на аукционе Dubrunfaut в Париже 22 декабря 1884 г., о котором Т. Бестерман упоминает (42, 218).

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, № 10.

52. 1760, 11/22 VII. От Б. М. Салтыкова И. И. Шувалову.

По автографу из частного собрания в Москве русский перевод был опубликован Н. С. Платоновой в статье «Вольтер в работе над Историей России при Петре Великом» (сб. «Русская культура и Франция», т. III, 1939 (ЛН, 33/34, 12)). На письме пометка: «№ XXXIII».

53/54. 1760, 9 VIII. От А. Р. Воронцова г-же Дени.

Черновые автографы в ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, 1169, лл. 3—4, 13—14.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, № 11.

55. **1760, 12 VIII. От А. Г. Головкина.**
Черновой автограф в ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, 1169, л. 5 об. См. также № 56.
56. **1760, 1/12 VIII. От А. Г. Головкина И. И. Шувалову.**
Черновой автограф в ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, 1169, л. 5.
О письме Вольтера к А. Г. Головкину относительно издания в Голландии «Истории Петра Великого». См. также № 55.
Наверху другой рукой пометка: 1/12 aout le chamb. Schouvaloff.
- 57/256. **1760, 1 IX. А. Р. Воронцову (Best. 8426).**
В ПВ, стр. 367, № 256, было указано, что письмо хранится в ЛОИИ и было напечатано по данному автографу в «Архиве кн. Воронцова», кн. V. Однако, используя эти данные, Т. Бестерман отмечает (43, 92 прим.), что 11 февраля 1938 г. на аукционе нью-йоркской фирмы Parke—Bernet в составе коллекции Hallie C. Blake продавалось письмо, «описанное в каталоге как подлинный автограф с подписью (what was described as the signed holograph) и тоже с почтовым штемпелем GENEVE».
58. **1760, 5/16 IX. От Б. М. Салтыкова И. И. Шувалову.**
По автографу из частного собрания в Москве русский перевод был опубликован Н. С. Платоновой в статье «Вольтер в работе над Историей России при Петре Великом» (сб. «Русская культура и Франция», т. III, 1939 (ЛН, 33/34, 13 сл.)). На письме пометка: «№ XXXIV».
59. **1760, 12/23 IX. От него же ему же.**
Те же сведения.
Русский перевод там же, стр. 14. На письме пометка: «№ XXXV».
60. **1760, 19/30 IX. От него же ему же.**
Те же сведения.
Русский перевод там же, стр. 14—16. На письме пометка: «№ XXXVI».
61. **1760, 17/28 X. От него же ему же.**
Автограф в Архиве АН СССР, разряд II, оп. 1, № 226, лл. 358—359. По нумерации отправления является № XL (следовательно, минимум трех писем автора к тому же адресату недостает после учитываемого нами выше, под № 60, письма от 19/30 сентября 1760 г.).
Входил в состав собрания бумаг И. И. Шувалова, поднесенного Академии наук в апреле 1917 г. 6. вел. князем Николаем Михайловичем. Об этом письме было сообщено в «Известиях Академии наук», VI серия, 1917, № 11, 754; полностью французский текст был опубликован Л. Б. Модзалевским в статье «Собеседник Вольтера Б. М. Салтыков и два его новых письма 1760—1761 гг.» (сб. «Вольтер», 1947 г., 183—184).
62. **1760, 19 XI. От И. И. Шувалова.**
Автограф в ГПБ, ф. 875, 2 («Архив И. И. Шувалова и И. П. Голицыной»).
- Опубликован в «Отчете имп. Публичной Библиотеки за 1897 год», стр. 164—166; перевод — в статье Ф. Я. Прийма «Ломоносов и „История Российской империи“ Вольтера» (сб. «XVIII век», вып. 3, 186).
Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, № 12.
63. **1760, 22 XI. Леброну (Mol. 4344, Best. 8652).**
Подлинник, рукой Ваньера, в XIII томе рукописей БВ, лл. 227—228. Вся подпись — рукой Вольтера.
Возможно, что Т. Бестерман прав, допуская альтернативное определение этого документа как дубликата, изготовленного для хранения (file copy).

Отличия от Best. 44, 176:

1. В начале: à Mr Brun.
2. Датировка: 22. 9bre 1760. Aux Délices.
3. 176, 5: je pourrai; je me flatte.
4. 176, 7: celui de son grand-père <a ne: grand-oncle>; Mr de Laleu.
5. 176, 9/10: de cette seule lettre <a ne: de cette lettre>.
6. 176, 11: m^{lle} Corneille; elle n'a aucun. . .
7. 176, 12: les habis convenables. Mr Tronchin. . .
8. 176, 14: que j'habite; puisque vous daignez. . .

9. Подпись: *jay l'honneur detre avec tous les sentiments de lestime <a ne: avec l'estime> et de l'amitié <a ne: et l'amitié> que vous minspirez <a ne: dont vous m'honorez> monsieur votre tres humble et tres obeissant serviteur Voltaire.*
64. 1761, 26 I (?). От И. И. Шувалова.

По автографу из частного собрания в Москве русский перевод был опубликован Н. С. Платоновой в статье «Вольтер в работе над Историей России при Петре Великом» (сб. «Русская культура и Франция», т. III, 1939 ЛН, 33/34, 18—19).

65. 1761, 7 IV. От кавалера де Ла Трамбле (Best. 8945).

Автограф во II томе рукописей БВ, л. 287.

Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст — 428—430, перевод и комментарий — 384—387, где автором был назван аббат де Ла Тур (на основании слов автора о его одинаковом звании с аббатом Шолье). Догадка Т. Бестермана основана на явной связи автора письма с Анжу, но остается неясным, чем его звание, общее с Шолье, должно вызывать подозрение во враждебности к «Энциклопедии».

66/256а. 1761, 9 VI. Курфюрсту Карлу-Теодору Пфальцскому (Best. 9031).

Копия Ваньера в XIII томе рукописей БВ, л. 215.

67/256б. 1761, 11 VI. И. И. Шувалову (Best. 9034).

Копия в ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 643 (бывш. Вор. 950), лл. 82—85, 87, 88—104.

Пространные выписки из этого письма (знаменитой аполгии Вольтера, направленной, в частности, против совершенно обоснованной критики русских ученых на первый том «Истории Российской империи при Петре Великом», — критики, выходящей за пределы волевого обращения Вольтера с русскими именами собственными) начиная со слов «Dés que j'ai pu avoir un moment de loisir. . .» (Best. 46, 81, третий абзац письма).

Выписки озаглавлены «Extrait d'une lettre de Monsieur de Voltaire de chateau de Ferney en Bourgogne par Genève 11 juin 1761» и расположены на левой половине страниц, а правая использована для «Remarques» (L'auteur des remarques sur le I Tome de l'Histoire de Pierre le Grand. . .), т. е. для ответных замечаний — по словам описи «Тех же авторов — Миллера или Тауберга (sic!)», которым отвечал Вольтер в своем письме Шувалову.

В том же деле, на лл. 48—80, сохранились и первичные «Замечания» на I том в издании 1759 г. (в современном им списке): «Remarques sur l'histoire de Pierre le Grand par M. de Voltaire. On a passé les endroits sur lesquels on avait déjà fait des remarques. (Опись и тут приписывает их авторство Миллеру или Тауберту, со ссылкой на труд Шмурло: E. Šmurglo. Voltaire et son oeuvre Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand. Ed. Orbis, Prague (1928)).

68. 1761, конец VII. От И. И. Шувалова.

По черновому автографу из частного собрания в Москве русский перевод был опубликован Н. С. Платоновой в статье «Вольтер в работе над Историей России при Петре Великом» (сб. «Русская культура и Франция», т. III, 1939 ЛН, 33/34, 19—20).

69. 1761, 11 IX. От А. Р. Воронцова.

Черновой автограф в ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, 1169, л. 68.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, № 13.

70. 1761, 6 XII. Маркизу Шовелену (Mol. 4772, Best. 9401).

Автограф в ГПБ. Общее собрание автографов, коллекция Свечина.

71. 1761, 9 XII. От Б. М. Салтыкова И. И. Шувалову (Best. 9406).

Автограф (французский) в Архиве АН СССР, разряд II, оп. 1, № 226, лл. 360—361. По нумерации отправителя является № XLIV (следовательно, еще трех писем его к тому же адресату недостает после учтенного нами выше, под № 61, письма от 17/28 X 1760).

Опубликован Л. Б. Модзалевским в сб. «Вольтер», 1947 г., 184.

Включая текст в свое издание, Т. Бестерман допустил два произвольных и неверных утверждения: Архив АН СССР он отнес к Москве вместо Ленинграда (с 1964 г. — Ленинградское отделение Архива АН СССР),

а номер считает не проставленным отправителем, но пометкой на обороте (endorsed).

72. **1762, 31 I. От Левассера.**

Автограф, вpletенный в Попурри, т. XXIII БВ.

Текст см. Приложение № 2, комментарий — стр. 420—421.

73. **1762, 19 II/2 III. От Пикте.**

Автограф в ЛОИИ. Собрание Н. П. Лихачева, картон 634, № 41.

Опубликовано в ПВ, стр. 395—402.

74. **1762, 19/30 III. От И. И. Шувалова.**

Черновой автограф в Архиве АН СССР, разряд II, оп. 1, № 227.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, № 14.

75. **1762, 15 VI. Майанс-и-Сискару (Mol. 4931, Best. 9712).**

Черновик Ваньера с правкой Вольтера в VII томе рукописей БВ, л. 146.

Отличия от Best. 49, 31—32:

1. Пометка Вольтера: а m^r magens.

2. Дата: Aux Délices 15e juin 1762.

3. 31, 2: je ne l'aue point <а не: l'aie pas> oublie.

4. 32, 17: без абзаца.

5. Слова aulicus, generosus подчеркнуты.

76. **1762, 16 VI. Роману (Mol. 4934, Best. 9713).**

Черновик Ваньера с правкой Вольтера в VII томе рукописей БВ, л. 165.

Пометки Вольтера: а m^r roman. В конце письма: «j'au l'honneur».

77. **1762, 15 IX. От Пикте А. Р. Воронцову.**

Опубликовано в «Архиве кн. Воронцова», т. 29, стр. 1—4.

78. **1763, 17 I. Альгаротти (Mol. 5144, Best. 10102).**

Черновик Ваньера с припиской Вольтера (последняя фраза) в VII томе рукописей БВ, л. 80—81. Пометка неизвестной рукой: A. Albergati Saracelli probablyment, зачеркнутая Ваньером с припиской: non, c'est à Mr Algaroti.

79. **1763, 10/21 II. От Пикте А. Р. Воронцову.**

Опубликовано в «Архиве кн. Воронцова», т. 29, стр. 4—6.

Непосредственно связано с перепиской Вольтера, так как на него Пикте возлагает вину за напечатание его реляции о перевороте 1762 г., якобы написанную Пикте персонально для Вольтера...

В том же томе напечатано еще 7 писем Пикте к А. Р. Воронцову, но они отношения к Вольтеру не имеют, если не считать того, что в письме из Лондона 27 июля 1787 г. Пикте напоминает о некогда им полученном в Петербурге письме Вольтера, «où il me disait avec un étonnement mêlé d'admiration, tous les grands exemples nous viennent du Nord».

80. **1763, IV (?). От анонима воображаемому г.*****

Копия в ЦГАДА, ф. 199, картон 410 (портфели Миллера), № 18.

Антивольтеровский памфлет в форме письма по поводу писем Вольтера к Пикте и Даламберу.

Текст и перевод см. в разделе III, стр. 224—230.

81. **1763, 1 VIII. От Л. де Брегей (Mol. 5357, Best. 10514).**

Автограф в ЛОИИ. Собрание Н. П. Лихачева, картон 371, № 13.

На обложке — пометка Н. П. Лихачева и вырезка из печатного каталога, свидетельствующие о приобретении автографа на аукционе Leo Liermannssohn в Берлине (XXXVIII—21 и 22 мая 1909 г.), что подтверждает справку Бестермана (52, 205), проследившего судьбу этого письма до этого аукциона. На 4-й странице письма — пометка Вольтера: «de M le baron de breteuil».

Отличия от Best. 52, 205 (кроме совсем иной орфографии):

1. Датировка: Paris, ce 1er aoust 1763.

2. 205, 7: dater notre <а не традиционное, но бессмысленное: votre> conaissance.

3. Адрес — M. de Voltaire — внизу первой страницы письма. В качестве образца орфографии приводим фрагмент, любопытный по связи с карьерой

Пикте: «j'ai beaucoup vecu avec votre geant De Russie, c'est un homme fort estimable et que j'aime De tout mon coeur, souvent, Monsieur, il me Parloit Deson attachement pr. vous et tres souvent je lui Demendois De vos nouvelles, il ne me dementiras <sic> pas, mais pourquoy me vanter. . .».

82. 1763, 26 VIII/6 IX. От Пикте.

Автограф в ЛОИИ. Собрание Н. П. Лихачева, картон 634, № 42.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, № 15.

83. 1763, не позднее 5 IX. От Екатерины II (Mol. 5437, Best. 10597).

Автограф в ЦГАДА—I, 207—208 об. Во II отсутствует, в Сборники РИО не попал (ср.: Сборник X, 33, прим.).

Пометки: чернилами — «63»; карандашом — «Imprimée dans l'Ed^{on} de Voltaire de Kehl», «Lettre 1ere», «sans date», «1763», «1» (зачеркнуто), «207».

Сличения с текстом Best. 53, 30—32 не было проведено; в последней фразе «Gr. <a ne: g> Corneille».

Было переслано, очевидно, через Пикте (этим и объясняется его копия, упоминаемая Т. Бестерманом на стр. 31, находящаяся в Дижоне среди бумаг семьи Пикте и, по-видимому, вполне точная). Датировка уточняется в связи с опубликованным в разделе I № 15 письмом Пикте к Вольтеру из Петербурга: о какой еще другой безмерной награде Вольтеру, о какой иной записке, прилагаемой к данному письму, может там идти речь? А раз так, абсолютно невероятно, чтобы Пикте, строящий на этом все свое благополучие и упивающийся выпавшим ему успехом, задержал письмо императрицы хотя бы на один лишний день.

В комментарии Т. Бестермана к этому письму (стр. 32) упоминается Санктпетербургское издание 1797 г. «Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с Г. Волтером», совершенно неправдоподобное. (В ответе на наш запрос Т. Бестерман, допуская, что ошибся, затруднился восстановить источники своей информации). Там же утверждается, что итальянское издание *Corrispondenza di lettere tra Caterina II ... e il signore de Voltaire*. Lugano, 1799 является обратным переводом с русского. Об этом см. в разделе III, стр. 247—248.

84. 1763, 30 IX. От Люилье-Мариньи (Best. 10614).

Автограф в I томе рукописей БВ, лл. 402—403.

Опубликован в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст — 440—442, перевод и комментарий — 407—410.

85. 1764, 24 V. Г-же Дю Дефан (Mol. 5655, Best. 11045).

Черновой автограф в VII томе рукописей БВ, лл. 118—119.

Отличия от Best. 55, 47—48:

1. Пометка Вольтера: a me du deffant.
2. Дата: 24 may 1764.
3. 47, 7: ... qu'en ferons nous! <a ne: qu'en ferons nous?>.
4. 47, 7: Nous ne donnons <a ne: Nous ne nous donnons> rien.
5. 47, конец 1-го абзаца: quand l'univers est necessairement et eternellement affaire <a ne: est esclave!>.
6. Voicy Madame — без абзаца.
7. 48, 7: vous ne balanceriez pas?
8. 48, 7—8: a ceux du corps! <a ne: à ceux du corps?>.
9. 48, 10: et le signez de meme <a ne: et vous peignez de même>.

86. 1764, 5 VI. От Дакена (Best. 11069).

Автограф во II томе рукописей БВ, л. 291.

Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст — 433—436, перевод и комментарий — 391—396.

87. 1765, 11 I. От неустановленного лица, заключенного в Страсбургской цитадели, Гельвещию.

Автограф во II томе рукописей БВ, лл. 1—2.

Текст см. Приложение № 3.

88. 1765, 25 II. Берже (Mol. 5923, Best. 11568).

Черновик или копия Ваньера с правкой Вольтера в VII томе рукописей БВ, л. 84.

Отличия от Best. 57, 137:

1. В заголовке: A Mr Berger. du 25e fev. 1765 au chateau de ferney <последние слова вычеркнуты, и рукой Вольтера приписано> aux délices.

2. Абзац: qu'on a imprime <рукой Вольтера вставлено> en hollande. je ne sais quelles lettres.

3. Конец абзаца: à ce qu'on a eu <a не: à ce que l'on a eu>.

89. 1765, 15 IV. От Даниеля (Best. 11697).

Автограф в X томе рукописей БВ, лл. 331—334.

В издании Бестермана только упоминание.

Текст и перевод см. в разделе I, № 16.

90. 1765, V/VI (?). От Екатерины II (Mol. 6056, Best. 11781).

Автограф в ЦГАДА — I, 209. Подлисецкий, II.*

Пометки: чернилами — «62», карандашом — «209», «Lettre seconde», «Sans date», зачеркнутые — «3» и «1765».

Отличия от Best. 58, 139:

1. В первой фразе: l'Ouvrage de son oncle, qui. . .

2. В последних словах письма: ce qui fera <a не: sera> l'excuse de cette lettre.

91. 1765 (?), 1 VII. От д'Отре (Best. 11936).

Автограф в III томе рукописей БВ, лл. 224—241.

Фрагменты опубликованы в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст — 438—439, перевод и комментарий — 379, 403—407.

92. 1765, 22 VIII/2 IX. От Екатерины II (Mol. 6089, Best. 12008).

Автографы в ЦГАДА — I, 210—211; II, 3—4. Сборник РИО, X, 37—38. Подлисецкий, III.

Пометки на I: чернилами — «69», рукой Вольтера — «lettre de l'imperatrice de Russie»; карандашом — «210» и «Lettre 3e».

Отличия от Best. 59, 51—52:

1. Датировка: ce 22 d'aout 1765.

2. Monsieur, Puisque Dieu merci le neveu de l'Abbé. . .

3. 51, 5: Carouzel, d'eussiez.

4. 51, 5 снизу: toutes le prouesses <a не: promesses> d'Alexandre.

5. 51, 3 снизу: ses naïveté.

6. 52, 6: faire leur profits <a не: profit>.

7. 52, 10—11: qu'il me témoigne, il est très bon. . .

8. Первая строка постскриптума кем-то прерывисто подчеркнута чернилами.

9. 52, 2/3 строки P. S.: ni sont pas souffert. (После этого слова Вольтер проставил многоточие и над следующими словами «s'étant oriniaté» вписал «des sa», а к причастию добавил конечное «s», т. е. отредактировал период).

10—11. 52, 8—7 снизу: à obéir, a la fin; ce Français, il partirent . . . (оба раза запятые, а не точки).

12. 52, 5 снизу: dont <вместо donc>.

13. 52, 2 снизу: n'effaceront <без pas> la tache.

В Сборнике РИО в сноске на стр. 37 предложено продолжение, которого ни в данном письме, ни в ближайших к нему не обнаруживается как в I, так и во II.

93. 1765, 6 IX. Д'Отре (Mol. 6106, Best. 12013).

Черновик Ваньера с большой правкой Вольтера в VII томе рукописей БВ, лл. 107—108.

* См. прим. на стр. 174.

Отличия от Best. 59, 59—60:

1. Пометка Ваньера: 6 7bre 1765, réponse à m^r le c^{te} D'autré.

2. 60, 13: des champignons de poivre.

3. В конце письма рукой Вольтера подпись V.

94. **1765, 12 IX. От А. Р. Воронцова.**

Черновой автограф в ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, 1170, лл. 41—42.

Это письмо из Спа не было сочтено издателями «Архива кн. Воронцова» принадлежащим к переписке А. Р. Воронцова с Вольтером. Однако оно ближайшим образом к ней относится, так как в нем идет речь о том, что Воронцов ожидает получения произведения Вольтера о польских диссидентах.

95. **1765, 28 XI/9 XII. От Екатерины II (Mol. 6167, Best. 12166).**

Автограф в ЦГАДА — I, 212. Подлисецкий, V.

Пометки: чернилами — «68» и рукой Вольтера — «Lettre de l'imperatrice de Russie»; карандашом — «212», «Lettre 5e».

Отличия от Best. 59, 251—252:

1. Датировка: à St Petersburg. ce 28 Nov. 1765.

Дальнейшее сличение текста не было проведено.

96. **1765, 29 XI/10 XII. От И. И. Бецкого (Best. 12167).**

По автографу из собрания И. И. Куриса было напечатано П. Бартевым («П. Б.») с примечаниями Д. Ф. Кобеко в «Русском архиве», 1886, кн. 6, 145—146.

Текст и перевод см. в разделе I, № 17. Публикуется, несмотря на включение в издание Бестермана, ввиду значения в связи с перепиской Вольтера с Екатериной II.

97/268a. **1766, 15 I. Кавалеру де Буфлер.**

Копия Ваньера с правой Вольтера во II томе рукописей БВ, л. 154.

Текст см. в разделе I, Письма Вольтера, № 9/268a.

98. **1766, 9/20 VII. От Екатерины II (Mol. 6393, Best. 12550).**

Автографы в ЦГАДА — I, 214; II, 5—7. Сборник РИО, X, 93. Подлисецкий, VII.

Пометки на I: чернилами — «44», карандашом — «214», «Lettre 7».

Отличия от Best. 62, 51—52:

1. Характерная персонификация, подчеркиваемая прописными: Monsieur, La lueur de l'Etoile du Nord n'est qu'une Aurore Boréale.
Ses bienfaits gerandus. . .

2. 52, 1: d'une voie inévocable <a ne: irrevocable>.

3. 52, 9 — без абзаца.

4—5. 52, 14: qui peut <a ne: puisse> ramener toutes ses <a ne: ces> brebis.

6. 52, 18 — magie etc.

Своеобразное выражение «les cris de la raison» встречается как в черновике, так и в чистовом письме; оно не безусловно четко выписано, но другого чтения не подсказывает.

99. **1766, 9 IX. Деодати де Товацци (Mol. 6491, Best. 12656).**

Копия Ваньера в VII томе рукописей БВ, лл. 74—75.

Отличие от Best. 62, 172:

Датировки в начале письма нет. Пометка Ваньера: «A M^r. Diodati De Tovazzi à ferney 9. 7bre 1766».

100. **1766, 9 IX. Блен де Сенмору (Mol. 6493, Best. 12655).**

Копия Ваньера в VII томе рукописей БВ, л. 73.

На обороте пометка Вольтера: «a M Blin de St Maur. Sur mes lettres falsifiées dit on par M. Robinet».

Отличие от Best. 62, 171:

Датировки в начале письма нет. Пометка Ваньера: «A m^r. Blin de St Maur à ferney 9. 7bre 1766».

101. **1766, 22 XII. Шабанону** (Mol. 6631, Best. 12867).

Копия Ваньера в VII томе рукописей БВ, лл. 89—90; заголовок «а Mr de chabanon» вписан Вольтером.

Отличия от Best. 63, 207:

1. Датировка — 22. X^{bre} 1766 a ferney — другими чернилами.

2. Конец 1-го абзаца: etc., etc., etc., etc. <а не: 3 раза>.

102. **1766 (?). От Габриеля Крамера.**

Автограф фрагмента письма, вклеенного в книгу «Mémoire à consulter et consultation pour le sieur de Bussy...», Paris, M. Lambert, 1766, в составе БВ (BV, № 2389).

Текст и перевод см. в разделе I, № 18.

103. **1767, 3 I. От Гельвеция** (Best. 12906).

Автограф во II томе рукописей БВ, л. 205.

Опубликован в сб. «Вольтер», 1948 г.; текст — 436—437, перевод, комментарий и фотоснимок — 396—399.

104. **1767, 5 I. Кавалеру де Пезэ** (Mol. 6653, Best. 12915).

Копия рукой секретаря в VII томе рукописей БВ, лл. 159—160.

Пометка неизвестной рукой: Copie de la lettre de Mr De voltaire à Mr Le chevalier de pezey du 5 janvier 1767.

Отличия от Best. 64, 31—32:

1. 32, 5 снизу: et y posseder <а не: et même y posséder> des emplois de finance.

2. 32, 3 снизу: et qui avait tant besoin <а не: avait tant de besoin> de tolérance pour lui.

105. **1767, 9 I. Герцогу де Шуазель** (Mol. 6662, Best. 12930).

Черновик Ваньера с правкой Вольтера в VII томе рукописей БВ, лл. 92—93.

Отличия от Best. 64, 58—59:

1. В заголовке письма: sur les cordes des troupes vers Geneve <а не: auprès de Geneve>.

2. 59, 3 — без абзаца.

3. 59, 5: que tout le monde s'enfuit <а не: tous les bons scythes s'enfuirent>. Наличие этого оборота в обоих правленных Вольтером черновиках отмечено Бестерманом, который в печатаемом им тексте все же доверился копии, сделанной для Кельского издания.

4. 59, 17: qui bordent les frontieres <а не: bordent actuellement les frontieres>.

5. Последний абзац письма — Nous demandons ... vous soient remis — в рукописи отсутствует.

106. **1767, 9/20 I. От Екатерины II** (Mol. 6664, Best. 12973).

Автографы в ЦГАДА — I, 216—217; II, 8. Сборник РИО, X, 159—161. Подписецкий, IX.

Пометки на I: чернилами — «70», карандашом — «216» и «Lettre 9e».

Отличия от Best. 63, 113—114:

1. В первой фразе Decembre прописью.

2. Там же: parmi les Astres. Je ne sai... .

3. Конечные фразы абзаца, начинающиеся со знаменитого «Горе преследующим!» (Malheur aux persécuteurs!), действительно написаны без абзаца, но перед этим восклицанием и после него, а также после следующей фразы вертикальные черточки более темными чернилами проставлены, по-видимому, Вольтером.

4. 113, 16: фраза «Au reste monsieur» с абзаца.

5. 114, 1: ...vous fera juger Monsieur si la justice <а не: ... juger si la justice>.

107. 1767, 26 III/6 IV. От нее же (Mol. 6813, Best. 13 196).
Автографы в ЦГАДА — I, 218—219; II, 9. Сборник РИО, X, 174—177. Подлисецкий, XI.

Пометки на I: чернилами — «72», карандашом — «218» и «Lettre 11».

Отличия от Best. 65, 112—113:

1. В черновике (II) действительно проставлена дата $\frac{15}{26}$ mars.
2. 112, 1 снизу: accoutumés.
3. 113, 2: merveilleux, j'ai lue ... basilewitz.
4. 113, 5: les peres rassemblés «а не: assemblés»; noté que.
5. Последние слова абзаца: l'autone derniere.
6. В 1-й фразе 2-го абзаца: décembre (прописью) и estropiés.
7. В P. S.: vous lui demandez Monsieur des nouvelles «а не: d. des nouvelles».

В чистовом письме Екатерина исключила заключительную фразу (имевшуюся в II и воспроизведенную в Сборнике РИО) о том, что время распечатывать пакеты, присланные на конкурс в Вольно-Экономическое общество, еще не пришло: Вольтер беспокоился о судьбе своего — ныне не находящего — сочинения о крестьянской собственности.

108/275. 1767, 22 IV. А. Р. Воронцову (Best. 13239).

Кроме оригинала в Архиве Воронцова в ЛОИИ, учтенного в ПВ (№ 275), представлено списком в ЦГАДА, ф. 188 («Письма Вольтера князю Голицыну»); ср. в разделе II, стр. 197 и ПВ, стр. 246.

109/276. 1767, 28 IV. Ему же (Best. 13253).

То же.

110. 1767, 10 V. От А. Р. Воронцова неустановленному лицу.

Подлинник рукой секретаря с собственноручной подписью в ЦГАДА, разряд X, № 424, 1767 г., «Дело Письмо графа Воронцова о Вольтере с собственноручным замечанием Императрицы Екатерины II. СПб. Государственный Архив М.И.Д.». На обложке карандашная пометка «С. X. 181».

Пометки «№ 5», «521», «60» и красными чернилами «1», а также печать Государственного архива МИД.

После обращения «Monsieur» приписка Екатерины II: «Voltaire Lui meme ma anvoué ses piéces et je l'en ai deja remerciés». В конце письма слова «après qu'Elle aura... m'a escrit» выделены легким отчеркиванием.

111. 1767, 11 V. От А. Р. Воронцова (Best. 13272).

Подлинник рукой секретаря с собственноручной подписью в ЛОИИ. Собрание Н. П. Лихачева, 271/164г.

Опубликовано П. Бартеневым в «Русском архиве», 1886, № 6.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, № 19.

112. 1767, 29 V/9 VI. От Екатерины II (Mol. 6899, Best. 13325).

Автографы в ЦГАДА — I, 220; II, 11—12 лиц. Сборник РИО, X, 203—205. Подлисецкий, XIII.

Пометки на I: чернилами — «64», карандашом «220» и «Lettre 13».

Отличия от Best. 66, 16—17:

1. 16, 9—10: n'etoit pas disposés à leur doné du poid.
 2. 16, 5 снизу: Imaginé je vous prie.
 3. 17, 10. panegyriques, mais. . .
 4. 17, 12: La traduction est finie «а не: La t. de ce dernier livre est f.».
 5. 17, 13: написание ne conossoit.
113. 1767, 14 VII. От Фекете (Best. 13384).

Автограф во II томе рукописей БВ, л. 276.

Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г: текст — 437—438, перевод и комментарий — 377—378, 401—402.

114. 1767, не позднее 9 VIII. От А. Р. Воронцова Н. В. Решнину.

Черновой автограф в ЛОИИ, ф. 36, 1169, л. 63. На обороте пометка: pour m^r de Voltaire.

Список сочинений по польскому вопросу, был приложен к письму Вольтеру.

115. 1767, 23 IX. От Эталлонда.

Автограф (с подписью «Мориваль») в VI томе рукописей БВ, лл. 88—89.

Текст и перевод см. в разделе I, № 20.

116. 1767, 1 X. От А. Р. Воронцова Н. В. Репнину.

Черновой автограф в ЛОИИ, ф. 36, 1169, л. 58.

Сообщение о получении от Вольтера письма с брошюрой о польских диссидентах.

117. 1767, 2 X. От А. Р. Воронцова неустановленному лицу.

Черновые автографы в ЛОИИ, ф. 36, 1169, лл. 41—42, 64—65, 236—237.

Письмо из Спа по поводу брошюры Вольтера о польских диссидентах.

118. 1767, 4 X. От А. Р. Воронцова (Best. 13564).

Черновик рукой секретаря с правкой А. Р. Воронцова в ЛОИИ, ф. 36, 1168, л. 3.

119/284. 1768, 16 II. А. Р. Воронцову (Best. 13838).

Копия рукой секретаря без подписи в ЛОИИ, ф. 36, оп. 2, № 318. Ср.: ПВ, № 284. Пометка другой рукой: В.

120. 1768, 20 II. Шардону (Mol. 7186, Best. 13844).

Копия (рукой Бижекса?) в VII томе рукописей БВ, л. 91.

Датировки в начале письма нет. Пометка «a m^r chardon maitre des requetes 20 fevrier 1768». Зная эту пометку (Best. 68, 151), Бестерман датирует письмо 19 февраля, очевидно по издаваемому им оригиналу. Видно, письмо было отправлено не ранее следующего дня и при снятии с него копии на ней дата была «исправлена».

121. 1768, 30 III. Г-же Дю Дефан (Mol. 7218, Best. 13951).

Черновой автограф в VII томе рукописей БВ, лл. 120—121.

Отличия от Best. 68, 280:

1. В начале письма перед датой: a madame du deffend.

2. Дата «1er avril 1768» переправлена Ваньером на 30 mars.

3. 280, 10: que presque pas un <a ne: presque pas un seul> ne s'est souvenu.

4. В конце письма фраза «mais assurément les sentiments que je vous ai voués ne me manquent pas» в черновике отсутствует.

122. 1768, 1/12 IV. От А. Р. Воронцова Н. И. Панину.

Черновой автограф в ЛОИИ, ф. 36, 1169, л. 48.

Письмо из Гааги о сочинении Вольтера о польских диссидентах.

123. 1768, 15 IV. Фон Аммону (Mol. 7239, Best. 13999).

Черновик Ваньера с поправками Вольтера в VII томе рукописей БВ, л. 145. Текст, напечатанный у Молана, начиная со слов «Puisque nous en sommes sur l'exactitude des faits» и кончая «c'est de ne plus l'être», в рукописи отсутствует (учтено Бестерманом).

Отличия от Best. 69, 50—51:

1. Пометка Ваньера: à M^r d'hamon chambellan du Roi de Prusse du 15 avril 1768.

2. 50, 8: pour tous <a ne: pour tous les> lecteurs.

3. 50, 11: 174 <a ne прописью> générations.

4. 51, 11—12: слова Bible, des Septante, Bible, la Vulgate не подчеркнуты и написаны с прописной буквы.

124. 1768, 22 IV. Полэ (Mol. 7245).

Черновик Ваньера с правкой Вольтера в VII томе рукописей БВ, лл. 156—157,

Отличия от Mol. 46, 26—28:

1. Пометка Вольтера: a M^r paulet medecin de la faculté de montpellier 22 avril 1768.
2. 26, 4: feuilletter des jurisconsultes <a не: les jurisconsultes>.
3. 26, 8 — без абзаца.
4. 26, 12: avec Le Rhazes <a не: avec Rhasès>.
5. 26, 15: vôtre livre surtout, Monsieur, en est... <a не: surtout en est...>.
6. 26, 18 без абзаца.
7. 26, 20—21: qui ait jamais sali <a не: été sur> notre malheureux globe.
8. 26, 23: les troupes de Marc-Antoine, de César, d'auguste <a не: de Marc-Antoine, d'Auguste>.
9. 27, 7—8: est de pouvoir mettre une <a не: attacher la> sonnette.
10. 27, 9: les princes de l'Europe encor assez sages <a не: de l'Europe assez sages>.
11. 27, 10—11: si vous obtenez <a не: si vous parvenez à obtenir> des parlements.
12. 27, 12—13: слова sans aucun interet без скобок.
13. 27, 14: le parlement de Paris en 1497 condamna <a не: condamna en 1496> tous les vérolés.
14. 27, 22 снизу: dans la nature <a не: de la nature>.
15. 27, 10 снизу: et les autres faveurs <a не: et tant d'autres faveurs>.
16. 27, 5 снизу: dans de petites rues sans issue au milieu de la ville; qui... <a не: dans de petites rues sans issue, qui...>.
17. 28, 2: une partie des citoyens ne songe <a не: ne pense>.
18. 28, 5 без абзаца.
19. Все слова, выделенные в издании Mol. курсивом, за исключением слов *saue* qui *reut*, в рукописи не подчеркнуты.

20. В конце письма фраза «J'ai l'honneur d'être, etc.» в рукописи отсутствует.

125. 1768, VI (?). От аббатиссы де Бру.

Автограф на лл. 117—122 и копия на лл. 67—76 в VI томе рукописей БВ.

«История монах бедствий» тетки кавалера де Ла Барра, г-жи Фейдо де Бру, бывшей настоятельницы монастыря Вильянкур в Авбиле.

Датировке поддается лишь гадательно, по примерному расчету сроков, упоминаемых в самом документе, главным образом на основании ссылок на него в позднейших письмах автора 1774 гг. (см. раздел I, №№ 29—31).

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, № 21.

126. 1768, 4 XI. Де Ботевилью (Mol. 7378, Best. 14333).

Копия Ваньера в VII томе рукописей БВ, л. 82 об.

Отличия от Best. 70, 141—142:

1. В начале письма дата: a ferney 4 9bre 1768.
2. 141, 1: de rendre compte a V. Excellence.
3. 142, 1: Madame, lui ai-je dit <a не: Madame, ai-je dit>.

127. 1768, 10 XI. От Дасье.

Автограф во II томе рукописей БВ, лл. 63—64.

Текст см. в разделе I, № 22.

128. 1768, 23 XII. Дюпон (Mol. 7426, Best. 14423).

Черновой автограф в VII томе рукописей БВ, лл. 143—144.

Пометка неизвестной рукой: «M. Dupuits» и пометка Ваньера: «mari de Mlle Corneille», а также четыре разметки абзацев.

Отличия от Best. 70, 250:

1. Дата в начале письма отсутствует.
 2. 250, 13 письма: ... M^r D de Ch.
 3. 250, 8 снизу: le marseillois, т. е. со строчной буквы.
129. 1768, 17/28 XII. От Екатерины II (Mol. 7419, Best. 14432).

Автографы в ЦГАДА: черновой — II, 13—17, чистовой — I, 222, 224—227.

Пометки на I: л. 224 чернилами — «73» и «1»), карандашом — «*неразборчиво*» 17 X 1768»; на л. 226 — чернилами «74» и «2»), карандашом — «Suite de la lettre de 17. X^{bre} 1768», «20» (зачеркнуто) и «226»; на л. 222 — чернилами «75» и «41» (последняя — теми же рыжими чернилами, что и само письмо), карандашом — «17 — X^{bre} 1768» и «222».

На л. 222 — постскриптум (второй, с конечной датой письма).

Две вставки, вошедшие в текст чистового письма, к черновикам приложены на листке II — 17, очевидно, не понятом и не использованном изданиями Сборника РИО, X. 306—308. Подлисецкий, XVI.

Упоминаемой Т. Бестерманом пометки «6/17 декабря» мы на оригинале не усмотрели (и трудно предположить, чтобы Екатерина II о 10 днях говорила «три недели»). В конце первого постскриптума действительно в датировке число оставлено незаполненным.

Отличия от Best. 70, 260—264:

1. 260, 2 снизу: ... l'homme le plus illustre de notre siècle, au coup (!) duquel...
 2. 261, 14 снизу: Je n'ai pas <a не: point> été au lit.
 3. 261, 12 снизу: Cte d'Orlow <a не: comte Orlof>.
 4. 261, 11 снизу: République (с прописной).
 5. 262, 2: de quel point <a не: de quels points>.
 6. 262, 4: revange.
 7. 262, 19—20: 15 novembre <a не: 15 9bre>. Si je ferai <a не: fais или faisais>.
 8. Конечная дата: a St Peters: ce <пропуск> Decembre 1768.
130. 1768, 19/30 XII. От нее же (Mol. 7422, Best. 14435).
- Автограф в ЦГАДА — I, 223. В черновиках (II) и в Сборнике РИО соответствий не имеет. Подлисецкий, XVII.
- Пометки чернилами — «45» и карандашом — «Lettre 17e».

Отличия от Best. 70, 265:

1. 265, 2: N 1, N 2 et N 3 <a не: n. 1, n. 2, n. 3>.
 2. 265, 4: cent choses ensemble <a не: à la fois> m'en ont empêché.
 3. 265, 5: Koslowski.
131. 1769, 12 II. От Эшишана неустановленному лицу (Best. 14510).
- Автограф в III томе рукописей БВ, л. 242.
- Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, № 23.
132. 1769, 27 III. Дюпати (Mol. 7514, Best. 14573).
- Черновик или копия Ваньера в VII томе рукописей БВ, л. 141.

Отличия от Best. 71, 187—188:

1. Дата: à ferney 27e Mars 1769.
 2. 188, 9: ce sera vous <a не: ce sera à vous>.
 3. 188, 14: et mis en pénitence <a не: en pénitence dans un monastère> pour avoir prononcé ces mots.
 4. Конец абзаца: quae manent.
 5. В конце письма: J'ai d'honneur d'être avec autant d'estime que de respect, M^r. После этой фразы рукой Вольтера подпись: «V» <a не: Voltaire>.
133. 1769, 3 IV. Г-же Дю Дефан (Mol. 7520, Best. 14596).
- Черновой автограф в VII томе рукописей БВ, лл. 114—117. На л. 114 — только пометки неустановленной рукой: 1) Enregistrée (?) (зачеркнуто); 2) «probablement» (зачеркнуто) «A Mad^e de Choiseul (зачеркнуто) Duffeffant». На 116 об. на полях пометка Вольтера: «la lettre a guillemot fut renvoyée a versailles de versailles a lyon de lyon a geneve et ma enfin été rendue. elle est charmante».

Отличия от Best. 72, 209—212:

1. Даты в начале письма нет. Пометка той же неустановленной рукой: «A madame Duffeffant».
2. 209, 3: en verité madame, c'est <a не: En verité, c'est> dommage.
3. 209, 4: со слова «Quand...» абзац.
4. 209, 10: слово: «necessaire» не подчеркнуто.
5. 209, 11: dans un certain livre <a не: livre alphabétique>.
6. 209, 8 снизу: en aucun qui <a не: en a' aucun qui, явная описка>.
7. 209, 7 снизу: без абзаца.
8. 210: весь абзац — «je passe des athées... m'a fait naitre» — на полях отмечен волнистой чертой.
9. 210, 14: detendue tandis que je ne suis <a не: d'etendue, ou je suis aimé, tandis que je ne suis...>.
10. 210, 5—4 снизу прозы: devant votre grand maman <a не: Mme la duchesse de Choiseul>.
11. 210, последняя строка прозы: un peu grossier <a не: un peu grossier dans ma retraite>.
12. 212, 7—10: quon a peu de temps pour jouir!
du neant tout semble sortir
dans le neant tout se replonge

<рукой Ваньера между строк>

Et cette vie n'est qu'un songe.*

<a не: Qu'on a peu de temps pour jouir.
Et la jouissance est un songe
Du néant tout semble sortir
Dans le néant tout se replonge.>

13. Стихи «helas. qu'atil pu ressaisir... les beaux esprits doivent se taire» написаны на отдельном листке (л. 117) и связаны с текстом посредством значка выноски.

14. Вслед за последними словами письма (comme nous rougons) знак выноски со словом postscriptum, а самый постскриптум с соответствующим значком — та приписка на полях л. 116 об., которая указана выше.

134. 1769, 24 IV. Ей же (Mol. 7536, Best. 14631).

Черновик Ваньера с правой Вольтера и с наметкой купюры в конце первого абзаца в VII томе рукописей БВ, лл. 122—123.

Отличие от Best. 71, 255:

Дата: a ferney 24e avril 1769.

135. 1769, 15/26 IV. От Екатерины II (Mol. 7633, Best. 14637).

Автографы в ЦГАДА — I, 228—231, II — 34, 35. Сборник РИО, X, 351—354. Подлисецкий, XXII.

Пометки на I: чернилами на л. 228 — «41» и на л. 230 — «42»; карандашом на л. 228 — «Lettre 22e» и «Imprimée sous la datte du 15 d'auguste 769 dans l'Ed^{on} de Kell» «et tronquée», на л. 230 — «Suite de la lettre du 15 avril 1769».

Во всех изданиях до Т. Бестермана фигурировало под датой 4/15 августа; в Сборнике РИО имеется даже сноска к стр. 353 (по поводу упоминания Екатериной II вольтеровского письма от 1 апреля): «Здесь должна быть ошибка, и следует читать 1 августа. Впрочем, в изданиях сочинений Вольтера не помещены его письма к Императрице ни от первого апреля, ни от 1 августа». Разумеется, письмо Вольтера от 1 апреля 1769 г. суще-

* К этому стиху был сделан знак сноски, а внизу письма имелись 2 строки, тщательно вымаранные.

стует, и копия с него хранится в ЦГАДА (ПВ, стр. 376), но интереснее то, что ни в черновике, ни в чистовом письме августовской даты не было; откуда она попала в Кельское издание — непонятно, тем более что Т. Бестерман, располагающий копией, снятой для г-жи Дени, и фотокопией другого современного списка (Best. 71, 265), не отмечает того, чтобы она имелась в этих списках.

В данном случае расхождение между черновиком и окончательным текстом были значительны, и текст издания Бестермана, восстановленный им по копии, снятой для г-жи Дени, несравненно ближе к действительности, нежели тексты Сборника РИО или издания Молана. Однако все же необходимо исправить в следующих отношениях текст Best. 71, 263—265:

1. Дата: a St Petersb: 15 <a ne: ce 15> d'Avril <a ne: avril> 1769.
 2. 263, 2—3: Si Moustapha ne sera pas <a ne: n'est pas> rossé, ce ne sera <a ne: ne sera pas> assurément. . .
 3. 263, последние слова 1-го абзаца письма: et comme homme <a ne: hommes> très mal dans les <a ne: ses> affaires.
 4. 264, абзац — que vous prenez Monsieur <a ne: m>
 5. Конец этого же абзаца: aux Conclave.
 - 6—10. 264: написания S'est (!) un vrai cadeau. . . on me l'enverray (!), но правильное Ukraine, описка (9 снизу) qu'on a fait; revange (7 снизу).
 11. 265, 6: qu'il ne trouverai <a ne: trouvât>.
 12. 265, 14: qu'en <вместо quand!> j'y serai.
 13. 265, 16: arrabe.
 14. 265, 8 с конца письма: les succès de mes Armées <a ne: mes amies, что бессмысленно>.
 15. 265, 7 снизу: ce qui nous arrivera <a ne: arrive> d'hüreux. . .
 16. 265, 5 снизу: tout ce qui se montre, Turcs, Tartares <a ne: Turc et Tartare>, mais surtout les mutins. . .
136. 1769, 1 VII. Аббату Рубо (Mol. 7578, Best. 14740).

Черновик Ваньера с правкой Вольтера и одной разметкой абзаца в VII томе рукописей БВ, лл. 168—169.

Отличие от Best. 72, 116:

à ferney 1er juillet 1769 — не дата в самом черновике, но пометка Ваньера, как и «a M^r l'abbé Roubaud».

137. 1769, 14/25 VII. От Екатерины II (Mol. 7594, Best. 14792).

Автографы в ЦГАДА — I, 232 и 233—234, II — 28, 29, 30—31 (в беспорядке). Сборник РИО, X, 344—349. Подлисецкий, ХХI.

Пометки на I: чернилами — «43» на л. 232 и такая же на л. 233; карандашом — «Lettre 21e» «mais tout ce qui est en accolade n'est pas dans l'edon de Kell» — и «232» (на л. 232) и «suite de la lettre du 14 Juillet 1769» и «233» (на л. 233).

Отличия от Best. 72, 178—181:

1. Датировка: a Peterhof <a ne: Petersbourg> <9 зачеркнуто> 14 Juillet 1769.

2. 178, 2: Eh bien monsieur <a ne: Hé bien m^r>.
3. 178, 5: incursions Tartares <a ne: des Tartares>. . .
4. 178, 8: qu'il n'y a pas de paysan en Russie <a ne: en Russie un paysan; это печально знаменитая похвальба благоденствием русского крестьянина>.
5. 178, в сноске: dindons <a ne: dondons>.
6. 178, 5 снизу: precautionnent <т. е. имеются в виду мн. ч.> certaines restrictions les abus <a ne: contre les abus>.
7. 179, 10—11: cependant mes divers établissements. . .
8. 179, 12: Taganrock <a ne: Taganok>.
9. 179, 18: plus de mille personnes de tués <a ne: p. tuées>.
10. 179, 23: Vacha (с прописной).
11. 179, 24; et aux environs de <a ne: et au moins> cinquante mille ducats.
12. 179, 11 снизу: on ne dira <a ne: on ne dira pas> que cela.

13. 179, 2—1 снизу: de «а не: à» precher une croisade contre moi «а не: contre moi une croisade».

14—15. 180, 4: leurs «а не: leur» propre pays. La benediction du pape leurs premetts (1) le paradis.

16. 180, 10—11: à Sophie, rayé... reduite en cendre.

17—18. 180, 6 снизу: modeler ses «вместо ces, а не: les» ecoles a l'avenir. Adieu Monsieur soyés assurés...

19. 180, 3 снизу: le 19 «а не: 9!» Juin.

20. 180, 2—1 снизу: «Dnester vingt mille Turks qui avoit tentée le passage et l'armée «а не: passage; l'armée» passa...

21. 181, 4: soixante dix mille «а не: soixante mille» Turks. —

22. 181, 5: de hauteur en hauteur «а не: de hauteur en hauteurs».

23. 181, 6—7: Chotzin, cette meme nuit le corps qui etoit poste vis a vis de cette forteresse sur l'autre bord de la riviere «а не бессмысленное: qui etait posté sur l'autre bord de cette forteresse».

138. 1769, 8 IX. Графу д'Эстен (Mol. 6489, Best. 14894).

Черновик Ваньера, правленный Вольтером, в VII томе рукописей БВ, л. 139.

Отличие от Best. 73, 29—30:

30, 4: je vous répons du zele «а не: répons bien du zele».

139. 1769, 18 IX. Герцогине де Шуазель (Mol. 7667, Best. 14918).

Черновой автограф в VII томе рукописей БВ, л. 95.

Отличия от Best. 73, 57—58:

1. 58, 1: la Pucelle (со строчной).

2. 58, 10: ... fait pour lui plus quil n'esperait «а не: et plus qu'il» ne demandait.

140. 1769, 29 IX. Панкуку. (Mol. 7682, Best. 14944).

Черновик Ваньера с правкой Вольтера в VII томе рукописей БВ, лл. 154—155.

Отличия от Best. 73, 93—94:

1. Пометка Ваньера: 29 7bre 1769 a ferney à m^r Pankouke.

2. 94, конец 1-го абзаца: bons articles а faire «а не: à traiter».

141. 1769, 22 IX/3 X. От Екатерины II (Mol. 7683, Best. 14952).

Автограф в ЦГАДА — I, 235—236. Начало отсутствует в черновике и, следовательно, не вошло в сборник РИО. Как и в Кельском издании, Подлицецкий, XXIII — только фрагмент.

Любопытно, что черновик постскриптума набросан в II, 33 непосредственно вслед за одним из вариантов письма от 14/25 июля; видимо, он и был первоначально задуман как его часть, почему-либо не оказался включенным и затем использован как постскриптум к данному письму.

Пометки: чернилами — «36», карандашом — «non imprimée».

Отличия от Best. 73, 102—103:

1. Датировка: а St Petersb: ce 22 Septembre 1769.

2. В качестве образца подлинного текста, отличающегося от напечатанного Т. Бестерманом по неточной копии не только орфографией, но и датами сражений, мы воспроизвели основную часть письма (до постскриптума) полностью в разделе II, № 1.

3. Перед словом «Chotzin», начинающим содержание письма, и перед заключительным абзацем (Adieu, Monsieur) в оригинале стоят крупные чернильные полускобки — свидетельство какой-то ранней (возможно, фернейской) первичной в расчете на быструю публикацию) разметки.

4. В постскриптуме Schouvalow «а не: loiv» и действительно les Gazettes Fanatiques. Однако, как специально отмечено еще в Сборнике РИО, X, 382, в черновике стоит les gazettes catholiques.

142. 1769, 25 IX/6 X. От нее же (Mol. 7675, Best. 14957).

Автографы в ЦГАДА — I, 237—238, II, 37. Сборник РИО, X, 378 (под 15 сентября). Подлисецкий, XXV (фрагмент).

Пометки на I: чернилами — «35», карандашом — «237» и «non imprimée», на II — (позднейшей рукой датировка) «Petersbourg Le $\frac{15}{26}$ Septembre 1769».

Отличия от Best. 73, 107—108:

1. Датировка: a St Petersb. ce 25 Sept. 1769.

2. Chotzim.

3—4. 108, 3—5: J'aurais vecu cent ans, et je n'aurais <a ne: . . .ans, je. .> commencée de <a ne: la> guerre.

5. 108, 7: roug действительно отсутствует в письме.

6. Сразу после обращения «Monsieur» в начале письма и непосредственно вслед за «de tème», заключающим весь первый абзац письма, стоят крупные прямоугольные полускобки, т. е. ранняя разметка, как и в предыдущем письме, соответствующая той части, которая не вошла в Кельское и последующие издания.

7—9. Во всем 2-м абзаце письма последовательно была издателями (и, вероятно, копиистом г-жи Дени, тексту которого следует Т. Бестерман) искажена пунктуация, что отражается на ритме. Так, во 2-й строке — roug me venir trouver Monsieur. Je repondrai mal; строки 5—6 — un voyage aussi long et penible <a ne: et aussi pénible>, la delicatesse de Votre santé m'est connue. J'admire . . . и т. д.

10. 108, 8 снизу: написание pardonnerais.

11. 108, 7 снизу: так же reprocherois.

12. В конце письма (после avec laquelle je suis) Caterine.

143. 1769, 13/24 X. От нее же (Mol. 7691, Best. 14990).

Автограф в ЦГАДА — I, 239. Отсутствует в II и в Сборнике РИО. Подлисецкий, XXVII.

Пометки: чернилами — «34»; карандашом — «Lettre 27e», «239» и «non imprimée».

Отличия от Best. 73, 143:

1. Датировка: A. St Peters: ce 13 d'octobre 1769.

2. В 1-й фразе: написание vous dirai.

3. 143, 4: hébien.

Это письмо показательное для искажения дат не только в изданиях (Kehl — «7/18 octobre», Moland — «A Pétersbourg 7—18 octobre»), но, очевидно, и в тех современных копиях, не исключая и копии для г-жи Дени, которая положена в основу издания Бестермана (ср. Best. 73, 143: . . . ce 18/29 p. s./8bre. . .).

144. 1769, 9/20 XI. От нее же (Mol. 7707, Best. 15013).

Автографы в ЦГАДА — I, 240—241, II, 38—39. Сборник РИО, X, 391—393. Подлисецкий, XXIX.

Пометки на I: чернилами — «35», карандашом — «240», «Lettre 29e», «Non imprimée»; на II — « $\frac{29 \text{ oct.}}{9 \text{ nov.}}$ » (характерной рукой, которую издатель Сборника РИО считает рукой неизвестного). В издании Молана, знающего Сборник, дата дана, однако, как 1 ноября!

Отличия от Best. 73, 172—173:

1. Датировка: A St Petersb: ce 9 novembre 1769.

2. 172, 2: написание affligait.

3. 172, 4: написание dont il y aye eüe.

4. 172, перед словами Toute la ressource знак полускобки, совпадающий с началом большой части текста, отсутствующей в черновике и в ранних изданиях. Ср. пункт 10.

5. 172, 12—13: mauvais bruits, je vous ai fait part de tout... — ... у prendre, je ne sais... (ритм).
6. 172, абзац ... de l'Artillerie, Cte Orlof...
7. 173, 1: par l'amitié, le grand Maître et le second, deux de ses freres sont presentement <a не: actuellement>.
8. 173, 6: la poesie de Sa <a не: la> langue maternelle.

9. Оба последних абзаца — издательские. В подлиннике текст идет сплошными строками, без абзацев.

10. Начиная от «et a détergé» (173, 6) и до конца этого абзаца, т. е. до «à vos vers» (173, 9), текст опять заключен кем-то в крупные квадратные скобки. Это так же, как и в пункте 4, в точности соответствует пропуску в тексте Кельского и следующих изданий, притом является вариантом по сравнению с черновиком II, 39.

145. 1769, 15 XII. От Эли де Бомона.

Автограф в VI томе рукописей БВ, лл. 126—128.

Текст и перевод см. в разделе I, № 24.

146. 1769, 13/24 XII. От Екатерины II (Mol. 7715, Best. 15067).

Автографы в ЦГАДА — I, 242—243, II, 40. Сборник РИО, X, 397—399. Подлисецкий, XXXI.

Пометки на I: чернилами — «38» в начале письма; «Impératrice de Russie» — рукой Ваньера на обороте чистого л. 243; карандашом — «Lettre 31e», «242», «non imprimée». Последнее объясняется, вероятно, тем, что и в издании Молана, и в использованном им Сборнике РИО письмо это датировано, как и в черновике II, «13 de novembre»; впрочем, там же пометка: « $\frac{2}{13}$ Nov. <название месяца зачеркнуто и надписано> Dec.».

Отличия от Best. 73, 233—234:

1. Датировка: a St Petersb: ce 13 Decembre 1769.
2. 233, 2: comme la gazette de France la publié <a не: le publie>.
3. 234, 4: Gregoire Gika son frere <a не: son père> et son fils.
4. 234, 5, 6: ... qui у commende, tout ses messieurs passeront leurs carnaval non pas a Venise mais a Petersbourg.
5. 234, 7—8: Il ne reste plus guère de poste dans la Moldavie aux Turks <a не: aux Turks dans la Moldavie>...
6. 234, 9 снизу: Que Dieu <a не: dieu> conserve Moustapha, il conduit <a не: Moustapha. Il conduit> si bien ses affaires que je ne voudrais point que malheur lui arrive, ses amitiés <a не: arrive. Les amitiés>...

7. В заключительной фразе написание ses sentiments <в смысле ces>.

В результате авторской правки в середине письма выброшен пассаж «Moustapha est si humain ... qui fait frémir» и соответственно исправлено «Que Dieu conserve Moustapha» вместо первоначального «le conserve».

147. 1770, 19/30 I. От нее же (Mol. 7755, Best. 15112).

Автограф в ЦГАДА — I, 244—245. Сборник РИО, X, 400—403. Подлисецкий, XXXIII.

Пометки: чернилами — «40»; карандашом — «Lettre 33e», «on n'a pas imprimé depuis ces mots comme nos troupes jusques a ceux-ci à mesme qu'on у touche» (относится к Кельскому изданию; в Сборнике РИО эти места уже вклучены).

Отличия от Best. 74, 43—44:

1. Датировка ce 19 <a не: ce 9/20 n. s.> janvier 1770.
2. 43, 6: ... en valent la reine, qui ne parlent... (здесь qui, очевидно, относится к матросским песням, а не к самим «nos troupes»).
3. 43, последняя фраза 1-го абзаца: J'ai connu <a не: Je connais> ... des ambassadeurs...

4. В той же фразе: qui, quoique de meilleure naissance *«переправлено в чистовике из: à la naissance près; a ne: «quoique des meilleurs meisons».*

5. 43, абзац при словах «Je repète» не нужен.

6. 44, 6: ... imprimées dans les gazettes, le printemps montrera le reste.

7. 44, 18: ... au comte Schouvalof l'article de votre lettre Monsieur qui le regarde *«a ne: ... lettre qui le regarde».*

8. Предпоследняя фраза: Puisque Monsieur mon exactitude...

148. 1770, 28 I. Г-же Дю Дефан (Mol. 7766, Best. 15126).

Черновик неизвестной рукой в VII томе рукописей БВ, лл. 124—125 с правкой Вольтера и тремя разметками абзацев.

Ф. Косси безосновательно считает, будто письмо написано рукой Бижекса.

Отличие от Best. 74, 64:

Дата: 28 janv. 1770 a ferney.

149. 1770, 21 II. Ей же (Mol. 7792, Best. 15176).

Копия Ванбера в VII томе рукописей БВ, лл. 126—127 с двумя поправками Вольтера: во 2-й фразе письма «j'obstine» переправлено на «je m'obstine»; в 4-м абзаце «que je dois a votre grand tatan» переправлено на «a madame la duchesse de Choiseul». Наверху письма помета «a madame du deffand» тоже принадлежит Вольтеру.

150. 1770, 21 II. Де Монфору (Mol. 7793, Best. 15178).

Копия Ванбера в VII томе рукописей БВ, л. 151.

Отличия от Best. 74, 118:

1. Пометка Ванбера: «à M le Ch de montfort officier d'artillerie, à florac en gevaudan».

2. Дата (рукой Вольтера?) 21^r «a ne: 21^r» fev.: 1770.

3. 118, 10—9 снизу: орфография — «Robert le Diable», «Quatre fils Aumon», «Bibliothèque bleue» — с прописными.

151. 1770, 1/12 III. От Екатерины II (Mol. 7805, Best. 15226).

Автограф в ЦГАДА — I, 246—247 лиц. Сборник РИО, X, 405. Подлинский, XXXVI.

Пометки: чернилами — «39», карандашом — «246», «Lettre 36».

Отличия от Best. 74, 169—170:

1. В начале письма: Monsieur. En reponse de «a ne: à» votre lettre...

2. В этой же фразе написание qui se trouve ici.

3. Письмо не имеет абзацев.

4. 169, 6: написание inombrable.

5. 169, 11: d'un corps Turk sous cette place de 15 mille home «a ne: 15 mille hommes s. c. p.» nous avons...

6. 169, 4 снизу: sans de pareils «a ne: s. pareils» inconvenients.

7. 169, 1 снизу: se (в смысле se) vanter...

8. 170, 6: exactement, les «a ne: exactement. Ses» lettres.

9. В заключительной формуле: Soyez assurés monsieur...

152. 1770, 31 III/11 IV. От нее же (Mol. 7845, Best. 15284).

Автограф в ЦГАДА — I, 248—249; Сборник РИО, X, 407—411. Подлинский, XXXVIII.

Пометка чернилами — «33».

Отличия от Best. 75, 18—21:

1. Monsieur, j'ai reçue...

2. Абзацев нет.

3. 18, 7: ce que s'étoient «т. е. «с'étaient», ибо «campagne d'été et celle d'hiver», a ne «s'était».

4. 19, 14: il n'y étoit «a ne: il n'était» pas plus préparé.

5. 19, 17: que de differentes <a не: toutes les> provinces de son Empire se rendroit <a не: rendraient> a Andrianople un million cent mille...

6. 19, 8 снизу: le vingt huit d'Aout sou <или son?> Chotzin.

7. 19, 3 снизу: Babada <a не: Balada; так и в черновике — II, 45 об., хотя это Балта>.

8. 20, 13: finir de sitot <a не: f. sitôt>.

9. От слов «L'ouvrage du code» (= 20,8) до слов «le compte de la Russie» (= 20,8 снизу) текст письма отчеркнут слева.

10. 20, 5 снизу: si messieurs les Venitiens le vouloit...

11. 21, 1: et des <a не: les!> plus appliqués.

153. 1770, 20 IV. Сюдру (Mol. 7860, Best. 15302).

Копия Ваньера в VII томе рукописей БВ, л. 174.

Отличия от Best. 75, 37—38.

1. Дата. ferney 20 avril 1770.

2. 37, 2: 76 ans, <a не прописью>.

3. 37, 3: trois mois de suite passés dans mon lit <a не: trois mois de suite dans mon lit>.

4. 37, 7: corps, ordre подчеркнуты.

5. 37, 10—11: с фразы «C'est qu'un gradué de village...» абзац.

6. Заключительная фраза обрывается на слове «Vôtre».

154. 1770, 5 V. Г-же Дю Дефан (Mol. 7875; Best. 15325).

Черновик Ваньера с поправками и припиской Вольтера в VII томе рукописей БВ, лл. 128—129.

На полях л. 129 черновая запись Вольтера: «lescaut nord | la seine nordest | le rhin du midi | droit au nord | de bale en holland | la meuse au nord | depuis <son com переправлено на sa source, зачеркнуто bouchure> jusquaux | terres inondées | la garonne au | nord de s^t | macaire | a son embouchure | le rone droit | du nord au | midy | lelbe de dessau | a magdebourg | va droit au nord | puis au nord ouest | la riviere qui | passe a Stetin | droit au nord | colberg idem | Mozele toujours | au nord | le lizonzo et toutes | les R golfe adriatique | du nord au midi | excepté le po | toutes celles qui se | jettent dans le danube | du midi au nord ou | contre | loder au nord est | le dnepir du | nord au midi | la vistule droit | au nord depuis thorn | le guadalquivir | droit au nord | depuis contillana | la guadiana | du nord au midi».

Отличия от Best. 75, 62—63:

1. Дата 5^e <переделано из 6^e> May 1770, a ferney.

2. 62, 2 снизу: parce que je suis <a не: car je suis>.

3. Подпись: frere françois capucin indigne <a не: Frere François>.

155. 1770, 25 V. Ей же (Mol. 7895, Best. 15355).

Черновой автограф в VII томе рукописей БВ, лл. 120—121.

Отличия от Best. 75, 97—98:

1. Пометка Вольтера: m^e du def. 25 may 1770. Две разметки абзацев.

2. Начало абзаца: Vous aviez <a не: vous avez> voulu.

3. 97, 2 снизу: Je crois le fonds <a не: le fond>.

4. В конце письма: voulez vous bien, Mad^e, avoir la bonté de me mettre a ses énormes pieds <a не: me mettre aux pieds de votre grand'taman>.

156. 1770, 28 V. Графу Шомберу (Mol. 7898, Best. 15357).

Черновой автограф в VII томе рукописей БВ, л. 173.

Пометка Вольтера: M^r le comte de Schomberg 28 mai.

157. 1770, 20/31 V. От Екатерины II (Mol. 7886, Best. 15361).

Автографы в ЦГАДА — I, 327—328; II, 47—48. Сборник РИО, X, 417. Подписецкий, XLl.

Пометки на I: чернилами — «31», карандашом — «327», «non imprimée» и «Lettre 41».

В папке I занимает место, хронологически соответствующее 1773 г. (вследствие ошибочной датировки подлинника «се 20 mai 1773»), чем и объясняется противоречивая карандашная аннотация. По содержанию несомненно относится к 1770 г. На обороте л. 48 в папке II — чернильная пометка «9/20 mai 1770», возможно, лишь списанная с № 41 по Кельскому изданию (черновик не датирован, в конце его карандашная русская датировка «9 мая 1770»).

Отчеркивания на полях чистового экземпляра.

158. 1770, 1 VI. Г-же Дю Дефан (Mol. 7902, Best. 15363).

Незаконченная копия Ваньера в VII томе рукописей БВ, л. 132.

Пометка Ваньера: «à Mad^e Du Deffant 1er Juin 1770».

Начиная с фразы «Je lui ai envoyé...» до конца письма текст в рукописи отсутствует.

159. 1770, 27 V/7 VI. От Екатерины II (Mol. 7897, Best. 15387).

Автографы в ЦГАДА — I, 250—251; II, 49—50. В Сборнике РИО, X отсутствует (причем на стр. 422 это оговорено). Подлисецкий, XLII.

Пометки на I: чернилами — «32», карандашом — «250» и «27 mai 1770».

В II — датировано: «Czarsko Sélo $\frac{26 \text{ mai}}{6 \text{ juin}}$ 1770».

Отличия от Best. 75, 129—130:

1. 129, 11: que les autres; la plupart. . .

2. 129, 5 снизу: dans peu la reduction.

3. 129, 2/1 снизу: a «a ne: en» cette occasion mais on n'en avait point encore de «a ne: le» detail.

4. Там же вставлена чернилами вертикальная черта и слово «etc» — рукой, весьма напоминающей вольтеровскую; в таком случае отчеркивания того типа, как и в письме № 157, могут быть приписаны Вольтеру.

5. 130, 5: les nouvelles que j'aurai «a ne: aussitot que j'aurai».

6. В приписке, конец: les lieux dont on nous a tant battu «a ne: rabattu» les oreilles dans notre enfance «a ne: jeunesse».

160. 1770, 20 VI. Г-же Неккер (Mol. 7930, Best. 15420).

Черновой автограф в VII томе рукописей БВ, лл. 152—153.

Пометки: «20 (?) Juin à Ferney», «imprimée», a Me Nekker»; первая, возможно, принадлежит Ваньеру.

Отличия от Best. 75, 167:

1. Перед текстом имеются стихи, в издании Молана предпосланные письму к Даламберу от 21 июня 1770 г., для чего оригинал черновика последнего не дает основания (см. № 161 и примечание Бестермана к Best. 15425). Они несомненно не только по первичному замыслу относятся к настоящему письму, но составляют его органическую часть, так как без них прозаический текст получает совершенно нескладное начало.

2. Самые эти стихи, по-видимому, изданы небезупречно. В оригинале первое четверостишие («Vous qui... en donnez») написано гораздо крупнее всего прочего текста на л. 152, и вслед за ним стоит значок вроде крестика, а на обороте чистого л. 153 (в перевернутом положении) написано — тем же крупным почерком! — еще одно четверостишие («ce nest pas moi que lon contemple | Sous le beau ciseau de Pigal | cest vous, cest cet illustre exemple | qu'on donne a mon pays natal. | cest»).)

Если, принимая во внимание пунктуацию, трудно предлагать новый связный текст этих стихов, к тому же получающийся несколько растянутым, то все же ход композиции можно себе представить следующим. Письмо начиналось с сообщения-полувопроса.

«Save зачеркнуто» vous saurez que dans ma retraite
est venu phidias pigal,

<зачеркнуто et quil petrit> pour dessiner loriginal
 de mon vieux et petit squelete;
 <car переправлено на> chacun <зачеркнуто on> rit <зачеркнуто au>
 <надписано vers le> mont jura
 en voiant ces honneurs insignes.
 Mais la france entiere dira
 combien vous seuls en eties dignes.

Вероятно, при перечитывании черновика Вольтер захотел развернуть содержание последних строк и добавил (на обороте сложенного листа):

Ce nest pas moi que lon contemple
 Sous le beau ciseau de Pigal
 cest vous, cest cet illustre exemple
 qu'on donne a mon pays natal.
 cest,

а затем при взгляде на начало письма продолжал уже наверху 1-го листа над прежними стихами:

vous qui chez la belle hippatie
 tous les vendredis raisons
 de vertu et de philosophie,
 et <зачеркнуто des> tant d'exemples en donnez. . .

Последовала запятая, а под строкой — крестик, что могло означать и переход к тем строкам, которые были написаны на обороте, но оказывались неподходящими для начала. Однако и в таком виде получалось слишком торжественно, и, вероятно, сам Вольтер отбросил отсутствующие в изданиях строки, связав непосредственно обращение с информацией (первоначально издательской, но теперь объективной) о приезде Пигала.

3. Стр. 6 прозы, 8-я строка письма: fera sourire quelque philosophe <a ne: quelques philosophes> et refroidira <a ne: refroidira!> . . .

4. Конечная формула «Mille tendres obeissances à M. Necker» в черновике отсутствует.

161. 1770, 22 VI. Даламберу (Mol. 7931, Best. 15425).

Черновик Ваньера в VII томе рукописей БВ, лл. 101—102. В последней фразе стилистическая правка Вольтера.

Отличие от Best. 75, 171—172:

172, 15 снизу: que grand <a ne: bon> artiste.

162. 1770, 13 VII. Екатерине II.

Копия в ЦГАДА — I, 44—45.

Текст и перевод см. в разделе II, № 2.

163. 1770, 24 VII. От Лалли-Толандаля Марену.

Автограф в VI томе рукописей БВ, лл. 131—132.

Текст и перевод см. в разделе I, № 25.

164. 1770, 21 VIII/1 VIII. От Екатерины II (Mol. 7966, Best. 15542).

Автограф в ЦГАДА — I, 252—252а (чистый). Сборник РИО, XIII,

22. Подлисецкий, XLVI.

Пометки: чернилами — «28»; карандашом — «252», «Lettre 46». На обороте чистого 252 л. рукой Вольтера: «Imperatrice de Russie».

Отличия от Best. 76, 78:

1. le Cte Roumenzof <a ne: comte de Roumentzouff>.

2. 78, 8: se trouverent maitres <a ne: maîtresses> du champ . . .

3. Ряд частных орфографий и пунктуации.

165. 1770, 6 VIII. «Записка» Лалли-Толандаля.

Автограф в VI томе рукописей БВ, лл. 139—144.

Текст см. Приложение № 1, комментарий — стр. 394—402.

166. 1770, 2/13 VIII. От Екатерины II (Mol. 7981, Best. 15565).

Автограф в ЦГАДА — I, 253—254. Сборник РИО, XIII, 25—26. Подлинский, XLVII.

Пометки: чернилами — «27», карандашом — «253» и «Lettre 47».

Отличия от Best. 76, 102—104:

1. Датировка: ce 2 d'aout 1770.
 2. 102, 1 снизу: Tente *<a ne: tentes>* et artillerie.
 3. 103, 4: sur celle *<a ne: sur l'armée>*.
 4. 103, 7: les *<a ne: leurs>* bagages.
 5. 103, 10—11: pas une seule personne de marque de tués *<a ne: tuée>*.
 6. 103, 12—13: faire marechal pour cette victoire — без запятых.
 7. 103, в конце абзаца: à vingt cinq verstes du Danube.
 8. 103, в конце следующего: quelle n'a pas coulée *<a ne: qu'elle n'a pu couler>* au fond.
 9. 103, 13 снизу: ... Brahilow, Si non que S'est...—...sur le bord *<a ne: les bords>* du Danube.
 10. 103, 4 снизу: Sa *<a ne: Son>* Hautesse.
 11. 103, 2 снизу: vers ce *<a ne: le>* jour.
 12. 103, последние слова: si ils ne le *<a ne: s'ils ne se>* desabuseront.
167. 1770, 9/20 VIII. От нее же (Mol. 8003, Best. 15587).

Автографы в ЦГАДА — I, 255—256; II, 60—62. Сборник РИО, XIII, 27. Подлинский, XLIX.

Пометки на I: чернилами — 26, карандашом — «255», «Lettre 49».

Отличия от Best. 76, 124—126:

1. Датировка: ce $\frac{9}{20}$ d'Aout 1770.
 2. 124, 7: s'est sauvé *<a ne: se sont sauvés>*.
 3. 124, 9—10: prisonniers en *<a ne: dans>* cette occasion.
 4. 124, 7 снизу: Cte Roumenzof *<a ne: comte de Roumiazof>*.
 5. 124, текст, соответствующий отрывку «...et que seulement (124, 3 снизу) ... Flotte Turque» (125, 5), отчеркнут на полях чернилами (Вольтером?).
 6. 125, 7: S'est *<в смысле c'est>* une bonne chose.
 7. 125, 15 снизу: ses guerres *<в смысле ces guerres>*.
 8. 126, 5: de Sparte, nous parlerons.
 9. 126, 6: Istmique.
 10. 126, 7: d'Ismail; voici ...
 11. 126, 15: qu'il *<a ne: qu'il en>* pourrait trouver... .
 12. В той же фразе: au *<a ne: en>* cas qu'il ne put effectuer sa promesse *<a ne: ses promesses>*... venoit... .
 13. 126, 18: mettre bas Armes *<a ne: bas les a.>*
 14. Там же: que l'Imperatrice *<a ne: I. de Russie>*.
 15. 126, 20: a croire.
 16. 126, 21: Empires. A la suite.
 17. 126, 22: Turks.
 18. 126, 8 снизу: 27 juillet cet a dire.
 19. 126, 7 снизу: prisonniers et depuis l'année... .
 20. 126, 5 снизу: Cte... Brahilow.
 21. 126, 3 снизу: En bien *<a ne: Hé bien>*.
168. 1770, 22 VIII. Канцлеру Мопу (Mol. 8005, Best. 15588).

Черновик Ваньера в VII томе рукописей ББ, л. 148. В заголовке: а M^r le chancelier de Maureou *<a ne: а M. le conseiller Maureou>*.

169. 1770, 18/29 VIII. От Екатерины II (Mol. 8011, Best. 15600).

Автограф в ЦГАДА — I, 257—257а. В II и Сборнике РИО нет. Подлинский, LI.

Пометки: чернилами — «25», карандашом — «257» и «Lettre 51e». На обороте чистого л. 257а наверху рукой Вольтера: «imperatrice de Russie».

Отличия от *Best. 76, 143—144*:

1. Датировка: се $\frac{18}{29}$ d'Auguste 1770.
 2. 143, 1 снизу: la rivière Farse <а не: Tanzo>.
 3. 144, 2: prince Imirete agit avec le Susdits Comte <т. е. с Тотлебенем, а не: les s. comtes — о коих и речи не было>.
170. 1770, 7 IX. Герцогу де Шуазель (Mol. 8019, *Best. 15616*).

Черновик Ваньера с правкой Вольтера в VII томе рукописей БВ, л. 94.

Отличие от *Best. 76, 188*:

188, 2-й абзац: Dieu me préserve de croire des Lettres <а не: préserve des Lettres>.

171. 1770, 1/11 IX. От Екатерины II (Mol. 8026, *Best. 15625*).

Автографы в ЦГАДА — I, 258—259; II, 57—58. Сборник РИО, XIII, 31—37. Подлисецкий, LVII.

Пометка на I: чернилами — «24».

Отличия от *Best. 76, 164—167* (кроме мелких многочисленных отличий в орфографии и пунктуации):

1. Датировка: а St Petersburg се $\frac{1}{11}$ Sept. 1770. (В II — проставлено лучше согласуемое с 11 сентября по новому стилю «31 auguste», но эта дата в черновике не написана Екатериной, а внесена рукой архивиста или публикатора).

2. 165, 9 снизу: le 20 juin.
3. 165, 8 снизу: Niksia <а не: Meksia>.
4. 165, 5 снизу: cependant si l'occasion s'en presente je suis persuadée <а не: serependant je suis p.>.
5. 165, 4 снизу: Ctes Orlofs <а не: comtes Ozlof> ne negligeront point de faire leurs devoirs <а не: leur devoir>.
6. 165, 2 снизу: rien ne leur manque, s'est une race. . .
7. 166, 1: un exemple bien rare, l'amitié. . .
8. 166, 9: ni maladie dans son <а не: le> Camp; les deux Armées . . .
9. 166, 14 снизу: à n'avoir plus des <а не: d'> envieux.
10. 166, 11 снизу: au Turks. Mon Armée.
11. 166, 10 снизу: S'est un <а не: une> oeuvre.
12. 167, 3—4 — без абзаца.

172. 1770, 15 IX. От Марена (*Best. 15631*).

Автограф на отдельном листе, вложенном в экземпляр V тома «Histoire Générale du Languedoc» в составе БВ (BV 3440).

Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст — 442—443, перевод и комментарий — 411—414.

173. 1770, 20 IX. От Дора (*Best. 15641*).

Автограф во II томе рукописей БВ, л. 66.

Опубликовано в сб. «Вольтер», 1948 г.: текст — 443—444, перевод и комментарий — 414—415.

174. 1770, 10/21 IX. От Екатерины II (Mol. 8026, *Best. 15643*).

Автограф в ЦГАДА — I, 260. Подлисецкий, LV.

Пометки: чернилами — «23», карандашом — «260» и «Lettre 55e».

Отличия от *Best. 76, 183*:

1. Датировка: се $\frac{10}{21}$ de Septembre 1770.
2. 183, 3: I mail.
3. 183, 9: 33 <а не: 23> vaisseaux.

4. Последние слова перед подписью: et d'être assuré de la mienne <а не: assuré, etc.>

175. 1770, 16/27 IX. От нее же (Mol. 8032, Best. 15652).

Автограф в ЦГАДА — I, 261. Сборник РИО, XIII, 38. Подлисецкий, LVII.

Пометки: чернилами — «22», карандашом — «261» и «Lettre 57e».

Отличия от Best. 76, 198—200:

1. Датировка: а St: Petersb: ce $\frac{16}{27}$ <а не: 16/17> Sept. 1770.
 2. 198, 7: qui sont <а не: qui y sont> peris.
 3. 198, 14: Naple <а не: Naples> de Romanie ou elle avait été deja harcelée а <а не: par> deux reprises jusqu'a Scio.
 4. 198, разумеется, повсюду (4 раза) Orlof, а не Ozlof.
 5. 198, 13 снизу: 9 vaisseaux... 16 vaisseaux de ligne Ottomans.
 6. 198, 5—4 снизу: de façon qu'ils <а не il, ибо и по смыслу здесь множественное число — оба крыла> ne pouvoit <в значении pouvoient>.
 7. 198, 1 снизу: avait а faire <а не: affaire>.
 8. 199, 2: et de matiere combustible <а не: et autres matieres с.>.
 9. 199, 18: La terre et l'onde trembloit.
 10. 199, 21: 60 canons.
 11. 199, 25: capitaine Krose <а не: с. Russe>.
 12. 199, 10 снизу: fabuleux, cependant cela est vrai.
 13. Вслед за этим 4½ строки письма густо зачеркнуты в чистовике, причем можно разобрать, что там лишь местами было дословное совпадение с черновиком, а в остальном какой-то совсем иной текст, нежели попавший в Сборник РИО, издание Молана и примечания Best. 76, 200. Перед и после этой зачеркнутой фразы стоят знаки квадратных скобок, проставленные чернилами. В таких же скобках, в частности, и текст, соответствующий последнему абзацу Best. 76, 199 (Autre anecdote... — ... а fond).
 14. 200, предпоследняя строка, в приписке: Koslofski.
176. 1770, 8 X. Герцогине де Шуазель (Mol. 8042, Best. 15670).

Черновик Ваньера с правкой Вольтера в VII томе рукописей БВ, л. 96—97.

В 4-м абзаце письма имя «Catherine» исправлено Ваньером из первоначального «Catau».

177. 1770, 12 X. Д'Аржансону (Mol. 8049, Best. 15675).

Черновик Ваньера, правленный Вольтером, в VII томе рукописей БВ, л. 106.

Отличия от Best. 77, 18—19:

1. Заголовок письма: а M^r De Voyer Dargenson, <а не: а M. le marquis de voyer D'Argenson>.
2. 18, 2 снизу: car je ne sais <а не: fais> que douter.
3. В конце письма подпись: V.

178. 1770, 7/18 X. От Екатерины II (Mol. 8054, Best. 15707).

Автограф в ЦГАДА — I, 263. Подлисецкий, LIX.

Пометки: чернилами — «61», карандашом — «263», «Lettre 59e» и «7/18 8bre 1770».

Отличия от Best. 77, 52—53:

1. 52, 4: ... s'est emparé parfaitement de Lemnos, <а не: е. de L.>.
 2. 52, 8: Un peu de ce bonheur encore <а не: encore un peu de ce b.>.
 3. В той же фразе: un sujet nouveau <а не: n. s.> de tragedie.
179. 1770, 9/20 X. От нее же (Mol. 8044, Best. 15691).
- Автограф в ЦГАДА — I, 264—265. В II и в Сборнике РИО не представлено. Подлисецкий, LX.

Пометки: чернилами — «21», карандашом — «Lettre 60e», «9/20 8bre 1770». На обороте (чистом) л. 265 в верхнем правом углу рукой Вольтера: «Lettres de l'Imperatrice | de Russie, et les réponses».

Отличия от Best. 77, 33—34:

1. 33, 3: Смурна.
2. 33, 4: ... ses «в смысле ces» gens la.
3. 33, 8: Cotalis (?).
4. 33, 10 снизу: Moustapha fera «а не: veut faire» l'opiniâtre.
5. 33, 5 снизу: ... aiment la rapine mieux que la liberté, ils «а не: Ils» seront perdus à jamais si ils «а не: s'ils» ne profitent.

6. 34, после даты се $\frac{9}{20}$ d'Octobre «а не: 8bre 1770, без букв P. S., текст Dans ce moment, и т. д., причём сдача Аккермана помечена точно: le 26 Sep. n. St. «а не: 26 7bre ancien style!».

7. Там же, Brailow.

180. 1770, 9 XI. Екатерине II.

Копия в ЦГАДА — I, 62—63. (Приложенная к этому письму справка — там же, л. 4).

Текст и перевод см. в разделе II, № 3.

181. 1770, ноябрь. Христиану VII, королю Дании (Mol. 8104, Best. 15724).

Копия Ваньера в VII томе рукописей БВ, л. 77.

Отличия от Best. 77, 268—269:

1. Даты нет. Пометка Ваньера: Au Roi de Dannemarck.
2. 268, начало 2-го абзаца: Je suis pret «а не: prest».
3. В конце письма: Sire de Votre Majesté Le tres h. t. o. et tres obligé.

182. 1770, 4/15 XII. От Екатерины II (Mol. 3121, Best. 15798)

Автографы в ЦГАДА — I, 266—267; II, 63—66. Сборник РИО, XIII, 46—47. Подлисецкий, LXXVI.

Пометки на I: чернилами — «4», карандашом — «266». «Lettre 66e»; на II — «Petersbourg 2/13 X^{bre} 1770».

В Сборнике РИО на стр. 46 оговорено: «перед этим письмом недостает здесь (т. е. в II, — В. Л.) двух писем Императрицы к Вольтеру: от 29 сентября (9 октября) и 7 (18) октября, напечатанных в прежних собраниях этой переписки. За ними должно следовать помещенное ниже, на стр. 51 (т. е. начинающееся словами «Je n'ai roug aujourd'hui» ноябрьское письмо, Best. 15741, — В. Л.), письмо, неверно помеченное в подлиннике».

Отличия от Best. 77, 153—155:

1. 153, 9 снизу: s'enfut avec son monde. . .
2. 153, 5 снизу: en revange.
3. 154, 12: que j'ai etablie.
4. 154, 13 снизу: Trajette.
5. 154, 11—10 снизу: qu'il avait preparé; dans un appartement attendant à sa salle on avait dressé un Theatre. . . «а не: ... preparé, dans un app. att. à la s. On avait dressé. . .».
6. 154, 6 снизу: vingt un appartement etoit.
7. 155, 4: on parfume tout le monde, jusqu'a etouffer «а не: ... monde jusqu'a. . .».
8. 155, 8: ... la ferai parvenir, Monsieur, la mauvaise conduite. . .
9. 155, 6 снизу: Les ouvrages d'horlogerie fait a ferney ne manqueront point de debit chez nous ils n'ont qu'a venir nous nous accorderons «а не: accomode-gons». Эта фраза в начале и в конце слегка обведена пером.

183. 1770, 17 XII. Д'Ажинкуру (Mol. 8127, Best. 15812).

Черновик Ваньера, правленный Вольтером, в VII томе рукописей БВ, л. 105.

Дата: 17. X^{bre} 1770. a ferney.

184. 1770, 12/23 XII. От Екатерины II (Mol. 8141, Best. 15910).

Автограф в ЦГАДА — I, 268—269. Подлисецкий, LXVIII.
Пометки: чернилами — «2», карандашом — «268» и «Lettre 68e».

Отличия от *Best.* 78, 6—7:

1. Датировка: Се $\frac{12}{23}$ Dec. 1770 (а не 23 по старому стилю, автоматически переведенная Т. Бестерманом в 3 января 1771 г. по новому стилю; справедливо упрекая кельских издателей в произвольном оперировании стилем и неоднократно подчеркивая, что царица датировала по старому стилю, Бестерман в данном случае, как и в ряде других, разошелся с действительностью).

2. 6, 7: ... sanguinaire mais on prétend...

3. 6, 9: Son frere est moins <a не: moins imprudent!> que lui.

4. 6, 2 снизу: ... sans tête, cela n'était point du tout plaisant <a не: s. tête. Се qui n'était p. du t. p.>.

5. 7, 6—7: Ppropaganda (с прописной буквы).

6. В начале постскриптума букв P. S. нет.

7. В первой его строке написано: quantites.

185. 1770, 24 XII. Де Сэ (Mol. 8142, *Best.* 15835).

Копия Ваньера в VII томе рукописей БВ, л. 170.

Пометка Ваньера: à Mr le comte de Say <a не: de Fouy> a ferney 24 X^{bre} 1770.

186. 1771, 23 I/3 II (?). От Екатерины II (Mol. 8187, *Best.* 15967).

Автографы в ЦГАДА — I, 270—271; II, 67. Сборник РИО, XIII, 59. Подлисецкий, LXX.

Пометки на I: чернилами — «60», карандашом — «270», «Lettre 70e» и «25 J^{er} 1771»; на II — «в конце 1770 или начале 1771», St Petersburg

$\frac{12}{23}$ J^{er} 1771». Последняя дата производит впечатление первоначальной, в соответствии с ней в Сборнике РИО письму присвоена дата 12 (23) января.

Отличия от *Best.* 78, 71—72:

1. 71, во второй фразе: Крауова... Olla <a не: Olla>.

2. J'ai reçu vos livres — без абзаца.

3. 71, 7 снизу: la page dix sept, je serais...

4. 71, 5/4 снизу: n'a plus voix <a не: de voix> au chapitre.

5. 71, 3/2 снизу: ... personnelles, du moins pour le bon sens <a не: pour le bien du bon sens>.

6. 72, 6: Tchoglokof <a не: Tochoflokef> ...

7. 72, 5 снизу: ... Constantinople, qu'elle (!) est la piece...

8. Je suis toujours — без абзаца.

9. Конец письма — de vos Amie.

10. Дата: à Petersb. ce 23e janvier 1771.

187. 1771, 3/14 III. От нее же (Mol. 8245, *Best.* 16049).

Автографы в ЦГАДА — I, 272—274; II, 69—71. Сборник РИО, XIII, 67—73. Подлисецкий, LXXII.

Пометки: на I — чернилами — «59», карандашом — «272» и «Lettre 72e» на л. 272, а на л. 274 — тот же номер 59 чернилами и «Suite de la lettre du $\frac{3}{14}$ de mars 1771» карандашом; на II — «Petersbourg $\frac{2}{14}$ mars 1771».

Отличия от *Best.* 78, 164—167:

1. Датировка: a St. Petersburg: ce $\frac{3}{14}$ de mars 1771.

2. 164, 5: et 8 fevreier <a не: du 8 février>.

3. 164, 16: fete, danse <a не: fêtes, danses>.

4. 164, 8 снизу: sans je croit qu'il sut bien...

5. 164, внизу весь абзац не разбит на отдельные фразы и разделен лишь запятыми.

6. 165, 1: ... d'eau. Que l'Eglise grecque ne sait <a не: fait; так же и в III) que se <в смысле se> defendre.

7. 165, 17: ... au Sultan, en attendant. . .

8. 165, 18: Un de nos navires <a не: vaisseaux> amena.

9. 165, 19: ... comte Orlof <a не: Ozlof>; celui ci defendit.

10. 165, 20: ... les chambres de femmes.

11. Там же: ... six ans, il <a не: six ans, et lui>.

12. 165, 12 снизу: Roumenzof

13. 165, 9 снизу: leurs noms m'est (!).

14. 165, 7 снизу: leurs generosités s'est (!).

15. 165, 6 снизу: Je suis ce Turc <a не: le Turc>.

16. 165, 4 снизу: rendre service <a не: r. quelque s.>.

17. 165, 1 снизу: la larme <a не: les larmes> a l'oeil.

18. 166, 5: a conivés <a не: commencé>.

19. 166, 19: Таганрок <a не: Tugansok>.

20. 166, 6 снизу: ... Sept Tours (l'internonce de vienne est mort de ses <в смысле ces> meurtrissures).

21—28. 166, последние три строки: ... le Chevalier Tot son soutient, ce dernier sera etranglé un jour, le visir Mehemet l'a bien été quoiqu'il eu sauvé la Vie au Sultan et qu'il étoit beau fils de ce Prince.

29—30. 167, 1—2: ... debités, la troisieme campagne. . .

188. 1771, 1/12 IV. От нее же (Mol. 8264, Best. 16114).

Автографы в ЦГАДА — I, 276; II, 76—79. Сборник РИО XIII, 76—78. Подлисецкий, LXXIV.

Пометки на I: чернилами — «1», карандашом — «276», «Lettre 74e» и (поверх стертого) «Imprimée dans la correspond^{ce} de Voltaire avec Catherine Ed^{on} de Kell.»; на II — $\frac{31 \text{ mars}}{11 \text{ avril}}$ 1771».

Отличия от Best. 79, 30—31:

1. Датировка: се $\frac{1}{11}$ d'Avril 1771 (ср. пометку на II и датировку Best. 16114: «11 (22) avril»).

2. 31, 3: Turno.

3. 31, 4: Georgeva (в II — Georgova).

4. 31, 5: et quatre mille au moins ont été noyes <a не: ... quatre mille ont été. . .>.

5. 31, 9: Gospodar in partibus qu'il fit. . .

6. 31, 10: la Valachie presque entiere <a не: entierement> entre nos mains.

7. 31, второй абзац: ... du nouveau Roy de Suede, proches parent, proche voisins, il faut esperer que nous viverons. . .

8. 31, предпоследняя строка: Преображенски.

189. 1771, 20/31 V. От нее же (Mol. 8294, Best. 16114).

Автограф в ЦГАДА — I, 277—278. Подлисецкий, LXXIX.

Пометки: чернилами — «II», карандашом — «277» и «Lettre 79e».

Отличия от Best. 79, 91—93:

1. Вначале обращение: «Monsieur».

2. 92, 4—5: On veut un parlement. On en a un.

3. 92, 12: ... tous les écrits du parti opposé <a не: ... écrits qu'on publie du parti o.>.

4. 92, 16: Y a t il un exemple <a не: exemple dans l'histoire> que les Turcs.

5. 92, 19: Roumenzof in Orlof <a не: Ozolf!>.

6. 92, 15 снизу: Jisakchi.

7—8. 92, 12 снизу: otre 51 <a не: 61> canons de bronze dont il a encloué la moitié et puis <a не: moitié. Puis> il est revenu

9. 92, 5 снизу: ... fournira aux antiquaires futurs sujet a quelque dissertations...

190. 1771, 23 V/3 VI. От нее же (Mol. 8301, Best. 16187).

Автографы в ЦГАДА — I, 279—280; II, 80—84 (с пометкой: 24 mai 1771). Сборник РИО, XIII, 100—104. Подлисецкий, LXXX.

4 juin
Пометки на I: чернилами — «12», карандашом — «279», «Lettre 80e».

Отличия от Best. 79, 105—107:

1. Датировка: ce $\frac{23 \text{ mai}}{4 \text{ juin}}$ 1771.

2. 105, 2: votre lettre du 6 de mai.

3. 105, 4: vous rendrai *«в смысле rendraient»* la santé.

4. 105, 2 снизу: disputes rabatues.

5. 106, 4: Le croiriez vous Monsieur?

6. 106, 11: devrai *«в смысле devraient»* le rendre sage.

7. 106, 15: ils en font trop a croire a ces barbons *«a ne: barbares»*.

8. 106, 10 снизу: vos fabricants et leur *«a ne: votre»* fabrique.

9. Все, что вошло в этот абзац (стр. 106/107) и было выделено Екатериной II в виде отступов внутри строки — отчеркнуто чернилами в начале и в конце абзаца.

191. 1771, 4 VI. От маркизы д'Антремон (Best. 16189).

Автограф во II томе рукописей БВ, л. 312.

Текст и перевод см. в разделе I, № 26.

192. 1771, 15 VI. М. Яблоновской, княгине де Тальмон (Mol. 8308, Best. 16203).

Черновик Ваньера в VII томе рукописей БВ, л. 175.

Последняя фраза первого абзаца — les personnes de vôtre sexe... dignes de votre estime — отчеркнута на полях волнистой чертой.

193. 1771, 10/21 VI. От Екатерины II (Mol. 8320, Best. 16218).

Автограф в ЦГАДА — I, 281—283.

Пометки: чернилами — «80» (на л. 281), «76» *«зачеркнуто»*, Suite Du 80» (на л. 283); карандашом — «281», «non imprimée».

Отличия от Best. 79, 137—139:

1. Датировка: ce $\frac{10}{21}$ juin 1771.

2. 137, 1: Tchesme.

3. 137, 3—4 снизу: pour le repos de son âme, mais avant.

4. 138, 6: Ce qui m'a privé du plaisir ce jour la *«a ne: ... privé ce jour là»* de l'étendre de mes mains...

5. 138, 13: ... est admirable, la guayeté qui regne dans ses sermons la, les rend bien efficace et preserve les Auditeurs de l'ennuy...

6. 138, 15: Vous trouvez dont Monsieur...

7. 138, 16: depourvus du *«a ne: de»* sens commun.

8. 138, 10 снизу: de tous les payens *«a ne: paysans!»*. Речь идет об облагаемых «инородцах» Сибири; быть может, имелось в виду не то, что они язычники, но то, что они payants, т. е. облагаемые. Во всяком случае крестьянами их Екатерина не считала и «paysans» не написала.

9. 138, 9 снизу: ce montoit *«в смысле se montaient»*.

194. 1771, 26 VI/7 VII. От нее же (Mol. 8323, Best. 16244).

Автограф в ЦГАДА — I, 284—285. Подлисецкий, LXXXIII.

Пометки: чернилами — «6», карандашом — «Lettre 83^e — 284».

Отличия от Best. 79, 170:

1. Датировка: ce $\frac{26 \text{ juin}}{7 \text{ juillet}}$ 1771.

2. 170, 7: J'attends dont <вместо donc>.

3. На обороте л. 285 — следы красной сургучной печати, рукой Екатерины II адрес: A Monsieur | Monsieur de Voltaire |, gentilhomme ordinaire du Roy de France | a Ferney.

195. 1771, 19 VII. Графу Андрею Шувалову (Mol. 8335, Best. 16266).

Черновой автограф в VII томе рукописей БВ, лл. 176—177.

Отличия от Best. 79, 190—191:

1. Пометка (Ваньера?): à Mr le Cte de Shouvalof 19 juill. 1771 a ferney.

2. 190, 2 строка прозы: il faut la raison <a не: il faut que la raison> en vienne.

3. 190, 2 снизу: et n'en voudraient jamais avoir d'autre <a не: jamais d'autre>.

4. 191, 21: notre chancelier n'a rien scu je crois de cette sottise <a не: rien su de cette sottise>.

196. 1771, 16/27 VII. От Екатерины II (Mol. 8340, Best. 16272).

Автограф в ЦГАДА — I, 286—287. Подлисецкий, LXXXV.

Пометки: чернилами — «13», карандашом — «286» и «Lettre 85e»,

$\frac{16}{27}$ juillet 1771».

Отличия от Best. 79, 199—200:

1. 199, 4: en trois colonne.

2. 199, 6: le Gl Prince Dolgorouki.

3. 199, 11—10 снизу: ... la separe et prit Arabat <a не: la sépare; il prit Asabat>.

4. 199, 9 снизу: Jenikoul <a не: Jouikoul>.

5. 199, 7 снизу: Dolgorouki <a не: D'Algerouki>; даже Бестерман замечает, что три разных написания этой фамилии в одном письме (копистом г-жи Дени): «is perhaps too much of a good thing».

197. 1771, 22 VII/2 VIII. От нее же (Mol. 8344, Best. 16289).

Автографы в ЦГАДА — I, 288—291; II, 87—89 и (чистовая копия) 85—86, а также 90. Сборник РИО, XIII, 130. Подлисецкий, LXXXVII.

Пометки на I: чернилами — «47», карандашом — «288» и «Lettre 87e». О II — см. стр. 196.

Отличия от Best. 80, 12—15:

1. Датировка: Ce $\frac{22}{3}$ juillet 1771.

2. 12, 2: Taman <a не: Jaman>.

3. 12, 3: Atechou situé <a не: situées>.

4. 13, 5—6: ... lorsqu'elle est attaquée injustement; toute pleine de ces idées.

5. 13, 18: J'ai à faire <a не: affaire>.

6. 13, 22: si ils <a не: s'ils> en sont.

7. 13, 10 снизу: ils se <в смысле se> font sous vos yeux. Monsieur, je me flatte <a не: ... ueux. Je me flatte>.

8. 13, 5 снизу: au coucou <a не: aux coucous>.

9. 14, 1 снизу: exexive.

198. 1771, 14/25 VIII. От нее же (Mol. 8354, Best. 16298).

Автографы в ЦГАДА — I, 292—293; II — 91—92. Сборник РИО, XIII, 145—147. Подлисецкий, LXXXIX.

Отличия от Best. 80, 22—23:

1. Датировка: a St: Petersb : ce $\frac{14}{25}$ d'Auguste 1771.

2. 22, 3: de toute la Crimée, elle a fait.

3. Абзацев нет.
 4. 22, 12: Ses Tartares.
 5. 22, 16: une statue <a ne: une seule statue>.
 6. 22, 11 снизу: le theatre d'Athene.
 7. 23, 5: un temple de Mémoire auquel on arrivera <a ne: arrive> par un Arc de Triomphe, tous les faits importants de la guerre presente. . .
 8. 23, 6 снизу: de Troye, j'ai encore a rebatir.
 199. 1771, 4/15 IX. **От нее же** (Mol. 8367, Best. 16321).
Автографы в ЦГАДА—I, 299—300; II, 93—94. Сборник РИО, XIII, 159—161. Подлисецкий, ХСI.
- Пометки на I: чернилами — «15», карандашом — «Non imprimée», «299» и «Lettre 91e mais commençant à la 14e ligne de ce manuscrit». Автограф II, в первой половине имеющий вид чистового, на малых листах, датирован «се²/₁₃ Septembre 1771».

Отличия от Best. 80, 46—48:

1. Датировка: се⁴/₁₃ Septembre 1771.
2. 46, 1 снизу: ne puis les quitter. Sur votre demande. . . (между этими двумя фразами — отчеркивание).
3. Весь вопрос «s'il est vrai que. . .» подчеркнут самой Екатериной.
4. 47, 6, 10 и 14 — Giurghi.
5. 47, 17: Univers (с прописной буквы и подчеркнуто).
6. 47, 4 снизу: Somorokof <a ne: Somosokef>.
7. Там же: Tobolsk <a ne: Tobolok>.
200. 1771, 23 IX. **М. Яблоновской, княгине де Тальмон** (Mol. 8218, с отнесением к 23 февраля; Best. 16333).
Черновик (?) Ваньера в VII томе рукописей БВ, лл. 178—179.
Отличия от Best. 80, 59—61:
 1. 3-й абзац и начало 4-го отчеркнуты на полях прямой чертой.
 2. Рукой Вольтера подпись — V.
201. 1771, 6/17 X. **От Екатерины II** (Mol. 8387, Best. 16361).
Автографы в ЦГАДА—I, 294—296; II, 95—99. Сборник РИО, XIII, 175—179. Подлисецкий, ХСIV.
Пометки на I: чернилами — «29», карандашом — «294», «Lettre 94^e».

Отличия от Best. 80, 84—87:

1. Датировка: a St. Petersb: ce⁶/₁₇ d'Octobre 1771.
2. 84, 7: qu'on aye pris.
3. 85, 9: своеобразная пунктуация — qu'ils cherchaient. Une partie. . .
4. 85, 13: Jerapkin.
5. 85, 16: devenus bien sage <a ne: sages>.
6. 85, 13 снизу: Le Cte Al: Orlof <a ne: Le cte Orlof>.
7. 86, 2: 63e degré en revange je plaide <a ne: . . . degré. Mais je plaide>.
8. 86, 7: des brasseries immenses, d'eau de vie. . .
9. 86, 12—13: d'espece excellente.
10. 86, 17: Jaspes. . .
11. Там же: qu'on y trouve, il y a. . .
12. 86, 5 снизу: faussile.
202. 1771, 12 XI. **Густаву III, королю Швеции** (Mol. 8404, Best. 16387).
Собственноручная копия в VII томе рукописей БВ, л. 76.
Датировки в начале письма нет. Пометка Вольтера: «Au Roy de Suede 12 nov^b 1771».
203. 1771, 25 XI. **Кардиналу де Берни** (Mol. 8417, Best. 16428).
Копия Ваньера в VII томе рукописей БВ, лл. 85—86.

Отличия от Best. 80, 153—154:

1. Пометка Ваньера: а Мг <зачеркнуто: De> le cardinal de Bernis.

2. Датировка в начале письма: а ferney 25 9bre 1771 <а не: le 27 novembre>.

204. 1771, 18/29 XI. От Екатерины II (Mol. 8419, Best. 16436).

Автографы в ЦГАДА — I, 301—302; II, 102—104. Сборник РИО, XIII, 189. Подлисецкий, ХСVIII.

Пометки на I: чернилами — «16», карандашом — «301» и «Lettre 98».

Отличия от Best. 80, 161—163:

1. Датировка: à St: Petersb: ce $\frac{18}{29}$ Novembre 1771.

2. (В черновике, II, 102, письмо начиналось: «Monsieur, je repond par cette lettre a deux de votre l'une du 2 l'autre du 18 d'octobre»; этой фразы в чистовом тексте нет).

3. 161, 13—12 снизу: Gen: Ma: Weismann.

4. 161, 4: qui barroit son chemin.

5. 161, 5: Balada <= Балта, а не: Babadag; в II — Babada>.

6. 161, 5: il a pris cette place a battu <а не: et battu> les troupes du visir.

7. 161, 8: ... il ne l'y a pas trouvé, nos troupes legeres se sont portés <а не: ... trouvé. Nos troupes...>.

8. 161, 3 снизу: Gissova <а не: Genova или Chirsova>.

9. 161, 2 снизу: ... comandes par Moursou Oglou ci devant Visir qui s'etoit avancé en Valachie, après la defaite de celui ci Giorgeva fut occupé <а не: réoccupé>.

10. 162, 12: du Khan independant par la Grace de Dieu et les Armes de Russie, de la Crimée.

11. 162, 14: 25 ans.

12. 162, 15: du Six et Septieme volume.

13. 162, 17: dans Vos lettre du 2, et du 18... du 2, de Novembre.

14. 162, 20: Sourton et Bauer.

15. 162, 10 снизу: ... descentes а <а не: descentes, et а> enleve... .

16. Абзац: Ses <в смысле ces> nouvelles.

Примечание. В Textual Note (р. 163) Т. Бестерман отмечает, что отрывок «Mais quelle honte pour vos compatriotes ... que faudra-t-il penser» был исключен Екатериной II из текста цензурированного ею издания Бомарше (ср. стр. 187).

205. 1771, 3 XII. Станиславу-Августу, королю Польши (Mol. 8424, Best. 16443).

Копия Ваньера в VII томе рукописей БВ, л. 78.

Пометка Ваньера: «au Roi de Pologne».

206. 1771, 6 XII. Ему же (Mol. 8429, Best. 16454).

Черновой автограф в VII томе рукописей БВ, л. 79.

Датировки в начале письма нет. Пометка рукой Вольтера: «6 X^{bre} 1771 Au Roy de Pologne Aug. St.».

207. 1771, 28 XI/9 XII. От Екатерины II (Mol. 8426, Best. 16460).

Автографы в ЦГАДА — I, 303—304; II, 108 (без даты, с пометкой Лашкарова: «1771. à la fin de l'année»).

Пометки на I: чернилами — «10», карандашом — «Non imprimée», «303».

Отличия от Best. 80, 189:

1. Датировка: Се $\frac{28 \text{ nov}}{9 \text{ dec}}$ 1771.

2. 189, вторая строка 2-го абзаца: Cavalla <а не: Savolla>.

3. 189, 9—8 снизу: vu le nombre d'Albaniens qui se joint <а не: qui se sont joints> а mes troupes.

4. Две последние фразы: Les maladies de Moscou ont <a ne: sont> presque finie grace au precautions prises et au froid <a ne: aux grand froid>, le C^e Orlof a deja quité Moscou et fait sa <a ne: la> quarantaine dans ses terres.

Penetrés des marques d'amitié que vous me donnés, Vous ne doutés pas j'espere <a ne: je pense> de toute ma reconnaissance. Catherine.
208. 1771, 8/19 XII. От нее же (Mol. 8435, Best. 16475).

Автографы в ЦГАДА — I, 297—298; II, 105—106 (сангиной) и 107—108 (копия, заверенная Лашкаровым). Сборник РИО, XIII, 197—198. Подлисецкий, СII.

Пометки на I: чернилами — «50», карандашом — «297» и «Lettre 102^e».

Отличия от Best. 80, 203—204:

1. Датировка: се $\frac{8}{19}$ Decembre 1771.

2. 203, 1: du 18 Nov. Grace aux arrangements.

3. 203, 3: le 28. Novembre.

4. 203, 5: avec raison, mais il y a encore des malades <a ne: maladies>, le Medecins assurent que les deux tiers en echaperont, ce qu'il y a...

5. 203, 10: dans le coeur et les <a ne: dans les> poumons.

6. 203: абзаца нет.

7. 203, 6 снизу: a quelque contoir d'ici, qui trouveront <a ne: trouvera>.

8. 203, 2 снизу: Finlande, il faudra...

9. 203, 1 снизу: ... cette année, en pareil cas.

209. 1772, 30 I — 1 II/10—12 II. От нее же (Mol. 8475, Best. 16546).

Автографы в ЦГАДА — I, 305—306; II, 109—111. Сборник РИО, XIII, 211—214. Подлисецкий, CV.

Пометки на I: чернилами — «46», карандашом — «305», «Lettre 105e».

Отличия от Best. 81, 66—68:

1. Датировка: се $\frac{30 \text{ jan}}{1. (!) \text{ fevrier}}$ 1772.

2. 66, 2: Poignardini <a ne: Poignardi>.

3. В последних четырех строках стр. 66. совершенно искажена пунктуация и имеются перестановки; это место должно выглядеть так: ... nous gateraient le gout, comment faire? Je n'en sais rien. J'ai recours a Vous, faut il choisir des scenes? Cela est beaucoup moins interessant que des pieces suivies a mon avis. Personne ne saurait en juger mieux que Vous, aides-moi...

4. 67, 8: En verité Monsieur vous me donnes.

5. 67, 9: [vous l'etendez] jusqu'a tous les <a ne: jusqu'a ces> jeunes gens avides de vous voir.

6. 67, 15: qu'il s'explique <вместо не s'explique> pas

7. 67, 7 снизу: [des occasions perdus] ne se retrouvent plus <a ne: point>.

210. 1772, 10 IV. Г-же Дю Дефан (Mol. 8518, Best. 16639).

Копия Ваньера в VII томе рукописей БВ, лл. 133—134.

Отличия от Best. 81, 176—177:

1. Дата: a ferney 10 avril 1772.

2. 177, 14: qui était très fermement <a ne: était fermement>.

3. 177, 18: qu'il est <a ne: qu'il était> très-impertinent.

211. 1772, 30 III/10 IV. От Екатерины II (Mol. 8506, Best. 16641).

Автографы в ЦГАДА — I, 307; II, 112—113 (с пометкой Лашкарова 19 «Le 31 mars 1772»). Сборник РИО, XIII, 223—225. Подлисецкий, СIХ.

Пометки на I: чернилами — «52» и (рукой Вольтера) «imper^t de Russie»; карандашом — «307» и «Lettre 109e».

Отличия от Best. 81, 179—180:

1. 179, 1: ... du 6 de mars.

2. 179, 6: Darta.

3. 179, 8—9: ... rendus tels; oh! que j'aime vos écrits, il n'y a rien...

4. 179, 1 снизу: de precepteurs des <a ne: à des> brigands.

5. 180, 2—3: il ne nous reste plus <a ne: guère plus> que Bisanze.

6. 180, 9: ... en temps de Paix, de trois ans elle n'a imposées...

7. Фраза «Elle les baisait... arriver malheur», исключенная Екатериной II из текста Кельского издания, в оригинале письма слегка отчеркнута, вероятно Вольтером.

212. 1772, 3/14 IV. От нее же (Mol. 8512, Best. 16644).

Автографы в ЦГАДА — I, 309—310; II, 114—117 (с пометкой Лашкарова «Le ^{23 mars} 3 avril 1772»). Сборник РИО, XIII, 225—228. Подлинский, СХ.

Пометки на I: чернилами — «58» (рукой Вольтера) «imp. de Russie —»; карандашом — «309» и «Lettre 110^e».

Отличия от Best. 81, 182—184:

1. Датировка: ce 3 d'Avril v. St. 1772.

2. 183, 3—4: Somorokof <a ne: Somoskof>.

3. 183, 8—9: D'ailleurs ses Demoiselles, je dois l'avouer, sont <a ne: demoiselles sont> charmantes.

4. 183, 10: s'attireraient <a ne: s'attireront>.

5. 183, 15 снизу: qu'une chambrée <a ne: chambre> entière...

6. 183, 11 снизу: leur états.

7. 183, 9 снизу: ne ride point l'adolescence, ses roles ont été un peu froid...

8. 183/184: ... frere du Chan tres independant de la Crimée, par la grace de Dieu et les armes de la Russie.

9. 184, 4: pendant deux heures, pour voir danser.

10. 184, 6: voici comme on s'y prend, il y a une très grande salle...

213. 1772, 23 V. Де Рошфору (Mol. 8549, Best. 16698).

Черновой автограф в VII томе рукописей БВ, л. 164.

Даты в начале письма нет. Пометка Вольтера: a Mr le c^{te} de Rochefort.

214. 1772, 5 VI. Г-же Дю Дефан (Mol. 8556, Best. 16714).

Копия Ваньера в VII томе рукописей БВ, лл. 135—136. Л. 135 чистый, имеет только пометку Ваньера: «a Mad^e. La m^{isc} Du Deffant».

Конечная фраза письма «vous savez combien elles me sont cheres» приписана Вольтером.

Отличия от Best. 82, 56—57:

1. Дата: 5 Juin 1772. a ferney.

2. 56, 5: qui en sortent sans savoir pourquoi <a ne: ni pourquoi> ni comment.

3. 56, 8: qui a sougu dans tout <a ne: sougu tout> Paris.

4. В конце письма, после указанной приписки, подпись Вольтера — V. 215/347. 1772, 29 VI. И. И. Шувалову (Mol. 8567, Best. 16739).

См. ПВ, стр. 384. Текст был по подлиннику (местонахождение которого ныне неизвестно) опубликован еще за полвека до Молана Н. Д. Иванчинным-Писаревым в книге «Отечественная галерея, с прибавлением некоторых других сочинений», М., 1831, стр. 162 сл. Ср.: М. П. Алексеев. Из истории русских рукописных собраний. Сб. «Незданые письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний», М.—Л., 1960, стр. 112.

216. 1772, 6/17 VII. От Екатерины II (Mol. 8574, Best. 16775).

Автографы в ЦГАДА — I, 311; II, 118—119 (с пометкой Лашкарова «à Peterhoff le ^{25 juin} 6 juillet 1772»).

Пометки на I: чернилами — «65» и (рукой Вольтера) «lettre de L'impere^e de Russie», карандашом — «311» и «Lettre 112e».

Отличия от Best. 82, 130—131:

1. Датировка: a Peterhof ce 6 juillet 1772.
 2. 130, 3: Czarskoçela.
 3. 130: от слов «Mes cedres» и до «dans ma plantomanie» отчеркнуто на полях, вероятно Вольтером.
 4. 130, 10—9 снизу: (l'armistice pour le Danube..) a été signé le 19 mai <a не: 9bre v. st.
217. 1772, 11/22 VIII. От нее же (Best. 16815).

Автограф в ЦГАДА — I, 312.

Пометки: чернилами — «9» и (рукой Вольтера) «imp. de Russie», карандашом — «312» и «non imprimée».

Текст и перевод см. в разделе II, № 4.

218. 1772, 12/23 IX. От нее же (Mol. 8624, Best. 16867).

Автографы в ЦГАДА — I, 313—314; II, 121—122 (с пометкой Лашкарова: Le $\frac{1}{13}$ Sept. 1772). Сборник РИО, XIII, 266—269. Подлисецкий, СХVI.

Пометки на I: чернилами — «17», карандашом — «313» и «Lettre 116».

Отличия от Best. 83, 38—40:

1. Датировка: Ce 12 Sept: 1772.
 2. Пунктуация во второй фразе: ... de rompre le congrès de Fokchanu, la trêve finit...
 3. 39, 7 снизу: ... qu'ils ont été obligés de signer <a не: qu'ils ont signé>.
219. 1772, 3/14 X. От нее же (Best. 16899).

Автограф в ЦГАДА — I, 315 и 316 (отдельный обрезанный листок, с пометкой чернилами — «8» и карандашом — «316»). В II, Сборнике РИО, Moland и у Подлисецкого отсутствует.

Пометки: чернилами — «8», «double Employ», карандашом — «315» и «non imprimée».

Отличия от Best. 83, 71—72:

1. Датировка: ce 3 d'Octobre 1772.
 2. В тексте письма две незначительные особенности написания и одно существенное пунктуационное отличие: в строке 12 после фразы, опровергающей басни об условиях Прутского мира, точка: La Paix du Pruth ne contient aucun Article pareil. Toutes les conquêtes faites depuis 1698...
 3. В тексте выписки — ответа Академии Наук — много искажений: Le Flamand ou Flambant <a не: flambant>, — Krasnoi Gous <a не: Krasneigour>, — envoyé d'Ouffa <a не: Erifla>, — Orenbourg <a не: Ozembourg>, — au depend <место aux dépens>, — dans la 28 parties <a не: 18 partie>. В последнем абзаце описки: etetendue.
220. 1772, 17/28 X. От нее же (Mol. 8649, Best. 16920).

Автографы в ЦГАДА — I, 317—318; II, 123—124 (с пометкой Лашкарова: Le $\frac{6}{17}$ Octobre 1772). Сборник РИО, XIII, 277—279. Подлисецкий, СХVIII.

Отличия от Best. 83, 96—97:

1. Датировка: Ce 17 d'octobre 1772.
2. Абзац в подлиннике только один (97, 3-й: Les raisonneurs politiques).
3. Пунктуация в обращении: Monsieur. Je ne vous dispute...
4. 96: Rinocerot.
5. 97, 3: faibles, mais qu'il n'est <a не: qu'il n'en est> pas de memes des caracteres qu'il trace, que ceux ci sont soutenu <...> et qu'il <a не: et il> connaît bien sa nation.
6. 97, 14: ... de tout ceçi, Vous serez...

7. Вся цитата из Рейналя («que Pierre le Grand... ces vains établissements») подчеркнута Екатериной II.

221. 1772, X. От Гюбера (Best. 16925).

Копия в сборнике писем г-жи д'Эпине, БВ, 4—251, лл. 75—76.

Учено в сб. «Вольтер», 1948 г., 354—355.

222. 1772, 22 XI/3 XII. От Екатерины II (Mol. 8689, Best. 16996).

Автографы в ЦГАДА — I, 319—320; II, 125—126 (с пометкой «1772» и рукой Лашкарова — Le $\frac{11}{22}$ Novembre). Сборник РИО, XIII, 284—286.

Подлисецкий, СХХ.

Пометки на I: чернилами — «18», карандашом — «319», «Lettre 120e», «on en a retranché tout ce qui est en accolade».

Отличия от Best. 83, 176—177:

1. Датировка: ce 22 Novembre 1772.

2. Имеется единственный абзац (177, последний: «Dans peu...»).

3. 176: lettre du 2 9bre...

4. 176: m'a écrit — d'Alembert — Philosophes — Philosophie — m'a <l> reponse.

5. 176, 2 снизу: a 70 verstes <a ne: à vingt werstes>.

6. 177, 11 снизу: de g'accourir.

7. 177, 10 снизу: Norvegue.

8. 177, 2—1 снизу: enverré... de deux comedie Russes. On les transcrit au nets.

223. 1772, 5/16 XII. От нее же.

Автограф в ЦГАДА — I, 322.

Пометки: чернилами — «79», карандашом — «322», «non imprimée».

Текст и перевод см. в разделе II, № 5.

224. 1772, 21 XII. Герцогу Ршелье (Mol. 8713, Best. 17029).

Черновик Ваньера с правкой Вольтера в VII томе рукописей БВ. лл. 162—163.

В конце письма подпись Вольтера: le vieux malade de ferney a qui on fait trop d'honneur.

Отличия от Best. 83, 213—214:

1. Дата: a ferney 21 X^{bre} 1772.

2. 214, 2 (проза): sujets jeunes ou vieux <a ne: et vieux>.

3. 214, 8 (проза): et des <a ne: les> calvinistes sont toujours bien aises

4. 214, 10 (проза): trembler tous mes <a ne: les> membres.

5. Конец 2-го абзаца: et je ne dis plus à personne <a ne: dis à personne>.

225/357. 1773, 3 I. Екатерине II (Mol. 8723, Best. 17047).

Почерком Миллера в ЦГАДА, ф. 199, картон 421 (портфели Миллера), № 11. См. ПВ, стр. 386, № 357.

Большая выдержка из письма с примечаниями.

Текст и перевод см. в разделе III, стр. 221—223.

226. 1773, 3/14 III. От Екатерины II (Mol. 8782, Best. 17176).

Автографы в ЦГАДА — I, 324—325; II, 127—130 (с пометкой Лашкарова: «à Petersbourg le $\frac{20 \text{ février}}{3 \text{ mars}}$ 1773»). Сборник РИО, XIII, 304—309.

Подлисецкий, СХХV.

Пометки на I: чернилами — «67», карандашом — «324», «Lettre 125e».

Отличия от Best. 84, 152—154:

1. Датировка: A St Petersb. ce 3 Mars 1773.

2. 152, 3—2 снизу: l'experience la plus curieuse de toutes les experiences <a ne: l'exp. la plus cur.> sur la glace.

3. 153, 7—8: jusqu'à ce qu'on l'abattrà <вместо qu'on l'abbatte>.

4. 153, 18: ce soulèvement <вместо se soulèvent>.

5. 153, 7 снизу: qui se sont admirablement <a не: admirablement bien> comportés.

6. 153, 9 снизу: Neva <a не: Nirva>.

227. 1773, 20 IV. **Дидро** (Mol. 8818, Best. 17250).

Черновик Ванбера с тремя поправками Вольтера в VII томе рукописей БВ, л. 140.

Отличия от Best. 85, 137:

1. Дата: 20e avril 1773 a ferney.

2. В конце письма после слов «le vieux malade de ferney» подпись Вольтера — V.

— 1773, 20/31 V. **От Екатерины II.**

См. № 157, от 20/31 V 1770.

228. 1773, 30 VI/11 VII. **От Екатерины II** (Mol. 8875, Best. 17377).

Автографы в ЦГАДА — I, 329—330; II, 131—132 и 133. Сборник РИО, XII, 343—345. Подлисецкый, СХХVIII.

Пометки на I: чернилами — «19».

Отличия от Best. 85, 166—167:

1. Датировка: a Peterhof ce 30 juin v. st. 1773.

2. Начало: Monsieur. Je prend la plume...

3. 166: Roumenzof

4. 166, 3: lui n'étoya <!> le chemin

5. 166, 9 и след.: dont vous vous êtes <a не: dont vous êtes>.

6. 166, весь следующий абзац (об опытах со льдом) выделен отчеркиванием на полях.

7. 166, последняя строка: Jakoutzka.

229. 1773, 10 IX. **От А. П. Шувалова.**

Это письмо из Берлина, не учтенное в издании Т. Бестермана, было опубликовано в «Русском архиве», 1886, № 6, стр. 148—150.

230. 1773, 11/22 IX. **От Екатерины II** (Mol. 8942, Best. 17467).

Автографы в ЦГАДА — I, 331—332; II, 134—135 (с правкой датировки: Le ¹⁵/₂₆ Septembre 1773). Сборник РИО, XIII, 357—360. Подлисецкый, СХХIX.

Пометки на I: чернилами — «66», карандашом — «331» и «Lettre 129e».

Отличия от Best. 86, 29—30:

1. Датировка: ce 11 de Septembre 1773.

2. 29: Silistria.

3. 29: Eglise Latine.

4. 29, 5 снизу: que d'ordre et de suite.

5. 29, 2 снизу: d'un <a не: de> moment à l'autre.

6. 30, 14: Les cours cooperante.

7. В черновике II правка, перешедшая в I, внесена карандашом: «a l'esprit comme quatre» и «seraphin indomptable».

8. 30, 16: la Dame (о Марии Терезии).

231. 1773, вторая половина XI—начало XII. **От аббатиссы де Бру маркизу Флориану.**

Автограф в VI томе рукописей БВ, л. 125.

Текст и перевод см. в разделе I, № 27.

232. 1773, XII? **От маркиза Флориана.**

Автограф в VI томе рукописей БВ, л. 115.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, № 28.

233. 1774, 10 I. **От аббатиссы де Бру маркизу Флориану.**

Автограф в VI томе рукописей БВ л. 90.

Текст и перевод см. в разделе I, № 29.

234. **1774, 14 I. От г-жи Дюменбель маркизу Флориану.**

Автограф в VI томе рукописей БВ, лл. 97--98.

Текст и перевод см. в разделе I, № 30.

235. **1774, 7/18 I. От Екатерины II (Mol. 9024, Best. 17664).**

Автографы в ЦГАДА — I, 334—335; II, 136—137. Сборник РИО, XIII, 377—378.

Пометки на I: чернилами — «53», карандашом — «334», «Lettre 134».

Отличия от Best. 87, 33—34:

1. Датировка: ce 7 Janvier 1774.

2. 33, абзац: ... sans vous reprendre en <a не: de> bonne fois.

3. 34, 7: où nous étions il y a six mois, a cela près.

4. 34, 7: Ahsmе.

5. 34, 8: il ce peut que ce <a не: le> Sultan est <a не: ait> un esprit supérieur...

6. 34: revetu de caffetans d'Hermine...

7. 34, 12: et mieux desservie <a не: servie>.

8. 34: des enfance, aux quelle l'on donne beaucoup plus d'importance qu'elle ne merite.

9—10. В заключительной формуле «et soyez assuré» <a не: très assuré> подпись не проставлена.

236. **1774, 28 I. От маркиза Флориана.**

Автограф в VI томе рукописей БВ, лл. 91—92.

Текст и перевод см. в разделе I, № 31.

237. **1774, 19/30 I. От Екатерины II (Mol. 9036, Best. 17683).**

Автограф в ЦГАДА — I, 336—337. Подлисецкий, СХХХV.

Пометки: чернилами — «20», карандашом — «336», «Lettre 135».

Отличия от Best. 87, 52:

1. Датировка: a St : Petersb : ce 19 Janvier 1774.

2. Начало: Monsieur. Je pense que les nouvelles que le Roy de Prusse vous a donné de la defaite du Visir et de la prise de Silistrie lui sont venue de Pologne le Pays apres la France ou on en a <a не: mande и не débite> de plus fausse.

3. 52: Orembourg <a не: Ozemburg>.

4. 52, 9: ... depuis la création du monde, <a не точка!> le pays plat est occupé par <a не: de> tout les vauriens dont depuis quarante ans la Russie a jugé a propos de ce defaire... <т. е. иной порядок слов>.

5. 52, 10 снизу: de remettre <a не: rétablir> l'ordre.

238. **1774, 20 II. Декларация Муанеля.**

Автограф в VI томе рукописей БВ, л. 81.

Текст и перевод см. в разделе I, № 32.

239. **1774, 15/26 III. От нее же (Mol. 9066, Best. 17770).**

Автографы в ЦГАДА — I, 338; II, 138. Сборник РИО, XIII, 394. Подлисецкий, СХХХVII.

Пометки на I: чернилами — «55»; (рукой Вольтера) «imperatrice»; (рукой Ваньера наверху 4 стр.) «Imp^{re} de Russie»; карандашом — «338», «Lettre 137».

Отличия от Best. 87, 146—147:

1. Датировка: ce 15 Mars 1774.

2. 147, 1: frise <a не: file!> la corde de chanvre.

3. 147, 3: ... fréquentes, sa visite...

4. 147, 5: pareille ... tête extraordinaire, <a не: pareilles>.

240. **1774, 10 IV. От не установленного лица.**

Автограф в VI томе рукописей БВ, лл. 109—110.

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, № 33.

241. 1774, 22 IV. **Россе** (Mol. 9085, Best. 17798).

Черновик Ваньера в VII томе рукописей БВ, лл. 166—167.

Имеет одну разметку абзаца.

Все слова, выделенные в издании Бестермана курсивом или взятые в кавычки, в оригинале не выделены.

242. 1774, конец VI. **Графу Кампи** (Mol. 9125, Best. 17915).

Черновой автограф в VII томе рукописей БВ, л. 87.

Приводимая Бестерманом датировка «au chateau de Ferney par Geneve 14 juillet 1774» отсутствует.

243. 1774, 18 VII. **Кондорсе** (Mol. 9136, Best. 17921).

Черновой автограф в VII томе рукописей БВ, л. 100.

Отличия от Best. 88, 103—104:

1. Дата 18 juillet 1774 проставлена позже Ваньером.

2. 103; 4—5: qu'une pareille marque de votre amitié <a не: marque d'amitié>.

3. 103, 8: первоначальное «en travaillant pour vivre» Вольтер переправил (не зачеркивая) на «en barbouillant du papier pour vivre».

4. 103, 14: que n'en eut racine <a не: que n'en eut jamais racine>.

5. 103, 16: et qui au fonds <a не: au fond>.

Все слова, выделенные в издании Бестермана курсивом, в рукописи не подчеркнуты.

244. 1774, VII—VIII. **Кавалеру де Пезэ** (Mol. 9147, Best. 17952).

Черновой автограф в VII томе рукописей БВ, л. 158. Пометка неизвестной рукой: imprimée.

Приурочением к июлю—августу мы обязаны Т. Бестерману, который указывает также, что письмо было напечатано в сентябрьском выпуске Mercure de France за 1774 г.

Отличия от Best. 88, 135:

Строка 8 в стихах: malheur au dur atrabilaire <a не: au duc atrabilaire>.

245. 1774, 24 VIII/4 IX. **От Екатерины II** (Mol. 9166, Best. 18001).

Автографы в ЦГАДА—I, 339—340; II, 139—140. Сборник РИО, XIII, 435—436. Подлисецкий, СХХХIX.

Пометки на I: чернилами—«56», (рукой Вольтера: «imperatrice»).

Отличия от Best. 89, 4—5:

1. Абзацев нет.

2. 4, 5 снизу: aimer d'Imperatrices <a не: d'imperatrice>.

3. 5, 5: point d'autres <a не: d'autre>.

4. 5, 9: me plaindre a mon tour des declarations <a не: ... à mon tour, des déclarations>.

246. 1774, около 25 IX. **От нее же** (Mol. 9190, Best. 18020).

Автограф в ЦГАДА—II, 141 (в I отсутствует). Сборник РИО, XIII, 444—445.

247. 1774, 2/13 XI. **От нее же** (Mol. 9212, Best. 18079).

Автографы в ЦГАДА—I, 341—342; II, 142—144. Сборник РИО, XXVII, 2—4. Подлисецкий, СХLII.

Пометки на I: чернилами—«49», карандашом—«341», «Lettre 142e».

Отличия от Best. 89, 100—102:

1. Датировка: ce 2 Novem. 1774.

2—3. 100, 5: de tout coté contre eux; la privé...

4. 100, последняя строка: pour être conduit <a не: amené> a Moscou.

5. 101, 1: le gen. Panin.

6. 101, 5: que ses frères et ses neveux <a не: ses amis> servaient.

7. 101, 6: les deux premieres campagnes contre la Porte <a не: les deux p. с.>.

8—13. 101, 18—25: et tous les soldats qu'il pouvoit attraper. Aucun endroit ou il passoit lui et sa troupe n'est resté sans être pillé et saccagé, ceux même qui pour éviter ses excès cherchoit a ce le rendre favorable par une bonne reception, n'étoit pas à l'abri du pillage et du meurtre. Mais ce qui Montre bien jusqu'ou l'homme *«a ne: cet homme»* ce flatte, ce qu'il ose concevoir quelque esperance que je pourrois lui faire grace vu dit il qu'a cause de son courage il pourroit par ses services futurs *«a ne: que par son c. et ses services f. il pourrait»* faire oublier ses crimes passés.

14. 101, 5 снизу: depuis dix a *«a ne: ou»* douze ans.

15—16. 101, 3 снизу: par politesses — humilités.

17. 101/102: que... je me serai *«a ne: suis»* conformée.

18. 102, 4: tant de verité.

248. 1774, 26 XI. Герцогине д'Анвиль (Mol. 9232, Best. 18092).

Черновик Ваньера в VII томе рукописей ББ, л. 103. Датировки в начале письма нет. Пометка Вольтера: «*made la duchesse danville 26 n^{bre} 1774*».

249. 1774, 9 XII. Графу де Медини (Mol. 9247,* Best. 18112).

Копия Ваньера в VII томе рукописей ББ, л. 149.

Отличия от Best. 89, 147—148:

1. Заголовок письма «*Réponse de Mr. De Voltaire à Mr. le Comte de Médini, auteur d'une excellente traduction de la henriade en vers italiens. à ferney 9 X^{bre} 1774*».

2. 147, 2 снизу: votre poeme n'est point *«a ne: n'est pas»* une traduction, il n'en a ni la roideur *«a ne: dont il n'a ni la raideur»*.

3. 148, 26: ont souvent fait *«a ne: fait souvent»*.

250. 1774, 21 XII. Г-же Совиньи (Mol. 9266, Best. 18137).

Черновик Ваньера, с правкой Вольтера в VII томе рукописей ББ, лл. 171—172.

Отличия от Best. 89, 175—176:

1. Дата: a ferney 21 X^{bre} 1774.

2. 175, 7: Mr Du Grad *«рукой Вольтера вставлено»* dessichens.

3. 175, 15 снизу: il prétend avoir été traité *«a ne: il a été traité»* en France.

4. 176, 6/7: ont comblé *«a ne: a comblé»* son malheur.

5. 176, 15: m'a coutées *«a ne: m'a couté»*.

251. 1775, 1 I. От каноника Пенье.

Автограф во II томе рукописей ББ, л. 284.

Фрагменты опубликованы в сб. «Вольтер», 1948 г., стр. 377 (с ошибочным отнесением к 1755 г.).

Текст и перевод см. в разделе I, № 34.

252. 1775, 1 I. Мальзербу (Mol. 9282, Best. 18163).

Почерком Ваньера с собственноручной подписью в БЛ, ф. 183, Иностр. автографы, п. 6, ед. 6. По описи числится письмом к неустановленному лицу; приложен счет Шараве кн. Урусову (Бестерман указывает предположительно на продажу на аукционе Шараве, см. Best., 90, 1).

Текст в издании Бестермана исправлен, за единственным исключением: в первой фразе второго абзаца «*très fâché contre les «a ne: des» chirurgiens*».

253—255. 1775, 1, 14 и 18 I. От г-жи Дюменель маркизу Флориану.

Автографы в VI томе рукописей ББ, лл. 101 и 96, 97, 103.

Письмо от 14 января, возможно, относится к 1774 г.

256. 1775, 9/20 I. От Екатерины II (Mol. 9285, Best. 18186).

Автографы в ЦГАДА — I, 343—344; II, 145. Сборник РИО, XXVII, 14—15. Подлисецкий, СXLIV.

Пометки: чернилами — «51»; (рукой Вольтера) «*imperatrice de Russie*»; карандашом — «343», «*Lettre 144*».

* Не 9427, как у Косси.

Отличия от Best. 90, 24—25:

1. Датировка: a Czarscoçelo ce 9 Janvier 1775 <a не: «De Zarscoçelo ce 9 janvier»>.
2. Начало: Monsieur Je repond aujourd'huy a deux de vos lettres celle du 9 8bre m'est parvenu par le Sr de Muman <a не: Sr Musman или Murnan> ... Дата «9», а не «19», отчетлива как в I, так и во II.
3. 25, 2: Pougatschef <a не: Pougatechef>.
4. 25, 14: avis et en attendant <a не: avis. En attendant>.
5. 25, 10 снизу: d'apprendre peut être <обратный порядок слов>.
6. 25, 9 снизу: Abdoul Hamit <a не: Stमित>.

257. 1775, 6 III. От Дюменьеля.

Автограф в VI томе рукописей БВ, лл. 82—83.

Текст и перевод см. в разделе I, № 35.

Не исключена возможность, что письмо было адресовано маркизу Флориану.

258. 1775, 14 [III?] От Фрамикура маркизу Флориану.

Автограф в VI томе рукописей БВ, лл. 111—112.

Текст и перевод см. в разделе I, № 36.

259. 1775, 31 III. От Дюменьеля маркизу Флориану.

Автограф в VI томе рукописей БВ, лл. 114, 116.

Текст и перевод см. в разделе I, № 37.

260. 1775, 5 IV. От Муанеля Дюменьелю.

Автограф в VI томе рукописей БВ, л. 113.

Текст и перевод см. в разделе I, № 38.

261. 1775, 23 VII/3 VIII. От Екатерины II (Best. 18466).

Автографы в ЦГАДА—I, 345—346; II, 145—148 (на малых тонких листах).

Пометки на I: чернилами — «7», карандашом — «non imprimée».

В Сборнике РИО, XXVII, 55 напечатано с условной датировкой «осенью 1775 г.» и указанием об отсутствии письма в изданиях 1785 г. и Бешо. Там же пояснено, что на этом и следующих письмах «год означен сверху страницы неизвестной рукой»; значит, публикаторы сборника (Я. К. Грот и секретарь Русского исторического общества Штендман) не различали руку Лашкарова.

Копия, снятая для г-жи Дени и положенная в основу текста Best. 91, 141—142, по-видимому, точна. Из-за отсутствия письма в издании Молана мы сличали в 1958 г. текст его с текстом Сборника РИО, и все расхождения, нами замеченные, в издании Бестермана отражены.

262. 1775 (?), 17 IX. От аббатиссы де Бру.

Автограф в VI томе рукописей БВ, лл. 79—80.

Текст и перевод см. в разделе I, № 39.

Не исключено, что относится к более раннему году.

263. 1776, 3 IV. Дюпону де Немур (Mol. 9721, Best. 18094).

Черновой автограф в VII томе рукописей БВ, л. 142.

Пометка Ваньера: à Mr. le chev: Dupont.

Отличия от Best. 94, 6—7:

1. Дата: à ferney 3 avril 1776.

2. 7, 10: Atys.

3. В конце письма подпись: V t h ob S V.

4. Адрес отсутствует.

264. 1776, 1 VII. От Камбри де Кюскер (Best. 19058).

Автограф во II томе рукописей БВ, лл. 46—47.

Упомянут в сб. «Вольтер», 1948 г., стр. 377.

Т. Бестерман (только учитывающий этот документ) фамилию автора раскрывает как Kausquet.

Текст и перевод см. в разделе I, № 40.

265. 1776, 25 VI/6 VII. От Екатерины II (Mol. 9795, Best. 19069).

Автографы в ЦГАДА — I, 347—348; II, 149—150. Сборник РИО, XXVII, 85—86. Подлисецкий, CXLVIII.

Пометки на I: чернилами — «3», (рукой Вольтера) «Imperatrice de Russie»; карандашом — «Lettre 148».

Отличия от Best. 94, 192:

1. 192, 3: à leur tour sont suivis (а не: à leur tour suivis).

2. 192, 9 снизу: de composition et de decomposition (ед. ч.).

3. 192, 3 снизу: «il ni a p'u genie».

Характерный пример игнорирования Моланом текста Сборника РИО. (Значительная часть неисправностей текста Бешо, положенная в основу Mol. 9795, исправлена Бестерманом по копии, сделанной для г-жи Дени). В частности, в Сборнике РИО уже было разъяснено, что речь в данном письме идет о смерти вел. кн. Натальи Алексеевны и ее ребенка (см. комментарий Best. 94, 193), а также отмечено, что в Государственном архиве не сохранилось письма Вольтера с соболезнованиями по этому поводу. То же отмечает в своем комментарии Бестерман. Между тем в письме к Екатерине II от 24 января 1777 г. (Best. 19384) Вольтер инсценирует покаяние в том, что не писал ей более года. Ни к какому другому интервалу это письмо, сохранившееся в ЦГАДА в копии I, 183, отнесено быть не может и, вероятно, Бестерман правильно считает предыдущим письмом Вольтера № 18586 от 18 октября 1775 г. Но что же имеет в виду Екатерина, упоминая «dont vous me parlez» и «la part que vous y prenez» и не называя ни определенного письма Вольтера, ни лица, которое могло бы передать его соболезнования?

266. 1776, 16 VII. От аббата Педзана (Best. 19081).

Автограф во II томе рукописей БВ, л. 50.

Упомянуто в сб. «Вольтер», 1948 г., стр. 379.

От приведенного Бестерманом текста существенно отличается и поэтому воспроизведено в разделе I, № 41.

267. 1776, 30 VII. Аббату Педзана (Mol. 9816, Best. 19095).

Черновой автограф в VII томе рукописей БВ, л. 161.

Пометка неизвестной рукой: à l'abbé Pezzana.

От Best. 94, 217 отличий, кроме пунктуационных, нет.

268. 1776, 7 XI. От Отроша.

Автограф с приложением стихов во II томе рукописей БВ, лл. 28—33.

Упомянут в сб. «Вольтер», 1948 г., стр. 378.

Текст и перевод см. в разделе I, № 42.

269. 1776, 20 XI. От Ла Соважера.

Автограф стихотворения в III томе рукописей БВ, л. 311. Авторство раскрывается благодаря пометке Вольтера: «M. de la Sauvagère».

Текст и комментарий в сб. «Вольтер», 1948 г., стр. 415—417.

270. 1776, 8 XII. От Тормана (Best. 19312).

Автограф в XIII томе рукописей БВ, л. 286.

271. 1776, 12 XII. От Эрлаха.

Автограф в XIII томе рукописей БВ, л. 285.

272. 1776, 13 XII. От де Мюрбека.

Текст (по «Gazette littéraire de l'Europe», Avril 1777, t. 78, № 4, стр. 457—458) и перевод см. в разделе I, № 43.

273. 1776, 14 XII. Дюле де Бакенкуру (Best. 19321).

Черновик в XIII томе рукописей БВ, л. 281.

274. 1777, 8/19 II. От Екатерины II (Mol. 9951, Best. 19423).

Автограф в ЦГАДА — I, 349. В II и в Сборнике РИО отсутствует. Подлисецкий, CL.

Пометки на I: чернилами — «54», карандашом — «Lettre 150».

Отличия от Best. 96, 80:

1. Датировка: а St. Petersb : ce 8 Fevrier 1777.

2. В первой фразе: faites l'une de Tasse l'autre d'Homere *а не: faites de T. et d'H.*.

275. 1777, 22 III. От Дю Бюи.

Автограф в III томе рукописей БВ, лл. 310—311.

Текст и перевод см. в разделе I, № 44.

276. 1777, 27 V. От Жэза.

Автограф во II томе рукописей БВ, л. 279.

Текст и перевод см. в разделе I, № 45.

277. 1777, V. От Майля.

Автограф во II томе рукописей БВ, л. 280.

Переслано Вольтеру Жэзом в письме от 27 мая (см. № 276).

Текст см. в разделе I, № 46.

278. 1777, 10 IX. От А. П. Шувалова (Best. 19637).

Текст и перевод воспроизводятся в разделе I, № 47 по изданию П. Бартенева в «Русском архиве», 1886, № 6, 148—150, где письмо было издано по автографу из коллекции И. И. Куриса; его нынешнее местонахождение не установлено.

В издании Бестермана дано лишь краткое резюме на основании антикварного каталога Шараве 1882 г.

279/382. 1777, 21 IX. Екатерине II.

Копия в ЦГАДА — I, 189.

Текст и перевод см. в разделе II, № 6.

280. 1777, 1/12 X. От Екатерины II (Mol. 10062, Best. 19693).

Автограф в ЦГАДА — I, 350—351. Сборник РИО, XXVII, 135—137 (причем в сноске на стр. 136 отмечены поправки к тексту изданий Кельского и Бешо), однако черновика, послужившего для этого издания, мы в II не обнаружили.

Пометки: чернилами — «48», карандашом — «Lettre 151^e»; тем же карандашом подчеркнуты слова «par ordre» в первой строке письма.

Отличия от Best. 97, 180—181:

1. Датировка: A St Petersb. ce 1 d'octobre *а не: 10 8bre 1777.*

2. 180, 1: pour gerondre par ordre *а не: avec ordre.* Правильное чтение было уже введено в текст Сборника РИО, что позволяет связывать карандашные подчеркивания (см. выше) с подготовкой этого издания.

3. 180, 5: Secondement je ne saurai *а не: S., monsieur, je n. s. > vous envoyer Monsieur un recueil* *а не: vous envoyer un r.*

4. 181, 5: Ses reglemens seront suivi *а не: bientôt ils seront suivis.*

5. 181, 7: Voici *а не: Voilà* l'idée que je m'en fait *а не: m'en suis formée* pour le *а не: par rapport au* criminel, les crimes ne sauroit etre en grand nombre, de proportionner les peines aux crimes je crois que cela demande un travail *а не: ouvrage* à part.

6. 181, 7 снизу: ses lois contre lesquelles *а не: lesquels.*

7. 181, 2 снизу: nous persuade *а не: confirme.*

281/383. 1777. 28 X. Екатерине II.

Копия в ЦГАДА — I, 190.

Текст и перевод см. в разделе II, № 7.

282. 1777, 30 X. От Кальера де Л'Эстан.

Автограф стихов во II томе рукописей БВ, лл. 80—81.

Упомянуто в сб. «Вольтер», 1948 г., стр. 378.

Текст и перевод см. в разделе I, № 48.

283. 1777, 4/15 XII. От Екатерины II (Mol. 10120, Best. 19796).

Автографы в ЦГАДА — I, 352; II, 152 (незаконченный — до слова «vivre»). Сборник РИО, XXVII, 138—139, с указанием, что дальнейших писем нет. Подлисецкий, СЛII.

Пометки на I: чернилами — «50», карандашом — «Lettre 152e».

Отличия от Best. 97, 230:

1. 230, 2: 28 d'Octobre.

2. 230, 5: si les Princes étoit ou instruit <a не: étaient instruits> ou éclairés.

284/385. 1778, 16 I. **Екатерине II.**

Копия в ЦГАДА — I, 193—194.

Текст и перевод см. в разделе II, № 8.

285. 1778, 8 III. **От адвоката Ле Бриган.**

Автограф в III томе рукописей БВ, лл. 294—297.

Текст см. Приложение № 4.

286. 1778, 2 IV. **Амело** (Best. 19977).

Черновой автограф в IX томе рукописей БВ, л. 47.

287. 1778, 18 IV. **От Амело** (Best. 19995).

Автограф в IX томе рукописей БВ, л. 45.

Отклонение ходатайства Вольтера о переименовании «королевских ко-медиянтов» во «Французскую комедию».

288/386. 1778, 30 IV. **Екатерине II** (Best. 20004).

Копия в ЦГАДА — I, 195.

Текст и перевод см. в разделе II, № 9.

289. 1778, 7 V. **Ваньеру** (Mol. LII, App., 63, Best. 20010).

Копия Ваньера в XIII томе рукописей БВ, л. 116.

Отличия от Best. 98, 207:

1. Дата: à paris quai des Théatins 7 May 1778 partira quand pourra.

2. 207, 7—8: ... à gauche du poele au fond de la bibliothèque. plus le livre de chirurgie... <a не: de la bibliothèque comme vous le savez bien, plus le livre...>.

3. Пометка Ваньера на полях (в отличие от Textual note Бестермана): «2de, de la main de Voltaire», ибо выше, на той же странице, под общим для всей подборки заголовком «Copie des Lettres de M^r De Voltaire au Sr Wag-niere Son Secretaire» им списано письмо от 28 февраля 1766 г. (ПВ, стр. 370, № 269) с пометкой на поле: «De la main de M^r De Voltaire».

290. 1778, 10 V. **Ваньеру** (Mol. LII, App., 64, Best. 20017).

Копия Ваньера в XIII томе рукописей БВ, л. 116 об. Пометка: «De la main de Mainssonat».

Отличия от Best. 98, 215—216 (кроме пунктуации):

1. Дата: 10e May 1778.

2. 215, конец первого абзаца: et vous êtes absent! <a не: absent.>.

3. 216, 2/3: le tiroir <a не: les tiroirs — различение, указанное Бестерманом для другого списка из Национальной библиотеки>.

4. 216, 3: excerpté <a не: excerptez, что меняет смысл>.

5. 216, 4: Il y a aussi (с абзаца).

6. 216, 6: Palatinat (с прописной буквы).

7. 216, 10: Pâquier.

8. 216, последняя фраза 1-го абзаца: c'est de vous principalement que j'ai besoin, surtout dans l'état funeste <a не: besoin, mon cher ami, surtout...>.

291/387. 1778, 13 V. **Екатерине II** (Best. 20021).

Копия в ЦГАДА — II, 196—197.

Текст и перевод см. в разделе II, № 10.

292. 1778, 15 V. **Ваньеру** (Mol. LII, App., 64, Best. 20028).

Копия Ваньера в XIII томе рукописей БВ, лл. 120 об. — 122. Пометка Ваньера «De la main de Monsieur de Voltaire».

Отличия от Best. 98, 227—229:

1. В первой фразе: 14 (цифрой).

2. 228, 15: pour répondre <a не: pour y repondre>.

3. После абзаца: N'écritez <a не: Ne m'écritez>.

4. 228, 2 снизу: Envoyez vos autres (с абзаца).

5. 229, 2: Numero <a не: n°>.

6. 229, 6: tous ces gens sont <a не: gens là sont>.

7. Постскриптум без «PS».

293. 1778, 24 V. Ваньеру (Best. 20041).

Копия Ваньера в XIII томе рукописей БВ, л. 122 об.

Надписано: De la nuit du vendredi 24 à 3 heures du matin de la main de Morand Laquais de Mad^e Denis.

Отличный, кроме пунктуационных, от Best. 98, 242—243 нет.

294. 1778, 24 V. От Морана Ваньеру (Best. 20042).

Копия Ваньера в XIII томе рукописей БВ, лл. 122 об. — 123.

Пометка: Lettre dudit Morand qui accompagnaît la précédente.

Отличный от Best. 98, 243 (кроме написания M^r в обращении) нет.

295. 1778, 25 V. От г-жи Дени Ваньеру (Mol. 10224, Best. 20043).

Выдержки Ваньера в XIII томе рукописей БВ, л. 123.

Пометка: Extrait de la Lettre de Mad^e Denis à Wagnière du 25 May 1778.

296. 1778, 25 V. От д'Орнуа Ваньеру (Mol. 10225, Best. 20044).

Копия Ваньера в XIII томе рукописей БВ, л. 123—123 об.

Пометка: NB. Il n'est pas indifferent de confronter les deux Lettres suivantes de M^r D'hornoy, petit neveu de M^r De Voltaire, avec les deux précédentes.

В издании Бестермана текст воспроизведен по точной копии, однако приведенное в «Записках Ваньера» чтение pour tout ce que pourait le soutenir здесь находит подтверждение.

297. 1778, 26 V. От него же ему же (Mol. 10227, Best. 20048).

Копия Ваньера в XIII томе рукописей БВ, лл. 123 об.—124.

К словам «roug vous desirer continuellement» знак выноски, а вслед за письмом с тем же знаком: «NB. Pourquoi donc avoir retenu les Lettres par lesquelles il me mandait positivement de partir? pourquoi ne m'avoir pas écrit quand il l'avait d'abord ordonné au commencement de sa maladie à mad^e Denis? pourquoi avait elle deffendu au contraire qu'on m'écrivit?».

В издании Бестермана текст воспроизведен по точной копии.

298. 1778, 26 V. От г-жи Дени ему же (Mol. 10226, Best. 20047).

Выдержки Ваньера в XIII томе рукописей БВ, л. 123.

К словам «depuis hier» выноски на полях: voiez la lettre de m^r d'hornoy du 26.

Это пресловутое письмо г-жи Дени с ложным известием о якобы наступившем улучшении в состоянии умиравшего Вольтера, представлено в СССР не только указанной здесь копией.

Как было отмечено в ЛН, 192, его подлинник, писанный, видимо, рукой Морана, был приобретен Н. П. Лихачевым на аукционе 18 декабря 1909 г. и хранится в составе его собрания в ЛОИИ. Г-жой Дени проставлена только подпись и перед последней фразой пропущенная как в издании Молана, так и в Best. 20047 характерная приписка: «Я вас разоряю оплатой почтовых расходов, но по вашему приезде их вам возьму» (Je vous ruine en ports de lettres, mais à votre arrivée je vous les rembourserai).

Непонятным образом в издании Бестермана (98, 249) не только не приведены эти сведения ЛН, но при перечне аукционов, через которые проходил этот документ, фигурирует даже аукцион у Шараве 21 февраля 1910 г., тогда как пометка Н. П. Лихачева, приведенная нами в 1937 г., исключает эту возможность.

299. 1778, 24 X. От г-жи Дени И. И. Шувалову.

Местонахождение подлинника, продававшегося на Vente Cornuac 2 февраля 1937 г., не установлено.

Однако текст большей части этого письма был опубликован в «Revue d'histoire littéraire de la France», 1937, р. 576, а русский перевод напечатан нами в ЛН, 167—168 в составе статьи о БВ (по тексту, извлеченному еще ранее 1937 года Н. Голицыным из неопубликованной биографии И. И. Шувалова, хранящейся ныне в ЦГАДА).

Текст, перевод и комментарий см. в разделе I, № 49.

300. 1778, 30 XI. От Гримма Ваньеру.

Автограф в ЦГАДА, ф. 86, л. 49, в альбоме Голицына.

Русский перевод опубликован нами в ЛН, 169—170.

301. **1779, 30 X. От Гримма Розе-Сюзанне Ваньер.**
Автограф в ЦГИА, ф. 1562, оп. 1, № 3 Д.
Опубликовано нами в книге «Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний». Под ред. акад. М. П. Алексеева. М.—Л., 1960, стр. 135—137.
302. **1780, 10 II. От Ваньера А. Р. Воронцову.**
Автограф в ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 95, лл. 24—25.
Опубликовано в «Архиве кн. Воронцова», V, 461—464.
303. **1780, 6 IV. От него же ему же.**
Автограф в ЦГАДА, ф. 1261 (Воронцовых), оп. 3, № 409, лл. 1—2.
Текст и перевод см. в разделе IV, № 1.
304. **1780, 21 VI. От него же ему же.**
Автограф там же, № 413, лл. 1—2.
Текст и перевод см. в разделе IV, № 2.
305. **1780, 20 X. От него же ему же.**
Автограф в ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 1195, лл. 26—27.
Опубликовано в «Архиве кн. Воронцова», т. V, стр. 464—465.
306. **1781, 22 XII. От него же ему же.**
Автограф в ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 1178, лл. 120—121.
Текст и перевод см. в разделе IV, № 3.
307. **1782, 6 IX. От него же ему же.**
Автограф в ЦГАДА, ф. 1261 (Воронцовых), оп. 3, № 413, лл. 3—4.
Текст и перевод см. в разделе IV, № 4.
308. **1785, 10 IV. От него же ему же.**
Автограф в ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 1178, лл. 122—123.
Текст и перевод см. в разделе IV, № 5.
309. **1786, 24 X. От него же ему же.**
Автограф в ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 1195, лл. 28—29.
Опубликовано в «Архиве кн. Воронцова», т. V, стр. 465—467.
310. **1786, 24 XII. От Гримма Ваньеру.**
Автограф в Гос. литературном музее в Москве, 3107/3.
Русский перевод опубликован нами в ЛН, 171—172.
311. **1789, 23 XII. От Ваньера Фреденхейму.**
Автограф в ГПБ, Франц., Q XVII, № 26 (собр. П. К. Сухтелена), лл. 1—2.
Текст и перевод см. в разделе IV, стр. 291—294.
312. **1789, 27 XII. От него же ему же.**
Автограф там же, л. 29.
Приписка к копии мемуаров Фридриха II.
Текст и перевод см. в разделе IV, стр. 29.
313. **1790, 6 I. От него же ему же.**
Автограф там же, лл. 3—4.
Текст и перевод см. в разделе IV, стр. 295—296.
314. **1791, 10 I. От него же А. Р. Воронцову.**
Автограф в Архиве Министерства иностранных дел, ф. «Сношения России с Францией», 1791, д. 749.
Текст и перевод см. в разделе IV, № 6.
315. **1791, 11 I. От него же ему же.**
Автограф там же.
Текст и перевод см. в разделе IV, № 7.
316. **1791, 11 II. От него же ему же.**
Автограф в ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 1195, л. 30.
Опубликовано в «Архиве кн. Воронцова», т. V, стр. 467—468.
317. **1791, 12 II. От него же ему же.**
Автограф в Архиве Министерства иностранных дел, ф. «Сношения России с Францией», 1791, д. 749.
Текст и перевод см. в разделе IV, № 8.
318. **Без даты (не ранее 1770 г.).**
Данные о землепользовании и налогообложении в Ферне.

- Автограф Ваньера.
Текст см. Приложение № 5.
319. **Без даты (1740-е годы?).**
Стихи итальянского почитателя.
Автограф во II томе рукописей БВ, л. 334.
Текст см. Приложение № 6.
320. **Без даты (не ранее 1759 г.).**
Стихи английского посетителя.
Автограф во II томе рукописей БВ, л. 34.
Текст см. Приложение № 7.
321. **Без даты (1778 г.).**
Стихи «La Nouvelle de Paris».
Копия с правкой Вольтера во II томе рукописей БВ, л. 65.
Текст см. Приложение № 8.
-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

«Внимательно читая то, что вы, милостивый государь, включили в ваш „Век Людовика Пятнадцатого“ относительно генерала Лалли, достойного лучшей доли, я обнаружил, что вы находите у него вины, в коих его легко оправдать, но что этим нельзя попрекнуть историка, если он, подобно широкой публике, знает о данном предмете лишь в общих чертах. Впрочем, и эти предполагаемые вины — отнюдь не преступления». Такими словами начинает автор публикуемой ниже (стр. 405) «Записку», не имеющую заглавия и подписи. Последнее не мешает, однако, без колебаний автором ее признать кавалера Жерара-Трофима де Лалли-Толандаля (1751—1830), в будущем адресата последней предсмертной записочки Вольтера (по подсчету Т. Бестермана, 20046-го элемента семидесятипятилетней его переписки), деятеля Учредительного собрания, эмигрировавшего, впрочем, уже в октябре 1789 г., а при Реставрации — пэра Франции. О том, что он сын генерала графа Томаса-Артура Лалли, некогда главнокомандующего в Индии, пятнадцатилетний Жерар-Трофим узнал буквально в канун позорной казни отца в мае 1766 г., а поговорить с ним так и не успел.

Завистники и соперники, высшая администрация и местные чиновники Ост-Индской компании (резонно опасавшиеся разоблачений в чудовищных хищениях и плохом управлении), бездарные лица, не обеспечившие военного успеха, иезуиты, замешанные в спекуляциях, — все они нашли полную поддержку у парламентской знати, рвавшейся свести счеты с ненавистным ей представителем военной верхушки (уже не раз использованной королем для обуздания строптивых парламентов). При всем своем несовершенстве, архаичности и деспотизме даже уголовное законодательство, действовавшее тогда во Франции, при мало-мальски беспристрастном и строгом его применении было бы бессильно опорочить имя, а тем более физически ликвидировать полководца, смелого и опытного, преданного королю и интересам страны, но проигравшего кампанию, сдавшего англичанам Пондишери (что было концом французского господства в Индии) и к тому же че-

ловека несносного нрава, наживавшего врагов при каждом случае. Но даже среди судебных беззаконий XVIII в. следствие и суд над Лалли могли осуществиться лишь с помощью продуманной системы систематического нарушения законов и процессуальных норм. То была откровенная судебная расправа: жертву ее осудили по совокупности множества преступлений — вплоть до измены, из которых ни одно не было доказано. Сама казнь была обставлена изысканными унижениями.

Неудивительно, что Вольтер тогда же, в 1766 г., усомнился в виновности генерала и высказывался в письмах и беседах о незаконности суда над ним. Он уже тогда собрал и довольно полную документацию по этому вопросу, о чем говорит красноречиво состав его библиотеки. Здесь мы находим тексты, составленные обвинителями Лалли, с перечислением инкриминируемых ему ошибок и злодеяний:

Mémoire à consulter et Consultation, pour le sieur de Bussy, maréchal des camps et armées du roi, au sujet du Mémoire que le sieur de Lally, lieutenant général, vient de répandre dans le public. Avec les lettres que les sieurs de Bussy & de Lally se sont écrites dans l'Inde, pour servir de pièces justificatives. Paris, impr. de M. Lambert, 1766. BV 2389 (с ошибочной датой «1776») шифр 9—312. В экземпляре вилетена записка Г. Крамера (см. выше, в разделе I, № 18), очевидно послужившая закладкой в момент просмотра книги; поскольку книга — издание Мишеля Ламбера, в высокой мере вероятно, что она была получена Вольтером вскоре по выходе в свет.

Mémoire à consulter et Consultation, pour le chevalier de Soupire, lieutenant-général des armées de roi, au sujet des imputations que lui fait le comte de Lally dans les écrits publiés pour sa défense. (Paris), impr. de Knapen, 1766. BV 2391, шифр 9—313.

Имел Вольтер и оба документа, наспех составленные генералом в свою защиту:

[Thomas-Arthur comte de Lally, baron de Tollendal] *Mémoire pour le comte de Lally, lieutenant-général des armées du roi ... ci devant colonel d'un régiment irlandois de son nom, commissaire du roi & commandant en chef dans l'Inde. Contre monsieur le procureur-général. Paris, Imprimerie de G. Desprez, 1766. BV 1883, шифр 9—311; экземпляр с обильными следами чтения Вольтера.*

[Его же] *Vraies causes de la perte de l'Inde, pour le comte de Lally; contre monsieur le procureur général. Paris. Imprimerie de Simon, 1766. BV 1884; шифр 9—330; экземпляр, читанный Вольтером.*

Наконец, о характере приговора и обряде казни Вольтер знал из следующего документа:

Arrest de la Cour du Parlement, qui prive Thomas-Arthur <sic> de Lally de ses états, honneurs & dignités; & le condamne à avoir la tête tranchée en place de Grève, pour avoir trahi les intérêts du roi, de son Etat, & de la Compagnie des Indes. & pour abus

d'autorité exactions & vexations. Extrait des Registres du Parlement. Du 6 mai 1766. (Paris, P.-G. Simon, imprimeur, 1766) BV 128, шифр 11—208; экземпляр, хотя и не полностью разрезанный, но с несомненными следами чтения (в составе По-Пурри 49, содержащем также много парламентских материалов 1765—1766 гг.).

Но тогда Вольтер еще не знал, что в своем предсмертном волеизъявлении Лалли признал своего сына и завещал ему защиту своего доброго имени, не знал даже о самом существовании этого сына и о том, что тот поклялся посвятить реабилитации отца все свои силы.

Хорошо известно, что в начале 1773 г. Вольтер был вовлечен Лалли-сыном в эту кампанию, сразу объявил о своей готовности «стать его секретарем», необычайно быстро подготовил страстный памфлет «Фрагмент об Индии и генерале Лалли» и продолжал до самой смерти живейшим образом интересоваться трудными и мучительно медленными перипетиями подготовки пересмотра приговора, а о состоявшемся решении его пересмотреть узнал накануне своей смерти, в конце мая 1778 г.

Иначе говоря, не удивляет нас содержание публикуемого здесь полемического мемуара, остававшегося, несмотря на инвентаризацию его Ф. Косси, не только не использованным, но и неизвестным. Даже самый эпизод раннего обращения юного Лалли-Толандала к Вольтеру с этими материалами остался неизвестным как Гертцу, автору уже называвшейся нами монографии о французском уголовном законодательстве (см. стр. 122), так и советским юристам, специально писавшим о борьбе Вольтера против феодальных судебных порядков (Н. Н. Полянский в сборнике «Вольтер», 1948 г.; А. Герцензон в кн.: Франсуа-Мари Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу. М., 1956). Документ по содержанию отлично «вписывается» в историю собирания Вольтером доводов в пользу Лалли и является лишь одним из нескольких прежде неизвестных звеньев этой документации, которая сохраняется в VI томе рукописей Библиотеки Вольтера.

Но что вызывает крайнее изумление, так это четко поставленная в начале «Записки» и тем же почерком дата: «Париж, 6 августа 1770 года», еще подкрепляемая тем, что автор ссылается на брошюру, изданную якобы «в апреле 1770 года». Это — сплошная загадка.

Общепризнано, что молодой Лалли-Толандал начал свою кампанию лишь по достижении совершеннолетия, т. е. не ранее марта 1772 г. (хотя латинскую поэму о невинном Каласе — с естественной модуляцией к невинному Лалли — он написал еще в 1767 г.). Считается несомненным, что он обратился к Вольтеру весной 1773 г., и принято изумляться энергии и работоспособности 79-летнего патриарха, сумевшего за несколько месяцев — среди многих других трудов! — подготовить такой

насыщенный фактами и скрытой юридической аргументацией обвинительный манифест большой публицистической силы, как «Фрагмент об Индии» в 20 главах, вскоре дополненный еще 16 главами (E. Hertz. Voltaire und die Strafrechtspflege. Stuttgart, 1884, стр. 381 сл.; G. Bengesco. Voltaire. Bibliographie de ses oeuvres, II, 1885, стр. 293—296). Более того, публикуемое выше (раздел I, № 25) письмо Лалли-Толандаля к Марену хотя и свидетельствует об уже установившихся сношениях, переписке и совместных действиях, все же несомненно относится к весьма ранней стадии осведомленности Вольтера, когда он сам начинает бороться против парламентского приговора 1766 г. генералу Лалли (а это письмо под давлением смежной информации мы были готовы отнести к 24 VII 1773, хотя в дате его немало спорного, см. ниже). Так, 27 мая 1773 г. Вольтер даже не знает толком, сын ли казненного юный Лалли или же племянник, и кем приходится ему графиня де ла Хэз (de la Heuse, Best. 17313). О том, что он именно сын казненного («к сожалению, как и Де Ту»), Вольтер узнает только во второй половине июня (письмо его к Марену от 26 VI 1773, Best. 17354). Во всяком случае Вольтер с самого начала ставит два мудрых условия:

1) ни шагу без предварительного одобрения канцлера Мопу (но судьба подшутит над этим: власть Мопу и «его» парламента падет осенью 1774 г., задолго до первых проявлений успеха Лалли);

2) ни единого утверждения чисто полемического или морального без четкой опоры на документы.

Он требует (и рукописи БВ сохранили соответствующие ответы) разъяснений, куда пошли суммы, в сокрытии которых обвиняли генерала, на чем основаны сведения о снабжении армии и города и т. п. (Best. 17354). Он отвергает записки Лалли-Толандаля, сводящиеся только к логическим или моральным опровержениям обвинений (письмо к Марену от 6 августа 1773 г., Best. 17404): «Aucun des faits allégués dans ces mémoires n'est prouvé, et dans un tel ouvrage on ne doit parler que les preuves à la main («Ни один из приводимых фактов в этой записке не подтвержден доказательством, а в подобного рода трудах нужно выступать только с документами в руках»); очернить противника — «c'est le plus mauvais parti et le plus dangereux que l'on puisse prendre» — «это наилучший и наиболее опасный из всех возможных путей».

Какая же роль принадлежит во всем этом нашей «Записке»?

Прежде всего ясно, что она написана совершенно еще лично незнакомому автору «Века Людовика XV», в ней и отдаленно нет намека на просьбу о содействии, о намерении добиваться судебной реабилитации и т. п. Напротив, речь идет только о защите автором «Записки» Вольтера, на которого недобросовестно нападает аноним, выпустивший пасквиль (libelle) в форме письма ему от 20 апреля 1770 г., напечатанного «якобы в Амстер-

даме, а на самом деле, вероятно, в Париже, где он продается у Мериго-младшего». Мало того, порицая анонимность в подобных выступлениях, автор «Записки» в конце специально оговаривает свое право себя не называть: «Мне не кончить, милостивый государь, ежели я возьмусь выявлять все заслуживающее осуждения в письме, вам адресованном и сочтенном явно вещью превосходной, раз ее отдали в печать и усиленно распространяют в публике. Правда, авторы ее себя не назвали, и эта предосторожность вполне уместна, когда утверждают факты, легко поддающиеся опровержению, особенно же когда наносят жестокие оскорбления такому человеку, как вы.

Ежели я и сам пользуюсь той же предосторожностью, то это отнюдь не по тем же мотивам, но единственно потому, что если я и считаю делом почетным способствовать защите человека, преследуемого после смерти, сообщая вам обстоятельства, о коих вы могли не быть осведомлены и которым вы сумеете придать большую ценность, нежели кто-либо иной, то в свою очередь мне представляется, что, раз я не имею чести быть вам знакомым, называть при этом мое имя тем более бесполезно, что оно не существенно для дела, сводящегося к тому: кто говорит правду — аноним или же я?».

Впрочем, закончить этим свое послание автору не пришлось: после еще двух заключительных, резюмирующих абзацев он делает постскрипtum: «В момент, когда я собрался бросить свое письмо в ящик, один из друзей моих напомнил мне, что иногда письма вскрывают, и боязнь, как бы это письмо не оказалось изъятым (*ne fut surpris*), побудила меня просить этого же друга позаботиться сдать его на почту по прибытии в Лион. Я и распечатал его, чтобы привлечь к этому ваше внимание».

И вот в свете всех этих обстоятельств выступает загадочная датировка этой записки августом 1770 г.

Не есть ли это простая описка, к тому же как бы подсказанная датой апреля 1770 г., когда был выпущен опровергаемый здесь пасквиль?

Но, во-первых, с этим пасквилом дело обстоит не так просто. Если он вышел действительно в этот момент, тогда реакция на него наиболее заинтересованного из его читателей гораздо вероятнее в ближайшие месяцы, а не через 3 с лишним года. Но это установить нелегко. Не только в библиотеке Вольтера не сохранилось такого памфлета (мы ведь знаем только о его анонимности и о его форме в виде письма к Вольтеру, что крайне затрудняет и общие библиографические розыски), но не знает такового и Т. Бестерман в трех своих очень авторитетных списках: 1) писем, упоминаемых в литературе, но не поддающихся отождествлению (*List of unidentifiable, spurious, doubtful and lost letters*, т. 99, кол. 1—26); 2) изданий, в которых появлялись на свет элементы вольтеровской переписки (*Bibliography of Voltaire's Correspon-*

dence, т. 100, кол. 563—964, особенно 592—596, относящиеся к 1770—1773 гг.); 3) произведений печати, цитируемых Вольтером в своих письмах или же его комментаторами (List of works cited, т. 101, кол. 975—1388). Впрочем, и сам Вольтер пишет Лалли-Толандалю (в письме от 28 апреля, Best, 17263, относимом к 1773 г.): если-де Лалли не сумеет все обосновать документами, то на него можно будет обратить упрек, который он сам делает автору памфлета. «Впрочем, — пишет он далее (и в данном случае какой резон можно было привести в пользу столь нередкой у него симуляции или отречения?), — памфлет этот мне абсолютно неизвестен, и никто из моих друзей никогда мне о нем не упоминал. Было бы хорошо, сударь, ежели бы вы были добры прислать мне его через г. Марена, который не откажет об этом позаботиться». Что же? Просьба эта была выполнена, и мы в VI томе Рукописей БВ обнаруживаем (лл. 159—203) под заголовком «Reponse au Libelle intitulé Lettre des Indes à l'auteur du Siècle de Louis XV. Precedée d'une lettre à Mr de Voltaire» (вслед за эпиграфом из Тита-Ливия: «Что же это за столь злобная неприязнь, что ее и пролитие крови насытить не может?»), и притом с заверкой Ваньера: «Par M^r De Tolendal fils du Comte de Lally», два текста. Это письмо к Вольтеру (Monsieur, Que de gens qui à force de crime sont parvenus à couvrir la verité pour quelques momens...) на лл. 161—164 лиц.; а на оборотной стороне л. 164 начинается «Texte du Libelle», далее он вписан на левых половинках всех следующих листов до л. 199 об., а на правых идут возражения: «Reponse au libelle intitulé Lettres des Indes à l'auteur du Siècle de Louis XV». При этом в конце памфлета стоит та же дата «20 avril 1770». В том, что Вольтер работал над этой рукописью, не может быть сомнения: к обороту л. 203 прилеплена характерная его закладка (signet) с его записью: «etrange geronse de raquier» («странный ответ Паकье»).

Может быть, памфлет вовсе вымышленный, что крайне вероятно. А может быть, он (тоже, Впрочем, непонятно — зачем) выпущен под ложной датой, «задним числом»?

Так или иначе, тут есть над чем призадуматься вольтероведам и библиографам. И ради одного этого пристальнее изучить весь комплекс документации по процессу Лалли, собранный в VI томе рукописей БВ, хоть и суммарно и не всегда точно и вразумительно еще в 1911 г. учтенный в публикации Ф. Косси. В частности, ряд бумаг действительно хорошо сочетается с известными элементами переписки Вольтера. Так (л. 138), Лалли-Толандаль, между прочим, пишет: «Первый мемуар, присланный мне г. Вольтером, находится в руках г-жи графини Ла Хэз, к помощи которой я прибегаю, чтобы собрать все разъяснения, которые только возможно собрать; в ожидании ее ответа я стану отвечать на пункты, которые запомнил». Помета на л. 135 об. гласит: «Памфлет иезуита ищут, обшаривая сушу и море» (on cherche

toujours par terre et par mer le libelle du Jésuite). Речь идет об одном из двух взаимно опровергавших друг друга обзоров событий в Индии, дворушнически составленных иезуитом Лавором (Lavaure), умершим в годы следствия над Лалли (1761—1766); обзор был приобщен к делу и занимал в нем 194 листа in Folio (см. Hertz, op. cit. 390). Там же повторно умоляют Вольтера прислушаться к существу «наших просьб» (и еще не раз обращения в защиту «их родича» будут исходить совместно от Лалли и от г-жи Ла Хэз), наконец, предлагается вниманию Вольтера сравнение сил, имевшихся у генерала, в сопоставлении с численностью англичан «в том разделе моей рукописи, который озаглавлен „О чернокожих и о сипаях в качестве войска“» (кстати, из этой детали явствует, что в данном письме — явно 1773 г. — речь идет не о нашей рукописи!). Далее, на обороте того же письма (л. 137 об.) начинаются ответы Лалли-Толандаля на вопросник, как раз открывающийся словами «Я ожидаю „Записку“ иезуита Лавора» (J'attens le mémoire du Jésuite Lavaure), на что следует ответ: «Его нелегко будет найти. Тем не менее его ищут повсюду» (Il est difficile a trouver, on le cherche Néanmoins de tout Coté). На месте следующего же вопроса эксплицитно переписана просьба Вольтера: «Je le prie de vouloir bien mettre ses réponses en marge, et de me les envoyer par Monsieur Marin, car l'ouvrage avance, et il faut se presser» («Я прошу его проставить на полях ответы и прислать мне их через г. Марена, ибо мой труд уже продвинулся, и спешить необходимо»). Дальнейшие 4 вопроса написаны несомненно рукой Ваньера: «Je prie Monsieur de Tolendal m'instruire ce que sont devenus les quinze cent mille francs remis par l'avocat d'antremont...» («Прошу г. Толандаля просветить меня насчет того, что случилось с теми полуторами миллионов франков, которые были переданы через адвоката Антремона») — и ответы на них, начинающиеся: «L'histoire des 1 500 000^{ff} et de la remise de L'avocat d'Antremont est une fable destituée de tout fondement» («История 1 500 000 франков и передачи их адвокатом Антремоном — басня, лишенная малейшего основания»). Это, а также вообще почти весь материал по делу Лалли в VI томе рукописей БВ написан одной и той же рукой, отличной от руки публикуемых нами письма и записки. Этот почерк мы, в отличие от Ф. Косси, приписываем г-же Ла Хэз. На л. 133 начинаются разъяснения генеалогического порядка о клане Malugha, как известно, тоже понадобившиеся Вольтеру.

Вернемся, однако, к вопросу о датировках. В письме от 28 апреля (Best, 17263), написанном, по мнению Бестермана, в 1773 г. и, весьма вероятно, одном из первых в сношениях Вольтера непосредственно с Лалли-Толандалем (именно здесь он предлагает себя ему в «секретари»), есть одна подробность: момент, пишет Вольтер, подходящий, так как обе компании уничтожены. Но Ост-Индская компания была уничтожена еще в 1770 г., а Вест-Индская — в несколько приемов, окончательно уже в 1772 г. Сле-

довательно, этот «подходящий момент» наступил никак не в апреле 1773 г., а по крайней мере на полгода раньше. Уже в силу этого уверенности в правильной датировке Best. 17263 апрелем 1773 г. быть не может. Но еще несомненное одна деталь письма Лалли-Толандаля к Марену (см. раздел I, № 25): читатель помнит, что его дату «24 июля 1770 г.» мы были готовы заменить на 1773 г., как год, традиционно признаваемый начальным в данной кампании Вольтера. Однако присмотримся к одному из главных доводов сына против похвал сопернику его отца — генералу Бюсси: «Вскоре появится философский труд об Индии, в котором приведено более двух десятков случаев, когда тот заслуживал бы по крайней мере петли». Сомневаться не приходится, речь идет о «Философской истории Индии» Райналя. Но это сенсационнейшее антиколониальное произведение вышло в свет еще в 1770 г. и было в том же году переиздано. Как могли этого не знать Лалли, столь на него рассчитывающий, Марен — королевский цензор и Вольтер — приятель и корреспондент Дидро, вложившего в это произведение столько труда? А раз так, то датировка 1773 г. безусловно здесь отпадает и письмо оказывается действительно написанным в 1770 г. Тогда нет никаких оснований отказывать в отнесении к следующему месяцу того же 1770 г. и публикуемой ниже «Записки» Лалли-Толандаля.

Правда, это влечет за собой возможный пересмотр датировок ряда традиционно датируемых позднейших писем и, что важнее, ревизию наших представлений о самом характере — гораздо более упорном, длительном и тщательном — подготовки и проведения Вольтером кампании, официально начать которую можно было не ранее совершеннолетия Жерара-Трофима в марте 1772 г.

Это, разумеется, выходит за рамки вводных замечаний к публикуемым материалам — новым образчикам того, что могут найти исследователи, обратившись к ленинградским вольтеровским фондам.

Зная начало и конец «Записки», а также общую ее цель, читатель поймет, почему в данном случае мы не приводим полного перевода этого несомненно интересного документа. Не только потому, что перевод занял бы чрезмерно много места. Он не мог бы и в малой степени заменить исследовательское ознакомление с французским подлинником и притом обязательно в сочетании с изучением других опубликованных и неизданных документов. Слишком он с ними связан — аргументационно и просто стилистически: это полемика, при которой каждая строка перевода требовала бы не менее 2—3 строк толкований и сопоставлений. Поэтому ограничимся кратким резюме содержания «Записки». В ней, не раз переплетаясь и взаимно восполняя друг друга, проводится защита генерала Лалли от обвинения в излишних нападках на

своих бывших сослуживцев (он лишь давал оценки их показаниям против него, оспаривать которые ему не было предоставлено возможность): подчеркивается, что квалификация его вины была составлена в самых общих и расплывчатых выражениях; ни вымогательства, ни измена не подтвердились, а попытка самоубийства при оглашении приговора говорит не против, а в пользу его невиновности; письмо от 20 апреля, притворно заявляя о нежелании тревожить прах несчастного, на самом деле — и притом устами людей, даже не бывших в Индии, — чернит его уличениями в трусости, чего даже во время процесса делать не смели. Затем дается объяснение поведению Лалли в разные моменты индийского похода, причем обстоятельно отводится версия о якобы паническом отступлении; раскрывается истинное положение дел как с английским флотом, привезшим вовсе не больных, а оружие, так и с французским, вовсе не доставившим генералу необходимые средства; с цифрами в руках опровергается размер потерь и т. д. Особенно много внимания уделено «инсубординации», мы бы сказали систематическому саботажу со стороны администрации Ост-Индской компании и, что еще важнее, прямому неповиновению со стороны непосредственно подчиненных штабов и командиров (заметим, что и то, и другое несомненно имело место, было преступным и в случае оправдания генерала или даже просто оставления его на свободе, хотя бы и пленником англичан, угрожало многим противникам Лалли неминуемым расследованием и весьма вероятными серьезными карами). Приводятся убедительные соображения о характере обысков и конфискаций продовольствия у жителей Пондишери в последние дни блокады, о безусловном бескорыстии генерала, о повторном расходовании им личных средств для выдачи жалованья матросам и солдатам, месяцами не выплачивавшегося компанией или прежним командованием.

Таковы предпосылки включения в настоящие «Приложения» данного текста, формально не вполне отвечающего определению *письма к Вольтеру*.

Следующим текстом, об эпистолярном своеобразии которого мы уже говорили в предисловии (стр. 13), является произведение гораздо более мирного, чисто литературного и камерного жанра. Здесь не рубили голов, не попирали закон, ареной суда не была вся Европа, а поприщем героя — сказочная Индия; да и героем является не суровый вояка, несносный гордец и неудавшийся диктатор, а человек явно забытый, «униженный и оскорбленный», маниакально болезненный графоман. И все же мы не сомневаемся: при всех своих литературных и житейских слабостях произведение П. Левассера, которое немисливо приводить иначе, как в скупейше отобранных (быть может, и случайных!) выдержках, заслуживает здесь места. На первый взгляд это не более как попытка «изживания», «самоутверждения», переноса в литературу

неодолимой внутренней коллизии. Да и формально сближает ее с «Запиской» сына казненного полководца разве только факт апелляции к Вольтеру, как к совести века, к трибуну справедливости и распорядителю общественного мнения. Но если пристальнее выискивать формальные признаки, то неожиданно можно заметить еще, что и лирический герой Левассера (а проще сказать, он сам) точно так же, как и Жерар-Трофим, — незаконный сын, поздно признанный, объективно страдающий от того, что отец его умер, оставив его в ложном положении и бесправии.

Есть, однако, за этими внешними моментами нечто более существенное. Предоставим психиатрам изучение клинического случая, а литературоведам анализ трафаретной поэтики раннего сентиментализма и трескучей риторики Левассера; нашему же читателю достаточно напомнить о том, что ведь дело не сводится к личным переживаниям незаконного отпрыска знатного рода, неприспособленного к борьбе за существование и легко ранимого. Проблема (не только в сознании автора, но в еще большей мере объективно) исконно общественная, неразрывно связанная с социальным строем, более того — с политической системой феодализма (и с тем же, что и в других случаях — Каласа, Сирвена, Ла Барра, Лалли — его законодательством). Вопрос о незаконных детях, об обделении их привилегиями и особо бесправном состоянии, вопрос о праве наследования (уже не только титулов, но недвижимого и движимого имущества), семейные союзы, сплоченные против соперника в наследовании, — все это язвы общества, по-разному воспринимаемые обличителями и врачевателями крепостнического или капиталистического общества. Все это характерно для того глубокого кризиса феодальных порядков и феодального мышления, который во Франции сказался особенно с середины XVIII в. И для Вольтера, как одного из наиболее чутких выразителей этого кризиса путем критики идейных, религиозных, судебных, эстетических, театральных и экономических основ и обликов феодализма, эти вопросы не могли быть чуждыми, хотя нам и неизвестна реакция Вольтера на нескромный дар Левассера; и значение этого документа, кажется, не умаляется от того, что в литературном плане сюжет этот был не нов, а аббату Прево, Руссо и Дидро он был более по сердцу, нежели Вольтеру.

Английские и итальянские стихи (см. №№ 6, 7), приводимые, разумеется, без подстрочного перевода, даются здесь не только как образцы из сравнительно небольшого числа сохранных в архиве Вольтера, а в действительности несомненно гораздо более обильных поэтических посвящений. Недостаточно знакомые с предметом, мы всецело полагаемся на наших итальянских коллег при решении вопроса о том, не является ли призыв на берега

Тибра произведением, быть может, вполне известным, а возможно, даже публиковавшимся, хотя бы в бесчисленном рое итальянских «случайных» и «локальных» изданий XVIII или XIX в. Что же касается английских стихов, то положительно можно утверждать, даже не будучи знатоком дела, что они, во-первых, не принадлежат ни одному из тех многочисленных английских визитеров Ферне, которых с таким тщанием выявил Gavin de Beer в своем труде «Voltaire's British visitors» («Studies on Voltaire and the Eighteenth Century», tt. 4, 10, 18), во-вторых, даже при обращении к ряду английских специалистов не могли быть отождествлены с чем-либо известным, даже при помощи запроса в столь излюбленной — и подчас весьма эффективной — форме наведения справки настоячивыми коллекционерами или библиографами, как Notes and Queries.

Дополнительные материалы, регулярно приводимые Т. Бестерманом в виде документов экономического характера, как кажется, еще не заслужили достаточной оценки в критике; они безусловно чрезвычайно полезны и пригодятся в будущем не одному исследователю. Публикуемый (см. № 5) листок, писанный рукой Ваньера, оправдан с этой же точки зрения: он фиксирует не только статистические данные по поместью Ферне, но и одновременно позицию Вольтера в вопросе о принципах обложения — одним из краеугольных в системе физиократии. Конкретно он вызван несуразным, по мнению Вольтера, обложением фернейского жителя Озера: обладая участком в 850 кв. туазов, он должен внести 21 ливр налога, тогда как весь приход в целом вносит 230 ливров за 342 879 кв. туазов. Заключительное замечание выдает основную мысль: «Если таковы налог на промыслы и прочие поборы, то при подобном порядке что станется с ремесленниками и мастерами?».

Нелишне добавить, что Жорж Озер, родом женевец, был активным участником волнений 1770 г. и оказался первым в списке лиц, приговоренных к изгнанию из Женевы. Его и еще 17 его единомышленников Вольтер завербовал в «подданные короля», причем они обязались обосноваться в Версуа, построить там дома и т. п. В ряде писем к французскому резиденту Эннену в феврале 1770 г. Вольтер выражал свою обеспокоенность участью Озера, которого он объявлял философом, имеющим библиотечку таких книг, за которые его готовы сжечь, как Сервета (Best. 15157, 15159 и 15161). Хотя из затеи сооружения французского порта Версуа на Женевском озере ничего не вышло, не только для Вольтера было очевидно, что недопустимо разорять налогами новых поселенцев — искусных ремесленников.

Критика Библии занимала Вольтера неоднократно и под разными углами. Тревожила она умы и вольтерианцев, подчас вкладывавших в нее немалую ученость. Лингвистические тонкости рассуждений адвоката Ле Бригана, уже весной 1778 г. наступшего

Вольтера своими изысканиями о значении еврейских слов «Тоһу» и «Воһу», коими в самом начале книги Бытия обозначен хаос («земля же была безвидна и пуста», лат. *inanis et vacua*), переводить на русский было бы бессмысленно, познакомить же читателя с этой разновидностью вольтеровской переписки необходимо (см. № 4). Jacques Le Brigant выпустил в 1787 г. книгу о первобытных языках.

Письмо заключенного к Гельвецию (см. № 3), казалось бы, совсем периферийно по отношению к переписке Вольтера. Дело, однако, не только в идейной атмосфере, им характеризуемой, или в факте сохранения его именно в вольтеровском архиве: оно несомненно было Вольтеру переслано в каком-то письме, возможно самим Гельвеем. Стихи повествуют о том, как легкомысленный и поверхностный в свои молодые годы автор, попав в тюрьму, познал и обманчивость судьбы, и ненадежность дружбы, его предавшей. Внезапно пред ним раскрылась книга «Об уме»: «Примите мою признательность, Гельвеец, повязка спала с моих очей, и это дело ваших рук, вы вернули мне отвагу, и я более не столь несчастен». После размышлений, демонстрирующих знакомство с отдельными эпизодами книги «Об уме», автор заканчивает стихотворную часть послания, провозглашая свою уверенность в том, что твердость духа должна быть господствующим началом в человеке и что «когда дело идет о счастье, человек всегда таков, каким сам захочет быть». В прозаической части послания автор просит о снисхождении к стихам; он едва ли знаком Гельвецию, но, как гражданин вселенной, имеет право обращаться к гению — просветителю и утешителю этой вселенной. Покойная мать его в тесной близости к г. Гельвецию почерпнула все то, что он ныне обретает в его трудах, и потому-то он рассчитывает на снисходительность, будучи самым ревностным энтузиастом среди его почитателей.

Шуточные стишки на женитьбу маркиза де Виллета (см. № 8) знакомы, вероятно, не одному вольтероведу. Один из показателей популярности Вольтера среди парижан в последние недели его жизни, стишки эти обыгрывают тот хорошо известный современникам факт, что маркиз отнюдь не был поклонником прекрасного пола. Извлечение их из архива оправдано тем, что, оказывается, Вольтер сам не только знал о них из первых рук, но даже лично внес в них правку!

1

1770, 6 VIII

От Лалли-Толандаля

de Paris le 6 aoust 1770.

«л. 139» En lisant avec attention monsieur ce que Vous avés inseré dans Votre Siecle de loüis quinze, de relatif au general lally, digne d'un meilleur sort jay observé que Vous luy avés trouvé des torts dont

il seroit facile de le justifier, mais dont on ne peut sçavoir mauvais gré a un historien, lequel, ainsi que le public, ne connoit l'affaire quen gros, d'ailleurs, ces torts supposés tels, ne sont rien moins que des crimes.

Vous luy reprochés, par Exemple, d'avoir attaqué sans menagement dans ses memoires les officiers les plus Considerables, Et qui avoient l'approbation generale, mais Vous ignorés que les memes officiers Civils Et militaires Contre lesquels jl avoit cru devoir porter des plaintes graves, Et qui de leur Coté En avoient usé de meme Contre luy, ont Étés ouis Comme temoins, que ce na Été qu'apres avoir Entendües leurs depositions que le general sest vu, sans doute forcé de se deffendre En articulant tout ce quil avoit a objecter de Capable de les atténuer, Et que les menagements dont jl auroit pü user, ne retranchant rien du fond de ce qui avoit Été avancé Contre luy, devoient jnutils, Et ne pouvoient que Luy Etre dautant plus funestes, que ces temoignages Ennemis Etoient presque les seuls, pour navoir pas pris ceux de plusieurs personnes Considerables, tres En Etat de parler, dont la pluspart Etoient a paris, Et qui nont pas Ettés <sic/> assignées, a l'exception de deux ou trois seulement, lesquels bien loin de rien avancer qui put nuire au general, ont au Contraire Eclaircy a sa decharge des faits jmportants, sur lesquels on avoit Entrepris de reprendre des nuages.

Javoue monsieur que pour s'expliquer affirmativement sur cette grande affaire, jl faudroit avoir Vü les jnformations Et le procès, mais sy En attendant La presumption Est pour la chose jugée, jl doit Etre permis de trouver rigoureux qu'ayant Été bien reconnu Et avoue que le general navoit, ny Concussions, ny haute trahison a se reprocher, il ait Été néanmoins Condamné a perdre la tete sur des qualifications generales et vagues, sans quon aye jusqua present articulé un delit particulier qui merita une peine Capitale Contre un lieutenant general des armées du roy.

quoiqu'il En soit monsieur, Vous Vous Estes Contenté de rendre a m' de lally que Vous avés Connü, La justice qu'exigeoient des faits passés sous Vos yeux, Et portant Limpartialité aussy loin quil Etoit possible, disant du bien de Ceux memes qui luy ont fait perdre la Vie sur un infame gibet, deffendant les juges de L'imputation odieuse de s'etre opposés a Ce que le roy fit grace, Vous avés fait observer que Vous ne pretendiés pas soutenir que le general fut jnnocent, mais seulement quil se Croyoit luy meme tel, parcequil Est Vray que les Criminels Consternés par un jugement severe Et merité, semblent En reconnoitre La justice par leur morne silence, au lieu que m' de lally criant a l'jnjustice, Et voulant dans un mouvement de fureur attenter a sa Vie, avoit par cet Excés donné la preuve non Equivoque quil ne se reputtoit Coupable de rien.

Cette moderation dans les Expressions dont Vous Vous Estes servy, En respectant l'arret donnant des louanges a Une partie de Ceux quon peut regarder d'apres Eux mesmes <l. 139 ob.> Comme opposés au general, Et laissant a Ceux qui le plaignent, sinon la satisfaction dy

voir une justification qu'ils Eussent désirée, du moins la Consolation de ne pas y trouver d'inculpations graves, sembloit devoir garantir Votre ouvrage de toute Espece de reclamation.

Cependant monsieur une lettre qui Vous est adressée sous la date du 20 avril 1770, dans laquelle on ne garde assurément aucun menagement avec vous, vient d'être repandue dans le public, Et quoique ditte imprimée a amsterdam La <sic!> Été probablement a paris, ou Elle se debite chés merigot le jeune,

Il est visible que plusieurs personnes qui toutes n'ont pas Eûtés aux jndes, ont travaillé a la Composition, Et redaction de Cette piece, Elle a revolté bien du monde Et sur tout La nation irlandoise, Et decela En Effet un acharnement tel qu'il proueroit plutot pour que Contre le general qui y est outrageusement déchiré apres sa mort, on En avoit a la Verité use a peu pres de meme pour la distribution des memoires qui furent donnés Contre Luy, jls ne parurent que quelques jours avant la Condamnation annoncée, Et lorsqu'il n'avoit plus la liberté dy répondre.

On affecte dans cette lettre de declarer d'abord qu'on ne veut pas troubler les cendres d'un infortuné, Et bientot apres on se dement En renouvelant des reproches de lacheté, semés par ses Ennemis, mais sur lesquels jls n'ont pas Eu le courage d'insister dans le procès,

heureusement pour la memoire du general, j'l avoit fait les preuves a la Vüe des troupes du roy depuis son Entrée au service, ses contemporains sont pleins de vie, jls diront qu'ils luy ont vu repandre son sang pour la deffense de la patrie, Et que son maitre sous les yeux duquel j'l combattoit, ainsi que Vous l'avez observé, Crut devoir le recompenser publiquement de la Conduite distinguée qu'il tint a fontenoy, a la tete du regiment de son nom qui faisait partie de La brigade irlandoise,

des jnfamies telles que Celles qu'on ose avancer, ne prouvent que la fureur Et La haine, Celui qui a presenté un front serein, une constance ferme, Et une Valeur agissante Contre la fameuse Colonne angloise, n'a Certainement pas Été Effrayé d'une poignée de noirs, Et ne sest pas retiré a pondichery, pour Eviter comme on Essaye de le faire Entendre, de se trouver a la premiere bataille de Vandavachy, a laquelle les autres officiers generaux n'assisterent pas plus que luy, on scait, Et on auroit du dire que des soins plus jmportans l'appelloient ailleurs, tels que de ranger a leur devoir les Employés mutinés, d'arreter la desertion des troupes, Et de se joindre a la nation pour obtenir que lescadre ne quitta pas la Cotte, Comme letablit jncontestablement la protestation nationale.

n'est il pas inouï qu'on accuse le general de n'avoir pas marché a madras au lieu d'aller dans le tanjaour, tandis qu'il nen fut Empeché que par des obstacles qu'il n'ettoit pas le maitre de faire cesser, Et nottament les lettres du gouverneur de Pondichery Et dun jesuite nommé Lavaur qui joüoit un grand role En ce pais la, lesquelles luy refusant toute ressource pour le siege <л. 140> de cette place, l'avertissoient

nettement quil nen avoit dautre que celle d'aller dans le royaume de tanjaour, ou on luy promettoit des subsistances Et des secours qui luy manqueraient totalement, Et dont la privation le contraignit de renoncer a cette Expedition, de l'avis unanime des officiers qui composoient le conseil de guerre tenu a Cette occasion.

L'auteur de la lettre taxe Cependant de retraite honteuse celle qui fut Executé, Et fait au general le reproche puerile de s'etre fait porter en palanquin, Voiture dit il consacré a la molesse, Et qui Est indigne d'un militaire, Comme si tout le monde ne sçavoit pas que cest celle dont se servent generalmente Dans l'inde toutes les personnes un peu considerables.

pour appretier justement toutes les Calomnies debittes sur Cette Expedition, jl ne faut que lire le precis annexé a la deliberation du Conseil du 18 aoust 1758; on y verra ce que pensoit le Comte destaing du siege ou jl Etoit, ainsy que la retraite jusqua trivalour ou on cessa de Voir lennemy, on y verra que loin d'Estre abbattu par le mauvais succes, Et par des terreurs paniques qu'il n'épprouva jamais, le general s'occupoit dun projet hardy Et decisif, que le Comte destaing ne negligea rien pour le faire adopter, Et que voyant le peu de succès de sa negotiation, jl n'hésita pas de dire, quil ne doutoit pas que quoiqu'il arriva, on ne se plut a Eterniser la memoire d'offres faites pour le bien Commun, glorieuses pour m^r de lally, Et qui doivent le rendre cher a tous Ceux qui representa la Compagnie, Ce sont la des faits, Et En avancer de diametralement opposés, Cest oser dementir m^r le Comte destaing. Et tous Ceux qui, temoins oculaires peuvent rendre le meme temoignage.

On attribue Encore la levée du siege de Madras a une terreur panique occasionnée dit on par l'arrivée de six vaisseaux anglois qui n'étoient charges que de malades; toujours dans lobjet de rendre le general odieux, on ajoute quil abandonne ses malades, mais jl ne manque a tout cela que la verité, 1°. nous n'avions que 2700 Europeens, les assiegés avoient au Contraire 5000, hommes Compris 3000 Cypaÿes qui derriere un retranchement valent autant que des blancs, 2° malgré Cette disproportion de force, monsieur de lally vouloit donner lassaut, lorsque les officiers de l'artillerie Et du genie luy declarerent par Ecrit quil Etoit inutile de Continüer des travaux qui feroit perir beaucoup de monde Et n'aboutiroient a rien, 3° le general qui voulait passer outre En fut Empeché par l'arrivée jmprevüe de six vaisseaux, non pas chargés des malades, mais de munitions, Et de 600 hommes du regiment de drapet bien portants, En sorte que sy on Eut attaqué la place, on auroit opposé Et lecrit signifié par le corps royal, Et le renfort qui augmentoit la disproportion qui existoit deja a lavantage de Lennemy, Et que pour avoir defferé a Cet Ecrit Et cedé aux Circonstances quon passe Egalement sous silence, la levée du siege Est attribüée a une terreur panique, ce qui prouve assés qu'on voulait que m^r de lally Eut tort dans tous les Cas, 4° jl est faux que nos blessés ayent Etés <1. 140 ob.> abandonnés, jl nen resta qu'une trentaine hors d'etat

de tre transportés — auxquels on laissa un chirurgien. Et une sauve garde, tout le reste avoit été Embarqué a S^t thomé pour pondichery, 5° nous ne perdimes aucuns bagages. Et ne laissames que Cinq piéces d'artillerie En Etat de servir faute de boeufs pour les trainer, 6° Enfin sy on Eut sçu profiter d'une occasion qui netoit pas dans la main du general, Et dont le chevalier de Crillon a rendu Compte dans sa Confrontation rapportée dans une notte qui termine la page 105 du memoire imprimé de m^r de lally, madras Eut été pris.

La seconde bataille de Vandavachy avoit été precedée d'une manoeuvre dont tout homme de guerre s'honoreroit, Et lors de laquelle, le general s'étoit fort Exposé Comme le sieur de leyrit dans sa lettre du 18 janvier 1760 Convenoit que la renommée le publioit, l'auteur anonime pretend Cependant que de toutes les Expéditions de m^r de lally, C'est celle qui luy fit le moins d'honneur, j'l passe negative quil soit demeuré seul sur le champ de bataille, mais puisquil jnvoque a l'appuy de son assertion les officiers qui étoient presens, on sen raporterá volontiers a Ceux qui nont pas déposés le temoignage des autres seroit d'autant moins admissible, qu'apres avoir été accusés, jls sont devenus accusateurs Et temoins, Et quil En Est Certains qui se sont permis de mettre En avant relativement a Cette seconde bataille de Vandavachy des faits a Eux personnels, que des temoins oculaires dun Certain ordre ont cru devoir Contredire formellement.

Enfin monsieur on porte la rage jusqua declarer le general indigne, Et jncapable de Commander, Lorsquon Entreprendra d'établir Cette jndignité autrement que par une vaine declamation, le public jugera sy Elle Est fondée ou ne lest pas, mais en attendant lanonime devra rougir d'avoir ajouté a tant d'autres Cette jnjure atroce, proferée Contre un jnfortuné dont j'l avoit annoncé quil ne vouloit pas troubler la Cendre, quant a la Capacité, la pluspart de ceux revenus de l'Inde ne doivent pas Etre regardés Comme Competens pour en decider, j'l faut Entendre sur le point les officiers generaux sous les ordres desquels m^r de lally a servy. Et les officiers particuliers qui ont servy sous les siens en Europe, Et meme plusieurs a la Cote de Coromandel, on ne Craint pas de dire quil nen resultera qu'un Cry pour assurer quil étoit capable dexécuter les Entreprises les plus difficiles, Et quon le choissoit de preference pour les occasions delicates. lexpedition de l'inde étoit de Cette classe, j'l na pas demandé a y aller, Et pour son tres grand malheur neut pas la force de resister aux pressantes sollicitations qui Luy furent faites de partir par les personnes les plus Considerables.

apres Vous avoir fait voir, monsieur, l'extreme partialité qui regne dun bout a lautre dans la lettre en question je ne sçaurois me dispenser de faire quelques observations succinctes sur les reproches quelle Entreprind de Vous faire. Vous avés dit que le general fut trompé dans les Esperances En arrivant dans Linde, 1° point d'argent dans les caisses, 2° peu de munitions de toute Espece, 3° des noirs Et cipayes pour armée 4° nulle subordination; a En Croire l'anonime rien de plus faux que tout cela, il faut Examiner les preuves quil pretend En don-

ner, Et y repondre, cela sera dautant plus facile quil ne parle que dapres luy meme, Et quon nest rien moins quobligé de len Croire sur sa parole. <л. 141>

1°. Il Commence par avoüer quil ignore a quoy pouvoient se monter les sommes qui Etoient dans les Caisses de la Compagnie, il auroit deu dire quelles Etoient vuides a larrivée du Comte de lally, parceque le fait Est Exactement vray. Il ajoute Ensuite que le chef d'escadre y versa deux millions, mais il faut que ces deux millions dont le general netoit pas l'ordonnateur, furent Employés a tout autre objet qu'a Celuy de la guerre, Et Entierement Consommés En moins dun mois, il ne faut que jeter les yeux sur la Correspondance du general avec le sieur de leyrit Et le jesuite lavaur pendant le siege de S^t david, pour le reconnoitre. La vivacité des plaintes tres fondées de m^r de lally sur le changement de destinations de ces deux millions, Et les aveux formels des deux autres, non seulement quil y avoit disette des fonds, mais meme quelle Etoit attribüée a la Compagnie qui depuis deux ans nen Envoyait point deurope. Il peut se faire que les deux millions Eussent suffy pour soudoyer les troupes etc. mais jl falloit pour Cela quils Existassent, Et qu'a linscü Et contre l'intention du general, on nen Eut pas acquitté d'anciennes dettes, Enfin Cette disette Etoit si Constante, que les matelots de la flotte refusant de faire le service pour la Conduire devant S^t david, sous le pretexte que le sieur de leyrit ne leur payoit pas deux mois de solde, le general fut obligé de faire cesser leurs plaintes. En avançant 60000 ll. de ses propres deniers, fait sur lequel on na pas osé Elever le doute le plus leger

Lauteur dans lobjet de grossir les fonds, pour avoir occasion d'jnculper toujours davantage le general quil poursuit au dela du trepas avance que la Caisse militaire ne souvroit malheureusement que par ses ordres, Et quil y avoit Eté versé plus de sept millions, jndependamment des revenus darcatte qui en produisoient six, Et des contributions des pakagats.

Cette observation Est dune mauvaise foy jnsigne sy lanonime Est jnstruit yl faut dabord remarquer que la regie des revenus darcatte fut donné de laveu du gouverneur, Et que le regisseur En a Compté a un Commissaire du Conseil ainsi Cet article ne scauroit Etre la matiere d'un reproche, quand aux Contributions Et a tout ce qui Est Veritablement Entré dans la Caisse militaire, les tresoriers sont Convenus quils avoient perçu le tout, quils Etoient prêts den Compter, Et que le general n'avoit jamais mis la main dans leur Caisse, cest ce quil Eut Eté facile de verifier En faisant rendre les Comptes, Cette operation seule auroit prouvé dune maniere claire sy m^r de lally avoit ordonné des depenses jnutilles, ou des payemens Etrangers a la guerre, mais les accusateurs sçavoient trop bien ce qui En auroit resulté pour presser cet Eclaircissement, Et jls nont voulu que repandre des nuages, au reste, jl En Est de linde comme de leurope, on ny fait pas la guerre sans argent, Et il suffit que le general nen ait pas pris pour son compte pour quil ne puisse Eprouver aucun reproche fondé, Sil se fut ou-

blié a Ce point, L'arret neut pas manqué de le declarer Concussionnaire, Et Cest ce quil na pas fait Et quil ne pouvait pas faire, puisque les temoins qui avoient Entrepris d'insinüer que m^r de lally s'etoit approprié Certaines sommes, ont Etés dementis par les tresoriers Et forcés de se dedire, jl Est vray quon trouve dans Larret le mot, Exaction, mais tout le monde sçait quil na rapport qu'aux <1. 141 ob.> taxes que le general avoit mis sur les habitans pour Etre En Etat de prolonger le blocus. taxes au surplus qui furent perçues par ceux qui En Etoient chargés par Etat, Et dont jl a Eté bien reconu quil n'etoit pas Entré une obole dans la poche du general.

Larret repondroit Egalement a l'article des sommes tirées des dobachis, de rajasaab, de ramalinque etc sy Ce netoit pas la de veritables Calomnies fondées sur des oüi dire, denuées de toute Espece de preuves, Et dont on Connoit la source:

2° on vous fait un Crime monsieur d'avoir dit que le general trouva peu de munitions, pour Etablir le Contraire, on observe que le general Cootte En trouva beaucoup dans pondichery, Et on veut vous apprendre quon fabrique de fort bonne poudre dans linde.

On na jamais Contesté quil ny Eut quelques munitions de guerre, on a Cependant lieu de Croire quelles n'etoient pas fort abondantes a larrivée du general, puisque dés le Commencement de ses operations, jl se plaignoit au sieur de leyrit de ce que tout averti depuis huit mois, jl navoit pas fait le moindre preparatif, Et que celuy cy sen Excusoit sur ce que la Compagnie lavoit laissé manquer d'argent, Et que lescadre par laquelle jl attendoit bien des Especes de secours se trouvoit au Contraire denuée de tout.

Les munitions Existantes Etoient sans cesse demandées, fournies avec la plus grande lenteur, Et dailleurs Etoient dans le plus grand desordre, au point qu'on Envoya pour le Siege de S^t david des canons qui Etoient Encloués, Et des boulets ou bombes qui n'etoient pas de calibre, Enfin, jl Est dautant moins surprenant quon En aye trouvé dans la place apres la reddition, quil ne fut pas au pouvoir du general de les Consommer parceque l'ennemy ne faisoit que bloquer la place Et ne l'assiegeoit pas, Et quon n'executa pas lordre qu'avoit donné le general de mouïller les poudres Et de bruler les Effets, sous le vain pretexte que Cet ordre Etoit donné bien moins pour En priver lennemy, que pour lexciter a traiter plus mal l'habitant, mais monsieur, l'auteur de la lettre tombe dans une Equivoque Volontaire, quand Vous avés parlé de munitions de toute Espece, vous y Compreneis sans difficulté les vivres, qui sont l'essentiel, or la Correspondance prouve jusqu'a la demonstration quils ont presque toujours manqué Et que le general En a fait acheter pour L'armée sur ses propres fonds, Cette disette a Eté sy Constante que suivant toujours le plan d'attaque qu'on s'etoit formé, on n'a pas manqué den rendre responsable m^r de lally qui n'etoit ni jntendant, ni general des vivres, Et qui comme de raison temoignait a l'administration de la Compagnie dans Linde, des besoins quelle auroit dû prevenir Et quelle devoit, au moins, faire cesser, au

reste, il Est pretendu qu'indépendamment des munitions de guerre, le general Cootte trouva des vivres dans la place, fait qui justifieroit tout a la fois, Combien peu l'habitant se prétoit, Et Combien les fouilles <A. 142> ordonnés par m^r de lally, Et qu'on a Converties En abus d'autorité Etoient indispensables pour prolonger la resistance, Et donner a la flotte qu'on se flattoit toujours de Voir paroître le temps d'avancer.

3° on trouve Etrange que vous ayés voulu faire Entendre que l'armée Etoit Composée de noirs Et de Cipayes, on vous oppose que les troupes que le general trouva Etoient blanches, Et quelles avoient pris d'assault la forteresse de chetoupe sous les ordres du chevalier de Soupire, Enfin pour En grossir le nombre, on a grand Soins de faire une pompeuse Enumeration des vaisseaux de l'escadre française, Comme sy m^r de lally dispoit de Cette Escadre, a laquelle, les circonstances, sans doute nont pas permis de rendre les Services bien importants, Sy donc, on En Excepte des Soldats de marine qui furent mis a terre Et joints a L'armée a une Certaine Epoque, il faut rayër les Vaisseaux de la ligne de Compte, le surplus de notre infanterie blanche Consistoit dans les regimens de lorraine, de lally, Et le bataillon de L'inde.

dabord, on ne persuadera a personne que quatre ou Cinq bataillons formassent le gros de L'armée, le general s'en servit utilement dans ses Expeditions, mais ils ne pouvoient pas Etre par tout, il y avoit des places Et des postes a garder, Et le nombre des Soldats diminoit chaque jour par la guerre ou la desertion, sans remplacement, parcequ'on ne recrûte pas des blancs En asie, il faut les tirer d'europe Et les attendre longtemps,

il paroît des lors démontré que le gros de l'armée, Et cest ce qu'on appelle L'armée En bon françois, Etoit Comme vous l'avez dit, sur tout apres la prise de S^t david, Et la retraite du tajaour, Composée de noirs Et de cypayes, que l'anonyme appretie, page 5 note B de sa lettre, de maniere a faire Connoître jusqu'a quel point le general pouvoit Compter sur Eux, on na rien a ajouter a ce qu'il En rapporte,

4° Enfin monsieur, on Vous imputte d'avoit Voulu justifier Votre amy En fletrissant L'honneur de toute une armée, Vous ne Vous seriez pas attendu a Ce reproche, fondé Sur ce que vous avez rapporté page 216, Volume 2 du siecle de loüis quinze, une lettre dun officier general, nullement partisan de m^r de lally, Et Sur ce que Vous avez dit qu'il ny avoit point de Subordination dans l'armée, tandis qu'on assure quelle Etoit telle, quelle Egaloit tout ce qu'on pouvoit attendre des plus vieux Corps qui servent En Europe Comme le prouve assés L'ascendant prodigieux qu'une poignée de nos soldats avoient Souvent Sur une multitude d'indiens armés.

Il Suffit que l'officier general dont Vous avez vue la lettre, naye pas pensé Et parlé Comme le Voudroit Lanonime pour qu'on le Couvre d'jnures Ce qui est d'abord fort mal, mais ce qui ne l'est pas moins Et qui de plus Est fort injuste, Cest de pretendre que Votre honneur souffre par cela seul que Vous avez puisé, dans cette Source

pretendüe Empoisonnée, quoiqu'on En puisse dire, le temoignage de Cet officier general peut meriter plus d'attention que Celuy de notre auteur, — Et son Eloignement marqué pour m^r de lally doit rendre dautant moins <л. 142 об.> suspect ce quil a Cru devoir Consigner dans sa lettre.

mais cest peut Etre la premiere fois que sur un reproche dinsubordination fait a une armée En general, des particuliers se le soient adopté. Et ayent cru devoir sen deffendre avec aigreur, jl est arrivé plus dune fois que nos armées d'europe En ont Eté taxé, Et on na point Vu de don quichotte Selever pour les En justifier, dailleurs, quoique l'insubordination soit un grand defaut, Elle peut assurement Exister, sans que pour cela la bravoure Et l'honneur de Ceux qui sen rendent Coupable puissent Etre attaqué, Cest principalement dapres Cette derniere reflection monsieur que je ne crains pas de Vous dire que cest avec raison que Vous avés parlé du manque du Subordination qui sest manifesté trop publiquement, tant dans le civil que le militaire, pour pouvoir Etre revoqué en doute, les faits suivants demontreront Cette verité *

dabord on voit dans letat Des Conseillers Et Sous marchands de linde remis par Ladministration de paris au general, que le Sieur de leyrit ne sçavoit pas maintenir la Subordination, Et dans Ses instructions, quil Eut attention de ne Confier aucune Expedition aux Seules troupes de la Compagnie des jndes, Etant a Craindre que lesprit d'insubordination d'indiscipline, Et de Cupidité, ne fit Commettre des fautes aux officiers qu'il Etoit de la Sagesse de prevenir afin de n'avoir point a les punir, quoique les Expressions generales ne fussent Certainement pas applicables a tous les particuliers, jl doit neanmoins Etre permis apres cela de dire Et de Croire que la Subordination ne regnoit pas aux jndes.

Cest sans doute y avoir manqué, de la part des matelots de l'escadre que d'avoir refusé le Service pour faire paroître la flotte devant S^t david, jusqua ce quil Eussent reçu les deux mois de paye dont m^r de lally fit Lavance, Et de la part des troupes de terre que de Setre revolté a Vandavachy, de Setre Emparé de l'artillerie, davoir quitté ses drapeaux Et ses officiers, Et davoir Eté Camper a deux lieües de Son quartier, le tout faute de Solde, jusqua Ce que le general, au moyen de Son propre argent, Eut fait rentrer cette jnfanterie dans le devoir par lentremise du chevalier de Crillon, qui Est Vivant Et fort En Etat de dementir ces Calomnies, denüées dailleurs de toute Vraisemblance, par lesquelles, les Ennemis du Comte de lally Vouloient faire Entendre quil Etoit luy meme auteur de Cette revolte, quil neut pas fait Cesser, sil l'avoit Suscitée, peut on aussy ne pas taxer d'insubordination Et la Conduite que tint après La seconde bataille de Vandavachy, la cavalerie qui faute de Solde, sonna le bout de Scelle, Et

* *Начало следующего абзаца отчеркнуто на поле карандашом.*

abandonna Ses Etendars Et ses officiers, qui Courant apres parvinrent a la ramener au Camp, Et la demarche des Sous marchands Et Employés de la Compagnie, qui Commandés pour faire nombre dans une montre de nos forces, propre a En imposer a l'ennemy, Entrerent armés <n. 143> dans la Cour du gouvernement ou logeoit le general, Et luy declarerent quils n'étoient pas fait pour passer En Revüe, Et quon ne pouvoit Exiger deux dautre service que Celuy de l'interieur de la place.

Independamment de cela monsieur Et de deux Conseils de guerre qui declarent atteint et Convaincus de Crime de lachetté deux officiers du bataillon de linde qui Commandoient dans Karikal Et Villenour, places quils rendirent Sans tirer un coup de fusil, independamment des billets injurieux repandus dans larmée, des placards infames affichés a pondichery Contre le general, Et des traverses quil 'Epprouva dans presque toutes Ses operations, jl ne Seroit pas difficile de Vous citer des defauts de Subordination de quelques particuliers En matiere jportante, mais les bornes dune lettre ne permettent pas de tout dire, Et je Crois daillieurs En avoir dit assés pour prouver que Vous n'avez fait que rendre hommage a la Verité, En avançant que le general ne trouva pas dans son armée La Subordination necessaire,

Je ne finirois pas monsieur Sy jentreprendois de relever tout ce qui Est reprehensible dans la lettre qui Vous a Eté adressée, Et quon a Cru Sans doute une belle piece, puisquon la fait jprimer Et repandre dans le public avec affectation, jl est Vray que les auteurs ne Se sont pas nommés, Et cest une precaution Sage quand on avance des faits qui peuvent Etre aussy facilement dementis, Et Sur tout quand on dit des injures atroces a un homme tel que Vous.

Sy j'use de la meme precaution, Ce nest assurément pas par le meme motif, mais uniquement parceque Sy je regarde Comme honorable de Contribüer a la deffense dun homme quon persecute apres sa mort, en mettant Sous vos yeux des faits dont vous pourriés n'être pas instruit, Et que Vous Scaurés faire Valoir bien mieux que qui que ce puisse Etre, je regarde aussy que nayant pas l'honneur d'être Connu de Vous, jl est dautant plus inutile de decliner mon nom quil ne fait Rien a la chose, ne Sagissant que de Sçavoir qui de Lanonyme ou moy a dit La Verité.

Je me flatte monsieur quelle Est Entierement developpé dans la presente Lettre, Ce ne Sont point des propositions generales, Et des justifications Vagues que je mets En avant, ce Sont des faits particuliers prouvés par les pieces quon trouve a la Suite des memoires du general lally, Contre La teneur et la fidelité desquelles Rien na Eté objecté.

Ce nest pas a moy a repondre a la maniere peu mesurée dont on ose parler de Votre Siecle de louís quinze, le public Eclairé Vous Vengera de Reste de Cette petite Critique qu'on Sçaura appretier, Et dont le motif <n. 143 ob.> pris de Ce que Vous avez fait une action genereuse, ne pourra qu'exciter de plus En plus Son indignation.

Jay l'honneur detre avec respect monsieur Votre tres humble Et tres obeissant Serviteur

P. S. au moment ou jallois jeter ma lettre a la boette, un de mes amis ma fait observer quon ouvroit quelquefois les lettres, la Crainte que Celle cy ne fut supprimée ma fait prier le meme amy de sen charger Et de la mettre a la poste en passant a lion. Je lay decachetée pour Vous En faire l'observation.

Автограф. Рукописи БВ, т. VI, лл. 139—144. На обороте л. 144 две пометки рукой Вольтера: «Sur lalli» и «papiers du fils du Comte de lalli».

2

1762, 31 I

От П. Левассера

<стр. 1> A Monsieur Voltaire, des Accadémies de France &c.

Monsieur,

Dans cette vallée de misères, de douleurs et de larmes, un homme devint, pour son malheur, le fruit d'un amour occasionné par des principes les plus naturels <стр. 2> et des circonstances les plus justes, et fut élevé dans l'obscurité d'une manière peu conforme aux loix de la nature, qui ordonnent que tous les Êtres, qu'elle engendre, soient nouris et éduqués suivant la condition et les qualités de leurs pères et mères. Il vivoit cependant dans l'esperance que son sort changeroit peut être de face un jour, lorsque son père, qui, le regardant, et l'ayant fait élever pour son fils, se promettoit de lui faire tout le bien qu'il lui devoit, étant venu à mourir subitement, ses Parens s'emparerent de sa dépouille, et, pour se défaire de celui qui en faisoit seul le portrait et le souvenir, ils l'exposerent sur une mer remplie d'écüeils, et lui jetterent comm'une grace encore spéciale, une petite chaloupe qui heureusement lui fut apportée par une onde pitoyable.

Celui dont j'ai l'honneur, Monsieur, de vous parler, se trouvant à la merci des ondes sans cette ressource, ne pouvoit gueres néanmoins esperer d'en échaper: heureux pour lui, si, fils de matelot, il lui eût été libre de suivre la condition de son père, mais n'étant pour lui ni l'un ni l'autre, et ne connoissant point les dangers de la mer, les moindres flots <стр. 3> ne pouvoient manquer aussi de le submerger. Cependant il ne perdit pas courage, et apprenti nautonnier, il s'efforça à râmer, dans l'esperance de gagner quelque golfe, ou il fût à l'abri des vagues impétueuses. jl alloit ainsi, luttant contre les vents et l'orage, et levoit les yeux au Ciel, en lui rendant graces de sa fortune, et le priant encore de pardonner à ceux qui la lui rendoient aussi malheureuse.

Mais ce n'était pas encore assés que le sort lui fût devenu aussi cruel: les plus grands coups se préparoient à le fraper: non content de l'avoir réduit en cet état misérable, il conjura contre lui tous les

éléments, et fit élever une horrible tempête, afin qu'il finisse dans toute la solennité de ses rigueurs. . . Cette première tempête s'étant apaisée, bientôt une seconde recommença, et successivement plusieurs autres, de sorte qu'empoisonné par une eau pestilentielle <crp. 4> qu'il avait avalée, les forces insensiblement lui manquèrent. . . Cet homme flottoit ainsi, Monsieur, entre la vie et la mort. . . Dans cette dernière extrémité, il ne pouvoit <crp. 5> retenir ses plaintes, et faisoit ces tristes lamentations.

O, vie! pourquoi m'as tu été donnée si rigoureuse?

<crp. 6> Qui donc raisonne ainsi en moi? Est ce une pierre immobile, sans feu, sans activité, sans lumière, sans esprit? cela ne se peut. . . <crp. 8> Mais qu'ai-je besoin de tant de recherches? Le malheur, ou je suis plongé, m'a t-il fait perdre la mémoire, et ne me souviens je plus des principes d'instruction, que l'on m'en a donnés dès mon enfance. *Un être surnaturel*, me dit-on, fût l'auteur du genre humain et de toute la nature. . . <crp. 10> Ainsi, est-ce parce que je ne puis comprendre qui je suis, que je dois croire que celui qui m'a fait ne me connoit pas, ou n'existe pas? . . . <crp. 11> Que je puisse concevoir, ou non, comment il y a un Dieu, ni comment la nature a pû en être formée, ni comment j'en ai été formé moi-même, et suis un être immortel, je me garderois bien du moins de penser qu'il n'y en a point, ni d'en attribuer à la nature l'excellence de celui qui l'a formée, ni de croire mon âme semblable à celle des Bêtes. . . <crp. 13> Irai-je donc, moi, faire ici l'esprit-fort dans la dernière période de ma vie, ou le sens et l'esprit vont me manquer tout à la fois? . . . <crp. 17> Au surplus, est-il besoin de la présence d'un Dieu pour aimer et faire le bien, attendu que le mal répugne, non seulement à l'être raisonnable mais même au moindre animaux? <crp. 19> Dois-je, moi, accuser le Ciel auteur de mon sort? ne sont ce pas les préjugés des hommes qui, en partie, me l'ont rendu aussi malheureux? il en est de même de celui des autres et du leur propre: ils sont leurs propres Boureaux, soit en ne coupant pas la mauvaise herbe pour faire fructifier la bonne, soit en préférant le bel esprit au bon esprit, soit en riant des coquinerie et de mauvais sentimens d'entr'eux, soit en ne prenant de la vertu, que l'écorce. . . <crp. 24> Mais supposons, pour un moment, que, moi, je sois bête, ou que je sois crûche, ou que je sois un être immortel, mais un ingrat et un infidèle. . . est ce à la nature que je dois m'en prendre? non, la nature dit, celui-là est l'enfant de son père et en est reconnu pour tel, et doit en suivre la condition. . . <crp. 25> En effet, quel mal leur ai-je fait, moi, d'être né en ce monde? . . . <crp. 26> Si j'étois né même parmi les Turcs les plus turcs, auroit-on fait un crime à mon père d'avoir été exposé à l'amour d'une autre femme que la sienne, tant à cause de sa stérilité, malgré qu'il l'auroit prise pour lui donner des enfans, qu'à cause, bien plus, de ne pouvoir habiter avec elle, parce qu'elle n'auroit pas voulu sortir de son Pays pour aller demeurer avec lui? . . . <crp. 28> Oui, s'est à vous, préjugés insensés et maximes dénaturés des hommes de ce Pays, que je dois imputer, en partie, tous mes

malheurs! . . . <стр. 29> n'importe: quelque puisse être là dessus vôtre étonnement, hommes barbares, qui habités ces forêts et ces montagnes affreuses, recevés moi dans vos cabanes et au milieu de vous. Le sors d'un Pays ou les enfans ne sont rien à leurs pères et les pères à leurs enfans; ou, bien plus je n'ose le dire, l'on parle des enfans naturels, comme si l'on parloit d'animaux brutes. . . <стр. 38> Le portrait, que je viens d'avoir l'honneur de vous faire, Monsieur, de l'infortuné, de cet homme submergé, est une similitude de celle ou je me trouve malheureusement aujourd'hui. . . <стр. 39> en un mot, pour ne pas vous tenir, Monsieur, plus longtems en suspens, voici l'affaire précisément dont il s'agit, et que je vous supplie de vouloir bien encore honorer de votre attention, en étant toute la substance des faits. <стр. 40> Un seigneur de cette Province, pas des plus considérables, nommé de ***, épousa, vers l'an 1720 ou 1721, une femme dont il n'eut point d'enfans, et avec qui il avoit déjà resté huit à neuf ans, sans pouvoir se flatter d'en avoir un jour, lorsque il lui arriva que, des affaires, pour lui importantes, l'appellant hors de son Pays, et l'obligeant de s'en absenter, il se défit d'une charge de Président, qu'il avoit aux juridictions de . . . , et pensa ensuite ne pouvoir mieux marquer son estime et son attachement à son Epouse, qu'en l'invitant et la priant d'aller demeurer avec lui: mais sa femme le lui ayant refusé de sa propre Volonté (qui d'eslors sembloit vouloir annuler formellement, par là, son mariage avec lui, car toute femme doit suivre son mari, quand il iroit au boût du monde) voulut encore, pour mieux le prouver, ne point se porter caution pour lui dans ses affaires, ce dont il avoit d'autant plus lieu d'être fâché, qu'il scavoit n'y rien risquer, et y perdre au contraire tous les avantages que la fortune sembloit <стр. 41> lui offrir, s'il n'en profitoit pas, et lui fit signifier, comm'il étoit à Paris, un acte qui portoit encore, en outre, sa séparation de biens d'avec les siens, ce qui, avec le refus ou elle persista d'aller demeurer avec lui, et joint à ce qu'elle ne lui donnoit point d'enfant, autre cause de nullité de mariage, et par conséquent de répudiation naturelle, confirma authentiquement leur séparation de corps et de biens: toutes raisons bien excusables pour le dit sieur de ***, puisqu'elles ne venoient pas de son côté, et qui le jetterent dans les circonstances de perplexités, ou il se trouva innocement de sa part, dont il ne pût gueres être dédommagé, que par l'occasion qu'il eût de se faire connoitre de nombre de personnes de consideration, entr'autres, du Conseil, par qui il eût l'honneur d'être employé quelquefois à des affaires, touchant lesquelles il voulût bien l'honorer de sa confiance.

Cette séparation, étant ainsi autorisée de tant de manieres, se trouva donc, Monsieur, très valide, et ne pût manquer d'occasionner <стр. 42> audit sieur de *** et de l'autoriser par conséquent, lui même à s'attacher, par la suite, à une autre femme, que sa précédente, attendu que cette derniere sembloit deslors ne lui être plus rien, puisqu'elle n'avoit pas voulu habiter avec lui, parce qu'il sortoit de son Pays, quoiqu'il l'en requit et l'en pria plusieurs fois, et qu'elle-même, la premiere, avoit

cherché des occasions de séparation, malgré que son mari y étoit le seul autorisé par toutes les raisons ci-devant énoncées.

Ce refus donc, Monsieur, autant que le désir et le penchant naturels que pouvoit avoir M. de ***, d'avoir quelques enfans (désir d'autant plus fondé, qu'il ne s'étoit, sans doute, marié, que dans cette intention qui est conforme à l'idée de la nature et au bût honnête du mariage, attendu qu'il étoit bien à même de les faire élever et leur donner une certaine éducation) lui conseillèrent et l'exposèrent à saisir une occasion que la fortune lui procura <crp. 43> à Besançon dans cette droite intention, en lui faisant voir un objet dont la modestie et la candeur enchainèrent son coeur, au moment qu'elles fraperent son esprit: objet, qui étoit, Monsieur, une jeune personne de dix huit à dix neuf ans, dont la famille étoit, non seulement alliée à des Conseillers au Parlement et secretaires du Roi, mais même Parente à des Présidents et Conseillers, et autres personnes honnêtes (relief que ledit sieur de *** n'auroit pas pu trouver égal du côté de sa famille dont il étoit le premier qui s'étoit fait pour lors un peu connoître), et qui, si pour l'origine valloit donc tout au moins autant que lui, et mieux encore que son Épouse, sans blesser ce qu'elle étoit, ni faire tort à son mérite, qui, quelque grand que je suppose qu'il pût être, n'en avoit du moins point eu pour lui donner des enfans, et répondre à la tendresse néanmoins qu'il lui portoit, de la prier à aller demeurer avec lui, et de vouloir la mettre de moitié dans <crp. 44> ses affaires, méritoit par conséquent, de sa part toute son estime et sa consideration.

Aussi furent-ce, Monsieur, toutes ces considerations qui en lui-même la lui firent juger tellement digne de lui, que n'envisageant plus que le cas ou il se trouvoit séparé d'avec sa femme, et celui qu'elle ne lui avoit point donné d'enfant, il la regarda, en conséquence, comm'une future Épouse de qui il pouvoit en avoir, et vis a vis laquelle il fit paroître des sentimens si nobles, et sentant l'honnête homme, qu'il est bien vraisemblable qu'il ne vint à boût de toucher son coeur, que dans l'ignorance ou elle étoit qu'il fût marié, et par conséquent dans l'esperance qu'il lui donna, ou tout au moins qu'elle eût, de l'épouser, et que bientôt, ne lui ayant inspiré jusqu'alors que de l'estime, il lui inspira conjointement de l'amour, dont je fus, Monsieur, l'unique fruit.

<crp. 45> Voilà, Monsieur, le sort de la naissance que la nature me donna, et au moment de laquelle le dit sieur de ***, que je puis presentement nommer mon père, puisqu'il me reconnut pour son fils, fit prendre de moi tous les soins qu'il lui fût possible, en me confiant à ma mère, comme lui étant aussi cher que lui-même, et sous promesses de me faire legitimer aussitôt, ou du moins après la mort de son Épouse, s'il ne pouvoit toutes fois venir à boût plutôt de faire casser juridiquement leur mariage ensemble, l'étant déjà naturellement.

Tels furent alors, Monsieur, les sentimens de M de ***, tant à l'égard de son fils, qu'à l'égard de sa mère, et à la nourriture et entretien duquel il contribua aussi pendant toute sa vie, me recommandant à un R. P. Jésuite dont il étoit ami <crp. 46> non seulement pour

me faire faire mes Études, mais pour toutes les choses qui pouvoient servir à mon éducation et qui aussi, sur un malheur qui m'arriva, à l'âge de dix à onze ans, de me casser une jambe, me fit tellement soigner, et eût si peur que j'en mourusse et que j'en fusse seulement estropié, qu'il vint exprès me voir lui-même à Besançon...; preuve manifeste qu'il me regardoit bien pour son fils...: autre preuve aussi grande, c'est que ce fut alors son intention de m'acheter une Terre de laquelle j'aurois porté le nom, et cela pour m'être toujours une poire pour la soif, dans le cas de l'événement de sa mort, et que ses Parens ne s'en rapportassent pas à ses intentions; chose qu'il pouvoit très bien faire puisqu'il jouissoit pour lors peut être <стр. 47> de plus de vingt à trente mille livres de Rentes, tant du revenu de ses biens que de celui de ses affaires... mais malheureusement il vint à mourir, que je n'avois pas encore achevé tout à fait mes Études, et d'une mort qui ne lui permit pas de parler au moment, et de déclarer ses dernières volontés, et me laissa ainsi dans l'obscurité et la misère, sans aucun revenu de ses biens, ni autre soutien que celui de ma mère, malgré que j'en étois, suivant la nature, et suivant <стр. 48> lui, le présomptif et le principal héritier.

Cependant, un de ses Parens qui succéda à lui seul à tout ce que lui appartenoit... un de ses Parens, dis-je... ayant appris qu'il avoit laissé un sien fils qui étoit encore dans les classes, envoya annuellement à ma mère de Quoi me les faire achever... <стр. 49> Néanmoins, j'ai resté ainsi, Monsieur, l'espace de pres de douze ans... ma santé s'est dérangée... <стр. 50> quoique je possède toujours un petit emploi qu'aujourd'hui pour demain on peut m'ôter, soit par le changement des Companies qui ont ces Entreprises, soit que mes infirmités ne me permettent plus entierement d'y vacquer, comm'elles m'en menacent, et que d'ailleurs, je souffre cruellement souvent d'être <стр. 51> obligé de le faire, je me vois ainsi, comm'un Oiseau sur une branche qui va lui manquer, et prêt à tomber encore dans un état plus nécessaireux et miserable... Vous ne pouvez peut être comprendre, Monsieur, comment on peut charger de honte un homme sus ses propres malheurs? ... <стр. 55> Heureux donc pour moi, si par pitié, Monsieur, on avoit bien voulu me procurer une place à quelque hôpital, quand c'auroit été même à celui des petites Maisons. La, du moins on ne m'auroit pas fait travailler audessus de mes forces... <на стр. 57—63—описание симптомов болезней> <стр. 63>... Voilà, Monsieur, la situation déplorable, ou je me suis trouvé et me trouve encore, à l'âge de trente deux ans, tant sur la situation de mon état, que sur celle de ma maladie, dont j'ai pensé devoir vous instruire... <стр. 72> quand même il auroit été vrai que ma maladie provenoit des idées que je m'en formois... et que c'auroit été ensuite par misantropie et hypocondrerie, que je n'aurois pas voulu, ou osé sortir... <стр. 75> Ainsi, si je romps ce silence aujourd'hui, c'est que je crois l'avoir trop gardé... <стр. 79> Telles sont toutes les idées, Monsieur, qui ont frappé mon esprit, d'autant plus facilement, qu'elles étoient plus justes et naturelles et que j'ai exposé dans des Lettres, au nombre de trente six, lesquelles je feins

écrire à une personne imaginaire et en recevoir les réponses ... <стр. 80> Cependant, quoique je les regarde comme tres peu de choses ... vous voudrés bien me permettre ... de vous en rapporter seulement les titres, qui sont, sçavoir:

La premiere Lettre: Qu'en ce Monde, chacun y étant pour soi, l'on ne doit pas attendre trop tard à se justifier des torts qu'on nous a fait, surtout lorsque nous y sommes la victime des préjugés, des calomnies et d'injustices d'autrui. . . <стр. 96> Enfin, la trente sixieme: Que le coeur des créatures se sent tellement entraîné naturellement à cherir et à avantager, comme elles mêmes, celles à qui elles ont donné la vie, qu'il est honteux qu'il y est des loix humaines pour leur en prescrire l'obligation. . .

Voila, Monsieur, tout le précis de ce Livre, qui rapporte plus au long mes infortunes, dans les raisons desquelles je suis persuadé que les honnêtes gens voudront bien entrer, et que leur justes sentimens l'emporteront sur les préjugés du Peuple à cet égard: Livre que j'ai intitulé, sçavoir, <стр. 97> Les Lettres naturelles | ou | L'histoire malheureuse | de pierre *** | autrement dit Levasseur, | fils naturel | de feu M^r *** | Seigneur de *** | de *** | en Franche-Comté, | à Monsieur de *** | du Royaume de France.

Au Pays des Barbares, | Chés le Naturel outragé | rue des préjugés insensés, | et des maximes dénaturées du Siecle | à l'injustice reconnue. <стр. 169> Oui, Monsieur, tout mon souci <стр. 170> ne sera plus que dans l'objêt de pouvoir vous témoigner ma juste reconnaissance, laquelle, si je ne puis esperer de le faire dans toute l'étendue de mes désirs, sera du moins de ma part éternelle, et gravant dans mon coeur des actions de graces et de louanges ineffables au Seigneur, d'avoir fait naître, en vôtre personne, le Sauveur des infortunés, com-m'il fut lui même le Sauveur du monde, lui fera adresser, sans cesse, des vœux pour la prolongation de vos jours, et pour préserver de la mort un esprit qui est digne de ne jamais mourir, je ne dis pas seulement dans les excellens ouvrages, <стр. 171> ou il a deja sagement immortalisée sa mémoire, mais en corps et en ame parmi les Etres vivans, qui ne peuvent que désirer, comme moi, qu'il y vive éternellement, comblé de toutes les satisfactions qu'on y peut goûter.

Je suis avec un profond respect, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur *** dit Levasseur.

Si vous me faites, Monsieur, l'honneur et la grace de m'écrire, ainsi que je prens la liberté de vous en supplier, mon nom connu ici est Levasseur et mon adresse, dans la maison du Sr Bouteillon serurier, rue d'Orgemont.

à Salins, ce 31. Janvier 1762.

Каллиграфический автограф. БВ Ротруи, т. XXIII (шифр 11—192). Ср. BV, стр. 972 и 1014, № 21 (где письмо ошибочно раскрыто как произведение «Lettres naturelles», которому якобы предпослано письмо автора к Вольтеру); в фернейском каталоге глухо отмечено «Lettre manuscrite à M. de Voltaire» (BV, стр. 1122). Несмотря на необычные размеры, является

все же (ср. начало и конец) именно реальным письмом, а не литературным посланием.

В изданной переписке, по-видимому, не отражено; судя также по этой записи в фернейском каталоге, большого внимания адресата не заслужило.

Письмо представляет несомненно не только нравоописательный и бытовой интерес, но и клинический; оно колоритно и как образчик эволюции социального мышления. Навязчивое многословие (при безусловно изящной фразеологии штампов и образов) не позволяет, однако, воспроизвести здесь текст полностью. По представленным выше отрывкам этические (в плоскости естественного права) и юридические (с обширной, нами опущенной судейской аргументацией со ссылками на королевские указы и решения парламентов) воззрения автора анализировать трудно, но общая связь замысла и построения вырисовывается, как нам кажется, достаточно, тем более что маниакальность в данном случае не только не исключает системы, но, напротив, сочетается с крайней методичностью.

Дитя от брака, не признанного законным, автор, в юности лишенный наследственных средств и прав, был ввергнут в пучины бедствий, обстоятельно им описываемые (и притом столь классицистически, что подчас невозможно разграничить пучины, пропасти, грозы, кораблекрушения аллегорические от реальных). Расшатанное здоровье усугубило тягость его существования и моральной угнетенности. Он бьется в поисках причин «противоестественной» несправедливости, жертвой которой он стал, и в форме вымышленных 36 писем * рассчитывает развернуть всеобъемлющее построение в защиту естественных прав «незаконнорожденных».

Поскольку данный эпизод и его мотивы являются все же относительно периферийными в переписке Вольтера, мы опускаем перевод даже тех выборочных фрагментов письма, которые здесь приведены и ограничиваемся заключительными абзацами, крайне характерными для универсальности почтения, которым Вольтер пользовался.

«Да, сударь, единым предметом моего попечения будет лишь выразить вам мою заслуженную признательность. Если я и не смогу осуществить это соразмерно с моим всеобъемлющим желанием, то все же она будет вечной. Запечатлевая в сердце моем благодарственные моления и несказанные хвалы Господу за то, что он в вашем лице дал родиться Спасителю обездоленных, подобно тому, как он сам явился Спасителем мира, признательность моя непрерывно будет к нему воссылать моления за продление ваших дней и за избавление от смерти гения, достойного никогда не умирать — и не только в превосходных сочинениях, в коих он мудро обессмертил память о себе, но и телом, и духом, среди живущих, и подобно мне, способных лишь желать, чтобы он среди них жил вечно, преисполненный всеми благами, коих лишь возможно вкушать.

С глубоким уважением пребываю вашим, сударь, почтительнейшим и покорнейшим слугой,*** прозываемый Левассер.

Если вы, сударь, окажете мне честь и милость написать, как я о том позволяю себе вольность вас умолять, имя мое, здесь известное — Левассер, а адрес — в доме г. Бутейона, слесаря, улица Оржемон. В Салене, 31 января 1762».

* Автор графически воспроизводит титульный лист этого сочинения, построенный в традиции пародийных и потайных изданий: «Письма естественные или злосчастная повесть о Пьере***, иначе прозываемом Левассер, природном сыне <игра слов, ибо идиоматически fils naturel равносильно «внезаконному» сыну, — В. Л.> покойного Г-на***, сеньера де*** в*** во Франш-Конте, к Господину де*** Французского королевства. <Печатано>. В стране варваров у поруганного естества, на улице безумных предрассудков и извращенных правил Века, под вывеской признанной кривды».

1765, 11 I

От неустановленного лица Гельвецию

A monsieur helvetius. Auteur du livre de l'esprit.

Dans mes gouts facile et volage
 jeune, j'ignorais le malheur.
 aux douces erreurs de mon age
 j'avois abandonné mon coeur.
 des reflexions trop chagrines
 j'ecartois les sombres vapeurs;
 mes jours etoient semés de fleurs
 et je les couillois sans epines.
 le tems de souffrir est venu.
 j'ai detesté mon existence
 le mal m'etoit trop peu connu,
 j'ai mieux senti sa violence.
 le bonheur n'est pas immortel.
 vingt ans sont moins qu'une heure entiere,
 la durée est une chimere,
 et le malheur est eternel.
 du sort deplorant l'inconstance,
 dans un cachot abandonné,
 amitié, disois-je, on n'encense
 en toi qu'un saint nom profané.
 trompé par des marques de zele,
 a mes amis mon coeur s'ouvroit,
 ma fortune les attiroit
 et tous me quittent avec elle:
 a mes plus cruels ennemis
 les ingrats ont fourni les armes,
 ils triomphent et je gémis;
 et leur plaisir nait de mes larmes.

Soudain le livre de l'esprit
 né dans les beaux jours de la france,
 qui l'honore et qu'elle fletrit,
 s'offre, et se montre a ma présence.
 je n'ecoutois plus la raison,
 plongé dans un morne silence
 j'ouvre, je lis et l'esperance
 brille au sein de l'affliction
 le calme n'ait <sic!> dans la souffrance
 Sans horreur je vois ma prison.
 recevez ma reconnoissance,
 le bandeau tombe de mes yeux,
 helvetius, c'est votre ouvrages

vous m'avez rendu mon courage
je ne suis plus si malheureux.
philosophe aimable et sensible,
vous avez peint l'humanité;
sans avoir pris la dureté
du vieux zenonisme inflexible,
vous en avez la fermeté.
dans la haute philosophie
je fais quelques pas après vous,
des infortunes de ma vie
je plains ses auteurs sans courroux.
loin de moi la dureté sévère
du suédois atrabilaire
qui dans le fond de sa prison
impatient de sa misère,
versant le fiel de sa colère
dégrada l'homme et la raison.
quelle vertu? qui désespère
l'élève tremblant qu'elle éclaire.
Par vous je connais les humains,
je sais apprécier leur être;
je sais supporter mes chagrins
et les leur pardonner peut être.
l'homme inconstant peut me trahir,
il est faible, je dois le plaindre,
le mépriser, sans le haïr,
l'éviter, et non point le craindre:
c'est mon projet pour l'avenir.
jouir de tout, mais sans ivresse,
désirer peu, c'en est assez.
l'amour, ses transports, ses excès <sic!>
ne sont faits que pour la jeunesse.
tous les plaisirs sont des besoins,
dans la jouissance et l'attente
ils nous demandent trop de soins,
leur incertitude tourmente,
leur perte n'accable pas moins.

A quoy bon ces plans de sagesse?
on les suit difficilement.
dit un pédant plein de tristesse:
l'homme se propose aisément,
mais, qui dispose? sa faiblesse.
laissons-le dans sa folle erreur.
je crois qu'un cœur ferme est son maître;
quand il s'agit de son bonheur,
l'homme est toujours ce qu'il veut être.

Cette epître pourra paraître longue, mais, c'est un solitaire, un prisonnier qui l'écrit. je suis à peine connu de Monsieur helvetius, mais comme citoyen de l'univers, j'ai droit de parler au génie qui l'instruit, et le console. feu ma mère, d'ingénieuse et tendre mémoire, avoit puisé dans le commerce intime de monsieur helvetius, tout ce que je retrouve aujourd'hui dans ses ouvrages; à ce titre je compte sur son indulgence, il doit pardonner au sentiment qui me tient lieu de verve; si dans mes vers je n'ai pas dignement célébré l'auteur de l'esprit, je puis l'assurer en prose que je suis le plus enthousiaste, et le plus zélé de ses admirateurs.

a la citadelle de Strasbourg le 11 jan<vier> 1765

Автограф. Рукописи БВ, т. II, лл. 1—2. Наверху л. 1 зачеркнуто: par un prisonnier de Strasbourg. На л. 1 пометка рукой Гельвеция: «Voir mr Da . . . ec Ecrire a mr de | nivernois | et a mr Stuard».

4

1778, 8 III

От адвоката Ле Бриган

Signification des deux mots Tohu, et Bohu,
à monsieur de Voltaire.

dans le grand nombre des Traducteurs, qui ont essayé de donner la signification de ces deux mots du 2e verset de la Genèse, il est surprenant qu'il n'y en ait aucun, dont la traduction soit satisfaisante, ou assez raisonnable pour qu'on puisse s'y tenir.

On va d'abord exposer de suite les différens sens qu'on leurs a donné.

En commençant par Les septante, ils ont traduit les mots *Tohu* vè *Bohu* par ceux ci *aoatos* kai *acatekeva* c'est à Dire invisibilis, et incomposita. (

Aquila Traduit: *Kénoma*, kai *oudén*. c'est à dire Vanitas, et nihil.

Simmaque, *Agrion*, Kai *diakriton*, c'est à dire, otiosa, et indistincta.

Ovide unus erat toto naturae vultus in orbe.

Le texte Caldeen: *Tsadiah*, vè *Rakaniah* rendus par vasta, et omni formä Carens.

La Vulgate, *inanis* et *Vacua*, sur qu'oi il faut remarquer que inanè n'est autre que le primitif è *na nè*, qui est, et qui n'est pas, et *Vacue*, ou *Vacua*, *Voa Cou eu*, qui étoit couvert d'eau, Comme on le verra cy a près.

Santès pagninus, *desolatio*, et *solitudo*, où Bohu encore est dit il, forma quae Dat esse materiae

Buxtorf, *res informis*, et *inanitas*, l'abbè du Guet, *informe* et toute nüe.

L'abbè Bergier, élémens primitifs des Langues page 302 «Tohu et Bohu sont exactement les mêmes, que les mots françois *Tuia*, et

Boiau, qui expriment quelque chose de creux, et de *vuide*; le patois prononce *Tué* et *Boué*, il ajoute que 'Moïse dit, que la terre étoit environnée d'eau; et de plus que le mot *tohu* ressemble encore Beaucoup au mot françois *etui*

enfin mr de Voltaire, que l'on reserve pour Bonne Bouche, dit «*Tohu* vè *Bohu* signifient précisément chaos, desordre. C'est un de ces mots imitatifs, qu'on trouve dans toutes les langues, Comme *sans dessus dessous*, *Tintamarre*, *Trictrac*, *Bombe*. La terre n'étoit pas encore formée telle qu'elle est.

Une seule Lettre mal Lue, et mal prononcée dans ces deux mots à été la cause des erreurs différentes de tous ces Traducteurs, desquels aucun n'a saisi le véritable sens. C'est la lettre η , hê, qui n'est autre que notre è sans aspiration, l'éta des grecs, que les ignorans lisent *hiitha*; ainsi donc au lieu de *Toeu*, et *Boeu* on a lu *Tohu* et *Bohu*, dont il à été, par là, impossible de trouver la vraie signification; au lieu que celle des deux autres dans la langue Celtique, où celle des enfans de *Gomer*, précédente celle des hébreux, et leur nation, langue qui n'est ni *détruite* ni *morte*, mais *existante* encore, *vivante* et *parlée*, est aussi clair, qu'il est intelligible, et incontestable pour la signification.

en effet en Cette langue le mot *Toeu* composé des deux radicaux *Tou*, qui signifie couvert, et de *eu*, le même que le françois *eau*, eäue aire, comme on prononce encore en quelques endroits, dit exactement, et à la lettre: couvert d'eau, où Caché sous l'eau.

Boeu également composé de *Bo* sera, où qui est, et du même mot *eu* eau, signifie noyé ou qui est sous L'eau; ainsi ces deux mots approchans Bien l'un de l'autre désignent exactement l'état de la terre avant l'élevation des eaux; avant que la Terre *avida*, à *rets*, *ar res*, *le res*, parut à sec et à découvert avant la séparation des eaux inférieures d'avec celles d'en haut nommées en hebreu *shammaim*, *shau*, *aiu* en primitif, —

L'élevation des eaux; *ouranos* en grec *évo rann* les eaux séparées *coeli* en Latin *Ké eu lé* La cloture des eaux d'en haut, *cieux* en françois *Kè i evo*, la haie des eaux, *heaven* en anglois l'amas des eaux du ciel, *himmel* en allemand, *hi ev me lé*, ce sont les eaux d'au dessus de moi. *hemelen* hollandois, aiant Le même sens. *ssam vvaat* en Arabe *sam évad* en celtique la somme, la charge élevée des eaux, *surga* en jentoc, et en Malabare, *Lour ghêach* la cloison des eaux, *souvven* en siamois *zo even*, qui est les eaux. *eu* comme on l'a dit L'eau en celtique, *evo* plurier <sic!> les eaux et signifiant les cieux où les eaux élevées, qui de tout côté environnent la terre, sur laquelle elles retombent en pluie, *pluvia* latin, *Bè léou aiu*, l'eau d'enhaut, qui tombe sur nous.

Le *Tao*, ou *Tchao* chinois signifie, où est la même chose que le *chaos* des Grecs, qui revient encore au même sens *Tou évo*, où cou évo caché dans les eaux. C'est de ce mot *cou* que vient le *couard* françois, tout comme *couvrir*, *cooperire* latin, *cou ober*, mettre à couvert, où cacher.

Cette traduction de cès deux mots est d'autant plus admissible, qu'elle rend à la lettre ce qu'ils signifient. Elle conserve en même tems l'opinion des plus savans hommes que la terre à son origine à été couverte d'eau. c'est comme dit mr Buffon hist: nat: Tome 1er, page 334, «Le sentiment de quelques philosophes anciens, et même de la plus part des pères de l'église. in mundi principio aqua in omnem terram stagnabat, dit S^t jean de damas livre 2, chap. 9.»

Terra erat invisibilis, quia exundabat aqua et operiebat terram, dit S^t ambroise livre 10e hexaméron chapitre 8.

Terra, cum esset faciem ejus inundante aquâ, non erat aspectabilis, dit St Basile homelie 2me.

St Augustin dit aussi, terra erat invisibilis et incomposita, lib. 1mo geneseos cap. 2.

Tout celà donc revient au même sens, et concourt à la démonstration, que cès deux mots, qui dans la langue *primitive* où *gomérite* sont les mêmes, que dans l'hebreu, si on les prononce comme il faut, signifient exactement la même chose, et que de ces deux langues l'une étant *morte*, et l'autre *vivante*, et *parlée*, c'est à cette dernière qu'il faut recourir pour la prononciation, comme pour la signification, puisqu'elle peut seule faire entendre cès termes dans leur sens véritable, ce que tant de traducteurs avoient jusqu'à present inutilement tenté.

Il en est de cès mots comme de bien D'autres ne seroit ce que Le mot *amen*. de tous les savans dont mr de Voltaire est à present entouré dans la ville qui l'à vu naitre, et qui le voit triomphant des jaloux et de l'envie, le sousignant assure qu'il n'y en à pas deux en etat de donner la signification exacte de ce mot. Une seule langue donne la clef et l'intelligence de toutes les autres et dans quatre heures le sousignant, s'il étoit à portée, se feroit fort d'en apprendre plus sur *le fond et la nature du langage humain*, sur ses differences, ses *altérations* et ses *rapports* que tous ceux qui ont traité de la grammaire n'en ont montré jusqu'à present; * plus que toutes les académies de l'europe n'en ont de couvert <*sic!*>, et plus qu'elles n'en pourront de couvrir en autant de Tems, qu'il s'en est écoulé depuis leur institution.

À Treguier en Bretagne le 8e de mars mil sept cent soixante et dix huit.

Le Brigant, avocat.

Автограф (?). Рукописи БВ, т. III, лл. 294—297.

5

Без даты (не ранее 1770 г.)

Данные о землепользовании
и налогообложении в Ферне

La totalité de la Superficie de la terre
de ferney est de 652879 Toises de 64 pieds
quarrés cy 652879 Toises

* *Далее зачеркнуто*: que toutes les.

Le seigneur y possède	250 400	
Le curé de ferney	40 000	
Le curé d'ornex	19 600	310000
restent taillables	. .	342879 Toises

La paroisse de ferney est taxée à 230 L.
 Le Sr auziere possède 850 Toises carrées.
 Il est taxé à 21 L. Si 342879 Toises paient
 230 L combien 850 Toises? elles doivent paier
 11 sous 6 d.

L'inverse en taxant le terrain de ferney sur
 le pied du produit du Sr Auziere prouve ce
 calcul. Si 850 Toises paient 21 L combien
 342879 —

8471 L 1 S. 3 d.

Après cette preuve, si on nous taxe pour
 l'industrie et autres impositions suivant cet
 ordre, que deviendront les artistes et les
 fabriquants?

Автограф Ваньера.

6

Без даты (1740-е годы?)

**Стихи
 итальянского почитателя**

Spirito immortal, che in ogni studio, ed arte
 Magnanimo, gentil, profondo regni;
 Ugual, se storie tratti, o scienze in carte,
 Se con tromba, o coturno amori e sdegni.
 Nell' ozio illustre, che a te il ciel diparte
 Perché l'Italia visitar non degni?
 Qui stranier non sarai; in ogni parte
 Stanno la patria loro i grandi ingegni.
 Vedrai, che ad onta dell'avversa sorte
 V'è pur qualch'ombra degli onori aviti
 E qualche anima ancor sublime, e forte
 Ah non esser di te più al Tebro avaro:
 Fa ch'ei rivegga, ed in te solo uniti
 E Lucrezio, e Sallustio, e Orazio, e Maro.

Автограф. Рукописи БВ, т. II, л. 334.

Без даты (не ранее 1759 г.)

Стихи
английского посетителя

When I return to Albion's shore
 And friendship from each fear is free'd;
 The cordial meeting transport o'er,
 The eager question will succeed.

One whom true Taste has strongly bless'd,
 Whom nature formed with Talents rare,
 Impatience in his air express'd
 Will ask me if I've seen *Voltaire*.

«How looks the man whose various powers,
 Mark with unrivall'd force his page;
 Whose Muse has charm'd my studious hours —
 How looks the wonder of the Age?»

Must I be forced to damp his joy,
 Each hope of circumstance betray;
 Must I his fondest wish destroy,
 And own I've only seen *Fernex*?

Автограф. Рукописи БВ, т. II, л. 34.

Без даты (1778 г.)

La Nouvelle de Paris

Voltaire avait chanté les Rois;
 Il peignit Mahomet, et mérope et zaïre;
 Il vengea les Calas de l'injure des Loix,
 Et bâtit une ville aux accords de sa lyre.
 Du feu de son génie éclairant l'univers,
 Il a pû de l'envie écraser les coulevres.
 Il jouit de sa gloire, à quatre-vingts hyvers;
 Et l'histoire a compté ses jours par ses chef-d'oeuvres.
 Mais de tous ses dessins le plus grand après tout,
 La plus haute entreprise, à mon sens, qu'il ait faite,
 Et dont encore il <рукой Вольтера зачеркнуто est,
 надписано vient> about.
 C'est qu'il a marié Villette.

Копия. Рукописи БВ, т. II, л. 65.

SOMMAIRE

Le second volume de «Textes nouveaux de la correspondance de Voltaire» faisant suite au premier tome paru en 1956, contient des lettres adressées à Voltaire ainsi que divers documents se rattachant à lui. La publication n'a point épuisé le fonds voltairien conservé à Leningrad, et il reste encore à glaner dans les dépôts de Moscou et des grandes villes universitaires. Il fallait renoncer non seulement à l'exploration détaillée des bibliothèques et archives de province — le choix s'imposait même parmi les manuscrits de Leningrad et de Moscou. Ce choix était dicté par la prépondérance du thème russe: le nombre de correspondants russes — parmi lesquels se trouve l'impératrice Catherine II avec sa volumineuse liasse de lettres à Voltaire — est assez grand. D'autres documents de provenance russe, mais écrits presque toujours en français, nous renseignent sur la réaction qu'avaient provoqué en Russie pendant les décennies 1760—1770 quelques idées de Voltaire. Enfin les relations du secrétaire de Voltaire Wagnière avec Catherine II et le comte Woronzow qui eurent lieu après la mort de Voltaire, sont étudiées d'après sa correspondance.

La limite chronologique de la mort de Voltaire pouvait être dépassée dans ce volume. La correspondance de M-me Denis, de Grimm, de Wagnière, de Woronzow etc., se rattachant à la mémoire de Voltaire et à ses oeuvres, nous a conduit loin de la date funèbre du 30 mai 1778. La dernière lettre mentionnée dans ce volume est de 1791.

Le groupement des matériaux est le même qui a été admis dans le tome premier. Le classement d'après un seul ordre chronologique n'étant pas raisonnable à cause de la grande diversité des documents, nous avons préféré de conserver le groupement par matière.

La première section (pp. 19—173) renferme 49 lettres — autographes ou originales, copies, brouillons — pour la plupart faisant partie des volumes reliés des archives de Voltaire (Bibliothèque Publique d'Etat Saltykov-Stchédrine à Leningrad). Quelques lettres des correspondants russes de Voltaire proviennent des archives de la famille Woronzow ainsi que de la collection formée par N. P. Lihatchev (actuellement à l'Institut d'histoire de l'U.R.S.S. de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S., section de Leningrad).

La majeure partie (35) de ces lettres avait été adressée à Voltaire par des personnages divers. On y trouve des lettres d'affaires ou de

famille, des mémoires, des billets etc. Parfois les admirateurs de Voltaire accompagnaient leurs lettres de vers, ou envoyaient à lui de vraies épîtres. Les autres lettres (14) constituent un dossier intéressant qui se rapporte presque entièrement aux causes célèbres du chevalier de La Barre, de Sirven. de Lally-Tollendal etc.

Depuis la parution en 1956 du premier volume de notre publication, 9 lettres de Voltaire ont été trouvées dans les dépôts divers de l'Union Soviétique. Elles sont publiées à la fin de cette section (pp. 161—173) avec des renvois à la section V du premier volume.

Dans la deuxième section (pp, 174—213) on trouve une étude de la correspondance de Voltaire et de Catherine II. La société russe a toujours manifesté un intérêt très vif pour ces lettres, surtout depuis 1802, époque où parurent presque simultanément quatre traductions du même tome de l'édition de Kehl contenant cette correspondance. Néanmoins le texte authentique n'a pas été établi jusqu'à nos jours. La publication dans les volumes X, XIII et XXVII du «Recueil de la Société historique russe» fut pendant un siècle réputé comme présentant le texte définitif, encore que les éditeurs russes n'aient nullement dissimulé le fait qu'ils avaient à leur disposition des brouillons conservés aux Archives d'Etat à Moscou et non des originaux mis au net et parvenus à Ferney. M. Besterman a dû se contenter du même texte en proposant parfois des conjectures plus ou moins heureuses et en utilisant — avec trop de confiance, — les copies faites pour M-me Denis.

Ayant eu la bonne fortune de retrouver aux Archives Centrales d'Etat des actes anciens (Moscou), les autographes de 74 lettres de l'impératrice (ainsi que des copies à son usage de presque toutes les lettres qui lui furent adressées par Voltaire et même quelques lettres autographes) nous avons pu comparer les brouillons avec le texte définitif et réintégrer à la correspondance plusieurs lettres entièrement inconnues, ainsi que de rectifier plus d'une cinquantaine de dates erronées et de retablir d'innombrables coupures et variantes. Au cours de ce travail nous avons rassemblé certaines observations sur la composition et la rédaction du texte.

Une autre heureuse trouvaille (aux Archives de la Bibliothèque Publique d'Etat Saltykov-Stchédrine à Leningrad) nous a permis d'éclaircir l'histoire de l'acquisition de cette collection. Offerte en don à Alexandre II, en 1857, par une Parisienne, M-me Gobet, elle était conservée dans le cabinet de l'empereur, puis après sa mort, restée cachetée aux Archives d'Etat.

Dans une table fort détaillée on trouve la concordance des manuscrits avec les éditions de toutes les lettres de cette correspondance. Suit le texte de 10 lettres inédites, dont 7 sont de Voltaire (1770—1778).

La troisième section (pp. 214—248) est constituée de divers documents «pro-voltairiens» et «anti-voltairiens» de provenance russe. Ils vont aider à l'étude du problème toujours passionnant: «Voltaire et la Russie». Il s'agit: 1) de quelques extraits d'une correspondance privée

de 1753; 2) d'un extrait de la lettre de Voltaire à Catherine II du 3 janvier 1773 accompagné de remarques anti-voltairiennes faites par un membre (anonyme) de l'Académie des Sciences à St. Petersburg; 3) d'un pamphlet anonyme virulent intitulé: «Lettre de M**** à M**** au sujet de la prétendue lettre de M. de Voltaire à M. Dalambert» et qu'on peut dater d'avril 1763; 4) de notes touchant la correspondance de F.-P. Pictet en 1762—1763. L'analyse détaillée des souscripteurs à la traduction russe de la correspondance de Voltaire et de Catherine publiée par M. Antonovsky en 1802, se trouve à la fin de cette section.

La quatrième section (pp. 249—340) est consacrée entièrement à Wagnière, secrétaire de Voltaire depuis 1754. Son manuscrit autographe envoyé à Catherine et contenant plusieurs corrections et remarques à l'édition de Kehl est publié intégralement avec nos notes textologiques (pp. 313—332). L'étude sur Wagnière comporte: 1) des données biographiques touchant les années 1778—1807; 2) 8 lettres de Wagnière au comte Woronzow, 1780—1791; 3) l'examen critique des exemplaires du «Commentaire historique» annotés et corrigés par son auteur — Wagnière; 4) l'analyse d'un recueil manuscrit provenant de la collection du comte Pierre Suchtelen (actuellement à la Bibliothèque Publique d'Etat Saltykov-Stchédrine à Leningrad). Ecrit par Wagnière pour un homme d'Etat suédois C. F. Fredenheim, qui l'avait visité à Ferney en 1789, ce recueil contient des copies des autographes de Frédéric II et des coupures («soustractions») faites par Voltaire au manuscrit original de «L'Antimachiavel». Ce recueil donne des renseignements textologiques intéressants; de plus c'est un témoignage précis se rapportant aux manuscrits de Voltaire et de Frédéric II possédés par Wagnière en 1789.

La cinquième partie (pp. 341—393) contient un relevé chronologique des lettres de Voltaire ainsi que de celles qui ont été adressées à lui (ou qui se rapportent à lui et à ses oeuvres), dont le texte a été établi sur les originaux ou copies conservés en URSS. En tout 321 lettres et documents qu'on doit ajouter aux 389 mentionnés dans le premier volume. Le procédé est le même: chaque numéro est accompagné de brèves notices et — pour plusieurs lettres — de variantes textologiques assez amples, l'édition de M. Besterman ayant servi de base.

A la fin du volume figurent quelques annexes: un grand mémoire écrit par le fils de Lally-Tollendal plaidant la cause de son père, une lettre autobiographique non moins longue envoyée à Voltaire par un nommé Levasseur, une épître à Helvétius par un prisonnier de la citadelle de Strasbourg etc.

Une liste des additions et corrections pour les textes du premier volume se trouve aux pages 433—436.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БА — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
 БВ — Библиотека Вольтера (в составе Фонда редкой книги ГПБ).
 ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
 ЛН — Литературное наследство, т. 29/30=Русская культура и Франция, I, М., 1937, стр. 1—200 («Наследие Вольтера в СССР». Статья и публикация В. С. Люблинского).
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР Академии наук СССР.
 ПВ — Новые тексты переписки Вольтера. Письма Вольтера. М.—Л., 1956.
 Сб. «Вольтер», — Вольтер. Статьи и материалы. Труды научной сессии 1947 г. (ЛГУ), посвященной Вольтеру, 1694—1944. Под ред. М. П. Алексеева. Л., 1947.
 Сб. «Вольтер», — Академия наук СССР. Вольтер. Статьи и материалы под 1948 г. ред. акад. В. П. Волгина. М., 1948.
 Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества. СПб.
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).
 BV — Bibliothèque de Voltaire. Catalogue des livres. М.—Л., 1961. (Библиотека Вольтера. Каталог книг. М.—Л., 1961).
 Best. — Voltaire's Correspondence, edited by Theodore Besterman. Genève, 1950—1965, 107 volumes.
 Mol. — Oeuvres de Voltaire. Publ. par Louis Moland. Paris, Garnier frères, 1877—1885, 52 volumes.
 RHL — Revue d'histoire littéraire de la France.
-

ДОБАВЛЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ К ИЗДАНИЮ
«НОВЫЕ ТЕКСТЫ ПЕРЕПИСКИ ВОЛЬТЕРА.
ПИСЬМА ВОЛЬТЕРА», М.—Л., 1956

К письму Вольтера к девицам Буке (Bouquet) от 25 мая 1756 г. (стр. 236—238).

В комментарии отсутствуют точные данные об адресатах. Между тем в публикации В. Измаильской «Новонайденные автографы Руссо» (Литературное наследство, № 33/34, 1939, 626—629) напечатано письмо Руссо, адресованное в местечко Роль (т. е. туда же, куда и письмо Вольтера) жене Огюстена-Габриеля Рогена, урожденной Буке. Ее муж был старшим из двух племянников Даниеля Рогена, именуемых в переписке Руссо «полковниками». Это письмо Руссо находится в том же альбоме кн. Е. Ф. Долгоруковой (Архив Гос. Исторического музея в Москве, собрание С. С. Уварова), что и письмо Вольтера к девицам Буке. В сопроводившем альбом письме Е. Ф. Долгоруковой к С. С. Уварову сказано, что автографы Вольтера и Руссо были получены ею в подарок непосредственно от адресатов.

К письму химика Элло (Hellot) к Вольтеру от 28 июня 1763 г. (приложение II, стр. 403—409). Оно было затем напечатано в издании Бестермана в 1960 г. (№ 10461, т. 52, 148—151) без указания на публикацию в ПВ.

В письме к супругам Даржанталь от 6 июля 1763 г. (Best. 10479, т. 52, 165—166) Вольтер просил их передать Элло свое ответное письмо, назвав его «историческим». Можно лишь пожалеть, что это письмо не сохранилось (или еще не найдено). Было бы весьма интересно узнать, чем Вольтер ответил на информацию Элло, тем более что в том же письме к Даржанталям он жаловался, что такого рода письма — безвозвратно загубленное время.

Биографические данные об Элло см. в статье: A. Virembaut et G. Thuillier. Une source inédite: les cahiers du chimiste Jean Hellot (1685—1766). Annales E.S.C., 1966, № 2, 357—364.

К письму Вольтера к Екатерине II от января 1771 г. (№ 16, стр. 250 и в разделе V, № 317 на стр. 381 с датой 9 ноября 1770 г.).

Текст письма и перевод см. в настоящем выпуске в разделе II, № 3 с датой 9 ноября 1770 г.

К следующим номерам в разделе V следует добавить номера писем в издании Бестермана (см. также таблицу на стр. 43 в ПВ):

№№ ПВ	№№ Бестермана	
132	2756	
133	2793	
134	2803	
135	2809	
143	2978	
156	3238	
157	3255	
166	3274	
170	3288	
255	8366	
256	8426	
268	11954	(см. также настоящий выпуск, стр. 195).
273	12893	
281	13566	
289	14483	

Нижеследующие письма в разделе V обозначены как перенесенные в настоящий выпуск:

ПВ 309	—	II раздел	№ 2
382	»	№ 6	
383	»	№ 7	
385	»	№ 8	
386	»	№ 9	
387	»	№ 10	

Данные о письме № 389 уточнены в V разделе № 40/389—251а.

Стр. 36 12 св. 455 следует 445.
стр. 37 7 св. Вольтеру следует Ваньеру
стр. 40 41 1740 1282 следует 41 1740 1289
63 1743 следует 63 1740

- стр. 42 2 кол. 799 следует 799 (только один абзац)
 1—2 кол. 875 1448 следует 857 1427
 3 кол. 31 и 41 следует 32 и 42
 46 следует 47
 86 следует 87
 69 следует 70
 6 кол. 20 следует 19
 49 следует 50
 3—6 кол. после 1448 2339 40 следует вставить 1470
 2371 45
- стр. 43 3 кол. 137 следует 137 и 138.
 2 кол. 3317 следует 3317 и 3318
- стр. 87 11 сн. № 94 следует № 95
- стр. 88 3 сн. gris следует gris
- стр. 100 10 св. la poue следует la poue
- стр. 104 6 сн. 133 следует 113
- стр. 117 3 сн. 124 следует 125
- стр. 236 2 св. 1756, V следует 1756, 25 V
- стр. 251 8 св. grossiérés следует grossiérétés
- стр. 260 2—3 сн. 370, 377, 379 и 381 следует 382, 383, 385, 386
 и 387.
- стр. 267 17 сн. colon следует caton
- стр. 273 2 св. «Поселянин» следует «Катон».
- стр. 285 2 св. 784 следует 789
 16 св. 493 следует 793
- стр. 286 1—2 св. (Mol. 548 = Best. 957 под 1736 без даты)
 следует (Mol. 548 под 1736 г. без
 даты, = Best. 957).
- стр. 289 4 св. 273 следует 1736
- стр. 295 12 св. первое следует второе
- стр. 303 I св. 1070 следует 1076
- стр. 313 13 сн. I VI следует I IV
- стр. 315 12 св. пятое следует шестое
- стр. 317 13 сн. (Mol. 1413 = Best. 2272) следует (Mol. 1412 и
 1413 = Best. 2271 и 2280/2282).
 8 сн. пятое следует шестое
- стр. 318 19 св. arvil следует avril.
- стр. 319 4 сн. тридцать первое следует тридцатое.
- стр. 320 13 св. 1496 следует 2430
- стр. 322 I св. 2425 следует 2526
- стр. 323 16 сн. третье следует второе.
- стр. 330 14 св. 1747 следует 1745
- стр. 339 10 сн. travertine следует traversine (в смысле
 Traversière.)
- стр. 357 13 св. parier следует papier
- стр. 358 17 св. qui следует que
- стр. 358 11 сн. La Chaussie следует La Chaussée

стр. 372 6 св. девятым следует десятым

стр. 378 1 св. 1759 следует 1769

7 св. Ей же следует Екатерине II

стр. 380 7—8 и 11—12 строки снизу следует вычеркнуть; на
10 строке снизу 7992 следует исправить на
7991.

стр. 385 12 и 16 св. 1722 следует 1772

стр. 389 11 св. Ей же следует Екатерине II

14 св. 1774 следует 1775 и письмо должно иметь
№ 371а

стр. 391 9 св. Ей же следует Екатерине II

стр. 430 1 кол. 14 св. 154 следует 155.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аверин П. И.** 243
Александр I 240, 245—247
Александр II 180, 344, 430
Алексеев М. П. 56, 198, 214, 269, 302—304, 341, 344, 380, 392
Антоновский М. И. 174, 239—246, 248, 431
- Бабкин Д. С.** 241, 242, 244, 245
Бакланов, ген. прокурор 243
Бакунин см. Basounine
Барсков Я. Л. 180, 188, 194
Барсуков Н. 341
Бартнев П. И. 54, 74, 156, 238, 348, 354, 356, 389
Безбородко А. А. см. Bezborodko A. A.
Бейль см. Bayle P.
Бек А. X. 191
Белановский И. А. 240
Белобров С. П. 302
Белявский К. Я. 243
Белявский Я. И. 243
Берков П. Н. 214, 218
Бернадская Е. В. 308, 344
Бестужев А. Ф. 246
Бестужев-Рюмин М. 346
Бехтеев Ф. Д. 346
Бецкой И. И. см. Betzky I. I.
Бильбасов В. А. 238
Бомель см. La Beaumelle, L. de
Броун см. Brown
Быкова Т. А. 148
- Ваганов М. Ф.** 243
Вайнштейн О. Л. 269, 283—285, 305
Веселовский Исаак см. Vesselovsky Isaac
Веселовский Ф. П. см. Vesselovsky F. P.
Воронова Т. П. 308, 344
Воронцов А. Р. см. Woronzow A. R.
Воронцов М. Л. см. Woronzow M. L.
- Гаврилов А. И.** 244
Герцен А. И. 241
- Герцензон А.** 396
Гершензон-Чегодаева Н. М. 241
Голицын Д. А. 12, 26
Голицын Д. М. см. Golitzin D. M.
Голицын Н. Н. 391
Голицына (урожд. Шувалова) И. П. 58, 349
Голицыны 29
Головкин А. Г. см. Golowkin A. G.
Голубцов Ф. А. 244
Голубятников Петр 244
Горяинов С. 180, 195, 198
Греков Н. А. 240
Гродницкий В. Р. 241
Грот Я. К. 175—177, 180, 387
- Дервиз С. П., фон** 346
Державин Г. Р. 241
Долгорукова Е. Ф. 433
Дубровский П. П. 308, 344
- Екатерина II см.** Catherine II
Ефремов Н. Е. 244
- Жиркевич А. В.** 162, 164, 166, 170, 341, 342, 344
Жуковский Н. Д. 242, 245
- Завалиевский С. Н.** 241
- Иванов П. И.** 241
Иванчин-Писарев Н. Д. 341, 380
Игнатъев Н. А. 244
Игнатъев П. Н. 244
Изманльская В. 433
Ильин Т. И. 240
Июффе Г. Д. 18, 162, 163
- Картавов П. А.** 19
Касиковский А. И. 244
Качалов Л. И. 244
Клочков В. М. 244

- Кобеко Д. Ф. 67, 74, 156, 238, 301, 354
Колосов И. Д. 243
Копреева Т. Н. 305
Коржевский А. П. 241
Корф М. А. 179, 180
Костенецкий В. Г. 243
Крейтер Б. И. 244
Кротков А. 302
Крым Д. С. 333
Курис И. И. 54, 74, 156, 348, 354, 389
- Лабин А. Ф. 241
Лаппо-Данилевский А. С. 181
Лашкаров С. 196, 197, 378—382, 387
Левек Пьер-Шарль 218
Левицкий Д. Г. 241
Леклерк Никола-Габриель 218
Лисянский А. Ф. 243
Лисянский Ю. Ф. 243
Лихачев Н. П. 54, 66, 67, 76, 238, 239, 302, 348, 351, 352, 356, 391, 429
Ломоносов М. И. 58, 216, 349
Лубьянович К. А. 241
Лунин М. С. 242
Лунин С. М. 241
Львов см. Lwow
Люблинская А. Д. 308
Люси де, кавалер (барон Чуди) 218
- Майкова К. А. 18
Макаров А. С. 244
Макогонско Г. П. 246
Манассеин В. С. 242
Меженинов Ф. И. 244
Межов В. И. 241
Миллер Г. Ф. см. Müller G.-F.
Миронович И. В. 240
Модзалевский Л. Б. 349, 350
Мурьянов М. Ф. 18, 168, 170
Мысоедов А. Е. 244
- Неведомский М. 161
Николай Михайлович, вел. князь 63, 349
Новиков Н. И. 241
- Овсянников А. С. 244
Одоевский В. Ф. 179
Орлов Г. В. 15, 28, 256, 340
Орловский П. Г. 244
- Павел I 240, 244, 245, 247, 248
Павлов А. Я. 243
Павлов-Сильванский Н. П. 197
Пален 16
Панин Н. И. см. Panin N. I.
- Пекарский П. П. 175, 177, 180, 342, 344
Петр I см. Pierre I le Grand
Петр III см. Pierre III
Печенев С. Д. 241
Пикте Ф.-П. см. Pictet F.-P.
Платонова Н. С. 63, 64, 348—350
Пнин И. П. 246
Подлисецкий А. 174, 353—356, 359—386, 388, 389
Позняк (Поздняков) Д. П. 245
Полянский В. И. 216
Полянский Н. Н. 396
Попов Д. И. 240
Посников Н. И. 245
Потемкин-Таврический Г. А. 197, 198
Прийма Ф. Я. 58, 349
Прокопович-Антонский А. А. 240, 241
Пугачев Е. И. см. Pougatchev E. I.
Пушкин А. С. 182, 338
- Радищев А. Н. 241—246
Разумовский К. Г. см. Rasoumovsky K. G.
Ратиев П. Е. 240
Решетников А. 174
Ровинский Д. И. 59
Румянцев П. А. см. Roumenzof P. A.
- Салтыков Б. М. Saltykow B. M.
Самуйлов М. И. 241
Свечин, коллекция 350
Селивановский 174
Сергий, священник адмиралтейской церкви 245
Созонович В. И. 240
Степанов А. Н. 242
Степанов Н. Ф. 240
Столяров 194
Строганов, собрание 24, 59, 63
Сухтелен П. К. 16, 289, 291, 293, 299, 307, 308, 311, 392, 431
- Тарле Е. В. 340
Тауберт 350
Телепнев С. Н. 245
Гимковский Иван Ф. 242
Гимковский Илья Ф. 242, 243
Тотлебен Г. Г. 370
Тургенев И. С. 25
- Уваров С. С. 433
Урусов А. И. 386
- Фабиян И. 174, 188
- Хвостов Д. И. 245
Христенко А. П. 240

Чемесов Е. П. 59
Черепнин Л. В. 344
Чичагов П. В. 242
Чуйко В. В. 174

Шатожирон см. Chateaugiron, comte
Шильдер Н. К. 246
Шмурло Е. В. 350
Штендман, секретарь РИО 177, 387
Шувалов А. П. см. Chouvalov A. P.
Шувалов И. И. см. Chouvalov I. I.

Шувалов П. П. см. Chouvalov P. P.
Шувалова И. П. см. Голицына И. П.

Энгельс Ф. 323

Яковлев Иван 245
Яковлев И. Я. 245
Яновский Н. М. 242
Яновский П. А. 245
Яценко Х. А. 243

Abdoul Hamit 387
Adalgise 336
Aigueberre J. D. d' 52, 53
Ador, m^r 265, 267, 268, 270
Agincourt d' 372
Aiguillon, A. Ch. de Crussol-Florensac,
duchesse d' 69, 71
Albaret, marquis d' 50, 348
Alembert, Jean Le Rond d' 11, 22, 66,
68, 176, 193, 217, 218, 219, 224—
225, 227, 228, 230, 232—235, 239,
257, 316, 351, 367, 368, 382, 431
Alexandre le Grand 206, 207, 227,
234, 353
Alexandre II, pape 320
Alexei Petrovitch, fils de Pierre le Grand
62, 64
Alfred II, roi d'Angleterre 320
Algarotti F., comte d' 351
Ali Beg 201—203
Alphonse II, roi d'Asturie 319
Alsouffief 266, 267, 269, 271
Amaury Duval 15
Amboise G., cardinal d' 138, 144
Amelot 390
Amiens, évêque d' 81, 82, 85, 86, 89,
90, 93, 94, 123—125
Ammien Marcellin 253
Ammon Ch. H. d' 357
Anastase III, pape 319
Andrieux, collection 186
Antremont d', avocat 400
Aquin de Château-Lyon P.-L., d' 346,
352
Arckenholtz J. 307, 308, 311
Argens, J. B. de Boyer, marquis d' 172,
173
Argenson, M.-P. de Voyer de Paulmy,
comte d' 29, 163
Argenson M. R., d' 23
Argenson R. L. de Voyer de Paulmy,
marquis d' 371
Argental d', famille 7, 167, 168, 342, 433

Argental Ch.-Aug. de Ferriol, comte d'
27, 43, 63, 315, 316, 334, 342—
346
Arioste L. 136, 137, 347
Aristide 139, 145
Aristote 217, 227, 234
Assas d' 336
Astrand Sven 307
Aubri, ingénieur 221—223
Audra, abbé 102, 104
Auguste, empereur 73, 74, 358
Autré comte d' 353, 354
Autroche d' 137, 141, 146, 388
Auzière George 404, 427
Bachaumont L. Petit de 251, 306
311
Bacouine 260
Baculard d'Arnaud, F. Th. M. de 249
Barbier 283
Bastin, m^r 47
Bauer 378
Baumeister 243
Bayle P. 214, 220
Beaumarchais P. Aug. Caron, de 12,
118, 120, 176, 187, 188, 250, 252,
254, 257, 261, 264, 268, 270, 274,
276, 282, 283, 302—304, 311—
313, 336, 378
Beaumont см. Elie de Beaumont
Beauvarlet, s^r 114, 116, 121, 122
Becattini F. 246, 247
Beccaria, Cesare Bonesana, marquis
112—114
Belleval, m^r de см. Dumaisniel de Belle-
val
Belot Octavie см. Durey de Meynières
Bengesco G. 16, 17, 253, 255, 333,
397
Benoit VIII, pape 319
Benzelius E. 307
Berger, m^r 352
Bergier, abbé 424

- Bernis, cardinal F. J. de Pierres de 377, 378
 Berryer de Ravenoville N.-R. 342, 344
 Berthier 229, 236
 Berthier G. F. 54, 55
 Bertinois, Ch. Fr.-M. Moïsnel, sieur de 78, 121—123, 130—132, 384, 387
 Bertrand 118, 120
 Bertrand G. 307
 Berzelius J. J. 308
 Besterman Th. 5—7, 9, 11—15, 22, 24—30, 34, 43, 48, 54, 56, 59, 61, 63, 67, 71, 74, 98, 110, 111, 122, 136, 148—149, 156, 160, 162, 163, 168, 169, 174—176, 183—197, 217, 219, 238, 239, 246, 254, 301, 303, 304, 306—308, 341, 342, 344, 346—391, 394, 397—401, 404, 430, 431, 433, 434
 Betzky I. I. 73, 74, 354
 Beuchot A. 253—255, 283, 286, 301, 333, 334, 336—340, 387—389
 Bezborodko A. A. 260, 273, 275
 Bigex S. 249, 357, 365
 Billot, m^{me} 262—265, 267, 268, 270
 Birembaut A. 433
 Blin de Sainmore A.-M.-H. 28, 354
 Boileau-Despréaux N. 218, 224, 225, 231
 Boin, avocat 300
 Bonnefon P. 176, 301—304
 Bonnet, curé 308
 Bontems frères Mallet et Cie 280, 281, 282
 Borde Ch. 15, 348
 Botteville de 16, 358
 Bottiglia W. F. 339
 Boudot, maître 100
 Bouflers, chevalier de 173, 354
 Boulanger N.-A. 15
 Boullenois, m^r 79, 80, 86—88
 Bouquet, m^{lles} 433
 Bourcet de 284, 322, 336
 Bourcet de, le jeune 255, 303
 Bourgeois N.-L. 23
 Bouteillon, sr 420, 421
 Bovet, collection 48
 Brenles de 301
 Breteuil L. Ch. A., baron de 351
 Brou, m^r de 81, 88
 Broutel, juge 80, 87, 128, 129
 Brown, gouverneur de Riga 302
 Buffon, G.-L. Leclerc, comte de 426
 Bussy-Castelnau Ch. J., marquis de 75, 106, 107, 355, 395, 401
 Buxtorf 424
 Cabanis 111, 112
 Cailly de, chevalier 230, 237
 Calas, famille 229, 237, 285
 Calas Jean 97, 98, 102, 105, 108, 109, 183, 285, 306, 396, 403, 428
 Callières de l'Estang 158, 159, 389
 Cambry de Kyausquer 134, 135, 387
 Campi, comte 385
 Carin, m^r 115, 117
 Casvalthide, m^r 69, 71
 Catherine I. impératrice de Russie 222, 223
 Catherine II, impératrice de Russie 6—8, 10, 11, 15, 27, 74, 156, 174—213, 216, 217, 219, 221, 222, 224, 227—230, 234, 235, 237—242, 245—247, 251, 252, 256—259, 261—268, 270, 273—284, 286, 296—298, 302—306, 311, 321, 322, 324, 331, 335—337, 340, 352—356, 358—390, 429—431, 434, 435
 Catherine de Bologne 228, 235
 Catherine de Sienna 228, 235
 Caton 134, 145, 435
 Caussy F. 14, 29, 78, 98, 107, 115, 253, 301, 341, 347, 365, 396, 399, 400
 Cavendish Frederic 69, 71
 Cayrol 255
 César 318, 358
 Chabanon, M. P. Gui de 355
 Chambonin, m^{me} de 342
 Charavay E. 48, 156, 162, 239, 303, 348, 386, 389, 391
 Charavay E., fils 302
 Chardon 357
 Charles II roi d'Angleterre 154
 Charles V, empereur 164, 165, 335
 Charles VI, empereur 293
 Charles XII, roi de Suède 336
 Charles d'Anjou roi de Sicile 320
 Charles Philip Theodore von Sulzbach, électeur Palatin 22, 315, 328, 350
 Charles le Téméraire 337
 Chastellux F.-J., marquis de 256, 331, 340
 Chateaugiron, comte 63
 Chaudon L.-M. 252
 Chaulieu G. Amfrye de, abbé 350
 Chaumeix Abr.-J. de 53, 55
 Chauvelin J. B. marquis de 21, 23, 50, 51, 350
 Chauvelin, marquise de 50
 Chazot de 309
 Cheron, m^r 162—165
 Cheron, femme 162, 163
 Chesterfield, Ph. Dormer Stanhope, comte de 329
 Chicaneau de Neuillé D. P. 229, 237

- Choiseul E. F., comte de Stainville, duc de 22, 53—55, 315, 355, 370
 Choiseul, L. H. Crozat Du Châtel, duchesse de 359, 360, 362, 365, 371
 Chouvalov A. P. 154, 156, 158, 376, 383, 389
 Chouvalov I. I. 12, 23, 24, 28, 57—60, 62—64, 154, 156, 159, 160, 251, 257, 262, 265, 348—351, 362—365, 380, 391
 Chouvalov P. P. 63
 Christian VII, roi de Danemark 372
 Christin, avocat 306
 Christine, reine de Suède 288, 289, 307, 310, 322, 336
 Cicéron 229, 237
 Cideville, P. R. Cornier 341
 Citeaux, abbé de 81, 83, 84, 89, 91, 92
 Clairault A. Cl. 285, 347
 Claudine 103, 105
 Clément J. M. B. 331
 Coger F. M. 134
 Colbert J.-B. 137, 144
 Collini Cosimo Alessandro 249, 301, 315
 Condé, Louis II prince de, dit le Grand 288, 289, 291, 293, 306, 307, 310, 322, 336
 Condorcet, A. Caritat, marquis de 12, 124, 253, 257, 385
 Constantin I, empereur 253
 Cook J. 321
 Cootte, général 411, 412
 Corneille M. F., m^{lle} 66, 68, 349, 359
 Corneille P. 46, 61, 95, 229, 236, 352
 Cramer Gabriel 74, 75, 252, 262, 264, 266, 267, 301, 302, 333, 355, 395
 Cramer, m^{me} 262, 264, 266, 267
 Crébillon, Cl.-P. Jolyot de 167, 168
 Crillon, chevalier de 409, 413
 Croismare de, lieutenant-général 70, 73
 Crowley F. 301
 Cucé, marquis de 70, 72

 Dacier A. 95, 96, 359
 Daiguebaire cm. Aigueberre J. D. d'
 Damilaville E.-N. 323, 337
 Daniel 69, 70, 73, 353
 David, capitoul de Toulouse 115, 116
 De Beer, sir Gavin 404
 Decroix L. P. 252—255, 283, 284, 286, 301, 302, 306, 334, 337, 339
 Delalain 136, 137
 Delattre André 28, 59
 Delon, m^{lle} 51—53
 Démosthène 229, 237
 Denis M. L., m^{me} 15, 19, 30, 50, 51, 54—56, 61, 66, 68, 103, 106, 112, 114, 129, 130, 159, 161, 184, 187, 249, 250, 252, 254, 260, 262, 264, 266, 267, 269, 284, 286, 305, 336, 348, 361, 363, 376, 387, 388, 391, 429, 430
 Deodati de Tovazzi D. L. 354
 Dequesne, m^r 132, 133
 Descartes René 225, 231
 Desforges-Maillard P. 342
 Desnoiresterres G. 303
 Devaux F. A. 16, 43, 45—47, 342
 Diderot Denis 8, 26, 176, 191, 245, 257, 383, 401, 403
 Diogène 219, 227, 233
 Dolgorouki, prince 376
 Dorat Cl. J., m^r 155—158, 370
 Douville, m^r 113—117, 119, 129
 Droysen H. 15
 Dubois, collection F. 346
 Dubrunfaut, vente 348
 Du Buit 150, 151, 153, 389
 Du Châtelet-Lomond, Cabrielle Emilie Le Tonnelier de Breteuil, marquise 10, 34, 43, 45, 162, 164, 165, 170, 293, 301, 310, 318, 326, 334, 338, 342, 343
 Du Chesne, éditeur 333
 Ducroisy 255
 Du Deffand, Marie de Vichy de Chamrond, marquise 347, 352, 357, 359, 360, 365—367, 379, 380
 Du Grad, m^r cm. Eschichens
 Dumaisniel, fils 82, 83, 90, 91, 111, 127, 128, 130, 131
 Dumaisniel, m^{me} 114, 117, 119, 127, 128, 130, 131, 384, 386
 Dumaisniel de Belleval, m^r de 117—122, 126—128, 130, 131, 387
 Dumoulin 39, 41
 Dupaty Ch. M. 359
 Du Peyrou 300
 Duplex de Bacquencourt 388
 Du Pont de Nemours P. S. 387
 Dupuits de La Chauv, P. J. Cl. 129, 130, 358
 Dupuits, m^{me} cm. Corneille M. F., m^{lle} Durey, avocat 306
 Durey de Meynières J. B., président 10, 161—166, 170, 171, 341, 342, 344
 Durey de Meynières, Octavie Guichard, dame Belot 163
 Dury, général 69, 71
 Du Saugy 260, 269, 271, 272, 274, 276, 280, 281, 304
 Duvivier, m^{me} cm. Denis, m^{me}

- Eck, m^r d' 268, 270, 271, 272
 Édouard I, roi d'Angleterre 320
 Eiler J.-A., le jeune 216
 Élie de Beaumont, A.-L. Dumesnil-Mo-
 lin, m^{me} 101, 104
 Élie de Beaumont, J.-B.-J. 9, 99, 104,
 364
 Elisabeth, princesse d'Anhalt-Zerbst 49,
 189, 344
 Elisabeth I, reine d'Angleterre 220
 Elisabeth, impératrice de Russie 216,
 222, 223
 Entremont, marquise d' 108, 110, 375
 Enville (Anville), duchesse d' 386
 Epinay, L. Fl. Petr. de Tardieu
 d'Esclavelles, m^{me} d' 346, 347, 382
 Erlach comte d' 388
 Eschichens d' 97—99, 359, 386
 Esope 136, 137
 Estaing Ch. H., comte d' 362, 408
 Etallonde, J. M. B. Gaillard d' 9,
 77—80, 87, 118, 120—124, 357
 Etienne VI, pape 319
 Etienne VIII, pape 319

 Fabre, m^r 271, 272
 Falconet E.-M. 26, 27, 176
 Fekete J. 356
 Fénelon, Fr. de Salignac de La Mothe
 243
 Ferrner Bengt 17
 Feydau de Brou, abbesse 9, 79, 86,
 110—112, 114—117, 119, 132,
 358, 383, 387
 Feydeau de Marville C. H. 81, 82, 89,
 90
 Figuier 111, 112
 Fleury A.-H., cardinal de 293
 Florian, M. E. de Dompierre de Fon-
 taine, marquise de 111, 112, 115,
 117—119
 Florian, Ph. Ant. de Claris, marquis
 de 110—112, 114, 117, 126, 129,
 130, 383, 384, 386, 387
 Fontaine de, major 79, 87
 Fontius M. 307
 Formont, J. B. N. de 31, 34, 254, 341
 Framicourt 124, 129, 387
 François I, roi de France 164, 165
 Franklin B. 26
 Fredenheim Carl-Fredrik 256, 259,
 288—295, 297—299, 306—311,
 392, 431
 Frédéric II, roi de Prusse 14, 24, 48,
 66, 68, 124, 171, 172, 177, 195,
 207, 208, 215, 220, 289, 291—
 295, 297—299, 306, 307, 309—
 311, 319, 334, 346, 357, 384, 392,
 431
 Gail Davis, collection 28
 Gaillandre, collection 186
 Galiani F., abbé 15
 Garasse F., père 229, 236, 237
 Gard prieur du 81, 89
 Gaudion, professeur 76, 77
 Gaullieur 301
 Gika Gregoire 364
 Gille B. 306
 Gilmore, chevalier 64, 71
 Gobet S. m^{me} 178—180, 188, 344, 430
 Goezman de, m^{me} 118, 120
 Golitzin D. M. 12, 27, 29, 67, 197,
 356
 Golowkin A. G. 57, 59, 349
 Gondalier Ursule-Scholastique, femme
 Tirpont 121, 122
 Gourio de Refuge, collection 48
 Govers D. 162—165
 Graffigny, Fr. P. d'Issembourg, m^{me} de
 15, 16, 43
 Grauert W. H. 307
 Grétry A. 334
 Grimm Frederic Melchior, baron von
 15, 30, 160, 161, 176, 177, 187,
 191, 197, 251, 252, 257—259, 261,
 263, 268, 270, 282, 301, 303—
 305, 391, 392, 429
 Guet du, abbé 424
 Gustave III, roi de Suède 288, 290,
 291, 299, 377

 Haller A. von 15, 331
 Hallie C. Blake, collection 349
 Hammon von cm. Ammon d'
 Happoncourt 15
 Haroun al-Rachid (Aaron al Raschild)
 319
 Havens G. R. 305
 Hellot J. 59, 433
 Helvétius Cl. A. 15, 16, 352, 355,
 405, 422, 424, 431
 Henault Ch. J. Fr. 16, 301
 Hennin P. M. 404
 Henri IV, roi de France 141, 146
 Henri V, empereur 320
 Henri, prince de Prusse 15, 251, 262,
 265, 314
 Hertz E. 124, 396, 397, 400
 Hertzberg E.-F. von 293, 299
 Heyder banquier 280, 281
 Hildpurghausen, prince de 310
 Holbach P.-H., baron d' 246
 Homère 34, 37, 43, 45—47, 225, 232,
 389, 425
 Hondt éditeur 59
 Horace 73, 74, 163, 427
 Hornon, bijoutier 268, 270

- Hornoy d' 124, 391
Houdetot, E. Fr. S. de La Live de Bel-
legarde, comtesse d' 15, 16
Houser J.-J. 202
Huber J. 382
- Innocent II, pape 320
Irène, impératrice de Byzance 319
- Jabłonowsky J.-A., prince de 10, 168,
169, 170, 342
Jacobson G. 307
Jacques de Vitry, évêque de Ptolémaïde
320, 335
Jaurès J. 259, 304
Jean XVI, pape 319
Jean XIX, pape 319
Jean I (Jean V) Paléologue, empereur
de Byzance 321
Jean II (Jean VII) Paléologue, empe-
reur de Byzance 321, 323, 336
Jèze 153, 154, 389
Jolly, collection 239
Jordan Ch. E. 293, 297
Juvigny 167, 168
- Keyserlingk, baron Dietrich von 24,
309
Kienlong (?), empereur de Chine 212,
213
König S. 215, 220
Koser R. 15
Koslowski 359, 371
Krose, capitaine 371
- La Barre L. Fr. Lefèvre, chevalier de
9, 79, 86, '87, 112—122, 124,
132, 183, 358, 403, 430
La Beaumelle L. A. de 215, 220
La Condamine Ch.-M. de 48, 344
La Fayette M.-J., marquis de 259
Laferrière 260, 271, 272
La Harpe, J.-Fr. de 132, 133, 155,
156, 157, 158, 246, 255, 262, 265
La Heuse, comtesse de 106—108, 397,
399, 400
Lalande, J.-J. Le François de 304
Laleu G. Cl. 349
Lally, Thomas-Arthur de, baron de
Tollendal 9, 81, 88, 106, 107, 124,
256, 394—397, 399—403, 405—
415, 430
Lally, Trophime-Gérard de, baron de
Tollendal, fils 16, 106, 107, 368,
394, 396, 397, 399—401, 403,
405, 415, 431
La Marre 29, 38, 39, 249, 257, 331,
340, 341
- Lambert Michel 75, 395
La Mure de, médecin à Montpellier
119, 120
Landry 262, 264, 265, 267, 268, 270
La Roque éditeur 42, 44
La Sauvagère F. F. de 388
La Tour de, abbé 350
La Tramblaye, chevalier de 350
Lauragais, comte de 334
La Vallière, L.-César de La Baume le
Blanc, duc de 16, 315, 332
Lavaure, jésuite 400, 407, 410
Laverdet, vente 346
Le Brigant J., avocat 390, 404
Lebrun P. D. 123, 124, 349
Le Febvre de Viller, juge 127, 128
Leforté M., consul russe à Marseille
197
Lefranc de Pompignan J. J., marquis
51, 52, 332
Leibniz G. W. 326
Lekain H. L. Cain, dit 16, 170, 254
Le Roi, abbé 229, 236
Lesczynski Stanislas, roi de Pologne 16,
60, 169, 306, 315, 322, 336
Lesczynski Marie, reine de France 115,
116, 306, 322, 336
L'Estrade 179
Levasseur Pierre 30, 351, 402, 403,
415, 420, 421, 431
Le Vassor M. 220
Leyrit (Layrit), sieur de 409—411, 413
L'Huillier-Marigny 352
Liepmanssohn, vente 54, 67, 76, 348,
351
Ligne, Ch.-J., prince de 257
Linant Michel 34, 249, 257
Lindberg Sten G. 17
Linguet S. N. H. 124, 130, 131
Locke J. 321
L'Oiseau, m^r 129
Longchamps Sébastien 249, 254, 284,
301, 303, 304, 306
Lortholary A. 187
Louis II le Bègue, empereur 225, 231
Louis IX, roi de France 336
Louis XII, roi de France 337
Louis XIII, roi de France 220
Louis XIV, roi de France 66, 68, 171,
172, 206, 207, 215, 220, 288, 306
Louis XV, roi de France 140, 145,
255, 303, 336, 394, 397, 399, 405,
412, 414
Louis XVI, roi de France 187
Louise-Ulrique, reine de Suède 288, 289,
293, 307, 308, 310
Luchet, J.-P.-L. de La Roche du Maine,
marquis de 261, 264
Lucrèce 427

Lwov 260
 Lyders, m^r 268, 270

Mahadi, calife 319

Mailhe 153, 154, 389
 Mailllefeu de 121, 122

Maine, Louise de Bourbon, duchesse du 255

Mainssonat de 390

Malesherbes, Chr.-G. de Lamoignon de 16, 386

Malesieux de, m^r 33, 37

Malespina 321

Marat J.-P. 340

Marc-Antoine 358

Marie-Antoinette, reine de France 191

Marie-Thérèse, reine d'Autriche 383

Marin F. L. Cl. 106, 368, 370, 397, 399, 400, 401

Marmontel J.-Fr. 176

Martin, m^{lle} 75, 77

Marville de cm. Feydeau de Marville

Maupeou R.-N. de, chancelier 30, 123—125, 369, 397

Maupertuis, P.-L. Moreau de 215, 220, 346

Mayans-y-Siskar 351

Maynard 42, 44

Mécene 51, 52, 73, 74

Médecis, famille 206, 207

Medini, comte de 386

Mehemet, visir 374

Meinhardt G. 301, 302, 303

Mennander, archevêque d'Abo 290

Merigot, le jeune 398, 407

Meynières, m^{me} de 10, 16

Meynières cm. Durey de Meynières

Mirabeau, V. Riqueti marquis de 16

Mirabaud J.-B. de 347

Mirbeck de 148, 149, 388

Mithridate 42, 44

Modave, m^r de 319, 334

Moisnel cm. Bertinois, Ch. Fr. M. Moïsnel, sieur de

Moland L. 6, 12, 21, 22, 25, 63, 175—177, 184, 186, 187, 215, 253—255, 301, 313, 333—340, 342, 344, 346, 347, 349—391, 434

Moncrif F. A. 39, 41

Montmorin-Saint-Hérem A. M., comte de 187

Montaigne, M. Eyquem, seigneur de 220

Montaigu, comte de 70, 72

Montboissier de, m^r 100

Montcalm, marquis de 70, 72

Montesquieu, Ch. de Secondat, baron de 16, 330, 340

Montfort chevalier de 365

Morand 391

Morellet A., abbé 15, 16, 54

Morival cm. Etallonde

Mounier Sophie 16

Moursou Oglou, visir 378

Moustapha, sultan 194, 198, 199, 201, 202, 361, 364, 372, 374, 384

Muio, marquise 50, 51

Müller G.-F. 12, 197, 216, 217, 230, 342, 350, 351, 382

Muman, s^r de 387

Naigeon J. A. 301

Nathalie Alexeievna, fille d'Alexei Petrovitch 388

Necker J. 368

Necker S., m^{me} 367

Neully, libraire 42, 44

Newton, sir Isaac 313, 326, 337, 338

Nicéphore I, Logothète, empereur de Byzance 319

Nivernois, m^r de 424

Nyman T. 291, 307

Orleans, évêque d' 81—85, 89—94

Orlov Al., comte 377

Orlov Gr., comte 183, 359, 364, 371, 374, 378

Orlov, frères 185, 370

Ormesson d', président 79, 80, 86—88

Othon II, empereur 335

Othon III, empereur 335

Othon IV de Brunswik, empereur 320

Ovide 326, 424

Palatin, électeur cm. Charles... électeur Palatin

Palteau, m^r de 306, 324

Panckoucke 176, 250, 252—254, 261, 262, 264, 284, 286, 287, 305, 306, 362

Panin N. I. 202, 357

Papillon, m^r 278, 279

Parke-Bernet, vente 349

Pascal II, pape 320

Paquier 390, 399

Paulet, m^r, médecin 357, 358

Peigné, chanoine 125, 126, 386

Pelot, m^r 80, 88

Perà, frères 103, 105

Perrachon, m^r 278, 279

Pezay, chevalier de 355, 385

Pezzana Joseph, abbé 135—137, 388

Phidias 367

Philibert Claude 346

Philippe, roi de Macédoine 227, 234

Pictet F.-P. 7, 11, 12, 60, 61, 65, 66, 68, 217, 219, 238, 239, 257, 351, 352, 431

- Pictet, famille 352
 Pierre I le Grand, empereur de Russie
 5, 7, 17, 58—60, 65, 67, 184,
 221—223, 228, 235, 336, 348, 349,
 350, 382
 Pierre III, empereur de Russie 64
 Pigalle J.-B. 367, 368
 Pie VI, pape 247
 Piranesi G. 290, 291
 Piron A. 301
 Platon 139, 145, 292, 294, 329, 339
 Polignac chevalier de 70, 72
 Pomeau R. 235, 303, 306, 336, 339
 Pompadour, J. A. Poisson, marquise de
 255, 333
 Pompignan, m^r de cm. Lefranc de Pom-
 pignan
 Pouchkin 58, 59
 Pougatchev E. I. 181, 387
 Powley 69, 71
 Praslin, César G. de Choiseul, duc de
 315, 331
 Prault L. Fr. 29, 164, 165, 333
 Prévost d'Exiles A. Fr., abbé 16, 403
 Propiac C. J. F. Girard de 22
 Proust J. 111
- Racine J.** 330
 Raphael 31, 35, 225, 232
 Rasoumovsky K. G. 344
 Raynal G. Th.-Fr., abbé 16, 382, 401
 Repnin N. V. 356, 357
 Rey M. M. 77, 78
 Reynaud, s^r 261, 263
 Ribaupierre 211, 212, 280, 281
 Ricaud 47, 342
 Ricci S. de, collection 177, 187, 189
 Riccoboni m^{me} 16
 Richelieu, L. F. A. du Plessis duc de
 16, 382
 Richelieu, A.-J. du Plessis, cardinal de
 70, 72
 Ripert-Monclar 16
 Robert, avocat 29
 Robinet J.-B. R. 354
 Robinson, m^r 293
 Rochefort, comte de 380
 Roguin Aug.-G. 433
 Rollin Ch. 169
 Roman J.-J. 351
 Rosset P. F. de 385
 Roubaud P. J. A. abbé 361
 Roumenzov A. P., comte 15, 368, 369,
 374, 383
 Rousseau J.-J. 16, 26, 191, 215, 220,
 261, 264, 299, 300, 330, 403, 433
 Rouville F.-B., baron de 51—53, 348
- Sabatier de Castre 16
 Saint Aubin, m^r 82, 90
 Saint-Lambert J. F., marquis de 16
 Saint-Pierre, Ch. Irénée Castel, abbé de
 55, 56, 262, 264, 329
 Salluste 427
 Salmorenc C. Galien de 197, 198, 249,
 257
 Saltykov B. M. 12, 58, 59, 73, 74,
 348—350
 Sapiéhy, collection 168—170
 Saucourt, juge 79, 80, 87, 114, 116,
 127, 128, 131, 132
 Saurin Joseph 331, 340
 Sauvigny, m^{me} 98, 118, 120, 386
 Saveuse de 121—123
 Say comte de 373
 Schomberg, comte 366
 Segrain J. R. de 31, 34
 Sénac de Meilhan G. 176
 Sergy famille 239
 Servet M. 404
 'S-Gravesande W. J. 341
 Sirven P.-P. 9, 97, 98, 101, 102, 104,
 105, 124, 403, 430
 Slodtz 16
 Soubise, Ch. de Rohan, prince de 310
 Souchay Isaac 189, 202
 Soumarokov A. P. 108, 109, 377, 380
 Soupire, chevalier 395, 412
 Sourton 378
 Stanislas Auguste Poniatowski, roi de
 Pologne 378
 Stelin 216
 Stuard, m^r 424
 Suard J. B. Ant. 15
 Sudre, avocat 366
 Suger 138, 144
 Sully, M. de Béthune, baron de Rosny,
 duc de 138, 141, 144, 146
- Talmont, M. Jabłonowska, princesse de**
 375, 377
 Tasse 34, 37, 45, 46, 389, 428
 Tchoglokov 185, 201—203, 373
 Thibouville 23
 Thieriot (Thiriote) N. Cl. 22, 301,
 341, 346
 Thomas A. L. 16
 Thorman 388
 Thou Fr., de 397
 Thuillier G. 433
 Tite-Live 399
 Titien 225, 232
 Torrey N. L. 339
 Tourne de, m^r 74, 75
 Travenol L. Ant. 16, 168
 Tressan, L. E. de La Vergne, comte de
 336

Tronchin Fr. 26, 27, 251, 301
Tronchin H. 301
Tronchin J. R. 23, 349
Tronchin Th. 225, 232
Trublet N.-Ch.-J. 54, 55
Trudaine D. Ch. de 171, 172
Turgot, A.-R.-J., baron de L'Aulne
139, 140, 145, 304

Urbain II, pape 320
Urbain V, pape 321
Urbain X, pape 328
Ussé, L.-S. Bertin de Valentinié, mar-
quis d' 16, 41, 43, 45, 341

Vadé Catherine 54, 55
Vadé J.-J. 54, 55
Vaucelle de, abbé 83, 91
Velly P.-F., abbé 321, 332, 336
Venturi F. 174, 246, 247
Vernes, pasteur 299, 300
Vernet Jacob 346
Vernon, collection 301
Vesselovsky A. P. 261, 264
Vesselovsky F. P. 346
Vesselovsky Isaac 214, 215, 219—221,
344
Vesselow cm. Vesselovsky A. P.
Villers de 80, 87
Villette, Ph. de Valois, marquis de 262,
264, 405, 428
Villoison, J.-B. d'Ansse, de 16
Virgile 31, 34, 35, 37, 45, 46, 51, 52,
73, 74, 226, 233, 427

Voisenon C. H. de Fusée de 16
Volney C., comte de 246

Wächter 206, 207
Wade Ira O. 177, 178, 189, 339
Wagnière Catherine 263, 265
Wagnière J. L. 12, 13, 19, 28, 30, 86,
111, 173, 176, 178, 195, 197,
249—289, 291—313, 322, 333—
340, 347, 349—351, 353—355,
357—362, 364—373, 375—380,
382—387, 390—393, 399—400,
404, 429, 431, 434
Wagnière Rose Susanne 304, 392
Walsingham F. 220
Walther Georg C. 10, 169, 307
Weissman, général 197, 378
Willaume, m^r 311
Wolf, général 70, 72
Woronzow A. R. 12, 27, 30, 53—56,
60—61, 75—77, 189, 197, 238,
239, 242, 251, 252, 256, 257,
259—281, 284, 285, 301, 302, 304,
305, 348, 350, 351, 354, 356, 357,
392, 429, 431
Woronzow M. L. 61, 214, 215, 219—
221, 344, 346
Woronzow S. R. 262, 265, 273, 275

Yorck, duc d' 69, 71

Zinowiewf 260, 273—275

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
Новая серия текстов вольтеровской переписки	5
Раздел I. Письма к Вольтеру. Письма Вольтера (<i>дополнения</i>) . . .	19
Вводная статья. Пополнение информации об элементах корреспонденции Вольтера (19). Тексты, комментарии и переводы писем к Вольтеру и о Вольтере (31). Тексты, комментарии и переводы писем Вольтера, выявленных в СССР после 1956 г. (161).	
Раздел II. Переписка Вольтера с Екатериной II	174
Вводная статья (174). Сводка о документах переписки Вольтера с Екатериной II, данная в издании Бестермана (186). Суммарное описание основного собрания переписки Екатерины II с Вольтером (188). Тексты и переводы (198).	
Раздел III. Из петербургских откликов	214
Из писем М. Л. Воронцову от Исаака Веселовского (219). «Мнение января 1773 г.» (221). Памфлет 1763 г. (224). Переписка Пикте (238). К изданию русского перевода переписки Вольтера и Екатерины II (239).	
Раздел IV. Ваньер и текстологическое значение его замечаний на Кельское издание сочинений Вольтера	249
Вводная статья (249). Документы (261). Текст «Заметок и примечаний» Ваньера и комментариев к ним (312).	
Раздел V. Хронологический обзор	341
Приложения (1—8)	394
Sommaire (Резюме)	429
Список сокращений	432
Добавления и исправления к изданию «Новые тексты переписки Вольтера. Письма Вольтера». М.—Л., 1956	433
Именной указатель	437

НОВЫЕ ТЕКСТЫ ПЕРЕПИСКИ ВОЛЬТЕРА
ПИСЬМА К ВОЛЬТЕРУ

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства Р. К. Паэгле
Художник С. Н. Тарасов
Технический редактор О. А. Мокоева
Корректоры К. И. Видре,
Р. Гершинская и А. И. Кац

Сдано в набор 9/1 1970 г. Подписано к печати 28/VII 1970 г. Формат бумаги 60 × 90^{1/16}. Бум. л. 14. Печ. л. 28 = 28 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 32.53. Изд. № 3842. Тип. зак. № 651. М-10140. Тираж 2300.
Цена 1 р. 95 к.

Ленинградское отделение издательства „Наука“
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства „Наука“.
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
261	4-я снизу	le Monsieur	de Monsieur
268	2-я „	bionfaictrice	bienfaictrice
348	3-я „	53/54	53—54
406	13-я „	un jnfame	un infame

Письма к Вольтеру

1 р. 95 к.